

СБОРНИКЪ МАТЕРІАЛОВЪ
ДЛЯ ОПИСАНІЯ
МѢСТНОСТЕЙ И ПЛЕМЕНЪ КАВКАЗА.

Изданіе Управленія Кавказскаго Учебнаго Округа.

ВЫПУСКЪ СЕМНАДЦАТЫЙ.

ТИФЛИСЬ, 1893.

Типографія: Канцелярія Главнотамъствующаго гражданскою частью на Кавказѣ
и Козловскаго.

Оглавленіе.

Предисловіе.— <i>Л. Лопатинскаго</i>	Стр. I—XVI.
--	----------------

Отдѣль I.

Князь Пшсѣкой Аходягоко.— <i>Ханъ-Гирея</i>	1—43
Озеро Кели и его окрестности.—Преподавателя Ставропольскихъ женскихъ гимназій <i>Н. Динника</i>	44—72
Село Кварели.—Бывшаго учителя Кварельскаго двухкласснаго училища <i>Е. Зединидзе</i>	73—89
Селеніе Карвахъ.—Учителя Ваціанскаго сельска- го училища <i>К. Григорова</i>	90—103
Село Геовалдара.—Смотрителя Джагринскаго двух- класснаго земскаго нормальнаго училища <i>А. Теръ-Мар- карова</i>	104—118
Селеніе Барда.—Учителя Касапетскаго училища <i>Г. Оситова</i>	119—137
Селеніе Ахты.—Учителя Ахтинскаго сельскаго учи- лища <i>Д. Бабаева</i>	138—148
Ксаверіо Главани.—Описаніе Червесіи 1724 г. Переводъ и примѣчанія <i>Е. Г. Вейденбаума</i>	149—190
Замѣтка о трехъ армянскихъ надписяхъ, помѣ- щенныхъ въ XIII выпускѣ Сборника <i>Н. Марра</i>	191—197

Отдѣль II.

Повѣрья ногайцевъ.—Завѣдующаго Мансуровскимъ нормальнымъ сельскимъ училищемъ <i>М. Алейникова</i>	1—14
Народные обычаи и повѣрья гурійцевъ. <i>Въ двухъ частяхъ</i> .—Инспектора Горійскаго городского училища <i>Т. Мамаладзе</i>	15—123
Повѣрья грузинъ Телавскаго уѣзда.—Учителя Те- лавскаго городского училища <i>І. Степанова</i>	124—143

Картвельскія повѣрья.—Учителя грузинскаго языка въ Тифлисскомъ реальномъ училищѣ <i>М. Джанашивили</i>	144—173
Изъ повѣрій, предразсудковъ и народныхъ примѣтъ армянъ Эчмиадзинскаго уѣзда.—Смотрителя Баяндурскаго училища, священника <i>Г. Бунатова</i> . . .	174—192
Изъ повѣрій, предразсудковъ и народныхъ примѣтъ армянъ Зангезурскаго уѣзда.—Смотрителя Арцеваникскяго нормальнаго училища <i>Е. Меликъ-Шахназарова</i>	193—201
Изъ космогоническихъ повѣрій талышинцевъ Ленкоранскаго уѣзда.—Учителя Ленкоранскаго двухкласснаго училища <i>Т. Байрамъ-Амбекова</i>	202—204
Изъ повѣрій татаръ Шемахинскаго уѣзда.—Учителя Бакинскяго II русско-татарскяго школы <i>М. Эфендіева</i>	205—218
Нѣкоторыя свѣдѣнія о сектѣ «Али-Аллахи».—Бывшаго учителя Нахичеванскаго городскаго училища <i>Ф. Султанова</i>	219—221

ОТДѢЛЪ III.

Кумыкскіе тексты.	
Шікестелер.—Записаны учителемъ <i>Цаллаговымъ</i> .	3—33
Кумыкскія пѣсни.—Записаны завѣдующимъ Костевскимъ училищемъ <i>М. Аванасьевымъ</i>	34—55
Начало гуэинскяго пѣсни.—Сообщено <i>Е. Г. Вейденбаумомъ</i>	58—59
Кое-что о кумыкахъ и объ ихъ языкѣ	60—63
Русско-кумыкскій словарь <i>М. Г. Аванасьева</i> .	1—48
Кумыкско-русскій словарь <i>М. В. Мохира</i> . . .	49—95

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ I отдѣлѣ настоящаго Сборника помѣщены главнымъ образомъ статьи *описательнаго* содержания. Прежде всего слѣдуетъ отмѣтить статью „Озеро Кели и его окрестности“ г. Динника, изучившаго основательно въ своихъ многочисленныхъ путешествіяхъ природу Кавказа; далѣе идутъ *программныя описанія* слѣдующихъ селеній Тифлисской и Елисаветпольской губерній: Кварели, Карзахъ, Геозалдара, Барда и Ахты. Другой характеръ имѣетъ помѣщенная въ самомъ началѣ отдѣла біографическо-бытовая статья, подъ заглавіемъ: „Князь Пщеской Аходягоко“, принадлежащая перу извѣстнаго въ свое время на Кавказѣ флигель-адъютанта Ханъ-Гирея, природнаго черкеса, который еще въ сороковыхъ годахъ старался прославлять подвиги своихъ соотчичей нѣсколькими подобными же монографіями *); статья эта передана редакціи А. Н. Греномъ. Особеннаго вниманія заслуживаетъ старинное описаніе *Черкесіи* Ксаверіо Главани, любезно сообщенное редакціи въ спискѣ того времени Е. Г. Вейденбаумомъ и сопровождаемое цѣнными его примѣчаніями. Въ замѣткѣ приватъ-доцента С.-Петербургскаго университета г. Марра о трехъ *армянскихъ надписяхъ*, помѣщенныхъ въ XIII выпускѣ Сборника, восстановленъ истинный смыслъ нѣкоторыхъ мѣстъ надписей, при чемъ приведены вѣскія доказательства въ пользу подлинности двухъ изъ нихъ.

* * *

Во II отдѣлѣ помѣщены статьи *этнографическаго* содержания. Весьма богатый матеріалъ заключается въ статьѣ г. Ма-

*) Статьи Ханъ-Гирея перечислены въ прим. на стр. 1 Сборника.

маладзе, подъ заглавіемъ „Народные обычаи и повѣрья гурійцевъ“, но не менѣе любопытны и другія статьи, а въ особенности „Картвельскія повѣрья“ г. Джанашвили. Во всѣхъ этихъ статьяхъ отмѣчены нѣкоторыя черты народно-бытовой жизни картвельцевъ, армянъ, талышинцевъ, татаръ и ногайцевъ. Собранный матеріалъ еще далеко не полный; поэтому, сдѣлать болѣе или менѣе точные выводы оказывается преждевременнымъ. Излагаю теперь только то, что можно было извлечь изъ помѣщенныхъ здѣсь статей.

Космогоническія повѣрья народовъ христіанскаго и магометанскаго вѣроисповѣданій различаются въ нѣкоторыхъ существенныхъ чертахъ. Въ разныхъ уголкахъ Грузіи, Гуріи и Сванетіи духовно-созерцательная жизнь осталась почти прежняя—языческая. Если въ область языческихъ преданій и проникли новыя идеи христіанства, то онѣ истолковываются невѣрно и перемѣшаны весьма грубо, неосмысленно, безъ всякой почти внутренней связи, съ языческими формами. По преданію грузинъ и свановъ, въ *созданіи міра* Богъ встрѣчаетъ неодолимые препятствія, и на сцену выступаетъ дьяволъ, желающій воспользоваться затруднительнымъ положеніемъ Творца: между ними завязывается борьба, вслѣдствіе которой злой духъ (у свановъ Самаль) принимаетъ дѣятельное участіе въ мірозданіи (стр. 124, 125, 144). Это отголоски иранскихъ сказаній о борьбѣ боговъ—свѣтлаго (Ормузда) и темнаго (Аримана). Такимъ образомъ, дуалистическій типъ этихъ преданій выступаетъ довольно рельефно*). Въ преданіяхъ магометанъ (ногайцевъ, талышинцевъ) дуалистическая идея о совмѣстномъ творествѣ добраго и злаго началъ менѣе замѣтна,

*) Ср. Сванетскія легенды о сотвореніи міра, собр. Маргіани (Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа, вып. X). Слѣды того же самаго воззрѣнія замѣчаются кое-гдѣ среди великорусскаго народа (Очерки вѣрованій крестьянъ Елатомскаго уѣзда. Этнографическій Сборникъ, кн. II. 1889) и малорусскаго на Украинѣ и въ Галичинѣ (Афанасьевъ, Поэтическія воззрѣнія славянъ на природу, кн. II, XIX).

подходя ближе къ библейскимъ вѣрованіямъ, позаимствованнымъ магометанствомъ у евреевъ; согласно этимъ преданіямъ, злой духъ произошелъ не независимо отъ Божества, но вслѣдствіе паденія ангеловъ: его роль въ мірозданіи болѣе скромная — служебная (стр. 3, 4, 204). Горы и вообще всѣ *неровности* на земной поверхности, по повѣрью грузинъ и свановъ, — это дѣло рукъ злого духа *) и служатъ ему мѣстопробываніемъ (стр. 125, 146), по повѣрью же ногайцевъ, произошли отъ вдувшейся почвы вслѣдствіе дѣйствія огня (стр. 2).

Небо въ представленіяхъ грузинъ Телавскаго уѣзда и грузинъ-нигилойцевъ рисуется огромнымъ блестящимъ сводомъ, служащимъ мѣстопробываніемъ Бога съ ангелами, при чемъ сохранилось преданіе и о *раскрытіи* неба (стр. 115, 150); слѣды такого же преданія замѣтны также у татаръ Шемахинскаго уѣзда (стр. 205). Небо было тѣсно связано съ землею, такъ что между ними поддерживалось постоянное общеніе. Причина расторженія этой связи (грѣхопаденія) передается одинаково какъ грузинами, такъ и армянами, — это оскорбленіе святости Божьяго дара — хлѣба.

Солнце и луна, по грузинскому и армянскому преданіямъ, — это сестра и братъ **), при чемъ Высшее существо отождествляется у грузинъ съ матерью, а у армянъ — съ отцомъ ***) этихъ свѣтилъ (стр. 131, 146, 194); талишшицы же видятъ въ лунѣ и солнцѣ супруговъ, разошедшихся вслѣдствіе зангряванія

*) По повѣрью кубанскихъ казаковъ, горы произошли отъ того, что ангелы, снимая по приказанію Создателя землю, слишкомъ усердно принались за дѣло (Нѣсколько каз. пѣсней и повѣрій въ ст. Разшеватской. Сборникъ мат. по опис. мѣст. и пл. Кавк., в. III. 1888).

**) У грековъ солнце (Ήλιος) и луна (Σελήνη) называются братомъ и сестрою (Hesiod. Theog. 371); то же у малороссовъ (Этнографическія свѣдѣнія о Подольской губерніи, вып. I). Германское сказаніе представляетъ солнце (Frau Sonne) и луну (Nacht Mond) женщию и мужемъ, подобно литовцамъ (saule и menų). Такое же воззрѣніе встрѣчается у египтянъ, мексиканцевъ и другихъ народовъ (Абамасель. Поэт. возвр. сл. на пр. I, стр. 74).

***) Итальянская сказка выводитъ солнце и луну (sole и luna) дѣтьми одной матери; литовское преданіе называетъ солнце „Божьей дочкой“ (Ibid. I, стр. 75).

муха-луны не въ положенное время (стр. 203). *Фазы* луны объясняются тѣмъ, что она постепенно заслоняется отъ людей покрываломъ, надвигаемымъ на нее по волѣ Божьей (стр. 141), а темныя пятна—ударомъ по лицу ея рукою матери, мѣсившей въ то время тѣсто (стр. 131, 206); ногайцы, повидимому, не соединяютъ съ этими небесными свѣтилами никакихъ фантастическихъ представлений (стр. 4). *Затмения* солнца и луны объясняютъ грузины и сваны почти одинаково—преслѣдующимъ этихъ свѣтилъ дракономъ: *), желающимъ ихъ проглотить (стр. 141, 147); армяне и талышшанцы думаютъ, что затмения происходятъ вслѣдствіе подшучиванія чертей надъ солнцемъ и луной (стр. 194, 202); татары Шемахинскаго уѣзда видятъ въ немъ только предзнаменованіе грядущихъ бѣдъ (стр. 207), а ногайцы сообщаютъ и причину этихъ бѣдъ—небесную кару за разныя беззаконія (стр. 4). Неудобно замеченіемъ считалось также появленіе кометы (стр. 4, 141).

О другихъ небесныхъ свѣтилахъ сообщается въ повѣрьяхъ грузинъ Телавскаго уѣзда: по своей природѣ *звѣзды* только ласточкины гнѣзда, а назначеніе ихъ—указывать судьбу человѣка (стр. 140); съ судьбой человѣка связаны звѣзды и у татаръ Шемахинскаго уѣзда (стр. 206). Въ *подалышнихъ звѣздахъ* талышшанцы видятъ изгнанныхъ изъ рай земли духовъ (стр. 204), а татары—метательныя орудія ангеловъ, поражающихъ чертей (стр. 206); почти то же объясненіе дается и ногайцами (стр. 4). *Млечный путь*, по понятіямъ грузинъ Телавскаго уѣзда,—это слѣды прыжковъ оленя и медленной походки быка (стр. 127), а ногайцы считаютъ его высохшимъ русломъ небесной рѣки, свѣтящимся **) отъ множества драгоценныхъ камней (стр. 5).

*) Такое же объясненіе затмений борьбою свѣтиль боготъ съ темными даями и древніе славяне. „Погибе, съѣдаемо солнце“ вотъ обычное выраженіе, съ которымъ старинные летописцы относились къ солнечному затмению (Ibid. I, стр. 112).

**) Подобное объясненіе небеснымъ свѣтиламъ даетъ восточная фантазія и другихъ народовъ (Ibid. стр. 214).

Въ такихъ явленіяхъ природы, какъ *громъ* и *молнія*, народная фантазія грузинъ усматриваетъ выраженіе божественнаго гнѣва за оскверненіе хлѣба (стр. 127); у гурійцевъ, а также среди армянъ, культъ языческаго бога-громовника перешелъ въ христіанское почитаніе св. Георгія *), поражающаго дьявола (стр. 118); или Ильи-пророка (стр. 148, 194); сваны думаютъ, что громъ производится борющіеся между собою дѣвы, или что это дьяволы катаютъ мѣдные котлы (стр. 148); татары Шемахинскаго уѣзда того мнѣнія, что громъ происходитъ отъ стука копытъ коня архангела Гавріила (стр. 207), а ногайцы объясняютъ это явленіе природы паденіемъ нечистыхъ духовъ на землю (стр. 5). *Облака*, по вѣрованіямъ грузинъ, ногайцевъ и татаръ Шемахинскаго уѣзда, не что иное, какъ губка, всасывающая въ себя влагу, которая потомъ падаетъ на землю въ видѣ дождя (стр. 142, 6, 207); по другому же грузинскому повѣрью, происхожденіе дождя приписывается Ильѣ-пророку (стр. 149), а по сванскому—дождь беретъ свое начало въ имѣющихся на небѣ озерахъ (стр. 149). *Градъ*, по понятію грузинъ, посылается на землю, какъ кара Божья; градовыя тучи ведетъ св. Илья, но такъ какъ онъ слѣпъ, то ему указываетъ путь злой духъ, который, во вредъ людямъ, направляетъ его на села и посѣвы (стр. 142); сваны, олицетворяя прямо градъ, представляютъ его слѣпымъ существомъ, направляемымъ дьяволомъ (стр. 147); у армянъ Зангезурскаго уѣзда градъ—это ледяные шарикъ, дѣлаемые самимъ Богомъ съ помощью ангеловъ (стр. 195); ногайцы объясняютъ градъ тѣмъ, что тучи, проходя по ледянымъ горамъ, захватываютъ съ собою куски льда и потомъ разсыпаютъ ихъ на землѣ (стр. 6). *Роса* у грузинъ—это сырость, которую распространяетъ солн-

*) У малороссовъ громъ (гуркотанье) производится движеніемъ по облаку громовоснаго орудія, управляемаго св. Георгіемъ и архангеломъ Гавріиломъ, при чемъ громъ предназначенъ для истребленія чертей (Этногр. свѣд. о Подольской губ. I, стр. 2); представленія другихъ народовъ изложены у Аванасьева (Поэт. возр. сл. на пр. I. VI).

це, поднявшееся на востокъ съ моря (стр. 142); ногайцы объясняютъ ее сыростью, выходящей изъ земли (стр. 6). *Радуна*, по понятіямъ грузинъ, своими разноцвѣтными полосами указываетъ на предстоящій урожай извѣстной отрасли хозяйства, соответствующей одной какой-нибудь полосѣ (стр. 142, 150); татары Шемахинскаго уѣзда тоже видятъ въ ней предзнаменованіе хорошаго урожая, но объясняютъ разные цвѣта иносказательно (стр. 207). Происхожденіе *вѣтра*, по понятію грузинъ, приписывается Амирану, *) заключенному въ пещерѣ (стр. 136), а ногайцы того мнѣнія, что его производитъ волшебница обурь-куртка, которая, если желаетъ людямъ принести пользу, заставляетъ его дуть не долѣе трехъ дней, а въ случаѣ недовольства человѣческимъ родомъ за что-нибудь—болѣе продолжительное время (стр. 6). *Землетрясеніе* происходитъ, по понятію грузинъ, отъ движенія чудовищной рыбы, держащей на своей спинѣ землю (стр. 142). Народный взглядъ на это явленіе природы въ другихъ мѣстностяхъ Закавказья не отмѣченъ въ сообщаемыхъ здѣсь статьяхъ.

Созданіе *перваго человека* передается у грузинъ безъ особенныхъ подробностей (стр. 127); свани упоминаютъ о грѣхопадении, согласно библейскому вѣрованію, но прибавляютъ отъ себя еще вторичный случай искушенія человѣка дьяволомъ—подаваемъ помощи Евѣ во время родовъ, вслѣдствіе чего господство Самала, самаго могущественнаго изъ демоновъ, продолжалось до пришествія Христа (стр. 145); ногайцы подробнѣе рассказываютъ о сотвореніи человѣка: Богъ три раза посылаетъ ангеловъ на землю за горстью земли, дѣлаетъ изъ нее форму человѣческаго тѣла и своимъ дуновеніемъ вселяетъ въ нее жизнь (стр. 3); какъ по вѣрованіямъ ногайцевъ, такъ и талышнцевъ, Богъ приказываетъ ангеламъ поклониться созданному

*) Амиранъ (то же, что низвергнутый въ подземную пропасть иранскій Ариманъ) своимъ дуновеніемъ напоминаетъ *богатырскій повистъ* Соловья-разбойника русскихъ сказаній, въ его борьбѣ съ Ильей Муромцемъ.

нимъ человѣку, но одинъ, съ сонмомъ подчиненныхъ ему ангеловъ, воспротивился этому, за что былъ прогнанъ изъ рая (стр. 3, 204). По сказаніямъ ингилойцевъ, раньше появленія человѣка на землѣ было первое поколѣніе—великаны (стр. 154), а у другихъ грузинъ великаны-богатыри (Амбрій, Амиранъ *), жили совмѣстно съ людьми обыкновенными (стр. 136). Человѣка Богъ не оставляетъ безпомощнымъ: заводитъ для него сельское хозяйство, даетъ ему рабочій скотъ, учитъ его сѣять хлѣбные злаки **) и садитъ огородные овощи и устраиваетъ ему мельницу. Дальше идутъ заботы объ улучшеніи быта человѣка: человѣкъ, въ своей безпомощности, обращается прямо къ Богу, взобравшись на небо ***) по вѣтвистымъ рогамъ оленя (стр. 131). Языкъ (вартулі), общій прежде всѣмъ людямъ, да не только людямъ, но и животнымъ, растеніямъ и всѣмъ стихіямъ, развѣтвляется на отдѣльныя нарѣчія (стр. 151).

Кругомъ первобытнаго человѣка все живетъ чудесной сверхъестественной силой. Находясь въ тѣсномъ общеніи съ природой, онъ олицетворяетъ въ человѣческихъ образахъ всѣ проявленія грозной ея силы: являются демоны громовыхъ тучъ, бурныхъ вихрей, проточныхъ и стоячихъ водъ, лѣсныхъ дебрей, причемъ у однихъ народовъ смѣшиваются разные стихійные духи, а у другихъ они строго различаются не только по свойственной имъ силѣ, но и по внѣшнему виду. Сказанія демоноло-

*) Преданія о великанахъ обща всѣмъ индоевропейскимъ и кавказскимъ народамъ. Сказанія о нартахъ у осетинъ и кабардинцевъ (последніе думаютъ, что нарты смѣнены другими, раньше бышихъ великановъ, чтобы, въ свою очередь, землю передать обыкновеннымъ людямъ), объ эмегенахъ у горскихъ татаръ, о дѣвахъ у грузинъ были сообщены въ различныхъ выпускахъ нашего Сборника, но много еще матеріала хранится въ портфелѣ редакціи. Относительно подобныхъ преданій у другихъ народовъ см. Аванасьева „Поэтическія воззрѣнія славянъ на природу. II. ст. XXI“.

**) То же самое у славянъ (Ibid. стр. 487).

***) По вѣрованіямъ русскаго народа, средствомъ къ поднятію на небо служилъ лѣстница; вотъ почему наши предки „ковни задалаюде и по мертвыхъ ременяя плетенія древолазная съ ними въ землю погребашаюде“. (Изъ Житія муромскаго князя Константина. Карамзинъ, Ист. Госуд. Росс. I, прим. 286).

гическаго характера весьма развиты на кавказской почвѣ. Кромѣ *чорта* или *дьявола*, на котораго грузинъ имѣеть воззрѣніе, не отступающее далеко отъ христіанскаго (стр. 96), онъ знаетъ еще *лѣшаго* (али или чинка *). Лѣшій вообще существо благодушное, но съ неприятными проявленіями своей шаловливости (стр. 57, 164); татары тоже знаютъ лѣшаго, при чемъ имъ извѣстно и средство противъ него—стальная иглока (стр. 208). *Водяные* относятся вообще къ разряду самыхъ любимыхъ созданій народной фантазіи; у грузинъ (каці) они не различаются особеннымъ образомъ отъ лѣшихъ, имѣя то же назначеніе—сбивать съ толку человѣка, чѣмъ они отчасти напоминаютъ русскихъ русалокъ **) (стр. 99, 168); у армянъ Эчмиадзинскаго уѣзда къ нимъ близко подходятъ *женщины-пери* (стр. 173); у татаръ водяные не имѣютъ отличительныхъ чертъ грузинскихъ ваджи (стр. 208); у ногайцевъ этотъ духъ, подъ именемъ *судынъ-тесы*, подобно морскому царю русскихъ сказокъ, владѣетъ морями и рѣвами, имѣя подъ своею властью безчисленное множество низшихъ водяныхъ существъ (стр. 10). *Домовые* только у грузинъ различаются отъ демоновъ низшаго разряда—чертей (стр. 170); у татаръ же они, кромѣ домовъ, живутъ также въ развалинахъ и мельницахъ (стр. 208), куда народная фантазія армянъ (стр. 176) помѣщаетъ *чертей*, называемыхъ у татаръ—шайтанами, у талышинцевъ—иблиси (стр. 204), а у ногайцевъ—джинами (стр. 9), но всегда различаемыхъ, какъ нѣчто низшее, отъ дьявола, соблазнителя рода человѣческаго и cadaго чело-вѣка въ отдѣльности (стр. 177). Черти, по мнѣнію татаръ, размножаются отъ простаго тренія колѣна о колѣно (стр. 210), а, по вѣрованію грузинъ, они выпущены изъ погруженнаго въ воду кувшина Соломона Мудраго (стр. 172). Черти, по понятію армянъ, мелочно назойливы и привязчи-

*) У имеретинъ али или чинка имѣеть всѣ атрибуты водяныхъ (стр. 168)

**) См. Асафьяева. Поэт. воззр. сл. на пр. т. III, XXII.

вы и стараются при всякомъ удобномъ случаѣ повредить чело-
вѣку; впрочемъ, отъ нихъ можно легко набавиться нѣко-
торыми предосторожностями (стр. 193) и даже тою же игло-
кою (стр. 177 *); при случаѣ они не прочь повеселиться и
даже справляютъ свадьбу (ibid.); армянскій чортъ нѣсколько
напоминаетъ чорта-простака русской сказки (дѣдко у мало-
россовъ), гдѣ онъ не столько страшный губитель христіан-
скихъ душъ, сколько жертва человеческого обмана **). Кро-
мѣ вышеупомянутыхъ демоновъ и стихійныхъ духовъ, армя-
не знаютъ еще *женщины-волчицы* (мардагель ***): онѣ полу-
чаютъ съ ниспавшей съ неба волчьей шкурой неуязвимость
и, подъ ея прикрытіемъ, выкрадываютъ изъ люлекъ дѣтей
(стр. 175); *шводъ* у армянъ, подъ видомъ кошки, забирается
въ началѣ марта въ жилища помѣщенія и вноситъ съ собою мо-
ровъ (стр. 176). Отдѣльно стоятъ у ногайцевъ *албасты* (стр.
6), которыхъ знаютъ и казаки, передѣлавъ это названіе, со-
гласно народной этимологіи, въ *лобасты* ****); это существо, по-
видимому, общее тюркскимъ народамъ *****) и представляется
въ воображеніи народа женщиной громаднаго роста, покрытой
волосами и съ пятнами, обращенными впередъ; она кормитъ
дѣтей, закидывая свои огромныя груди черезъ плечи *****).

Значеніе простонародныхъ *праздничныхъ обрядовъ* объяс-
няется стремленіемъ челоѣка ознаменовать чѣмъ-нибудь при-

*) Игла язвить чорта и въ одной изъ польскихъ сказокъ; см. Сумцова. Со-
временная малорусская этнографія, I. 119).

**) Аванасьевъ. Поэт. Возвр. сл. на пр. II стр. 750.

***) Это почти то же самое, что вовбулакъ, волкодлакъ у славянъ или Wer-
wolf у нѣмцевъ (Ibid. III. стр. 593).

****) См. ст. „Нѣчто изъ вѣрованій, повѣрій и обычаевъ жителей станицы
Червленной“. (Сборникъ мат. по опис. мѣст. и пл. Кавк., в. XVI).

*****) См. ст. „Изъ области киргизскихъ вѣрованій“ Полякова (Этногр. обзор.
XI) и „Нѣсколько свѣдѣній о татарскихъ повѣрьяхъ“ (Сбор. мат. по оп. мѣст. и
плем. Кавк. IX).

*****) Эти черты напоминаютъ нѣсколько Kognmutter нѣмецкихъ сказокъ и
дикихъ женъ у гуцуловъ въ Галичинѣ (Павтеонъ 1855, V ст. Вагилевича, 50) — цити-
ровано по Аванасьеву.

роду въ ея ежедневныхъ и годовичныхъ превращеніяхъ. Не всегда, однако, можно раскрыть истинную мысль, лежащую въ основѣ каждой въ отдѣльности обрядности; для этого необходимо изучать ихъ, какъ и другіе обломки старины, сравнительно, такъ какъ только при такомъ изученіи то, что утрачено у одного народа, можетъ быть восстановлено сохранившимся во всей своей неприкосновенности у другого, — однимъ словомъ, можно собрать дісіѳета шества цѣлвой картины. Въ сожалѣнію, имѣющіяся въ настоящемъ выпускѣ данныя по изученію народныхъ обрядовъ касаются только одной разновидности кавказскаго племени — гурійцевъ. Въ томъ любопытномъ уголкѣ Закавказья, гдѣ они живутъ, сбереглось подъ оболочкой христіанства, понимаемаго въ большинствѣ случаевъ лишь внѣшнимъ образомъ, еще много остатковъ язычества. Такъ, большая часть обрядностей, сопряженныхъ съ церковными праздниками *) (стр. 15—75), устриваемыя на Пасхѣ гурійскія народныя игрища (стр. 51—59), совершаемыя съ наступленіемъ весны на владѣніяхъ поминки усопшихъ (стр. 42, 49), — все это беретъ свое начало въ глубокой древности. Дохристіанской стариной отзываются также дни посѣщенія куръ (стр. 36), праздника мышей (стр. 61) и повлоренія осѣвъ (стр. 45). Въ числѣ обрядовъ, не приуроченныхъ къ годовымъ праздникамъ, болѣе всего слѣдовъ первобытныхъ возрѣвій сохранилось въ оплакиваніи и похоронахъ покойниковъ (стр. 74—89) и *обычаяхъ* при рожденіи ребенка (стр. 89—96). Ближе под-

*) Много схожихъ чертъ празднованія Нового года сообщено въ статьѣ Доминанде „Встрѣча Нового года у имеретинъ“ (Сборн. мат. по оп. мѣсти. и пл. Кавк., вып. XIII). По сравнительному изученію этого праздника у четырехъ народностей грузинскаго племени (кроме имеретинъ) много сдѣлано А. С. Хахановымъ въ статьѣ „Празднованіе Нового года у грузинъ“ (Этногр. обозр. III, 1889). Вообще же народныя праздники кавказцевъ рассмотрѣны Н. Дубровинимъ въ главѣ „Церковныя праздники и народныя обычаи“ въ I томѣ, кн. II его капитальнаго сочиненія „Исторія войны и владычества русскихъ на Кавказѣ“, гдѣ и указаны статьи изъ газеты „Кавказъ“ сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ, трактовавшія о томъ же вопросѣ.

ходятъ къ гурийскимъ и похоронные обряды ингилойцевъ; этотъ небольшой народецъ сохранилъ любопытныя мнѣчскія представленія о загробной жизни (стр. 156—164).

Болезни представляютъ закавказскіе народы не внутреннимъ зломъ, зародившимся и развившимся въ организмъ, но какъ нѣчто появившееся извнѣ, какъ результатъ дѣйствія постороннихъ причинъ, которыя, олицетворяясь, принимаютъ видъ духовъ, имѣющихъ въ своемъ распоряженіи всевозможныя болѣзни, какъ напримѣръ ужмурі, бралі и оспенные ангелы у гурийцевъ (стр. 45, 101—109 *); иногда же болѣзни посылаются людямъ силою чародѣйскихъ заклятій колдунами и колдуньями или вѣдьмами (стр. 179, у татаръ—210), обладающими дурнымъ глазомъ (стр. 109, 211), но и имѣющими силу устранить или предотвратить вредное вліяніе злыхъ духовъ. Отсюда взялись знахари и ворожен (стр. 112, 211) и явился вообще темный міръ колдовства (стр. 63—67 и 173), который еще столько живучъ, въ особенности у гурийцевъ.

Вѣра въ зависимость человѣка отъ порожденій его фантазіи—населяющихъ міръ сверхъестественныхъ существъ вызвала къ жизни различнаго рода *предразсудки* и *суевѣрія*. Въ случаѣ *засухи* армяне Эчмиадзинскаго уѣзда прибѣгаютъ къ всевозможнымъ суевѣрнымъ обычаямъ (стр. 178, 179), а у ногайцевъ женщины цѣлымъ ауломъ устраиваютъ особую обрядность или поливаютъ водой другъ друга, а также каждаго встрѣчнаго (стр. 12); для прекращенія *града* армяне наръзываютъ нѣсколько градинъ крестообразно (стр. 179). Желая избавиться отъ *чумы*, которая, по понятію армянъ, имѣетъ видъ старой женщины, армяне обходятъ все селеніе, играя на зурнѣ (стр. 181), а ногайцы устраиваютъ суевѣрныя обрядности (стр. 13).

Для человѣка пастушеско-земледѣльческаго быта явленія

*) Сюда же относятся повѣрья объ оспѣ у нахичеванскихъ армянъ (Сбор. мат. по опис. мѣст. и пл. Кавк. з. II).

природы и предметы окружающаго міра служили какъ бы предвѣстниками всего того, что должно было съ нимъ случиться и отъ чего зависѣло все его благосостояніе; не понимая физическихъ законовъ, онъ выражалъ результаты своихъ наблюдений въ краткихъ изреченіяхъ, такъ называемыхъ *примѣтахъ*. У армянъ существуютъ всевозможныя примѣты *)), связанныя съ болѣзнями (стр. 181, 195) предстоящей человѣку судьбой (стр. 182, 183, 195, 196), земледѣльческими занятіями (стр. 191, 199), отношеніямъ къ людямъ (стр. 189, 197) и животнымъ стр. 187, 196). Впрочемъ, въ основаніи нѣкоторыхъ примѣтъ лежитъ не опытъ, а какое-нибудь мнѣическое представленіе. Такъ, народный взглядъ на змѣю нашелъ свое выраженіе въ повѣрьяхъ, связывающихъ ее съ мѣстами нахождения кладовъ (стр. 187) и представляющихъ ее приносительницей домашняго счастья (стр. 187). Наконецъ, у армянъ вѣтъ недостатка въ примѣтахъ, связанныхъ съ покойниками (стр. 191, 200).

Вообще же, нельзя не замѣтить, что на почвѣ Закавказья замѣтна упорная и медленная борьба культурныхъ началъ съ переживаніями мнѣической старины—съ суевѣріями и предрасудками. Хотя старое еще вѣрноп держится, но новыя вѣянія уже начали проникать во всѣ проявленія народной жизни.

*
* *

Въ III отдѣлѣ помѣщены *кумыкскіе тексты съ русско-кумыкскимъ и кумыкско-русскимъ словарями*. Первый словарь составленъ завѣдующимъ Костековскимъ училищемъ М. Г. Аванасьевымъ, а второй—инспекторомъ народныхъ училищъ Терской области Н. В. Мохиромъ. Хотя эти словари, по числу словъ (около 2.500), не могутъ считаться полными, но

*) Подобныя же примѣты у армянъ Закавказскаго уѣзда помѣщены въ XIII выпускѣ Сборника въ статьѣ Н. Григорова „Село Татевъ“.

они все-таки, какъ первый опытъ въ этомъ родѣ, прине-
суть свою долю пользы. Слова пополнены изъ кумыскихъ
текстовъ и провѣрены, подѣ моимъ наблюденіемъ, природ-
ными кумыками Сатваловымъ и Кичикбековымъ; позаимство-
ванные же слова изъ арабскаго и персидскаго языковъ ука-
заны магометанскими вѣроучителями Алиева и Омарова зако-
на Закавказской учительской семинаріи, Моллой-Абдуссаламъ-
Ахундъ-Заде и Абдуль-Кадыръ-Махмудъ-Эфенди-Заде. При раз-
работкѣ текстовъ и переводѣ ихъ на русскій языкъ я пользо-
вался совѣтами старшаго чиновника особыхъ порученій при
дагестанскомъ военномъ губернаторѣ, г. Асельдеръ-бекъ Каза-
налинова и усерднымъ содѣйствіемъ А. И. Калашева, владѣю-
щаго вполнѣ азербеджанскимъ нарѣчіемъ тюркскаго языка.

Къ текстамъ я счелъ необходимымъ прибавить замѣтки
о кумыскихъ пѣсняхъ и о кумыкахъ вообще и въ особенно-
сти—о нѣкоторыхъ параллельныхъ явленіяхъ въ фонетическомъ
отношеніи въ языкахъ кумыскомъ и азербеджанскомъ.

Въ числѣ текстовъ напечатано начало *гуэнской* пѣсни,
исключительно въ виду интересной замѣтки Е. Г. Вейденбаума
о гуэнахъ, въ которыхъ нѣкоторые видятъ остатки гунновъ.

Въ заключеніе позволю себѣ выразить искреннюю благо-
дарность всѣмъ лицамъ, которыя своими трудами содѣйствова-
ли выходу въ свѣтъ настоящаго Сборника.

А. Т. Лопатинскій.

25 сентября 1893 г.

Тифлисъ.

ОТДѢЛЪ I.

J. & H. L. T. O.

КНЯЗЬ ПШЬСКОЙ АХОДЯГОКО.

Изъ сочиненія подъ загл. «Біографіи знаменитыхъ черкесовъ и очерки черкесскихъ нравовъ» покойнаго флигель-адъютанта Ханъ-Гирея *).

I.

Бжедуги и ихъ волѣна. Бжедугскіе князья.

Бжедуги—самое древнее племя черкесское. Судя по народнымъ преданіямъ, другія черкесскія племена, при своемъ переселеніи, застали бжедуговъ въ сѣверо-западной части Кавказскихъ горъ, на югъ отъ Кубани лежащихъ, какъ коренныхъ туземцевъ. По крайней мѣрѣ, не подлежитъ сомнѣнію то, что они, за нѣсколько вѣковъ до насъ, жили на верховьяхъ рѣчки *Тдоансъ* (Туапсе), протекающей изъ горъ въ Черное море, гдѣ и теперь не изгладились слѣды ихъ пребыванія, какъ доказываютъ названія многихъ мѣстъ. Вслѣдствіе постепеннаго прироста народонаселенія бжедуги должны были искать болѣе привольныхъ долинъ: обитаемая ими ущелья были уже недостаточны для нихъ, между тѣмъ какъ прекрасныя равнины, раскинутыя у сѣверныхъ покатостей горъ, представляли много выгодъ; къ тому же и войны съ усиливающимися сосѣдами, вѣроятно, ихъ стѣсняли,—и они подвинулись къ этимъ равнинамъ и поселились на рѣкѣ *Пшишизъ*, не выходя, однакожь, изъ горъ,

*) Другіе извѣстныя труды Ханъ-Гирея:

1) Князь Канбулатъ. Черкесское преданіе (Русскій Вѣстникъ, 1844).

2) Миеолгія черкесскихъ народовъ. (Кавказъ, 1846, № 35).

3) Наѣздъ Кунчука. (Кавказъ, 1846, № 37 и 38).

4) Беслѣный Абатъ. (Кавказъ, 1847, № 42—47. Сбор. газ. Кавказъ, 1847, II полугодіе, с. 128—207).

Настоящая статья передана мнѣ для напечатанія въ Сборникѣ А. Н. Греновъ.

Л. Л.

съ которыми долговременная привычка ихъ сроднила; да и защита, доставляемая укрѣпленной природою мѣстностью, была важна для нихъ; кромѣ того, пророчество старцевъ, предсказывавшихъ имъ гибель, если они переселятся на равнины, такъ устрашала суевѣрныхъ бжедуговъ, что они поклялись никогда не покидать горъ.

Четыре брата, князья бжедугскіе, раздѣлили племя на четыре части или удѣла, болѣе или менѣе равные. Эти князья назывались: *Черчанъ*, *Хмишъ*, *Бегорсеко* и *Бастеко*. Впослѣдствіи возникшія между ихъ потомками несогласія были причиною, что удѣлы послѣднихъ двухъ князей подвинулись—одинъ на востокъ, другой на западъ, и, такимъ образомъ, тамъ основались отдѣльныя колѣна, получившія названія: *Мехошъ* и *Вепснъ*. Первые же два удѣла, напротивъ того, сохранили между собою связь и удержали свое древнее наименованіе *Бжедугъ*, хотя каждый изъ нихъ извѣстенъ сталъ подъ собственнымъ названіемъ, принятымъ по имени своего князя: удѣлъ Черчана назвался *Черчанай*, а Хмиша—*Хмишій*.

Постепенно выдвигаясь на сѣверныя равнины, которымъ естественною границею служатъ—на югъ цѣпь горъ, на сѣверо-западъ и востокъ рѣки: *Кубань*, *Шхакоеше* (Пескуапсъ) и *Адвинсъ* (Афипсъ), бжедуги, т. е. племена *Черчанайское* и *Хмишейское*, заняли ихъ, построили себѣ селенія (коадъ) и занялись хлѣбопашествомъ и скотоводствомъ, съ которыми давно уже были знакомы, тѣмъ болѣе что новыя ихъ земли, весьма удобныя къ воздѣлыванію, представляли большія выгоды и вознаграждали съ избыткомъ трудъ земледѣльца.

Баснословныя преданія о родоначальникѣ бжедугскихъ князей очень любопытны: они показываютъ, съ какою силою народныя преданія проникаютъ изъ одной страны въ другую и сливаются съ поэзіею, совершенно чуждою и языку и нравамъ народа. Въ отдаленное время между черкесскими племенами были люди, извѣстные подъ названіемъ *нартогъ*,

составлявшіе, повидимому, особенныя общества; образъ жизни, характеръ и нравы этихъ людей, такъ рѣзко сохранившіеся въ преданіяхъ, показываютъ какое-то сродство между ними и рыцарствомъ среднихъ вѣковъ. Одинъ изъ этихъ знаменитыхъ воиновъ, по имени *Дяндеко-Севай*, былъ родоначальникомъ бжедугскихъ князей. Похищенный, скоро послѣ рожденія, огромнымъ соволомъ *Шамуромъ*, онъ былъ воспитанъ этимъ пернатымъ хищникомъ на вершинѣ исполинскаго дуба, который гордо возвышался на горѣ, презирая тучи и грозы. Въ одной *нартской* пѣснѣ, сложенной дѣвушкою, говорится объ этомъ воспитанникѣ сокола:

„Въ одной половинѣ его дома солнце ярко свѣтитъ,
„А въ другой трещитъ морозъ!...

Потомки бжедугскаго князя *Черчана*, основателя *Черченейскаго* племени, раздѣлились въ послѣдствіи на двѣ главныя отрасли—*Мисостъ* и *Пшьсегоканъ*, которыя опять раздробились на разныя колѣна, принявшія имена своихъ основателей.

II.

Князь Аходягоко; его внѣшность и характеръ; первые его подвиги.

Знаменитый воинъ, котораго имя мы выставили въ главѣ нашей статьи, происходилъ изъ дому *Аходягоко*, принадлежавшаго къ *Пшьсегоканскому* колѣну черченейскихъ князей. Я не видалъ человѣка, съ болѣе выразительной фізіономіей: лицо блѣдное; глаза сѣрые, съ выраженіемъ чрезвычайно смѣлымъ; лобъ открытый, высокій и широкій, съ глубокими морщинами. Онъ былъ роста средняго, но сложенъ хорошо, стройно; широкія плечи, жилистыя руки, показывали его силу; живая походка и чрезвычайная ловкость—упругость его членовъ. Вообще видъ этого замѣчательнаго человѣка былъ таковъ, что, встрѣтившись съ нимъ въ лѣсу, въ ущельѣ Кавказа, вы приняли бы его за смѣлаго наѣздника, привывшаго проливать

кровь и не давать пощады врагу; но въ кабинетѣ—въ странѣ цивилизованной—за одного изъ людей, способнаго проводить новыя идеи.

Природа не была скупа къ нему: въ дополненіе къ вышесказаннымъ физическимъ качествамъ, она одарила его душою пламенною и неустрашимою, духомъ предприимчивымъ, сильнымъ даромъ слова и необычайною увлекательностію, которая была разлита въ его взоръ и улыбку и смягчала суровость его взгляда. Но судьба—мачиха: она расточила свои дары человѣку, родившемуся среди народа, образъ мыслей котораго долженъ былъ заставить его устремиться со всею пылкію души на путь кровавыхъ дѣяній.

Долго не выступалъ онъ изъ темной неизвѣстности. Но вотъ случай представилъ ему возможность отличиться и обратить на себя общее вниманіе.

Онъ остановился поздно вечеромъ въ одномъ черченейскомъ аулѣ. Ужинъ состоялъ, какъ обыкновенно, изъ свѣжей баранины. За ужиномъ стали разсматривать баранью лопатку, по выпуклостямъ и пятнамъ которой черкесы дѣлаютъ разные заключенія о предстоящей судьбѣ; такіе гадатели называются *блебхоапль*. Нашъ князь, несмотря на природный свой умъ, былъ очень суевѣренъ и считалъ себя понимающимъ многіе признаки, по которымъ отгадываютъ, какъ думалъ онъ, тайны природы, непостижимыя для обыкновенныхъ людей: онъ взялъ баранью лопатку и, разсматривая ее со вниманіемъ, сказалъ, что въ наступающую ночь будетъ тревога. Въ самомъ дѣлѣ, его предсказаніе сбылось.

Наступившая ночь была бурна, какъ и готовившееся подъ мрачною ея завѣсою событіе, въ которомъ нашъ герой долженъ былъ играть столь счастливую для него роль. Вѣтеръ страшно шумѣлъ въ лѣсу; дождь лился; перебаты грома вторялись часто и молнія сверкала, на мгновеніе разсѣвая густой мракъ. Между тѣмъ, сильная партія абедазахскихъ всад-

зиковъ нашла на дворъ, расположенный отдѣльно отъ аула, у опушки лѣса.

Абедзахи разбили ворота и двери, ворвались въ домъ и, захвативъ добычу — женщину, дѣвушку и мальчика, пустились въ обратный путь. Два-три ружейные выстрѣла достаточны были для поднятія тревоги по сосѣдству двора, сдѣлавшагося жертвою набѣга. Домъ нашего князя не слишкомъ далеко отстоялъ отъ мѣста происшествія; Аходягоко поспѣшилъ туда съ двумя товарищами, которые, впрочемъ, скоро отстали отъ него, догнавъ неприятельскую партію и дѣйствовалъ при этомъ случаѣ съ такою рѣшимостію и отвагою, что одинъ онъ привелъ въ ужасъ абедзаховъ и принудилъ ихъ бросить на пути несчастныхъ плѣнницъ. Князь былъ вооруженъ лукомъ и стрѣлами, которыми умѣлъ дѣйствовать съ необычайною ловжостію. Одна его стрѣла пробила насквозь человѣка огромнаго роста, котораго тѣло осталось на пути бѣгства абедзаховъ; другая убила наповаль лошадь. Вообще, лукъ и стрѣла страшное оружіе, а въ рукахъ подобнаго наѣздника, каковъ былъ нашъ герой, при преслѣдованіи бѣгущаго врага, оно несравненно лучше всякаго огнестрѣльнаго оружія. Въ эту ночь побѣдитель употребилъ и военную хитрость: умѣя говорить на всѣхъ нарѣчіяхъ черкесскаго языка, онъ кричалъ абедзахамъ на собственномъ ихъ нарѣчій, что они потеряютъ во мракѣ изъ виду другъ друга, а чтобы этого не случилось, то не мѣшало бы имъ сомкнуться тѣснѣе. Принимая опаснаго врага за своего товарища, оробѣвшіе абедзахи послушались его, сдвинулись тѣснѣе, между тѣмъ какъ онъ пускалъ въ густую толпу всадниковъ смертоносныя стрѣлы. Если бы это продолжалось долго, онъ истребилъ бы много людей, но между абедзахами находился одинъ черченейскій дворянинъ, по имени *Біаркахъ*, человѣкъ храбрый; онъ былъ личнымъ врагомъ побѣдителя: неотомщенная кровь его брата, убитаго нашимъ княземъ, взывала къ мщенію. Узнавъ по голосу своего врага, Біаркахъ вывелъ абе-

дзаховъ изъ опаснаго для нихъ заблужденія, заставилъ ихъ защищаться, а самъ вступилъ съ нимъ въ бой и убилъ его лошадь.

Пораженіе сильной партіи однимъ наѣздникомъ прославилло побѣдителя, — и съ этого дня его имя прогремѣло повсюду: въ самыхъ отдаленныхъ племенахъ рассказывали о подвигѣ нашего князя, описывали его изумительную силу и ловкость, необыкновенныя качества его оружія, — однимъ словомъ, только и было разговоровъ, что о страшномъ наѣздникѣ Аходягоко. Въ эту счастливую для него ночь онъ застрѣлилъ лошадь подъ хатукайскимъ княземъ, находившемся въ разбитой партіи, который послѣ говорилъ побѣдителю: „Не приведи я абедаховъ, ты умеръ бы въ безызвѣстности, а теперь — съ изумленіемъ смотрятъ на твое оружіе, о тебѣ только и говорятъ, а всѣмъ этимъ ты обязанъ мнѣ; заплати мнѣ за лошадь!...“. Герой подарилъ ему прекраснаго коня: остроумныя шутки хатукайскаго князя доставляли величайшее наслажденіе его самолюбію.

III.

Бжедугскій знаменосецъ. Кое-что изъ нравовъ бжедуговъ. Бжедугскій разбойникъ Довекей.

Мы говорили сейчасъ о черченейскомъ дворянинѣ *Біаркаль*, своею находчивостію спасшемъ отъ гибели разбитую партію абедаховъ. Онъ подаетъ намъ поводъ сдѣлать небольшое отступленіе и привести любопытныя черты черкесскихъ нравовъ. Воспользуемся этимъ случаемъ.

Этотъ храбрый дворянинъ происходилъ изъ фамиліи, которой присвоена древними обычаями обязанность — носить на войнѣ знамя своего племени. Эта фамилія замѣчательна еще и тѣмъ, что многіе ея члены отличались отвагою и свирѣпымъ характеромъ. Самъ Біаркаль былъ необыкновенно раздражителенъ. Онъ застрѣлилъ жену свою за какое-то ничтожное противурѣчіе, на которое она, по неосторожности, дерзнула, хотя знала бѣшеный нравъ его; но потомъ, терзаемый угрызениями совѣсти, онъ сдѣлался унылымъ, дикимъ, задумчи-

вымъ и, наконецъ, зимою, кажется 1819 года, погибъ при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Враждебные горцы густою массою ворвались въ предѣлы черноморскихъ казаковъ; онъ былъ по обязанности въ числѣ ихъ, со знаменемъ въ рукахъ. Вся одежда на немъ была какъ снѣгъ бѣлая; панцырь, противъ своего обыкновенія, онъ не надѣлъ въ этотъ разъ, изъ чего всѣ догадывались объ его цѣли—умереть, цѣли, которой онъ и достигъ. Дѣйствія горцевъ ограничились сожженіемъ нѣсколькихъ скирдъ сѣна и небольшою перестрѣлкою; но Біаркахъ не хотѣлъ возвратиться на родину и бросился, съ развѣвающимся въ рукахъ знаменемъ, въ средину отряда казаковъ—и тамъ его закололи пиками. Такимъ образомъ, онъ кончилъ добровольно безпокойную свою жизнь: муллы своими проповѣдями убѣдили его, что такую смертію можно искупить всѣ преступленія. Черкесы, уважающіе храбрость, какъ высочайшее достоинство человѣка, очень сожалѣли о немъ. При этомъ упомяну объ одномъ случаѣ, характеризующемъ настроеніе черкесовъ. Когда его тѣло приволокли казаки къ кордону, гдѣ находилось человѣкъ двѣсти князей и дворянъ черкесскихъ, приверженцевъ *Муаммедъ-Гирея*, то хищная сорока бросилась на тѣло и острымъ клювомъ вырвала одинъ глазъ; черкесы-очевидцы этого случая поклялись не щадить этой кровавой птицы—и въ теченіе зимы нѣсколько сотенъ сорокъ пало пронзенныхъ пулями. Мы сами помнимъ, какое впечатлѣніе производили на массу рассказы объ этой мелочной подробности, какъ будто бы она была важнѣе потери храброго воина.

Братъ этого знаменосца черченейскаго, *Ногоизій*, отличался еще болѣе страннымъ характеромъ: какая-то непостижимая жажда сдѣлаться чѣмъ-нибудь извѣстнымъ не давала ему покоя! Встрѣтитъ ли бывало аробниковъ, завязшихъ въ болотѣ, онъ бросится къ нимъ на помощь; остановится ли обозъ во время переправы чрезъ рѣку, на берегу которой онъ жилъ, онъ спѣшитъ къ нимъ,—нерѣдко переплываетъ

рѣну даже въ самое позднее время осени, когда поверхность ея была уже покрыта пловучими льдинами; встрѣтите ли по близости торговыхъ людей, приглашаетъ ихъ къ себѣ и дѣлаетъ имъ неожиданные подарки. И всякій разъ, послѣ такихъ услугъ, онъ говаривалъ: „Знаете ли вы человѣка, который для васъ трудился съ такимъ усердіемъ? Если нѣтъ, такъ знайте же, что меня зовутъ *Ногойзіемъ*, и когда возвратитесь къ себѣ, рассказывайте обо мнѣ всѣмъ, кого ни встрѣтите,—больше мнѣ ничего не нужно!“ Веселыя, остроумныя шутки, сопровождавшія его услуги, придавали имъ еще большую цѣну и предохраняли его отъ насмѣшекъ, которымъ хвастливые люди обыкновенно подвергаются. Однажды, пришлось этому искупителю случая прослыть чѣмъ-нибудь проѣзжать чрезъ обширный лѣсъ, въ которомъ часто скрывался знаменитый разбойникъ, *Донекей*, наводившій на всѣхъ ужасъ. Ногойзію совѣтовали объѣхать окольною дорогою этотъ страшный лѣсъ, но онъ, презирая такія мѣры предосторожности, поѣхалъ прямо чрезъ темную чащу, которую всѣ избѣгали, и тамъ, погарцовавъ на конѣ, провизнесъ громко: „Донекей, если ты здѣсь, въ лѣсу, и ищешь добычи со славою, то я, Ногойзіи, къ твоимъ услугамъ!“ Въ самомъ дѣлѣ, случилось, что предводитель отважной шайки находился въ лѣсу; посланные имъ люди, услышавъ эту похвалбу, дали ему знать о наѣздникѣ и пересказали его слова. „Не трогайте его: онъ храбрый человѣкъ!“ сказалъ Донекей и, уважая отвагу наѣздника, пропустилъ его, а въ послѣдствіи изъявилъ желаніе познакомиться съ нимъ лично. Щедрость и отвага—лучшее у черкесовъ средство пріобрѣсти извѣстность, и Донекей, конечно, и прежде зналъ по слуху храбраго дворянина.

IV.

Страхъ, внушаемый Донекеемъ. Свирѣпость его права. Нападеніе на турецкое судно.

При воспоминавіи объ этомъ знаменитомъ разбойникѣ,

невольно оживаетъ въ моей памяти цѣлый рядъ яркихъ картинъ и отвлекаетъ меня еще далѣе отъ главнаго лица, которому посвященъ мой рассказъ.

Однажды—это было очень давно—мы проѣзжали чрезъ тотъ же самый лѣсъ—*Тхатчехъ*, обширный и мрачный. Мы были на пути къ бесленеевцамъ. Насъ было человекъ тридцать. Впереди ѣхали старики, а за ними молодые всадники, шумною толпой. Прекрасный день, яркое весеннее солнце, тихій свѣжій вѣтерокъ, напитанный ароматомъ цвѣтовъ, вселяли радостное настроеніе и придавали всѣмъ необычайную бодрость. Приближаемся къ лѣсу; умолкли пѣсни, обыкновенно распѣваемые черкесами и такъ пріятно сокращающія путь. Старики приказали всѣмъ спрятать нагайки, вынуть ружья изъ чехловъ и ѣхать тихо, молча, пока не выѣдемъ изъ лѣса. Я не понималъ, что все это значило, но мнѣ досадно было, когда взяли у меня нагайку, поставили подлѣ меня двухъ всадниковъ, приказали молчать, и все это было сдѣлано со всею строгостію суровымъ старикомъ—моимъ дядькою, который въ это время казался самымъ несноснымъ изъ всѣхъ дядекъ въ мірѣ. Да, я едва ли забуду его; и теперь, кажется, вижу нависшія его, хмуря брови, суровое избороженное глубокими морщинами лицо и слышу угрозы изъ молчаливыхъ его устъ, которыя, казалось мнѣ, размыкались для того только, чтобы дѣлать мнѣ строгія замѣчанія и наставленія,—однимъ словомъ, мой добрый *Хассанъ* былъ самый попечительный и оттого самый скучный дядька, но дѣйствительно *добрый*: я и теперь помню, какъ онъ плакалъ, когда я захворалъ на пути и какою заботливостію окружалъ меня при переправахъ чрезъ быстрые и опасные горные потоки и шумныя рѣчки. Повторяю: досаденъ былъ мнѣ строгій приказъ добраго старика—молчать и ѣхать тихо; въ это утро дали было мнѣ проворную, а главное послушную лошадь, и мнѣ хотѣлось поскочить, порыскавъ: прежде у меня былъ такой упрямый вонь, что я

никакъ не могъ справиться съ нимъ: мнѣ не было еще и двѣнадцати лѣтъ. Мы проѣхали безмолвно мрачный лѣсъ. Послѣ я узналъ, что старики опасались нападенія знаменитаго Донекея и отважной его шайки, которая, по слухамъ, находилась тогда въ окрестностяхъ страшнаго лѣса, и потому распорядились такъ, чтобы проѣхать опасное это мѣсто безъ шума и въ готовности сражаться, въ случаѣ нападенія. По возвращеніи нашемъ домой, я рассказывалъ своимъ ровесникамъ все, что слыхалъ у бесленеевцевъ о славномъ разбойникѣ, котораго имя пользовалось громкою извѣстностію между всѣми адыге. Наше дѣтское воображеніе увлекалось этимъ именемъ!... Побѣдителей въ нашихъ дѣтскихъ играхъ—въ борьбѣ и метаніи камней обыкновенно называли *Донекеемъ*.

Донекей происходилъ изъ горнаго шансугскаго клана *Дзжи*. Какъ простолюдинъ (тльфевотль), своею извѣстностію онъ нимало не обязанъ своимъ предкамъ. Съ юныхъ лѣтъ Донекей отличался расторопностію, дерзкою отвагою и смѣлою предпримчивостію. Человѣческая жизнь и кровь были ему ни по чемъ: главная, если и не единственная цѣль, къ которой онъ стремился съ такою отчаянною отвагою, была—*слава*, какъ ея понимаютъ черкесы. Его имя наводило страхъ на путниковъ, которымъ приходилось проѣзжать чрезъ тѣ мѣста, гдѣ онъ временно располагался со своей шайкою. У насъ въ аулѣ жилъ добрый старикъ, родомъ грекъ, который лично былъ знакомъ съ Донекеемъ. Производя небольшую торговлю въ горахъ, этотъ старикъ проѣзжалъ однажды въ сопровожденіи горца, подъ покровительствомъ котораго онъ состоялъ, ущельемъ, покрытымъ густымъ лѣсомъ. Вдругъ они видятъ толпу вооруженныхъ длинными винтовками людей, отдохнувшихъ подъ тѣнью широко раскинутыхъ вѣловыхъ дубовъ. Путники наши догадались, что это за люди, и покровитель грека подѣхалъ къ нимъ одинъ. Возвратясь, онъ объявилъ своему товарищу, что это Донекей отдыхаетъ на возвратномъ

пути изъ набѣга. Грекъ содрогнулся отъ ужаса, но успокоенный своимъ спутникомъ и желая приобрести покровительство столь страшнаго въ горахъ человѣка, онъ поднесъ ему двѣнадцать свертковъ серебра, изъ котораго черешенки съ большимъ искусствомъ ткутъ галуны. Донекей милостиво принялъ подарки и обѣщалъ греку свое покровительство. „Не слишкомъ, однакожь, полагайся на мою дружбу—я и старымъ друзьямъ иногда не даю пощады. Такъ, по крайней мѣрѣ, говорить...“ примолвилъ съ улыбкою знаменитый разбойникъ—искатель славы. Онъ былъ, по словамъ грека, роста небольшого, но хорошо сложенный; казался сильнымъ и ловкимъ, со свирѣпымъ выраженіемъ лица. Приведемъ здѣсь одинъ страшный случай, вполне выражающій звѣрскій характеръ Донекея и его сподвижниковъ.

Небольшое турецкое купеческое судно бросило якорь у береговъ шапсугскихъ. Наканунѣ свирѣпствовавшая буря лишила его одной мачты. Турки поспѣшно занялись починкою своего корабля. Незнакомый берегъ ихъ страшилъ, и они хотѣли, какъ можно скорѣе, отъ него удалиться и плыть къ Гелленджисскому заливу, гдѣ намѣрены были пристать для мѣновой торговли, подъ защитою своихъ туземныхъ друзей-покровителей. Донекей жилъ не далеко отъ мѣста, гдѣ турки занимались починкою корабля, и ему немедленно дали знать о богатой добычѣ, которую буря, не разъ уже доставлявшая ему свою дань, пригнала къ берегу. Донекей, какъ морской пиратъ, держалъ при устьяхъ рѣчекъ довольно большія лодки; слѣдовательно, ему не долго было готовиться. Со своими сподвижниками, людьми отчаянными и готовыми на все, знаменитый разбойникъ явился къ берегу. Въ полночь спустили на воду три лодки, въ которыя помѣстилось человѣкъ по пятнадцати вооруженныхъ, и на разсвѣтѣ атаковали купеческое судно. Турки защищались съ упорствомъ, которымъ они такъ отличаются въ оборонахъ. Пять или шесть человѣкъ гор-

щевъ пали сраженные пулями и кинжалами, и едва ли не половина остальныхъ была перерасена, въ томъ числѣ и самъ ихъ предводитель. Но, тѣмъ не менѣе, пираты одолѣли турокъ. Донекей взобрался на палубу первой. Богатая добыча — шелковыя и бумажныя твани достались въ руки побѣдителей. Въ полудню, когда добыча не была еще раздѣлена между ними, старшины окрестныхъ жителей собрались къ нимъ, и тутъ завязался жаркій споръ объ участи плѣнныхъ турокъ. Старшины утверждали, что эти плѣнные рано или поздно, переходя изъ рукъ въ руки, возвратятся въ Турцію, и тогда правительство, узнавъ объ участи, постигшей его подданныхъ, пришлетъ флотъ и войско отомстить за нихъ; или, по меньшей мѣрѣ, по праву возмездія, захватитъ шапсуговъ, посѣщающихъ Трапезунтъ и Константинополь по торговымъ дѣламъ; или, наконецъ, — вовсе прекратить съ ними торговлю. Судили, рядили, и, наконецъ, они порѣшили не брать плѣнныхъ, чтобы некому было жаловаться — и несчастные плѣнники, числомъ семь, погибли подъ ударами гнусныхъ убійць!... Очевидецъ этого происшествія, который жилъ впоследствии также у насъ въ аулѣ, рассказывалъ, что, когда происходили эти споры и убійства, Донекей, одѣтый и вооруженный, несмотря на свои раны, лежалъ на одной буркѣ, а другую держали надъ нимъ для предохраненія его отъ солнечнаго зноя, между тѣмъ какъ вокругъ него стояли его приверженцы въ полномъ вооруженіи: у него было много враговъ, и потому боялись, чтобы въ него не выстрѣлили во время спора.

V.

Бжедугскія сословія. Судебное устройство. Управление племенемъ. Съѣзды его представителей.

Многіе черты характера Аходягоко служатъ только выраженіемъ вѣковыхъ нравовъ его соотечественниковъ и по-

тому они очень любопытны; вотъ почему я главу эту посвящаю исключительно особенностямъ бжедугскаго племени.

Съ незапамятныхъ временъ князья и дворяне въ бжедугскомъ племени составляли господствующее сословіе. Князья пользовались одинаковыми правами и властью, за исключеніемъ преимуществъ, предоставленныхъ коренными обычаями въ пользу старшихъ лѣтами въ родѣ. Дворяне, напротивъ того, раздѣлялись на двѣ степени, съ различными правами. *Первостепенныхъ* или *большихъ* (орешихо) въ обоихъ волѣнахъ: хамышейскомъ и черчевейскомъ было только по двѣ фамиліи. Это были княжескіе васаллы, со столь значительными правами, что они ограничивали власть самихъ князей. Замѣчательно, что въ большей части червесскихъ племенъ существовали двѣ только фамиліи дворянъ этой степени, что даетъ намъ поводъ думать, что князья чувствовали стѣсненіе своей власти отъ преимуществъ этого сословія и потому не желали его увеличенія, хотя, повидимому, гордились имѣть у себя васалловъ, равныхъ съ ними правъ. *Второстепенныхъ* дворянъ было много и дѣлились они на два разряда, съ маловажными различіями въ преимуществахъ. Это, можно сказать, посредники между князьями и первостепенными. Одинъ изъ разрядовъ носилъ названіе—*княжеская охрана* (пшычеу); этотъ разрядъ мы назвали бы третьестепенными, если бы рѣшились давать каждому предмету особенную нумерацію. Еще были дворяне, которыхъ мы назовемъ здѣсь, для ясности, *безпомѣстными* или *безаульными*. Они жили въ аулахъ другихъ, подъ непосредственною властью князей и дворянъ первостепенныхъ, на извѣстныхъ условіяхъ зависимости; въ послѣдствіи число этого разряда дворянъ умножилось вновь принятыми изъ другихъ племенъ и возведенными въ это сословіе.

По кореннымъ обычаямъ и по образу мыслей народа, князья были обязаны предохранять подвластное имъ волѣно отъ чужеплеменнаго насилія и внутренняго безпорядка; въ

противномъ случаѣ, ихъ подвластные уходили къ другимъ племенамъ или другимъ образомъ искали себѣ защиты. Во избѣжаніе этого, князья, владѣльцы ауловъ—однимъ словомъ, господствующее сословіе доставляло удовлетвореніе пострадавшимъ, и это была единственная нить, связывающая общество, удерживающая и самобытность колѣна. Тѣмъ не менѣе, многосложность и неопредѣленность феодальныхъ *правъ* князей, какъ, напримѣръ: захватъ скота, даже людей, подъ предлогомъ домашнихъ надобностей, для удовлетворенія которыхъ древніе обычаи даютъ имъ право прибѣгать къ подобнаго рода насильственнымъ займамъ; взысканіе штрафовъ (швоахъ) за малѣйшее, иногда и мнимое оскорбленіе княжескаго достоинства и другія прерогативы были источниками непрерывныхъ волненій, беспорядковъ, междоусобныхъ распрей, нерѣдко сопровождавшихся кровопролитіемъ, для прекращенія котораго частыя общіе *сѣзды* (зефеси) дѣлались необходимыми. Все это, сверхъ бѣдствій неурюстройства, подвергало бѣдный народъ большому разоренію: за постой и продовольствіе обыкновенно ничего не платили.

При этомъ нельзя не упомянуть объ *обязанностяхъ* нѣкоторыхъ дворянскихъ фамилій, которыя были наследственныя, изъ роду въ родъ переходящія, напримѣръ: „*носить на войнѣ знамя, возвыщать распоряженія сѣздовъ народу* (хгоу), *наблюдать во время большихъ пировъ за порядкомъ*“ и т. п. Замѣтимъ, однакожь, что первостепенные дворяне не имѣли подобныхъ обязанностей, которыя они почли бы унижительными для себя. Князья имѣли еще и привилегированныхъ служителей (біеколь); это сподручники князей, грабившіе во имя ихъ несчастный народъ.

Еще болѣе любопытны и достойны особеннаго вниманія подробности внутренняго управленія и внѣшнихъ сношеній племени.

Изъ среды дворянъ избирали нѣсколькихъ почетнѣйшихъ

лицъ, которыя производили судъ и расправу; послѣ избранія, ихъ обыкновенно приводили къ присягѣ—и они должны были произносить приговоры по крайнему разумѣнію, не увлекаясь ни пріязнью и злобою, ни корыстолюбіемъ и страхомъ, но по *внушенію Бога* и по *справедливости*. Постоянныхъ присутственныхъ мѣстъ не было, а сзывали судей туда, гдѣ ихъ присутствіе было необходимо. Старшіе въ родѣ князья, пользуясь и другими преимуществами, были и главными лицами управленія: они вмѣстѣ со старшинами дворянскими дѣлали общественныя распоряженія, о которыхъ глашатаи возвѣщали народу. Эти распоряженія касались, напримѣръ, запрещенія вывоза хлѣба за предѣлы племени, въ случаѣ опасенія голода, или сообщенія съ зараженными чумою мѣстностями; наряда карауловъ и всеобщаго вооруженія жителей и т. п. Приведеніе въ исполненіе приговоровъ ограничивалось единственнымъ средствомъ, бывшимъ въ рукахъ старшинъ, но очень хорошо соотвѣтствовавшимъ правамъ народа — наложеніемъ болѣе или менѣе тяжкаго штрафа (кюди) на ослушниковъ. Весь штрафъ предоставлялся въ пользу тѣхъ, которые, по назначенію старшинъ, должны были его взыскать. Послѣднее обстоятельство побуждало исполнителей общественныхъ приговоровъ сильнѣе обязательствъ присяги — исполнять данное имъ порученіе, не разбирая ни лица, ни званія подвергшихся штрафованію. Два времени года, весна и начало зимы, обыкновенно избирались *для сѣздовъ*, на которыхъ разсуждали о дѣлахъ племени или колѣна, внутреннихъ и внѣшнихъ, доставляли удовлетвореніе обиженнымъ, мирили враждующихъ, вели переговоры съ сосѣдями, заключали миръ, объявляли войну и проч. Вотъ основной порядокъ управленія племенемъ, который и примѣнялся къ управленію ауломъ.

Мы говорили, что въ тяжёбныхъ и спорныхъ дѣлахъ присяжные судьи произносили приговоры и рѣшали дѣло; но

должно прибавить, что, вмѣсто присяжныхъ судей, можно было тяжущимся сторонамъ приглашать своихъ приверженцевъ, по равному числу, и этимъ дозволеніемъ, большею частію, всѣ пользовались. Выслушавъ словесныя объясненія тяжущихся — сперва жалобы, а потомъ возраженія, судьи удаляли спорящія стороны и, по обсужденію дѣла, объявляли свой приговоръ, взявъ предварительно съ тяжущихся клятвенное обѣщаніе, которое иногда замѣнялось поручителями, — исполнить ихъ приговоръ. У бжедуговъ не было писанныхъ законовъ, но нѣкоторые обыкновенія или правила въ судопроизводствѣ получили съ незапамятныхъ временъ характеръ узаконеній. Такъ, напримѣръ, *подозрѣваемый* даже и въ важномъ преступленіи, можетъ быть оправданъ, если онъ дастъ очистительную присягу, т. е. присягнетъ въ невинности своей, и два чловѣка *честныхъ правилъ*, уваженные его обвинителями, но которые отнюдь не должны были быть явными недоброжелателями обвиняемаго, подтвердить клятвою его слова. Эти правила судопроизводства сдѣлались до такой степени ясными и удобопонятными, что всякій, сколько-нибудь свѣдущій въ народныхъ обычаяхъ, могъ предугадать приговоръ судей раньше его произнесенія. Соображаясь съ такими правилами, временемъ освященными, и руководствуясь внушеніемъ совѣсти, судьямъ легко было рѣшать дѣла, даже самыя запутанныя.

Мы уже говорили о раздѣленіи дворянства на степени; къ этому должны прибавить нѣсколько словъ о дѣленіи низшаго сословія на классы.

Самый многочисленный классъ народа въ бжедугскомъ племени составляютъ, какъ и въ другихъ племенахъ червесскаго народа, такъ называемые *тльбекотлы*, которыхъ мы для большей ясности называемъ въ нашихъ статьяхъ *волыми земледѣльцами*. И самый богатый владѣлецъ аула имѣетъ не болѣе пяти или шести семей крестьянъ, между тѣмъ какъ его аулъ состоитъ иногда изъ ста и болѣе дворовъ *волымытъ*.

земледельцевъ; слѣдовательно, они и составляютъ почти всю массу населенія. Прежде бжедугскіе *вольные земледѣльцы* платили извѣстную подать натурою своимъ владѣльцамъ, но, тѣмъ не менѣе, они пользовались большею свободою, чѣмъ другіе крестьяне и несли менѣе обязанностей. Условія ихъ зависимости отъ владѣльцевъ заключались въ слѣдующемъ. При раздѣленіи имѣнія между братьями, *тльбокотъ* обязанъ былъ дать своему владѣльцу столько воловъ, сколько дворовъ или дымовъ составилось изъ одного семейства; при выдачѣ замужъ дочерей — пару воловъ; послѣ уборки хлѣба — восемь или болѣе мѣрокъ проса; когда владѣлецъ весною выжигалъ пастбище (пускалъ палъ), ему давали по ягненку отъ каждаго семейства, занимающагося овцеводствомъ. Владѣлецъ выскивалъ съ нихъ штрафъ или *швагъ* (собственно значитъ *ошибка*) за разные случаи, — напримѣръ, если вольный земледѣлецъ на охотѣ добылъ оленя и не принесъ владѣльцу извѣстную часть мяса (бго) и проч. Замѣчательно, что, если не вся, то большая часть платы вольныхъ земледѣльцевъ владѣльцу предназначалась въ пользу старшаго лѣтами во владѣльческомъ семействѣ или родѣ.

Изъ этого видно, что и *тльбокоты* были не что иное, какъ крестьяне, которые несли нѣкоторыя обязанности. Собственно же *крѣпостные* (пшты) дѣлились на разряды. Такъ, одни изъ нихъ, имѣя и собственное свое хозяйство, работали для себя и на господъ своихъ; другіе работали только, по мѣрѣ возможности, на владѣльца и кормились на его счетъ. Первые назывались *рабочими* (огъ), вторые — *дворовыми* (внутренними — дехефстейтъ). Крестьяне пользовались правомъ собственности: данныя имъ при ихъ водвореніи *права* (хобзе), скрѣпленные посредствомъ поручительства постороннихъ лицъ (кодогъ), предохраняли безопасность ихъ жизни, свободы и собственности отъ произвола владѣльца; въ случаѣ несогласія между господиномъ и крестьянами, поручитель становился по-

средникомъ и прекращалъ несогласіе; удерживалъ владѣльца отъ тиранства, а крестьянина принуждалъ къ должной покорности. Вообще, *посредничество* и *ручательство* были обычаями, регулирующими многія общественныя отношенія.

Во всѣхъ случаяхъ, требующихъ мѣръ наказанія, налагались штрафы: о тѣлесномъ наказаніи не имѣли и понятія.

Всѣ эти подробности племенной или аульской администраціи, обычнаго права, отношеній между сословіями народа, съ нѣкоторыми гарантіями, предохраняющими не только преимущества высшихъ сословій, но и обезпечивающихъ низшій классъ отъ произвола первыхъ, носятъ *) слѣды болѣе совершенныхъ и унаслѣдованныхъ отъ предковъ культурныхъ задатковъ, изъ чего нельзя не вывести заключенія, что черкесскія племена стояли прежде на болѣе высокой ступени цивилизаціи, но потомъ, съ теченіемъ времени, одичали, сохранивъ только въ общихъ чертахъ свои общественныя устои.

VI.

Измѣненіе юридическихъ обычаевъ подъ вліяніемъ принятія магометанства. Отношеніе низовыхъ черкесовъ къ падишаху.

Бжедуги были въ глубокой древности язычниками. Распространившееся впоследствии христіанское исповѣданіе, котораго слѣды видны и понынѣ въ ихъ языкѣ и обычаяхъ, было посѣяно слабою рукою. Магометанская религія, не очень давно принятая ими, легко вытѣснила языческія преданія и слабыя зачатки христіанскихъ идей, насажденныхъ греческой церковью. Новое исповѣданіе, однако, долго не имѣло никакого вліянія на народныя и общественныя ихъ дѣла. Такимъ образомъ, бжедуги, какъ и всѣ низовые черкесы, по вѣрѣ магометане, оставались во всемъ язычниками, т. е. придержива-

*) Не слѣдуетъ забывать, что все сказанное относится ко времени, когда писалась статья Ханъ-Гирей, — къ сороковымъ годамъ вѣстоющаго столѣтія, задолго до вносленія черкесовъ.

лись уваслѣдованнымъ отъ предковъ обычаевъ. Однако, торговля и другія сношенія съ Турціею постепенно развили духъ исламизма до того, что магометанскіе гражданскіе законы начали проникать и въ общественную жизнь. Духовныя лица изъ туземныхъ уроженцевъ наиболѣе тому способствовали: разбирательство частныхъ и общественныхъ дѣлъ, на основаніи магометанскаго шаріата, доставляло имъ и вліяніе и вещественныя выгоды. Несмотря на это, однакожь, въ низовыхъ племенахъ (тчакъ), изъ ста дѣлъ едва ли и пять рѣшались духовнымъ судомъ: такъ мало низовые черкесы были расположены отступать отъ вѣковыхъ своихъ обычаевъ. Что же касается до политическаго вліянія Турціи, то оно было ничтожно: однѣ духовныя идеи были причиною того, что черкесы вообще, какъ единовѣрцы съ турками, признавали главенство *намістника пророка*; но это было только *на словахъ*, а *на самомъ дѣлѣ* они не оказывали его власти ни малѣйшей покорности. Впрочемъ, религіозное чувство и торговля связи могли бы, естественнымъ образомъ, послужить болѣе дѣятельному правительству сильнымъ орудіемъ для распространенія и утвержденія своей власти надъ закубанскими черкесами, но турецкое правительство, давно уже потерявшее свое могущественное положеніе среди другихъ европейскихъ державъ, разлагающееся внутри и унижаемое извнѣ, не могло извлечь для себя никакой пользы изъ добровольнаго признанія черкесами его гегемоніи, хотя оно хорошо знало всю важность для Турціи этого прекраснаго края и не разъ обращало сюда свои жадныя взоры. Въ такомъ положеніи были сношенія Турціи съ низовыми черкесами до начала переобразования турецкой имперіи Махмудомъ II, котораго, можетъ-быть, исторія назоветъ Великимъ, какъ начинателя великаго дѣла просвѣщенія страны, богато надѣленной отъ природы, но страдавшей подъ игомъ невѣжества.

Этихъ нѣсколько словъ нужно было для разъясненія по-

ложеиія, въ которомъ очутился нашъ герой предъ лицомъ событій, разыгравшихся среди бжедуговъ.

VII.

Дѣятельный турецкій паша въ Анапѣ. Его неудача среди шапсуговъ. Паша выходитъ въ отставку. Характеристика Хасанъ-паши. Его отношенія къ Аходягоко. Подарки султана.

Около 1826 года константинопольскій диванъ, подъ вліяніемъ политическаго пробужденія, прислалъ въ Анапу важнаго сановника: трехъ-бунчучнаго пашу, въ званіи сераскира. Предоставивъ неограниченную почти власть этому сановнику, правительство поручило ему исполненіе обширныхъ предначертаній, но не предоставило въ его распоряженіе достаточныхъ средствъ для достиженія цѣли. Правда, анапскій гарнизонъ былъ усиленъ набраннымъ въ Анатолиі ополченіемъ, назначены и другой комендантъ на мѣсто корыстолюбиваго и неспособнаго Сеидъ-Ахмета; но эти распоряженія не придавали сераскиру существенной силы и ему оставалось рѣшить трудную задачу—ничтожными средствами преодолѣвать громадныя трудности. Счастливый выборъ дивана, какъ оказалось впоследствии, замѣнялъ хотя отчасти недостатокъ матеріальныхъ средствъ, находившихся въ распоряженіи турецкаго правительства, озабоченнаго къ тому еще предстоявшею войною съ Россією.

И на самомъ дѣлѣ, анапскій паша, дѣйствуя съ удивительнымъ искусствомъ, сумѣлъ могуществу Турціи, въ этомъ краѣ только воображаемому, придать болѣе осязательныя формы.

Первыми признали авторитетъ анапскихъ пашей довольно многочисленныя въ этомъ краѣ ногайцы и тѣ закубанскіе черкесы, которые сохранили неприкосновеннымъ свое феодальное устройство. Это признаніе заключалось въ томъ, что они поворились пашѣ фактически: *единодушно присягнули на буду-*

щее время руководствоваться во всѣхъ дѣлахъ своихъ, общественныхъ и частныхъ—алкораномъ, оставивъ навсегда древніе юридическіе обычаи. Конечно, это было только начало, но съ задаткомъ на дальнѣйшій успѣхъ. Затѣмъ папа потребовалъ исподволь, чтобы черкесы приняли духовныхъ судей (кадіевъ) для производствъ суда, на что они согласились; далѣе, онъ установилъ, на основаніи алкорана, отдавать въ пользу казны десятую часть собираемаго съ полей хлѣба; наименовалъ старшихъ князей *валіями* и поручилъ имъ верховную власть; въ болѣе отдаленныя племена послалъ каймакама (правильнѣе кайму-мекамъ), т. е. своего намѣстника и взялъ аманатовъ. Впрочемъ, аманатовъ и присягу на подданство Турціи сераскиръ почиталъ дѣломъ второстепенной важности, выходя изъ той точки зрѣнія, что подданство должно основываться на болѣе прочныхъ связяхъ, каковыми полагалъ безусловное повиновеніе *шаріату* и исполненіе всего, что религія магометанская требуетъ отъ правовѣрнаго; а это значило другими словами—полное повиновеніе власти намѣстника пророка, Махмуда II-го. Этими результатами, достигнутыми сераскиромъ въ короткій срокъ—въ продолженіе года приблизительно, Турція обязана, разумѣется, вліянію религіозныхъ идей, окрѣпшихъ къ этому времени среди черкесовъ.

Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что пока сераскиръ имѣлъ дѣло съ черкесами, которые сохранили феодальное устройство и, поэтому, были болѣе расположенными къ признанію власти Стамбула, или съ натухайцами (натхоковъ), издавна привычными къ торговымъ сношеніямъ съ Турціею, хотя и не имѣющими дворянства, то все улаживалось довольно быстро, ограничиваясь только небольшими смутами; но когда дѣло коснулось до шапсуговъ, то тутъ вполне обнаружилась невозможность преодолѣть непокорный духъ этого воинственнаго народа. Сераскиръ, окруженный приверженцами-черкесами и почетною стражею изъ турецкаго гарнизона, шелъ изъ Анапы

на востокъ, приводилъ къ присягѣ окрестныхъ жителей и уговаривалъ ихъ жить по шаріату. Но какъ только вступилъ онъ въ предѣлы шансуговъ, народъ съ оружіемъ въ рукахъ преградилъ ему дальнѣйшій путь. Послѣ тщетныхъ переговоровъ, сераскиръ принужденъ былъ возвратиться въ Анану. Оскорбленный и раздраженный, онъ тогда потребовалъ отъ своего правительства сорокъ тысячъ войска для примѣрнаго наказанія неповорныхъ и дерзкихъ шансуговъ, но диванъ отказалъ ему въ этомъ. Тогда сераскиръ, какъ человекъ съ характеромъ, не хотѣлъ оставаться долѣе начальникомъ страны, гдѣ не имѣлъ возможности достигнуть цѣли своего назначенія и просилъ дозволенія возвратиться въ Турцію,—ему дозволили и онъ уѣхалъ въ Трапезунтъ, гдѣ скоро и умеръ.

Всѣ черкесы, знавшіе сераскира лично и по слухамъ, съ восторгомъ говорятъ объ его достоинствахъ. Хаджи-Хасанъ-паша Трапезунтскій (Терпезан-ли), или изъ Трапезунта, былъ уже старъ, но бремя шестидесяти лѣтъ, повидимому, его не тяготило: живой, ловкій и проворный, онъ былъ неутомимъ, что удивляло до крайности черкесовъ, привыкшихъ видѣть турецкихъ сановниковъ всегда погруженныхъ въ лѣнь и безпечность; онъ былъ роста небольшого и крѣпкого сложенія; обладалъ съ черкесами чрезвычайно ласково, но ухѣлъ въ то же время внушать имъ къ себѣ такое почтеніе, какого они не оказывали никому его предшественникамъ; турки—чиновники, солдаты, кучки и вообще всѣ жители Ананы боялись его какъ самаго строгаго сановника, который требовалъ отъ нихъ безусловной покорности и за малѣйшее ослушаніе жестоко наказывалъ. Но изъ всѣхъ объ немъ свѣдѣній, сообщенныхъ мнѣ лично его знавшими людьми, всего любопытнѣе то, что онъ старался узнавать малѣйшія подробности о край, для управленія или, вѣрнѣе сказать, покоренія котораго былъ призванъ: онъ распространялъ о мѣстныхъ обычаяхъ и какъ это ни странно, о древнихъ пѣсняхъ и преданіяхъ, которыя по его словамъ, и нынѣ

ма основательнымъ, должны имѣть сильное вліяніе на духъ вѣщественнаго народа, лишеннаго писавной исторіи. По всей вѣроятности, воспоминавія о своемъ происхожденіи внушали ему это любопытство: прозвание *Чечень-олы* показывало, что его отецъ или дѣдъ былъ изъ Кавказскихъ горъ. По крайней мѣрѣ, онъ оказалъ однажды, что на его доброжелательство къ черкесамъ *турки* будутъ смотрѣть *не безъ подозрѣній*. Кроме того, какъ хорошій администраторъ, наводилъ справки о томъ, какихъ сортовъ хлѣбъ произрастаетъ на земляхъ различныхъ племенъ, употребляется ли тамъ удобреніе, или нѣтъ; спрашивалъ о размѣрахъ скотоводства, о путяхъ сообщенія и, наконецъ, о сельской промышленности. Признаюсь, слушая рассказы людей, повидимому, хорошо его знавшихъ и сообщившихъ мнѣ эти подробности, я не совсѣмъ вѣрилъ имъ и думалъ, что они многое слишкомъ преувеличиваютъ. Да и вообще, во многимъ обстоятельствамъ кратковременнаго его пребыванія въ Аналѣ, ясно видно, что этотъ прозорливый сановникъ, съ самаго начала своего назначенія на нашу окраину, старался не впасть въ заблужденія своихъ предшественниковъ, которые—Богъ ихъ накажи! какъ говаривалъ *Беслѣный* *)—въ невѣжествѣ своемъ предполагали большія рѣки тамъ, гдѣ протекаютъ едва замѣтные ручейки, и города въ мѣстахъ, гдѣ сгруппировано было нѣсколько хижинъ,—или кочующія племена тамъ, гдѣ о коневой жизни и понятія не имѣютъ и рассказы о ней принимаются за диковинныя вымыслы досужихъ людей. Никто изъ окружающихъ его лицъ не имѣлъ замѣтнаго вліянія на мнѣнія цари и его дѣйствія: онъ былъ человѣкъ самостоятельный, качество чрезвычайно важное въ начальниѣ края, гдѣ второстепенныя лица болѣе или менѣе доступны искушенію подкупа и мелкихъ интригъ. Слѣдующій случай отчасти служить тому доказательствомъ.

*) *Беслѣный-Аватъ* одинъ изъ выдающихся шапсугскихъ главарей, жизнеописаніе котораго напечатано Ханъ-Гиреемъ въ фельетонѣ „Кавказа“ за 1847 годъ.

Ногайскій *каймакамъ* написалъ сераскиру, что два человѣка изъ князей этого народа, пользуясь среди своихъ значительнымъ вліяніемъ, препятствуютъ распространенію власти правительства; поэтому, онъ находитъ необходимымъ ихъ удавить или повѣсить, для чего и совѣтовалъ пригласить ихъ подъ благовиднымъ предлогомъ въ Анапу. Паша, прочитавъ донесеніе своего намѣстника, съ гнѣвомъ сказалъ: „Что за грязь ѣсть этотъ каймакамъ!“ и бросилъ на полъ изорванное въ куски донесеніе. Тѣмъ не менѣе, онъ сталъ разспрашивать исподволь о разныхъ подробностяхъ, касающихся закубанскихъ ногайцевъ и ихъ князей, и узналъ, что оба князя, о казняхъ которыхъ ходатайствовалъ человеколюбивый каймакамъ, люди достойные уваженія во многихъ отношеніяхъ и полезны для правительства; впоследствии открылось, что ненависть каймакама была возбуждена однимъ изъ нихъ—*отказомъ подарить ему борзую собаку*, а преступленіе другого было и того меньше. А будь на мѣстѣ *Хаджи-Хасана* глупый сановникъ, игрушка подчиненныхъ,—и два человѣка, преданные своему правительству и могущіе быть ему полезными, погибли бы позорною казнью!

Сераскиръ, по прибытіи своемъ въ Анапу, разослалъ по всѣмъ племенамъ объявленіе о своемъ назначеніи главнокомандующимъ надъ ними и приглашалъ къ себѣ князей, дворянъ, духовенство и старшинъ народныхъ для совѣщанія и приведенія въ исполненіе воли *намѣстника пророка*—утвердить въ ихъ странѣ порядокъ и силу религіи, чтобы народъ благоденствовалъ *здѣсь* и обрѣлъ бы и *тамъ* спасеніе. По первому его призыву начали стекаться въ Анапу князья и дворяне толпами; одинъ только человѣкъ не являлся долго—это былъ нашъ князь. Между тѣмъ какъ онъ медлил, его завистники, находившіеся уже въ Анапѣ, изображали его предъ сераскиромъ самыми черными красками; говорили, между прочимъ, что онъ, предавшись всею душою русскимъ и участвуя въ

ихъ экспедиціяхъ противъ шапсуговъ и абедаховъ, проливалъ кровь мусульманъ. Паша сначала было повѣрилъ имъ и обѣщавъ прекратить зло, причиняемое опаснымъ этимъ человекомъ, даже истребить его самого, если это окажется необходимымъ, но когда увидѣлъ, что *правовѣрные* князья слишкомъ ужъ интересуются судьбой ихъ соотечественника-отступника, сказалъ: „Надобно этого человека узнать покороче: объ немъ что-то много говорить!“...

Наконецъ, явился въ Анапу и нашъ герой. „Какъ я слышалъ, князь, ты усердно служишь *невернымъ*: изъ преданности къ нимъ проливаешь кровь *мусульманъ*!“ сказалъ ему сераскиръ рѣзкимъ голосомъ, сверкая своими гнѣвными глазами; но тотъ, къ кому относились его слова, не испугавшись угрозъ, сказалъ: „Да! я служу русскимъ потому, что они покровительствуютъ мнѣ; сражаюсь съ врагами русскихъ, для нихъ убиваю и мусульманъ, не щажу и себя—я далъ слово все это дѣлать и не перестану дѣлать, пока останусь подъ ихъ покровительствомъ; то же самое буду дѣлать и для *падишаха*, если ты призовешь меня на его службу; но не хочу обманывать: если мнѣ не будешь оказывать приличествующаго мнѣ уваженія; если не будешь меня цѣнить, какъ этого я заслуживаю, то не буду ни служить, ни повиноваться; ни для кого не намѣренъ я унижать себя; не стану ни за что наравнѣ съ тѣми, которые уступаютъ мнѣ въ достоинствахъ!...“ отвѣчалъ гордый нашъ герой, и при послѣднихъ словахъ сердито взглянулъ на князей, своихъ завистниковъ, стоявшихъ тутъ молча, въ смущеніи. Смѣлый его отвѣтъ понравился сераскиру, и съ этого дня храбрый и краснорѣчивый князь сдѣлался предметомъ его особеннаго уваженія. Паша отправилъ его въ Константинополь, со своимъ представленіемъ о необходимости присылки войскъ. Однако, его поѣздка уже не могла имѣть никакого успѣха: диванъ уже давно рѣшилъ судьбу достойнаго лучшей участи сановника. Впрочемъ, посоль былъ при-

нять съ особенными знаками милости: ему дали чинъ полковника вновь учрежденнаго регулярнаго войска и форменную одежду новаго образца отъ имени Махмуда II, которому два раза онъ представлялся; показывали ему всѣ достопримѣчательности столицы; осыпали его богатыми подарками и отпустили, увѣривъ въ особенно милостивомъ расположеніи падишаха въ черкесскимъ племенамъ. Слава есть кумиръ, которому люди вездѣ поклоняются; но ложное о ней понятіе, большею частью, дѣлаетъ ихъ смѣшными рабами тщеславія; нашъ герой былъ до крайности тщеславенъ, и потому легко себѣ представить, до какой степени льстили его самолюбію оказанныя ему въ Константинополѣ милости и вниманіе, о которыхъ, по возвращеніи своемъ, онъ съ гордостію рассказывалъ, преувеличивая ихъ до невозможной степени, какъ мы позволяемъ себѣ думать, судя по слѣдующему его поступку.

Въ Анацѣ онъ нагружилъ двѣ арбы большими сундуками и ящиками, въ которыхъ онъ будто везъ подарки султана. Однако, эти сундуки и ящики были, большею частію, пустые, и все это можно было помѣстить въ одной арбѣ, съ тою только разницею, что тогда не такъ громко говорили бы о *безчисленномъ множествѣ драгоценностей, подаренныхъ ему изъ казнохранилища султана.*

Какъ ни былъ онъ доволенъ милостями и вниманіемъ царьградскихъ министровъ, однако неблаговоленіе дивана къ Хасанъ-пашѣ, которому онъ былъ преданъ всею душою, сильно его опечалило. Князь возвратился изъ Константинополя въ Анапу, наканунѣ отъѣзда пашы, и при отъѣздѣ сераскира, провожая его до пристани, сказалъ ему при всей массѣ старѣйшихъ князей, тутъ же находившихся: „Ты подложилъ подъ нами костеръ, зажегъ его—а самъ уѣзжаешь“! Паша, со слезами на глазахъ обвиняя своего приверженца, отвѣчалъ: „Жаль мнѣ расставаться съ друзьями, но благодарю Бога, что уѣзжаю: безъ силъ, безъ пособій, что бы я сдѣлалъ

съ непокорнымъ вашимъ народомъ? На старости лѣтъ я посрамилъ бы себя, если бы остался здѣсь долѣе, въ неблаго- дарной странѣ идолопоклонниковъ! ... Намежь суроваго приверженца паши на зажженный костеръ не былъ пустымъ упрекомъ: онъ основывался на страшной правдѣ, которая требовала кровопролитія для своего погашенія, какъ мы сейчасъ увидимъ.

VIII.

Шариатъ оказываетъ вліяніе на отношенія сословіи между собою. Вмущеніе бжедугскаго престонородія. Случай съ хамшевскимъ княземъ. Паденіе княжескаго авторитета. Аходягоко беретъ на себя защиту дѣла дворянства.

Мы уже сказали, что Хасанъ-паша обязанъ своими успѣхами религіознымъ идеямъ магометанства, проповѣдуя которыя онъ требовалъ, чтобы чересы исключительно руководствовались при разбирательствѣ частныхъ дѣлъ и при общественныхъ распоряженіяхъ *шариатомъ*. О шариатѣ или *духовномъ судѣ* мы будемъ говорить далѣе, а здѣсь замѣтимъ, что одинъ пунктъ этого суда или магометанскаго гражданскаго законодательства возжегъ пламя раздора между дворянствомъ и народомъ въ бжедугскомъ племени: это пунктъ о раздѣленіи жителей на классы, касающійся отчасти правъ, присвоенныхъ различнымъ классамъ. Слово *ххуръ*, означающее человека свободнаго состоянія, не имѣющаго надъ собою владѣльца, вскружило голову бжедугскимъ *тыфбекотламъ*, т. е. классу людей, которыхъ мы назвали *вольными земледѣльцами*. По наущенію или вліянію духовныхъ, принадлежащихъ по происхожденію къ этому сословію, они признали себя „ххурами“ и совершенно отвергали всякую власть дворянства, ссылаясь на то, что всѣ классы безъ изыатія присягнули сераскиру руководствоваться *шариатомъ*, а такъ какъ шариатъ признаетъ ихъ ххурами, то они, какъ свободные люди-магометане, признаютъ надъ собою только власть намѣстника пророка и будутъ повиноваться лишь начальникамъ, отъ него поставляемымъ. Одни

говорятъ, что сераскиръ самъ старался возбудить раздоръ, чтобы извлечь изъ него выгоды для своихъ обширныхъ предположеній, а другіе думаютъ, что папа вовсе не желалъ этого мятежа, который, естественнымъ образомъ, возгорѣлся отъ проповѣдуемыхъ имъ правилъ шаріата. Если хорошенько сообразить послѣдствія, которыя могли произойти отъ такого событія, то первое предположеніе намъ покажется болѣе основательнымъ. Какъ бы то ни было, но этотъ сановникъ не имѣлъ уже времени воспользоваться плодами посѣянной имъ смуты.

Возмутившееся простонародіе рѣшилось подражать дворянству, соединясь тѣсно—и всѣ присягнули: уважать старшихъ членовъ своего сословія и повиноваться ихъ опредѣленіямъ для общаго блага. Мятежныя старшины учредили *създы*, на которыхъ разсуждали объ общественныхъ дѣлахъ; положили—не повиноваться болѣе дворянству, даже не оказывать отдѣльнымъ лицамъ изъ его среды какихъ бы то ни было пріятельскихъ услугъ и, наконецъ, постановили, что всякій простолюдинъ (тлѣфекотль), убившій князя или дворянина, *потеряетъ только свой зарядъ*: народъ общою силою будетъ отвѣчать за него, даже платить за кровь (тлевась), если бы и пришлось платить. Это еще тѣснѣе соединило народъ и подорвало значеніе дворянства. Въ такомъ положеніи дѣлъ князья и дворяне присмирѣли—жили молча и, покорясь необходимости и нерѣдко угождая бывшимъ своимъ полу-рабамъ, безмольно смотрѣли на народныя създы, гдѣ народныя старшины пользовались уваженіемъ и, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, даже властью, принадлежавшими прежде исключительно одному дворянству. Кстати разскажу объ одномъ случаѣ, доказывающемъ, до какой степени палъ авторитетъ князей и дворянъ.

Хамышейскій князь Магометъ, человекъ храбрый и рѣшительный, но недѣятельный, по наущенію стараго Алваса, извѣстнаго читателямъ нашихъ статей *), захватилъ мальчика

*) Князь Алвасъ былъ извѣстенъ своей хитростью и вѣроломствомъ.

изъ одного Хамышейскаго аула, въ видѣ наказанія за какое-то ослушаніе. Это возмутило народъ, и человекъ пятьсотъ всадниковъ обступило аулъ князя, требуя немедленной выдачи захваченнаго мальчика. Удивительно, что народъ при этомъ показалъ умѣренность; вступивъ въ переговоры, слѣдствіемъ которыхъ была немедленная выдача плѣннаго. Жители княжескаго аула доставляли въ станъ возмущившихся крестьянъ провизію и угощали ихъ предводителей: однѣ и тѣ же выгоды, одна цѣль соединяла ихъ; все это заглушало не совсѣмъ еще потухшую привязанность въ сердцахъ жителей аула къ своему князю.

Однимъ словомъ, казалось, что права и власть дворянства въ Бжедугскомъ, Хамышейскомъ и Черченейскомъ кохънахъ—погибли безвозвратно. Въ столь затруднительныхъ обстоятельствахъ нашъ герой рѣшился, во что бы то ни стало, потушить волненіе народа, смирить его предводителей. Его дѣйствія носятъ печать отваги и хитрости. Во время волненія, нѣкоторые дворяне смиреніемъ и потворствомъ народу уживались еще кое-какъ въ своихъ аулахъ, между тѣмъ какъ другіе были изгнаны и искали убѣжища въ другихъ мѣстахъ. Нашъ князь вошелъ въ сношенія съ тѣми изъ первыхъ, которые могли сколько-нибудь помочь ему своимъ нравственнымъ вліяніемъ; послѣдніе же и безъ того были готовы повиноваться ему, какъ человеку, на котораго возлагали всѣ свои надежды.

IX.

Аходягоко ищетъ поддержки у абедзаховъ и является лично на народный ихъ съѣздъ. Условія абедзаховъ. Шаріатъ истолковывается на пользу дворянства. Аходягоко нападаетъ на возмущившихся крестьянъ и обезпечиваетъ себѣ содѣйствіе казаковъ.

Желая найти поддержку у сосѣдей и отрѣзать, вмѣстѣ съ тѣмъ, ресурсы мятежниковъ, Аходягово удалился со своими приверженцами къ абедзахамъ. Съ его стороны это было смѣло: въ абедзахскомъ племени, какъ и въ шапеугскомъ; состоящемъ изъ клановъ, народъ не признаетъ власти надъ со-

бою высшаго сословія, по крайней мѣрѣ, не почитаетъ его нравъ-ненарушимымъ; кроме того, многіе абедзахскіе кланы, которыхъ члены были убиты или ограблены нашимъ княземъ, пылали къ нему чувствомъ мести;— слѣдовательно, онъ предался нѣкоторымъ образомъ въ руки своихъ враговъ. Впрочемъ, онъ имѣлъ среди абедзаховъ, какъ и во всехъ племенахъ, друзей влиятельныхъ въ своемъ кругу; къ тому же, это было, какъ увидимъ далѣе, единственнымъ средствомъ лишить мятежныхъ бжедурговъ помощи со стороны абедзаховъ, съ которыми они состояли въ родственныхъ связяхъ, и которые, по духу независимости, могли сильно содѣйствовать народу, стремящемуся къ сословной равноправности.

Съ помощью своихъ друзей онъ успѣлъ устроить дѣла такъ, что абедзахи соважи съѣзди (зефеси), куда явился и самъ нашъ смѣлый князь.

„Абедзахи!“ сказали онъ собранію: „я принесъ къ вамъ свою голову, шапку и душу и прошу у васъ покровительства (онъ снялъ при этихъ словахъ шапку и потомъ снова надѣлъ). Издревле подвластный мнѣ и моимъ братьямъ-князьямъ народъ не повинуется уже болѣе намъ! Онъ надѣется на вашу помощь, обманывая васъ, будто бы онъ равенъ вамъ—свободному народу. Вы—народъ, съ которымъ мы издавна ведемъ и дружбу и связи, а они—рабы наши! Но я не прошу у васъ помощи истребить ихъ, а только доставить мнѣ Божій (шаріатъ) или человѣческой судъ и по приговору законовъ удовлетвореніе—возвратить намъ права и власть нашихъ отцовъ. Они отступивши отъ вѣры: не хотятъ судиться шаріатомъ (кто отказывается отъ суда шаріата, тотъ не признается мусульманиномъ), и потому, помогая имъ, вы помогаете несправедливымъ (гяурамъ); покровительствуя же мнѣ, защищаете мусульманина и дѣло правое. Вотъ просьба, съ которою я прибѣгнулъ къ вашему покровительству. Теперь выслушайте меня: я хочу говорить о дѣлахъ, лично до меня касающихся. Абедзахи!

между вами у меня много враговъ, которые имѣютъ право на мою кровь, на мою жизнь! я убилъ родственниковъ однихъ, разграбилъ достояніе другихъ; теперь предстою предъ ними и готовъ удовлетворить ихъ по законамъ человѣческимъ, готовъ подвергнуться и приговору Божьей книги (алжорана); я на все готовъ—дѣлайте, что вы считаете болѣе приличнымъ для себя и что Богъ вамъ внушитъ!...“ При послѣднихъ словахъ онъ снова снялъ съ себя шапку.

Собраніе безмолствовало. Наконецъ, одинъ изъ народныхъ старшинъ сказалъ, что абедахы слышали слова князя и, поймавъ хорошенько и посовѣтовавшись между собою, дадутъ отвѣтъ. Князь остался со своими приверженцами, а старшины абедахскіе отошли на нѣкоторое разстояніе и долго разсуждали, принять ли его подъ свое покровительство, или поддержать возставшихъ бжедуговъ. Большинство абедахскаго народа скорѣе одобрило бы мнѣніе—поддержать мятежный народъ бжедугскій: оно болѣе согласовалось съ непокорнымъ духомъ абедаховъ и образомъ ихъ мыслей; но болѣе вліятельные старшины на сѣздѣ, увлеченные краснорѣчіемъ князя, благопріятствовали его желаніямъ; кромѣ того, духовенство было на его сторонѣ. Наконецъ, *сѣздъ* абедахскихъ старшинъ объявилъ князю свое рѣшеніе, состоявшее въ слѣдующемъ: абедахскій народъ принимаетъ его подъ свое покровительство; общааетъ употребить всѣ мѣры посредничества, чтобы доставить ему судъ и разбирательство по шаріату съ бжедугскими народами; если же возмущившійся бжедугскій народъ отвергнетъ приговоръ шаріата или вовсе не согласится судиться имъ, то онъ будетъ признаваемъ отступникомъ отъ религіи и тогда каждому абедаху предоставляется свобода слѣдовать за знаменемъ князя—гостя абедахскаго народа, чтобы наказать мятежниковъ и принудить ихъ къ суду шаріатомъ и исполненію его приговора; наконецъ, абедахы отказываются теперь требовать отъ него всякаго удовле-

творенія за прежніе его поступки и считаютъ это дѣло вопросомъ его чести — и онъ можетъ, послѣ благополучнаго окончанія дѣлъ, оказавъ удовлетвореніе абедахскимъ кланамъ, имъ оскорбленнымъ, и тогда никто ни скажетъ, что абедахскій народъ *огранилъ своего гостя*. Такимъ образомъ, *абедахскій народъ* разрѣшилъ всякому участвовать въ непріязненныхъ дѣйствіяхъ противъ мятежниковъ, *если* эти послѣдніе не захотятъ судиться *Божьею книгою*; слѣдовательно, этого было уже слишкомъ достаточно, чтобы покровительствуемый князь-гость нашелъ многочисленныхъ союзниковъ среди абедаховъ.

По буквальному смыслу шаріата, какъ думаютъ черкесы, крѣпостныхъ людей-магометанъ нельзя имѣть; даже рабамъ опредѣленъ восьмилѣтній срокъ рабства, послѣ котораго они уже свободны. Слѣдовательно, *бжедугскіе* тльфекотлы (вольные земледѣльцы, какъ мы назвали этотъ классъ), должны быть по шаріату причислены къ совершенно свободному состоянію (ххуръ) людей, подчиненныхъ одному лишь правительству, въ качествѣ его подданныхъ. Въ черкесскихъ племенахъ органомъ исламизма служить духовенство, а такъ какъ оно состоитъ почти исключительно изъ простолюдиновъ (дворянину, по образу мыслей черкесовъ, не прилично быть моллой), то оно душою расположено, по черкесской пословицѣ: *ударить домашняго вола, у тьснаго оленя трясутся рога* къ низшему сословію народа. Сообразивъ все это, не покажется ли удивительнымъ, что нашъ герой требовалъ суда на основаніи того же шаріата, повидимому, столь противнаго интересамъ его дѣла? Для разрѣшенія этого вопроса мы должны обратить вниманіе на магометанское судопроизводство: это будетъ тѣмъ болѣе встать, что о *шаріатѣ* мы, на Кавказѣ, часто имѣемъ ложное понятіе.

Четыре *судебныя книги* (хукубмъ-китаби) или *собраніе законовъ*, — наиболѣе извѣстныя черкесскимъ духовнымъ лицамъ и которыми руководствуются они, суть слѣдующія:

Садръ-шерэ или *Шархэ-викая*, составленное *муллою-Убейдуллахомъ*, относится ко временамъ болѣе отдаленнымъ; *Дуреръ*, составленная *муллою-Хусрава* (дуреръ-сагиби), современникомъ Тамерлана, причисляется къ собраніямъ законовъ позднѣйшихъ временъ (мутаххиринъ). Двѣ послѣднія книги— *Беззазія* и *Кказиханъ* составляютъ весьма важныя собранія законовъ, какъ доказываютъ пословицы, вошедшія въ употребленіе между духовными: „Если не будетъ Беззазія, судья не сдѣлается извѣстнымъ; если не будетъ Кказихана, судья не долженъ получать царскаго жалованья“. Несмотря на всю ихъ важность, послѣдніе два сборника чрезвычайно рѣдки; напротивъ того, первыя два— *Садръ-шерэ* и *Дуреръ* служатъ почти единственнымъ руководствомъ у черкесскихъ *кадіевъ*, или духовныхъ судей, и юноши, посвящающіе себя законовѣдѣнію, изучаютъ ихъ. Другіе обширные сборники законовъ, какъ на примѣръ: *Дежами-эррумизъ*, здѣсь извѣстны едва ли не по одному только названію.

Законы, содержащіеся въ этихъ сборникахъ, должны бы, если не сплошь, то въ главнѣйшихъ чертахъ прямо противорѣчить древнимъ черкесскимъ обычаямъ, основаннымъ на идеяхъ феодализма, несомѣстныхъ съ шаріатомъ, который не знаетъ, повидимому, не только крестьянскаго сословія, но и безсрочнаго рабства. Но хотя буква закона шла, такъ-сказать, въ разрѣзъ съ интересами дворянства, нѣкоторые пункты шаріата допускали различное толкованіе, которое можно было повернуть и въ пользу высшаго сословія. Прежде всего слѣдуетъ принять во вниманіе то, что само разбирательство по шаріату имѣетъ свои особенности.

Кади или судья, лицо духовное, не приступая еще къ разбирательству тяжскаго дѣла по *шаріату*, обязанъ употребить всѣ средства, чтобы склонить тяжущихся къ рѣшенію дѣла посредствомъ *масла-хата*, т. е. словеснаго суда, основаннаго на *обычаяхъ* (канунъ-адегъ) и *совѣсти*. Это нѣчто

въ родѣ третейскаго суда, состоящаго изъ людей, пользующихся довѣріемъ тяжущихся. А такъ какъ одинъ изъ пунктовъ шаріата предписывалъ не уничтожать ни подѣ какимъ видомъ рѣшенія *маслахата* (эль-урфе-арифинъ, ель-мешруэ-шаринъ), и другой—совѣтуетъ руководствоваться тѣмъ постановленіемъ шаріата или обычая, который можетъ, судя по мѣстности и обстоятельствамъ, болѣе способствовать къ сохраненію порядка въ краѣ, то становится понятнымъ, почему князь, съ своей точки зрѣнія, не боялся шаріата, на который крестьяне возлагали свои надежды.

Понимая законъ въ буквальной смыслѣ, старшины бжедуговъ, при первомъ предложеніи, изъявили готовность рѣшить дѣло шаріатомъ; но едва приступили къ обсужденію дѣла, для всѣхъ стало ясно, что приговоръ духовнаго суда будетъ противенъ ихъ интересамъ: на основаніи сейчасъ приведенныхъ нами пунктовъ шаріата, кадіи могли и должны были восстановить существовавшій нѣсколько вѣковъ порядокъ. Народъ сталъ волноваться и рѣшился противиться силою домогательствамъ дворянства.

Герой кровавой драмы, уже неизбежной, этого и ожидалъ. Онъ собралъ сильный отрядъ абедаховъ, напалъ на мятежниковъ, разбилъ одну партію, отбилъ скотъ, при чемъ перебилъ нѣсколько человѣкъ. Такое начало предвѣщало мятежникамъ грозу; но первый ударъ, какъ онъ ни былъ рѣшителенъ, ихъ не испугалъ, напротивъ того, какъ казалось, еще болѣе ожесточилъ: они сильною толпою бросились на зимовье самого страшнаго своего врага, нашего князя, захватили его стадо овецъ и раздѣлили между собою. Нѣтъ сомнѣнія, что если бы бжедуги обитали въ гористыхъ мѣстахъ, какъ шапсуги, то никогда уже болѣе не подчинались бы власти дворянства, но, живя на равнинѣ, они были доступны нападенію. Князь собралъ снова еще болѣе сильную партію, разграбилъ аулъ мятежниковъ, побилъ нѣсколько человѣкъ, и

объявилъ, что будетъ преслѣдовать крестьянъ до тѣхъ поръ, пока не водворится миръ и спокойствіе, и не получаютъ удовлетворенія дворяне, пострадавшіе отъ смутъ. Предводители возставшихъ крестьянъ, отрѣзанные столь удачно отъ абедаховъ, со стороны которыхъ такъ естественно было имъ ожидать опоры, готовы были побориться всякому, кто только предложилъ бы имъ свое содѣйствіе, а такъ какъ Россія была въ то время въ войнѣ съ Турціею, то пограничное русское начальство могло, по соображеніямъ нашего князя, обратить въ свою пользу такое настроеніе бжедугскаго народа и утвердить свою власть надъ обоими колѣнами безъ всякаго кровопролитія. Желая предупредить и съ этой стороны всякую попытку воспользоваться смутами среди бжедуговъ, онъ убѣждалъ одного изъ черчепейскихъ князей поселиться на самомъ берегу пограничной Кубани, отдѣляющей Черноморскихъ казаковъ отъ черкесскихъ племенъ, противъ мѣнового двора и войти въ сношенія съ казаками. Онъ научилъ этого князя распространить слухи, что и русскіе обѣщаютъ помощь бжедугскому дворянству для возвращенія ему прежней власти надъ мятежными крестьянами. Этотъ князь находилъ средство часто проводить ночи у казаковъ на пикетѣ и однажды возвратясь оттуда, рассказалъ, что онъ былъ вызванъ генераломъ въ городъ для совѣщанія по дѣламъ важнымъ и секретнымъ. У черкесовъ нѣтъ ни почтъ, ни газетъ, но вѣсти съ удивительною быстротою распространяются по странѣ. „Какія вѣсти? — вотъ первое, послѣ обыкновеннаго привѣтствія, слово, которымъ черкесъ встрѣчаетъ путника или пріѣзжаго, и тотъ спѣшитъ рассказать, что ему удалось слышать или видѣть. Неудивительно поэтому, что, въ смутное время, когда съ каждымъ утромъ ждали новыхъ вѣстей, распускаемые по порученію нашего князя слухи скоро сдѣлались извѣстными въ бжедугскихъ аулахъ и привели народъ въ большое смущеніе. Такимъ образомъ, обезпечивъ себя ложными слухами и съ этой стороны,

нашъ герой съ большею, чѣмъ прежде, смѣлостью продолжалъ преслѣдовать мятежниковъ.

Х.

Возмутившееся простонародіе предлагаетъ Аходягоко верховную власть. Кадіи высказываются въ пользу дворянъ.

Не всѣ князья оставались праздными зрителями въ этой борьбѣ; нѣкоторые изъ нихъ помогали ему совѣтами, а другіе, ободренные его примѣромъ, и вооруженною рукою. Старикъ-Алкасъ, оставивъ свои возни, умолялъ его не щадить крестьянъ; черченейскій князь *Мямъ-Черій Кунчкоко*, пользовавшійся большимъ авторитетомъ среди дворянъ, помогалъ ему своими совѣтами и вліяніемъ; князь *Индаръ*, умный и рѣшительный, содѣйствовалъ ему также всѣми средствами. Однимъ словомъ, бжедугское дворянство становилось все смѣлѣе и рѣшительнѣе, между тѣмъ какъ мятежный духъ крестьянъ, устрешенныхъ угрозами и слухами, началъ упадать. Въ такомъ положеніи были дѣла, когда предводители мятежниковъ предложили своему противнику *остаться однимъ у нихъ княземъ*, сдѣлавшись главою народа со званіемъ *валія*; они предлагали еще дать присягу повиноваться ему, составить для него изъ всѣхъ ауловъ тѣлохранителей, готовыхъ исполнить малѣйшее его желаніе, и платить ему изъ произведеній почвы опредѣленную шаріатомъ часть; однимъ словомъ—они хотѣли его сдѣлать единственнымъ повелителемъ своей земли. Какая участь должна была ожидать другихъ князей, объ этомъ мятежники не говорили, но и самое ихъ молчаніе объясняетъ остальное. Еще дѣтъ за двадцать до этой эпохи, Султанъ-Мугаммедъ-Гирей предлагалъ оставить по два человѣка изъ четырехъ родовъ бжедугскихъ князей, а остальныхъ всѣхъ отослать въ Константинополь съ тѣмъ, чтобы они содержались тамъ; такимъ образомъ, онъ хотѣлъ избавить бжедугское племя отъ лишнихъ людей, безъ всякаго кровопролитія. Теперь же народъ былъ въ сильномъ

волненіи, страсти кипѣли, и, конечно, участь князей была бы весьма жалкая. Къ счастью, честолюбіе нашего князя ограничивалось желаніемъ возратить бжедугскому дворянству права его, подчинивъ ему на прежнихъ условіяхъ *покорности мятежныхъ* крестьянъ. Если бы, однако, Аходягоко захотѣлъ взять себѣ образцомъ кабардинскаго князя *Асланбека*, прозваннаго *Великимъ* за свои рѣшительныя дѣйствія и смѣлыя затѣи, который имѣлъ обыкновеніе говорить: „Между этими двумя морями (Каспійскимъ и Чернымъ) и *одному князю тѣсно*“, то и онъ бы покрылъ, подобному тому, бжедугскую землю злодѣянiami цѣною достиженія верховной власти.

Навонецъ, народъ бжедугскій, утраченный собиравшею надъ ними грозою, изъявилъ готовность судиться шариатомъ и покориться его приговору: народъ все еще надѣялся, что приговоръ шариата будетъ сколько-нибудь въ пользу его свободы. Мы уже сказали, что оно должно было бы и быть такъ, но смыслъ нами приведенныхъ пунктовъ законоположеній, неумолимая дѣятельность и даже *подкупъ* и *страшныя угрозы*, употребленныя Аходягоко еще до *суда*, подчинили *судей* его вліянію—и приговоръ, духовнаго суда былъ исключительно въ пользу побѣдителей: народъ долженъ былъ по его приговору признать надъ собою попрежнему власть дворянства, его права и привилегіи; дворянство же обязывалось съ своей стороны уменьшить платежи и облегчить участь крестьянъ; съ обѣихъ сторонъ должны были получить удовлетвореніе пострадавшіе во время смуты. На основаніи послѣдняго пункта примиренія, Аходягоко не забылъ и о себѣ: взыскалъ за каждую овцу, захваченную, какъ мы видѣли, въ началѣ междоусобной войны, по *девяти* штукъ и, сверхъ того, въ видѣ штрафа, двѣсти или четыреста штукъ *коровъ*.

XI.

Князья оказываютъ Аходягоко почетъ за его заслуги. Его противождѣствіе переселенію хамшейцевъ.

Хотя князья, обязанные ему всѣмъ, его возненавидѣли, но все-таки на первыхъ порахъ они оказывали ему почетъ. Между прочимъ, онъ удостоился публичнаго чествованія: въ собраніи князей и дворянъ обоихъ колѣнъ, почти столѣтній Алкасъ, *вставъ* съ мѣста (старшіе лѣтами князья, въ особенности старики, не встаютъ въ собраніяхъ для привѣтствія младшихъ) и снявъ съ себя шапку, благодарилъ его въ немногихъ, но сильныхъ выраженіяхъ за возвращеніе дворянству правъ его предковъ. Послѣ этого князья и дворяне подходили къ полѣ верхней одежды нашего героя.

Вліяніе Аходягоко осталось во всей силѣ не только среди его соплеменниковъ, но и у сосѣдей. Расскажу о слѣдующемъ случаѣ.

Хамшейское колѣно, до крайности пострадавшее отъ кровавыхъ и продолжительныхъ войнъ съ абедазами, пришло въ большое разстройство вслѣдствіе несогласія князей и дворянъ, и еще болѣе, — недавнихъ распрей между народомъ и дворянствомъ. Престарѣлый князь Алкасъ, о которомъ мы такъ часто упоминали, давно уже намѣренъ былъ переселиться со всѣмъ хамшейскимъ колѣномъ, въ которомъ онъ, по праву лѣтъ, былъ главнымъ лицомъ, въ другое мѣсто, болѣе отдаленное отъ горъ и горныхъ племенъ, чтобы возстановить во всей силѣ древнія права и власть дворянства. Не успѣвши въ этомъ, онъ одинъ съ семействомъ переселился ближе къ тѣмъ мѣстамъ, куда давно стремились его желанія, и находясь тамъ, не переставалъ до самой смерти своей помышлять о переселеніи туда и цѣлаго колѣна. Большая часть князей и дворянъ были согласны съ престарѣлымъ княземъ и тайно условились съ нимъ о средствахъ исполненія его желанія. Неутомимый старецъ со сво-

ими соумышленниками обратился къ начальнику Кавказской линіи съ просьбою о помощи и испросилъ повелѣніе командовавшему Черноморскою линіею—оказывать ему, по возможности, пособіе въ предполагаемомъ переселеніи хамышейскихъ ауловъ, расположенныхъ противъ этой линіи. Все это было сдѣлано безъ участія Аходягоко; отъ него даже старались все скрывать, что, конечно, не могло не оскорбить самолюбія человѣка, оказавшаго такія заслуги,—и онъ рѣшился одинъ противиться всѣмъ и принялъ немедленно свои мѣры. Онъ вступилъ въ тѣсныя связи съ однимъ хамышейскимъ княземъ, который оставался, послѣ переселенія стараго Алкаса, въ ладу съ народомъ и съ частію дворянъ хамышейскихъ; привлекъ также на свою сторону и народныхъ старшинъ этого колѣна и заключилъ даже перемиріе съ абедзахами, незадолго передъ тѣмъ разбитыми бжедугами на голову (абедзахи оставили около *сорока* тѣлъ и много плѣнныхъ въ рукахъ побѣдителей). Хитрый старецъ, Алкасъ, съ прискорбіемъ видя его успѣхи, прибѣгнулъ къ послѣднему средству—къ содѣйствію русскаго пограничнаго начальства. Почти всѣ князья и дворяне обоихъ племенъ, большою массою явились къ командовавшему Черноморскою линіею; туда потребовали и молодого хамышейскаго князя, союзника Аходягоко, и приступили къ нему съ требованіемъ—чтобы онъ не только послѣдовалъ со своимъ семействомъ за Алвасомъ, но содѣйствовалъ бы всѣми своими средствами мѣрамъ переселенія туда и хамышейскихъ ауловъ. Молодой князь, принужденный настоятельнымъ требованіемъ русскаго начальника, согласился на все; но его союзникъ не дремалъ: какъ только ему дали знать о критическомъ его положеніи, онъ послѣшилъ къ нему на помощь и успѣлъ еще во-время.

Входя въ залу, по своему обыкновенію, быстрыми шагами, онъ съ грубостію расталкивалъ толпу дворянъ и молодыхъ князей, приверженцевъ главныхъ его противниковъ. Съ его появленіемъ все умолкло. Въ короткихъ словахъ, но ясно.

и подробно онъ объяснилъ генералу, что его обманываютъ, утверждая, будто переселеніе хамышейскаго племени полезно для Россіи и необходимо для переселяемаго народа; наконецъ, онъ прибавилъ въ негодованіи, что онъ будетъ всѣми средствами противиться подобному переселенію. Кончивъ свои объясненія съ генераломъ, онъ осыпалъ сильными уворизнами старца Алкаса, упрекая его въ томъ, что не только родина не видала въ немъ князя, *умѣющаго охранять свой народъ, но и война, могущаго защищать его.* Далѣе онъ обратился съ ругательствами и угрозами къ одному черченейскому князю, содѣйствовавшему этому предпріятію. Наконецъ, Аходягоко ушелъ, преслѣдуемый смущенными взорами враговъ-завистниковъ, уводя съ собою и своего молодого союзника, со всѣми его приверженцами. Въ эту минуту сильнаго гнѣва онъ часто гладилъ лѣвою рукою свои усы, держа правую рукою кинжала, а это у него значило—*сейчасъ въ кровь по колѣно!* Темиргойскій князь, бывшій въ этомъ собраніи, говаривалъ впоследствии: „Для разрушенія всѣхъ общихъ нашихъ усилій достаточно было ему—тряхнуть волчьєю своею шубою (на немъ была волчья шуба, шерстью вверх)—и мы, какъ испуганное стадо овецъ, умѣли только... молчать!“ Престарѣлый князь Алкасъ, такъ выразительно прозванный *двуязычнымъ*, съ душевнымъ прискорбіемъ повторялъ нѣсколько разъ: „Вотъ былъ день, въ который надо было рѣшиться... на все, если бы было кому!“ ... Кто зналъ кровавую жизнь этого старца, война не слишкомъ отважнаго, но интригана смѣлаго и коварнаго, тотъ пойметъ вполне смыслъ невольно сорвавшагося съ его языка восклицанія. Въ самомъ дѣлѣ, послѣ всѣ удивлялись, какъ это никто изъ его враговъ въ эту минуту не обнажилъ своего оружія!

Этотъ случай мы описали съ подробностію потому, что онъ показываетъ, какъ много можетъ сдѣлать человекъ, съ характеромъ отважнымъ, въ странѣ, бичующей необузданными

страстями, и непокорной, какова была Черкессія того времени. Умный генераль А. А. Н. понималъ это и говаривалъ о нашемъ героѣ: „Да, онъ можетъ все сдѣлать, если только.... захочеть!“

ХІІ.

Послѣднее свиданіе автора съ Ахоягоко. Народная черкесская пляска. Смерть Ахоягоко.

За два мѣсяца до своей смерти онъ прїѣзжалъ ко мнѣ. Это было въ 1838 году. Давно одержимый страшною болѣзнью, видимо приближавшею его въ гробу, онъ все еще былъ бодръ духомъ. Дней десять пробылъ онъ со мною, — и, признаюсь, это доставило мнѣ величайшее наслажденіе: я находилъ отраду въ бесѣдѣ съ такимъ человѣкомъ, въ устахъ котораго оживлялись родная старина, рыцарскій бытъ народа и пламенные геройскія лѣсни древнихъ черкесовъ.

Его сужденія о многихъ предметахъ были весьма оригинальны; но въ его словахъ, дѣйствіяхъ, даже движеніяхъ видна была какая-то, такъ-сказать, поспѣшность: онъ торопился во всемъ; оттого въ послѣднее время внушенія высокаго его духа нерѣдко уступали порывамъ раздражительности, — онъ готовъ былъ съ одинаковою поспѣшностію на величайшія дѣла самоотверженія и кровавыя злодѣянія! Благородные поступки и мужественные подвиги приводили его въ восторгъ, а всякая низость и подлое малодушіе — въ сильное негодованіе; между тѣмъ, сколько собственныхъ дѣлъ его запечатлѣно черными пятнами! Не даромъ черкесы говаривали: „На широкихъ его плечахъ сидятъ бѣсы!“ Противоположности въ его характерѣ выступали въ особенности на склонѣ его лѣтъ.

Въ заключеніе приведемъ одно любопытное его замѣчаніе.

На открытомъ воздухѣ, во дворѣ дома, гдѣ мы жили тогда, происходила національная черкесская пляска; народъ

шумѣлъ по обыкновенію, заглушая звуки музыки. Это общее веселіе, которому виною было мое возвращеніе изъ Петербурга, послѣ семи или восьми лѣтъ отсутствія, вовсе меня не занимало, и я былъ бы радъ отклонить его, если бы это можно было сдѣлать, не возбуждая неудовольствія. Чтобы избавиться, по крайней мѣрѣ, отъ шума, я расположился въ самой отдаленной и глухой комнатѣ, и тутъ записывалъ содержаніе одной, повидимому, очень древней пѣсни. Отворяются двери и онъ входитъ: „Ты слишкомъ лѣнивъ—это признакъ преждевременной старости; вотъ я ужъ и старъ (ему было около 60 лѣтъ) и больной, но еще не устаю. Пойдемъ смотрѣть на пляску!“ сказалъ онъ. Нечего было дѣлать—я съ нимъ пошелъ. Пляска шла очень шумно: „Смотрите, смотрите на этого молодца!“ вскричалъ князь, указывая на оборваннаго дѣтину—бѣднаго крестьянина, ростомъ маленькаго, очень некрасиваго лицомъ, который однакожъ танцевалъ, имѣя по обѣимъ сторонамъ и держа за руки двухъ прекрасныхъ дѣвушекъ, дочерей черкесскихъ дворянъ, офицеровъ русской службы и хорошаго состоянія. Надобно замѣтить, что во время пляски дѣвушки стараются казаться неразборчивыми, т. е. не отдающими предпочтенія кому бы то ни было: таковъ обычай! „Я былъ въ Константинополь“, продолжалъ князь: „видѣлъ и европейцевъ, но только мы черкесы—люди: тамъ и у тѣхъ вельможи и богачи—это полубоги, а простолюдины и бѣдные—скоты, которыхъ они презираютъ, между тѣмъ какъ у насъ крестьянинъ, рабъ или слуга, даже и нищій—все тотъ же человекъ. Мы покупаемъ дорогою цѣною жену, Богъ даруетъ намъ дочь, воспитываемъ ее, лелѣемъ, украшаемъ всѣмъ, что имѣемъ лучшаго,—а вотъ, во время веселія, она—наши крестьяне пляшутъ съ нами, какъ будто они съ нами на равной ногѣ!“ повторилъ князь въ заключеніе. Я не хотѣлъ огорчить больного моего гостя возраженіемъ, не совѣмъ и не во всемъ согласнымъ съ его мнѣніемъ, но и не могъ удер-

жать улыбки, вспомнивъ въ эту минуту, какъ коротокъ бывалъ судъ этого князя съ несчастными простолюдинами, которыхъ судьба бросала въ его желѣзныя лапы, и какъ часто ни во что ставилъ онъ и жизнь и кровь человѣческую.

На другой день онъ уѣхалъ къ себѣ домой—и больше мы уже съ нимъ не видѣлись: онъ умеръ чрезъ два мѣсяца. И враги, и друзья, со всѣхъ концовъ закубанской Черкессіи толпами стекались, чтобы пролить на могилѣ воина нѣсколько слезъ: одни—слезы притворной, другіе—искренней скорби; но и тѣ и другіе единодушно говорятъ, что равнаго ему теперь нѣтъ и, повидимому, не будетъ уже—онъ былъ послѣднимъ изъ мужественныхъ князей черкесскихъ, преданія объ отважныхъ подвигахъ которыхъ волнуютъ сердца потомковъ.

Отчего это всякій разъ, когда вспоминаешь эту быль, невольно становится грустно?... Точно также путникъ не можетъ безъ сожалѣнія, безъ участія взирать на родныя мѣста, опустошенныя уже грозой неумолимой судьбы, но кипѣвшія нѣбогда силою и блиставшія дарами природы дикой, но величественной!...

ОЗЕРО КЕЛИ И ЕГО ОКРЕСТНОСТИ.

Въ Душетскомъ уѣздѣ Тифлисской губерніи, не болѣе какъ верстахъ въ 8 отъ гребня Главнаго Кавказскаго хребта, въ заоблачной странѣ, среди безчисленнаго множества высокихъ горъ, покрытыхъ полосами и лентами вѣчнаго снѣга, лежитъ чудное по своей красотѣ озеро Кели. Хотя оно отстоитъ лишь на день пути отъ Военно-Грузинской дороги, окружено со всѣхъ сторонъ необыкновенно живописными мѣстами и представляетъ такъ много оригинальнаго, своеобразнаго, тѣмъ не менѣе почти никогда не посѣщалось кѣмъ-либо изъ путешественниковъ, а только посѣщалось жителями ближайшихъ ауловъ или селеній. Причина этому кроется главнымъ образомъ въ очень плохой дорогѣ, которая доступна притомъ лишь въ теченіе $2\frac{1}{2}$ или 3 мѣсяцевъ въ году, во все же прочее время бываетъ завалена такими массами снѣга, что проѣхать по ней нѣтъ никакой возможности.

Чтобы пробраться къ озеру отъ Военно-Грузинской дороги, лучше всего отправиться верхомъ съ хорошимъ проводникомъ со станціи Млеты; но я и мой спутникъ В. С. Истамановъ рѣшили воспользоваться болѣе короткимъ, зато, впрочемъ, и гораздо болѣе труднымъ путемъ, именно отъ Гудаура, лежащаго къ востоку отъ озера Кели и отдѣляющагося отъ него долиной Бѣлой Арагвы съ окружающими ее горами.

По проѣздѣ на Гудаурскую станцію мы прежде всего приступили къ присканію проводника, и хотя въ этомъ дѣлѣ намъ оказывалъ живое участіе одинъ изъ служащихъ на Военно-Грузинской дорогѣ, мы, однако, долго не могли найти подходящаго человѣка. Наконецъ, одинъ осетинъ, живущій въ небольшомъ аулѣ, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ станціи, взялся

вести насъ къ озеру; мы еще съ вечера, т. е. наканунѣ отъѣзда, окончательно уговорились съ нимъ насчетъ путешествія и дали ему задатокъ. Утромъ, однако, нашъ чичероне долго не показывался, и я сталъ подумывать, какъ бы онъ не обманулъ насъ; наконецъ, часовъ въ 10 утра онъ явился вмѣстѣ съ 3 верховыми лошадьми, и вскорѣ мы двинулись въ путь. Предъ самымъ отъѣздомъ мой спутникъ случайно узналъ, что нашъ проводникъ Михако сильно раскаивался въ томъ, что взялся вести насъ къ озеру и, сидя въ духанѣ и расчувствовавшись, вѣроятно, подъ вліяніемъ винныхъ паровъ, проливалъ даже по этой причинѣ слезы.

Окрестности Гудаура очень красивы, но еще красивѣе испещренная узкими и длинными полосами снѣга цѣпь горъ, ограничивающихъ гудаурскій горизонтъ съ сѣверо-западной стороны. Мимо этихъ горъ проходитъ дорога къ озеру; поэтому, я считаю нелишнимъ сказать о нихъ нѣсколько словъ. Онѣ принадлежатъ частью главному хребту, частью же его ближайшимъ отрогамъ и носятъ названія: Байдара, Сырхъ и Кели. Первая лежитъ восточнѣе прочихъ и ближе къ перевалу Военно-Грузинской дороги. Она имѣетъ островочную форму и состоитъ изъ черныхъ вулканическихъ породъ; снѣга на ней очень мало, зато всѣ склоны ея покрыты обширными осыпями, простирающимися отъ вершины горы и почти до самаго основанія.

Сырхъ представляетъ довольно правильную пирамиду съ широкимъ основаніемъ и широкой плоской вершиной, замѣтно наклоненной въ одну сторону. По склонамъ его красиво расходятся въ видѣ лучей длинныя и широкія ленты снѣга. Гора эта особенно обращаетъ на себя вниманіе своимъ краснымъ цвѣтомъ, за что и получила осетинское названіе „Сырхъ“, означающее „красный“. Она, подобно большей части горъ, находящихся по пути къ озеру Кели, состоитъ изъ краснаго трахита, который и придаетъ ей такой цвѣтъ.

Влѣво отъ этой горы громоздится цѣлая цѣпь, заключающая въ себѣ 7 острозубчатыхъ вершинъ, необыкновенно красиво разрисованныхъ бѣлыми пятнами, полосами и лентами снѣга. Эту гору называютъ Кели или „Семь братьевъ“ за ея 7 вершинъ *). Еще лѣвѣе ея и притомъ значительно дальше виднѣется четвертая вершина, которая такъ же красиво испещрена снѣжными полосами. Она находится недалеко отъ озера Кели, и мимо нея проходитъ къ озеру дорога. Изъ-подъ этой горы вытекаетъ западный истокъ Бѣлой Арагвы. Надо замѣтить, что всѣ эти горы имѣютъ очень своеобразный снѣжный покровъ. На нихъ нѣтъ ни одного обширнаго снѣжнаго поля, вершины ихъ совершенно голы, а бока испещрены замѣчательно эффектно то круглыми, то продолговатыми или вытянутыми въ линіи пятнами снѣга, образующими очень красивыя бѣлыя сѣти на темномъ фонѣ скаль.

Часовъ въ 10 утра мы выступили изъ Гудаура. Намъ надо было прежде всего спуститься къ Арагвѣ, переправиться черезъ нее и, взобравшись на горы, возвышающіяся съ правой стороны долины, продолжать путь къ озеру приблизительно въ западномъ направленіи. Человѣку, недостаточно хорошо знакомому съ характеромъ здѣшней мѣстности, все это можетъ показаться дѣломъ очень легкимъ, въ дѣйствительности же оно далеко не таково. Прежде всего надо сказать о спускѣ къ Арагвѣ, представляющемъ нѣчто вовсе не заурядное. Многимъ читателямъ извѣстенъ, конечно, спускъ отъ Гудаура къ Млетамъ, расположеннымъ также на берегу Арагвы, — спускъ, представляющій прекрасно раздѣланную дорогу, извивающуюся по лѣвому склону долины на протяженіи цѣлыхъ 14 верстъ, но мы, не пожелавъ ѣхать черезъ Млеты, должны были оставить этотъ спускъ и направиться отъ Гудаура прямо внизъ къ Арагвѣ по тропинкѣ вовсе не раздѣланной, заваленной

*) На пятиверстной картѣ Кавказа она обозначена не рядомъ съ Сырхъ а за нимъ.

камнями, страшно крутой и вообще очень скверной. Кое-гдѣ она служитъ еще русломъ для небольшихъ ручейковъ, стекающихъ съ горъ, и здѣсь становится, кромѣ того, грязной и скользкой.

Весь спускъ къ Арагвѣ тянется здѣсь не на протяженіи 14 верстъ, какъ Млетскій, а всего лишь на 2 и $2\frac{1}{2}$ верстахъ. Принявъ это во вниманіе, читатель можетъ представить себѣ, насколько крутъ этотъ спускъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ онъ имѣетъ уклонъ, доходящій, быть-можетъ, градусовъ до 35, но почти вездѣ таковъ, что человекъ или лошадь съ трудомъ могутъ идти по немъ. Въ началѣ, т. е. въ верхней части, онъ сплошь заваленъ краснымъ, крупно-зернистымъ песчаникомъ, сходнымъ съ тѣмъ, который употребляется обыкновенно для простыхъ точильныхъ брусковъ, а въ нижней—какъ на самой дорожкѣ, такъ и по сторонамъ ея навалены кучи сѣраго аспиднаго сланца. Куски этихъ минераловъ ползутъ и ватятся изъ-подъ ногъ и дѣлаютъ путешествіе по тропинкѣ далеко не безопаснымъ. Но сама тропинка еще не такъ страшна, какъ тѣ кручи, которыя находятся по сторонамъ ея. Склоны долины во многихъ мѣстахъ обрываются здѣсь почти отвѣсно и образуютъ промасти, глубиною въ сотни или даже тысячи футовъ.

Мы употребили на этотъ спускъ $1\frac{1}{2}$ часа, но онъ едва не обошелся мнѣ черезчуръ дорого. Надо замѣтить, что мнѣ досталась очень плохая лошадь: шла она подъ гору ужасно скверно, такъ что мѣстами я долженъ былъ буквально стаскивать ее внизъ за поводъ; но на одномъ изгибѣ, гдѣ тропинка была особенно крута, лошадь, вѣроятно, подъ вліяніемъ страха совсѣмъ отказалась идти. Я попрежнему началъ тащить ее внизъ, а въ это же время нашъ проводникъ схватилъ ее за хвостъ, чтобы не дать ей упасть на сторону. Кляча, передъ этимъ едва передвигавшая ноги, испугалась, начала бить задомъ и, поскользнувшись, повалилась на меня и

столкнула меня съ ногъ. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ происходило все это, у самаго края тропинки зіяла пропасть глубиною въ нѣсколько десятковъ сажень, и я вмѣстѣ со своею лошадью едва не скатился въ нее. Мнѣ удалось схватиться за камень, задержать на нѣсколько мгновений паденіе лошади, а тѣмъ временемъ Михако успѣлъ поймать ее снова за хвостъ и пособить подняться на ноги. Такимъ образомъ, исторія, которая могла бы имѣть очень плохой исходъ, окончилась благополучно.

За полверсты до береговъ Арагвы тропинка становится настолько лучше, что по ней можно итти уже безъ всякихъ опасеній сорваться въ пропасть, а нѣсколько ниже—даже ѣхать на лошади. По этой тропинкѣ мы добрались до самаго дна долины, которое оказалось сильно занесеннымъ камнями. Переѣхавъ еще чрезъ небольшой ручеекъ, гдѣ подъ открытымъ небомъ, вдали отъ жилья, нѣсколько человѣкъ осетинъ были заняты вуреніемъ араки, мы добрались, наконецъ, до самой Арагвы.

Долина этой рѣки, вмѣстѣ съ окружающими ее горами, имѣетъ здѣсь очень живописный видъ, но картина является еще несравненно лучше, если смотрѣть на долину съ верхнихъ частей только что описанной тропинки. Рѣка, извинаящаяся по дну этой страшно глубокой пропасти, представляется тогда узкой, бѣлой, блестящей какъ серебро извилистой лентой, которая, дѣлая множество извилинъ, то разбивается на отдѣльныя струйки, то снова собирается въ одно цѣлое. Плоское дно ущелья, сплошь заваленное камнями, окаймляетъ рѣку съ обѣихъ сторонъ широкой свѣтлосѣрой полосой, которая въ солнечный день сильно блеститъ и тѣмъ рѣзко отличается отъ покрытыхъ зеленою склоновъ долины. Подъ нами находилось тогда то мѣсто ея, гдѣ оба главные истока рѣки (одинъ, протекающій чрезъ ущелье Гудъ, а другой—чрезъ мѣсто Непискало) сливаются вмѣстѣ, образуя Бѣлую Арагву. Отсюда тянутся вверхъ два красивыя, извилистыя ущелья, а

между ними выступает крутой довольно высокой мыс. Близи его не без труда можно было рассмотреть сверху несколько маленьких групп домиковъ и множество хлѣбныхъ полей. Послѣднія въ видѣ узкихъ, длинныхъ свѣтлозеленыхъ полосокъ красиво пестрили большую часть склоновъ долины, а между ними, въ свою очередь, выступали то скалы, осипи или небольшіе лѣски, то красивыя сѣти горныхъ тропинокъ, извивающихся по всѣмъ направленіямъ, и длинныхъ вучъ или грудъ камней, собранныхъ заботливой рукою съ пахатныхъ мѣстъ и расположенныхъ вокругъ нихъ четырехугольными клѣтками. На сѣверѣ и сѣверо-западѣ виднѣлись, кромѣ того, высокія горы, окаймляющія верховья Арагвы и покрытыя порядочнымъ количествомъ снѣга, а надъ ними чудное темно-синее альпійское небо. Такимъ образомъ, эта долина представляетъ какъ бы отдѣльный маленький мірокъ со своими собственными рѣками, полями, лѣсами и скалами, къ которымъ присоединяются еще кое-гдѣ и человѣческія жилища.

На двѣ долины, у самыхъ береговъ Арагвы, находятся, какъ было только что замѣчено, человѣческія жилища, именно нѣсколько маленькихъ ауловъ, населенныхъ исключительно осетинами. Въ одинъ изъ нихъ, именно Эрето, гдѣ находился домъ нашего проводника, мы заѣхали часа на полтора, чтобы сдѣлать небольшой отдыхъ. Во время пребыванія въ Эрето я обратилъ вниманіе на нѣсколько хижинъ, почти совершенно свесенныхъ водою; здѣсь же было видно много и такихъ, которыя вода уже стала подмывать и, вѣроятно, въ скоромъ времени должна будетъ снести вовсе. Въ подобномъ положеніи находилась, напр., и хата, принадлежащая нашему проводнику. Хижины, подмытыя или даже совсѣмъ свесенныя водою, оказались и въ сосѣднихъ съ Эрето аулахъ. Кромѣ того, здѣсь же были видны огромныя кучи камней и щебня, нагроможденныхъ, какъ замѣтно, тоже въ недавнее время. Словомъ, многое указывало на то, что въ самомъ недалекомъ

прошедшемъ здѣсь происходила какая-то борьба стихій. Разспрашивая мѣстныхъ жителей объ этомъ обстоятельствѣ, я узналъ, что проливные дожди, которые шли въ горахъ лѣтомъ 1891 года и испортили на значительномъ протяженіи Военно-Грузинскую дорогу, прекративъ даже сообщеніе по ней, надѣлали не мало бѣдъ и здѣсь. Арагва въ то время страшно разлилась, выступила изъ береговъ, нанесла громадныя массы камня и превратила въ пустыни луга, пастбища и хлѣбныя поля, разрушивъ при этомъ многія постройки, остатки которыхъ уцѣлѣли кое-гдѣ и до сихъ поръ. Къ опустошеніямъ, произведеннымъ разливомъ рѣки въ 1891 году, присоединились еще новыя, причиной которыхъ были сильныя дожди, лившіе въ началѣ лѣта настоящаго года.

Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ ауловъ, на склонахъ долины, виднѣются небольшія заросли изъ орѣшника и мелкихъ березокъ, а кое-гдѣ и болѣе или менѣе порядочныя лѣски. Послѣдніе, какъ я узналъ отъ мѣстныхъ жителей, довольно строго охраняются лѣсной стражей и только, благодаря этому, уцѣлѣли до сихъ поръ. Мнѣ было очень отрадно слышать о такихъ порядкахъ, но нельзя не пожелать, чтобы и другія болѣе мелкія заросли находились подъ нѣкоторымъ присмотромъ и не истреблялись безъ всякой пощады, или даже, чтобы здѣсь приступили къ разведенію лѣсовъ на новыхъ мѣстахъ. Это было бы очень полезно, такъ какъ тогда опасности отъ наводненій уменьшились бы, по крайней мѣрѣ, наполовину; существованіе же лѣсовъ, деревьевъ и кустарниковъ на очень многихъ мѣстахъ по склонамъ долины показываетъ, конечно, что ни климатическія причины, ни лавины, ни другія неблагоприятныя условія не могли бы представить здѣсь серьезныхъ препятствій для лѣсоразведенія.

Благодаря крутизнѣ склоновъ долины, множеству скалъ, осыпей и камней, жители имѣютъ здѣсь сравнительно очень недостаточное количество удобной для хлѣбспасества земли и

поэтому очень прилежно ухаживают за нею: очищают ее от камней, орошают, унаваживают, разравнивают и т. д.; несмотря на эти хлопоты, можно связать съ увѣренностью, что хлѣбныя поля кормятъ ихъ гораздо меньше, чѣмъ Военно-Грузинская дорога, дающая имъ постоянно довольно порядочный заработокъ.

Часа въ два пополудни мы выѣхали изъ аула, вбродъ переправились чрезъ Арагву и стали подниматься на горы, составляющія правый склонъ ея долины. Первые версты полторы можно было проѣхать верхомъ, дальше же подъемъ сталъ настолько крутъ, что пришлось взбираться на него пѣшкомъ, употребивъ на это цѣлый часъ. Почти у самаго конца его возвышается высокая, темная, отвѣсная скала, у основанія которой проходитъ тропинка. Скала эта состоитъ, какъ и многія здѣшнія горы, изъ трахита.

Обогнувъ скалу, тропинка становится уже далеко не такой крутой, какъ прежде, и вскорѣ выходитъ на прекрасный горный лугъ. На немъ только къ концу лѣта косятъ траву, но никогда не пасутъ скотъ; поэтому онъ имѣетъ очень пышный, нарядный видъ и представляетъ чудную смѣсь самыхъ яркихъ цвѣтовъ: синяго, голубого, краснаго, розоваго, желтаго и т. д. Здѣсь попадаются на каждомъ шагѣ красивыя крупныя колокольчики (*Campanula Adami* M. B. и *C. Bibersteini* ana), незабудки, розовая персидская ромашка (*Pyrethrum roseum*), прекрасныя орхисы (*Orchis maculata*) съ фиолетово-розовыми цвѣтами, красивый *Linum hirsutum*, истода (*Polygala*), герани, чемерица (*Veratrum album* L.) съ красивыми крупными свѣтлозелеными листьями, *Caltha palustris*, *Aconitum orientale* Mill., щавель (*Rumex crispus*), *Inula glandulosa* Will., красивыя синія *Gentiana septemfida* Pall., *Veronica pedunculata* M. B., *Betonica grandiflora* L., постоянная спутница всѣхъ горныхъ луговъ Кавказа и т. д.

Проѣхавъ по такимъ лугамъ версты двѣ, мы снова по-

пали на очень крутой косогоръ, составляющій продолженіе все того же праваго склона долины западнаго истока Арагвы. Дорога въ озеру Кели тянется отсюда на протяженіи версты семи вдоль этой рѣчки, доходитъ до самыхъ истоковъ ея и потомъ уже поворачиваетъ вправо.

Первыя версты двѣ намъ снова пришлось пройти пѣшкомъ, такъ какъ ѣхать по упомянутому крутому косогору было небезопасно. Мѣстность по сторонамъ тропинки была здѣсь далеко непривлекательная, а растительность сравнительно очень бѣдная; только вдали было на чемъ глазу остановиться, — тамъ видѣлись красивыя горы, долины, луга, скалы и снѣга. Наконецъ, отсюда же глазамъ путешественника открывается видъ на очень живописный водопадъ, о которомъ стоитъ сказать нѣсколько словъ. Русло Арагвы образуетъ здѣсь уступъ высотой въ нѣсколько сажень, при чемъ вся рѣчка падаетъ съ отвѣсной черной шиферной скалы на обнаженныя каменныя глыбы, торчашія со дна ущелья; здѣсь часть воды разбивается на микроскопическія капли и превращается такимъ образомъ въ водяную пыль, которая нѣсколькими высокими водяными столбами поднимается вверхъ изъ пропасти. Вокругъ водопада разбросаны зеленые луга съ торчашими на нихъ темными аспидными скалами.

Миновавъ водопадъ, мы снова попали на болѣе хорошую дорогу, идущую уже почти по самому дну долины, проѣхали еще версты $1\frac{1}{2}$ или 2, затѣмъ выбрали удобное мѣстечко и остановились на ночлегъ. Недалеко отъ насъ, на противоположномъ склонѣ долины, былъ выстроенъ балаганъ; въ немъ жило нѣсколько пастуховъ-грузинъ, которые пасли здѣсь свои стада овецъ. У нихъ мы рѣшили купить себѣ барана, чтобы имѣть мясо какъ на предстоящій вечеръ, такъ и на тѣ 2—2 дня, которые должны будемъ употребить на поѣздку въ озеру; кромѣ того, здѣсь же намъ нужно было запастись хотя самымъ небольшимъ количествомъ дровъ, чтобы имѣть воз-

возможность приготовить чай или что-нибудь другое вблизи озера, где, кроме небольшой травки, нет никакой растительности.

Наша стоянка находилась на высоте слишком 8,000 футов, на альпийском лугу, окруженном со всех сторон самыми красивыми видами. Нигде, кажется, природа не представляет таких резких контрастов, такого странного и загадочного смешения самых неподходящих друг к другу предметов, самых разнообразных оттенков и цветов, как в подобных местах. В самом деле, здесь роскошные торные луга, усыянные безчисленным множеством всевозможных цветов, а иногда и прекрасные леса располагаются рядом с суровыми мрачными уступами скал и пустынными, лишенными всякой жизни, каменными осыпями. Сугробы снега бывают нередко окружены здесь чудными генцианами, незабудками, фиалками и лежат таким образом посреди прекрасно разрисованного ковра из живых цветов. Крупные красивые бабочки (напр. *Arginnis*) и мухи летают весело над снегом, а часа через 3—4 после порядочного утреннего мороза солнце начинает палить так сильно, что обжигает кожу на руках и лице даже привычного человека. Здесь же, среди роскошных цветов, текут холодные, как лед, хорошенькие речки и ручейки, покрытые пьюной и безчисленным множеством блестящих как серебро водопадов, а вдали видны величественные горы, на которых царит безмолвие смерти и вечная зима.

Приехав к месту остановки, мы прежде всего развьючили своих лошадей, затем разбили палатку, разложили в ней свое имущество и тогда уже могли заняться осмотром окружающей нас местности. Наша стоянка находилась в полусотне саженей от Арагвы и несколько больше разстояния от скалистых гор правой стороны долины, на ко-

торыхъ лежали уже порядочные сугробы снѣга. Эти горы состоятъ изъ шифера и мѣстами имѣютъ очень оригинальныя очертанія. Особенно замѣчательны въ этомъ отношеніи красивыя зубчатыя скалы, образующія нѣсколько параллельныхъ грядъ, идущихъ сверху внизъ по правому склону долины; горы же лѣвой стороны ея болѣе пологи и ничего особеннаго не представляютъ. Вдали, на сѣверо-востокѣ, виденъ былъ съ нашей же стоянки Крестовый перевалъ съ окружающими его горами и кусочекъ Военно-Грузинской дороги, а на западѣ извилистая долина все той же Арагвы, которая постепенно поднималась выше и выше и окаймлялась болѣе и болѣе высокими хребтами горъ, покрытыми уже довольно порядочными массами снѣга. Надо, однако, замѣтить, что эти снѣжныя поля, имѣвшія въ то время, т. е. въ послѣднихъ числахъ іюня, довольно значительные размѣры, къ концу лѣта ставяють совершенно. Такимъ образомъ, вѣчныхъ снѣговъ, въ строгомъ смыслѣ, въ этой долинѣ нѣтъ вовсе. Горы, окружающія ее, поднимаются лишь до 9 или 10 тыс. футовъ и, слѣдовательно, лежатъ ниже снѣжной линіи, которая въ этихъ частяхъ Кавказа должна находиться на высотѣ около 11 или 11¹/₂ тысячъ футовъ.

Вскорѣ послѣ пріѣзда къ этому мѣсту, мы отправили своего проводника къ пастухамъ съ порученіемъ купить у нихъ барана и дровъ. Онъ раздобылъ то и другое, но дрова изъ сырыхъ рододендроновъ оказались настолько плохими, что на нихъ едва можно было согрѣть небольшой чайникъ. Къ пастухамъ было у насъ еще дѣло. Отправляясь въ такое глухое мѣсто, какъ озеро Кели, я думалъ взять съ собою отсюда еще одного человѣка, который ночью присматривалъ бы за нашими лошадьми, да естати и доvezъ бы для насъ или дотащилъ на своихъ плечахъ вязанку дровъ. Мы просили, чтобы кто-нибудь изъ пастуховъ отправился съ нами, но, къ сожалѣнію, желающаго не оказалось; всѣ они выставляли при-

чиною своего отказа невозможность оставить без присмотра своих овецъ. Предполагая, что до озера Кели уже недалеко, мы просили, чтобы кто-нибудь изъ нихъ только донесъ намъ дрова и въ тотъ же день возвратился назадъ; но и на это ни одинъ изъ нихъ не соглашался, несмотря на довольно порядочную плату, которую мы предлагали имъ. Тогда все это насъ очень удивляло, но потомъ, когда мы побывали на озерѣ и узнали, какова дорога къ нему, дѣло это объяснилось очень просто.

Въ теченіе большей части дня, именно съ ранняго утра и почти до самаго вечера, ни на небѣ, ни на горахъ не было видно ни одной тучки; часовъ же въ 5 пополудни на многихъ вершинахъ начали появляться густые свинцово-сѣрые клубы облаковъ, которые, быстро разрастаясь, затягивали все большее и большее пространство. Черезъ часъ они окутали всѣ вершины горъ и по склонамъ ихъ начали довольно быстро сползать внизъ, а еще немного поздвѣе покрыли непроглядной пеленой все, что было раньше у насъ предъ глазами, за исключеніемъ лишь самаго dna долины. Я подумалъ, какъ бы къ ночи не собрался дождь, но нашъ проводникъ и пастухи-грузины увѣряли, что здѣсь такое накопленіе облаковъ случается почти каждый вечеръ и вовсе не можетъ считаться предвѣстникомъ дурной погоды. Они, какъ оказалось впоследствии, были правы. Вечеръ, смѣнившій день, вышелъ прекраснымъ, тихимъ и очень теплымъ для мѣстности слишкомъ въ 8000 ф. высотой. Это, конечно, надо было приписать сильно облачному небу, которое препятствовало охлажденію земли и воздуха посредствомъ лучеиспусканія. Предъ разсвѣтомъ, однако, всѣ тучи разсѣялись и стало гораздо холоднѣе. Даже въ 5 часовъ утра, т. е. часъ спустя послѣ восхода солнца, термометръ показывалъ только $+5^{\circ}\text{C}$.

Когда мы встали, погода была прекрасная, и только оди-
ночныя, густыя, круглыя тучки, напоминавшія своей формой

клубы дыма, который вылетаетъ въ моментъ выстрѣла изъ пушки, лѣниво переползали по вершинамъ горъ съ одной скалы на другую. Въ это время мнѣ представился прекрасный случай наблюдать вдали очень интересную картину быстрого образованія и разсѣванія облаковъ подъ вліяніемъ измѣненія температуры. На горахъ, къ востоку отъ перевала Военно-Грузинской дороги, находился одинъ высокій гребень, чрезъ который вѣтеръ непрерывной сильной струей гналъ воздухъ съ сѣверной стороны Кавказскаго хребта на южную. Воздухъ этотъ, безъ сомнѣнія, былъ очень близокъ къ насыщенію водяными парами и, поднимаясь на упомянутый высокій гребень, охлаждался вслѣдствіе расширенія и не только становился насыщеннымъ парами, но, какъ можно было замѣтить издали, выдѣлялъ даже часть ихъ въ видѣ тумана или облаковъ. Но какъ только этотъ воздухъ переходилъ чрезъ гребень, то подъ вліяніемъ тяжести снова спускался внизъ, въ мѣста съ болѣе сильнымъ давленіемъ, согрѣвался вслѣдствіе этого, и его облака, только что образовавшіяся, снова исчезали, превращаясь въ невидимый паръ. Такимъ образомъ, воздухъ и всѣ горы вокругъ этого гребня были совершенно чисты, а онъ одинъ все время какъ будто бы горѣлъ и дымился. Это продолжалось до тѣхъ поръ, пока солнце поднялось довольно высоко и своими лучами согрѣло воздухъ настолько сильно, что сдѣлало его далекимъ отъ насыщенія.

Въ 8 часовъ утра мы двинулись въ путь. Ѣхать намъ приходилось все вдоль того же истока Бѣлой Арагвы, долина которой сдѣлалась здѣсь просторной, широкой и совсѣмъ не глубокой, но тянулась все въ томъ же приблизительно западномъ направленіи. Съ южной стороны она окаймлялась сравнительно высокими и крутыми горами, состоящими изъ шифера и кое-гдѣ покрытыми снѣгомъ, съ сѣверной же очень низкими и пологими. Надо, однако, замѣтить, что самое дно долины лежитъ здѣсь на высотѣ уже $8\frac{1}{2}$ тысячъ футовъ, а

обружающія ея горы поднимаются еще футовъ на 700 или 800. Тѣ изъ нихъ, которыя составляютъ сѣверный (лѣвый) склонъ долины, отдѣляютъ эту послѣднюю отъ сосѣдней съ нею, по которой течетъ другой истокъ Арагвы. На нихъ валяется довольно много трахитовыхъ глыбъ, а тропинка наша дѣлается все менѣе и менѣе замѣтной и наконецъ исчезаетъ вовсе. Въ ней, впрочемъ, и не ощущается особенной надобности, такъ какъ въ этихъ сравнительно пологихъ мѣстахъ можно одинаково хорошо ѣхать въ любомъ направленіи.

Пропутешествовавъ еще съ часъ времени, мы достигли того мѣста, гдѣ истокъ Арагвы получалъ свое начало изъ-подъ земли. Здѣсь на днѣ долины, а частью и на ея склонахъ, на пространствѣ въ нѣсколько сотенъ квадратныхъ сажень находится съ полдюжины большихъ родниковъ, и изъ нихъ получаетъ свое начало эта рѣчка. Растительность становится въ этихъ мѣстахъ все болѣе и болѣе тощей, скудной и низкорослой, а преобладающимъ элементомъ ея является маленькій, плотно прилегающій къ землѣ клеверъ (*Trifolium ambiguum*), образующій мѣстами сплошной дернъ и представляющій лучшее кормовое растеніе высокоихъ альпійскихъ пастбищъ. Кромѣ того, здѣсь растутъ нѣсколько видовъ мелкихъ злаковъ, осока (*Carex nigra*), *Centaurea alpina*, ромашка (*Anthemis Marschaliana* Will.), *Podospermum heterophyllum* C. Koch, *Draba imbricata*, *Viola biflora* L. и т. д. Послѣднія три принадлежатъ къ самымъ крошечнымъ горнымъ растеніямъ и, въ большинствѣ случаевъ, бываютъ не болѣе вершка ростомъ.

Проѣхавъ упомянутые источники, мы повернули вправо и вскорѣ выбрались изъ долины на довольно обширное плато, покрытое также мелкой, приземистой травкой, которая росла на мягкомъ, какъ подушка, грунтѣ изъ перегнившихъ корней злаковъ, осоки, мховъ и т. д.; здѣсь также валялось много трахитовыхъ глыбъ, которыя попали сюда очень давно и уже успѣли покрыться лишайниками, и, кромѣ того, куски черной,

сильно губчатой лавы. Последняя, впрочемъ, попадалась гораздо рѣже, чѣмъ трахиты. Такимъ образомъ, здѣсь замѣчалось рѣшительное преобладаніе изверженныхъ породъ надъ прочими.

Съ этого плато, которое само по себѣ не представляетъ ничего особеннаго, открывается вдали прекрасный видъ. На сѣверъ, за окраинной плато, мѣстность начинаетъ быстро понижаться, и такимъ образомъ возникаетъ новая долина, окаймленная скалами и осыпями; по дну ея течетъ другой истокъ Арагвы, значительно большій, чѣмъ тотъ, вдоль котораго мы ѣхали все время. На склонахъ и днѣ долины во многихъ мѣстахъ лежатъ сугробы снѣга, виденъ одинъ очень большой и красивый водопадъ, да, кромѣ него, нѣсколько меньшихъ.

Еще дальше на сѣверѣ, по другую сторону долины Арагвы, поднимаются высокія горы, убранныя сверху до низу снѣжными полосами и пятнами, подобно тому какъ Сырхъ и Кели, но въ значительной большей степени. Отсюда же открывается довольно высокая и стоящая нѣсколько въ сторонѣ отъ другихъ красноватая гора, а около нея довольно глубокая сѣдловина; чрезъ эту послѣднюю проходитъ дорога къ озеру. На западѣ и юго-западѣ также видно множество остроконечныхъ вершинъ, украшенныхъ снѣжными полями среднихъ размѣровъ.

Чтобы не спускаться глубоко въ долину этого истока Арагвы, мы должны были проѣхать на западъ еще версты четыре, т. е. почти до самыхъ верховьевъ рѣчки. Здѣсь дорога проходитъ на протяженіи версты двухъ чрезъ пустынную крайне дикую мѣстность, пересѣченную безчисленнымъ множествомъ овраговъ, балокъ, кручъ, ямъ, скалъ и снѣжныхъ полей. Буквально вся эта мѣстность была завалена глыбами вулканическихъ породъ, которыя нашли себѣ выходъ изъ-подъ земли, вѣроятно, частью здѣсь же, частью на сосѣднихъ горахъ. Въ пользу перваго предположенія говоритъ то обстоятельство, что въ этомъ хаосѣ камней, среди громадныхъ грудъ трахитовыхъ

обломковъ, стоятъ мощныя скалы того же трахита, которыя не могли быть принесены сюда изъ какихъ-либо другихъ мѣстъ.

Эта пустыня занимаетъ приблизительно 15—20 квадратныхъ верстъ. Никакой тропинки въ ней не существовало, а, между тѣмъ, намъ надо было ѣхать непременно въ строго-опредѣленномъ направленіи, потому что, въ противномъ случаѣ, мы могли бы забраться въ такія трущобы, изъ которыхъ трудно было бы выбраться. Несмотря на хорошую погоду, мы нѣсколько разъ сбивались съ пути, натываясь то на снѣжныя поля, то на скалы или овраги, чрезъ которые нельзя было переѣхать. Такъ какъ небо въ это время начало покрываться облаками, то я сталъ опасаться, чтобы они не спустились ниже, не закрыли всѣхъ горъ и не заставили бы насъ остановиться на неопредѣленно долгое время въ этой холодной, суровой и негостепріемной мѣстности, гдѣ притомъ нельзя было бы ни разбить палатки, ни найти дровъ для костра или корма для лошадей.

Какъ ни печальна эта мѣстность, однако и въ ней было на что полюбоваться. Прекраснымъ украшеніемъ ея служатъ маленькія горныя озера, находящіяся почти въ каждомъ значительномъ углубленіи этой мѣстности. Мы видѣли ихъ штукъ 6, но значительно большее число ихъ лежитъ въ сторонѣ отъ дороги. Они имѣютъ округленную или продолговатую форму и отъ 50 до 100 сажень въ длину. Чистая, прозрачная, какъ роса, вода этихъ озеръ окрашена въ чудный сине-голубой цвѣтъ, а берега и дно ихъ состоятъ изъ скалъ и обломковъ темно-бураго трахита. Когда смотришь на такое озеро, то невольно приходитъ на умъ, что оно совсѣмъ забыто природой. Въ самомъ дѣлѣ, въ немъ нѣтъ ни рыбъ, ни насѣкомыхъ; на поверхности его никогда не плаваютъ ни птицы, ни растенія, да и вокругъ него все такъ же мертво.

Проѣхавъ эту пустыню, мы снова попали на болѣе веселыя мѣста. Предъ нами раскинулась теперь широкая, по-

логая, покрытая зеленой травкой долина, по дну которой течет Арагва, дѣлая множество извилинъ. Съ боковъ къ ней устремляются многіе ручьи и рѣчки, получающія начало изъ родниковъ и снѣжныхъ полей на склонахъ ближайшихъ горъ. По сторонамъ этой долины поднимаются высокіе крутые гребни, покрытые уже довольно большими снѣжными полями. Арагва разбивается здѣсь на нѣсколько отдѣльныхъ ручьевъ, причемъ дальше всѣхъ ихъ тянется тотъ, который течетъ съ сѣверо-запада по долинѣ, извинаящейся между высокими горами и почти до самаго дна заваленной снѣгомъ.

Мы спустились къ Арагвѣ, проѣхали версты двѣ по окружающимъ ее зеленымъ лугамъ и наконецъ приблизились къ подъему, ведущему на упомянутую раньше сѣдловину. Онъ былъ очень крутъ, грязень, а мѣстами заваленъ снѣгомъ. Съ каждымъ шагомъ дорога становилась здѣсь хуже и хуже. Ѣхать по ней на лошади было невозможно и мы стали взбираться на гору пѣшкомъ. Еще предъ началомъ подъема нами былъ замѣченъ на полугорѣ человекъ, который велъ за собою лошадь; не доходя сажень съ сотню до сѣдловины, онъ остановился и, очевидно, поджидалъ насъ. Черезъ полчаса мы догнали его и узнали, что онъ идетъ въ мѣстечко Маграндоли и долженъ будетъ пройти вмѣстѣ съ нами почти до самаго озера. Этой встрѣчей я былъ очень обрадованъ, такъ какъ нашъ новый компаньонъ, безъ сомнѣнія, отлично зналъ дорогу и могъ при случаѣ оказать намъ большія услуги.

Я забылъ сказать, что еще въ Гудаурѣ, когда мы собирали свѣдѣнія о дорогѣ къ озеру, насъ увѣряли, что до него можно доѣхать скоро и легко, и что труденъ будетъ только спускъ отъ Военно-Грузинской дороги къ Арагвѣ. Пастухи, вблизи стоянки которыхъ мы останавливались на ночлегъ, также говорили намъ, что отъ нихъ до озера совсѣмъ недалеко, именно не больше двухъ часовъ пути. Подъ вліяніемъ этихъ рассказовъ мы уже давно ожидали съ минуты на ми-

нугу, что, поднявшись на какой-нибудь бугоръ, вдругъ увидимъ озеро во всемъ его блескѣ. Я думалъ, что оно окажется гдѣ-нибудь вблизи тѣхъ небольшихъ озеръ, о которыхъ только что было сказано, но въ этомъ пришлось сильно разочароваться. Проѣхали мы еще версты двѣ, но даже и вдали озера не было видно. Мы спѣшили подняться на сѣдловину, думая, что съ нея увидимъ наконецъ давно ожидаемое озеро, но и на этотъ разъ сильно ошиблись: вмѣсто озера предъ нашими глазами открылась пустыня, въ которой, кромѣ снѣга, голыхъ скалъ и оспей, ничего другого не существовало, да къ тому же тянулась она настолько, насколько хваталъ глазъ. Такимъ образомъ, намъ предстояло еще шататься то по снѣгамъ, то по осыпямъ и скаламъ, по крайней мѣрѣ, часа два, а то и гораздо больше.

Предъ нами высилось множество громадныхъ горъ; на склонахъ ихъ тамъ и сямъ виднѣлись развалины скалъ и лишеныя всякой жизни шиферныя осыпи, которыя освободились, какъ замѣтно было, лишь недавно отъ своей снѣжной пелены; но гораздо болѣе половины всего видимаго пространства было покрыто фирновыми полями, и нашъ путь на значительной части своего протяженія долженъ былъ тянуться именно по этимъ полямъ. Надо было запасаться терпѣніемъ и еще цѣлые часы пробираться по такимъ мрачнымъ, пустыннымъ мѣстамъ.

Когда мы спустились съ сѣдловины, то попали въ широкую долину, дно и склоны которой были почти сплошь завалены снѣгомъ. Намъ пришлось пробираться то по осыпямъ, то по фирновымъ полямъ правой стороны долины. Несчастныя лошади часто тонули здѣсь въ снѣгу по самое брюхо и съ большимъ трудомъ подвигались впередъ; нерѣдко приходилось имъ прыгать и употреблять отчаянныя усилія, чтобы выбраться изъ глубокаго снѣга. Кромѣ того, нѣсколько разъ онѣ совершенно неожиданно проваливались сразу всѣми четырьмя

ногами въ пустоты, промытыя въ снѣгу водою и прикрытыя сверху тонкими снѣговыми же сводами. По временамъ и намъ самимъ итти бывало не легче, а тутъ еще приходилось тащить за собою лошадь, которая ежеминутно застрѣвала въ снѣгу.

Мы шли, придерживаясь, большею частью, востогоровъ, на которыхъ снѣга лежало не такъ много, чаще попадались мѣста, непокрытыя имъ, и, кромѣ того, было вообще суше, между тѣмъ какъ на днѣ долины всюду лежали сугробы снѣга то болѣе или менѣе сухого, то мокраго, пропитаннаго водою; здѣсь же стояли и цѣлыя озера воды. Замѣчательно, что въ этой долинѣ намъ уже совсѣмъ не попадались вулканическія породы, а лишь одинъ асидный сланецъ.

Пройдя еще съ часъ по такимъ же мѣстамъ, мы поднялись на невысокій гребень, съ котораго увидѣли озерцо, занимавшее площадь десятины въ двѣ и наполненное наполовину водою, наполовину снѣгомъ. Оно было вовсе некрасиво, имѣло мутную, неприятнаго цвѣта воду и окаймлялось со всѣхъ сторонъ снѣжными полями. Изъ него вытекалъ ручей, который направлялся уже не на востокъ, въ Арагвѣ, а на юго-западъ, къ верховьямъ Ксанки. Такимъ образомъ, гребень, съ котораго намъ открылось озерцо, долженъ считаться за водораздѣлъ между истоками упомянутыхъ двухъ рѣчекъ. Я опредѣлилъ его высоту, которая оказалась равной приблизительно 10.230 футамъ надъ уровнемъ моря. Съ этого мѣста, представляющаго также высшую точку на пути къ озеру *), мы увидѣли вдаль, въ юго-западной сторонѣ, покрытой скудной зеленью откосъ горы, до котораго было, повидимому, версты 2. Нашъ новый спутникъ объявилъ намъ, что съ этого откоса мы увидимъ вѣзонецъ озеро Кели.

Обойдя озерцо съ правой стороны, мы продолжали итти пѣшкомъ, шагая то по грязи, то по лужамъ воды, и почти

*) Горы, находящіяся по сторонамъ дороги, поднимаются, конечно, значительно выше.

все время придерживаясь берега ручья, вытекающего из озера, потом повернули вправо, поднялись немного и выбрались наконец на зеленый косогоръ, съ котораго дѣйствительно увидѣли край давно ожидаемаго озера. Пройдя еще сажень сотню, мы очутились на скользкой, пропитанной водою, шиферной осыпи, и теперь предъ нашими глазами открылась картина, при видѣ которой мгновенно были забыты всѣ трудности и невзгоды нашего длиннаго пути. Въ глубокой котловинѣ, среди множества высокихъ горъ, покрытыхъ снѣгомъ, который на многихъ изъ нихъ спускался до самой подошвы, раскинулось большое, чуднаго лазурно-голубаго цвѣта, необыкновенно красивое озеро. Оно имѣло значительно удлиненную форму и, изгибаясь между горами, окружающими его со всѣхъ сторонъ, приняло очертаніе, напоминающее букву S.

Въ одномъ мѣстѣ поверхность его имѣла сильно бѣлый цвѣтъ и какъ будто бы была покрыта льдомъ. Озеро Кели имѣетъ отъ 3 до 4 версты въ длину, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ до версты въ ширину и занимаетъ не всю упомянутую котловину, а лишь наиболѣе глубокую западную часть ея. Высокія крутыя горы, покрытыя большими снѣжными полями, которыя на значительной части протяженія западнаго берега спускаются до самаго уровня воды въ озерѣ, поднимаются здѣсь у самаго берега его. Совершенно иной видъ имѣетъ восточная сторона озера, гдѣ оно оваймляется невысокими, мѣстами крутыми, а мѣстами болѣе или менѣе пологими горами, за которыми слѣдуетъ широкая полоса, издали напоминающая, хотя и въ слабой степени, равнину, а въ дѣйствительности представляющая таковую же дикую пустыню, какъ та, чрезъ которую мы проѣзжали нѣсколько часовъ тому назадъ. Бесконечныя груды камня, свалы, пропасти, а мѣстами и небольшія снѣжныя поля перемѣшаны здѣсь въ самомъ ужасномъ, хаотическомъ безпорядкѣ.

Сѣверная сторона озера представляетъ большой контрастъ

по отношенію ко всѣмъ прочимъ. Она окаймляется сравнительно пологимъ склономъ, который обращенъ на югъ и потому не только лишенъ снѣга, но и покрытъ свѣжей зеленой травкой. Наконецъ, на югѣ озеро сильно суживалось, высокія горы все болѣе и болѣе тѣснили его съ боковъ, оставляя между собою лишь узкій просвѣтъ, чрезъ который, какъ извѣстно, устремляется на югъ главнѣйшій истокъ р. Ксаньи, получающій начало изъ самаго озера.

До озера оставалось теперь уже не болѣе двухъ верстъ; за осыпью, на которой мы стояли, начинался тотчасъ довольно пологій спускъ, сплошь покрытый мелкой травкой; вдоль него тянулась внизъ прямо къ озеру тропинка. Ни скалъ, ни камней, ни овраговъ здѣсь не существовало вовсе, и потому по ней всюду можно было ѣхать верхомъ; но такъ какъ до озера было уже совсѣмъ близко, и дорожка шла все время подъ гору, то мы рѣшили пройти всю ее пѣшкомъ. Часовъ въ 12 дня, выбравъ удобное мѣсто, мы остановились наконецъ саженьяхъ въ полутораста отъ озера.

Стоянка наша находилась на альпійскомъ лугу, покрытомъ очень мелкой густой травкой. Видно было, что съ этихъ мѣстъ свѣтъ сошелъ лишь недавно и растительность не успѣла еще развиться. Отдѣльные клочки снѣга лежали, впрочемъ, еще во многихъ мѣстахъ, въ томъ числѣ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нашей палатки. Вблизи нея протекалъ маленькій ручеекъ, впадающій въ озеро; здѣсь же вливалась въ него и та рѣчка, вдоль которой мы шли довольно долгое время. Предъ впаденіемъ въ озеро она разливалась и образовывала небольшое болотце, на которомъ мы за все время пребыванія около озера не видѣли ни птицъ, ни пресмыкающихся, ни амфибій. За болотцемъ разстилалось уже само озеро. Видъ на него и отсюда былъ необыкновенно красивъ. Зеленые склоны, испещренные во многихъ мѣстахъ узкими полосами снѣга, высокія горы, обнаженные скалы, громадныя черныя груды камней, на-

громожденныхъ другъ на друга, прекраснаго цвѣта чистѣйшая вода и вѣчные снѣга перемѣшались здѣсь самымъ причудливымъ образомъ. Особенно живописный видъ имѣла западная сторона озера, гдѣ почти на половинѣ всего протяженія берега снѣга спускались, какъ уже было сказано, до самой поверхности воды въ озерѣ. Здѣсь же вдоль берега возвышались три высокія горы, изъ которыхъ одна имѣла форму очень правильной пирамиды и почти вся была покрыта снѣжными полями.

Мѣсто, на которомъ мы расположились, находилось по моему опредѣленію на высотѣ почти 9,600 футовъ надъ уровнемъ моря; что же касается озера, то оно располагалось футовъ на 15—20 ниже насъ.

Отдохнувъ съ часъ около палатки, я отправился осмотрѣть озеро и избралъ для этой цѣли западный берегъ. На протяженіи около версты отъ нашей стоянки тянулись здѣсь тощія горные луга, а дальше все чаще и чаще стали встрѣчаться снѣга и осыпи. Я прошелъ по берегу озера версты двѣ, собирая по пути насѣкомыхъ и растенія; тѣхъ и другихъ оказалось въ этихъ мѣстахъ очень мало. Изъ насѣкомыхъ мною было найдено нѣсколько штукъ божьихъ коровокъ (*Coccinella*), одна жужжелица, 2 или 3 наѣздника (*Ichneumon*), одинъ долгоносикъ (*Curculio*) и съ десятокъ сѣрыхъ ночныхъ бабочекъ одного и того же вида. Растеній, конечно, оказалось значительно больше. Довольно часто попадались: *Poa alpina*, *Veronica gentianoides*, *Miosotis silvatica*, *Lusula pilosa*, *Carex nigra*, *Potentilla argentea*, рѣже крошечныя *Ornithogallium*, *Taraxacum*, *Gentiana pugnensis* и *Primula*. Всѣ эти растенія, а въ особенности послѣднія три, имѣли очень незначительную величину; у генціаны, напр., стебля и листьевъ почти не было замѣтно и все растеніе состояло какъ будто бы изъ одного только довольно крупнаго, прекраснаго сапфирно-синяго цвѣтка. Здѣсь же встрѣтилъ я довольно много кро-

шечныхъ дымянокъ (*Corydalis alpestris* C. A. Meyer, sp.), которыя въ другихъ мѣстахъ Кавказа мнѣ не попадались вовсе.

Что касается самого озера, то оно кажется совершенно лишено животныхъ, по крайней мѣрѣ позвоночныхъ. Скольکو я ни присматривался къ нему, мнѣ ни разу не довелось замѣтить тѣхъ характерныхъ круговъ на поверхности воды или всплесковъ, которые указываютъ на присутствіе рыбъ. Точно также нигдѣ у береговъ не видѣлъ я маленькихъ молодыхъ рыбокъ, которыя должны были бы попасться на глаза, если бы эти животныя здѣсь водились. Принимая во вниманіе высоту, на которой лежитъ озеро, не трудно объяснить и причины отсутствія въ немъ рыбы. Въ альпійскихъ озерахъ, находящихся на очень большихъ высотахъ, какъ извѣстно, онѣ обыкновенно не живутъ по двумъ причинамъ: во-первыхъ, эти озера въ теченіе большей части года (8—9 мѣсяцевъ) бываютъ покрыты льдомъ, а, во-вторыхъ, воды ихъ, находясь подъ слабымъ давленіемъ атмосферы, поглощаютъ сравнительно мало газовъ и, слѣдовательно, необходимаго для жизни животныхъ кислорода. Послѣдней причинѣ надо приписать, вѣроятно, первенствующее значеніе, такъ какъ рѣки и озера полярныхъ странъ, такъ же остающихся подъ льдомъ большую часть года, не лишены животныхъ. Пресмыкающихся и амфибій, по моимъ наблюденіямъ, въ Кели также не существуетъ вовсе.

Вблизи озера въ углубленіяхъ между горами камней найденъ былъ мною такъ называемый красный снѣгъ, окрашенный, строго говоря, не въ красный, а въ темно-розовый цвѣтъ. Вода, полученная изъ него, по прибавленіи небольшого количества спирта, была взята мною для изслѣдованія. Подъ микроскопомъ я увидѣлъ въ ней множество шарообразныхъ клѣточекъ, большая часть которыхъ отъ дѣйствія спирта уже обезцвѣтилась, а меньшая сохранила еще свою окрас-

жу. Клёточки эти оказались микроскопическимъ организмомъ, извѣстнымъ подъ именемъ протоккоккуса (*Protococcus nivalis*), который нерѣдко окрашиваетъ въ розово-красный цвѣтъ снѣга Альпъ и другихъ высокихъ горъ.

Ближайшее знакомство съ озеромъ показало, что оно содержитъ прѣсную, довольно пріятную на вкусъ, чистую, очень прозрачную воду, напоминающую цвѣтомъ морскую и принимающую самые разнообразныя оттѣнки, отъ темно-синяго до зелено-голубого. Она очень холодна; въ пасмурные дни температура ея близка къ 0° , а по утрамъ, какъ мы увидимъ ниже, у береговъ озеро даже лѣтомъ покрывается иногда тонкимъ слоемъ льда. Мутную воду я встрѣтилъ только вблизи сѣвернаго берега, гдѣ въ Кели течетъ съ горъ небольшая рѣчка и нѣсколько ручьевъ, приносящихъ вмѣстѣ съ водою немало постороннихъ частицъ; въ другихъ же мѣстахъ вода настолько прозрачна, что сквозь нее видны всѣ предметы, находящіеся на днѣ озера и въ нѣсколькихъ футахъ отъ ея поверхности.

О глубинѣ Кели нашъ проводникъ сообщилъ мнѣ слѣдующее. Однажды сильнымъ порывомъ вѣтра или лавиною въ озеро сброшено было нѣсколько штукъ рогатаго скота, часть котораго и погибла тамъ. Когда потонувшихъ животныхъ стали вытаскивать, то оказалось, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ дна озера невозможно было достать даже веревкой въ нѣсколько десятковъ аршинъ длиною. Простодушные пастухи рѣшили, что озеро вдали отъ береговъ представляетъ бездонную пучину. Судя по нѣкоторымъ обстоятельствамъ, оно дѣйствительно должно имѣть очень значительную глубину. Въ самомъ дѣлѣ, озеро мелководно только тамъ, гдѣ въ него впадаютъ рѣчки или большіе ручьи; въ прочихъ же мѣстахъ, какъ замѣтно благодаря прозрачности воды, оно довольно глубоко, даже у самыхъ береговъ, и кромѣ, того, дно его очень сильно понижается по мѣрѣ удаленія отъ нихъ. Такимъ об-

разомъ, на срединѣ озеро имѣеть, по всей вѣроятности, очень значительную глубину.

Чтобы лучше осмотрѣть озеро, мы рѣшили переночевать вблизи его и на слѣдующій день предпринять экскурсію вдоль восточнаго берега. Предъ заходомъ солнца всѣ облака разсѣялись, а затѣмъ наступилъ ясный, тихій, но очень холодный вечеръ. Въ самомъ началѣ его показалась изъ-за горъ полная луна и своимъ магическимъ свѣтомъ облила сначала горы, а потомъ и озеро. Ночь была тихая и въ полномъ смыслѣ безмолвная: нигдѣ не было слышно ни людскихъ голосовъ, ни крика птицъ, ни завыванья звѣрей, ни стрекотанія насекомыхъ. Только мы съ своей палаткой и лошадьми явились какимъ-то диссонансомъ, нисколько не гармонирующимъ съ мертвой, безмолвной природой этихъ мѣстъ.

На слѣдующій день я всталъ еще до восхода солнца. Нигдѣ на горахъ не висѣло ни одного облачка; утро было превосходное, хотя еще болѣе холодное, чѣмъ предшествовавшій ему вечеръ; термометръ показывалъ въ это время 1° ниже нуля; кромѣ того, вся трава покрылась довольно толстымъ слоемъ инея, подернулось тонкимъ льдомъ и озеро въ той мелководной части, гдѣ къ нему примыкаетъ болото.

Я отошелъ отъ палатки и поднялся на небольшую гору, съ которой озеро представляло еще болѣе красивый видъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ оно отливало темно-синимъ цвѣтомъ, въ другихъ небесно-голубымъ и въ третьихъ изумрудно-зеленымъ, и отъ зеркальной поверхности его водъ съ поразительной отчетливостью отражались всѣ окружающіе предметы: небо, горы, скалы, луга и вѣчные снѣга. Въ особенности красивы были горы, которыя представлялись опрокинутыми внизъ своими вершинами и какъ будто бы повисшими надъ бездонной глубиною озера.

Возвратившись къ палаткѣ, я напился чаю и вмѣстѣ со своимъ спутникомъ В. С. И. отправился, какъ уже предпо-

лагалъ раньше, осмотрѣть восточный берегъ Кели. Онъ оказался вовсе непохожимъ на западный. Высокихъ горъ вблизи озера здѣсь не было вовсе и оно окаймлялось, большею частью, довольно крутымъ берегомъ, поднимавшимся надъ водою футовъ на 50—100 и состоящимъ главнымъ образомъ изъ нагроможденныхъ другъ на друга трахитовыхъ глыбъ. За этимъ крутымъ уступомъ тянулась широкая полоса, представляющая въ общемъ, какъ мы замѣтили еще раньше, съ дороги къ озеру, страшный хаосъ изъ громадныхъ кучъ камней, ямъ, котловинъ и овраговъ, раскинувшихся на протяженіи многихъ верстъ. Снѣгъ лежалъ здѣсь мѣстами въ довольно большомъ количествѣ, а растительности не было никакой. Кромѣ трахитовъ, на этомъ берегу мы не встрѣтили никакихъ горныхъ породъ и минераловъ.

Отправляясь къ Кели, я имѣлъ въ виду, во-первыхъ, познакомиться съ фауной окружающихъ его горъ, и, во-вторыхъ, осмотрѣть это почти единственное на всемъ Большомъ Кавказѣ чисто альпійское озеро. Никакихъ свѣдѣній о немъ я не могъ почерпнуть ни изъ книгъ, ни изъ рассказовъ очевидцевъ и зналъ его только по картамъ Кавказа, гдѣ въ со-сѣдствѣ съ нимъ обозначено еще болѣе десятка меньшихъ озерецъ. Вулканическій характеръ горъ, составляющихъ эту часть Кавказа, наводилъ меня на мысль о томъ, что не слѣдуетъ ли на озеро Кели, а также и всѣ окружающія его озерца смотрѣть какъ на кратеры древнихъ погасшихъ вулкановъ, которые впоследствии наполнились водою и превратились въ озера. Разрѣшеніе этого вопроса я также имѣлъ въ виду, предпринимая поѣздку къ озеру.

Фауна здѣшнихъ горъ оказалась очень бѣдной. Я думалъ, что въ такой глухой мѣстности мы непременно встрѣтимъ туровъ, сернь, медвѣдей, а, можетъ-быть, и другихъ звѣрей, но мои предположенія не оправдались. Медвѣжьи слѣды я нашелъ только въ одномъ мѣстѣ, именно около озера

Кели, но ни туровъ, ни сернь, ни ихъ слѣдовъ не видѣлъ рѣшительно нигдѣ, хотя, бродивши около озера, довольно усердно искалъ ихъ. По словамъ нашего проводника серны, однако, встрѣчаются здѣсь не особенно рѣдко. Познакомившись ближе съ этими мѣстами, я увидѣлъ, впрочемъ, что они не представляютъ особенныхъ удобствъ ни для туровъ, ни для серни. Для первыхъ тутъ недостаетъ такихъ скалъ, кручъ и пропастей, которыя могли бы служить имъ надежнымъ убѣжищемъ отъ преслѣдованій человѣка, а для вторыхъ эти мѣста неудобны по причинѣ совершеннаго отсутствія въ нихъ лѣсовъ, растущихъ въ перемежку со скалами. Въ такихъ лѣсахъ серны проводятъ, какъ извѣстно, зиму и часто спасаются отъ преслѣдованія человѣка.

Если сравнить эти мѣста съ Казбекомъ, который окруженъ цѣлымъ кольцомъ ауловъ и сравнительно часто посѣщается людьми, то окажется, что онъ, благодаря множеству недоступныхъ для человѣка мѣстъ, все-таки представляетъ гораздо больше удобствъ для животныхъ, подобныхъ, напр., турамъ. По этой причинѣ на склонахъ Казбека и теперь можно видѣть стада ихъ штукъ въ 20—30.

Что касается птицъ, то во время путешествія къ озеру Кели мы встрѣчали ихъ довольно много. Въ долинѣ Арагвы, вблизи Военно-Грузинской дороги, я видѣлъ нѣсколько стаякъ пестрыхъ горныхъ вьюрковъ (*Plectro fringella alpicola* Pall.). Въ другихъ частяхъ Кавказа они встрѣчаются не особенно часто, вблизи же перевала Военно-Грузинской дороги почти постоянно. Я, напр., видѣлъ ихъ въ этихъ мѣстахъ буквально каждый разъ, когда только проѣзжалъ здѣсь. Попадались намъ они и по дорогѣ къ озеру, въ самыхъ верховьяхъ Арагвы. На скалахъ, осыпяхъ и кучахъ камней мы видѣли довольно часто красивыхъ каменныхъ дроздовъ (*Petroscopsa saxatilis* L.), по мѣстамъ, заросшимъ бурьяномъ и рододендронами—бѣлозобыхъ дроздовъ (*Merula torquata* L.), а по берегамъ ручьевъ.

и рѣчекъ—оляпокъ или водныхъ дроздовъ (*Cynclus aquaticus* Bechst.). Около небольшихъ лѣсковъ въ долинѣ Арагвы я вспугнулъ нѣсколькихъ красногрудыхъ воробьевъ (*Pyrgula erythrina* Pall.) и слышалъ крикъ обыкновенной кукушки. Чеканы (*Saxicola oenanthe* L. и *Pratincola rubetra* L.) всюду попадались очень часто, а еще чаще корольковый въорокъ (*Metoropia pusilla* Pall.),—крошечная птичка желтобурого цвѣта, съ огненно-красными пятнами на лбу. Нѣжный, своеобразный голосъ ея можно было услышать на всѣхъ мѣстахъ съ болѣе или менѣе сносной растительностью. Довольно часто встрѣчалась горная овсянка (*Emberiza cia* L.) и красноносыя альпійскія вороны (*Fregilus graculus* L.). Последнихъ мы встрѣчали рѣшительно вездѣ по дорогѣ къ озеру, даже на самыхъ высокихъ гребняхъ горъ. Изъ хищныхъ птицъ намъ попадались только грифы, именно грязный грифъ (*Neorhron persopterus* L.), сѣрый грифъ (*Gips fulvus* Gm.) и бурый (*Vultur monachus* L.). Вблизи самого озера Кели птичье население было, однако, крайне бѣдно. Я не видѣлъ здѣсь ни одной болотной или водной птицы, а только альпійскихъ завирушекъ (*Accentor alpinus* Gm.) и упомянутыхъ уже альпійскихъ воронъ.

Изъ класса пресмыкающихся мнѣ попадались только красивыя, проворныя горныя ящерицы (*Lacerta muralis* Laur.), да одинъ вольчатый ужъ (*Tropidonotus natrix* L.).

Перехожу наконецъ къ последнему намѣченному мною вопросу, именно къ вопросу о происхожденіи озеръ въ зависимости отъ древнихъ вулкановъ Кавказа. Мелкія озера, находящіяся по пути къ Кели, хотя и окружены со всѣхъ сторонъ изверженными породами, именно трахитами, но ничего похожего на кратеры погасшихъ вулкановъ не имѣютъ, а представляютъ лишь простыя углубленія, наполнившіяся снѣговою водою. Вокругъ нихъ нигдѣ не видно, напр., такихъ скалъ, которыя можно было бы принять за стѣны древняго кратера, а только груды трахитовыхъ обломковъ, подобныхъ тѣмъ, какіе

покрываютъ всю эту мѣстность. Нѣкоторыя изъ видѣнныхъ нами озеръ имѣютъ очень низкіе берега и представляютъ, такимъ образомъ, пологія впадины, совершенно сходныя съ тѣми, которыя встрѣчаются здѣсь на каждомъ шагѣ; вода же держится въ нихъ изъ года въ годъ только потому, что они имѣютъ сравнительно съ другими ямами и впадинами большую глубину.

Что касается собственно озера Кели, то, по моему мнѣнію, нѣтъ основанія считать и его за древній кратеръ. Въ самомъ дѣлѣ, на семь протяженіи западнаго берега озера, простирающагося версты на три, встрѣчаются только осадочныя породы (аспидный сланецъ) и совершенно отсутствуютъ вулканическія. Изъ осадочныхъ породъ состоятъ склоны и вершины горъ, возвышающихся съ этой стороны озера. Да и на восточномъ берегу нѣтъ ничего похожаго на стѣнки кратера, хотя и онъ заваленъ горами трахитовыхъ обломковъ. Последніе попали сюда, безъ сомнѣнія, съ сосѣднихъ горъ, состоящихъ изъ вулканическихъ породъ.

Преподаватель Ставропольскихъ женскихъ
гимназій *Н. Динникъ.*

СЕЛО КВАРЕЛИ,

Тифлисской губернии, Телавскаго уѣзда.

I.

Внѣшній видъ и образъ жизни жителей.

Село Кварели, раскинувшись болѣе въ длину, чѣмъ въ ширину у подножія Кавказскаго хребта, на незначительномъ возвышеніи, лежитъ на лѣвомъ берегу рѣки Дуружи. Площадь, занимаемая селомъ, имѣетъ въ длину 3 версты, въ ширину около 2 верстъ. Въ центральной части села съ юга на сѣверъ, по направленію къ Кавказскимъ горамъ, тянется одна довольно прямая улица, по обѣимъ сторонамъ которой расположены почти всѣ лучшіе дома, церкви, лавки, школа, общественная канцелярія и ссудосберегательная касса. Въ воскресные дни около лавокъ бываетъ такая масса народу, что эта улица принимаетъ видъ городского рынка. Всѣхъ церквей пять; одна изъ нихъ армянская, четыре—православныя, при чемъ три штатныя, а одна заштатная. Еще одну довольно красивую церковь построилъ недавно, на свой счетъ, около своего дома, дагестанскій военный губернаторъ, князь Николай Зурабовичъ Чавчавадзе. На сѣверномъ концѣ этой улицы находится штабъ-квартира мѣстной дружины, нынѣ преобразованной въ первую стрѣлковую туземную дружину, которая въ настоящее время переходитъ въ городъ Телавъ. Со времени основанія здѣсь штаба, нѣкоторые хозяева отъ подрядовъ по доставкѣ разнаго рода провіанта для вышеназваннаго штаба имѣли возможность заработать порядочныя деньги; хозяева эти на нажитыя деньги въ послѣднее время стали строить на европейскій ладъ, смотря по средствамъ

своимъ, одноэтажные и двухэтажные дома съ черепичными крышами, а бѣдные крестьяне, число которыхъ болѣе $\frac{2}{3}$ всего населенія, живутъ, большею частью, въ досчатыхъ домахъ съ соломенными и отчасти черепичными крышами, безъ оконъ и безъ печей. Окна замѣняются дверями. У многихъ огонь разводится по серединѣ дома, что называется „*შუბ ცეცხლი*“ (срединный огонь). Дымъ выходитъ чрезъ отверстія, оставляемая съ этою цѣлью въ потолокъ прямо надъ очагомъ. Все помѣщеніе состоитъ изъ одной комнаты (рѣдко изъ двухъ), въ которой помѣщается вся семья, какъ бы она ни была велика; тутъ же производятся всѣ домашнія работы; весной здѣсь же помѣщаются и выводки куръ, гусей и т. д. Дома эти убраны по-азиатски: по обѣимъ сторонамъ комнаты, а иногда и по одной, во всю длину или ширину, какъ вообще удобнѣе найдетъ хозяинъ, устраиваются нары (тахта) шириною не болѣе двухъ аршинъ, на $\frac{1}{4}$ аршина отъ земляного пола (выводки помѣщаются подъ нарами). Нары у бѣдныхъ покрываются войлоками, а у богатыхъ коврами. На одномъ концѣ тахты свлаживаютъ постель. Тахта замѣняетъ кровать, стулъ и обѣденный столъ.

Крестьяне вообще живутъ очень грязно; весьма часто бываютъ случаи, что крестьянинъ, надѣвъ новую рубашку, изнашиваетъ ее, ни разу не вымывши. Грязь нисколько не беспокоитъ здѣшняго крестьянина. Самъ онъ никогда не моется. Лѣтомъ, когда сильный зной, онъ бросается въ холодную воду, но только не съ тою цѣлью, чтобы вымыться, но для охлажденія тѣла. Въ настоящее время многіе стали одѣваться нѣсколько чище и въ домахъ дѣлать каминныя и печи. Пройдетъ, конечно, немного времени, и исчезнетъ окончательно „срединный огонь“, благодаря которому въ домѣ постоянно копоть, при чемъ цѣлую зиму нельзя затворять дверей, чѣмъ разрушается здоровье цѣлой семьи. Подъ подобными домами есть гомури (копюшни) для скота. Хлѣбъ пекутъ въ большихъ глиняныхъ

цилиндрических печкахъ, называемыхъ „торне“. Эти торне, во избѣжаніе ломки, скрѣплены снаружи плетеной обшивкой и помѣщаются въ одномъ изъ угловъ двора, немного поодаль отъ жилыхъ мѣстъ изъ опасенія пожара.

Не лишнимъ считаю сказать еще нѣсколько словъ о вышеупомянутой центральной улицѣ, почти единственной въ селѣ, которая, начинаясь у штаба и доходя до самого конца села, представляетъ полную возможность свободно ѣхать въ экипажѣ. Всѣ прочія улицы хотя тоже довольно широкія, но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ такъ суживаются и такъ завалены разнымъ соромъ, въ особенности переулки, что нѣтъ никакой возможности не только проѣхать экипажу, но даже пройти пѣшему человѣку. На южномъ концѣ описанной улицы находится старая, довольно большая крѣпость со многими полуобрушившимися башнями. Крѣпость эта называется „галавани“; стѣны ея уцѣлѣли до сего времени. Внутри находится колодезь, имѣющій въ діаметрѣ 10 и въ глубину 17 сажень; онъ наполнялся водою, проведенною изъ рѣки Дуружи. При видѣ этихъ развалинъ, невольно вспоминаешь о неоднократныхъ разрушительныхъ набѣгахъ сосѣднихъ враговъ. Въ настоящее время не только эта крѣпость, со многими башнями, но и всѣ подобныя сооруженія, встрѣчающіяся во множествѣ въ Грузіи и служившія защитой въ эпоху неоднократныхъ варварскихъ нападений и переворотовъ, утратили свое значеніе, благодаря единовѣрной Россіи, давшей нашему краю не только безопасность отъ враговъ, но и прочное государственное устройство. Нынѣ всѣ силы и средства, тратившіяся на сооруженіе столькихъ крѣпостей, идутъ на улучшеніе нашего собственнаго благосостоянія.

II.

Орошеніе.

Рѣка Дуружи беретъ свое начало изъ Главнаго Кавказскаго хребта; она течетъ по глубокому ущелью съ сѣве-

ра на югъ и при дальнѣйшемъ своемъ теченіи принимаетъ множество маленькихъ ручьевъ, падающихъ съ обѣихъ сторонъ названной рѣки каскадами по крутизнамъ отроговъ упомяну-го выше хребта. По мѣстамъ, среди гигантскихъ и сохранившихся до сего времени, по недоступности, деревьевъ и густыхъ зарослей кустарника, встрѣчаются огромныя пирамидальныя скалы, съ которыхъ Дуружи низвергается съ шумомъ и грохотомъ. Дойдя до подножія горъ Кавказскихъ, она становится совершенно тихою и раздѣляется на три вѣтви: первая вѣтвь, сохраняя свое главное названіе Дуружи, и вторая, подъ новымъ названіемъ Хеви, текутъ съ сѣвера на югъ по западной части села; третья же вѣтвь, отдѣлившись отъ Дуружи, подъ названіемъ Арихаули, поворачиваетъ на востокъ, почти подъ прямымъ угломъ, и, протекая около двухъ верстъ по сѣверному краю села, у подножія Кавказскихъ горъ по довольно ровной мѣстности, вливается въ рѣку Бурсу, которая, кромѣ Арихаули, принимаетъ въ верхнемъ теченіи своемъ еще одну довольно значительную рѣку, называемую Чагургула. Рѣка Бурса со всѣми своими притоками течетъ, подобно другимъ рѣкамъ, съ сѣвера на югъ, на разстояніи одной версты на востокъ отъ села. Вышеназванныя рѣки орошаютъ многочисленныя сады, огороды и поля, засѣяныя кукурузою, и, давая движеніе не одной мельницѣ, текутъ по довольно обширной равнинѣ на югъ; всѣ онѣ вливаются въ рѣку Алазань. Дуружи, какъ горная рѣка, по временамъ, отъ таянія снѣговъ и проливныхъ весеннихъ дождей дѣлается многоводною и, разлившись на значительное разстояніе, наноситъ большой вредъ жителямъ, поселившимся по близости отъ ея береговъ. Во время дождя и таянія снѣговъ, когда рѣка бываетъ мутна, поселяне берутъ воду для питья изъ довольно многоводнаго родника, называемаго Патмасури. Это названіе произошло отъ лезгинскихъ словъ „патма“ (женщина) и „сури“ (вода).

О происхожденіи этого названія существуетъ въ народѣ слѣдующее преданіе: немного лѣтъ тому назадъ, во время лезгинскихъ нападений, вода во всѣхъ ближайшихъ рѣкахъ помутилась отъ сильнаго весенняго половодія, такъ что пить воду изъ этихъ рѣкъ нельзя было, а потому мѣстные женщины отправились съ кувшинами за водою на родникъ, находящійся на значительномъ разстояніи отъ села (1¹/₂ вер.). Когда онѣ подошли къ роднику, тогда лезгинская шайка, скрывавшаяся въ лѣсной чащѣ, стала кричать: „Патма-сури“, т. е. (источникъ женщинъ). Съ этимъ крикомъ они бросились на женщинъ и увели ихъ въ плѣнъ. Вѣсть о похищеніи женщинъ была принесена въ село пастухами, пасшими стадо овецъ недалеко отъ мѣста происшествія. Съ тѣхъ поръ источникъ стали называть *Патмасури*.

III.

Климатъ и почва.

Климатъ въ Кварели и въ окрестностяхъ его умѣренный; здоровымъ его можно назвать только осенью, зимою и весною, лѣтомъ же, вслѣдствіе значительной жары при влажности почвы, онъ довольно лихорадочный. Лихорадка свирѣпствуетъ въ особенности въ окрестностяхъ рѣки Алазани, по берегамъ которой много болотистыхъ мѣстъ. Зима здѣсь начинается съ 10 ноября не особенно сильными, но сухими морозами. Снѣгъ выпадаетъ изрѣдка, начиная съ 1-го декабря по 1-е, иногда по 10-е марта. Иногда снѣгъ выпадаетъ, только какъ исключеніе, въ ноябрѣ и исчезаетъ черезъ день, два, много три. Рѣзкихъ переходовъ отъ тепла къ холоду почти не замѣчается. Весна начинается обыкновенно съ 15 марта, а иногда и раньше; въ концѣ марта появляются первые цвѣты. Первый громъ слышится съ 20-го апрѣля. Жаркіе дни наступаютъ съ 10-го іюня и продолжаются по 1-е, а иногда по 10-е сентября.

Сильные вѣтры здѣсь очень рѣдки. Большею частію, здѣсь замѣчается легкое дуновеніе вѣтерка, и то по утрамъ и вечерамъ. Лѣтній зной, продолжающійся весьма часто по цѣлымъ недѣлямъ, умѣряется дождемъ, часто проливнымъ, которому нерѣдко предшествуетъ крупный и кратко-временный градъ, который наводитъ страхъ на кварельцевъ.

Во время града почти во всѣхъ крестьянскихъ избахъ въ углу предъ иконою зажигаютъ восковыя свѣчи; всѣ горячо молятся, чтобы Богъ прекратилъ градъ и спасъ виноградники, которые составляютъ единственный источникъ благосостоянія крестьянина. Градъ здѣсь хотя бываетъ не особенно крупный, какъ уже было сказано выше, но тѣмъ не менѣе приноситъ жителямъ значительный вредъ, сбивая виноградныя ягоды. Почва въ Кварели болѣе чѣмъ на $\frac{2}{3}$ пространства земли, занимаемаго селомъ, черноземная, съ примѣсю глины и песку. Черноземная и глинистая почвы легче переносятъ засуху, чѣмъ песчаная.

IV.

Занятія жителей.

Съ основанія села здѣшніе поселяне почти всѣ занимались исключительно винодѣліемъ, и оно, вполнѣ вознаграждая трудъ кварельцевъ, получило съ теченіемъ времени широкое развитіе; этому развитію способствовало безденежное пользованіе лѣснымъ матеріаломъ изъ ближайшей кварельской лѣсной дачи, нынѣ отошедшей частью въ казну, частью къ мѣстнымъ князьямъ. Здѣсь лозы на зиму оставляются подъ открытымъ небомъ. Обработка виноградника начинается съ наступленіемъ весны; сотня таркальниковъ стоитъ 2 руб. 50 коп.

Здѣшнее вино по достоинству одно изъ лучшихъ во всей Кахетіи. Нѣкоторые виноградники поливаются во время лѣтней засухи. Въ неполивныхъ виноградникахъ хотя вина по-

лучается сравнительно меньше, но зато оно лучше, чѣмъ въ поливныхъ. Крѣпость здѣшняго краснаго вина доходитъ, по довольно точнымъ изслѣдованіямъ, до 15, а бѣлаго до 12 градусовъ. Лучшее вино получается въ имѣніяхъ князей Чавчавадзевыхъ, благодаря хорошему уходу и умѣлой обработкѣ. Одна чапа лучшаго вина на мѣстѣ стоитъ отъ 10 до 15 руб., средняго отъ 5 до 7 руб., а худшаго отъ 3 до 4 руб. Чапа равняется 22 двойнымъ бутылкамъ.

Вино до продажи держать въ глиняной посудѣ. Сборъ винограда начинается съ 10 сентября и продолжается до конца этого мѣсяца. Обработка одной десятины обходится въ годъ отъ 150 до 200 руб. Десятина виноградника при хорошемъ уходѣ и урожаѣ даетъ $2\frac{1}{2}$ сапалне, при среднемъ урожаѣ $1\frac{1}{2}$, а при плохомъ $\frac{1}{2}$ сапалне, даже меньше. Одна сапалне равняется 30 чапамъ. Сапалне средняго вина по достоинству на мѣстѣ стоитъ отъ 120 до 280 руб. Лѣтъ десять тому назадъ вина получалось втрое, даже вчетверо больше означенной выше цифры, но въ послѣднее время винодѣліе стало приходить въ упадокъ, какъ вслѣдствіе нѣсколькихъ неурожайныхъ годовъ, послѣдовавшихъ одинъ за другимъ, такъ и вздорожанія лѣснаго матеріала, неимѣнія средствъ для обработки и появленія разныхъ болѣзней виноградныхъ лозъ, о лѣченіи которыхъ многіе крестьяне не имѣютъ никакого понятія. Въ отношеніи развитія винодѣлія при такихъ неурожайныхъ годахъ и стеченіи вышешоименованныхъ обстоятельствъ, вслѣдствіе коихъ не только кварельцы, но и вообще кахетинцы утратили всякую охоту и энергію въ воздѣлыванію виноградниковъ, играло бы важную роль открытіе спеціальной школы по винодѣлію въ какойнибудь центральной части Кахетіи. Такъ какъ въ настоящее время винодѣліе не вполнѣ вознаграждаетъ трудъ здѣшнихъ поселянъ, то они стали усиленно заниматься хлѣбопашествомъ, такъ что съ каждымъ годомъ пахотныя земли захватываютъ все большія и большія

пространства. Земли казенной осталось немного, вслѣдствіе этого кварельцы арендуютъ землю у помѣщиковъ, весьма часто версть за 20 отъ села.

Здѣсь земледѣльческія орудія исключительно старой конструкции: деревянные плуги и бороны, изготовляемые самими земледѣльцами на мѣстѣ. Въ плугъ впрягаютъ отъ 6 до 7 паръ быковъ или буйволовъ. Относительно желѣзнаго плуга, въ который можно впрягать отъ 3 до 4 паръ быковъ, крестьяне говорятъ, что онъ для ихъ земли, требующей глубокой вспашки, не годится; кромѣ того, среди нихъ нѣтъ мастеровъ, которые могли бы починить ту или другую часть плуга въ случаѣ поврежденія.

Послѣ вспашки, какъ водится, боронятъ бороною, въ которую впрягаютъ 5—6 паръ воловъ. Для посѣва одной десятины употребляютъ пшеницы $3\frac{1}{2}$ коды, ячменя $4\frac{1}{3}$ коды, кукурузы $2\frac{1}{2}$ коды. Уборка хлѣба начинается съ іюня и продолжается до конца этого мѣсяца. Хлѣбъ жнутъ серпами и вяжутъ въ снопы; потомъ привозятъ на арбахъ на гумно и начинаютъ молотить. Молотьба начинается съ іюля. При хорошемъ урожаѣ десятина даетъ 10 кодь пшеницы, ячменя 17 кодь, кукурузы 12 кодь. Кода пшеницы равняется 3 пуд. 10 фун., кода ячменя равняется $2\frac{1}{2}$ п. Молотятъ на гумнѣ посредствомъ длинной деревянной доски, въ которую, съ одной стороны, вбито множество заостренныхъ камешковъ кремня; доска эта четырехугольная; она въ длину имѣетъ отъ 2 до $2\frac{1}{2}$, а въ ширину отъ 1 до $1\frac{1}{2}$ арш. Кромѣ вышеуказанныхъ хлѣбовъ, сѣютъ кукурузу и просо, въ количествѣ необходимомъ для собственнаго обихода, хотя нѣкоторые при хорошемъ урожаѣ получаютъ и излишекъ. За недостаткомъ пастбищныхъ мѣстъ, скотоводство и овцеводство находятся здѣсь не въ особенно цвѣтущемъ состояніи, хотя многіе хозяева принимаютъ мѣры для развитія этой выгодной отрасли хозяйства.

Садоводство не идетъ успѣшно, хотя у многихъ есть сады, въ коихъ прекрасно растутъ груши, яблони, сливы, абрикосы, орѣхи, гранаты, айвы и т. д. Причина неуспѣшности садоводства заключается въ томъ, что фруктовъ некуда сбывать, а о правильномъ плодосушеніи здѣсь почти не имѣютъ понятія.

Пчеловодствомъ въ Кварели занимаются 264 дыма, а въ прежнее время пчеловодовъ было вдвое менѣе; оно съ каждымъ годомъ развивается все больше и больше. Въ будущемъ предвидится блестящее состояніе и широкое развитіе этого промысла. Всѣхъ ульевъ въ Кварели въ 1890 году было 876. Здѣсь каждый, занимающійся пчеловодствомъ, обязательно умѣетъ плести ульи для своихъ пчелъ изъ хвороста. Нѣкоторые пчеловоды готовятъ ульи изъ липоваго дерева. Дерево, которое предназначается для приготовленія ульевъ, должно имѣть непременно въ поперечникѣ не менѣе 8 верш., а въ длину $1\frac{1}{2}$ арш.; чѣмъ дерево толще, тѣмъ лучше. Сначала дерево распиливаютъ пополамъ по длинѣ и каждую половину выдалбливаютъ долотомъ и обтесываютъ, а когда образуются достаточныя углубленія, то обѣ половины кладутъ одну на другую такъ, какъ онѣ были до распилки, соединяя ихъ и связывая веревкою или чѣмъ-нибудь, при чемъ оставляютъ въ одномъ концѣ отверстіе для выхода пчелъ. Когда хотятъ достать медъ, то, снимая верхнюю половину, вскрываютъ улей, при чемъ разводятъ у одного конца улья огонекъ, дымъ котораго гонитъ пчелъ въ другой конецъ улья; такимъ способомъ весьма легко достаютъ медъ. Медъ достаютъ зимою (въ декабрѣ) на малоосвѣщенномъ мѣстѣ. Приготовленіе ульевъ начинается съ прекращеніемъ полевыхъ работъ; ульи лѣтомъ помѣщаются по близости дома хозяина, въ садахъ или въ огородахъ, а зимою сохраняются гдѣ-нибудь около жилыхъ мѣстъ, въ особо устроенныхъ пчельникахъ. Пчельники устраиваютъ въ такихъ мѣстахъ, гдѣ шумъ и стукъ не беспокоятъ пчелъ. Пчеловодство здѣсь могло бы приносить довольно большіе до-

ходы, если бы здѣшніе пчеловоды имѣли хоть малѣйшее понятіе о жизни пчелъ и объ искусственномъ способѣ ихъ размноженія и приобрѣли бы ульи новѣйшаго устройства.

Чистый воскъ добываютъ чрезъ растапливаніе и прессованіе въ „сумочкѣ“. Въ 1891 году во всемъ селѣ получено было 313 пудовъ меду. Пудъ меду на мѣстѣ продается отъ 4 до 5 руб., а пудъ воску за 20 руб.

И огородничествомъ занимаются кварельцы, но только для собственнаго обихода. Въ огородахъ сѣютъ: картофель, свеклу, капусту, лукъ, чеснокъ, салатъ, помидоры, огурцы, тыквы; сѣютъ также немного, поодаль отъ виноградниковъ, арбузовъ; это занятіе находится въ первобытномъ состояніи. Табаководствомъ здѣсь занимаются почти всѣ, но только въ незначительномъ размѣрѣ.

Зимою и весною многіе изъ кварельцевъ занимаются охотою. Больше всего охотятся на фазановъ, зайцевъ, оленей, дикихъ козъ, свиней, медвѣдей, волковъ, шакаловъ и лисицъ. Кварельскіе лѣса богаты дичью. Шкуры звѣрей продаютъ мѣстнымъ купцамъ, а послѣдніе продаютъ частью въ Телавѣ, частью же отправляютъ въ Тифлисъ. Волчьи шкуры продаются на мѣстѣ по 1 р. 20 коп., лисьи по 1 р. 50 коп., медвѣжьи по 2 р. 40 к.; пара фазановъ продается по 60—80 коп. Охота начинается съ прекращеніемъ полевыхъ работъ послѣ броженія вина. Хорошій охотникъ можетъ заработать въ годъ отъ 85 до 100 руб.

Кирпично-черепичныхъ заводовъ въ Кварели 3; они расположены на востокъ отъ села, недалеко отъ родника Патмасури. Разстояніе между селомъ и заводами $1\frac{1}{2}$ версты. Всѣ заводы принадлежатъ мѣстнымъ князьямъ. Матеріаль для названнаго промысла добывается на мѣстѣ, тутъ же около заводовъ. Обжиганіе производится дровами, которыя доставляются изъ княжескихъ лѣсовъ; доставка одной сажени на заводъ обходится около 5 руб. Одинъ заводъ при двухъ рабочихъ мо-

жетъ дать въ годъ до 400 руб. Цѣна 1000 кирпичей 10 р., а 1000 черепиць 20 руб. Рабочими на этихъ заводахъ состоятъ 4 армянина, 2 грузина и 6 татаръ. Иногда нанимають работниковъ, при большихъ работахъ, изъ мѣстныхъ крестьянъ. Изготавливаемый кирпичъ идетъ на постройки въ Кварели и окрестныхъ селахъ. Такъ какъ съ теченіемъ времени цѣна лѣсного матеріала все повышается, то кварельцы стали все больше и больше сооружать дома изъ кирпича, и поэтому въ будущемъ можно предполагать значительное развитіе этого промысла. Обжигательныхъ заводовъ известковаго камня 4; всѣ они принадлежать мѣстнымъ князьямъ. Близкое и обильное нахожденіе известковаго камня благоприятствуетъ значительному развитію названнаго промысла. Способъ обжиганія известковаго камня обыкновенный. Пудъ обжигаемой извести на мѣстѣ стоитъ отъ 10—15 коп. Каждый заводъ даетъ доходу въ годъ отъ 400—500 руб. Рабочіе на этихъ заводахъ 16 человекъ; всѣ они татары.

Винокуренныхъ заводовъ въ Кварели въ 1890 году было 8; изъ нихъ работало только 5. Всѣ заводы даютъ въ годъ около 150 ведеръ водки при крѣпости спирта отъ 40—60 градусовъ.

Питейныхъ заведеній—6. Мануфактурныхъ лавокъ—3. Мелочныхъ или бакалейныхъ—5. Мукомольныхъ водяныхъ мельницъ—17, изъ нихъ 12 о двухъ камняхъ, а остальные 5 о трехъ камняхъ. Первые даютъ въ годъ доходу отъ 120—150 руб., а послѣднія отъ 150—240 руб.

Спеціально приготовленіемъ аробъ, колесъ, ободьевъ и тачекъ занимаются 5 человекъ, а прежде такихъ мастеровыхъ было вдвое больше. Матеріалъ для названнаго промысла покупають изъ ближайшаго казеннаго лѣса. Способъ приготовленія какъ колесъ, такъ и ободьевъ обыкновенный: сначала готовятъ спицы, потомъ ступицу; кругомъ ступицы выбивають долотомъ мѣста для спиць, на разстояніи другъ отъ

друга вершка или болѣе; въ срединѣ ступицы просверливаютъ буровомъ дыру для оси, а потомъ увеличиваютъ эту дыру лопатнемъ, вбиваютъ спицы и на нихъ натягиваютъ приготовленный ободъ. Средній годовой заработокъ каждаго мастера, исключительно занимающагося названнымъ промысломъ, доходить до 150 руб. Кромѣ этихъ мастеровыхъ, означеннымъ занятіемъ занимаются для собственнаго обихода 85 крестьянъ. Они занимаются въ свободное время отъ полевыхъ занятій и обработки виноградниковъ; число подобныхъ крестьянъ съ каждымъ годомъ увеличивается. Цѣна лѣсного матеріала все повышается, и поэтому промыселъ этотъ для нашихъ мастеровъ становится труднымъ и рискованнымъ предпріятіемъ. Ободъ стоитъ 30 коп., колесо отъ 80 коп. до 1 руб. 20 коп.

Столяровъ въ Кварели 4; работаютъ они въ жилыхъ мѣстахъ, за исключеніемъ одного, содержащаго въ своей лавкѣ 3 учениковъ, которыхъ онъ кормитъ, одѣваетъ, обуваетъ и учитъ ремеслу. Всѣ столяры главнымъ образомъ готовятъ: столы, шкафы, кровати, тахты (нары), табуретки, диваны только по заказу. Средній годовой заработокъ каждаго отъ 300 до 400 руб.

Плотниковъ 5 человекъ; строятъ они амбары, конюшни, дома. Средній годовой заработокъ каждаго отъ 200 до 250 руб.; двое изъ нихъ держатъ по одному ученику, а остальные по два. Кромѣ мѣстныхъ плотниковъ, пріѣзжаютъ еще имеретинцы, обыкновенно, осенью для постройки досчатыхъ домовъ. Когда работы много, они нанимаютъ временныхъ работниковъ. Каждый такой работникъ получаетъ въ день отъ 40 до 50 коп.

Каменщиковъ 5 человекъ; 4 изъ нихъ иногородные, 1 мѣстный; они не уходятъ далеко на заработки и работаютъ на мѣстѣ. Средній заработокъ каждаго въ годъ около 240 руб.

Башмачниковъ 4: двое иногородныхъ, двое мѣстныхъ; занимаются всѣ они въ жилыхъ комнатахъ. Матеріалъ для про-

изводства этого занятія закупаютъ въ городѣ Телавѣ. Заработокъ каждаго изъ нихъ въ годъ доходить до 120 рублей.

Сапожниковъ 2; они сѣгнахскіе жители и имѣютъ лавки на базарной улицѣ. Средній годовою заработокъ каждаго изъ нихъ доходить до 160 руб.

Портныхъ двое; они работаютъ только по заказу; помимо своей специальности, они занимаются еще виноградарствомъ. Средній годовою заработокъ каждаго около 180 руб. Матеріалъ для своего занятія они закупаютъ въ Нухѣ. Кузнецовъ 5 человекъ; двое изъ нихъ мѣстные жители, а двое иногородныхъ. Всѣ приготавливаютъ и чинятъ земледѣльческія орудія и дѣлаютъ вещи, необходимыя для домашняго крестьянскаго обихода. Дѣлаютъ они, главнымъ образомъ, топоры, мотыги и желѣзныя части для плуговъ; у каждаго изъ нихъ есть по два подмастерья. Выручка ихъ въ годъ доходить 130 р.; помимо своей специальности, они занимаются еще виноградарствомъ.

V.

Число браковъ, рожденій и смертныхъ случаевъ.

По довольно вѣрнымъ свѣдѣніямъ, полученнымъ отъ здѣшнихъ штатныхъ и заштатныхъ священниковъ какъ грузинскихъ, такъ и армянскихъ, число браковъ бываетъ, среднимъ числомъ, каждый годъ отъ 42 до 52. Самое большое число браковъ въ октябрѣ и ноябрѣ—до 15 числа послѣдняго мѣсяца, послѣ окончанія полевыхъ работъ и броженія вина. Матеріальное благосостояніе играетъ важную роль при вступленіи въ бракъ; вообще, хорошіе урожайные годы много вліяютъ на увеличеніе числа браковъ. Молодые люди женятся здѣсь 16, 17 лѣтъ, если только средства позволяютъ.

Увеличенію числа браковъ немного препятствуетъ воинская повинность. Многіе, хотя и состоятельные, женятся только по достиженіи двадцатилѣтняго возраста. Среднимъ чис-

ломъ, въ теченіе года раждается въ средѣ кореннаго грузинскаго и армянскаго населенія 153 души: 88 душъ мужскаго и 65 женскаго пола; число же смертныхъ случаевъ бываетъ— 129: мужскаго пола 72, женскаго—57, за исключеніемъ какой-либо эпидеміи, которая удваиваетъ, иногда даже утраиваетъ вышеозначенное число.

VI.

Нѣкоторыя нравственныя качества кварельскаго крестьянскаго сословія какъ грузинскаго, такъ и армянскаго.

Въ связи съ винодѣліемъ, естественно, стоитъ довольно тѣсно пьянство. Связь эта вполне ясно доказывается тѣмъ явленіемъ, что здѣсь, за исключеніемъ немногихъ, крестьяне выпиваютъ половину, иногда даже весь свой винный урожай, несмотря на то, что вино для нѣкоторыхъ составляетъ единственный источникъ существованія. Пьянство наноситъ весьма значительный вредъ матеріальному благосостоянію кварельскаго населенія.

Здѣшній крестьянинъ любитъ пить не рюмками или винными стаканами, а чанами (чашками) и чихвами, т. е. рогами дикихъ козъ. Въ этой выпивкѣ, доходящей по временамъ до безчувственности, находитъ онъ свое главное, ничѣмъ незамѣнимое наслажденіе; онъ дѣлается безконечно веселъ. Послѣ предварительнаго пьянства съ друзьями въ домѣ, онъ приглашаетъ пирующихъ въ марани, т. е. туда, гдѣ хранятся винныя кувшины; здѣсь открываются всѣ кувшины, какіе только есть; хозяинъ выпиваетъ по чашкѣ изъ cadaго кувшина, предлагая выпить и другимъ; въ это время тамада остается на заднемъ планѣ, а тосты провозглашаетъ самъ хозяинъ. Выпивку чашками хозяинъ продолжаетъ до тѣхъ поръ, пока не опьянѣетъ совсѣмъ. Попойка сопровождается хриплымъ пѣніемъ, крикомъ, шумомъ, а нерѣдко и бранью. Послѣ того какъ хозяинъ свалится и заснетъ, гости, еще не потерявшіе

сознанія, уходятъ, а остальные остаются тутъ же и предаются также сну; тамада, котораго выбираетъ компанія, пьетъ больше всѣхъ и остается всегда трезвымъ; на него возлагается обязанность провожать уходящихъ домой. Такое препровожденіе времени и повальное пьянство начинается послѣ броженія вина, во время переливки „ტყავის“ . Кварельцы пьянствуютъ еще въ дни какаго-либо семейнаго торжества; они охотно идутъ работать поденно къ тѣмъ помѣщикамъ и состоятельнымъ крестьянамъ, которые послѣ работы дадутъ имъ выпить. Выпивка для нѣкоторыхъ рабочихъ дороже заработанныхъ денегъ. Многие любятъ выпить на даровщину, хотя эта даровщина обходится имъ не дешево.

На ряду съ весьма немногими проявленіями милосердія, кротости и любви къ человѣчеству, бросаются въ глаза совершенно противоположныя явленія, въ которыхъ ясно рисуется варварская грубость, жестокость, злоба и звѣрство. Весьма многие изъ крестьянъ за малѣйшую обиду со стороны сосѣда рѣшаются на убійство его; а если это не удастся, то ночью тайкомъ поджигаютъ или домъ, въ которомъ онъ живетъ, или сѣно, или овинъ, или овчарню; не довольствуясь этимъ поджогомъ, иногда вырубаютъ у него цѣлый виноградникъ. По довольно точнымъ свѣдѣніямъ, полученнымъ отъ мѣстнаго старшины и кварельскаго участвоваго пристава, я насчиталъ въ теченіе 1891 года 28 пожаровъ и 19 вырубленныхъ виноградниковъ. Жертвами пожаровъ сдѣлались жилые дома, овинны и сѣно. Убытокъ отъ вырубленныхъ виноградниковъ и пожаровъ простирался до 4,050 руб.; все вышесказанное дѣлается изъ мести другъ къ другу и все это сходится съ рукъ безнаказанно. Кварельцы отчасти склонны къ воровству. Семейная жизнь многихъ кварельскихъ крестьянъ отличается грубостью и проявленіемъ физической силы. Уваженіе къ личности опредѣляется у нихъ, главнымъ образомъ, богатствомъ, при помощи котораго данная личность можетъ побѣдить про-

тивника своего во всѣхъ присутственныхъ мѣстахъ, нанявъ хорошаго адвоката. Отчасти уваженіе къ личности опредѣляется и физическою силою. Причина всѣхъ вышеуказанныхъ печальныхъ явленій заключается въ томъ, что кварельцы (я говорю только о крестьянскомъ сословіи) пока еще находятся во мракѣ грубаго невѣжества, хотя въ настоящее время среди нихъ замѣчается стремленіе къ образованію, которое замѣтно увеличивается съ каждымъ годомъ.

VII.

П и щ а.

Кварельцы, за исключеніемъ нѣкоторыхъ зажиточныхъ крестьянъ, питаются преимущественно растительною пищею. Самое обыкновенное кушанье, приготовляемое почти ежедневно, — лоби; мясо ѣдятъ только во время великихъ праздниковъ, свадебъ и во время какихъ-либо семейныхъ торжествъ. Рѣжутъ барановъ, свиней, возъ; можно достать почти всегда говядину по субботамъ и по воскресеньямъ. Кварельцы готовятъ разнаго рода похлебу; пекутъ пироги и жарятъ яичницу. Хлѣбъ пекутъ, большею частью, изъ пшеничной муки. Самыя любимыя кушанья изъ мясныхъ блюдъ — шашлыкъ и каурма.

VIII.

Расходы общества.

На содержаніе общественной двухклассной школы выходитъ ежегодно 522 руб.; на наемъ сторожа для названной школы 80 руб.; писцу ссудосберегательной кассы платятъ 240 руб. въ годъ; сборщику казенныхъ податей — 120 руб. въ годъ. Ночныхъ караульныхъ 14 человекъ; каждый изъ нихъ получаетъ въ годъ по 40 руб. Десятскихъ 4 человекъ; каждый изъ нихъ получаетъ натурою по двѣ литры съ дыма пшеницы; литра равняется 22¹/₂ фун.

Среднимъ числомъ, казенныхъ податей ежегодно собирается до 7500 руб. На содержание общественной канцеляріи, съ писаремъ, платять 350 руб. Итакъ, всѣ платежи кварельскаго кореннаго крестьянскаго сословія какъ грузинскаго, такъ и армянскаго ежегодно доходить до 9372 руб., а натурою до 120 кодь пшеницы.

IX.

Преданіе относительно основанія селенія Кварели.

Въ отдаленную старину, въ одно прекрасное лѣтнее утро, одинъ изъ грузинскихъ царей отправился на охоту со своею дружиною. Послѣ долгой ходьбы и довольно удачной охоты, онъ остановился на богатой растительностью равнинѣ, лежащей на лѣвомъ берегу рѣки Дуружи, для отдыха и завтрака. Здѣсь онъ велѣлъ постлать бурку и приготовить шашлыкъ и наурму изъ набитой дичи. Все было сдѣлано по приказанію. Совершая прогулку послѣ сытнаго завтрака, съ цѣлью насладиться разнообразными красотами природы, царь усѣлся у маленькаго водопада, съ цѣлью умыться и охладить себя. Восхищенный чудною природою и пѣніемъ соловьевъ, онъ невольно въ восторгѣ воскликнулъ: „ეს რა სუკვარელი ადგილია, აქ სოფელი უნდა აშენდეს“ (это что за любезное мѣсто, — здѣсь селеніе нужно основать). И дѣйствительно, въ скоромъ времени онъ основалъ здѣсь селеніе, переселивъ жителей изъ ближайшаго селенія „უკრანო“. Новое селеніе онъ назвалъ: „სუკვარელი“, отбросивъ отъ слова „სუკვარელი“ слогъ „ს“. Такимъ образомъ, отъ слова „საკვარელი“ (любезное), отбросивъ слогъ „სა“, получилось слово „Кварели“.

Бывшій учитель Кварельскаго
двухкласснаго училища *Е. Зединидзе*.

СЕЛЕНІЕ КАРЗАХЪ,

Ахалкалацкаго уѣзда, Тифлисской губерніи.

I.

Положеніе села. Постройка домовъ. Климать.

Селеніе Карзахъ лежитъ у Хозяпинскаго озера, подъ $41^{\circ}14'$ сѣв. широты и подъ $61^{\circ}50'$ вост. долготы, на высотѣ 5540 ф. надъ уровнемъ моря.

Селеніе Карзахъ со всѣми угодыми, лежитъ въ котловинѣ, ограниченной съ востока плоскою возвышенностью—Бедешеномъ и Бозаломъ; съ запада—озеромъ Хозяпиномъ и бывшею турецкою границею, проходившею у камня Агдашъ; съ юга—высокимъ плоскогорьемъ Кегдагомъ, начинающимся отъ сел. Ханчалы того же уѣзда и оканчивающимся у сел. Зурзунъ сосѣдняго Ардаганскаго округа; съ сѣвера—горою Гюней, имѣющею видъ конуса.

Селеніе Карзахъ отстоитъ отъ уѣзднаго города Ахалкалаки на разстояніи 26 верстъ.

Со всѣми своими землями и угодыми это селеніе занимаетъ площадь въ 2598 десятинъ, изъ коихъ подъ пашнями 2074, подъ пастбищами и покосами 478 и подъ усадебными мѣстами 46 десятинъ.

Селеніе дѣлится на три части: собственно Карзахъ, Килерту и Норашенъ.

Дома въ первой части устроены почти по плану, но расположены тѣсно; при нихъ не имѣется свободнаго мѣста для гумна, а потому жители принуждены молотить хлѣбъ далеко отъ своихъ жилищъ; въ остальныхъ же двухъ частяхъ—въ Килерту и Норашенѣ дома расположены просторно и гумна

находятся какъ разъ за домами. Дома во всѣхъ трехъ поселкахъ одноэтажные съ земляными крышами и вообще, сравнительно съ домами сосѣднихъ селеній, очень прочной и правильной постройки.

Первая часть—собственно Карзахъ—расположена у подошвы выше упомянутой горы Гюней; Килерта отдѣляется отъ Карзаха маленькою рѣчонкою, протекающею по обширному лугу въ 189 дес.; рѣчка эта образуется отъ таянiя снѣга и впадаетъ въ озеро Хозяпинъ; за гумнами Килертскихъ домовъ находится небольшая возвышенность, на которой когда-то была построена крѣпость, съ сохранившимися и до настоящаго времени развалинами. Норашенъ (по-армянски—новое строенiе) также расположенъ у подошвы горы Гюней; онъ основанъ въ 1884 году и имѣетъ пока только 13 домовъ. Вслѣдствiе тѣсноты въ Карзахѣ, многiе изъ жителей поселились въ Норашенѣ, обративъ земли изъ-подъ пашенъ въ усадьбы.

Климатъ въ Карзахѣ, умѣренный лѣтомъ, зимою суровъ, съ трескучими морозами; часто бывають мятели, продолжающiяся иногда дней восемь. Зима начинается со второй половины октября и продолжается до половины апрѣля. Вообще переходъ отъ зимы къ лѣту и обратно рѣзокъ. Въ этой мѣстности господствуютъ два вѣтра—сѣверо-восточный и юго-западный. Къ сѣверо-востоку и востоку отъ уѣднаго города Ахалкалаки находятся высокiя горы Абулъ и Чрель; съ этихъ горныхъ высотъ дуетъ холодный вѣтеръ, а съ юго-западной стороны—теплый. Вообще холодные вѣтры начинаются со второй половины iюля и постепенно прекращаются въ маѣ. Самые дождливые мѣсяцы—май, iюнь и октябрь. Жители берутъ воду изъ колодцевъ и родниковъ. Особенно хороша вода въ родникѣ Гайка; но, къ сожалѣнiю, онъ не пользуется никакимъ уходомъ со стороны жителей. Въ Килертѣ при каждомъ домѣ имѣется колодецъ. Въ окрестностяхъ озера Хозяпина находится сѣрный источникъ, которымъ пользуются какъ мѣстные

жители, такъ и жители Чалдырскаго участка Карсской области при навозныхъ болѣзняхъ и параличѣ.

II.

Жители. Статистическія данныя. Внутренняя обстановка дома.

Жители Карзаха преимущественно армяне, переселившіеся сюда изъ Эрзерумскаго пашалыка Азіатской Турціи, изъ 4-хъ селеній: Мецду, Огома, Авговеры и Ниста. Послѣ русско-турецкой войны 1828 г. они переселились въ сел. Чамдуру, Карсской области; чрезъ четыре года, по передачѣ русскими обратно Карсской области, названные пришельцы переселились въ настоящее селеніе Карзахъ, гдѣ до того времени жили исключительно татары. Въ то время сел. Карзахъ принадлежало помѣщикамъ Наги-бекъ-заде. Когда въ 1828 г. русскіе заняли сел. Карзахъ, то помѣщики продали его Ахалцихской армянской церкви, во владѣніи которой оно находится до настоящаго времени. Въ Карзахѣ насчитывается 240 дымовъ съ 1055 душами мужскаго пола и 935 женскаго. На 1 семью среднимъ числомъ приходится 8 душъ; наибольшее число душъ въ семьѣ доходить до 27.

Изъ метрическихъ книгъ видно, что въ продолженіе десяти (отъ 1882—1892 г.) лѣтъ умерло 676 чел., а родилось 1134 чел.;—слѣдовательно, перевѣсъ родившихся надъ умершими составляетъ 458 чел., а въ годъ—среднимъ числомъ, 45,8 чел. *). За 10 лѣтъ браковъ было 166; за это же время родилось мальч. 585, т. е., на каждый бракъ 3,87, дѣвочекъ родилось всего 549, а на каждый бракъ—3,51. Среднимъ же числомъ отъ каждаго брака родилось по 6,14 дѣтей обоего пола.

Каждый домъ заключаетъ въ себѣ: сѣни; направо отъ сѣней—большое помѣщеніе, служащее и кладовою, и спаль-

*) Такимъ образомъ, населеніе увеличивается ежегодно на 3%, что въ 10 лѣтъ составляетъ 30%; удвоеніе населенія, при благоприятныхъ условіяхъ, можетъ произойти въ 35 лѣтъ.

нею, и кухнею; налѣво отъ сѣней—овчарню; далѣе отъ сѣней внутрь—хлѣвъ съ зимнею комнатою для хозяевъ. Кроме дома, у каждаго хозяина имѣются: саманникъ, сѣнникъ, гумно, визятникъ и хлѣбный амбаръ, который, впрочемъ, нерѣдко помѣщается въ самомъ домѣ. Въ зимней комнатѣ по обѣимъ сторонамъ устраиваются нары, вышиною отъ земли на $\frac{1}{2}$ арш.; иногда такихъ наръ бываетъ 3 или 4; между нарами оставляется промежутокъ, шириною въ 1 арш. и болѣе, а длиною въ 5—6 арш., отъ входа въ зимнюю комнату до самой противоположной стѣны, гдѣ обыкновенно устроенъ каминъ. Въ каминѣ зимою постоянно тлѣетъ вязякъ, служа какъ бы огонь для закурки трубокъ или наргила (кальяна), изъ которыхъ курятъ обыкновенно старики. Одна изъ наръ прилегаетъ къ стѣнѣ со шкафомъ, служащимъ для храненія постели; между другою—противоположною нарою и потолкомъ въ досчатой стѣнѣ, во всю ея длину, оставляется отверстіе, шириною почти въ два аршина. Это дѣлается съ тою цѣлью, чтобы, во-первыхъ, не выходя изъ комнаты, можно было бы наблюдать за домашними животными, живущими рядомъ; а во-вторыхъ, чтобы и зимняя комната нагрѣвалась животной теплотой изъ хлѣва. Въ стѣнѣ, по обѣимъ сторонамъ камина, сдѣланы два шкафчика, гдѣ хранится мелкая посуда, какъ-то: чашки, стаканы, тарелки, чайникъ и др. Внутренняя отдѣлка зимней комнаты довольно затѣйлива: на деревянныхъ столбахъ, на балкахъ и даже дверяхъ вырѣзаны различныя фигуры, которыя иногда даже раскрашиваются въ красный цвѣтъ; такіе же рисунки бывають выточены и на камняхъ, изъ которыхъ сложенъ каминъ. Къ стѣнамъ хлѣва приделаны ясли, къ которымъ привязываютъ быковъ, буйволовъ и лошадей; коровъ же и буйволицъ держатъ въ другомъ хлѣвѣ, входъ въ который открывается изъ перваго хлѣва. Въ овчарнѣ также устроены ясли. Какъ уже выше было сказано, большая комната, находящаяся влѣво отъ сѣней, служить и спальнею,

и кладовой, и кухни; въ этой комнатѣ у одной стѣны рядомъ стоятъ большіе кувшины, окрашенные въ красный цвѣтъ; въ нихъ хранятся разнаго рода припасы: бураки, рѣпа, капуста, а иногда и огурцы. Эти продукты карзахцы покупаютъ въ сосѣднихъ селеніяхъ; надъ кувшинами устроены полки, на которыхъ лежатъ пустые мелкіе горшки, тоже окрашенные въ красный цвѣтъ; на другой стѣнѣ также есть полки, на которыхъ помѣщается посуда, какъ-то: старыя мѣдныя турецкія тарелки, глиняные кувшины, бутылки (иногда съ водкою) и разная мелкая посуда; далѣе, у третьей стѣны стоятъ сундуки; въ одномъ изъ нихъ хранятся только носки всей семьи, въ другомъ—бѣлье, а въ остальныхъ—праздничное платье, отдѣльно—мужское, женское и дѣтское; затѣмъ, у четвертой стѣны стоитъ закрома съ мукою. Въ одномъ изъ угловъ устроена цилиндрической или кубической формы возвышенность въ $\frac{1}{2}$ арш. вышины; посреди этой возвышенности вырыта круглая яма (тондерь—печка) для печенія хлѣба; она имѣетъ въ діаметрѣ 1 арш., а въ глубину $1\frac{1}{2}$ арш. Предъ сундуками спятъ молодые члены семейства; а если въ семьѣ женатыхъ много, то для нихъ, рядомъ съ кладовой, устраиваются двѣ или три комнатки, которыя служатъ ихъ спальней. Съ одной стороны кладовая отдѣлена перегородкой, за которой хранятся до половины врытые въ землю большіе глиняные горшки, наполненные льнянымъ масломъ, которое употребляется въ постные дни для приправы къ кушаніямъ; этимъ же масломъ смазываютъ буйволовъ для уничтоженія вшей и всякихъ другихъ паразитовъ. Старшій членъ семейства съ женою и дѣтьми спятъ всегда въ зимней комнатѣ.

При богатыхъ домахъ устроено лѣтнее жилище, внутри котораго по обѣимъ сторонамъ, какъ въ зимней комнатѣ, устроены нары; днемъ семейство, особенно женскій полъ, проводитъ свободное время въ лѣтнемъ жилищѣ, гдѣ ночью (лѣтомъ) спитъ глава семьи со своими дѣтьми.

Саманники находятся у однихъ предъ жилищами и сзади ихъ, а у большинства крестьянъ отстоятъ отъ жилищъ на разстояніи ста и болѣе саженой.

Обыкновенно складывается возлѣ саманниковъ и круглый годъ находится подъ открытымъ небомъ. Кизятники отстоятъ отъ дома на разстояніи десяти саженой и болѣе; навозъ изъ хлѣва ежедневно выносятъ на дворъ, гдѣ ногами его утаптываютъ; лѣтомъ, когда навозъ просыхаетъ, заступомъ отрѣзываютъ изъ этого слоя куски въ формѣ кирпичей, которые называются кизяками.

Гумна тоже отстоятъ недалеко отъ дома. Изъ домашнихъ животныхъ держатъ: быковъ, буйволовъ, коровъ, буйволицъ, овецъ, козъ, лошадей и ословъ.

Число головъ домашняго скота въ селеніи доходитъ до 2732; изъ нихъ лошадей до 150, ословъ до 64, коровъ до 784, быковъ, буйволовъ до 1674 и буйволицъ до 60 головъ. Изъ домашнихъ птицъ карахцы держатъ: куръ, гусей, утокъ, индѣекъ и голубей.

III.

Домашнія животныя. Прилетъ птицъ. Занятія жителей. Образъ ихъ жизни.

Прилетъ ласточекъ, скворцовъ, дивихъ гусей, журавлей, аистовъ здѣсь начинается въ мартѣ и апрѣлѣ, а отлетъ—въ сентябрѣ и октябрѣ. Особенно интересенъ прилетъ аистовъ (самца и самки): недалеко отъ училищнаго зданія стоитъ вертикально вбитое бревно, къ вершинѣ котораго прикрѣплена корзина; въ ночь съ 8-го на 9-е марта въ эту корзину прилетаетъ пара аистовъ. Самка кладетъ три яйца, изъ которыхъ высиживаются ею дѣтеныши; одного изъ нихъ она убиваетъ (какъ увѣряютъ мѣстные жители), принося его въ жертву Богу, а двоихъ—самца и самку воспитываетъ; въ началѣ мольбы, въ сентябрѣ, аисты улетають обратно въ теплые края.

Слѣдуетъ также упомянуть и о насѣкомыхъ, которыя

мучать население, а въ особенности животныхъ. Къ числу та-кихъ насѣкомыхъ относятся: мошки и комары. Отъ укушенія ихъ на тѣлѣ появляется сыпь, производящая нестерпимый зудъ. Эти насѣкомыя развиваются на вышеупомянутомъ лугу въ маѣ, іюнѣ, іюлѣ и августѣ мѣсяцахъ. При наступленіи осени они исчезаютъ. Занятія мѣстнаго населенія составляютъ: земледѣліе, скотоводство и пчеловодство; изъ нихъ первое явля-ется самымъ главнымъ.

Для распашки здѣсь употребляютъ плугъ и соху; рас-пашка плугомъ производится лѣтомъ для разрыхленія почвы; соха употребляется во время самага посѣва, послѣ того какъ земля уже вспахана плугомъ. Обыкновенно въ одинъ плугъ впрягается отъ 8-ми до 10-ти паръ быковъ и буйволовъ; въ теченіе одного дня однимъ плугомъ пахутъ одну десятину зе-мли. Сѣютъ преимущественно пшеницу, ячмень и ленъ. Выво-зится значительное количество пшеницы и ячменя въ города: Тифлисъ, Кутаисъ, Ахалцихъ, Ахалкалаки, Ардаганъ и Ольты. Пчеловодствомъ занимается только незначительная часть на-селенія. Кромѣ упомянутыхъ отраслей сельскаго хозяйства, существуютъ еще слѣдующіе кустарные *) промыслы: гончар-ное производство, которымъ заняты 120 женщ., ткацкое— 55 чел. (50 муж., 5 женщ.), плотнично-столярное ремесло— 22 чел. (мужч.), наконецъ плетеньемъ корзинъ заняты 97 чел. (женщ.).

Въ Карзахѣ есть 8 лавокъ, въ которыхъ продаются ма-нуфактурные и мелочные товары. Кромѣ того, работаетъ 5 мельницъ, каждая объ одномъ поставѣ и три маслобойни для приготвленія льнянаго масла.

Обращаясь къ образу жизни и дѣятельности здѣшней крестьянской семьи, вообще нужно замѣтить, что жизнь какъ взрослыхъ, такъ и дѣтей дѣятельная и трудовая. При посѣвѣ,

См. выпускъ XI „Сборника матер. для опис. мѣст. и плем. Кавк.“—Ку-старные промыслы въ Ахалцихскомъ уѣздѣ.

весною, и при паханіи, лѣтомъ, всѣ лица мужскаго пола, исключая хозяина-старика, идутъ на поле; работа производится общими усилиями: взрослые управляютъ плугами, а дѣти погоняютъ быковъ. Работа обыкновенно сопровождается пѣснями; женщины занимаются приготовленіемъ пищи. Во время покоса и жатвы, кромѣ стариковъ, старухъ и малолѣтнихъ дѣтей, вся семья идетъ на поле: взрослые, какъ мужчины, такъ и женщины, косятъ или жнутъ, а молодежь работаетъ граблями. Въ молотбѣ вся семья принимаетъ участіе, кромѣ одной какой-нибудь женщины, которая занимается приготовленіемъ пищи для работающихъ. Зимой женщины занимаются шитьемъ платья и бѣлья, пряденьемъ шерсти и вязаньемъ носковъ, а мужчины ухаживаютъ за скотомъ,—словомъ вся семья занята.

Въ зимніе вечера мужчины поочередно собираются другъ у друга и проводятъ время въ бесѣдахъ о различныхъ новостяхъ или о хозяйствѣ; въ заключеніе хозяинъ дома обыкновенно угощаетъ гостей ужиномъ. Мужчины садятся за одинъ большой круглый столъ (2 арш. въ діаметрѣ); за ужиномъ разговаривать не принято. Дѣти же обоюго пола садятся за другой столъ; за ними присматриваетъ кто-нибудь изъ женщинъ. Хозяйка вынимаетъ изъ печи приготовленную пищу; тамъ и тутъ молодыя невѣстки подаютъ въ большихъ деревянныхъ мискахъ супъ изъ сыворотки, съ примѣсью пшеничной крупы (полбы) или ячменя. За столомъ всегда имѣется сыръ; мясную пищу употребляютъ рѣдко. Женщины садятся за столъ только тогда, когда мужчины уже встали и легли спать. Здѣсь ѣдятъ и пшеничный и ячменный хлѣбъ (лаваші), но прекрасно испеченный. На масляницу и къ свадьбамъ пекутъ туземные пирожки, блины, приготовленные изъ пшеничной муки на маслѣ; пироги сверху мажутъ яйцами.

Въ праздничное время мужчины одѣваются въ бѣлья бязевыя рубашки, поверхъ которыхъ надѣваютъ полусукон-

ные (рѣдко изъ сукна) бешметы и подпоясываются кожаными ремнями, а старики кушаками изъ какой-нибудь матеріи; поверхъ бешметовъ надѣваютъ изъ чернаго или сянго сукна черкески. Обуваются—молодые въ лапти, а старшіе въ туфли, а иногда и въ сапоги. Женщины одѣваются въ юбки изъ фланели; поверхъ юбокъ—длинное платье, обыкновенно изъ синей бязи и рѣдко изъ сукна; обуваются въ башмаки.

Всѣ члены семьи пользуются одинаковыми правами на одежду и обувь, сообразно съ возрастомъ и особенностями работы каждаго. Родители стараются удержать въ своей семьѣ всѣхъ ея членовъ и не учинять раздѣла. По смерти же ихъ, при раздѣлѣ, всѣ члены семьи, т. е. братья, пользуются одинаковыми правами.

Семейства, находящіяся въ близкомъ родствѣ, нерѣдко живутъ вмѣстѣ. Въ обществѣ всегда пользуется особымъ уваженіемъ старшій по лѣтамъ.

IV.

Заключеніе брака: сватовство, посѣщеніе невесты, обрученіе, вѣнчаніе и свадьба.
Поминовеніе усопшихъ. Сельская школа.

У карзахцевъ обрученіе совершается слѣдующимъ образомъ: родители жениха выбираютъ сватовъ обыкновенно изъ родственниковъ невесты и отправляютъ ихъ къ ея родителямъ. Придя въ домъ невесты, свать говоритъ: „Волею Божіею меня отправили такіе-то сватомъ къ вашей дочери“. Если родителямъ невесты нравится женихъ (слѣдуетъ замѣтить, что какъ женихъ, такъ и невеста не играютъ тутъ главной роли), то они спрашиваютъ: „а сколько рублей дадите?“ Вообще въ Ахалалакскомъ уѣздѣ у армянъ-крестьянъ при сватовствѣ берется съ родственниковъ жениха иногда рублей сто и болѣе, а съ вдовца—отъ двухъ сотъ до семисотъ рублей въ пользу родителей невесты. Когда приходятъ къ соглашенію, то сваты отсчитываютъ деньги и начинаютъ

пить водку за здоровье жениха и невесты; питье водки имѣетъ въ этомъ дѣлѣ такое же значеніе, какъ и задатовъ въ торговыхъ сдѣлкахъ. Съ этихъ поръ дѣвица лишается свободы: безъ позволенія родителей жениха она не можетъ идти гулять; а если имѣетъ отъ нихъ разрѣшеніе, то можетъ гулять только въ сопровожденіи своихъ подружекъ; при этомъ ей возбраняется говорить не только съ родственниками жениха, но и со своими знакомыми. Послѣ сватовства отправляютъ со стороны невесты одного или двухъ мальчиковъ въ домъ жениха съ подарками; это знакъ того, что дѣлю кончилось. Въ тотъ же вечеръ старшіе члены семьи жениха (только мужчины) отправляются въ домъ невесты, гдѣ предъ ужиномъ невеста, закрывъ лицо вуалью, прикладываетъ сперва къ рукѣ дѣда своего, если же нѣтъ дѣда, то старшаго въ домѣ, а потомъ уже цѣлуетъ руки гостямъ, начиная со старшихъ; затѣмъ она должна стать около родныхъ жениха. Къ ужину подаютъ уже не супъ, какъ обыкновенно, а мясную пиццу и водку. По окончаніи ужина гости благодарятъ родителей невесты за угощеніе и уходятъ; этотъ визитъ называется малымъ визитомъ невесты. При большомъ же визитѣ родные жениха берутъ съ собою и своихъ знакомыхъ и отправляются въ домъ невесты съ зурной. При этомъ невеста, закрывъ лицо вуалью, прикладываетъ къ рукѣ старшему изъ родныхъ жениха, сидящему обыкновенно около камина, какъ на самомъ почетномъ мѣстѣ. Затѣмъ отправляютъ священника и двухъ или трехъ молодыхъ людей съ зурною за женихомъ, котораго они и приводятъ въ домъ невесты; священникъ ставитъ посреди комнаты жениха и невесту лицомъ къ лицу и спрашиваетъ ихъ: „Согласны ли вы сочетаться законнымъ бракомъ?“ Какъ невеста, такъ и женихъ кланяются въ поясъ, чѣмъ и выражаютъ свое согласіе; тогда священникъ изъ своихъ рукъ поитъ ихъ шербетомъ (водою съ медомъ). Послѣ этого невеста прикладываетъ къ рукѣ присутствующимъ и становится около

старшаго изъ членовъ семьи жениха. По окончаніи этихъ церемоній женихъ возвращается къ себѣ домой въ сопровожденіи своихъ поѣзжанъ. Тѣмъ временемъ въ домѣ невѣсты подается ужинъ, послѣ котораго съ родныхъ жениха собираютъ деньги, по рублю-по два съ каждаго, при чемъ одинъ изъ гостей громкимъ голосомъ выкрикиваетъ: „такой-то подарилъ столько-то рублей, такой-то столько и т. д.“; въ концѣ концовъ старшій изъ родныхъ жениха даритъ невѣстѣ рублей пять или десять, смотря по состоянію. Собранныя деньги считаются вслухъ и передаются отцу невѣсты. На слѣдующій день родные невѣсты со своими знакомыми съ зурной отправляются въ домъ жениха, куда уже приглашены и тѣ лица, которые наканунѣ были у невѣсты. Какъ только гости усядутся, женихъ въ сопровожденіи зурны, съ подносомъ въ рукахъ, на которомъ поставлены двѣ бутылки воды, двѣ тарелки съ изюмомъ и двѣ тарелки съ конфетами, входитъ въ комнату, гдѣ сидятъ гости, кланяется имъ три раза въ поясъ и угощаетъ сперва лицъ, сидящихъ у камина, а потомъ уже и остальныхъ; гости пьютъ за здоровье жениха и невѣсты и закусываютъ; послѣ закуски собираютъ деньги уже съ родныхъ невѣсты. Собранныя деньги передаются съ тою же церемоніей отцу жениха.

Свадьба празднуется слѣдующимъ образомъ: въ день свадьбы, т. е. въ воскресенье, въ полдень, собираются товарищи и друзья жениха къ нему на домъ; здѣсь они одѣваютъ жениха въ свадебное платье, распѣвая хвалебныя пѣсни на армянскомъ и татарскомъ языкахъ, а нѣкоторые и пляшутъ подъ зурну. Одѣвши жениха, молодежь вмѣстѣ съ женихомъ, взявъ съ собою зурну, отправляется въ домъ крестнаго отца будущихъ дѣтей молодыхъ. Тамъ, въ домѣ крестнаго отца, жениха купаютъ его товарищи. Послѣ купанья они всѣ брѣются, и тутъ же остаются обѣдать; послѣ обѣда возвращаются опять въ домъ жениха. Нужно замѣтить, что гости собираются въ

домъ жениха только въ то время, когда женихъ бываетъ въ домъ своего крестнаго отца. Одинъ изъ родственниковъ жениха, съ бутылкой водки въ рукахъ, ходитъ по деревнѣ и приглашаетъ гостей, при чемъ подносить каждому изъ приглашаемыхъ по рюмкѣ водки. Когда приглашенные собираются, кто-нибудь изъ родственниковъ жениха съ бутылкой водки въ рукахъ, въ сопровожденіи зурны, отправляется къ крестному отцу жениха, котораго съ семействомъ приглашаетъ на свадьбу. Крестный отецъ, тоже съ зурной, идетъ къ жениху, неся мѣдное блюдо, на которомъ находятся: двѣ или три золотыя монеты (рублей на семь), двѣ пары обуви для молодыхъ брачующихся, фунтъ восковыхъ свѣчей, пара факеловъ, разныя сладости и хну (краска), которою красятъ себѣ руки женихъ, невеста, окружающая ихъ молодежь и самъ крестный отецъ; это блюдо съ установленными на немъ подарками называется „кохъ“. Какъ къ жениху собираются его товарищи, такъ и къ невестѣ собираются ея подруги; эта толпа дѣвушекъ называется „цагкоцъ“ *ḍaḡḡoḡ*, т. е. цвѣтникъ. Въ это же время отъ невесты посылается къ жениху въ подарокъ пара бѣлья изъ коленкора, пара носковъ, а иногда и ластиковый бешметъ. Въ домъ жениха выпивается водка, а потомъ всѣ гости вмѣстѣ съ родными жениха отправляются въ домъ невесты, гдѣ пируютъ и веселятся, сопровождая все это пѣснями и пляской. Священникъ благословляетъ „кохъ“, принесенный крестнымъ отцомъ, а потомъ собственноручно надѣваетъ на палецъ невесты кольцо и покрываетъ ея голову вуалью. Послѣ ужина развеселившіеся крестьяне и крестьянки благодарятъ отца невесты за угощеніе и возвращаются въ домъ жениха; чрезъ нѣсколько часовъ всѣ они опять приходятъ въ домъ невесты, гдѣ пляшутъ уже до полуночи. На слѣдующій день, т. е. въ понедѣльникъ, опять всѣ гости собираются въ домъ жениха. Здѣсь они угощаются чаемъ и завтракомъ, а потомъ, взявъ съ собою жениха, съ зурной отправляются въ домъ не-

вѣсты, гдѣ въ первый разъ совершается подача другъ другу руки женихомъ и невѣстой; отсюда всѣ отправляются въ церковь, гдѣ и совершается обрядъ бракосочетанія. Послѣ вѣнчанія гости съ пляскою и съ зурною провожаютъ новобрачныхъ до самыхъ дверей дома жениха; и здѣсь, какъ при обрученіи, собираютъ деньги, которыя передаютъ отцу жениха въ пользу новобрачныхъ. Какъ только новобрачные вступятъ на порогъ дома, крестный отецъ, обнаживши кинжалъ, чертитъ имъ надъ дверьми крестъ для предохраненія молодыхъ отъ злого духа. Послѣ этого всѣ гости входятъ въ комнату и садятся; имъ подають водку; пьютъ за здоровье жениха и невѣсты, веселятся и продолжаютъ пировать. Такимъ образомъ свадьба продолжается съ воскресенья до среды, т. е. три дня. Водка выпивается, какъ при обрученіи, такъ и на свадьбѣ,—все равно, въ домѣ жениха или въ домѣ невѣсты, на счетъ родителей жениха.

Каждый карзахецъ ежегодно заказываетъ священнику заупокойную панихиду по усопшимъ родственникамъ; при этомъ по окончаніи панихиды священникъ съ дьячками идутъ въ домъ крестьянина, заказавшаго панихиду, гдѣ уже бывають въ сборѣ почти всѣ старики села; всѣхъ ихъ домохозяйинъ угощаетъ, при чемъ и тутъ не обходится безъ водки. Когда приглашенные расходятся, то каждый изъ нихъ, обязательно поминная покойныхъ родственниковъ хозяина, благодаритъ и его самого. Подобные поминки обходятся отъ пяти до шестидесяти рублей, смотря по числу приглашенныхъ и вообще по достатку устраивающаго поминки.

Въ Карзахѣ есть сельская одноклассная школа съ тремя отдѣленіями. Она существуетъ уже съ 1881 года; въ ней обыкновенно ученье начинается въ началѣ ноября и оканчивается въ 1-му іюня. Но большинство учащихся посѣщеніе школы прекращаетъ весной съ наступленіемъ полевыхъ работъ, т. е. въ началѣ апрѣля. Учащихся въ 1881 г. было 34,

а въ 1891 году—уже 117. Расходы по содержанію школы простираются до 500 руб. въ годъ, которые вносятся отъ двухъ обществъ—Карзахскаго и Мравовалскаго.

За все время существованія школы, въ ней окончило курсъ всего 9 учениковъ. За то же время выбыло изъ школы, до окончанія курса, умѣющихъ читать и писать 62 человека.

Число учащихся относится къ общему числу жителей, какъ 1:17. Число всѣхъ грамотныхъ обоого пола въ настоящее время составляетъ 10⁰/₀ всего населенія.

Учитель Вачіанскаго сельскаго училища *К. Григоровъ*.

СЕЛО ГЕОЗАЛДАРА,

Новобаязетскаго уѣзда, Эриванскоѣ губерніи.

I.

Названіе села и краткія историческія свѣдѣнія.

Село Геозалдара казенное. Названіе „Геозалдара“ тюркское; оно состоитъ изъ двухъ словъ: „геозаль“ — красивый и „дѣрѣ“ — ущелье, т. е. красивое ущелье. Само село по своему мѣстоположенію достойно такого названія. Село это въ старину, какъ говоритъ армянскій историкъ Степаннось Орбелянъ, называлось Ваденись (*Վարդէնիս*), что означаетъ страна розъ. Село Ваденись (нынѣ Геозалдара) входило въ составъ имѣнія мѣстнаго владѣтеля, князя Васака Сюнійскаго, жившаго въ началѣ V вѣка по Р. X. Послѣ паденія кн. Васака имѣніе это въ составѣ нѣсколькихъ сель въ 460 г. перешло во владѣніе Татевскаго армянскаго духовенства; чрезъ нѣкоторое время, оно перешло во владѣніе армянскихъ царей Аршакидовъ; съ 880 г. до 1080 г. находилось во владѣніи Бакратидовъ; съ 1080 г. до 1375 г. — во владѣніи сельджуковъ, турокъ и персовъ; потомъ оно вновь перешло во владѣніе сюнійскихъ князей, которые владѣли имъ до 1605 г.; съ 1605 г. до 1827 г. находилось во владѣніи персовъ, а съ 1827 года оно находится подъ владычествомъ Россіи.

II.

Мѣстоположеніе, границы и вѣшній видъ.

Село Геозалдара лежитъ на лѣвомъ крутомъ и возвышенномъ берегу р. Геозалдара-чай, подъ 63° 5' сѣверной ши-

роты и $40^{\circ} 10'$ восточной долготы. Оно находится въ трехъ верстахъ отъ южнаго песчанаго берега оз. Гокча (Севанга), на разстояніи 43 верстъ отъ уѣзднаго города Новобаязета и 142 в. отъ губернскаго города Эривани. Возвышенность, на которой лежить с. Геозалдара, террасами постепенно поднимается по направлеію къ югу и оканчивается горною цѣпью со множествомъ вершинъ, покрытыхъ богатою растительностью. Одна изъ нихъ, именно вершина Сардари-варъ-тапа почти одиннадцать мѣсяцевъ остается покрытою снѣгомъ; она совершенно освобождается отъ бѣлаго покрова только въ концѣ іюля и то не всегда.

Занимая живописную гористую мѣстность, Геозалдара со своими оверстностями можетъ считаться красивѣйшимъ уголкомъ во всемъ Новобаязетскомъ уѣздѣ, природа котораго вообще не отличается разнообразіемъ видовъ.

Границы земель, входящихъ въ составъ с. Геозалдара, составляютъ: съ юга возвышенности съ вершинами Сардари-варъ-тапа и скалою Курбанъ-дашъ, а далѣе идутъ казенныя свободныя мѣста, которыя представляютъ прекрасныя пастбища; съ сѣвера—оз. Гокча; съ запада—земли казеннаго селенія Золахачъ, находящагося въ 6 верстахъ отъ Геозалдара. Съ востока—земля казеннаго имѣнія Кейлани—Кирланъ, находящагося въ 4 верстахъ отъ с. Геозалдара.

III.

Ж и л и щ а.

Дома въ селѣ Геозалдарѣ разбросаны въ безпорядкѣ; улицы, кривыя и грязныя, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ до того узки, что едва можетъ проѣхать арба. Дома построены изъ камня съ плоскими земляными крышами, въ которыхъ остается нѣсколько отверстій; строятся они очень низко, четырехугольниками. Бревна для постройки доставляютъ изъ Хотаванскаго монастырскаго лѣса, находящагося въ Елисаветполь-

ской губерніи, на границѣ Шущинскаго, Джеванширскаго и Зангезурскаго уѣздовъ. Лѣсъ этотъ находится на разстояніи 90—95 верстъ отъ сел. Геозалдара. Лучшее зданіе въ селѣ занимаетъ двухклассное училище.

На правомъ берегу Геозалдара-чая находятся огороды, овчарни, садики, обнесенные каменными стѣнами и засаженные ивовыми деревьями, одна маслобойня, кладбище, извѣстное своими старинными памятниками и двѣ пещеры „Плечайръ“ и „Колози-айръ“. Въ этихъ пещерахъ иногда живутъ зимою такъ называемые „мютрюбы“, составляющіе особое бродячее охотничье племя магометанскаго вѣроисповѣданія. Мютрюбы сами себя называютъ „бекзадами“, т. е. дворянами. С. Геозалдара со своими огородами и гумнами занимаетъ пространство около 30 десятинъ; по населенности, по просторности и по внѣшнему виду оно считается лучшимъ селеніемъ во всемъ Новобаязетскомъ уѣздѣ.

Подъ одною крышею обыкновенно помѣщаются всѣ хозяйственныя постройки: комната, въ которой живутъ хозяева, кладовая, конюшня и др.; всѣ онѣ имѣютъ одинъ общій ходъ, который запирается тяжелою дубовою дверью.

Крыша состоитъ изъ толстыхъ бревенъ, поддерживаемыхъ такими же столбами. При входѣ въ помещеніе геозалдаринцевъ нужно пройти узкій коридоръ (срахъ), изъ котораго нѣсколько маленькихъ низенькихъ дверей ведутъ во всѣ отдѣленія зданія. Двери находятся съ одной стороны коридора; съ другой стороны въ стѣнѣ во всю ея длину сдѣлана амбразура (*Urwşh şnuşp*); въ ней зимою хозяева держатъ дневной запасъ сѣна, саману и друг. Изъ коридора одна дверь ведетъ въ общую саклю, крыша которой имѣетъ форму усѣченнаго конуса; въ срединѣ крыши продѣлано отверстіе, чрезъ которое проникаетъ свѣтъ и служитъ какъ бы вентиляціей для сакли. Такія отверстія продѣланы и надъ другими отдѣленіями. Въ общей саклѣ вдоль стѣнъ поставлены сундуки съ раз-

ною одеждою и ящики съ посудой. На этихъ сундукахъ лежить сложенная въ мафрашахъ постель, ковры, войлоки, хурджины, мѣшки и друг. Въ центрѣ сакли, какъ разъ подь отверстіемъ крыши, находится цилиндрической формы глиняный тундиръ (печка), глубиною до двухъ аршинъ, въ которомъ пекутъ хлѣбъ и варятъ пищу. У основанія тундира продѣлано круглое отверстіе (2 верш. въ діаметрѣ), которое ведетъ наружу и служитъ для вентиляціи; для топлива употребляютъ вязякъ, который хранится подь открытымъ небомъ. Дымъ изъ тундира, поднимаясь вверхъ, стелется по потолку и выходитъ въ единственное отверстіе крыши. Когда вязякъ сгораетъ, и перестаетъ выходить дымъ, то хозяйка начинаетъ печь лаваша, въ богатыхъ семьяхъ изъ пшеничной муки, а въ бѣдныхъ изъ ячменной. Хлѣбопеченіе производится слѣдующимъ образомъ: хозяйка просѣиваетъ муку чрезъ волосяное сито, затѣмъ приготовляетъ тѣсто съ закваской и мѣситъ его въ корытѣ; замѣсивъ, закрываетъ его паласами и оставляетъ отъ 1—1¹/₂ час., смотря по времени года, для броженія. Послѣ броженія хозяйка рѣжетъ тѣсто на маленькіе куски, которые раскатываетъ скалкою на квадратной доскѣ, сторона которой равняется 1 арш.; раскатанное тѣсто перебрасываетъ съ одной руки на другую, отчего оно сильно растягивается; потомъ его разстилаетъ на тапъ*), которымъ и прикладываетъ къ стѣнкѣ тундира; чрезъ минуты двѣ-три, вынимаетъ изъ тундира свѣжіе лаваша. Въ томъ же тундирѣ хозяйка варитъ и пищу для всего семейства. Въ зимнее время, по окончаніи хлѣбопеченія и варки пищи, на тундиръ ставятъ большую табуретку (р-р-р-—бюрсі), съ короткими ножками; покрываютъ ее толстымъ зимнимъ одѣяломъ, а кругомъ

*) Тапъ плетется въ видѣ лопаты, изъ прутьевъ, длиною въ аршинъ, а ширину около 6 верш; на одну сторону этой плетенки накладываютъ солому и обшиваютъ матерією; отъ этого одна сторона тапа становится выпуклою; на эту-то выпуклость и разстилаютъ раскатанное тѣсто.

разстилають войлоки, на которые садятся члены семейства и, протянувъ ноги подъ кюрсн, грѣются; кюрсн во время обѣда служатъ также столомъ; всѣ члены семейства спятъ вокругъ кюрсн. Изъ общей сакли чрезъ узенькую дверь можно войти въ кладовую (*дип. шиб* — „маранъ“), гдѣ хранятся всѣ хозяйственные припасы и посуда. Изъ передней одна дверь ведетъ въ конюшню. Крыша конюшни плоская и тоже съ отверстиями для прохожденія свѣта. Конюшня дѣлится на нѣсколько отдѣленій. Въ первомъ изъ нихъ держатъ буйволовъ, буйволицъ и куръ, во второмъ отдѣленіи держатъ быковъ, въ третьемъ — коровъ и телятъ, въ четвертомъ — лошадей и ословъ, а въ пятомъ принимаютъ гостей, особенно зимою; оно называется „*Сн/рш*“. Крыши нѣсколькихъ сосѣднихъ домовъ обыкновенно соединяются въ одну. Вообще помещенія очень темны, такъ какъ, кромѣ отверстія на крышѣ, никакихъ оконъ въ нихъ нѣтъ. Полы исключительно земляные, отчего въ домахъ постоянная сырость. Общая сакля содержится чисто и опрятно, но зато дворы и улицы завалены всякимъ мусоромъ и навозомъ. На улицу выбрасываютъ даже и издохшихъ домашнихъ животныхъ и птицъ, которыя распространяютъ зловоніе, особенно лѣтомъ. На улицахъ лежитъ толстымъ слоемъ пыль, которая во время дождя превращается въ невылазную грязь; но иногда жители этимъ соромъ удобряютъ поля и огороды. Правильно устроенныхъ отхожихъ мѣстъ въ селѣ нѣтъ; онѣ замѣняются простыми ямами, ничѣмъ не огороженными. Возлѣ домовъ устроены также и другія ямы, глубиною отъ 2 до 4 арш.; въ нихъ зимою сохраняется пшеница, ячмень, морковь, бураки, картофель и друг. овощи. Отверстіе ямы закрывается плоскимъ камнемъ. Такихъ ямъ у каждаго домохозяина бываетъ нѣсколько.

У каждаго геозалдаринца во дворѣ сложенъ кизякъ въ видѣ пирамиды, высота которыхъ доходитъ до 8 и болѣе аршинъ, а ширина и длина при основаніи до 5 аршинъ и

болѣе. Кизякъ приготавливаютъ слѣдующимъ образомъ: нечистоты изъ конюшенъ выбрасываютъ на дворъ, гдѣ отведено мѣсто собственно для этой надобности; оно называется „басма“ (*mulch*); выброшенный навозъ уравниваютъ лопаткой и оставляютъ подъ открытымъ небомъ. Лѣтомъ, когда навозъ совершенно засыхаетъ и дѣлается твердымъ, хозяинъ наръзываетъ его желѣзной лопатой на четырехугольные куски, толщиной отъ 1 до 3 верш. Изъ этихъ кусковъ потомъ строятъ пирамиду, средину которой заполняютъ мелкими кусками кизяка; сбоку пирамиды оставляютъ четырехугольное отверстие, чтобы можно было оттуда достать кизякъ. Для осѣщенія употребляютъ постное масло и очень рѣдко фотогенъ.

IV.

К л и м а т ъ .

Климатъ въ селѣ Геозалдарѣ, какъ и во всемъ Новобаязетскомъ уѣздѣ, сухой и холодный, но вполне здоровый. Сосѣдство Гокчинскаго озера и болотъ съ сѣверной стороны села дѣлаетъ климатъ вообще сырмъ. Зима бываетъ очень холодная, съ большими морозами, мятелями и буранами; такъ напр., въ 1888 г. въ январѣ и февралѣ мѣсяцахъ морозы доходили до 35° и до 40° по R. Нерѣдко путешественники дѣлались жертвой мятели и погибали подъ снѣжными заносами. Самое лучшее время года здѣсь—лѣто. Оно сухое и прохладное. Температура въ лѣтніе мѣсяцы на солнцѣ доходитъ иногда до 25° R. Самый жаркій мѣсяць—августъ, а самые переменчивые—съ непостоянною погодою—ноябрь и мартъ. Вѣтры составляютъ постоянное явленіе въ этой мѣстности, такъ какъ она очень возвышенная: на 9686 ф. выше уровня моря; они дуютъ періодически. Лѣтомъ восточные и западные вѣтры, весною южные, осенью исключительно западные, а зимою сѣверные и сѣверо-западные вѣтры. Лѣтомъ нерѣдко бываетъ гроза, кончающаяся градомъ, который причиняетъ немало вре-

да полямъ. Осень въ этой мѣстности непродолжительная: она начинается въ началѣ сентября и продолжается до конца октября. Весна наступаетъ въ концѣ апрѣля; лѣто начинается съ 15 іюня и продолжается до сентября. Дождливые мѣсяцы — май и іюнь.

Изъ болѣзней, зависящихъ отъ климата, часто встрѣчается ревматизмъ, особенно у женщинъ. Благодаря нечистоплотности жителей чесотка составляетъ обычное явленіе. Нерѣдко встрѣчаются и глазныя болѣзни, благодаря дыму, темнотѣ и пыли въ сакляхъ. Въ случаяхъ болѣзни всегда обращаются къ старухамъ-знахаркамъ, которыя лѣчатъ больныхъ домашними средствами.

V.

Рѣка Геозалдара-чай. Вода для питья и краткія свѣдѣнія о Гокчинскомъ озерѣ (Севанга).

Пахатныя, пастбищныя и сѣнокосныя мѣста орошаются р. Геозалдара-чай, которая беретъ свое начало съ горъ, служащихъ границею Новобаязетскаго и Шаруро-Даралагезскаго уѣздовъ. Протекая около двадцати верстъ, она принимаетъ незначительный притокъ Веринъ-Геозалдари-чай и впадаетъ въ оз. Гокча. Вода въ рѣкѣ очень здоровая и чистая, такъ какъ протекаетъ по каменистой почвѣ; она мутнѣетъ только въ апрѣлѣ вслѣдствіе таянія снѣговъ въ горахъ. Въ это время рѣка у устья выходитъ изъ береговъ, такъ что переходъ съ одного берега на другой на нѣсколько дней прекращается; вслѣдствіе быстрого теченія она никогда не замерзаетъ.

Геозалдаринцы воду для питья берутъ изъ рѣки и изъ родника, выходящаго изъ-подъ холмика, на южной сторонѣ села. Отъ него проведены подземныя канавы по всему почти селенію. Воду изъ родника употребляютъ только въ апрѣлѣ, такъ какъ вода въ рѣкѣ въ это время бываетъ мутная. Водой изъ родника въ лѣтнее время пользуются также и для орошенія.

Озеро Гокча прежде называлось „Гехакуни“, а потомъ „Гехамат-цовъ“ (Гехамское море). Въ Исторіи Арменіи Моисея Хоренскаго (гл. XII, стр. 47) *) говорится: „Гехамъ, по истеченіи лѣтъ, родить Харманъ въ Армавирѣ и, оставивъ его здѣсь со своими сожителами, самъ отправляется (1908 г. до Р. Х.) въ другой горѣ, что на сѣверо-востоѣ, на берегъ одного озера. Обстроивъ этотъ берегъ, онъ населяетъ его жителями и своимъ именемъ называетъ гору Гехомъ, а селеніе и море Гехакуни“...

Теперь же озеро, по имени острова Севангъ, называется Севанга. На островѣ Севанга въ 305 году по Р. Х. св. Григорій, просвѣтитель Арменіи, по преданію, построилъ алтарь во имя св. Воскресенія Спасителя; на томъ мѣстѣ теперь стоитъ Севангскій монастырь—одинъ изъ древнѣйшихъ и замѣчательнѣйшихъ армянскихъ монастырей. Озеро Гокча занимаетъ 225 верстъ въ окружности и лежитъ надъ уровнемъ моря на высотѣ 6330 ф. Длина озера достигаетъ до 66¹/₂ верстъ; наибольшая ширина его—30¹/₄ версты; наибольшая глубина достигаетъ до полуверсты. Озеро это, по словамъ Абиха, есть не что иное, какъ жерло потухшаго вулкана. Вода въ озерѣ прѣсная и прозрачная; она понижается **) съ каждымъ годомъ, что легко замѣчается прибрежными жителями.

Озеро изобилуетъ рыбою, среди которой попадаетса нѣсколько породъ форелей и три породы храмули; мѣстныхъ названія этихъ породъ слѣдующія: форелей—„ябани“, „ишханъ“ и „вапутъ ишханъ“, а храмули—„вогаѣ“, „бахтаѣ“ и „беглу“. Самая вкусная изъ форелей—это „ябани“ и отчасти „ишханъ“. Онѣ отличаются отъ другихъ породъ по величинѣ

*) Можно сомнѣваться, чтобы это мифическое преданіе М. Хоренскаго относилось къ оз. Гокча.

Прим. А. Я. Юакимова.

**) Отецъ Алишанъ въ своей Всеобщей географіи (см. Русская Арменія) говоритъ, что, по наблюденію мѣстныхъ жителей, вода озера Гокчи въ теченіе семи лѣтъ увеличивается, а потомъ въ такой же срокъ уменьшается.

Прим. А. Я. Юакимова.

и формѣ тѣла. Между храмулями самое большое и вкусное „когазь“. Въ свѣжемъ видѣ „когазь“ не употребляется жителями; его обыкновенно солятъ и оставляютъ на зиму. „Ишханъ“ ѣдятъ въ вяленомъ и сушеномъ видѣ (самое вкусное—осенняго приготовления). Озеро отдается въ аренду съ торговъ; за каждое твехлѣтіе взимается 21.000 руб., иногда и болѣе.

VI.

Почва и общинная земля.

Грунтъ земли въ селѣ и въ окрестностяхъ состоитъ изъ чернозема съ незначительною примѣскою глины. Прекрасный черноземъ, покрывающій всѣ пахотныя, сѣновосныя и пастбищныя мѣста, много способствуетъ хлѣбопашеству, которое составляетъ главное занятіе жителей. Къ сѣверу отъ селенія почва болотиста, вслѣдствіе того что берегъ озера низкій и, во время разлива, вода изъ озера затопляетъ его; здѣсь постоянная сырость. На юго-западной сторонѣ села, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, почва глинистая, и есть цѣлые холмы, состоящіе изъ одной только глины.

Глина здѣсь двухъ сортовъ: одинъ изъ нихъ употребляется для гончарныхъ издѣлій, а другой для смазыванія стѣнъ и крышъ домовъ.

Всѣ пахотныя земли и угодья принадлежатъ казнѣ и предоставлены всему обществу для пользованія. Обыкновенно нѣсколькими повѣренными со стороны общества вся общинная земля дробится на отдѣльные участки, которые отводятся отдѣльнымъ семьямъ. Владѣлецъ cadaго участка обрабатываетъ свой участокъ и урожай обращаетъ въ свою пользу. Черезъ каждые 4 или 5 лѣтъ участки переходятъ изъ однѣхъ рукъ въ другія. Нерѣдко случается, что эти надѣлы-участки съ теченіемъ времени становятся собственностью владѣльцевъ. Это достигается путемъ огораживанія надѣловъ и обращеніемъ ихъ въ бахчи и огороды.

Всѣ земли, входящія въ составъ с. Геозалдара, составляютъ 4354 дес. Изъ нихъ подъ пашнями 2928 дес. 700 кв. саж., некаменистой земли подъ пастбищами 712 дес. 1200 кв. саж., пастбищной каменистой земли 141 дес. 1200 кв. саж., подъ годною для сѣнокоса трясиную 58 дес., подъ деревней и двумя развалинами „Чкей“ и „Дербентъ“ 58 дес., подъ дорогами 14 дес. 1400 кв. саж., подъ рѣчкою и канавами 9 дес. 300 кв. саж., подъ скалами и оврагами 435 дес.

По послѣднему камеральному описанію въ с. Геозалдара 316 дымовъ; земля въ количествѣ 4354 дес. раздѣляется по числу душъ (3500) обоего пола; на одного человѣка приходится около 2008 кв. саж. годной земли.

VII.

Растенія и животныя.

Въ с. Геозалдара растутъ пшеница, ячмень, полба, ленъ, конопля и друг. На пастбищныхъ мѣстахъ растутъ много полевыхъ душистыхъ цвѣтовъ, которые покрываютъ поля чуднымъ и пышнымъ ковромъ. На болотной почвѣ растутъ камышь, курслѣвъ болотный, болотная лилія и друг. Плодовыхъ деревьевъ, вслѣдствіе сильныхъ морозовъ, не разводятъ. Изъ неплодовыхъ деревьевъ встрѣчается только ива, которая раскрываетъ почки въ концѣ апрѣля, а листья распускаются въ началѣ мая. Травы, употребляемыя жителями въ пищу въ видѣ приправы, слѣдующія: мята, мальва, щавель, крапива и друг. Изъ огородныхъ растений мѣстные жители разводятъ въ небольшомъ количествѣ: капусту, фасоль, тыкву, морковь, бураки, рѣпу, подсолнечникъ и друг. Всѣ крестьяне содержатъ здѣсь лошадей, ословъ, буйволовъ, быковъ, коровъ, козъ и овецъ. Крупнаго рогатаго скота въ с. Геозалдара въ 1888 г. было 1979 головъ, а овецъ—2516.

Для перевозки тяжестей употребляются преимущественно лошади и ослы, а для земледѣльческихъ работъ—быки и буй-

волы. Всѣ домашнія животныя, начиная съ октября до апрѣда, а иногда и до мая, живутъ въ теплыхъ хлѣвахъ и кормятся сѣномъ и саманомъ, а въ прочіе шесть мѣсяцевъ онѣ пасутся на пастбищныхъ мѣстахъ около села и въ яйлагахъ, куда переселяется со скотомъ нѣсколько десятковъ семействъ въ началѣ іюня. Домашнія животныя пасутся подъ надзоромъ пастуха, который за это получаетъ отъ жителей вознагражденіе, по условію, деньгами или съѣстными припасами. Присмотръ за домашними животными вообще очень хорошій. Изъ дикихъ животныхъ встрѣчаются: волкъ, заяцъ, лисица, горностаи и очень рѣдко медвѣдь. Изъ домашнихъ птицъ жители держатъ только куръ и гусей; благодаря озеру, болотамъ и камышамъ, водяныхъ птицъ въ изобиліи, между которыми встрѣчаются: бакланы, гуси, лебеди, утки, булики, бекасы, мартишки-рыболовы, чайки, гагары и друг.

Водятся также въ изобиліи вуропатки, курочки и перепела; есть и сороки, воробьи, вороны, соловьи, каменные сворцы, журавли и друг. Перелетныя птицы живутъ здѣсь отъ послѣднихъ чиселъ марта до конца октября. Вслѣдствіе суровости климата змѣй и ящерицъ очень мало. Изъ насѣкомыхъ здѣсь водятся: навозный жукъ, сверчокъ, паукъ, дикія пчелы, оса, бабочка-многоцвѣтница, капустница и друг.

VIII.

Народонаселеніе и ихъ занятія.

Коренныхъ жителей въ с. Геозалдара совсѣмъ нѣтъ: нынѣшніе жители въ 1829 г. переселились изъ турецкихъ провинцій Алашкертъ и Мушь въ числѣ 46 дымовъ и по распоряженію Паскевича-Эриванскаго поселились въ этомъ селеніи; коренные же жители сел. Геозалдара татары, въ числѣ 15 дымовъ, были выселены на житье въ Эриванскій уѣздъ. Геозалдаринцы отличаются крѣпкимъ тѣлосложеніемъ и довольно красивою наружностью; они почти всѣ блондины. Одежда

мужчинъ состоитъ изъ чухи (черкески), аркалука и бѣлыхъ шерстяныхъ штановъ; на ногахъ поршни, на головѣ папахъ изъ овечьей шкуры; за исключеніемъ стариковъ, всѣ мужчины брѣютъ бороды. Женщины одѣваются въ ситцевыя платья; онѣ рѣдко надѣваютъ башмаки, а болѣею частью ходятъ босня, даже зимою. Дѣвушки носятъ фески.

Кромѣ мѣстныхъ жителей, въ сел. Геозалдара въ настоящее время живутъ и курды въ числѣ 15 дымовъ. Они почти каждый годъ со своимъ скотомъ перекочевываютъ въ Эриванскій уѣздъ, а потомъ опять возвращаются сюда и вообще ведутъ кочевой образъ жизни.

Число жителей по камеральному описанію 1873 года составляло всего 1,903 души—мужескаго пола 983, а женскаго 920, дымовъ же было 189; а по камеральному описанію 1886 года всего считается 2,826 душъ—мужескаго пола 1,416, а женскаго 1,410, дымовъ 316; слѣдовательно, за 12 лѣтъ число дымовъ увеличилось на 127, число душъ мужескаго пола на 433 души, а женскаго—на 490, итого—923 души, среднимъ же числомъ на каждый годъ по 76 душъ *). Это увеличеніе слѣдуетъ приписать естественному приросту (перевѣсу числа рожденій надъ числомъ смертныхъ случаевъ), если судить по слѣдующей таблицѣ, которая заимствована мною у мѣстныхъ приходскихъ священниковъ.

ГОДЪ:	Родилось:			Умерло:			Нарасло:			Бракoвъ.
	Мужск. пола.	Женск. пола.	Всего.	Мужск. пола.	Женск. пола.	Всего.	Мужск. пола.	Женск. пола.	Всего.	
Въ 1883 году . . .	59	64	123	17	27	44	42	37	79	18
„ 1884 „ . . .	49	61	110	23	22	45	26	39	65	17
„ 1885 „ . . .	30	37	67	13	7	20	17	30	47	12
„ 1886 „ . . .	46	24	17	13	6	19	33	18	51	30
„ 1887 „ . . .	51	30	81	24	10	34	27	20	47	12
Итого въ 5 лѣтъ:	235	216	451	90	72	162	145	144	289	89.

*) Изъ этихъ данныхъ видно, что населеніе за 12 лѣтъ увеличилось на 47.8%, стало-быть, могло бы удвоиться въ 18 лѣтъ (вообще, въ Европѣ удваивается приблизительно въ 70 лѣтъ); каждый годъ населеніе увеличивается на 3.3%, что сравнительно съ другими губерніями Зап. края составляетъ весьма значительный приростъ (Эрив. губ. вообще 1.6%, Елисавет. губ. 0.6%, Даг. обл. 0.1%). Д. Д.

Главное занятіе геозалдаринцевъ составляетъ земледѣліе, на которомъ и основано благосостояніе жителей. Обрабатываютъ они иногда подѣ пшеницу и ячмень самыя недоступныя полянки среди горъ. Малоземеліе заставляетъ ихъ обращать въ пашни даже самыя послѣдніе по плодородію участки. Распахиваютъ землю плугомъ и сохою. До 60-хъ годовъ почти каждый дымъ имѣлъ отдѣльный плугъ, но съ того времени мало-по-малу число плуговъ все уменьшается вслѣдствіе того, что число жителей постоянно увеличивается, и земля раздробляется на мелкіе участки. Въ плугъ запрягаютъ три или четыре пары буйволовъ и еще двѣ или три пары быковъ. Лошадей для полевыхъ работъ не употребляютъ: онѣ служатъ только для перевозки тяжестей. Полевая работа начинается въ апрѣлѣ, а иногда и въ маѣ. Землю пахутъ разъ въ годъ. Озимые хлѣба сѣютъ очень рѣдко. Урожаи бываютъ самъ-4 или 5 и очень рѣдко самъ-шесть. Въ послѣдніе года крестьяне жалуются на неурожаи. Часто посѣвы истребляются градомъ и полевыми мышами, противъ которыхъ общество не можетъ принять никакихъ мѣръ. Сѣютъ рукой, разбрасывая зерна во всѣ четыре стороны. Хлѣбъ поспѣваетъ въ концѣ августа. Молотятъ слѣдующимъ образомъ: пара быковъ, а иногда и коровъ возятъ доску (*қаша*), въ которую съ одной стороны вбиты камешки. На доскѣ стоятъ женщины или мужчины-погонщики и даже дѣти съ 5-ти лѣтъ. Тутъ же и вѣютъ, разумѣется, на лопаткѣ. Сѣно собираютъ въ іюлѣ; жатва производится въ началѣ августа; хлѣбъ или косятъ или жнутъ серпомъ.

Земледѣльческія орудія тѣ же, какія приняты вообще среди закавказскаго туземнаго населенія. Кромѣ земледѣлія, жители занимаются скотоводствомъ, огородничествомъ, а нѣкоторые и рыболовствомъ.

Въ зимнее время мужчины ничѣмъ не занимаются; изъ усердныхъ и трудолюбивыхъ крестьянъ они обращаются въ лѣ-

ннвыхъ и праздно-шатающихся людей. Зимой, особенно по вечерамъ, нѣсколько семействъ изъ сосѣдей собираются у одного изъ мужиковъ, приглашаютъ „ашига“ (гѣвца—*ашига*) и съ большимъ удовольствіемъ слушаютъ его пѣсни до поздней ночи. Женщины лѣтомъ помогаютъ своимъ мужьямъ въ полевыхъ работахъ, а зимою онѣ занимаются рукодѣліемъ: почти всѣ паласы, войлоки, разноцвѣтные мѣшки, хурджины, носки (*ашига*) и шапочки (*ашига*) суть издѣлія ихъ рукъ.

Преобладающіе цвѣта шерстяныхъ нитокъ для упомянутыхъ издѣлій слѣдующіе: красный, черный, желтый, бѣлый, зеленый и темно-синій. Окраска нитокъ производится дома самими женщинами. Для окрашиванія въ красный цвѣтъ употребляютъ марену (*ашига*); желтая и черная краски готовятся изъ цвѣтовъ какихъ-то растений въ родѣ хмѣля (*ашига* *ашига* *ашига*); для получения желтой краски хозяйка беретъ сушеные цвѣты (*ашига* *ашига*) и варитъ ихъ въ котлѣ довольно долго, а потомъ кладетъ въ этотъ котелъ шерстяныя нитки и продолжаетъ варить, пока нитки не пожелтѣютъ. Для получения же черной краски берутъ цвѣты подъ названіемъ чылыхъ (*ашига*) и варятъ ихъ; когда вода съ цвѣтами закипитъ въ котлѣ, тогда кладутъ туда шерстяныя нити и оставляютъ тамъ до тѣхъ поръ, пока нити не получаютъ желаемого цвѣта. Синяя краска получается отъ смѣшенія черной краски съ зеленой.

По окончаніи посѣва, т. е. въ началѣ іюня, геозалдаринцы отправляются на кочевья-яйлаги, при чемъ нѣсколько семействъ соединяется въ одно товарищество. Такихъ яйлаговъ три: Сардари-саръ, Цамакадзоръ и Азизнеръ. Жители за эти три кочевья платятъ казнѣ ежегодно до 300 руб. Скотъ геозалдаринцевъ пасется на этихъ мѣстахъ до сентября; за нимъ смотрятъ сами хозяева или нанимаютъ куртина-пастуха; хозяйки доятъ овецъ и коровъ и готовятъ масло и сыръ, которыя идутъ для домашняго употребленія, а излишекъ продаютъ торговцамъ,

пріѣзжающимъ изъ города Новобаязета; послѣдніе, въ свою очередь, отправляютъ эти продукты на продажу въ разные города Закавказья—въ Эривань, Тифлисъ, Елисаветполь и въ другіе.

IX.

Народное образованіе.

Народное образованіе въ с. Геозалдара находится на весьма низкой степени развитія. Въ семидесятыхъ годахъ нѣкоторыми лицами были сдѣланы попытки для открытія частной школы, но онѣ не увѣнчались успѣхомъ. Въ 1885 году было открыто земское двухклассное нормальное училище. Вначалѣ жители не особенно сочувственно относились къ училищу, но, со времени введенія воинской повинности, охотно отдаютъ своихъ дѣтей въ школу и даже просятъ учить и военной гимнастикѣ.

При училищѣ имѣется библіотека; она снабжена въ достаточномъ количествѣ книгами, учебными пособіями, глобусомъ, историческими и географическими картами и проч. Имѣется также переплетное ремесленное отдѣленіе, гдѣ ученики, подъ руководствомъ учителей, переплетаютъ книги училищной библіотеки. Училище не имѣетъ собственнаго помѣщенія; ученіе продолжается съ 1-го октября до 1-го іюля. Окончившихъ курсъ ученія и получившихъ въ томъ свидѣтельство до сихъ поръ было всего 11 человѣкъ. Штатъ служащихъ въ училищѣ состоитъ изъ смотрителя училища, учителя, законоучителя армяно-григоріанскаго вѣроисповѣданія и почетнаго блюстителя.

Смотритель Джагринскаго двухкласснаго земскаго нормальнаго училища *А. Теръ-Маркаровъ*.

СЕЛЕНИЕ БАРДА,

Джеванширскаго уѣзда, Елисаветпольскоѣ губерніи.

I.

Названіе села и краткія историческія свѣдѣнія.

Селеніе Барда находится въ низменной части Джеванширскаго уѣзда, на лѣвомъ берегу р. Тертера. Слово Барда объясняютъ въ народѣ тюркскимъ словомъ „Биръ-діа“, т. е. еще разъ. Рассказываютъ, что въ древности это селеніе было до такой степени красивое, что человекъ, видѣвшій его разъ, хотѣлъ видѣть и во второй разъ; на этомъ будто бы основаніи оно и названо Барда. Въ настоящее время Барда, если исключить изъ нея огромные чинары—остатки древности, и дватри зданія, представляетъ изъ себя рядъ землянокъ съ кривыми и грязными улицами. Въ послѣднее время чрезъ Барду проведена шоссеиная дорога изъ города Шуши до желѣзнодорожной станціи Евлахъ; тамъ же находится и почтовая станція. Въ селеніи существуетъ „Базаръ“ (сельская ярмарка), куда въ каждую пятницу изъ окружающихъ селъ привозятъ сельско-хозяйственные продукты и домашнихъ животныхъ на продажу. Базаръ для бардинцевъ имѣетъ большое значеніе, такъ какъ они у себя же, въ селеніи, имѣютъ сбытъ всѣмъ своимъ сельско-хозяйственнымъ произведеніямъ.

II.

К л и м а т ъ.

Климатъ Барды, какъ и окружающихъ ее селеній, нездоровый и лихорадочный. Переходы отъ тепла къ холоду очень

рѣзки: жаркій день смѣняется холодною ночью, что плохо вліяетъ на здоровье жителей и производитъ упорную лихорадку, продолжающуюся нерѣдко цѣлый годъ. Зима здѣсь бываетъ очень короткая. Снѣгъ выпадаетъ въ концѣ декабря и въ январѣ и то очень небольшой, такъ что таетъ въ тотъ же день. Но нерѣдко по цѣлымъ недѣлямъ дуетъ сухой и холодный вѣтеръ. Весна начинается въ началѣ марта; татары считаютъ весну съ десятого марта, со дня ихъ Новаго года (Новрузъ-Байрама); весна продолжается до второй половины мая. Въ началѣ весны по утрамъ бываетъ довольно холодно; въ это время рѣдко выпадаетъ дождь. Лѣто сухое и знойное; въ концѣ весны и въ началѣ лѣта дуютъ съ юго-запада сильные вѣтры, которые нерѣдко ломаютъ деревья. Жара въ Бардѣ начинается съ конца мая и продолжается до конца сентября; она бываетъ до такой степени сильна, что земля трескается; вѣтеръ какъ будто приноситъ пары кипящей воды; по дорогамъ пыль доходитъ до колѣнъ, такъ что ѣдущіе должны закрывать платкомъ ротъ и глаза, ибо при малѣйшемъ вѣтерѣ она подымается столбомъ. Градъ здѣсь выпадаетъ очень рѣдко: въ годъ разъ, а иногда и этого не бываетъ.

Осенью бывають довольно продолжительные дожди; въ это время года дуютъ, большею частью, сѣверо-восточные вѣтры.

III.

О р о ш е н і е.

Рѣка Тертеръ, на лѣвомъ берегу которой находится сел. Барда, беретъ свое начало у подошвы горы Дели-Дагъ (сумашедшая гора), которая расположена на границѣ между Джаванширскимъ и Геокчайскимъ уѣздами. Главные притоки впадаютъ въ нее съ лѣвой стороны, а съ правой стороны она не имѣетъ большихъ притоковъ. Притоки суть: Тутху-Чай, Сегюту-Чай и Трге; послѣдній свое начало беретъ у Муровъ-

Дага. Протекая нѣсколько сотъ верстъ по дремучимъ лѣсамъ и горамъ, Тертеръ впадаетъ въ р. Куру только во время полноводія—весною, а въ остальное время года пропадаетъ въ пескахъ. Тертеръ на мѣстномъ языкѣ называется Тартаръ (*ᠲᠠᠷᠲᠠᠷ*). Для степной части Джеванширскаго уѣзда и въ частности для Барды эта рѣка имѣетъ такое же значеніе, какъ Ниль для Египта: не будь этой благодатной рѣки, плодородная степная часть уѣзда представляла бы изъ себя положительно пустыню. Тамъ, гдѣ рѣка освобождается отъ стѣсняющихъ ее горъ и скалъ, и умолкаетъ шумъ водопадовъ, начинается сѣтъ искусственныхъ каналовъ, до 170 большихъ, а малымъ, которые проведены изъ большихъ, и счѣту нѣтъ. Чтобы не было безпорядковъ въ распредѣленіи воды, жители равнины выбираютъ изъ своей среды одного вліятельнаго и справедливаго человѣка, который называется мировомъ; онъ руководитъ распредѣленіемъ воды между жителями; ему платятъ жалованіе натурою; онъ въ своей должности утверждается уѣзднымъ начальникомъ. Большія каналы носятъ названія тѣхъ сельскихъ обществъ, для которыхъ онѣ проведены, напр.: Барда-Архи, Лякъ-Архи, Зюмуръ-Хачъ-Архи и т. д. Чтобы каналы были въ порядкѣ, кромѣ мірова, каждое общество нанимаетъ отъ себя еще двухъ-трехъ лицъ, которые отпускаютъ воду жителямъ по очереди. Русло Тертера въ степной части уѣзда измѣнчиво и широко, поэтому на немъ нѣтъ мостовъ, за исключеніемъ одного—Гари-Кѣрпи (Старушечій мостъ), который построенъ около села Мадагистъ, гдѣ рѣка, выходя изъ горъ, начинаетъ течь по равнинѣ. Во время полноводія, жители равнины и вообще проѣзжающіе переправляются чрезъ рѣку на буйволиныхъ арбахъ; но такая переправа не всегда бываетъ удачна: иногда быстрымъ теченіемъ арба уносится и, ударившись о скалистые берега, разбивается въ куски, а люди теряются въ волнахъ буйнаго Тертера. Во время засухи, лѣтомъ рѣка дѣлается мелководною; отъ это-

го жители равнины терпят большой убытокъ; по наблюденію ихъ, въ послѣднее десятилѣтіе въ Тертерѣ вода замѣтно уменьшается; это явленіе они приписываютъ уничтоженію лѣсовъ въ горной части уѣзда.

Рѣка Тертеръ иногда замерзаетъ въ концѣ декабря и въ январѣ, но не вполне. Въ Тертерѣ водится сазанъ, а въ ея притокѣ Тргѣ—форель. Рыболовство не составляетъ значительнаго промысла: только нѣкоторые изъ бѣдныхъ жителей зимою занимаются ловлей рыбы, которую продаютъ своимъ же сосѣдямъ по 5—10 коп. фунтъ.

IV.

Пространство, занимаемое Бардой; почва, постройки и домашняя обстановка.

Пространство, занимаемое Бардой и ея угодьями, считается приблизительно въ 15 тысячъ десятинъ, изъ которыхъ большую часть занимаютъ пахотныя мѣста. Все это пространство представляетъ собою одну огромную, низменную, безъ всякихъ возвышенностей, степь.

Почва здѣсь по преимуществу черноземная; только незначительная ея часть состоитъ изъ глины, съ примѣсью песку. Весною, во время полноводія Тертера, вода въ канавахъ увеличивается, выходитъ изъ береговъ и затопляетъ окрестности, мѣстами образуя большія болота; эти болота покрываются высокимъ камышомъ и служатъ убѣжищемъ разнымъ болотнымъ птицамъ. Вся земля принадлежитъ помещику, которому жители платятъ $\frac{1}{10}$ часть всего урожая натурую или деньгами, смотря по условію.

Хотя селеніе занимаетъ большое пространство, и каждый домохозяинъ имѣетъ большой дворъ, все же оно очень грязно, улицы кривы, грязны и узки; дома разбросаны въ беспорядкѣ, какъ вообще во вѣхъ туземныхъ селеніяхъ. Замѣчательными старинными постройками являются: одна башня на дворѣ училища и богомольное мѣсто „Имамъ“. У каждо-

го бардинца непременно есть домъ, землянка и конюшня. Материаломъ для постройки домовъ служатъ: камень, кирпичъ, дубъ, чинаръ, ива, камышъ и т. д. Дома богатыхъ крестьянъ состоятъ изъ 2—3 комнатъ, изъ которыхъ одна, предназначенная для гостей, хорошо убрана и содержится въ чистотѣ, а въ остальныхъ комнатахъ живутъ сами хозяева; дома же бѣдныхъ состоятъ изъ одной комнаты. Зажиточные бардинцы стѣны домовъ строятъ изъ камней или изъ кирпичей, а бѣдные—изъ камыша или изъ сырцоваго кирпича. Въ стѣнахъ оставляютъ обыкновенно одно отверстіе для дверей и одно или два для оконъ. Въмѣсто стеколъ въ окнахъ, у бѣдныхъ служитъ бумага, пропитанная масломъ. Въ комнатахъ и землянкахъ полы земляные; только у нѣкоторыхъ, зажиточныхъ, они деревянные, и то только въ кунацкихъ комнатахъ. Дома покрываютъ, большею частью, камышомъ или соломой. Землянки строятъ слѣдующимъ образомъ: сначала роютъ большую яму, длиною въ 3 саж., шириною въ 2 саж., глубиною въ 1—1½ саж. Затѣмъ, по длинѣ ямы, сверху кладутъ толстое, обыкновенно дубовое бревно, а съ боковъ жерди, которыя покрываютъ камышомъ и засыпаютъ землей, оставляя въ срединѣ крыши отверстіе, замѣняющее окно; противъ этого отверстія на полу хижины устраивается очагъ. Во время лѣтнихъ жаровъ, почти всѣ живутъ въ землянкахъ, такъ какъ въ нихъ бываетъ прохладно. На зиму землянки обращаются въ амбары и въ кладовыя.

Комнаты убраны по-азиатски: на земляномъ полу сначала разстилаютъ камышевыя рогожи, а сверху паласы и ковры. Въ передней стѣнѣ устроены каминъ (въ каменныхъ стѣнахъ). На стѣнахъ подъ потолкомъ устроены выступы, на которые кладутъ посуду. Комнаты, стѣны которыхъ сдѣланы изъ камыша, отапливаются *мангаломъ*, который представляетъ изъ себя жестяной или глиняный ящикъ на четырехъ ножкахъ; въ немъ разводятъ огонь и ставятъ посреди комнаты.

У стѣны, противъ оконъ, устраиваютъ тахты; для этого четыре подставки въ видѣ колевъ вбиваютъ въ землю; надъ подставками въ длину или въ ширину кладутъ доски, а на этихъ доскахъ складываютъ постель, которую закрываютъ еще кишмами (кишма—то же, что и палась, но только она бываетъ болѣе нѣжной работы и съ болѣе разнообразными рисунками). Подъ этой неподвижной тахтой, на доскахъ ставится посуда. На одной изъ стѣнъ виситъ оружіе: ружье, пистолеть, шашка, кинжалъ, а на другой стѣнѣ, на гвоздяхъ, виситъ платье мужчинъ. Бѣдные крестьяне почти круглый годъ живутъ въ землянкахъ, которыя въ то же время служатъ и кладовыми; тутъ же работаютъ и женщины: расчесываютъ гребнемъ шерсть, прядутъ нити, ткутъ разныя матеріи изъ шерсти и ваты, стираютъ бѣлье и готовятъ кушанья.

V.

Флора.

Мѣстность, занимаемая Бардою и ея полями, не очень богата растительностью и не имѣетъ большихъ лѣсовъ. Жители разводятъ на берегахъ канавъ разныя породы ивъ, изъ которыхъ теперь образовались цѣлыя рощи. Въ дивомъ состояніи растутъ: букъ, орѣхъ, пирамидальный тополь, дубъ, чинаръ, ель, верба, ива обыкновенная и плакучая, гранаты, шишка, ежевика, барбарисъ, тернъ, груша, дикій виноградъ, шиповникъ и друг. Въ садахъ растутъ: виноградъ, туга, алыча, персикъ, инжиръ, гранатъ, айва, абрикось, вишня, черешня, черносливъ, кизиль, яблоня, груша, орѣшникъ, шишка и друг.

Изъ огородныхъ растеній разводятся: дыни, арбузы, тыквы, огурцы, лукъ, чеснокъ, капуста, горохъ, бобы, перецъ, картофель, рѣпа, рѣдька, кукуруза, подсолнечникъ, морковь, макъ, чечевица, бураки, укропъ, петрушка, крессалатъ, бадьяны, мята, помидоръ.

Хлѣбныя растенія: пшеница, ячмень, чалтыкъ, просо; сѣются еще въ большомъ количествѣ хлопокъ и бунд-жуть.

Травы и дикіе цвѣты: спаржа, каперцы, земляника, клубника, щавель, одуванчикъ, лебеда, клеверъ, пырей, крапива, камышъ, трилистникъ, дикій макъ, фіалка, воловочикъ, незабудка, левкой и друг. Въ садахъ разводятся: роза, гвоздика, георгина, маргаритки. Кромѣ перечисленныхъ растеній, въ большомъ количествѣ на поляхъ растетъ лакрица, корень которой большими массами повушаютъ капиталисты изъ грековъ и англичанъ; крестьяне корень лакрицы продаютъ отъ 14 коп. до 17 коп. пудъ.

VI.

Фауна.

Барда насколько бѣдна флорой, настолько же богата фауной, въ особенности птицами и гадами.

Домашнія животныя: лошадь, корова, быкъ, буйволъ, собака, кошка, осель, коза и овца; дикія: кабанъ, джейранъ, волкъ, лисица, заяцъ, кроликъ, вротъ, ежъ, шакаль, крыса, мышь (полевая и домашняя), ласка, сусликъ, куница (шеура которой цѣнится 3—5 руб.) и друг.

Домашнія птицы: курица, цесарка, утка, гусь, индѣйка и голубь; дикія: журавль, цапля, коршунъ, филинъ, сова, соколь, аистъ, чайка, ворона, сорока, дятель, утка, галка, фазанъ, курочка, куропатка, перепелъ, бекасъ, кулики разныхъ породъ, кобчикъ, грачъ, тураджъ, жаворонокъ, ласточка, вукушка, соловей, воробей, чижъ, голубь, горлица, скворецъ и друг.

Изъ земневодныхъ—змѣи всевозможныхъ величинъ и видовъ. Изъ всѣхъ видовъ змѣй самыя опасныя: змѣя черная и красная, такъ называемая гюрза. Черная змѣя, съ огромной головой, тоненькимъ длиннымъ хвостомъ и туловищемъ, очень ядо-

вита и обжорлива; она питается лягушками, зайцами и кроликами. Красная—гюрза отличается быстрымъ ползаніемъ и жстительностью. Рассказываютъ, что какой-то садовникъ убилъ одну гюрзу; послѣ этого каждый день онъ замѣчалъ какую-то гюрзу на тутовомъ деревѣ около своего жилища; какъ ни старался онъ убить ее, но не могъ. Вотъ, однажды, садовникъ хотѣлъ взлѣзть на дерево ѣсть туту, но какъ только онъ схватился за сучокъ дерева, тотчасъ же огромная гюрза ужалла его въ руку: садовникъ упалъ съ дерева и черезъ нѣсколько времени скончался. Кромѣ змѣй, здѣсь водятся: ужъ, очень большой, лягушка, жаба, черепаха огромныхъ размѣровъ, ящерица зеленая и сѣрая и друг. Изъ насѣкомыхъ—фаланга, скорпіонъ, комары въ огромномъ количествѣ, паукъ, муравей, оводъ, кузнечикъ, жукъ, оса, стрекоза, сверчокъ, бабочки.

VII.

Занятія жителей.

Жители занимаются хлѣбопашествомъ, скотоводствомъ, садоводствомъ, огородничествомъ, шелководствомъ и охотой.

Хлѣбопашество для бардинцевъ составляетъ одну изъ главныхъ отраслей сельскаго хозяйства. Вся пахотная земля здѣсь поливная и раздѣлена по числу дымовъ, которые получаютъ извѣстные участки земли. Бардинцы не имѣютъ понятія о десятинѣ, а главная ихъ мѣра есть чуваль (въ чуваль 10 чаноговъ, а въ чанагѣ 28 ф.). Если бардинца спросите, сколько онъ земли засѣялъ въ этомъ году, то онъ вамъ отвѣтитъ, что 15 чуваловъ, т. е. 105 пуд. или приблизительно 12 четв. Обыкновенно нѣсколько бѣдныхъ крестьянъ составляютъ товарищество и пахутъ вмѣстѣ; богатые же, которые имѣютъ дѣльный плугъ, пахутъ самостоятельно (подъ словомъ *плугъ* нужно подразумѣвать число быковъ и буйволовъ, отъ 8 до 12 паръ, а также необходимое для распашки число погонщиковъ). Въ мартѣ мѣсяцѣ каждый участокъ земли распаивается глубоко

плугомъ, въ который запрягаютъ 2 или 4 пары буйволовъ и 6 или 8 паръ быковъ; на каждыя двѣ пары нуженъ одинъ погонщикъ, которому за все время распашки платятъ отъ 1½ до 2½ чув. пшеницы, смотря по возрасту его, а пахарю въ мѣсяць платятъ 1—1½ чув. хлѣба зерномъ, или же его нанимаютъ на цѣлый годъ отъ 40—70 руб., или же, наконецъ, онъ нанимается съ условіемъ 5 дней пахать для хозяина, а 1 день для себя. На распаханномъ участкѣ осенью сѣютъ, главнымъ образомъ, черную и рыжую пшеницу, которая даетъ самъ-7—9 и ячмень, черный и бѣлый, который даетъ самъ-9—12. Какъ только посѣвъ кончается, тотчасъ сохой проводятъ по участку канавы по разнымъ направленіямъ и поливаютъ. Часто происходятъ ссоры и драки изъ-за поливки нивъ, такъ какъ лѣтомъ воды бываетъ мало, и каждый старается тѣмъ или инымъ путемъ непремѣнно полить свою ниву, которая, въ противномъ случаѣ, можетъ быть уничтожена жгучими лучами солнца. Солому, оставшуюся на поляхъ, послѣ жатвы сжигаютъ; на одномъ и томъ же участкѣ сѣютъ сряду 3—5 лѣтъ. Послѣ этого участокъ оставляется подъ паромъ на 2—3 года. Кромѣ вышеназванныхъ видовъ хлѣбныхъ растений, тутъ сѣютъ еще чалтыкъ, хлопокъ (мѣстный и американскіе сорта) и просо. Посѣвъ чалтыка производится весною слѣдующимъ образомъ: сначала весь участокъ распахивается сохой, потомъ раздѣляется на нѣсколько прямоугольныхъ грядъ въ видѣ ящика, отъ 2-хъ до 5-ти саж. въ ширину и отъ 4-хъ до 7-ми саж. въ длину; на эти гряды сѣютъ чалтыкъ и боронятъ бороной, а потомъ напускаютъ воды; урожай чалтыка зависитъ отъ обилія воды, ибо чалтыкъ безъ воды не даетъ никакого урожая; въ хорошій годъ получается самъ—12—15. Чалтыкъ жнутъ осенью. Есть такіе хозяева, въ особенности изъ бековъ, которые сѣютъ исключительно чалтыкъ и хлопокъ. При посѣвахъ соблюдаютъ трехпольную систему; напр., если въ первый годъ на

какомъ-нибудь участкѣ сѣютъ чалтыкъ, то на второй годъ на томъ же участкѣ сѣютъ уже хлопкоъ, на третій—просо, на четвертый—опять чалтыкъ и т. д. Хлѣбъ молотятъ вообще въ концѣ лѣта; снопы складываютъ въ большіе скирды около гумень, которыя представляютъ собою круглую площадь, очищенную отъ травъ; гумно сначала насыщаютъ водой, потомъ засыпаютъ саманомъ и затрамбовываютъ; затѣмъ разбрасываютъ снопы на этой площади и начинаютъ молотить. Молотятъ посредствомъ доски камнѣ (*қашыр*) въ 2 арш. длины и 1 арш. ширины; передняя часть доски увая и выдается вверху. Въ нижней части доски продѣланы углубленія, которыя забиваются камешками. Въ эту доску запрягаютъ пару быковъ или одну лошадь, которыя возятъ ее по гумну и такимъ образомъ размельчаютъ колосья и солому.

Изъ хлопка готовятъ: бязь, чаршавы (простыни), скатерти, нитки для шитья и т. д.

Чуваль (7 пуд.) пшеницы продается отъ 4 до 6 руб.; чуваль ячменя (4—5 пуд.) отъ 1 р. 90 к. до 3 р., а пудъ крупы отъ 1 р. 20 к. до 2 руб. 40 к.

Съ наступленіемъ весны каждый бардинецъ, занимающійся скотоводствомъ, загораживаетъ какой-нибудь участокъ своей земли или просто его обозначаетъ, воткнувъ въ четырехъ углахъ участка шести, на которые надѣваетъ черепа какихъ-нибудь животныхъ; такое мѣсто называется *ятагомъ*. Весной на этихъ ятагахъ косятъ траву, которую привозятъ въ деревню и складываютъ во дворахъ; послѣ сѣнокоса, въ теченіе лѣта, ятаги поливаются нѣсколько разъ, отчего тамъ вновь вырастаетъ трава, которую уже не косятъ, а оставляютъ исключительно для зимы. Гдѣ-нибудь на ятагѣ устраивается длинная конюшня-землянка; изъ этихъ конюшенъ въ теченіе всей зимы навозъ не выносятся, а складывается тамъ же въ углу; отъ этого въ конюшняхъ бываетъ очень тепло. Табуны лошадей дѣлываютъ день пасутся на полѣ и только на ночь при-

роняются въ землянки. Бѣдные жители, которые не занимают-ся скотоводствомъ, свои ятаги продаютъ другимъ. Часть земли, негодная для хлѣбопашества, составляетъ общее пастбище, на которомъ весною и осенью пасутся табуны лошадей и рогатый скотъ.

Скотоводство также составляетъ важную отрасль въ хозяйствѣ бардинцевъ. Какъ выше было сказано, рогатый скотъ и лошадей зимою содержатъ на ятагахъ, а весной ихъ увозятъ въ горы. Не все жители лѣтомъ перекочевываютъ въ горы, а только пастухи со своими стадами, оставляя дома одну или двѣ коровы, нѣсколько быковъ и буйволловъ и верховыхъ лошадей. Бардинцы не думаютъ улучшать породу своего скота, такъ какъ они больше помышляютъ о количествѣ, чѣмъ о качествѣ. Быки бываютъ малорослы и не сильны; поэтому, во время паханія приходится запрягать ихъ до 10 паръ, чтобы они могли таскать праѣдовскій тяжелый плугъ. Овцы же здѣсь хорошей породы, хотя за ними уходъ вообще плохой; разводятъ только высокорослую породу овецъ съ курдюками. Курдюки растапливаютъ на сало и продаютъ отъ 4 до 7 руб. пудъ, или же смѣшиваютъ это сало съ коровьимъ масломъ и продаютъ отъ 9 до 10 руб. пудъ.

Овецъ стригутъ два раза въ годъ—весною и въ концѣ лѣта. Изъ шерсти готовятъ большіе войлоки для киби-токъ и маленькіе—съ разными узорами, которые замѣняютъ собою ковры; кромѣ войлока, еще готовятъ: ковры, паласы, попоны, чухи, шаровары, носки, чувалы, килимы, мафраши и хурджины. Изъ овечьего молока готовятъ сыръ; онъ сохраняется въ овечьихъ шкурахъ, которыя вмѣстѣ съ сыромъ называются моталами. Моталь вѣситъ отъ 1 до 6 пуд.; пудъ его цѣнится въ 3—5 руб. Коровъ и буйволицъ держатъ для приплода и молока; ихъ доятъ два раза въ день, а изъ молока готовятъ масло, сыръ и творогъ, который обыкновенно ѣдятъ съ сыромъ. Отелившихся коровъ и

буйволицъ нѣсколько дней содержать отдѣльно, а телятъ въ отдѣльномъ загороженномъ мѣстѣ. Цѣны на коровъ, быковъ и буйволицъ слѣдующія: корова съ теленкомъ стоитъ отъ 20 до 30 руб., безъ теленка 14—25 руб., буйволица съ буйволенкомъ 30—45 руб., а безъ него 25—35 руб.; быки—отъ 15 до 30 руб., а буйволы отъ 40 до 60 руб. Каждое семейство свой скотъ содержитъ отдѣльно, или же два-три семейства сообща нанимаютъ общаго пастуха, отъ 15—20 руб. въ годъ, и свой скотъ содержатъ вмѣстѣ. Эпидемическія болѣзни на рогатый скотъ жители считаютъ за кару Божью и не принимаютъ никакихъ мѣръ въ прекращеніи болѣзни. Воровство скота и овецъ сильно развито. Воры пріѣзжаютъ изъ другихъ уѣздовъ и уводятъ сразу десятки головъ скота, а овецъ воруютъ и сосѣди. Лошадей карабагской породы, въ смѣси съ другими породами, держатъ для ѣзды и навьючиванія; онѣ цѣнятся отъ 25 до 150 руб. Объ улучшеніи породы своихъ лошадей бардинцы вовсе не думаютъ, несмотря на то что недалеко отъ нихъ существуетъ казенный конскій заводъ, въ которомъ содержатся великолѣпнѣйшіе жеребцы англійской, арабской и друг. породъ, предназначенные для улучшенія породы мѣстныхъ лошадей.

Бардинцы занимаются также и огородничествомъ какъ для собственнаго потребленія, такъ и для продажи; изъ произведеній своего огорода бардинцы продаютъ: рѣпу, бураки, чечевичу, лукъ (отъ 30 до 80 коп. пудъ), чеснокъ, бобы (отъ 30 до 60 в. пудъ), огурцы (отъ 50 до 2 руб. сотню), капусту и помидоры, которые стали разводить только недавно. Кромѣ того, на баштанахъ въ большомъ количествѣ разводятъ арбузы и дыни; сотня арбузовъ продается отъ 4 до 9 руб., а сотня дынь отъ 2 до 6 руб.

На зиму для домашняго потребленія сохраняютъ: бобы, лукъ, чеснокъ, тыквы, маринованные огурцы и нѣкоторыя сушеные овощи.

Въ Бардѣ существуютъ и фруктовые сады, но за ними ухаживаютъ очень мало. Бардинцу стоитъ только посадить дерево, и благодаря прекрасной почвѣ онъ постоянно будетъ собирать плоды, а при хорошемъ уходѣ за фруктовыми деревьями садоводство могло бы приносить огромную пользу. Изъ фруктовыхъ деревьевъ больше всего разводятъ: гранаты, шипику, айву, абрикосы, черносливъ, алычу, яблоню, грушу, туту, персики и друг. Большую часть полученныхъ фруктовъ сушатъ; въ сыромъ видѣ сохраняютъ только яблоки, груши (на 2—3 мѣсяца) и гранаты; послѣдніе сохраняются въ ямахъ слѣдующимъ образомъ: роютъ не очень большую яму, на дно которой рядами кладутъ гранаты, а сверху засыпаютъ землей; надъ землей опять кладутъ гранаты и опять засыпаютъ землей и т. д.; въ такомъ видѣ гранаты сохраняются почти свѣжими до слѣдующей весны, а по словамъ крестьянъ, до перваго грома. Виноградныхъ садовъ въ Бардѣ не очень много; за ними также нѣтъ почти никакого ухода, тѣмъ болѣе что изъ винограда не готовятъ ни вина, ни водки, а только продаютъ его по 30—50 коп. пудъ, слѣд., получаютъ мало дохода. Виноградъ также сохраняютъ въ сыромъ видѣ, но только до конца осени, а потомъ онъ начинаетъ уже портиться. Бардинцы, скорѣе ихъ жены, занимаются также и шелководствомъ, хотя не особенно охотно, ибо оно, благодаря эпидемическимъ болѣзнямъ червей, даетъ крайне незначительный доходъ. Для червей гдѣ-нибудь въ саду устраиваютъ такъ называемый *чевустанъ*—червоводню; она устраивается надъ поверхностью земли изъ камыша съ одной дверью и маленькимъ окномъ; снаружи камышевыя стѣны замазываютъ грязью; иногда червоводня вовсе не имѣетъ стѣнъ, а представляетъ изъ себя просто навѣсъ. Червей содержатъ очень грязно, т. е. рѣдко переменяютъ имъ постилки. Кормятъ только два раза въ день: утромъ и вечеромъ; вслѣдствіе такого плохого воспитанія червей, обыкновенно получаютъ ничтожный урожай. Пудъ

сырыхъ коконовъ продають отъ 6 до 9 руб. Нерѣдко жители сами разматываютъ шелкъ, изъ котораго ткутъ джеджины и чехлы для одѣялъ. Шелковый же хлопокъ, смѣшанный съ шерстью, идетъ на приготовленіе матеріи для черески и шароваровъ.

Охотою занимаются немногіе изъ бардинцевъ, и то главнымъ образомъ соколиною. Посредствомъ дресированныхъ соколовъ ловятъ: фазановъ, тураджей, курочекъ, куропатокъ и перепеловъ. Бардинецъ идетъ и на крупнаго звѣря, но уже, конечно, съ ружьемъ; нерѣдко убиваютъ: лисицъ, шкуры которыхъ цѣнятся по 80 в.—1 р. 70 к., куницъ, джейрановъ, волковъ и кабановъ, которыхъ за безцѣнокъ продають армянамъ, такъ какъ они сами, какъ магометане, не ѣдятъ свинины.

Несмотря на обиліе земли и ея высокую плодородность, все же матеріальное благосостояніе жителей нельзя назвать удовлетворительнымъ. Причиною этого явленія служить, во-первыхъ, лѣнь, которою заражены всѣ бардинцы: почти всѣ полевые работы исполняютъ наемные персидско-подданные рабочіе, которые весною и лѣтомъ получаютъ почти $\frac{1}{5}$ часть всего урожая; во-вторыхъ, стремленіе бардинцевъ къ семейнымъ раздѣламъ, ведущимъ къ уменьшенію рабочихъ рукъ въ семьѣ, слѣдовательно, и къ бѣдности; въ-третьихъ, эксплуатированіе бардинцевъ ростовщиками и скупщиками, которые ссужаютъ бѣдныхъ крестьянъ деньгами по баснословнымъ процентамъ доходящимъ до 60—70% годовыхъ. Скупщики являютъся въ то время, когда собирають подати; бѣдный крестьянинъ, имѣя крайнюю нужду въ деньгахъ для уплаты подати, принужденъ бываетъ продавать скупщикамъ свои продукты и скоть за ничтожную цѣну; въ-четвертыхъ, постоянныя драки, ссоры, воровство и убійство, которыми отличаются бардинцы, совершенно разоряють послѣднихъ, ибо они по цѣлымъ недѣлямъ таскаются по судамъ; случается и такъ, что обвиняемый, котораго посадили въ тюрьму на нѣсколько мѣсяцевъ

или сослали на время въ Сибирь, бываетъ единственнымъ способнѣмъ рабочимъ въ семействѣ; послѣ него все его хозяйство пропадаетъ и уничтожается; по освобожденіи, возвращаясь домой, онъ обыкновенно не находитъ и четверти того, что оставилъ.

VIII.

Нича, ягть, одежда и обувь.

Бардинцы употребляютъ преимущественно мясную пищу. Хлѣбъ ѣдятъ или чистый пшеничный или же въ смѣси съ ячменемъ или просомъ; любимыя кушанья бардинцевъ слѣдующія: пловъ, толма, бозбашъ (бульонъ), шашлыкъ (изъ простаго или рубленаго мяса), кислое молоко, молочная каша, ячница и друг. Пловъ готовятъ на коровьемъ маслѣ изъ мѣстной крупы, съ фаршемъ изъ каштана, изюма, чернослива и другихъ плодовъ; пловъ обливаютъ слабымъ растворомъ шафрана, отчего онъ получается желтоватаго цвѣта. Съ этимъ кушаньемъ ѣдятъ также жареныхъ фазановъ, курочекъ, тураджей, перепеловъ, ягнятъ и друг. Жители больше всего употребляютъ баранину, фунтъ которой продается отъ 5 до 8 к., и въ рѣдкихъ случаяхъ говядину, продающуюся отъ 4 до 7 к. фунтъ.

Какъ бардинцы, такъ и жители сосѣднихъ деревень пьютъ воду изъ р. Тертера; весной отъ таянія снѣговъ на горахъ, а осенью отъ обильныхъ дождей вода въ рѣчкѣ дѣлается мутною, но жители ее очищаютъ квасцами, яичнымъ бѣлкомъ или же пропускаютъ ее чрезъ толченый уголь. Кромѣ рѣки, есть еще родники; но въ нихъ вода нездоровая, а потому жители ея не употребляютъ для питья; эта вода у жителей называется карасу—черная вода.

Ни водки, ни вина бардинцы не употребляютъ; въ праздничные дни пьютъ шербетъ, а иногда и кофе, приготовленный изъ чернаго ячменя и желудей; кромѣ того, они большіе охотники до сушеныхъ фруктовъ.

Страсть къ нарядамъ у бардинцевъ очень развита, въ особенности у молодыхъ. Одежда у нихъ слѣдующая: чуха, короткая до колѣнъ, шаровары, носки (шерстяные и полунешковые). Въ послѣднее время молодые бардинцы стали носить черкески изъ лезгинской пали. Подъ чухой носить архалуги (вороткіе бешметы) изъ бумази, атласа, триво, ластика, бархата и изъ разныхъ ситцевъ; нижнее бѣлье шьютъ изъ бязи, которую ткутъ жены бардинцевъ изъ хлопка. На головѣ носятъ папахи изъ овечьей шкуры, а богатые носятъ курпейчатые папахи, стоящіе отъ 4 до 15 руб.; зимою носятъ бурки и башлыки; бѣдные же крестьяне и пастухи носятъ бурки изъ тонкаго войлока.

Почти всѣ молодые бардинцы носятъ серебряные пояса, но старики, муллы и вообще почетныя лица носятъ кушаки изъ разныхъ матерій чернаго и бѣлаго цвѣтовъ.

У бардинцевъ есть страсть къ оружію: кинжалы и шапки (гѣрда) носятъ почти всѣ, а въ каждомъ домѣ можно найти ружье системы Пиподи или Бердана, револьверъ и пистолеты.

Обувь готовятъ изъ бычачьей или буйволиной кожи; носятъ лапти (чарухи), башмаки и чусты.

IX.

Населеніе, болѣзни, религія, домашняя жизнь и образованіе.

№№ по порядку.	Названія селеній, окружающих Барду.	По камеральному описанію 1878 года.		По камеральному описанію 1886 года.		
		дым.	муж.	дым.	муж.	жен.
1	Барда	56	170	68	178	127
2	Мирзали-бекли	81	263	84	248	114
3	Имамъ-Кули-бекли	45	156	45	181	97

4	Гюль-Огилларъ	82	276	82	248	127
5	Карадагли-Керимъ-Аги	10	25	9	21	19
6	Даванлу	14	48	15	34	21
7	Лякъ	20	55	19	46	32
8	Тюркменъ I	17	42	16	39	26
		325	1005	328	945	563

Къ сожалѣнiю, въ камеральномъ описанiи 1873 года число женщинъ не обозначено.

Изъ этой таблицы видно, что въ теченiе 13 лѣтъ (1873 г.—1886 г.) населенiе (мужскаго пола) въ Бардѣ и въ 7 сел., окружающихъ ее, въ общемъ не только не увеличилось, но, напротивъ, даже уменьшилось. Такое явленiе нужно приписать главнымъ образомъ неблагоприятнымъ климатическимъ условiямъ мѣстности, а также, отчасти, антигигиеническому образу жизни туземцевъ.

Бардинцы магометанскаго вѣроисповѣданiя, шиитской секты; въ Бардѣ имѣется мечеть, трое муллъ и богомольное мѣсто „Имамъ“, куда стекаются богомольцы со всѣхъ концовъ уѣзда.

Въ нравственномъ отношенiи семейная жизнь бардинцевъ незавидная. Жена бардинца находится въ полной зависимости отъ него: онъ можетъ ее бить, заставлять работать, сколько ему угодно и, наконецъ, выгнать изъ дому, когда ему вздумается; что же касается многоженства, то оно служитъ причиною постоянныхъ раздоровъ и непрiятностей въ семьѣ; дѣти, воспитанныя въ такой семьѣ, безъ сомнѣнiя, не могутъ отличаться нравственными качествами.

Образованiе въ Бардѣ идетъ черепашимъ шагомъ. Въ 1883 г. было открыто двухклассное училище, но за неимѣнiемъ учениковъ было преобразовано въ одноклассное. Бардинецъ предпочитаетъ скорѣе научить своего сына верхо-

вой вздѣ и стрѣльбѣ изъ берданки, чѣмъ послать его въ школу.

X.

Историческіе памятники; преданія объ уничтоженіи Барды (въ древности Партавъ).

Отъ древняго бывшаго здѣсь города (по преданію, столицы албанскаго или агванскаго царства) остались только богомольное мѣсто „Имамъ“, одна башня, развалины домовъ и, пожалуй, гигантскіе чинары, свидѣтельствующіе о былой красотѣ столицы.

Какъ рассказываютъ мѣстные армяне, „Имамъ“ былъ церковью, но татары обратили его въ мечеть, а надписи и изображенія святыхъ на внутреннихъ стѣнахъ уничтожили. Татары же говорятъ, что тутъ находятся мощи св. Имама, сына Алія, перенесенные изъ Персіи Фанахъ-ханомъ карабагскимъ, которымъ построена и самая мечеть. Которое изъ этихъ преданій вѣрнѣе, трудно судить, хотя мечеть „Имама“ своимъ внутреннимъ устройствомъ и архитектурой похожа на старинныя армянскія церкви.

Башня находится на дворѣ училища; она представляетъ изъ себя правильный цилиндръ, около пяти сажени въ высоту и десяти сажени въ окружности основанія. Наружныя стѣны ея покрыты арабскими письменами. Внутренность ея не представляетъ ничего замѣчательнаго; она состоитъ изъ трехъ отдѣленій съ отверстиями наружу, въ которыя видны всѣ окружающія селенія.

Объ уничтоженіи агванской столицы Партавъ (нынѣ Барды) существуютъ различныя преданія. Одно изъ этихъ преданій говоритъ, что во время праздника Преображенія Господня (*Չարիշիւթ*), въ горной части уѣзда, пять сутокъ сряду шелъ снѣгъ и потомъ сразу растаялъ; отъ этого въ р. Тертерѣ вода вышла изъ береговъ и затопила весь городъ;

спасшіеся жители переселились въ другія мѣста. Другое преданіе говоритъ, что во время нашествія Лякъ-Темура (Теймурленгъ) Партавъ сопротивлялся ему въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Лякъ-Темуръ, видя, что силою нельзя взять Партава, отправилъ пословъ съ большими дарами къ агванскому царю и просилъ у него мира. Агванскій царь, сильно обрадовавшись предложенію Лякъ-Темура, въ свою очередь, отправилъ къ нему пословъ съ богатыми подарками. Лякъ-Темуръ, наружно довольный и дружелюбный, двинулся дальше; царь и народъ очень обрадовались, что такъ легко отдѣлались отъ Лякъ-Темура. Но радость эта продолжалась недолго: на другой день, ночью, когда народъ, совершенно сповойный за свою участь, спалъ, Лякъ-Темуръ сразу напалъ на городъ, разграбилъ его и перебилъ жителей.

Учитель Касапетскаго училища *Г. Осиповъ.*

СЕЛЕНІЕ АХТЫ,

Самурскаго округа, Дагестанской области.

I.

Названіе села, мѣстоположеніе, археологическіе памятники и окрестности.

Первоначально сел. Ахты называлось „Кендушвенъ“ и было населено евреями. Ахты, правильнѣе „Охты“, есть арабское слово, означающее „сестра“. Это названіе существуетъ со времени покоренія этого селенія Абумюслимомъ, который назвалъ его въ честь своей сестры „Ахты“.

Краткая исторія жизни и дѣятельности завоевателя с. Ахты, Абумюслима, состоитъ въ слѣдующемъ *). Абумюслимъ, первоначально называвшійся Абдуррахманомъ, сынъ Сеида, внука царя Нофала, происходилъ изъ рода хлуфскихъ царей (Хлуфъ мѣстечко въ Аравіи, гдѣ Нофаль былъ царемъ). Абумюслимъ, годичнымъ ребенкомъ, лишился отца и остался на рукахъ матери; находившись при ней до совершеннолѣтія, онъ получилъ воспитаніе, какое могла дать ему бѣдная, всѣми покинутая вдова. Однажды Абумюслимъ задалъ своей матери слѣдующій вопросъ: „Былъ ли у меня отецъ или нѣтъ?“ — „Конечно, былъ“ отвѣтила мать: „но онъ погибъ, когда велъ войну вмѣстѣ съ Гусейномъ-Али-оглы **), противъ царя Мирвана“ ***). — „Есть ли въ столицѣ Мирвана кто-нибудь, который знаетъ моего отца?“ продолжалъ спрашивать Абумюслимъ. На это мать отвѣтила: „Сынъ мой, тамъ жилъ кузнецъ, по имени Хердекъ-

*) Объ Абумюслимѣ упоминается въ исторіи ислама „Таварихъ-Табери“, въ 5-й главѣ, на 150-й страницѣ, а также въ книгѣ „Дербентъ-Намъ“. Авт.

***) Али былъ имамомъ персіянъ.

***) Мирванъ былъ изъ езидовъ.

Авт.

Намъ; онъ былъ любимцемъ твоего отца". Узнавъ это, Абу-мюслимъ отправился въ кузнецу Хердекъ-Наму, который передалъ ему нѣкоторыя свѣдѣнія о Сеидѣ и подарилъ копьё. Вернувшись домой, Абу-мюслимъ немедленно сталъ собирать войско въ 120 году по магометанскому лѣтосчисленію. Такъ какъ онъ былъ изъ царскаго рода и пользовался почетомъ и уваженіемъ народа, то поэтому ему удалось склонить на свою сторону большинство народа и начать войну съ Мирваномъ. Восемнадцатилѣтній герой остался побѣдителемъ, несмотря на то что подъ властью Мирвана находилось триста эмировъ (шаховъ). Убивъ Мирвана въ гор. Шамъ, онъ тамъ же основалъ мечеть, въ которой произнесъ свою первую рѣчь народу. Послѣ этого, онъ открылъ военныя дѣйствія противъ язычниковъ, окончившіяся взятіемъ ихъ города Шемахи и избіеніемъ всѣхъ ширванскихъ хановъ. Спустя семь лѣтъ, и дагестанскіе народы должны были сложить оружіе предъ могучимъ Абу-мюслимомъ.

Въ то время въ Дагестанѣ вліятельнымъ лицомъ былъ нѣкто Исаакъ, по происхожденію еврей; его мѣстожительство было въ селеніи Кендушкенъ (нынѣшніе Ахты); Исаакъ первымъ покорился Абу-мюслиму и принялъ магометанство; его примѣру послѣдовали и другіе.

За это Абу-мюслимъ выдалъ за Исаака замужъ свою сестру Ахты и самъ поселился недалеко отъ нихъ, близъ горы Шалбузъ-Дагъ, основавъ здѣсь свою лѣтнюю резиденцію. Вслѣдъ за покореніемъ дагестанскихъ народовъ были покорены и дербентскіе народы. Съ покореніемъ послѣднихъ, военныя дѣйствія Абу-мюслима оканчиваются и начинается мирная его дѣятельность, которая проявляется преимущественно въ распространеніи ислама и въ устройствѣ администраціи покореннаго края. Въ сел. Ахты, гдѣ скончалась и была погребена его сестра Ахты, Абу-мюслимъ основалъ мечеть, а правителемъ назначилъ своего зятя Исаака. Въ сел. Мака, по осно-

вані тамъ мечети, онъ оставилъ правителемъ своего двоюроднаго брата Гамзата. Въ сел. Каракюра онъ также построилъ мечеть, гдѣ правителемъ оставилъ своего сына Мехтаръ-Санджаба. Покончивъ съ Дагестаномъ, Абумюслимъ вернулся обратно въ Шемаху, гдѣ правителемъ онъ оставилъ своего сына Султанъ-Ибрагима (называвшагося такъ же Бурганъ-Эдинъ). Изъ Ширвана (Шемахи) Абумюслимъ вернулся на родину, т. е. въ Аравію. Онъ имѣлъ четырехъ сыновей: Рамазана, Ибрагима, Юсуфа и Мухтаръ-Санджаба. Абумюслимъ былъ кореннымъ жителемъ города Хорасана. Онъ царствовалъ съ 120—172 года (по магомет. лѣтосч.).

Селеніе Ахты расположено по обѣимъ сторонамъ рѣки Ахты-чай, недалеко отъ впаденія ея въ Самуръ-чай; какъ Ахты-чай, такъ и Самуръ-чай принадлежать къ числу быстрыхъ горныхъ рѣкъ. Сливаясь вмѣстѣ, онѣ носятъ одно общее названіе Самуръ-чай, при чемъ ущелье расширяется. Обѣ рѣки образуютъ дельту, въ началѣ которой расположено селеніе. Къ нижней части селенія, по лѣвую сторону Ахтычая, примыкають сады и огороды, а по правую сторону, при слияніи Ахтычая съ Самуромъ, въ верстахъ полутора къ сѣверу отъ селенія, находятся такъ называемое Ахтинское укрѣпленіе. Лѣвый берегъ рѣки Самура, ограничивающій ахтинскую долину съ с.-з., представляетъ собой крутой склонъ хребта, на которомъ разстилается незначительное лѣтнее пастбище.

Изъ археологическихъ памятниковъ и богомольныхъ мѣстъ, находящихся въ Ахтахъ и его окрестностяхъ, обращаютъ на себя вниманіе слѣдующія: все селеніе опоясывается древними и современными кладбищами, къ которымъ съ лѣвой ихъ стороны примыкають пастбищныя мѣста; на сѣверѣ кладбища теряются въ садахъ и поляхъ. На памятникахъ вырѣзаны: ножницы, кольцеобразныя вруги и различныя надписи.

Высшія точки горныхъ хребтовъ составляютъ двѣ конусообразныя горы: одна, лежащая въ сѣверу по Самуръ-чаю, носить названіе „Гетинъ-Киль“, другая же, лежащая къ югу, „Шальбузъ-Дагъ“. Последнюю возвышенность жители считаютъ священной, и туда съ разныхъ мѣстъ стекается масса богомольцевъ. Всѣ близлежащія горы вообще содержатъ много желѣзной и мѣдной руды, изрѣдка попадаетъ также золото, серебро и киноварь; послѣдней особенно много на вершинѣ „Гетинъ-Киль“. Существованіе киновари въ близлежащихъ горахъ, повидимому, жителямъ было неизвѣстно.

II.

Внѣшній видъ построекъ, вода для питья, климатъ.

Сел. Ахты во многомъ отличается отъ другихъ сосѣднихъ деревень; центральная его часть состоитъ преимущественно изъ жилыхъ домовъ; только при нѣкоторыхъ изъ нихъ имѣются небольшіе сады. Такъ какъ лѣвый берегъ Ахты-чая очень крутъ, то потому часть селенія расположена въ видѣ террасъ. Улицы, какъ вообще въ азіатскихъ селеніяхъ, до нельзя узки: не только два экипажа не могутъ разѣхаться, но даже и для одного нѣтъ возможности повернуть кругомъ; зачастую даже пѣшеходу приходится пробираться по крышамъ домовъ; вся эта часть называется азіатской частью селенія, въ центрѣ которой находится главная мечеть.

Правая или европейская часть селенія, какъ ее называютъ мѣстная интеллигенція, благодаря незначительной покато́сти, гораздо просторнѣе азіатской, имѣетъ сравнительно широкія улицы, базаръ и заключаетъ въ себѣ всѣ учрежденія, присущія административному центру Самурскаго округа, какъ-то: управленіе окружного начальника, управленіе наѣба (пристава), почтово-телеграфное отдѣленіе, сельское управленіе, аптеку, богодѣльню, тюрьму и школу. Управленіе, школа и

тюрьма (арестантское отдѣленіе) помѣщаются въ казенныхъ зданіяхъ, а остальные учрежденія—въ наемныхъ.

Дома въ этой части селенія хотя съ такими же плоскими крышами, какъ и въ азіатской, но съ пристройками и даже съ небольшими садиками; эта часть селенія гораздо обширнѣе и населеннѣе, чѣмъ другая часть. Всѣ жилища строятся по одной общей и первобытной архитектурѣ: стѣны строятъ изъ плитняка на глинѣ, безъ извести; изнутри замазываютъ тою же глиною; крыша дѣлается изъ того же плитняка или же изъ баловъ и тоже обмазывается глиной; окна дѣлаются малыя и узкія, пропускающія очень мало свѣта. Въ домахъ имѣются своеобразные каминны; они служатъ для варки пищи и для отогрѣванія оконченѣвшихъ членовъ въ зимнее время, но никакъ не для нагрѣванія помѣщенія.

Изъ опасенія наводненій, для построекъ, обыкновенно, выбираются мѣста надъ обрывами и на скалахъ; поэтому дома весьма скучены.

Большинство домовъ имѣеть два этажа, при чемъ верхній этажъ расположенъ только надъ частью нижняго, который имѣеть входную дверь съ улицы; онъ состоитъ изъ коридора и изъ одной или нѣсколькихъ комнатъ, смотря по достатку хозяина; здѣсь же, въ особомъ помѣщеніи, содержится домашній скоть.

Въ нижнемъ этажѣ окна отсутствуютъ; но дверей, обыкновенно, имѣется нѣсколько: одна входная, а другія ведутъ въ дома сосѣдей; въ нижнемъ этажѣ живутъ исключительно въ зимнее время.

При помощи лѣстницы изъ коридора нижняго этажа можно взобраться на крышу, а отсюда на крыши и сосѣднихъ домовъ.

Какъ выше было сказано, верхній этажъ меньше нижняго; онъ состоитъ изъ одной или нѣсколькихъ комнатъ, двери которыхъ выходятъ прямо на крышу нижняго этажа. Верхній

этажъ служить лѣтнимъ помѣщеніемъ, а также для пріема гостей; онъ имѣетъ окна на улицу или на крышу нижняго этажа, смотря по расположенію дома относительно сосѣднихъ построекъ; наружныхъ украшеній на домахъ не бываетъ. Въ сел. Ахты 16 мечетей; изъ нихъ одна главная, называемая мечетью Абумюслима (Абумюслимакъ-миски).

Мечети строятся одноэтажныя; онѣ стоятъ нѣсколько особнякомъ; въ архитектурномъ отношеніи онѣ отличаются отъ жилыхъ домовъ только тѣмъ, что на нѣкоторомъ разстояніи отъ нихъ построены минареты. Матеріаломъ вообще для построекъ служатъ: лѣсъ, камень и глина; лѣсные матеріалы приобрѣтаются изъ Кубинскаго уѣзда, находящагося на с.-в. отъ Ахтовъ, на разстояніи 100 и болѣе верстъ; прочіе же матеріалы имѣются на мѣстѣ.

Для питья употребляютъ воду изъ Ахты-чая; въ этой рѣкѣ вода постоянно мутная, но весьма здоровая; изъ Ахты-чая воду доставляютъ крестьянки въ мѣдныхъ кувшинахъ, которые носятъ на плечахъ.

Мѣстность, гдѣ расположены Ахты, находится на высотѣ 3800 фут. надъ уровнемъ моря, вслѣдствіе чего климатъ можетъ считаться вполнѣ здоровымъ. По наблюденіямъ за послѣдніе три года, самая низкая температура въ январѣ мѣсяцѣ 1889 г. была -19° R.; самая высокая во всѣ эти три года была $+18^{\circ}$ R (въ 8 часовъ утра); въ полдень же ни разу не наблюдалось температуры выше $+30^{\circ}$ R въ тѣни. Такимъ образомъ, зимы не особенно суровыя, а лѣто умѣренное. Воздухъ вообще сухой и количество атмосферныхъ осадковъ незначительное. Господствующій вѣтеръ сѣверо-восточный.

III.

Минеральные источники.

Ахтинскіе минеральные источники находятся въ 5-ти верстахъ отъ селенія Ахты, на высотѣ 3,827 ф. надъ уров-

немъ моря (подъ $41^{\circ} 28'$ с. ш. и $65^{\circ} 30'$ в. д.); вода въ ахтинскихъ источникахъ имѣеть температуру $53, 1^{\circ}$ Ц; она содержитъ поваренную соль, слѣды желѣза и имѣеть легкій сѣрнистый запахъ *). Климатическія условія горячихъ источниковъ ничѣмъ существеннымъ не отличаются отъ климата Ахтовъ; эти источники расположены въ узкомъ ущельѣ, по лѣвому берегу Ахты-чая, на небольшомъ косогорѣ, у подножія горы „Хунъ-Падъ“ (Хунъ-Падъ по мѣстному значитъ „нужно беречь“); они состоятъ изъ четырехъ источниковъ, отстоящихъ одинъ отъ другого на разстояніи 10—15 сажень; всѣ эти источники, повидимому, соединены между собой, такъ какъ не наблюдалось случая, чтобы количество воды въ одномъ изъ нихъ убавилось, а въ другомъ прибавилось. Надъ каждымъ источникомъ имѣется незатѣйливая постройка, небольшихъ размѣровъ: отъ 3-хъ до 4-хъ саж. длины, $1\frac{1}{2}$ саж. ширины, 3—4 арш. вышины. Зданія эти сложены изъ простого плитняка на глинѣ, снаружи и изнутри обмазаны глиною и выбѣлены; крыша плоская, земляная.

На разстояніи 30 сажень отъ описанныхъ источниковъ построено нѣсколько лучшее зданіе, которое заключаетъ въ себѣ двѣ ванны съ 12 нумерами, кухню и нѣсколько водкопешень; оно носитъ названіе „Комаровскихъ ваннъ“; тутъ имѣются офицерскія и солдатскія ванны; недалеко отъ описаннаго зданія стоятъ полуразвалившіяся заброшенныя сакли.

Но въ общемъ вся эта группа домовъ представляетъ довольно живописную картину.

Въ настоящее время эти источники находятся въ вѣдѣ-

*) По изслѣдованію горнаго инженера А. Кошкина, вода содержитъ углекислыя и сѣрнокислыя соли, по преимуществу натръ и въ меньшей степени кальцій, поваренную соль и незначительное количество желѣза. Ахтинскія минеральныя воды оказываютъ существенную пользу при хроническихъ сыпяхъ кожи, при застарѣлыхъ хроническихъ язвахъ, ревматизмѣ, ломотахъ, воспаленіи суставовъ, надкостницѣ, параличѣ нижнихъ конечностей, рахитизмѣ, различныхъ маточныхъ болѣзняхъ и т. п. (Матеріалы для геологіи Кавказа, кн. VI, Тифлисъ, 1892 годъ).

ніи администраціи. Они даютъ крайне незначительный доходъ; причина этого заключается, во-первыхъ, въ томъ, что публикѣ почти неизвѣстно существованіе этихъ водъ, а, во-вторыхъ, въ томъ, что имѣющіяся помѣщенія неудобны и тѣсны даже и для тѣхъ немногихъ прїѣзжающихъ, которые случайно узнали о цѣлебныхъ свойствахъ ахтинскихъ источниковъ.

IV.

Народонаселеніе, занятія жителей, повинности, народное образованіе и народная нравственность.

Число дымовъ въ с. Ахты—1071, а въ нихъ 3050 душъ муж. и 2660 жен. пола, итого—5710 душъ. По національности, всѣ коренные жители—кюринцы, а по религіи магометане-суниты. Самурскій округъ дѣлится на три наибства: Ахтыпаринское, Докузпаринское и Лучекское и одинъ участокъ, находящійся на южномъ склонѣ Главнаго Кавказскаго хребта, состоящій въ вѣдѣніи младшаго помощника начальника округа. Участки эти подраздѣляются на 45 сельскихъ обществъ, съ 80 населенными пунктами, въ которыхъ числится 11484 дыма, а въ нихъ 66395 душъ обоюго пола.

Земли общественной, подъ выгономъ, 700 десятинъ, пастбищной 1800 десят.; на правахъ собственности: пахотной поливной земли 150 деслт., неполивной 157 десят., пастбищной 2 дес., садовъ 31 десят., покосовъ 63 десятины. Мельницъ насчитывается 20, лавовъ 141, рогатаго скота 1798, лошадей 137, овецъ 4641.

Въ сел. Ахты двѣ главныхъ оросительныхъ канавы, которыя проведены изъ Ахты-чая; второстепенныхъ канавъ, проведенныхъ изъ главныхъ, двадцать. Сады здѣсь преимущественно фруктовые, хотя изрѣдка попадаются и тутовныя.

Такъ какъ мѣстность крайне гористая, съ крутыми склонами, а почва недоброкачественная, то занятія жителей, большею частью, составляютъ отхожіе промыслы, на которыхъ они быва-

ють въ теченіе 8—9 мѣсяцевъ въ году; идутъ они главнымъ образомъ въ Бабинскую и Елисаветпольскую губерніи, въ Закаспійскую область, а также въ другія мѣстности Имперіи. Незначительная часть жителей занимается садоводствомъ, огородничествомъ, хлѣбопашествомъ и скотоводствомъ, да и то исключительно для собственнаго потребленія, а если и остается излишекъ, то его продаютъ въ сосѣднихъ же аулахъ.

Овцеводство также составляетъ одинъ изъ главныхъ источниковъ благосостоянія жителей Самурскаго округа; кустарная же промышленность развита въ весьма незначительныхъ размѣрахъ.

Въ 1891 году жителями округа выплачено безъ недоимокъ: подати 15336 р., земскаго сбора 2575 р. 34 к., десятиннаго земельного налога лицами привилегированнаго сословія 38 р. 27 к., налога, установленнаго взамѣнъ отбыванія мусульманами натуральной воинской повинности, 3373 р. 56 к., а всего 32323 руб. 17 коп.

Квартирной повинности населеніе округа не отбывало.

Для обученія дѣтей туземцевъ русскому языку въ округѣ имѣется одно училище въ сел. Ахты; оно содержится на общественныя штрафныя суммы округа; кромѣ того, насчитываются 82 школы при мечетяхъ, въ которыхъ бесплатно обучаютъ дѣтей грамотѣ, чтенію молитвъ и корана на арабскомъ языкѣ. Въ 1891 г. учащихся въ общественномъ училищѣ было 45, а въ мектебахъ 569 мальчиковъ и 235 дѣвочекъ.

Въ томъ же году на содержаніе Ахтинскаго училища было израсходовано 800 руб.

Число лицъ, сосланныхъ по суду за убійство изъ округа во внутреннія губерніи, было 3 души муж. пола; по приговорамъ обществъ, сосланныхъ не было, а по распоряженію администраціи—5 муж. пола. Преступленій въ 1891 году, какъ видно изъ статистической вѣдомости управленія, было: 86 кражъ, 126 прелюбодѣяній и оскорбленій, 6 случаевъ увоза

женщинъ; всего по этимъ преступленіямъ осуждено 106 лицъ мужскаго и 5 женскаго пола.

Взысканій, присужденныхъ окружнымъ судомъ, было: въ пользу потерпѣвшихъ 6010 рублей, въ общественную штрафную сумму округа 2229 р.

V.

Флора и фауна.

Мѣстность крайне бѣдна растительностью; она выражается слѣдующими видами: изъ неплодовыхъ деревьевъ попадаетъ осина, ель, верба, тополь и акація; изъ плодовыхъ деревьевъ и кустовъ: яблоня, груша, персики, вишня, черешня, айва, тута, визиль, крыжовникъ и бузина; изъ травъ, употребляемыхъ жителями въ пищу: мальва, щавель, мята, крапива и спаржа; изъ цвѣтущихъ растеній и полевыхъ травъ: первоцвѣтъ весенній (разныхъ видовъ), фіалка, роза, подснежникъ, подорожникъ, трилистникъ и друг.; изъ хлѣбныхъ растеній: пшеница, ячмень, просо и кахъ или чечевица (кахъ похожъ на горохъ; хлѣбъ изъ него получается черный и одурающій); изъ овощей: картофель, капуста, лукъ, рѣпа, рѣдька, помидоръ, бобы, тыква, огурецъ, морковь и свекла.

Изъ домашнихъ животныхъ водятся: лошади, катеры, ослы, быки, коровы, овцы и козы.

Для перевозки тяжестей преимущественно служатъ: лошади, ослы и катеры, а для земледѣльческихъ работъ — быки.

Всѣ домашнія животныя зимою живутъ въ теплыхъ хлѣвахъ и кормятся сѣномъ и саманомъ, а въ прочее время пасутся на пастбищахъ подъ надзоромъ одного или двухъ пастуховъ, которые получаютъ за каждую голову скота известное, по условію, вознагражденіе деньгами или хлѣбными зернами.

Изъ дикихъ животныхъ водятся: куницы, лисицы, зайцы, волеи, медвѣди, дикія кошки, олени, серны и дикія козы; изъ домашнихъ птицъ: куры, утки, индѣйки, голуби и гуси; изъ дикихъ птицъ: курочки, перепелки, горныя индѣйки, вороны, сороки, коршуны, ястреба, совы и орлы; изъ пресмыкающихся: ужи, ящерицы; изъ насѣкомыхъ: жуки, сверчки, кузнечики, пчелы, пауки и бабочки.

Учитель Ахтинскаго сельскаго училища *Д. Бабаевъ.*

КСАВЕРІО ГЛАВАНИ.

Описаніе Черкессіи 1724 г.

Переводъ и примѣчанія Е. Г. Вейденбаума.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Рукопись этого сочиненія приобрѣтена мною нѣсколько лѣтъ тому назадъ чрезъ посредство антикварнаго отдѣла книжнаго магазина Н. Киммеля (въ Ригѣ), который, если не ошибаюсь, получилъ ее изъ Вѣны. Сочиненіе написано на старинной бумагѣ, двумя почерками, мѣстами неразборчиво. Первоначально текстъ былъ изложенъ, вѣроятно, по-итальянски, а затѣмъ уже переведенъ на французскій языкъ. Доказательствомъ этого предположенія служатъ какъ отмѣтки въ концѣ рукописи о томъ, что она извлечена изъ *перевода* консульскаго отчета, такъ и многія географическія названія, употребительныя только у итальянцевъ, напр. Забакское море, Большое море. Правописаніе французскаго перевода очень неправильное и непоследовательное. Виновать ли въ томъ самъ переводчикъ, или только переписчикъ—рѣшить невозможно. Сочиненіе, какъ видно изъ заглавія, написано въ 1724 г., извлеченіе же сдѣлано въ 1727 году. При изложеніи его на французскомъ языкѣ, переводчикъ сдѣлалъ, вѣроятно, отъ себя нѣкоторыя дополненія и поясненія, такъ какъ въ нихъ говорится о событіяхъ, совершившихся послѣ 1724 года.

Черкесскія племена, занимавшія бассейнъ р. Кубани и побережье Чернаго моря, покоятся нынѣ, какъ выразился баронъ П. К. Усларъ, на „кладбищѣ народовъ“. На Кавказѣ

сохранились только жалкіе остатки представителей этихъ племень, побѣжденныхъ, но не покоренныхъ. Большинство разсѣялось по различнымъ мѣстностямъ Турціи и, вѣроятно, недалеко то время, когда черкесы, слившись съ окрестнымъ населеніемъ, исчезнуть, какъ исчезло множество другихъ народовъ, съ лица земли, оставивъ по себѣ одни только имена. Въ виду этого свѣдѣнія о Черкессіи, сообщаемыя въ отчетѣ Главани, не будутъ лишними въ небогатой литературѣ объ этой странѣ.

Французскій текстъ отчета печатается безъ всякихъ измѣненій. Неразобранныя мѣста означены многоточіемъ. Въ русскомъ переводѣ смыслъ этихъ мѣстъ переданъ по догадкѣ.

Переводъ снабженъ необходимыми пояснительными примѣчаніями. Они касаются только наиболее важныхъ обстоятельствъ, излагаемыхъ въ отчетѣ, главнымъ же образомъ географическихъ и этнографическихъ названій. Нѣкоторыя ошибки и несообразности, какъ напр. о людоедствѣ какихъ-то горцевъ, объ идолопоклонствѣ мингрельцевъ и т. п., оставлены безъ возраженій, такъ какъ нелѣпость ихъ очевидна для каждаго, даже поверхностно знакомаго съ Кавказскимъ краемъ, его населеніемъ и исторіею.

Примѣчанія внизу подъ текстомъ принадлежатъ составителю описанія, Ксаверію Главани.

Е. Вейденбаумъ.

Г. Тифлисъ.
4 апрѣля 1893 г.

О П И С А Н І Е Ч Е Р К Е С С І И,

составленное Ксаверіо Главани, Французскимъ консуломъ въ Крыму и первымъ врачомъ хана. Въ Бахчисараѣ, 20 января 1724 г.

Дѣленіе Черкесіи на бейлики, согласно этому описанію.

Названіе округовъ ¹⁾ .	Число жилищъ.												
Сагаке.	500												
Жанна.	500												
Бизеду. Существоють 2 независимыхъ бея.	1,000												
Гемиргіа или Гемиргой. Были 2 бея. . .	2,000												
Бесней или Бессини	1,000 около.												
<table style="display: inline-table; vertical-align: middle;"> <tr> <td style="font-size: 3em; vertical-align: middle;">}</td> <td style="padding-left: 5px;">Дударухъ. 200</td> <td rowspan="5" style="font-size: 3em; vertical-align: middle;">}</td> <td rowspan="5" style="padding-left: 5px;">одинъ бей. 620</td> </tr> <tr> <td></td> <td>Лауказе. . 200</td> </tr> <tr> <td></td> <td>Биберди. . 120</td> </tr> <tr> <td></td> <td>Кимликъ . 60</td> </tr> <tr> <td></td> <td>Трамъ . . 40</td> </tr> </table>	}	Дударухъ. 200	}	одинъ бей. 620		Лауказе. . 200		Биберди. . 120		Кимликъ . 60		Трамъ . . 40	
}	Дударухъ. 200	}			одинъ бей. 620								
	Лауказе. . 200												
	Биберди. . 120												
	Кимликъ . 60												
	Трамъ . . 40												
Бесскессекъ-абаза	200												
Кабарта.	3,000 около.												
Кучукъ-Кабарта	800 „												
Таузъ-султанъ-абакъ.	600 „												
Гиляксанъ	400 и 5 селеній.												

О П И С А Н І Е Ч Е Р К Е С С І И.

Черкессія дѣлится на 14 бейликовъ или округовъ, самостоятельныхъ каждый въ своихъ границахъ. Она ни отъ кого не зависитъ и состоитъ подъ покровительствомъ крымскаго хана настолько, насколько сама признаетъ это для себя удобнымъ; въ случаѣ предъявленія имъ какихъ-либо чрезвычайныхъ требованій, отвергаетъ ихъ безъ стѣсненія. Такъ было, напримѣръ, въ 1723 году ²⁾. Крымскій ханъ Капланъ-Гирай *) хотѣлъ обязать провинцію Кабарта, самую значительную изъ всѣхъ, давать ему большее число рабовъ, чѣмъ было установлено. Народъ взялся за оружіе, произошло кровопролитное сраженіе, татары были разбиты на-голову, самъ ханъ едва успѣлъ спастись и потерялъ свои сапоги; въ битвѣ легло болѣе 5,000 татаръ, въ томъ числѣ многіе мирзы или дворяне.

Не найдя себѣ поддержки въ остальныхъ провинціяхъ, Кабарта обратилась за помощью къ царю Московіи. Бей далъ царю въ заложники своего сына, и этотъ молодой человекъ принялъ христіанство. Прочія области Черкессіи обратились противъ Кабарты и стали на сторону Крыма, съ которыми онѣ пребываютъ въ добромъ согласіи вслѣдствіе того, что каждый бей, въ видахъ приобрѣтенія покровительства татаръ, беретъ къ себѣ на воспитаніе одного изъ принцевъ ханскаго дома Алидженги ³⁾. Вообще нѣтъ почти такой фамиліи дворянъ или мирзъ, которая не воспитывала бы одного изъ этихъ принцевъ, такъ какъ это считается у нихъ большою честью **).

*) Капланъ значитъ тигръ. Ханъ этотъ былъ низложенъ турецкимъ султаномъ въ 1724 или 1725 году.

***) Избравъ кого-нибудь воспитателемъ, ханъ отправляетъ къ нему принца чрезъ три дня послѣ его рожденія. Воспитатель со-

Итакъ, черкесскіе князья, соединившись въ числѣ 52 человекъ, при чемъ каждый изъ нихъ имѣлъ подъ своимъ начальствомъ 50 всадниковъ, вели непрерывную войну противъ населенія Кабарты, но не могли причинить этой провинці большого вреда, такъ какъ она занимаетъ долину, проходя въ которую такъ тѣсень, что по немъ можно слѣдовать только поодиночкѣ; сверхъ того, сама Кабарта въ состояніи выставить въ поле 5,000 воиновъ. Тѣмъ не менѣе, война сдѣлалась ей въ тягость вслѣдствіе угона стадъ съ пастбищныхъ мѣстъ и вынужденнаго прекращенія полевыхъ работъ. Это послѣднее обстоятельство причинило въ странѣ большой голодъ.

Бей Кабарты назывался Асланъ-бей *). У него получилъ воспитаніе Салихъ-Герай, сынъ нынѣшняго крымскаго хана Сеазеть-Герая 4). Несмотря на то что бей отдался подъ покровительство Московіи, принцъ часто навѣщалъ своего воспитателя. Имѣя отъ царя только 10 т. руб. въ годъ, подъ условіемъ продолженія войны противъ татаръ, и не рассчитывая на помощь войсками, бей вступилъ чрезъ посредство своего воспитанника въ сношенія съ ханомъ и получилъ отъ него прощеніе и обѣщаніе покровительства. Это произошло 24 декабря текущаго года 5). Салихъ-Герай прибылъ въ Крымъ въ сопровожденіи Жамболата-оглу (брата бея) и 20 знатнѣйшихъ мирзъ. Они приняли присягу на вѣрность хану и обязались дать ему 5,001 6) рабовъ и рабынь въ вознагражденіе за татаръ, убитыхъ въ продолженіе войны. Затѣмъ они отправились обратно 26 февраля по ихъ стилю 7).

Черкессія расположена за рѣкою Кубанью и простираетъ

держитъ его какъ собственнаго сына до 15 или 16 лѣтъ. По достиженіи имъ этого возраста, даются ему рабыни. Если которая-нибудь разрѣшится отъ бремени, то она получаетъ званіе госпожи . . . , по причинѣ расходовъ, такъ какъ для новой госпожи строится отдѣльное жилище.

*) Родовое имя его Жамболать-оглу.

ся до горъ Кавказа. Это страна плодородная, съ прекрасными равнинами и горами; вода здѣсь въ изобиліи. Она граничитъ: съ одной стороны съ калмыками, нынѣ состоящими подъ покровительствомъ царя; съ другой—съ Каспійскимъ моремъ, гдѣ находится крѣпость Терекъ, принадлежащая московитамъ; затѣмъ, съ Абазой, прилегающей къ горѣ Кавказу и простирающейся до береговъ Чернаго моря; наконецъ, съ Меотійскимъ болотомъ. Такимъ образомъ, страна эта заключается между морями Чернымъ, Каспійскимъ и Забакскимъ ⁸⁾.

Къ Забакскому морю прилегаетъ округъ *Сагаке*, имѣющій одного бей, которому подчиняются 500 жилищъ. Къ востоку отъ этого округа находится округъ *Жанна*, состоящій изъ 500 жилищъ, управляемыхъ беемъ. Затѣмъ слѣдуетъ округъ *Бизеду*, въ которомъ владѣютъ два бей; они имѣютъ каждый свое прозваніе и независимы одинъ отъ другого; одинъ изъ нихъ называется Кимси ⁹⁾, другой Керкиной; у каждаго изъ нихъ состоитъ въ управленіи до 500 жилищъ. Далѣе находится округъ *Гемиргіа*; прежде управлялся онъ двумя бейми, изъ которыхъ одинъ назывался по имени округа, другой носилъ имя *Мокосимланъ*; нынѣ имѣется только одинъ бей, который носитъ оба названные титула и управляетъ 2,000 жилищъ.

Посреди этого перешейка находится округъ *Бесней*, наиболѣе плодородный и богатый. Онъ расположенъ на равнинѣ, имѣетъ около 1,000 жилищъ, между которыми много дворянскихъ; жители славятся своею красотою. Округъ этотъ пользуется большимъ уваженіемъ, какъ по многочисленности его дворянства, такъ и по храбрости его жителей.

За ними находится округъ, называемый *Бессексъ-Абаза*; жители его переселились изъ Абазы и отдались подъ покровительство черкесовъ. Они управляются черкесскимъ беемъ, но по языку и происхожденію они абазы. Названіе Бессексъ-Абаза значитъ пять поселеній, а именно: первое назы-

вается *Дударухъ* и имѣть 200 жилищъ; второе—*Лауказе*, съ 200 жилищъ; третье—*Биберди*, 120 жилищъ; четвертое—*Кимликъ*, 60 жилищъ; пятое—*Трамъ*, 40 жилищъ.

За этимъ округомъ, ближе къ Каспійскому морю, находится округъ *Бессмбай*, имѣющій бея и 200 жилищъ.

Послѣдній округъ въ восточномъ исправленіи называется Кабарта. Границы его приближаются къ крѣпости Терку, получившей свое названіе отъ рѣки Терка, которая омываетъ стѣны этой крѣпости. Округъ Кабарта обширнѣе и могущественнѣе всѣхъ остальныхъ; въ немъ 3,000 жилищъ и много дворянства, подъ управленіемъ одного бея.

Къ сторонѣ калмыковъ находится округъ *Кучукъ-Кабарта* (Малая Кабарта), который оставался всегда вѣренъ Крыму; въ немъ одинъ бей и 800 жилищъ. На югѣ, близъ Кавказа, расположенъ округъ *Таузъ-султанъ-кабакъ*, имѣющій одного бея и 600 жилищъ. Затѣмъ, у самой подошвы Кавказа, находится округъ *Гилаксанъ*; въ немъ одинъ бей и 400 жилищъ. Въ зависимости отъ этого округа состоятъ пять селеній въ Кавказскихъ горахъ.

Первый округъ между черкесами ¹⁰⁾ есть *Чемень*, имѣющій 500 жилищъ и зависимый отъ Кабарты. Второй называется *Дюгеръ-Талкареки*, состоящій тоже въ зависимости отъ Кабарты; въ немъ 500 жилищъ. Третій, называемый *Эби-Баракки*, зависитъ отъ Бессини и имѣть 200 жилищъ. Четвертый—*Каракай*, съ 200 жилищъ, зависитъ отъ Кабарты. Пятый—*Карабай*, имѣть 600 жилищъ и состоитъ въ зависимости отъ Гемиргоя. Вотъ подробности о странѣ черкесовъ и ихъ бейликахъ ¹¹⁾. Каждый бей самостоятеленъ въ своемъ владѣніи, хотя они почти всегда находятся подъ покровительствомъ хана Татарин. Произошло это вслѣдствіе того, что они легкомысленно позволили ханамъ обмануть себя: одинъ изъ хановъ прислалъ къ нимъ своего сына, другой двухъ, третій трехъ сыновей и, такимъ образомъ, мало-по-

малу черкесы подпали подъ управленіе султановъ ¹²⁾. Въ настоящее время въ черкесской странѣ считается 52 султана, способныхъ носить оружіе; самый бѣднѣйшій изъ нихъ имѣетъ при себѣ 50 конныхъ и хорошо вооруженныхъ слугъ. Въ отношеніи управленія Черкессіей и въ видахъ обузданія народа султаны дѣйствуютъ заодно, такъ что черкесы сдѣлались какъ бы рабами султановъ. Каждый бей какъ бы усвоилъ одного султана; наиболѣе могущественные изъ мурзъ имѣютъ также по одному султану въ своихъ домахъ. Эти султаны повелѣваютъ и начальниками и народомъ. Власть беевъ ничтожна, такъ какъ подданные состоятъ у нихъ только въ мнимомъ рабствѣ: испай ¹³⁾ можетъ во всякое время продать, кому захочетъ, каждаго изъ этихъ подданныхъ и никто не посмѣетъ ему противорѣчить; онъ распоряжается ими, какъ своими подданными, какъ своею собственностью. Каждый испай имѣетъ одно или два селенія, въ управленіе которыхъ даже бей не можетъ вмѣшиваться. Если кто-либо изъ рабовъ совершитъ проступокъ, бей призываетъ старшину селенія и приказываетъ ему наложить на провинившагося подданнаго или раба подобающее взысканіе. Когда наступаетъ время обязательной посылки ко двору въ Крымъ рабовъ и рабынь, всѣ испай собираются у своихъ беевъ, которые опредѣляютъ, сколько каждый изъ нихъ долженъ дать сообразно имѣющимся у него селеніямъ. Затѣмъ каждый испай отправляется въ свое селеніе и избираетъ мужчинъ или женщинъ по своему усмотрѣнію; никто, ни отецъ, ни мать, ни родные не могутъ противиться сдѣланному имъ выбору; напротивъ того, они бывають этимъ очень довольны, такъ какъ у себя на родинѣ они всѣ рабы, на чужбинѣ же могутъ рассчитывать попасть на свободу. Испай доставляютъ избранныхъ ими людей къ беямъ, а эти послѣдніе отправляютъ ихъ къ хану.

Обхожденіе ихъ похоже на франкское: они вѣжливы и, привѣтствуя, снимаютъ шапку; женщины принимаютъ чуже-

земцевъ съ радушіемъ; для принятія пищи они садятся по франкски ¹⁴⁾ за столъ. Женщины гордятся своимъ страннымъ станомъ и носятъ особый родъ корсета ¹⁵⁾; вообще же женская одежда похожа на турецкую. Они употребляютъ въ пищу много мяса и мало хлѣба, который готовится изъ просяной муки; вина не имѣютъ, но гонятъ много водки изъ зерновыхъ хлѣбовъ, яблововъ, грушъ, сливъ и др. плодовъ.

О религіи ихъ я не могу ничего сказать, такъ какъ ихъ вѣрованія смѣшанныя: они чтутъ субботу, воскресенье и пятницу, празднуютъ пасху съ христіанами и байрамъ съ турками, утверждая, что все хорошо; въ обществѣ христіанъ они не соблюдаютъ никакихъ постовъ, находясь же съ турками, выдаютъ себя за турокъ; такъ поступаютъ они и со всѣми другими религіями.

Каждый округъ Черкессіи имѣетъ особое священное мѣсто, находящееся обыкновенно въ лѣсу, гдѣ предметомъ поклоненія служитъ большое дерево. Такое дерево черкесы называютъ *пенекассанъ* ¹⁶⁾; они совершаютъ предъ нимъ свои молитвы. Умиравшіе оставляютъ свою саблю, ружье и одежду пенекассану; ихъ относятъ туда съ церемонією и вѣшаютъ на деревья, такъ что съ теченіемъ времени лѣсъ оказывается наполненнымъ всякаго рода оружіемъ, одеждою и другими предметами, но никто не осмѣливается прикоснуться къ нимъ. Въ этомъ же лѣсу хоронятъ мертвыхъ и совершаютъ обряды. Трупы людей и животныхъ, убитыхъ громомъ, считаются божествомъ, которое называется *кодосъ* ¹⁷⁾. Если мужчины и женщины, совершившіе преступленіе или убійство, скроются въ лѣсъ пенекассанъ и повяжутъ себѣ на шею какую-нибудь тряпку изъ числа висящихъ на деревьяхъ, то они освобождаются отъ наказанія, какъ состоящіе подъ покровительствомъ божества. Случалось, что турки, находящіеся въ рабствѣ у черкесовъ, получали свободу, отдаваясь подъ покровительство

пенекассана. Необходимо, впрочемъ, имѣть въ виду, что рабы и преступники пользуются неприкосновенностью и свободою только до тѣхъ поръ, пока сохраняется тотъ клочокъ ткани, который они повязали на шею. Рабы не ожидаютъ того времени, когда повязка окончательно развалится отъ ветхости: получивъ свободу, они спѣшатъ удалиться изъ края.

Черкесы кротки, привѣтливы, вѣжливы, имѣютъ очень красивыхъ дѣтей. Они благосклонны къ иноземцамъ до тѣхъ поръ, пока эти послѣдніе находятся у нихъ въ гостяхъ; но иностранецъ, встрѣченный въ полѣ, легко можетъ попасться въ рабство. Черкесы не знаютъ никакой монеты и не занимаются торговлей. Они такъ искусны, что могутъ сдѣлать любую вещь, не выдавъ никогда способа ея изготовленія. Черкесскія женщины очень искусны въ вышиваніи и вообще сами дѣлаютъ все необходимое для дома, такъ что не имѣютъ необходимости приобрѣтать что-либо покупкою. Молодые люди имѣютъ одинъ очень дурной обычай, а именно съ наступленіемъ весны и появленіемъ подножнаго корма, молодые мирзы и дворяне образуютъ сообщества въ 50—100 человекъ и выступаютъ въ поле для пастьбы своихъ табуновъ. На ихъ языкѣ это называется *Козъ*¹⁸⁾. Они веселятся, пьютъ, ѣдятъ и посылаютъ въ другіе округа отряды человекъ въ десять отборныхъ наѣзтниковъ. Эти послѣдніе подрадываются къ селеніямъ, прячутся въ кустарникахъ, а вечеромъ, когда дѣти отправляются по воду, набрасываются на нихъ, выбираютъ двухъ-трехъ самыхъ красивыхъ дѣвочекъ и мальчиковъ и мчатся съ ними обратно въ свой округъ. Если родителямъ удастся нагнать хищниковъ до перехода ихъ чрезъ границу округа, то похищенные дѣти возвращаются безъ всякаго сопротивленія. Таковъ ихъ обычай. Захваченные обращаются въ рабство и продаются армянамъ, которые, подъ покровительствомъ беевъ, развѣзжаютъ съ разными товарами, имѣющими сбытъ въ краѣ, и вымѣниваютъ ихъ на рабовъ. Этимъ тор-

говцамъ извѣстно время наступленія періода набѣговъ, называемаго *козъ* и продолжающагося 40 дней. По истеченіи этого срока всѣ возвращаются обратно въ свои селенія и города въ хорошихъ одеждахъ. Подобные набѣги не могутъ продолжаться долѣе 40 дней; каждый округъ можетъ принимать въ нихъ участіе, но нельзя похищать болѣе трехъ человѣкъ изъ одного селенія. Сверхъ того, требуется, чтобы похищаемые были молоды и не состояли въ бракѣ; въ противномъ случаѣ, добыча считается непригодною и возвращается обратно.

Обычай этотъ существуетъ у нихъ издавна. Я спрашивалъ у одного черкесскаго бея, почему дозволяются подобные набѣги дворянству. Онъ отвѣчалъ мнѣ: въ нашей странѣ нѣтъ ни денегъ, ни рынковъ; откуда же взять нашимъ молодымъ людямъ средства для приобрѣтенія одежды? Мы не изготовляемъ никакихъ тканей, но купцы являются съ товарами въ періодъ набѣговъ и снабжаютъ насъ всѣмъ необходимымъ. Развѣ испаги дѣлаются бѣднѣе отъ того, что у нихъ отнимаютъ ежегодно трехъ дѣтей? Эти рабыни, рожая каждый годъ, замѣняютъ потерю, а между тѣмъ наша молодежь приобрѣтаетъ посредствомъ набѣговъ возможность хорошо одѣваться. Если у испаги отнимаютъ трехъ дѣтей, то потеря эта вознаграждается, быть-можетъ, съ избыткомъ дѣтьми, похищенными въ другихъ округахъ. Такимъ образомъ это есть простой обмѣнъ между округами, а между тѣмъ онъ даетъ намъ возможность развивать воинственный духъ въ молодежи.

Многоженство не допускается у черкесовъ. Они могутъ имѣть только одну жену. Бей вступаютъ иногда въ связь съ своими рабынями, но рожденные отъ нихъ дѣти считаются незаконными; ихъ посылаютъ въ подарокъ крымскому хану, а то и просто продаютъ. Если послѣ смерти бея не останется наслѣдниковъ, то бейликъ не можетъ перейти къ незаконному сыну и поступаетъ въ другую фамилію.

Кража считается дозволенною у черкесовъ. Они не имѣ-

ють ни письменности, ни законовъ и не хотятъ ничему учиться. Они утверждаютъ, однако, что черкесскіе округа существуютъ съ тѣхъ временъ, когда генуезцы господствовали въ Крыму. Еще и теперь нѣкоторыя фамиліи носятъ франкскія имена. Я самъ держусь этого мнѣнія, потому что ихъ языкъ есть испорченный италіанскій, и когда они говорятъ, то сжимаютъ зубы, какъ генуезцы; затѣмъ всѣ ихъ обычаи близки къ франкскимъ. Въ странѣ существуетъ нѣсколько церквей съ надписями, но неизвѣстно какими. На древнихъ могилахъ встрѣчаются кресты, которые я считаю латинскими.

Отъ Танаиса или Дона, отдѣляющаго Азію отъ Европы, и до рѣки, которую грузины называютъ Джурлакъ ¹⁹⁾, страна представляетъ какъ бы перешеекъ. Онъ омывается съ одной стороны Каспійемъ, съ другой Меотійскимъ болотомъ и Большимъ моремъ ²⁰⁾, такъ что образуется какъ бы островъ. Будучи занята 50-ю различными варварскими и независимыми народами, страна эта мало извѣстна путешественникамъ, такъ какъ недоступна для нихъ. Всякій, появляющійся въ ней, обращается въ рабство. Я приложилъ всѣ свои старанія къ тому, чтобы узнать точно названіе всѣхъ народовъ и даже обращался по этому поводу къ хану. Онъ отвѣчалъ мнѣ, что ожидаетъ прибытія съ Кобана ²¹⁾ одного человѣка, который дастъ мнѣ всѣ желаемыя объясненія. Черезъ нѣсколько дней этотъ человѣкъ прибылъ. Онъ оказался ногойцемъ. Я послалъ за нимъ и, предложивъ ему кофе и табакъ, просилъ его сообщить мнѣ свѣдѣнія о народахъ, обитающихъ на этомъ перешейкѣ. Добрый старикъ отвѣчалъ мнѣ, что онъ живетъ въ той странѣ болѣе 80 лѣтъ, и что отецъ его умеръ тамъ же, имѣя отъ роду 114 лѣтъ; тѣмъ не менѣе, ни онъ самъ, ни отецъ его, не могли никогда познакомиться со всѣми народами, населяющими перешеекъ. Я расскажу вамъ, прибавилъ старикъ, только то, что самъ знаю, и начну свое описаніе отъ Азова, который находится на этомъ перешейкѣ и подвластенъ турецкому султану.

При р. Танаисѣ, въ Азовѣ, живутъ турки. Затѣмъ, между рѣками Танаисомъ и Кубаномъ обитаютъ идолопоклонники, подчиненные московитамъ и называемые калмуки. По ту сторону Волги живутъ также калмуки, состоящіе въ подданствѣ московитовъ. Далѣе обитаетъ татарско-ногайскій народъ, называемый Кабакъ ²²). За нимъ находится рѣка Кубань, при которой находятся около десяти тысячъ казачьихъ жилищъ. Казаки ²³) эти были прежде московскими подданными, но 28 лѣтъ тому назадъ они повинули Московію и отдались подъ покровительство крымскаго хана. Народъ этотъ называется Джелаль-казаки и жилъ прежде при р. Танаисѣ. Страну отъ впаденія въ Меотійское болото рѣки Кубань и до Терка занимаютъ ногайцы. Численность ихъ опредѣляютъ въ сто тысячъ казановъ ²⁴) или семействъ. За ногайцами находятся 14 черкесскихъ областей. За Черкессіей живутъ комуки ²⁵), которые распадаются на три отдѣльныя народности. Самая могущественная изъ нихъ, называемая Сафкаль по имени ея хана, состоитъ нынѣ подъ покровительствомъ московитовъ. Двѣ другія занимаютъ Терскія горы, почти недоступныя, почему и сохранили до сихъ поръ свою независимость. Въ ерѣности Теркъ живутъ московиты. За ними обитаетъ магометанскій народъ, называемый джетсанъ ²⁶), а также народы Диджанъ-бейлукъ и турванъ. Наконецъ, население Дагестана распадается на три народности, изъ коихъ каждая управляется своимъ независимымъ ханомъ. За ними обитаютъ лезги, состоящіе подъ властью хана. Этотъ многочисленный народъ (въ немъ считаютъ болѣе тридцати тысячъ семействъ) занимаетъ оконечность Кавказа, соприкасаясь съ одной стороны съ Персіей, съ другой — съ Грузіей.

Добрый старикъ, сообщившій мнѣ всѣ эти свѣдѣнія, рассказалъ также и о томъ, какъ онъ, вмѣстѣ съ лезгинами, ходилъ въ Грузію за рабами (похищеніе людей для обращенія ихъ въ рабство составляетъ обычный промыселъ лезгинъ). Пере-

валивъ чрезъ гору Кавказъ, они замѣтили людскія жилища и приблизились къ нимъ, въ надеждѣ найти какую-нибудь добычу. Но жилища оказались пустыми и обитателей ихъ не оказалось, несмотря на всѣ поиски. Тутъ провели они ночь, а на утро замѣтили, что изъ ихъ партіи, состоявшей изъ 300 человекъ, недостаетъ пяти. Всѣ розыски остались тщетными: нельзя было замѣтить даже и слѣдовъ того пути, по которому ушли пропавшіе люди. Вслѣдствіе этого партія была вынуждена провести на мѣстѣ еще одинъ день. Съ наступленіемъ темноты начальникъ партіи приказалъ быть особенно бдительными. Около полуночи послышался большой шумъ. Всѣ побѣжали съ оружіемъ въ рукахъ на слышавшіеся голоса и нашли двухъ изъ своихъ пропавшихъ товарищей. Они были едва живы, могли говорить съ трудомъ и только знаками призывали къ себѣ. Такъ какъ ночь была очень темная и мѣстность трудно доступная, то участники набѣга не могли ничего ни рассмотреть, ни найти. Возвращаясь къ своей стоянкѣ, они услышали другой голосъ. Такъ какъ глубокой снѣгъ мѣшалъ итти всѣмъ на этотъ голосъ, то восьмеро наиболѣе храбрыхъ людей изъ партіи отправились туда и нашли восемь человекъ. Они взяли ихъ, связали и съ большимъ трудомъ спустились съ ними внизъ къ мѣсту расположенія партіи. Здѣсь начальникъ подвергъ ихъ осмотру. Они были голы, гладки, съ длинными волосами, ростомъ нѣсколько ниже средняго; лица имѣли скорѣе красныя, чѣмъ бѣлыя; говорили на непонятномъ языкѣ. По приказанію предводителя партіи они были отведены въ сторону и умерщвлены. По объясненію найденныхъ членовъ партіи дѣло съ ними произошло такимъ образомъ: когда они вышли за надобностью изъ жилища, на нихъ набросилось болѣе 50 чел., схватили ихъ и начали кусать, какъ собаки. Они подняли крикъ и тогда напавшіе, заслышавъ шаги, разбѣжались. Вотъ все, что мы знаемъ, сказали эти два человека. При осмотрѣ, тѣла ихъ оказались искусанными во многихъ мѣстахъ.

Разсказчикъ объяснилъ мнѣ, что это были людодѣды. Онъ клялся, что былъ личнымъ свидѣтелемъ происшествія, и что все имъ разсказанное есть чистая правда.

По ту сторону горъ находится Мингрелія. Жители ея идолопоклонники и управляются ханомъ. За ними живутъ ачиебаши ²⁷⁾, тоже идолопоклонники. Они очень многочисленны: говорятъ, что они могутъ выставить пятьдесятъ тысячъ храбрыхъ воиновъ. Управляетъ ими ханъ. Далѣе обитаютъ кадаки ²⁸⁾, которые исповѣдуютъ христіанство по греческому обряду и имѣютъ монастыри и церкви. За кадаками находятся 24 независимыхъ абазскихъ бея. Владѣнія ихъ простираются отъ Большого моря до залива Гелинджикъ-лиманъ ²⁹⁾ въ Черкесской землѣ. Заливъ этотъ представляетъ хорошую стоянку для судовъ. Прежде генуэзцы имѣли здѣсь пристань, а нынѣ султанъ турецкій началъ строить укрѣпленіе. Морская флотилія можетъ зимовать въ этомъ заливѣ, будучи закрыта отъ всѣхъ вѣтровъ. Гелинджикъ-лиманъ находится между Абазою и Черкессією и удаленъ на 50 миль отъ Каффскаго пролива ³⁰⁾.

Старикъ-разсказчикъ присовокупилъ, что существуетъ еще множество другихъ народовъ, ему неизвѣстныхъ. Всѣ же тѣ, которыхъ онъ мнѣ поименовалъ, пользуются независимостью, управляются деспотически и говорятъ на языкахъ, непонятныхъ другимъ народамъ.

Отъ пролива Каффы до Каспійскаго моря считаютъ 180 часовъ пути. Этимъ опредѣляется ширина перешейка. Въ длину простирается онъ до рѣки Гурлакъ, отдѣляющей его отъ Персіи. Въ этомъ направленіи онъ имѣетъ 230 часовъ пути. Вотъ всѣ свѣдѣнія, какія я только могъ собрать объ этой странѣ.

Копія снята съ перевода отчета королю, сообщеннаго г-номъ Даліонъ. Въ Константинополѣ, 6 января 1727 года.

Примѣчанія.

1) Названія округовъ показываютъ здѣсь въ сущности названія племенъ или племенныхъ подраздѣленій, занимавшихъ эти округа. При трудности передачи звуковъ черкесскаго языка буквенными знаками европейскихъ алфавитовъ не удивительно, что названія племенъ, записанныя итальянцемъ, не совпадаютъ вполне съ тѣми, которыя приняты у насъ, а именно:

Сагаке назывались у насъ *Шагаки*, *Хеаки* и *Хегаикъ*. Они составляли подраздѣленіе натухайскаго племени или *Ноткуаджъ*, *Натхокуаджъ*.

Жанна носили у насъ названіе *Жаневцевъ* или *Жанъ*.

Бизеду = *Бжедухи*.

Гемирія, *Гемирой* = *Темировцы*, *Кемировцы*, *Кемуй*, *Кемурке*.

Бесней или *Бессини* = *Бесленей*, *Бесленевцы*.

Бесскессекъ-абаза. Подъ именемъ *Абаза* или по-нашему *абазинцевъ*, извѣстны въ Закубанскомъ краѣ абхазцы, отдѣлившіеся отъ своихъ родичей въ Абхазіи и перешедшіе на сѣверный склонъ Главнаго Кавкасскаго хребта. *Бесскессекъ*, правильнѣе, *бешъ-кесекъ* происходитъ отъ турецко-татарскихъ словъ: *бешъ* = пять и *кесекъ* (отъ глагола *кесмекъ* — рѣзать, рубить) = отрѣзокъ, отрубокъ, часть, доля. Такимъ образомъ, *бешъ-кесекъ* значитъ пятидолный, состоящій изъ пяти частей. Дѣйствительно, нашъ авторъ подраздѣляетъ племя *Абаза* на пять родовъ: *Дударухъ* (= *Дударуковцы*), *Лауказе* (= *Лоу* или *Лооцы*), *Биберди* (= *Бибердъ* или *Бибердовцы*), *Кимликъ* (= *Клычъ*?) и *Трамъ* (= *Тамъ*). Въ концѣ прошедшаго столѣтія абхазское племя въ Черкессіи подраздѣлялось уже не на пять, а на шесть частей, почему и называлось *Алты-кесекъ* (*алты* по-турецки = шесть), или у русскихъ *Малая Абаза* или *Шести-родная*. По академикъ Палласу подраздѣленія эти назывались: *Джантемиръ*, *Клычъ*, *Кеша*, *Лоу*, *Бибертъ* и *Дударукъ* (*Pal-*

las, Bemerkungen auf einer Reise in die südlichen Statthalterschaften etc. Lpz. 1799, Band I, S. 365).

Беслибай = *Башилбай*.

Кабарта = *Кабарда*.

Кучукъ-Кабарта = *Малая Кабарда* (*кучукъ* по-турецки = малый).

Таузъ-султанъ-кабакъ ошибочно вмѣсто *Тау-султанъ-кабакъ*. Названіе *тау-султанъ* (тюрк. *тау* = гора, слѣдов. *тау-султанъ* = горскій султанъ) носилъ владѣльческій родъ Малой Кабарды. Слово *кабакъ* употребляется у горскихъ и ногойскихъ племенъ Сѣвернаго Кавказа въ смыслѣ жилища, поселенія, особенно владѣльческаго, княжескаго. Названіе это нерѣдко встрѣчается въ статейныхъ спискахъ нашихъ пословъ, проѣзжавшихъ чрезъ кабардинскія земли на пути въ Грузію. Слово *кабакъ* несомнѣнно турецко-татарское и введено на Сѣверномъ Кавказѣ, вѣроятно, ногойцами. Но причина приложенія его къ жилищу или поселенію остается невыясненною съ точностью. На нарѣчій тобольскихъ татаръ *кабакъ* = затворъ, заборъ на межѣ (чтобы чужой свотъ не ходилъ). У казанскихъ татаръ и башкиръ *кавакъ* = вустъ, въ турецкомъ языкѣ = яворъ, липа (см. Сравнительный словарь турецко-татарскихъ нарѣчій Лазаря Будагова, Спб. 1871). По объясненію покойнаго Н. В. Ханникова, слово *кабакъ* означаетъ собственно, на татарскомъ языкѣ, чапу, и иносказательно — равнину, окруженную со всѣхъ сторонъ горами, какихъ много встрѣчается въ Кабардѣ и Черкесской землѣ (см. *Броссе*, Критическій обзоръ грузинскихъ лѣтописей и проч., въ Журналѣ Мин. Нар. Пр., 1846 г., часть LI, стр. 17, примѣчаніе). Объясненіе это едва ли можетъ быть признано удовлетворительнымъ въ виду того, что на Сѣверномъ Кавказѣ *кабакъ* означаетъ не равнину, а населенное мѣсто, жилище, съ каковымъ значеніемъ это слово перешло и въ русскій языкъ (постоянный дворъ съ продажею питей). Поэтому будетъ, кажется, правильнѣе принять,

что у тюркских племенъ Предкавказья, подобно тому, какъ у тобольскихъ татаръ, слово *кабакъ* значитъ затворъ, заборъ, а въ болѣе широкомъ смыслѣ—жилище, обнесенное оградой.

Гилаксанъ, правильнѣе *Гилахстанъ*—одна изъ владѣльческихъ фамилій Малой Кабарды. Принадлежавшія ей селенія были извѣстны у насъ подъ названіями *Ахловыхъ* и *Мудировыхъ кабаковъ*.

2) Показаніе это явно ошибочно и должно быть объяснено ошибкою переписчика, такъ какъ Главани, писавшій свой консульскій отчетъ въ 1724 году, не могъ не знать, что Капланъ-Гирей не былъ крымскимъ ханомъ въ 1723 году. Онъ замѣстилъ впервые въ этомъ званіи своего брата Гази-Гирея въ апрѣлѣ 1707 года, но въ концѣ того же года былъ низложенъ по повелѣнію турецкаго султана и вновь возведенъ въ ханское достоинство въ 1713 году, вмѣсто Девлетъ-Гирея. Въ 1716 г. онъ долженъ былъ уступить управленіе Крымомъ Сеадатъ-Гирею и сдѣлался въ третій разъ ханомъ только въ 1730 г., послѣ низложенія Менгли-Гирея. Крымскій походъ фельдмаршала графа Ласси въ 1736 г. навлекъ на Капланъ-Гирея неудовольствіе султана, и онъ былъ окончательно лишенъ ханскаго достоинства (см. *Hammer, Histoire de l'Empire Ottoman, Paris 1839, tom. XIII et XIV*).

Походъ Капланъ-Гирея въ Кабарду, о которомъ рассказываетъ въ своемъ отчетѣ Главани, описанъ турецкимъ историкомъ Рашидомъ. По его разсказу, приведенному у Гаммера (*Hammer, Histoire de l'Empire Ottoman, tome XIII, pp. 191—193*), кабардинцы, незадолго до возведенія Капланъ-Гирея въ достоинство хана въ 1707 году, отказались платить Крыму обычную подать мальчиками и дѣвочками, извѣстную подъ названіемъ *аибликъ* (т. е. постыдная или позорная подать), и, покинувъ свои жилища около Пиштавъ (=гора Бештау или Пятигорье), удалились въ неприступныя горы Балканджанъ (вѣроятно, въ верховьяхъ р. Малки). Капланъ-Гирей пошелъ

противъ нихъ съ многочисленнымъ войскомъ (болѣе 30 тысячъ воиновъ вогайскихъ, черкесскихъ и другихъ), но потерпѣлъ совершенное пораженіе и самъ едва спасъ свою жизнь. Неудача эта и была причиною низложенія хана въ декабрѣ 1707 г.

Кабардинское преданіе повѣствуетъ, что старшій князь Кабарды Кургоко Хатожуковъ, получивъ свѣдѣніе о силахъ хана, рѣшился предупредить его нападеніе и употребилъ для этого слѣдующую хитрость: навьючивъ 300 ословъ сѣномъ, онъ отправилъ ихъ ночью къ неприятельскому стану съ приказаніемъ важечь сѣно и стрѣлять изъ ружей. Ослы крикомъ своимъ до того перепугали враговъ, что они стали рубить другъ друга; съ разсвѣтомъ же стремительно бросились на нихъ кабардинцы и совершенно разбили, взявъ много плѣнныхъ и большую добычу (*Шора-Бекмурзимъ Номовъ*, Исторія Адыгейскаго народа, Тифлисъ 1861 г., стр. 141, 142). Нѣсколько свѣдѣній объ этомъ же походѣ Каплайъ-Гирея находится у С. Броневскаго въ его „Новѣйшихъ географическихъ и историческихъ извѣстіяхъ о Кавказѣ“ (Москва 1823, часть 2-я, стр. 82), при чемъ годъ событія показанъ условно: или въ 1705 или въ 1708 году.

³⁾ Неповѣстно, откуда взялъ Главани названіе *Али-Дженги* (ali-genghi) для владѣтельнаго дома крымскихъ хановъ. Известно, что члены этого дома носили родовое имя *Гирей* или *Герай* и вели свой родъ отъ Джелалберды, сына Тохтамыша, который, въ свою очередь, былъ потомкомъ знаменитаго татарскаго завоевателя Чингизъ-хана.

⁴⁾ По Гаммеру (*Histoire*, Т. XIII, *tables généalogiques*), Сеадеть-Гирей былъ лишенъ ханскаго достоинства 16 октября 1724 г.

⁵⁾ т. е. 24 декабря 1723 г., такъ какъ отчетъ Главани помѣченъ 20 января 1724 года.

⁶⁾ Цифра эта невѣроятна. Самъ Главани опредѣляетъ населеніе Кабарды приблизительно въ 3000 дымовъ.

7) Здѣсь опять недоумѣніе: по тексту отчета выходить, что Салихъ-Гирей пустился въ обратный путь 26 февраля 1724 г., а между тѣмъ отчетъ законченъ 20 января этого года.

8) *Забакское море*, *Mar delle Zabache*. Такъ средневѣковые итальянскіе географы называли Азовское море. В. Семеновъ справедливо полагаетъ, что названіе это переименовано изъ татарскаго *Чабакъ-демеси*, подъ каковымъ именемъ море это было извѣстно у крымскихъ татаръ (см. Библіотека иностранныхъ писателей о Россіи. Издвѣніемъ М. Калистратова, трудами В. Семенова. Томъ I. Спб. 1886 г., примѣчаніе 19 къ путешествію І. Барбаро въ Тану).

9) Раздѣленіе племени бжедуховъ на два колѣна сохранилось и до нашихъ дней. У насъ они называются бжедухи-хамышевцы (бведугъ-хамыше) и бжедухи-черченевцы (бведухъ-черченей). Если принять во вниманіе разницу въ транскрипціи, то итальянскія названія *kimssi* и *kerkipoi* совпадаютъ съ *хамыше* и *черченей*.

10) Здѣсь, очевидно, ввралось какое-то недоразумѣніе, замѣченное уже и переписчикомъ, такъ какъ онъ, для огражденія себя, счелъ необходимымъ отмѣтить противъ этого мѣста на поляхъ коши: *corié mot a mot*, т. е. переписано слово въ слово. Дѣло въ томъ, что здѣсь рѣчь идетъ, очевидно, о племенахъ не черкесскаго происхожденія, а только подвластныхъ черкесамъ. Поэтому выраженіе „первый округъ между черкесами“ надо понимать въ смыслѣ перваго округа изъ числа подвластныхъ черкесамъ. *Чегемъ* есть татарское общество, занимающее ущелье р. Чегема; оно и нынѣ извѣстно подъ тѣмъ же именемъ. Подъ *Дюгеръ-Талкареги* подразумѣваются, очевидно, дигорцы или дигорскіе осетины, которые, дѣйствительно, были подвластны кабардинцамъ; но вторая половина названія—Талкареги—не поддается объясненію.—*Эбани-бараки*, подчиненные бесленевцамъ, означаютъ, вѣроятно абазинскіе (абхаз-

скіе) роды Багъ и Барабай, жилища которыхъ были расположены по р. Ходзь, притому Лабы. Воспоминаніе объ ихъ пребываніи въ этихъ мѣстахъ сохранилось въ имени станицы Баговской на р. Ходзь.—*Каракай* есть, очевидно, татарское общество Карачай, занимающее и нынѣ верховья Кубани. Карачаевцы, дѣйствительно, состояли въ зависимости отъ кабардинцевъ.—Названіе *Карабай*—неизвѣстно и не поддается объясненію.

¹¹⁾ Изъ описанія Главани видно, что въ его время первенствующее сословіе, называвшееся по-черкесски *ниши*, по-турецки *бей*, еще стояло во главѣ черкесскихъ обществъ и пользовалось властью надъ народомъ въ дѣлахъ общественныхъ. Около середины прошедшаго столѣтія высшія сословія (*ниши* и *воркэ*) утратили свои политическія преимущества во всѣхъ черкесскихъ племенахъ, за исключеніемъ кабардинскаго, и уравнились въ правахъ со среднимъ сословіемъ свободныхъ людей (*тльбеккуатл*). Объ этомъ переворотѣ см. у *Николая Карлегофа*: „О политическомъ устройствѣ черкесскихъ племенъ“ (Русскій Вѣстникъ, 1860 г., т. XXVIII).

¹²⁾ Титулъ *султана* принадлежалъ всѣмъ членамъ владѣтельнаго дома крымскихъ Гиреевъ.

¹³⁾ *Сипаи* (*sipahi*) или *испаи* называлась конная гвардія турецкихъ султановъ. Она была учреждена султаномъ Орханомъ въ 14 столѣтіи, одновременно съ корпусомъ яничаровъ, и уничтожена во второй половинѣ 17 вѣка при султанѣ Мохаммедѣ IV. У Главани названіе сипаи относится, вѣроятно, къ конной свитѣ черкесскихъ беевъ и крымскихъ принцевъ. Какъ видно изъ отчета, лица этой свиты завѣдывали селеніями отъ имени тѣхъ беевъ и султановъ, при которыхъ состояли.

По словамъ Пейсоннеля сипаги составляютъ у черкесовъ особое сословіе, образовавшееся изъ рабовъ, которые получили свободу. Онъ ставитъ это сословіе выше узденей и утвер-

ждаетъ, что только дворянство и сипаги имѣли право носить оружіе. Вѣроятно сипаги было татарское названіе того сословія вольвоотпущенниковъ, которое у кабардинцевъ именовалось *пшекеу*.

¹⁴⁾ На востокѣ *франками* называются европейцы и преимущественно представители романскихъ племенъ.

¹⁵⁾ Въ подлинникѣ стоитъ здѣсь слово, которое невозможно прочесть; но несомнѣнно, что дѣло идетъ объ известномъ черкесскомъ обычаѣ запивать талью дѣвушекъ въ сафьянъ для придачіи стройности стану и задержки развитія груди, такъ какъ считается неприличнымъ дѣвушкамъ имѣть пышный бюстъ.

¹⁶⁾ Всѣ свѣдѣнія о поклоненіи черкесовъ священнымъ рощамъ и деревьямъ собраны и сопоставлены въ статьѣ моей „Священные рощи и деревья у кавказскихъ народовъ“ (Извѣстія Кавказскаго отдѣла Русск. Геогр. общества, т. V, № 3). Въ этой статьѣ приведена выписка изъ сочиненія Пейсоннеля, бывшаго въ половинѣ прошедшаго столѣтія французскимъ консуломъ при крымскомъ ханѣ, о знаменитомъ деревѣ *панжассанъ* или *панагасанъ* (*panjassan* ou *panagiasan*), въ которому черкесы питаютъ уваженіе, граничающее съ идолопоклонствомъ. Пейсоннель вполне основательно полагаетъ, что названіе дерева происходитъ отъ греческаго слова *панагія* (*παναγία* = пречистая, пресвятая), — имя, которое греки даютъ Богородицѣ (*Peysonnel*, *Traité sur le commerce de la mer Noire*. Paris, 1787, t. II, pp. 3 et 316). Въ дополненіе къ сказанному мною въ упомянутой статьѣ о соединеніи въ поклоненіи черкесовъ деревьямъ и рощамъ христіанскихъ и языческихъ элементовъ, считаю необходимымъ упомянуть здѣсь еще объ одномъ обстоятельстве. На лѣвомъ берегу Терека, въ томъ мѣстѣ, гдѣ рѣка эта прорывается чрезъ южный Кабардинскій хребетъ, находится древнее городище, называемое *Татаръ-тунъ* (= татарскій холмъ). Въ настоящее время на мѣ-

стѣ городища, стоитъ только одинъ высочій кирпичный минаретъ, но еще въ концѣ прошедшаго столѣтія были видны здѣсь развалины мечети, башенъ, двухъ церквей и слѣды обширнаго кладбища. Въ одной изъ этихъ церквей академикъ Гюльденштедтъ могъ еще различить на стѣнѣ изображение Богородицы и Іоанна Крестителя. Городище пользовалось прежде у кабардинцевъ и чеченцевъ величайшимъ уваженіемъ: клятва, произнесенная при Татаргупѣ, считалась священной; преступники, отдававшіеся подъ покровительство Татаргуна, считались неприкосновенными; здѣсь происходили народные собранія и совершались жертвоприношенія. Нахожденіе на одномъ урочищѣ христіанскихъ и мусульманскихъ памятниковъ и совершеніе здѣсь же религиозныхъ языческихъ обрядовъ указываетъ, что въ понятіяхъ кабардинцевъ мѣсто это сохраняло священное значеніе въ теченіе длиннаго ряда вѣковъ. Природный кабардинецъ Шора-Бенмурзинъ Ногмовъ, въ своей „Исторіи Адыгейскаго народа“ (Тифлисъ 1861, стр. 25) говоритъ, что кабардинцы, для подтвержденія истинности чего-нибудь, имѣли обыкновеніе, вмѣсто клятвы, произносить слова: *татаргупъ немжесенъ*, т. е. „да буду въ Татаргупѣ многожды!“ Но переводъ этотъ не имѣетъ буквальный: *немжесенъ* вовсе не значитъ по-кабардински „да буду многожды“. Очевидно, что первоначальный смыслъ выраженія утратился, и оно сохранилось въ народѣ только въ видѣ клятвенной формулы. На это намекаетъ и самъ Ногмовъ, называя это выраженіе пословицей. Мнѣ кажется, что слово *немжесенъ* имѣло у кабардинцевъ такое же значеніе, какъ и у другихъ черкесскихъ племенъ, т. е. *панайя*, съ тѣмъ полухристіанскимъ и полужазыческимъ характеромъ, о которомъ сказано выше. Такимъ образомъ, кабардинское восклицаніе *татаргупъ немжесенъ* означало, по моему мнѣнію, клятву именемъ *татаргупской панайи*. Для окончательнаго разъясненія этого вопроса было бы желательно, чтобы лица, знакомые научнымъ образомъ съ ка-

бардинскимъ языкомъ, высказали свое мнѣніе о возможности объясненія слова *пенжесенъ* элементами этого же языка.

17) Объ особомъ уваженіи черкесовъ къ трупамъ людей и животныхъ, убитыхъ молніей, говорятъ многіе писатели. По словамъ Пейсоннеля (*Traité sur le sommersé etc.* Т. II, р. 3), названіе *кодощъ* дается черкесами и абхазцами священнымъ деревьямъ. Слово это Пейсоннель производитъ отъ еврейскаго *кадошъ* — святой. Путешественникъ Жанъ да Луна, посѣтившій Черкессію около 1637 г., рассказываетъ о *кудоши* (*cusocsi*) или священныхъ мѣстахъ, въ которыхъ можно было видѣть множество бараньихъ головъ, оставшихся отъ курбановъ или жертвоприношеній (см. указанную въ примѣчаніи статью о священныхъ рощахъ и деревьяхъ у кавказскихъ народовъ, стр. 155). Поэтому показаніе Главани о томъ, что названіе *кодощъ* прилагалось черкесами къ пораженнымъ молніей, является весьма вѣроятнымъ; хотя онъ ошибается, называя *кодощъ* божествомъ.

18) *Козъ* (*coz*) есть, очевидно, искаженное авторомъ тюркское слово *кошъ*, означающее временное, походное жилище (шалашъ, балаганъ, палатку) и потому употребляемое также въ смыслѣ лагеря, стана, ставки. Замѣтивъ это слово отъ татаръ, Запорожскіе казаки назвали кошемъ свою главную квартиру, а атамана кошевымъ. Слово *кошъ* и нынѣ означаетъ у горцевъ Сѣвернаго Кавказа временный станъ табунщиковъ, пастуховъ, работниковъ въ полѣ. Въ старое время, когда каждый долженъ былъ остерегаться хищниковъ, черкесскіе князья, выѣзжали со своею свитою въ поле для надзора за жатвою и сѣнокосомъ и для охраненія самихъ работниковъ, табуновъ и стадъ. Такая жизнь въ лагерькѣ (*кошахъ*) продолжалась около двухъ мѣсяцевъ и требовала соблюденія всѣхъ воинскихъ предосторожностей, такъ какъ лѣтнее время было наиболѣе удобно для проявленія молодечества, выражавшагося въ похищеніи людей и отгонѣ скота и табуновъ. По-

добнаго рода хищничество входило въ курсъ воспитанія черкесской молодежи благороднаго происхожденія. Молодые князья отдавались въ самый нѣжный возрастъ на воспитаніе какому-нибудь узденю, который, въ качествѣ дядьки (аталыкъ), былъ обязанъ обучать его военному ремеслу. Для практикы воспитанникъ отправлялся сначала въ недалніе поиски на воровство скота и лошадей, а затѣмъ уже принималъ участіе въ болѣе крупныхъ предпріятіяхъ, въ родѣ похищенія людей, отгона табуна и т. п. Добыча, пріобрѣтенная воспитанникомъ, принадлежала его аталыку. Разсказъ Главани объ особыхъ правилахъ, соблюдаемыхъ при наѣздахъ, и объ условіяхъ, при которыхъ похищенное подлежало возвращенію, требуетъ поясненія. Дѣло въ томъ, что особы княжескаго рода считались у черкесскихъ племенъ неприкосновенными для лицъ низшихъ сословій и всякое покушеніе на нихъ со стороны послѣднихъ влекло за собою жестокое мщеніе и наказаніе. Поэтому понятно, что подвластные, потерпѣвшіе отъ палостей своихъ же молодыхъ князей, не осмѣливались употреблять противъ нихъ силу для отнятія добычи и могли только просить о возвращеніи похищеннаго. Если же оказывалось, что хищники принадлежали въ чужому племени или роду, то преслѣдователи отваживались вступать съ ними въ бой, такъ какъ въ случаѣ убійства чужероднаго князя могли рассчитывать на защиту и покровительство своего владѣтеля.

¹⁹⁾ Главани пишетъ двояко: *Джурлакъ* (giurlak) и *Гюрлакъ* (ghiurlak). По его словамъ это грузинское названіе рѣки, отдѣляющей на югѣ Кавказскій перешеекъ отъ Персіи; слѣдовательно — р. Кура, но самое названіе остается необъяснимымъ и не встрѣчается, кромѣ Главани, ни у одного автора.

²⁰⁾ *Большое море*, Mare Maggiore. Такъ называли италянскіе географы среднихъ вѣковъ Черное море.

²¹⁾ *Кобанъ* — р. Кубань.

22) Имени *кабакъ* не носитъ ни одно подраздѣленіе ногайскаго племени. Надо думать, что Главани, неправильно понявъ слова рассказчика, принялъ слово *кабакъ* за названіе народа, тогда какъ рѣчь шла о какомъ-нибудь ногайскомъ поселеніи. О значеніи слова *кабакъ* см. примѣчаніе ¹.

23) Казаки эти извѣстны подъ названіемъ *некрасовцевъ*. Послѣ усмиренія Булавинскаго бунта, они бѣжали съ Дона подъ предводительствомъ Игнатія Некрасова и поселились на Таманскомъ полуостровѣ въ нѣсколькихъ городкахъ. По Главани это случилось около 1700 года, но показаніе его неточно: извѣстно, что некрасовцы оставили Донъ въ 1708 году.

24) *Казанъ* значитъ по-татарски котель. Такъ какъ каждая семья собирается около своего котла, то численность кочевого населенія опредѣляется количествомъ котловъ.

25) *Комуки*. Тюркскій народъ, извѣстный у насъ подъ именемъ *кумыковъ*, занимаетъ сѣверную часть дагестанскаго побережья Каспійскаго моря приблизительно отъ устья Терека до Дербента. На западѣ они соприкасаются съ чеченцами, аварцами и даргинцами. — *Самгалъ* есть искаженное слово *шамгалъ*, — титулъ, который носилъ владѣтель тарковскій. Въ 1867 г., за отказомъ шамкала Шамсудинъ-хана отъ своихъ правъ по управленію народомъ, владѣніе или шамкальство тарковское вошло въ составъ Темиръ-ханъ-шуринскаго округа Дагестанской области.

26) *Джетсанъ* и *Тиджанъ-бойлукъ* суть искаженныя названія поколѣній ногайцевъ: *Еджсанъ* и *Джембулукъ*. Названіе *Турванъ* мнѣ неизвѣстно.

27) *Ачикбашъ* значитъ по-турецки обнаженная голова. Подъ этимъ именемъ извѣстны у турокъ жители Имеретіи и вообще долины Ріона, которые или вовсе не носятъ никакого головного убора, или же покрываютъ только темя небольшимъ круглымъ кускомъ ткани, который держится посредствомъ тесемокъ, завязываемыхъ подъ подбородкомъ. Уборъ этотъ, на-

зывается *куди* или *папанани*, представляетъ въ точности форму пращи. Турки, считающіе неприличнымъ обнажать голову, не могли не обратить вниманія на странный для нихъ обычай имеретинъ и прозвали ихъ *ачик-башъ* или *баш-ачикъ*, т. е. открытая, обнаженная голова.

²⁸⁾ *Кадаки*. Такого христіанскаго народа нѣтъ за Кавказомъ и не было въ то время когда писалъ Главани. По всей вѣроятности упоминаніе объ этихъ кадакахъ есть отголосокъ показаній средневѣковыхъ путешественниковъ и католическихъ миссіонеровъ о *кайтакахъ* или *кайдакахъ*, жившихъ на Кавказѣ и исповѣдывавшихъ христіанскую вѣру. Въ дѣйствительности народъ, называемый Кайтахъ или Хайдакъ, обитаетъ и понынѣ въ Дагестанѣ. Но въ средніе вѣка названіе это распространялось нѣкоторыми писателями почти на все Закавказье. Такъ, Иосафатъ Барбаро, въ своемъ „Путешествіи въ Тану“, въ 1436 г., говоритъ, что кайтаки занимаютъ все пространство между Мингреліею и Каспійскимъ моремъ. Въ другомъ своемъ сочиненіи „Путешествіе въ Персію“ тотъ же авторъ рассказываетъ, что между кайтаками встрѣчается много христіанъ греческаго, армянскаго и католическаго исповѣданій. Критическій разборъ средневѣковыхъ извѣстій о кайтакахъ и принятіи ими христіанства могъ бы дать много важныхъ указаній для этнографіи и исторіи Кавказа.

²⁹⁾ *Гелинджикъ-лиманъ* есть извѣстная Геленджикская бухта на восточномъ берегу Чернаго моря.

³⁰⁾ *Кафѣскій проливъ*—нынѣ Керченскій проливъ. *Кафа* или *Каффа*, нынѣ Феодосія въ Крыму, который по имени города даже называли у итальянцевъ островомъ Каффа (*isola di Caffa*).

З А М Ъ Т Ь И.

Желая, съ своей стороны, содѣйствовать разъясненію нѣкоторыхъ мѣстъ этого любопытнаго документа, позволяю себѣ въ цѣнныхъ примѣчаніяхъ многоуважаемаго Е. Г. Вейденбаума присоединить и своихъ нѣсколько замѣтокъ.

Къ ²⁾ Преданіе о пораженіи крымскаго хана сохранилось въ Кабардѣ до настоящаго времени, при чемъ оно связано съ именемъ какаго-то хана Мамай. См. статью „Крымцы въ Кабардѣ“, Сборникъ мат. для описанія мѣст. и пл. Кавк. Вып. XII, 1891 г.

Къ слову *Mokosigilan*. Я полагаю, что это слово составляетъ сочетаніе изъ племеннаго названія *махошцы* (махосе) и *жылле-жцалище*, *селеніе* (по аналогіи съ *натхо-куаже*). Махошцы—это было небольшое племя, жившее по близости съ *бесленевцами*.

Къ ¹⁰⁾ *Карабай* можно объяснить перестановкой согласныхъ въ абазинскомъ племенномъ названіи *Баракай*; это былъ небольшой народецъ, жившій къ югу отъ темиргоевцевъ.

Къ ¹³⁾ Въ кумыкскомъ языкѣ *испан* означаетъ *симпатичный*, *испаји-улан* *статный юноша*, *молодецъ*.

Къ ¹⁶⁾ Шора-Безмурзинъ Ногмовъ считалъ слово *пенжесенъ* черкесскимъ. Если, дѣйствительно, объяснять это слово черкесскими корнями (пен или пе—нижне-черкесское слово, соотвѣтствуетъ кабардинскимъ: вод или хе и означаетъ *множество*; сысын—*состоять (быть)* есть собст. гемированный корень сы отъ сыан *быть*), то передачу его по-русски „да буду многожды“ можно бы допустить. Но, конечно, подобный переводъ будетъ натяжкой, и поэтому объясненіе этого слова изъ греческаго *παναγία* вполне основательно. Въ под-

твержденіе того, что христіанское вѣрованіе легко могло сра-
стись съ языческимъ культомъ на почвѣ, съ неокрѣпшимъ
еще христіанствомъ, съ перенесеніемъ даже на эту почву са-
мого наименованія, можно еще сослаться на объясненіе значе-
нія τῆς Παναγίας ὑψώσεως εἰς βοήθειαν πάντων въ прекрасномъ
изданіи: Glossarium ad Scriptores mediæ et infimæ graecita-
tis, Auct. Car. du Fresne, Dom. du Cange, Eff. recens, Vra-
tislaviae 1891, T. I, p. 1087.

Къ ¹⁷⁾ *Кодошъ*. По-кабардински слово кодѣа (вод много,
давно—ѣа прич. ф. гл. ѣы'ан) означаетъ *старинный*—освя-
щенный давнимъ обычаемъ.

Къ ¹⁹⁾ На нарѣчій азербеджанскихъ татаръ вѣрлаѣ
страна по Куръ; подобныя же словообразованія: дагыѣ *го-
ристая страна*, кыштаѣ *зимовка*, јаілаѣ *кочевка*.

Къ ²⁵⁾ *Сафкаль (шамхал)* является у кумыковъ въ фор-
мѣ *шаухал*.

Къ ²⁶⁾ Подъ именемъ *Tourvan* слѣдуетъ, по моему мнѣ-
нію, разумѣть городъ *Дербентъ*: кумыкское нарѣчіе тюреска-
го языка имѣетъ наклонность къ переходу язычно-зубного го-
лосового *д* въ безголосый *т* и губного гол. *б* въ голосовой
же спирантъ *в*; конечное же *д* персидскаго *د* (бенд) не все-
гда слышится.

Л. Г. Лопатинскій.

RELATION DE LA CIRCASSIE

dressée par **M. Xaverio Glavani**, Consul de France en Crimée et p. (remier) medecin du Khan a Bakché-Seray. Le 20 janvier 1724.

Division de la Circassie en Beyliks suivant ces memoires.

noms des cantons	nombre de maisons
Sagaké	500
Ganna	500
Bizedou. Il y a deux beys absolus	1000
Gemirgia al. Gemirgoj. Il y avait deux beys.	2000
Besney alias Bessini	1000 environ
Besskessek abaza-habitations	(Doudarouch. 200)
	Laukazé . . . 200
	Biberdi. . . . 120
	Kimlik 60
	Tram. 40
	} un seul Bey 620
Basslibaj	200
Kabarta.	3000 environ
Kutchuk Kabarta	800 environ
Tauz Soutan Kabak	600 environ
Gilaxan	400 et 5 villages.

RELATION DE LA CIRCASSIE.

La Circassie est divisée en 14 Beyliks ou Cantons tous souverains dans leurs terres. Elle ne depend de personne et n'est sous la protection du Khan de Crimée qu'autant qu'il luy convient, se mocquant de luy s'il demande quelque chose d'extraordinaire a ces provinces. On en a vu un exemple en 1723. Kaplan *) Ghiray Khan de Crimée ayant voulu obliger le canton de Kobarta le plus considerable de tous de luy donner quelques esclaves de plus qu'a l'ordinaire, le peuple prit les armes, on donna une sanglante bataille, ou les tartares furent battus a plate couture, leur Khan meme eut peine a se sauver encore perdit il ses bottes, plus de 5000 tartares furent tués et de ce nombre était une partie des mirzas ou nobles.

Le canton de Kabarta se voyant presque abandonné des autres, il eut recours au Czar de Moscovie. Le Bey envoya son propre fils en otage au Czar et ce jeune homme se fit Chretien. Les autres cantons se declarerent contre celui de Cabarta en faveur de la Crimée avec laquelle ils vivent en bonne intelligence parceque pour les engager a les proteger chaque Bey adopte d'ord(inaire) un prince de la maison d'aligenghi qui est celle de ces Khans et il n'y a point de famille nobles ou de mirza qui n'ayent aussi dans leur maison quelqu'un de ce princes ce qu'ils reputent a Grand honneur **).

*) Le Tigre, il a été déposé par le Grand Seigneur en 1724 ou 1725.

***) N. B. Le Khan envoyé a celui qu'il a choisi pour paratre le jeune prince trois jours après qu'il est né. Le paratre l'eleve comme son propre fils jusqu'a l'age de 15 ou 16 ans alors il faut qu'il luy donne des esclaves et qu'il ne retienne de tout quand une de ces esclaves accouche elle prend le titre de madame... au sujet de depense parcequ'il faut aussi faire une maison a la nouvelle dame.

Les princes de Circassie s'étant donc assemblés en Circassie même au nombre de 52 chacun à la tête de 50 cavaliers faisoient des guerres continuelles aux gens de Kabarta sans pouvoir toutes fois faire grand mal à ce canton qui est situé dans un vallon dont le passage est si étroit qu'il faut y defiler un à un, et que d'ailleurs Kabarta, peut mettre seul 5000 hommes sur pied. Ce canton cependant était las de la guerre parceque l'on enlevait ses bestiaux dès qu'ils allaient paître et qu'ils ne pouvoit ny recueillir ny semer, ce qui avait déjà causé une grande disette.

Le Bey de Kabarta s'appelait Aslan bey *), il avait adopté un fils de Seadet Gheraÿ Khan, aujourd'hui regnant en Crimée, et quoique le Bey se fut mis sous la protection de Moscovie, ce prince nommé Salih Ghereÿ l'alloit voir souvent. Le Bey voyant que le Czar ne lui donnoit point de secours d'hommes mais seulement 10000 roubles pour continuer la guerre contre les tartares, il traita avec le Khan par le moyen de son fils et il obtint son pardon et la protection le 24 decembre de cette année. Salih Ghereÿ vint en Crimée accompagné de Gambolat oglou frere du Bey et de 20 mirzas de plus considerables qui preterent le serment de fidelité au Khan et convinrent de donner 5001 esclaves tant hommes que femmes pour le song des tartares tués en cette guerres, apres quoy ils repartirent le 26 fevrier selon leur style.

La Circassie est située apres le fleuve Couban et s'étend jusques au mont Caucase, vers le Levant, c'est un pays très abondant, la campagne et les montagnes sont charmantes et il y a beaucoup d'eau. Elle confine d'un coté avec les Kalmoucs aujourd'hui sous la protection du Czar et de l'autre avec la mer Caspienne, jusques au chäu (château) de Terk apparten(ant) aux Moscovites, et de l'autre coté avec l'Abaza tiront vers le mont Caucase et s'étendant jusques aux bords de la mer Noire,

*) Son nom de famille est Gonbolat oglou.

et de l'autre côté jusques aux bords du palus méotide, de sorte que cette province se trouve située entre la mer Noire, la mer Caspienne et la mer de Zabakia.

Du côté de la mer Zabakia est le canton appelé *Sagake* il y a un bey et environ 500 maisons qui lui obeissent. Après ce canton est celui de *Ganna* qui est du côté du Levant, il y a 500 maisons et un Bey qui leur comonde, ensuite le canton de *Bizedou*, il est comondé par deux beys qui ont leurs noms séparés et sont egalem(ent) absolus, l'un s'apelle Kimssi et l'autre Kerkinoi, chacun d'eux a environ 500 maisons.

Ensuite vient le canton qu'on appelle *Gemirgia*, il était gouverné autrefois par deux beys, l'un portait le nom du canton et l'autre se nommoit Mokosigilan, aujourd'hui il n'y a qu'un qui porte ces deux titres, il a 2000 maisons a luy soumises.

Au milieu de cette langue ou de cette pointe se trouve le canton de *Besniy*, qui est le plus fertile et le plus abondant en tout. Il est situé dans une plaine, il a environ 1000 maisons et beaucoup de noblesse et c'est le plus beau sang circassien du monde. Les autres cantons estiment beaucoup celui ci soit a cause de la quantité de noblesse soit a cause de la bravoure de ses habitans.

Après ceux cy est le canton nommé *Beskessek Abaza*, les habit(ants) en viennent d'Abaza et se sont mis sous la protection des Circassiens. Leur Bey est circassien, cepend(ant) leur langue et leur origine sont Abazas. Les Beskessek Abaza signifie cinq habitations différentes: la 1-ere habitation s'apelle Doudarouch, il y a 200 maisons. La 2-e Laukazé, il y a 200 maisons. La 3-eme Biberdi, il y en a 120. La 4-e Kimlik, il y a 60 maisons et la 5-e Tram, il y en a 40.

Après ce canton tirant vers la mer Caspienne est le canton *Besslibay*, il a un Bey et 200 maisons.

Le dernier canton tirant vers le Levant et qui confine avec le chateau de Terk qui prend son nom de la riviere Terk

qui passe au pied des murs du chateau est le plus grand et le plus puissant, il s'appelle *Kabarta*, il y a beaucoup de noblesse commandée aussi que 3000 maisons par un Bey.

Du côté des Kalmouks est le canton qu'on appelle *Kutchuc Kabarta* *), il a toujours été fidele a la Crimée, il y a un Bey et 800 maisons.

Du côté du midy proche le Caucase est le canton nommé *Tauz-Soultan Kabak* il y a un Bey et 600 maisons. Ensuite vient le canton de *Gilaxan* qui est au bas du mont Caucase, il y a un bey et 400 maisons. Il y a aussi sur le Caucase cinq villages dependant de ce Beylik.

*Le 1-er **)* canton parmi les circassiens est *Cegem*, il depend de *Kabarta* et a 500 maisons le 2-e s'appelle *Duger Talkaregi* il depend aussi de *Kabarta* et a 500 maisons, le 3-e s'appelle *Ebagi Baraki* il depend de *Bessini* et a 200 maisons, le 4-e s'appelle *Karakay* il depend de *Kabarta* et a 200 maisons, le 5-e *Karabay* il depend de *Gemirgoj* et a 600 maisons. Voila le detail de tout le pays des Circassiens et de leurs Beyliks et chaque Bey est absolu dans son Beylik quoiqu'ils sont presque toujours sous la protection du Khan de Tartarie. Et cela parcequ'ils se sont laissé tromper trop legerement par les Khans: un Khan leur a envoyé un de ces enfents, l'autre Khan leur en a envoyé deux, l'autre trois, et peu a peu ils sont aujourd'hui gouvernez par des sultans malgré eux yl y a aujourd'huy dans le pais des circassiens 52 sultans tous capable de porter les armes, les plus miserables, a une suite de 50 valets tous bien monté et bien armés, et ils sont tous unis ensemble touchant le gouvernement de la Circassie, et pour tenir en frein le peuple, de sorte que les circasses sont comme les esclaves des sultans. Tous les Beys ont pour ainsi dire adopté un sultan, les emirzas les plus opulents en ont aussy chacun

*) Petit *Kabarta*.

***) Copié mot a mot

un dans leur maisons, qui ferment la bouche aux chefs et au peuple. Leur gouvernement est peu de chose, parceque leur sujets sont quasy leurs esclaves, quand leur Ispaÿ veut, il prend un de ses sujets et le vend à qui bon luy semble, sans que personne puisse luy rien dire, il vend cet home comme son sujet et comme un bien quy luy appartient, chaque Ispaÿ a un ou deux villages a luy, et meme leur Bey n'a auqu'un pouvoir sur ces villages, quand quelqu'un de ses esclaves tombe en faute, le Bey envoie prendre le maitre de ce village et luy ordonne de chatier son sujet ou son esclave selon la faute ou le crime qu'il a commis; tous les ans lorsqu'ils veulent envoyer a la cour de la Crimée les esclaves hommes et femmes qu'ils sont obligés d'envoyer tous les Ispays s'assemblent chez leur Beys, qui les taxe selon les villages qu'ils ont ensuite chaque ispaÿ va dans son village et prend ceux et celles qui luy plait, sans que pere, mere, ni parents puissent rien dire, au contraire, ils en sont bien aise, parcequ'ils disent que dans leur pays ils seraient esclaves toutes... *), et lorsque on les envoie ailleurs, ils peuvent un jour avoir leur liberté, les ispaÿs portent donc ces gens la a leur Beÿs qui les envoient au Khan. Leurs manières ressemblent assez a celles des francs, iis sont civils et saluent toujours le bonnet a la main, les femmes sons celles qui recoivent les etrangers chez eux et leur font honnetetés, ils mangent a la franque sur une table, avec des chaises rangées autour, les femmes se piquent d'avoir une belle taille et elles portent un espece de cort (corset?) a leur mode, leur habille-ment sont quasy comme ceux des femmes turques, ils mangent beaucoup de viande et peu de pain qui est fait avec de la farine de milliet, ils n'ont point de vin, mais ils font beaucoup d'eau vie de grain, des pommes, des prunes et d'autres fruits.

Pour leur religion je n'en puis rien dire, parcequ'ils en ont plusieurs, ils observent le sabat, le dimanche et vendredi;

*) Пропускъ въ подлинникѣ.

ils font les paques avec les chretiens et le Bayram avec les turcs, disant que tout est bon. Ils n'observent aucun jeunne, lorsqu'ils sont avec les chretiens, et quand ils sont avec les turcs, ils disent qu'ils sont turcs, et font de meme avec toutes les autres religions. Dans la Circassie chaque canton a un endroit qu'ils croient etre sacré et c'est ordinairement dans un bois ils choisissent le plus grand arbre pour leur Dieu et l'apellent *penekassan* ils vont tout devant cet arbre faire leurs prières, quand quelqu'un meurt, il laisse son sabre, son fusil et son habit a *penekassan*, on les portes avec ceremonie et on les pend sur cet arbre ou sur un autre, de sorte que depuis tant de tems ce bois est plein de toute sorte d'armes et d'habits et d'autres choses, il ne foute pas apprehender que personne aille toucher a quelque chose, ils enterent leurs morts a cet endroit la et font leur ceremonies. Si le tonnere tue quelqu'un homme ou femme ou quelque animal ils regardent ce corps comme une divinité qu'ils apellent *kodos*. Un homme ou une femme qui a commis un crime ou un homicide, s'il peut ce sauver dans le bois de *penekassan* et prendre quelque hallions de ce qui est pendu dans ce bois pour s'en faire une cravatte echape le chatiment, parcequ'il est sous la protection de leur Dieu. Il est arrivé que des turcs qui etaient esclaves parmi les circassiens se mirent sous la protection de *penekassan* et furent d'abord mis en liberté. Seulement il faut remarquer que l'esclave aussy bien que le criminel n'est sauvé et en liberté qu'autant que le morceau de toile ou d'hallions qu'ils ont attachés a leur cols dure, les esclaves n'attendent pas que ce chiffon pourrisse, de qu'ils sont libres ils tachent de sortir du paÿs. Le circassiens sont doux, affables, civiles et ils ont de très belles jeunesses, ils aiment les etrangers tant qu'ils sont dans leurs maisons, mais, s'ils se trouvent en campagne, ils courent risque d'etre fait esclave, ils ne connaissent aucune sorte de monnoye dans ce paÿs la ils ne font aucun negoce; ils sont fort adroits, d'abord

qu'ils voient quelque chose, ils s'imitent sans l'avoir jamais vu faire. Leur femmes travaillent tres bien en broderie et font tous ce qu'ils ont besoin pour leur usage, sons etre obligés de rien faire venir de dehors. L(es) jeunes gens ont une tres mauvaise maxime, d'abort que le printems vient et que l'herbe est assez forte pour nourrir les cheveaux, toute la jeunesse c'est-a-dire les emirzas et la noblesse forment des companies de 50 et 100 hommes cha-qu'une, et vont dans les campagnes donner le vert ou l'herbe a leurs cheveaux, ils apellent cela *Koz* en leur langage, ils battent la campagne, boivent et mangent, ils font des detachment de dix braves cavoliers a la fois et les envoient dans d'autres cantons, ces coureurs s'arretent au premier village qu'ils trouvent, ils se cachent dons des broussoilles et sur le soir lorsque les enfants, filles ou garçons viennent pour prendre de l'eau, ils se jettent sur les enfants, choisissent les plus belles et les plus beaux, en prennent deux trois, les mettent en croupes, et courent a toute bride jusques a ce qu'ils soient hors de limites de ce canton, mais si les parents joignent les coureurs avant qu'ils soient hors des limittes, ils leurs rends les enfont, sons faire aucune resistance. C'est la leur coutume et lorsque ces compagnies des coureurs font quelques esclaves, il y a des marchands armeniens qui sont connu et auxquels les beys donnent des sauf-conduits, ces marchands vont avec toute sorte de marchandises propres pour le paÿs et troquent avec des esclaves, ces marchands savent le tems que ces gens la font les courses qu'ils apellent *Koz* et qui durent 40 jours. Passé les 40 jours tout le monde se retire dons la villages et dons les villes. Bien vetus, ils ne peuvent pas rester plus de 40 jours dans cette course, ce *Koz* ou course et permise à tout les cantons, et ils ne peuvent enlever que 3 esclaves de chaque village, encore fout il qu'ils soient jeunes et non mariés, si les personnes qu'ils ont enlevées sont mariées la prise n'est pas bonne et on les vend.

Cette coutume est très ancienne parmy eux et s'est per-

petuée jusque aujourd'hui, un jour je demanday a un Bey circasse d'ou vient qu'ils permettent cette course a la noblesse. Il me répondit: nous n'avons point d'argent dont notres pays, ni de marché, comment voulez vous que notre jeunesse s'habille, nous n'avons aucune sorte d'étoffe, mais les marchands viennent avec de marchandises ou tems de la course, et nous fournissent de tout ce que nous avons besoin, que fait a un ispahy, si on lui volle 3 enfants chaque année, en devient il plus pauvre pour celá, ces esclaves acouchent tout les ans et les remplacent, et par cette course notre jeunesse et bien vetue tout l'année. Si les ispahy pert 3 esclaves peustres que ces enfont, enlvent davantage dans un autre canton ainsy c'est un echange, qu'un conton fait avec un autre et de cette maniere nous entretenons toujours notre jeunesse sur les armes.

La polygamie n'est pas permise parmy eux, ils ne peuvent avoir qu'une seule femme, mais le Bey a quelque intrigue avec quelqu'une des ces esclaves, s'il a un enfont de cet esclave il n'est pas legitime et on l'envoie pour present au Khan de la Crimée, ou bien on le vent. Si le Bey meurt sans avoir de successeur, l'enfont batart ne peut print succeder au beylik, mais le baylik posse a une autre famille.

Le vol et le larcin est permis parmy eux. Les circasses n'ont ni lettres, ni livres, ni loy et ne veulent rien savoir, ils disent cependant que les cantons circosses sont depuis le tems que les genoís etaient maitre de la peninssulle de la Crimée et aujourd'hui encore il y a de ces familles qui portent le nom franc. Je suis meme de cette oppinion parceque leur langage est un italien corompue et lorsqu'ils parlent ils serrent les dents comme commes les genoís, et toute leur coutumes presque sont a la franques. On trouve plusieurs auciennes eglises avec des inscriptions, mais on ne sait pas quelle sort d'ecritures c'est. On trouve sur des anciens tombeaux des croix, il me semble que ce sont des croix latines.

Depuis le fleuve Tanais ou Don, qui separe l'Asie d'avec l'Europe jusques a la riviere que les georgiens apellent *Giurlak*, ce n'est qu'une langue, d'une part, et de l'autre c'est la mere Caspienne, de l'autre le Palus Meotide, et de l'autre cotee la grande mer qui fait du terrain comme un isle, elle est inconnue des voyageurs parcequ'il y a la 50 nations differentes qu'etant toutes barbares et toutes absolus, c'est pour cela que personne n'a pu penetrer jusques la, et d'ailleurs aussytot que quelq'un est pris, il est fait esclave. Je fis tout mon possible pour scavoir distinctement les noms de toutes les nations je priay meme le Khan de cela, il me dit dans quelque tems un homme doit venir de Koban il pourra vous donner les eclaircissements que vous souhaitez, quelques jours après cet homme arriva, il est tartare nogay, je l'envoia chercher et après luy avoir donné le caffè et de tabac, je le priay de me donner quelques eclaircissement des differentes notions qui se trouvent sur cette pointe ou langue, le bon viellard me repondit, qu'il y avait 80 ans qu'il habitoit sur ce bras de terre, que son pere y etait mort agé de 114 ans, que ny son pere, ni luy n'ont jamais pu scavoir quelles etoient toutes ces nations, mais je vous diray seulement aprochont ce que je scai, commençant par Azov qui est au pouvoir du G. Seigneur et qui est situé aussy sur cette longue ou bras de terre.

Les turcs sont la près la reviere Tanaÿ, après les turcs et entre la riviere Tanaÿs et celle du Koban il y a une nation qui est idolatre et qui est soumise aux moscovittes, cette nation s'apelle *Kalmouk*, quoyqu'il y ait plusieurs nations qui sont Kalmouks audela de la riviere Volga et qui sont soumises aux moscovittes, après les kalmoucs il y a une nation des tartares nogay, qu'on apelle *Kabak*, derriere eux est la riviere Koban, le long de cette riviere il y a environ dix mille maisons des kozoques qui etaient sujets des moscovittes et qui ont quitté il y a 28 ans la Moscovie. Ils se sont mis sous la pro-

tection du Khan de la Crimée, cette nation s'appelle Gelal Kazak, ils restaient auparavant le long de la rivière Tanaÿs. Après ceux cy sont les nogaïs, qui occupent le païs depuis l'endroit où la riviere Koban ce decharge dans le palus Meotide jusqu'a Terk. On fait compte qu'il y a cent mille *Kozans* c'est a dire familles. Après les nogaïs sons les 14 cantons circassiens. Après les Circassie sont les *Komouks*, qui composent trois nations differentes, la plus puissante s'appelle *Safkal*, qui est le nom de leur Khan, et qui est aujourd'huy sous la protection des moscovittes, les autres deux nations sont les montagnes de Terk, mais comme elles sont quosy inpraticables elles, se sont maintenues jusques aujourd'huy dans une espece d'indépendance. Après ceux cy sont les moscovittes qui habitent dans le chateau de Terk, et après eux on trouve une nation mahomettanne appellée *Getsan*. Ensuite on trouve une autre nation appellée *Tigan boïluk*, un autre apellée *Tourvan*. Ensuite le peuple de Daghiston qui font trois nations differentes, qui on chacun leur khan particulier, qui gouverne absolument, après eux sont les Lesquis qui ont un khan, cette nation est tres nombreuse, on compte qu'ils sont plus de trente mille familles, ils habitent au bout du mont Caucase, d'un coté ils confinent avec la Perse, et de l'autre coté avec la Georgie.

Ce bon vieillard qui m'a donné toute cette information me dit aussy qu'étant avec les lesghis il s'en fut avec eux en Georgie pour tacher de faire quelques esclaves (metier ordinaire de ces gens la), en traversant le mont Caucase ils trouverent des habitations, ils s'aprocherent croyant de trouver quelque buttin, mais ils trouverent toutes ces habitations vuides, ils chercherent partout pour voir s'il y avait quelqu'un mais ils ne trouverent personne, ils resterent la toute la nuit et le lendemain matin ont s'apperçut qu'il manquoit cinq hommes de la compagnie qui etait composé de 300 hommes. Le commandant leur ordonna de rester la pour chercher les 5 hommes qui

manquoient, ils parcoururent de tout coté et il fut impossible de pouvoir trouver seulement la trace par ou ils avaient passé, de sorte qu'ils furent obligés de passer encore la toute cette journée. La nuit le capitaine leur ordonna de faire bonne garde, vers minuit ils entendirent un grand bruit ils accoururent d'abord a cette voix, tout bien armés, ils trouverent deux de leur camarades qui etoient quasy a demy-mort et qui a peine pouvoit parler, ils leur firent seulement signe avec la main d'aller a eux. Comme la nuit etoit fort obscure et l'endroit quasy impraticable, ils ne peuvent rien voir ni trouver, en s'en retournant a leur parte ils entendirent une autre voix, et comme la grande quantité de nege qu'il y avait dons cet endroit la les empechoient de pouvoir marcher huit personnes des plus braves de la compagnie coururent du coté de la voix et trouverent huit personnes, ils les prirent et comme l'endroit etait tres difficile pour descendre on les lia, avec grand peine, on les fit glisser jusques en bas, on les mena a l'endroit ou la compagnie avait passé la nuit et on les presenta au capitaine, qui avait encore un peu de lumiere, on examina ces gens la, qui etoient tout nuds, velus, avec des long cheveux et une taille plus petite que la taille ordinaire, le visage plustost tirant sur le roux, que sur le blanc, et qui parloient un langage tout different. Leur capitaine ordonna qu'on les fit mourir, on les mena a l'ecart et on les assoma. On demanda ensuite aux personnes de la compagnie qu'on avoit retrouvés comment la chose s'etait passé, ils repondirent qu'etont sortis hors de l'hobitation pour quelque besoin, ils furent attaqués par ces gens la qui etoient plus de 50 et des qu'ils furent saisis d'eux, ils les mordirent comme des chiens, ils commencerent a crier, et comme ils s'appercurent qu'on venoient a eux, ils ont disparu d'abord, voila tous ce que nous sçavont ont dit) ces deux personnes, qu'on visita par curiosité et on trouva que tout le corps etait plein de morsures. Il me repondit que les habitants de cet

etroit la sont des antropophages. Ce vieillard m'a jure qu'il etoit present et que tout ce qu'il ma dit est la pure verité.

De l'autre part de la montagne on trouve d'abort la Mingrelie, ils sont idolatres et son gouvernes par un Khan, apres eux sont les *atchikbach*, qui sont aussy idolatres. Cette nation est tres nombreuse et on dit qu'elle peut mettre cinquante mille homme sur pied, tout braves gens. Ils sont gouvernez par un Khan.

Après ceux cy sont les *Kadaks*, ils sont chretiens et ont des monasteres et des eglises, suivent le rit grec. Apres les *Kadaks* sont les 24 beys abazas qui sont tous absolus, ils commencent depuis la mer *magiore* et viennent confiner avec les circasses jusqu'au port appellé *Gelingikliman*, c'est un bon port et les genoisy y avaient anciennement un port, aujourd'huy le G. Seigneur a commencé a faire battre un chateau, c'est un bon port et une armée navale peut iverner a l'abry de toutes sortes de vent, cet port est entre les abazas et la Circassie, est éloigné de 50 lieux de detroit de Caffa.

Ce bon vieillard me dit encore qu'il y a plusieurs autres nations que nous ne connoissans point, mais toutes celles que je vous ay nommés sons connues, independantes gouvernés despotiquement et chaqu'une a un langage particulier qui n'est point, entendu des autres.

On compte 180 heures de chemin depuis le detroit de Caffa jusques a la mer Caspienne, c'est là la lorgeur de cette longue ou de ce bras de terre, qui va jusques'a la riviere Ghiurlak, qui separe ce bras de terre d'avec la Perse, on compte qu'ils y a 230 heures de longueur. Voila toute l'information que j'ay pu avoir de tout ce país la.

Copie extrait sur une traduction du memoire ou roy communiquée par M. Dalion.

a Constantinople le 6 janvier 1727.

ЗАМѢТКА

О ТРЕХЪ АРМЯНСКИХЪ НАДПИСЯХЪ,
помѣщенныхъ въ XIII выпускѣ Сборника.

Въ указанномъ выпускѣ Сборника, между прочимъ, было сообщено о трехъ армянскихъ надписяхъ. Въ переводѣ ихъ вкралась нѣкоторая неточность. Существенная погрѣшность состоитъ въ томъ, что одно весьма интересное нарицательное имя „апуриш“ надписи 1228 года превращено въ собственное. Выясненію значенія этого съ перваго взгляда темнаго слова и посвящена настоящая замѣтка; но кстати дѣлаются и другія поправки.

Двѣ надписи начала XIII вѣка (стр. 144, пр.) никакъ нельзя считать подложными; это — акты, выѣвленные на стѣнахъ церкви, о сложеніи съ жителей Ширака извѣстныхъ поборовъ. Исходятъ они отъ Захариды атабега Иванэ, въ составѣ владѣній котораго, въ числѣ другихъ княжествъ, входилъ весь Ширакъ съ царственнымъ Ани во главѣ.

Владѣнія Захаридовъ обнимали такой обширный районъ, и Захариды въ нихъ пользовались такою самостоятельностью, что главы ихъ, особенно столь выдающіеся, какъ Иванэ, фактически были царями въ своей землѣ и по временамъ такъ и титуловались въ надписяхъ *), напр. въ надписи на церкви Кызь-Килисэ въ Ани. Посему нѣтъ основанія заподозрѣвать подложность самихъ надписей, если въ нихъ Хомакъ, жена Иванэ, отличавшаяся честолюбіемъ и носившаяся съ мыслию насильственнымъ путемъ объединить армянъ и грузинъ на ре-

*) См. также Исторію Степана Орбеяна (изд. Шагнаваряна, Парижъ, 1859 г., р. 140), гдѣ собесѣдникъ атабега Иванэ обращается къ нему словами: *«цц шцршцц»*, о царь!

лигіозной почвѣ, охотно провозглашала себя въ актахъ, писанныхъ на армянскомъ языкѣ „царицею грузинъ и армянъ“: во владѣніяхъ ея мужа, присоединившагося къ греческой церкви, жили и грузины и армяне.

Надо сказать, что текстъ надписей давно изданъ (Н. Саргисянъ, *Տեղագրութիւնք ի Փարս և ի Արծ շարս*, Венеція, стр. 170—171=Л. Алишанъ, *Շիրակ*, Венеція, стр. 10), а въ трудѣ покойнаго армениста Н. Эмина (Армянскія надписи въ Карсѣ, Ани и въ окрестностяхъ послѣдняго, Москва 1881) вмѣстѣ съ текстомъ данъ и русскій переводъ (стр. 51—52), хотя также съ недочетами въ самыхъ интересныхъ пунктахъ.

Въ подлинникѣ одной изъ надписей (1231 года) мы, между прочимъ, находимъ объясненіе, на какомъ основаніи называла себя Хошакъ царицею: „Въ 680 (=1231 по Р. Х.) году волею Божьею я, атабекъ Иванъ, и я, [супруга] Хошакъ, властвующая надъ симъ краемъ, населеннымъ грузинами и армянами *), и посему **) царица, сложили съ сельчанъ Верхняго Ширака.. мельничныи сборъ и поборы въ пользу крѣпости... и освободили изъ рода въ родъ, чтобы вымолить у Бога долголѣтіе нашихъ родныхъ, старшаго мандатора Шаһншаһа и главнокомандующаго (амир спасалара) Авага отъ... Отнынѣ кто нарушитъ [сей указъ], да будетъ проклятъ Всевышнимъ Богомъ и приметъ злую мзду Іуды и Каина, а исполнители—да будутъ благословенны небесными (собственно: божественными) Силами“.

Замѣтимъ, что не только для описываемой поры, когда владычество монголовъ отодвинуло на второй планъ роль грузинъ, но и раньше, въ самый разцвѣтъ грузинскаго царства,

*) Дословно: „надъ симъ доможъ грузанъ и армянъ“.

**) *Սուլիս* тѣмъ же въ смыслѣ посему нельзя считать обычнымъ оборотомъ, и Л. Алишанъ могъ поставить при немъ вопросительный знакъ, какъ и сдѣлалъ, но не было основанія толковать *Սուլիս* въ смыслѣ *այդին*, какъ это допустилъ Н. Эминъ, въ своемъ переводѣ (I. с., стр. 51).

выхваченныя изъ рукъ мусульманскихъ правителей армянскія земли не теряли самостоятельности во внутреннихъ дѣлахъ и оставались при завѣщанныхъ вѣнами правахъ: успѣху грузинскаго оружія въ названныхъ областяхъ немало содѣйствовало сочувствіе армянъ къ грузинамъ, какъ братьямъ по религіи, и особенно симпатіи ихъ къ царствовавшему въ Грузіи дѣду, который, въ корни находясь въ родствѣ съ армянскими Багратидами, и позднѣе возобновлялъ это родство путемъ браковъ. Правда, непосредственное сближеніе съ грузинами и церковныя недоразумѣнія охлаждали ихъ взаимныя отношенія, но сами цари грузинскіе отлично понимали положеніе дѣла, и, мирясь съ нимъ, прилагали всѣ усилія, чтобы согласовать чаянія армянъ со своими видами. Однимъ изъ шаговъ этой ихъ политики была передача армянскихъ владѣній въ руки именитыхъ полководцевъ армянскаго происхожденія, на которыхъ армяне смотрѣли какъ на своихъ повелителей, и которые въ свою очередь умѣло пользовались своимъ положеніемъ во славу своего рода. Въ армянскихъ документахъ, высѣченныхъ на камняхъ въ самый періодъ Захаридовъ, открываются любопытныя данныя по этому вопросу, но о нихъ въ другомъ мѣстѣ, а пока перейдемъ къ надписи со словомъ „апуриш“, гласящей въ переводѣ, сдѣланномъ для Сборника (стр. 144, пр.): „1228 года. По волѣ Божьей, я, атабекъ Иванъ и Хошакъ, царица грузинская и армянская, ради долгой жизни нашихъ родныхъ: мандатора Хуцеса Шаһнъ-Шаи и великаго полководца Авака, уступили селенію Ширакъ (Б. Шурагель) казенный лугъ „Апуриши“ и т. д.

Переводъ Н. Эмина (I. с., стр. 51) въ этомъ мѣстѣ ближе къ истинѣ, но точнаго пониманія однако не находимъ и у него, разъ нарицательныя имена имъ также обращены въ собственныя, ибо читаемъ: освободили изъ рода въ родъ отъ податей въ Ширакъ находящіяся деревни—Арурешъ и Джерсакъ“ и т. д.

Мы принуждены привести текстъ:

Ի Թ. Աձէ շնորհին Աստուծոյ եւ աթաբակ Իւանէ և Խոշակս վրաց և հայոց Թագոհի վասն յիրկար կենդանութեան հարազատաց մերոց մանդատութեա խուցես Շահնշահի և ամիրսպասարար Աւագին Թողաք զգեղիս Շիրակա զուպուռիշի և զԶրուահին բաժն յորպեցէ յորպիք՝ ազատ ի բաժէն: Արդ եթէ դք յետ մեր ի մեծամեծաց կամ ի փոքունց զգիրս հրամանաց մերոց խափանել ջանա, յաստուածային փառացն և ՅԺԳ հայրապետացն նզովեալ եղիցի ի մահ և ի կեանք. իսկ հաստատողքն վարձս բարեաց ընկալցին ի Գրխատոսէ Աստուծոյ մերո. ամէն: Այս բանիս պատճառ զուզէն եղև Յխաւաին օրդին. ձեռնաւորն. Խոցարեղ գրիչ:

Уже Л. Алишанъ слово „ануринъ“ внесъ въ списокъ податей (I. c. p. 91) и отчасти уважалъ его этимологию: „такъ какъ налогъ *ապուռիշ* употребленъ рядомъ съ налогомъ *Զրուահ* (а *Զրուահ* джрсаһ по-армянски, прибавимъ мы съ своей стороны, значитъ *льющийся воду* или *изливаніе воды*), то, кажется, оно означаетъ также налогъ на воду въ связи съ персидскимъ *) словомъ „ап“ (вода). Тѣмъ не менѣе слово это у о. Алишана снабжено вопросительнымъ знакомъ. Понятно, ни *Զրուահ*, ни *ապուռիշ* не означаютъ какаго-либо вида налога, а суть лишь самые предметы обложения и, какъ зависящіе отъ *բաժ փոխմա*, а въ данномъ случаѣ *поборы*, одинаково стоятъ въ родительномъ падежѣ.

Извѣстно, за пользованіе оросительными каналами на Востока вѣщалась опредѣленная плата; въ Персіи сборъ, взимаемый съ земледѣльцевъ и садовниковъ за пользованіе водопроводами, всегда представлялъ весьма важную статью дохода, какъ для частныхъ владѣтелей, такъ для государственной казны (I. Fraser, Narrative of a Journay into Khorasan in the years 1821 and 1822, London 1825, pp. 79 и 211).

*) У Л. Алишана стоитъ *արարաւոր* арабскимъ, надо полагать, по простому *larvus calami*.

Въ числѣ многихъ путешественниковъ, тракующихъ о томъ же предметѣ, обращу вниманіе на сообщеніе Шардена (Voyages du Chevalier Chardin en Perse, Nouvelle éd. par Langlès, Paris 1811). По его словамъ (V, pp. 398—399) между доходами царской казны сборъ съ воды въ Персіи занимаетъ пятое мѣсто. Различаютъ четыре вида воды: два надземныхъ—ключевой и рѣчной, и два подземныхъ—колодезной и водопроводной (IV, p. 96).

Въ послѣднемъ случаѣ вода откапывается у горы и при посредствѣ подземныхъ каналовъ کاریزъ *kārīz* отводится къ требуемому мѣсту на разстояніи 8—10 лье и болѣе (ib.). Какъ водопроводная, такъ колодезная вода стекаетъ въ бассейны, откуда она распределяется для тѣхъ или другихъ нуждъ, главнѣйше для орошенія. Бралась ли вода изъ этихъ искусственныхъ водоемовъ или непосредственно изъ родниковъ и рѣкъ, во всѣхъ случаяхъ при распределеніи ея имѣлся центръ, *откуда шла вода*: подобный центръ или водораздѣлъ поперсидски естественно было назвать *аб-рѣз*—*aquam fundens* *), и это названіе въ народномъ произношеніи заимствовавшихъ его армянъ и вульгарной орографіи, столь свойственной позднѣйшимъ армянскимъ эпиграфическимъ памятникамъ, могло явиться въ видѣ *աբրիշ* *apuriš* нашей надписи. Стоящее рядомъ съ нимъ въ текстѣ слово *Ջրահ* *džrah* имѣетъ такое же точно значеніе и является такимъ образомъ лишь армянской глоссой чужеземнаго слова. Мы воспользовались словомъ *водоеть*, конечно, условно для передачи его на русскій языкъ въ нижеслѣдующемъ переводѣ:

„Въ 677 (=1228 по Р. X.) году Божьей милостью я атабегъ Ивалъ и я Хошакъ, царица грузинъ и армянъ, сложили

*) Изъ четырехъ специальныхъ значеній *آبریز*, указанныхъ всего въ Персидско-Латинскомъ словарѣ Вуллера, къ нашей дѣли отчасти подходитъ послѣднее: *puteus, qui effoditur ad petendam aquam, quae in balneis, culinis simil. adhibetur.*

съ этого села Ширака водоемные поборы, (чтобы быть селу) свободнымъ изъ рода въ родъ отъ этого налога во здравіе нашихъ родныхъ, старшаго мандатора Шаһншаһа и главнокомандующаго (амир-спасалара) Авага. Итакъ, кто изъ великихъ или малыхъ, послѣ нашей смерти, попытается нарушить этотъ нашъ писанный указъ, да будетъ проклятъ въ смерти и жизни славою Божества и 318-ью патріархами (=отцами Никейскаго собора), исполняющіе же его пусть пріимуть добрую мзду отъ Христа Бога нашего. Аминь. Это дѣло устроилъ сподручный Гоганъ, сынъ Цхата. Писецъ Хоцадегъ“.

Приходится довольствоваться приблизительной передачей *сподручный* при переводѣ слова *ձրմանոր* дзернавор, точное значеніе котораго пока не выяснено, хотя извѣстно, что такъ назывались въ Арменіи служащіе по администраціи; послѣднее обстоятельство, очевидно, упустилъ изъ виду Н. Эминъ, передавая *ձրմանոր* чрезъ *искусный*.

Касательно третьей надписи (Сборникъ, стр. 149—150) мы будемъ кратки; въ болѣе обстоятельномъ и точномъ видѣ, хотя все же съ опечатками, воспроизведена эта надпись послѣ выхода въ свѣтъ Сборника въ статьѣ на арманскомъ языкѣ М. Смбага „Краткое описаніе нѣсколькихъ монастырей („Норъ-Даръ“, 1893 г. № 18).

Мелкихъ недочетовъ перевода, помѣщеннаго въ Сборникѣ (стр. 149—150), не касаюсь, но заключительная часть его можетъ внушить мысль, что эта надпись, вложенная въ виршахъ во вкусѣ позднѣйшихъ стихотворцевъ, существовала на церкви еще во времени Григорія Просвѣтителя; я думаю такъ пойметъ всякій слѣдующее мѣсто перевода:

„Св. Григорій, пришедшій и увидѣвшій Номоса, утвердилъ сіе въ 305 г. по Р. Х. и снялъ копію сей надписи“.

Номось (*по тексту, изд. въ „Норъ-Даръ“*: Номась) „одинъ изъ учениковъ Вареоломея, гробъ котораго, по мѣстному преданію, находится въ Акулисахъ“ въ нашей надписи

есть греческое слово νόμος законъ, и вся послѣдняя часть надписи въ переводѣ должна гласить: „Когда св. Григорій явился, то, увидѣвъ постановление апостола *), утвердилъ его (постановленіе) собственноручной подписью и скрѣпилъ провѣтїями (нарушителей). Въ 305 г. по Р. Х. Просвѣтитель написалъ подлинникъ **) сего акта, который былъ положенъ (на храненіе) здѣсь (въ монастырѣ)“.

Конечно, заключительную фразу *πρ ἡμῶν ἐκτελέσθη* можно отнести къ *ἀπὸ τῆς ἐκκλησίας* и понять такъ, что Григорій Просвѣтитель написалъ подлинникъ сей надписи, которая помѣщена здѣсь (на церкви), однако нечего и говорить, что Просвѣтителю не можетъ принадлежать редакція нашей надписи, но послѣдняя могла быть составлена, хотя бы отчасти, на основаніи древняго документа, хранившагося въ монастырской ризницѣ или библіотекѣ.

Н. Марръ.

С.-Петербургъ.
16 апрѣля 1893 г.

*) Въ изданіи М. Сибата вмѣстѣ слово *πρὸς τὸν ἀπὸστολὴν* апостола, опущенное въ Сборникѣ.

**) *ὑπογράφει* можетъ означать и *копию*, но надо судить по контексту, какое значеніе придано этому слову въ томъ или иномъ случаѣ.

ОТДѢЛЪ II.

ПОВѢРЬЯ НОГАЙЦЕВЪ

Мансуровскаго селенія, Баталпашинскаго отдѣла, Кубанской области.

I.

Кое-что о ногайцахъ, вмѣсто предисловія.

Ногайцы, по сохранившимся въ народѣ преданіямъ, пришли изъ Азіи вмѣстѣ съ Чингизъ-ханомъ. Долгое время они жили въ Астраханскомъ царствѣ и только послѣ присоединенія его къ Россіи, какъ народъ кочевой, стали бродить со своими многочисленными стадами по свободнымъ, богатымъ растительностью, степямъ Сѣвернаго Кавказа. Впослѣдствіи они обратились въ осѣдлыхъ жителей, поселившись на берегахъ Кубани, обоихъ Зеленчуковъ—Большого и Малаго и въ низовьяхъ Урупа и Лабы. Ихъ племя здѣсь было многочисленное, но въ недавніе годы значительная ихъ часть выселилась въ Турцію. Въ настоящее время изъ остатковъ ихъ образовалось всего только четыре аула: Тахтамышевскій, Мансуровскій, Ураковскій и Карамурзинскій ¹⁾. Первые два находятся на Маломъ Зеленчукѣ, а послѣдніе на лѣвомъ берегу рѣки Кубани.

Ногайцы весьма миролюбивы и тихи, но на чужое очень падки. Впрочемъ, крупное воровство между ними бываетъ сравнительно рѣдко, но украсть что-нибудь изъ плодовъ или овощей они не считаютъ даже за преступленіе.

Попить и поѣсть на даровщину—это у нихъ въ обыновеніи. Если только аульные жители замѣтятъ, что къ кому-нибудь пріѣхалъ гость, то непременно туда явится, безъ вся-

¹⁾ Не считая ногайцевъ Терской и Дагеставской областей.

каго приглашенія, человекъ десятокъ и даже больше, надѣясь полакомиться остатками угощенія, котораго всегда готовится, принимая въ расчетъ и непрошенныхъ посѣтителей, достаточное количество.

На свадьбы же или на какое-нибудь другое семейное празднество они являются, тоже безъ всякаго приглашенія со стороны хозяина, почти всѣмъ ауломъ.

Если заглянуть къ кому-нибудь изъ состоятельныхъ князей, то у нихъ всегда можно найти въ урочные часы для ѣды нѣсколько человекъ прихлебывателей, стоящихъ почти-тельно у порога и чающихъ остатковъ княжескаго завтрака, обѣда или ужина. Кромѣ одноаульныхъ завсегдатаевъ, всегда бываютъ три-четыре человека приѣзжихъ, гостящихъ у нихъ по недѣлѣ и долѣе. Такіе субъекты, преимущественно изъ узденей-пролетаріевъ, круглый годъ гостятъ гдѣ-нибудь и перѣзжаютъ отъ одного князя къ другому, оставаясь обыкновенно по нѣскольку дней и даже недѣль на чужихъ хлѣбахъ, при чемъ кормятъ и свою лошадь на счетъ хозяина. Это дармоедство вкоренилось у нихъ вслѣдствіе сильно развитого между горцами гостепримства. Если же кто не придерживается законовъ гостепримства, того всѣ презираютъ и считаютъ скупцомъ и гауромъ.

II.

Сотвореніе земли и человека.

Вначалѣ Богъ сотворилъ воду и огонь. Вода находилась подъ огнемъ, отъ чего она сильно кипѣла. Когда же пѣна, происшедшая отъ кипѣнія, образовала весьма толстый слой, съ неровною поверхностью, то Господь уничтожилъ огонь и изъ пѣны сотворилъ землю со всѣми въ ней находящимися минералами; отъ вадутостей же пѣны образовались горы съ предгорьями, ущельями и долинами.

Земля покоится на огромной рыбѣ, оставшейся подъ пѣной въ водѣ; вода—на камнѣ, а камень опять на водѣ. Дальше

уже простирается неизвестность, о которой разумъ человѣка, по волѣ Создателя, не можетъ знать ничего опредѣленнаго.

Изъ огня Господь сотворилъ видимый нами свѣтъ и всѣ свѣтила небесныя; изъ свѣта же создалъ безчисленное множество ангеловъ, обязанностью которыхъ—безпрекословно исполнять волю Творца.

Сотвореніе человѣка объясняется слѣдующимъ образомъ: Господь послалъ одного изъ ангеловъ на землю принести горсть земли для того, чтобы изъ нея сотворить человѣка, но принесенная ангеломъ земля не была годна для сказанной надобности. Затѣмъ былъ посланъ другой ангель, который принесъ такую же неудобную землю, и только третій ангель доставилъ подходящую для этой цѣли землю, изъ которой Богъ и сдѣлалъ форму человѣческаго тѣла, внутри котораго была совершенная пустота, какъ у глинянаго кувшина. Когда же, по повелѣнію Божію, собрался всѣ ангелы, то стали въ недоумѣніи спрашивать, что это за вещь и что въ ней заключается. Тогда Господь повелѣлъ одному изъ ангеловъ войти внутрь этого изображенія и узнать, что тамъ находится. Ангель, исполнивъ волю Творца, объявилъ, что, кромѣ пустоты, онъ ничего не замѣтилъ.

Послѣ этого Господь, чтобы показать свое могущество, вдунулъ въ глиняную форму свой всеильный духъ, и изображеніе сдѣлалось настоящимъ человѣкомъ и начало тутъ же славить своего Создателя. Тогда Господь объявилъ ангеламъ, что это онъ сотворилъ господина земли и всего на ней находящагося, и приказалъ всѣмъ имъ два раза поклониться новому творенію. Одинъ изъ старшихъ ангеловъ воспротивился этому, говоря: „не подобаетъ сотвореннымъ изъ свѣта кланяться сотворенному изъ земли!“ Такъ онъ и не поклонился съ легиономъ подчиненныхъ ему ангеловъ, за что Господь, разгнѣвавшись, превратилъ ихъ въ діаволовъ, которыхъ ввергнулъ въ преисподнюю, поставивъ ихъ ниже всякой твари земной.

Поэтому-то отверженные ангелы, т. е. діаволы, считая виновникомъ своего сверженія человѣка, вѣчно враждуютъ съ нимъ, стараясь всячески унизить его предъ Всевышнимъ Творцомъ.

III.

Народный взглядъ на небо, небесныя свѣтила и физическія явленія природы.

Небо сотворилъ Богъ на нашей землѣ изъ неизвѣстныхъ никому веществъ. По Его приказанію, четыре ангела подняли небо вверхъ и тамъ раздѣлили на семь отдѣльныхъ небесъ, одно отъ другого отстоящихъ на огромномъ разстояніи. На небѣ находится самъ Аллахъ съ безчисленнымъ сонмищемъ ангеловъ, исполняющихъ волю Всемогущаго Творца. Небо своими краями упирается въ края земли, куда никто изъ живущихъ не можетъ проникнуть.

Земля имѣетъ тарелкообразную форму, на которой расположены моря, озера, рѣки и источники, а также горы, лѣса и равнины; все это предназначено для пользованія человѣка.

Солнце и мѣсяцъ не что иное, какъ шары огненные; солнце предназначено для освѣщенія и согрѣванія земли днемъ, а луна—для освѣщенія ея ночью.

Затменіемъ какъ солнца, такъ и луны Богъ даетъ знать людямъ о томъ, что они погружены въ беззаконія и безбожіе: видя развращенность человѣчества, Богъ закрываетъ на время отъ нихъ свѣтила небесныя, угрожая, вмѣстѣ съ тѣмъ, возможностью навсегда ихъ скрыть отъ грѣшниковъ, если они не раскаются и не обратятся на путь истины. На основаніи этихъ вѣрованій всѣ магометане спѣшатъ, по зову муллы, въ мечети для общественной молитвы, въ коей испрашиваютъ прощенія отъ Бога во всѣхъ своихъ прегрѣшеніяхъ.

Звѣзды служатъ оружіемъ въ рукахъ Творца и Его ангеловъ; послѣдніе ими поражаютъ злыхъ духовъ, старающихся изъ всѣхъ силъ взобраться на небо, чтобы взглянуть на ве-

личіе Всевышняго; поэтому, паденіе звѣздъ означаетъ не что иное, какъ бросаемыя ангелами въ шейтановъ огненные шары.

Кромѣ одиночнаго, бываетъ и массовое вторженіе злыхъ духовъ на небо. И тутъ уже воинство небесное ополчается на нихъ *трамомъ* и *мамисей*. Но громъ собственно происходитъ отъ паденія нечистыхъ духовъ на землю, которое совершается при слѣдующихъ обстоятельствахъ: когда шейтаны собираются на небо, то они становятся одинъ на другого, образуя живую лѣстницу; поражаемые же молніей, брошенной ангелами, они падаютъ стремглавъ, при чемъ производятъ громоподобные звуки.

Появленіе *кометы* предвѣщаетъ или войну, или голодъ, или моръ на земли, чаще же всего великое переселеніе народовъ; чѣмъ длиннѣе хвостъ у кометы, тѣмъ больше бѣдъ стгнй будетъ на землѣ. Комету тоже они считаютъ предостереженіемъ Божиимъ отъ грѣхопаденія.

Млечный путь означаетъ русло высохшей небесной рѣки, изъ которой во время всемірнаго потопа вылилась вся вода на землю, чтобы потопить все живущее на ней, кромѣ Ноа (Ноя) и всѣхъ бывшихъ съ нимъ въ ковчегѣ. Высохшее русло небесной рѣки въ настоящее время блѣдетъ и свѣтится отъ безчисленнаго множества оставшихся въ немъ драгоценныхъ камней.

Земля стоитъ *неподвижно* на одномъ мѣстѣ, а всѣ небесныя свѣтила—солнце, луна и звѣзды вращаются вокругъ нея.

Витеръ на землѣ производитъ обурь-вуртка (волшебница-старуха), имѣющая постоянное мѣстообитываніе на востокъ; она, по желанію своему, переносится незримо для насъ въ различные концы земного пространства. Волшебница эта въ свѣтѣ занимаетъ средину между Божествомъ и злыми духами, т. е. она не такъ добра, какъ Божество, но и не такъ зла, какъ нечистые духи: она дѣлаетъ человечеству и добро и зло. Если обурь-вуртка дуетъ не далѣе трехъ дней, то это она очищаетъ воздухъ отъ разныхъ вредныхъ испаре-

ній, накопившихся въ немъ отъ гнилыхъ болотъ и другихъ нечистыхъ мѣстъ, а если она дуетъ долѣе, то это она дѣлаетъ уже въ гнѣвъ, недовольная родомъ человѣческимъ, и въ такомъ состояннн она иногда своими ураганами причиняетъ людямъ страшный вредъ и громадныя опустошенія. Кроме того, она въ своемъ ожесточеннн даже набрасывается на солнце и луну, закрывая собою ихъ благодѣтельный свѣтъ отъ людей и всего живущаго на землѣ.

Дождь объясняется слѣдующимъ образомъ: облака и дождевыя тучи состоятъ изъ губкообразнаго вещества, имѣющаго свойство всасывать въ себя влагу; пресыщенные влагой и гонимыя вѣтромъ тучи опускаются къ землѣ; тогда онѣ, согласно волѣ Аллаха, по громовому голосу ангела, ими управляющаго, разряжаются дождемъ. Освободившись такимъ образомъ отъ влаги, облака опять возвращаются на небо; въ свое постоянное мѣстопробыванн, гдѣ они, невидимыя для человѣка, отдыхаютъ до поры до времени.

Градъ происходитъ отъ находящихся въ неизвѣстныхъ мѣстахъ ледяныхъ горъ; оттуда тучи набираютъ куски льда и выбрасываютъ его, въ видѣ града, на тѣ мѣстности, которыя подвергаются наказанн за беззаконн людей.

Туманъ происходитъ отъ пара, выходящаго изъ земли.

Роса также выходитъ изъ земли и осѣдаетъ на растенняхъ и другихъ предметахъ для освѣженн ихъ отъ дневнаго жара.

Иней является въ холодъ и морозъ отъ причинъ, для насъ непостижимыхъ.

IV.

О сверхъестественныхъ существахъ: албасты, джинахъ и др.

Въ лѣсахъ водятся *албасты*—женщины громаднаго роста, имѣющня мужей и дѣтей. Тѣло ихъ покрыто волосами и имѣетъ ту особенность, что пятки обращены впередъ. Дѣтей онѣ носятъ на спинѣ и кормятъ, подавая имъ сосать чрезъ плечо огромныя свои груди.

Онѣ водятся въ неприступныхъ лѣсахъ и дебряхъ. Иногда онѣ нападаютъ и на человѣка, когда онѣ приближается къ ихъ излюбленному мѣсту. Но если человѣкъ, встрѣтившись съ албасты, скажетъ нѣсколько разъ „былырга“, т. е. прошлогодній, или очкуромъ отъ своихъ шараваровъ ударить ее, то она тотчасъ же отъ него удалится, въ противномъ же случаѣ она зацечочетъ его до смерти. Если какимъ-либо образомъ встрѣтившійся съ нею человѣкъ сорветъ съ нея клочъ шерсти и положить въ коранъ, то она, обратившись въ настоящаго человѣка, явится къ нему и будетъ служить ему, какъ самая вѣрная раба, до тѣхъ поръ, пока ей не удастся похитить изъ корана свою шерсть.

Есть повѣрье, что албасты могутъ вступать въ сожителство даже и съ человѣкомъ, что видно изъ нижеприведенной легенды.

Въ давнее время среди ногайцевъ былъ замѣчательный охотникъ, по имени Кутлукай. Одинъ разъ онъ, охотясь на звѣря, заблудился въ лѣсу и принужденъ былъ ночевать въ непроходимой чащѣ.

Сидя ночью у разложеннаго костра, охотникъ слышитъ, по треску валежника, что кто-то къ нему приближается. Полагая, что это какой-нибудь звѣрь, Кутлукай схватилъ ружье и приготовился встрѣтить его выстрѣломъ. Вдругъ изъ чащи вышли къ нему два какихъ-то безобразныхъ чудовища. Кутлукай, произнеся „былырга“, сдѣлалъ по нимъ выстрѣлъ, отъ котораго они скрылись опять въ чащу лѣса.

Утромъ Кутлукай увидѣлъ на снѣгу кровь и слѣды албасты, по которымъ онъ и пошелъ отыскивать свою жертву. Долго онъ шелъ по лѣсной чащѣ; наконецъ, подошедши къ высокой скалѣ, увидѣлъ въ ея углубленіи албасты, плачущую надъ трупомъ своего мужа Агачъ-Англи (такъ называются мужья албасты). Замѣтивъ приближавшагося охотника, она его

приманила къ себѣ знаками и попросила помочь ей предать землѣ тѣло мужа.

Послѣ похоронъ, албасты предложила ему замѣнить ей убитого имъ мужа; въ противномъ же случаѣ, она поклялась всю жизнь преслѣдовать его страшною местию.

Кутлукаю ничего другого не оставалось дѣлать, какъ согласиться на ея предложеніе; однако, онъ себѣ выговорилъ право посѣщать овой родной аулъ; въ свою очередь, она взяла съ него клятвенное обѣщаніе никогда не заглядывать въ отверстіе, находящееся у всѣхъ албасты въ правомъ боку, чрезъ которое видна вся внутренность тѣла.

Проживши совмѣстно нѣкоторое время, Кутлукай замѣтилъ, что его необыкновенная сожительница находится въ интересномъ положеніи, и, подстрекаемый любопытствомъ, заглянулъ въ запретное отверстіе, во время глубокаго сна своей супруги. Послѣдняя, какъ бы отъ прикосновенія электрическаго тока, моментально вскочила и посмотрѣвъ на него долгимъ сострадательнымъ взглядомъ, проговорила: „Несчастный, что ты сдѣлалъ и зачѣмъ ты нарушилъ данную мнѣ клятву? За такое преступленіе ты долженъ бы поплатиться жизнью, но ради будущаго нашего ребенка я тебя прощаю. Ты долженъ все-таки навсегда разстаться со мною, и если родится у меня дитя женскаго пола, я оставлю его у себя, а если мужскаго, то отдаю тебѣ“.

Уличенный въ клятвопреступленіи, Кутлукай со стыдомъ возвратился въ свой родной аулъ, гдѣ и предался мирной жизни наряду со своими односельцами.

Однажды во время какого-то народнаго празднества вся молодежь собралась на краю аула. Трескъ ручныхъ трещетокъ, заунывные звуки зурны и двухструнной скрипки, называемой „кобузошъ“, разливались въ чистомъ вечернемъ воздухѣ. Парни и дѣвушки, предавшись веселью, отплясывали на пропалую, между тѣмъ какъ сидящіе подъ саклями старики

съ грустью вспоминали о давноминувшемъ времени своей молодости.

И вотъ, въ самый разгаръ веселья, предъ закатомъ солнца, показалась изъ лѣсу по дорогѣ къ аулу албасты. При магическомъ звукѣ этого имени, произнесеннаго кѣмъ-то изъ замѣтившихъ ее, все вдругъ стихло и оцѣпенѣло. Всѣми овладѣлъ панический страхъ. Моментально всѣ бросились въ аулъ и на опустѣвшемъ мѣстѣ остался одинъ Кутлукай, знавшій о цѣли посѣщенія албасты; онъ отправился навстрѣчу послѣдней. Увидѣвши приближавшагося къ ней Кутлукай, она положила ребенка на землю и, произнеся его имя „Идыге“, удалилась обратно въ лѣсъ.

Кутлукай, взявши къ себѣ ребенка, напелъ ему кормилу и завялся его воспитаніемъ. Быстрый ростъ и неимоверная сила этого ребенка удивляли всѣхъ; придя въ возрастъ, онъ уже не находилъ равнаго себѣ по силѣ и по героической отвагѣ. Слава объ его подвигахъ равнеслась далеко за предѣлы ногайскаго племени, и князья и владѣтели другихъ народовъ искали его дружбы и союза.

Отъ него-то и произошли потомъ всѣ ногайскіе князья, фамиліи которыхъ и до сего времени сохранились; но по прямой линіи его потомками считаются только *Мансуровы*.

Въ поляхъ и развалинахъ заброшенныхъ жилищъ живутъ *Джины*. Это духи добрые: они никому безъ причины не дѣлаютъ зла. Они имѣютъ образъ человѣка и только при тщательномъ осмотрѣ можно отличить ихъ отъ него: пальцы у нихъ на рукахъ и ногахъ безъ суставовъ, а носъ безъ внутренней перепонки, т. е. обь одной ноздрѣ.

Джины принадлежатъ къ двумъ религіямъ: одни покровительствуютъ мусульманамъ, а другіе христіанамъ. Каждый изъ нихъ зорко слѣдитъ за тѣмъ, чтобы человѣкъ одной съ нимъ религіи не осквернилъ той страны свѣта, въ которую обыкновенно обращаются при молитвѣ. Такъ, если мусульманинъ

при исполненіи своихъ естественныхъ потребностей обернется на югъ, а христіанинъ—на востокъ, то джинъ тотчасъ же наказываетъ провинившагося невидимымъ ударомъ, причиняющимъ человѣку какое-нибудь увѣще. Людямъ же благочестивымъ и никогда ничѣмъ не оскорблявшимъ джиновъ онъ помогаетъ во всѣхъ какъ полевыхъ, такъ и домашнихъ работахъ. Особенное же покровительство ихъ распространяется на скотоводство.

Водяной духъ называются *судынъ-исес*, т. е. хозяинъ воды. Онъ живетъ въ большихъ моряхъ, гдѣ во многихъ мѣстахъ имѣетъ подводныя жилища и дворцы. Подъ его властью находится безчисленное множество служащихъ ему низшихъ водяныхъ духовъ, которые живутъ по всѣмъ болѣе значительнымъ рѣкамъ. Они вылавливаютъ утопленниковъ, имѣющихся у каждаго изъ нихъ арканомъ и доставляютъ въ моря въ своему повелителю. Иногда, во время переправы черезъ рѣку, они нападаютъ на людей, не очистившихся установленнымъ омовеніемъ, и невидимымъ для нашихъ глазъ арканомъ тащутъ несчастныхъ въ рѣчной омутъ.

Другіе духи, называемые *сипаушъ*, проживаютъ на кладбищахъ въ могилахъ умершихъ; они имѣютъ образъ высокаго и очень тонкаго худого человѣка, съ длинными волосами, и отличающагося отъ послѣдняго только тѣмъ, что совсѣмъ не имѣютъ глазъ. Они ходятъ всегда ощупью и часто забираются въ находящіяся вблизи кладбищъ жилища; проникаютъ они туда черезъ запертыя двери и окна и обираютъ всѣ съѣстные припасы до-чиста, а иногда даже похищаютъ и деньги изъ замкнутыхъ сундуковъ. Многіе будто бы видѣли этихъ духовъ на кладбищахъ въ очень темныя и тихія ночи, когда ослѣнительно бѣлое тѣло сипаушей издаетъ отъ себя фосфорическій свѣтъ.

Вѣру въ существованіе вышеописанныхъ духовъ нельзя ничѣмъ поколебать, такъ какъ сами мушлы, не менѣе на-

рода невѣжественные и суевѣрные, поддерживаютъ ее среди темной массы. Иные даже, чтобы поднять еще больше свое вліяніе въ народъ и прослыть ясновидцами, на которыхъ народъ смотритъ съ особеннымъ уваженіемъ, увѣряютъ, что они имѣли случай видѣть этихъ духовъ и даже вступать съ ними въ объясненія.

V.

О знахарствѣ и обрядностяхъ во время народныхъ бѣдствій.

Между ногайцами сильно развита вѣра въ знахарей или шептунговъ, называемыхъ *жени*. Въ каждомъ аулѣ найдется одинъ или два такихъ жени, преимущественно изъ муллъ или мало-мальски грамотныхъ людей, безсовѣстно эксплуатирующихъ больныхъ.

Прежде всего они берутъ изъ дома больного черную курицу, по которой будто бы угадываютъ исходъ болѣзни, а затѣмъ уже берутся лѣчить больного за условленное вознагражденіе. Лѣченіе ихъ состоитъ изъ чтенія, утромъ и вечеромъ, надъ больнымъ какихъ-то никому непонятныхъ молитвъ, составленныхъ будто бы на арабскомъ языкѣ, при чемъ чрезъ извѣстные промежутки времени они дуютъ на больного, силевывая на землю. Кромѣ того, они даютъ микстуру; матеріаломъ для составленія ея служатъ у нихъ нѣкоторыя травы, сердце и печень черной курицы, сероки и удода. Наконецъ, они увѣшиваютъ больного амулетами съ ногъ до головы и преимущественно въ тѣхъ частяхъ тѣла, въ которыхъ чувствуется боль. Тотъ изъ жени пользуется большимъ авторитетомъ народа, который можетъ свое лѣченіе обставить большею таинственностью. Нѣкоторые изъ нихъ пользуются такою извѣстностью, что къ нимъ пріѣзжаютъ иногда за сотню верстъ.

Жени также занимаются ворожбою на бобахъ и окрашенныхъ въ различный цвѣтъ камешкахъ, съ цѣлью открытія пропавшихъ и уворованныхъ вещей.

Къ русскимъ докторамъ и лѣварствамъ ногаецъ имѣеть такое отвращеніе, что скорѣе умреть, нежели обратится къ доктору или приметъ лѣварство. Это отвращеніе вселяетъ въ нихъ невѣжественное духовенство, не желающее выпустить изъ своихъ цѣпкихъ рукъ практики шарлатанскаго лѣченія.

При появленіи какого-либо народнаго бѣдствія—засухи или эпидемической болѣзни устраиваютъ *джасака* или *курманлык*; онъ бываетъ мужской и женскій, но женскій, какъ болѣе интересный, я хочу объяснить подробнѣе. Женскій курманлыкъ состоитъ въ томъ, что двѣ или три женщины, избранныя для этой цѣли, обходятъ весь аулъ, собирая пожертвованія, состоящія изъ муки, пивена, всякой живности и денегъ. Въ назначенный же день женщины и дѣвушки всего аула собираются къ рѣкѣ, принося съ собою, изъ съѣстнаго, что что можетъ; туда же привозится и все собранное накануне.

Разводятся костры и начинается стряпня: пекутся пышки, варится въ огромныхъ котлахъ мясо, жарятся шашлыки. Приглашенное духовенство начинаетъ богослуженіе, состоящее въ чтеніи просительныхъ молитвъ; по окончаніи молитвъ всѣ присутствующія женщины раздѣляются на группы, на которыя и дѣлится все приготовленное, при чемъ откладываются самые лучшіе куски для духовныхъ лицъ. Въ каждой группѣ раздается все полученное, и тутъ же на мягкой травѣ съѣдается, а оставшіяся кости сносятся къ кострамъ и сжигаются или закапываются въ землю, чтобы собаки, нечистыя животныя, не съѣли и тѣмъ не осквернили священнаго торжества. При дѣлежѣ въ воздухѣ стоитъ невообразимый шумъ и гамъ, доходящій иногда до ссоры и даже потасовки.

Кромѣ всего описаннаго, во время засухи молодыя женщины и дѣвушки приносятъ ведра и чашки, изъ которыхъ по окончаніи обѣда начинаютъ обливать водою другъ-друга, а также всякаго встрѣчнаго и поперечнаго. Въ особенности

достаётся незнающему народнаго обычая и завѣвавшемуся на развернувшуюся предъ его глазами картину: на него польются цѣлые потоки воды. Знающій же ихъ обычай можетъ отдѣлаться отъ этого удовольствія или нѣсколько ослабить его двумя средствами: стремительно пронесшись верхомъ чрезъ цѣпь стоящихъ съ ведрами ногаетъ или откупившись—разбрасывая направо и налево мелкую монету. Последнее средство вѣрнѣе и довольно забавное: на деньги всё бросаются съ удивительною жадностью, при чемъ вся посуда съ водой, при сваливѣ, опрокидывается, отъ чего подъ ногами образуются грязныя лужи, въ которыхъ барахтаются женщины, давя другъ-друга; тѣмъ временемъ, проѣзжающій, пользуясь общою суматохою, имѣетъ возможность миновать представившееся ему препятствіе.

Мужчины же, кромѣ духовенства и мальчиковъ до пятнадцатилѣтняго возраста, въ женскомъ джасахъ не участвуютъ.

Во время страшныхъ эпидемій бываютъ и другія болѣе торжественныя обрядности, какъ на примѣръ, въ 1892 году, при появленіи азіатской холеры.

Жители аула Мансуровскаго, по совѣту вышесказанныхъ жени и духовенства, устроили слѣдующую обрядность.

Еще съ вечера, подъ 12-е августа, всё жители аула были предупреждены, чтобы никто изъ нихъ не выѣзжалъ изъ аула на полевыя работы. 12-го августа, около 10 часовъ утра, собрались къ рѣкѣ всё мужчины и женщины, куда вывели и приготовленную на этотъ случай совершенно черную корову. Корова эта была оцѣнена въ 17 рублей, и деньги за нее тутъ же были собраны для уплаты хозяину. Затѣмъ корову связали, положивъ ее возлѣ вырытой ямы. Послѣ этого началось общее просительное богослуженіе объ отвращеніи Аллахомъ надвигающагося страшнаго бѣдствія. По окончаніи богослуженія и молитвеннаго омовенія, корову зарѣзали, положили ее такъ, что кровь изъ нея истекала въ яму, куда по-

томъ были зарыты внутренности ея и кости. Къ этому времени былъ приготовленъ плугъ со впрыженными въ него 6-ю быками и старая сабля.

Когда съ полей былъ согнанъ въ аулъ весь скотъ и снята съ священной коровы кожа, процессія тронулась вокругъ аула въ слѣдующемъ порядкѣ: впереди два молодые муллы съ пѣніемъ волочили за уши коровью кожу; за ними плугъ проводилъ глубокую борозду, по которой мулла свади чертилъ саблею; позади всего два эфендія, съ кораномъ въ рукахъ, читали нараспѣвъ; шестіе замыкали всѣ жители аула — старъ и малъ, по временамъ, по знаку эфендіевъ, громогласно произнося священныя слова корана: „Аминь, Аллахъ!“ Очертивъ бороздою аулъ, шестіе закончилось тутъ же на берегу рѣки общественнымъ обѣдомъ, состоявшимъ изъ варенаго мяса священной черной коровы.

Кромѣ этого, эфендіемъ была написана какая-то охранительная молитва на доскуткахъ бумаги и вручена каждому домохозяину, которые и привѣсѣли эти бумажки на дверяхъ своихъ сакель, въ полной увѣренности, что холера теперъ пощадитъ ихъ семью.

Завѣдующій Мансуровскимъ нормальнымъ
сельскимъ училищемъ *М. Алейниковъ.*

НАРОДНЫЕ ОБЫЧАИ И ПОВѢРЬЯ ГУРІЙЦЕВЪ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Перечень въ хронологическомъ порядкѣ нѣкоторыхъ праздниковъ, отличающихся характерными особенностями, съ указаніемъ на послѣднія.

НОВЫЙ ГОДЪ, КАЛАНДА *) (ახალი წელიწადი, კალანდა).

Канунъ Нового года (შუღოცვა, ცხემლის ჭრა) — день молитвъ, день рубки граба.

Новый годъ (праздникъ св. Василія Великаго), судя по той торжественности, съ которою его встрѣчаютъ въ Гуріи, безъ преувеличенія можетъ быть названъ народнымъ праздникомъ въ этомъ краѣ.

Приготовленія къ встрѣчѣ Нового года въ Гуріи начинаются за 3—4 недѣли до его наступленія. Они состоятъ, главнымъ образомъ, въ откармливаніи свиней и птицъ, которыя рѣжутся утромъ 31 декабря, т. е. наканунѣ Нового года. Каждая семья откармливаетъ для Нового года одну свинью и такое число куръ, которое равняется числу душъ обоого пола въ семьѣ; сверхъ того еще — одну курицу (большею частью, каплуна), такъ называемую „сабасилобо“, т. е. ту, которая поѣдается всеми членами семьи за обѣдомъ въ день св. Василія Великаго, на Новый годъ.

Откармливаемыя куры бываютъ разной величины. Такъ, для дѣтей откармливаются цыплята, тоже равныхъ возрастовъ,

*) Не подлежитъ сомнѣнію, что слово *коляда*, *коланда* и гурійское *каланда* — одно и то же и заимствовано какъ славянами, такъ и гурійцами отъ римлянъ или византійскихъ грековъ въ отдаленныя времена.

соотвѣтственно возрасту самихъ дѣтей, а для взрослыхъ членовъ семьи—большія куры, кашлунны и пѣтухи.

Откармливаемыя куры помѣщаются въ плетеное изъ прутьевъ цилиндрѣ (Бѣлѣ), высота котораго бываетъ тѣмъ больше, чѣмъ для большаго количества куръ онъ предназначается. Плетенка бываетъ рѣдная: прутья на столько далеки другъ отъ друга, что иногда цыплята пролѣзаютъ между ними. Съ одной стороны оставляются четырехугольныя отверстія такихъ размѣровъ, чтобы курица, даже пѣтухъ, свободно могла просунуть чрезъ нихъ голову; число этихъ отверстій должно соотвѣтствовать числу куръ, которыя будутъ посажены въ плетенку. Въ одномъ изъ оснований цилиндра оставляется отверстие, въ которое курица могла бы пролѣзть свободно.

Цилиндръ этотъ укрѣпляется въ курятникѣ у стѣны въ горизонтальномъ положеніи на подставкахъ такъ, чтобы отверстія для головъ пришлись со стороны, противоположной стѣнѣ. Вдоль цилиндра, немного ниже отверстій, укрѣпляется, тоже въ горизонтальномъ положеніи, узенькое корытце, или, вѣрнѣе, желобъ, съ закрытыми концами.

Когда эта плетенка установлена надлежащимъ образомъ, въ нее сажаютъ нужное количество куръ, послѣ чего отверстие задѣлывается. Куръ сажаютъ въ плетенку обыкновенно самый полный членъ семьи: по повѣрью народа, тогда куры лучше разжирѣютъ.

Въ корытце насыпается кормъ (кукуруза), и наливается вода. Ъсть и пить курамъ дается больше, чѣмъ имъ нужно, благодаря чему онѣ, находясь въ плетенкѣ почти безъ движенія, чрезъ 3—4 недѣли откармливаются на славу. Курамъ иногда даютъ и вареную кукурузу, но путемъ опыта дознано, что куры, откормленныя невареною кукурузою, хотя и не имѣютъ столько жира, сколько откормленныя вареною, но имѣютъ мясо далеко вкуснѣе мяса послѣднихъ.

Индюковъ и гусей откармливаютъ или на свободѣ, пу-

темъ усиленной дачи пищи, или на привязи, или взаперти. У откармливаемыхъ птицъ большія перья изъ крыльевъ и хвоста обыкновенно выдергиваютъ: по повѣрью народа, онѣ вслѣдствіе этого лучше жирѣютъ.

Свиной откармливаютъ въ хлѣвѣ, устройвъ для этого въ углу послѣдняго небольшую загородку; запираютъ же туда свинью, чтобы лишить ее движенія, и даютъ ѣсть (кукурузу) чрезъ мѣру, благодаря чему она въ нѣсколько недѣль такъ откармливается, что не можетъ даже подняться.

Закланіе свиньи ко дню Василія Великаго находятъ въ жизни Гурійцевъ оправданіе въ слѣдующемъ преданіи, дошедшемъ до насъ и не лишенномъ остроумія, почему я и не нахожу лишнимъ привести его.

По этому преданію, употребленіе въ пищу свиного мяса всѣмъ христіанамъ разрѣшено съ того времени, когда св. Василій Великій благословилъ свинью; благословилъ же онъ свинью по слѣдующему случаю. Однажды св. Василій Великій заспорилъ съ Магометомъ о томъ, кто лучше умѣетъ творить чудеса. Св. Василій Великій сказалъ, что онъ ударитъ жезломъ объ скалу, и оттуда потечетъ вода, а Магометъ на это отвѣтилъ, что онъ воткнетъ свою палку въ землю, и изъ послѣдней вытечетъ вино. Въ условленное время св. Василій Великій ударилъ жезломъ объ скалу,—изъ нея потекла вода и образовался родникъ. Послѣ сего Магометъ пригласилъ св. Василія Великаго въ то мѣсто, гдѣ у него были зарыты заранѣе бурдюки съ виномъ; приходятъ къ указанному мѣсту и видятъ: о, ужасъ! всѣ бурдюки откопаны и распороты свиньями, а вино, конечно, разлито *).

Такимъ образомъ былъ побѣжденъ Магометъ, благодаря свиньямъ, почему онъ и проклялъ ихъ: оттого его послѣдова-

*) У армянъ Бакинскій губерніи это преданіе существуетъ въ нѣсколько измѣненномъ видѣ: вмѣсто св. Василія является Іисусъ Христосъ, а вмѣсто вина—молоко (сообщено А. И. Калашевымъ).

тели, по словамъ преданія, и не ѣдятъ свинины; а св. Василий Великій, наоборотъ, благословилъ свинью (поросенка), при чемъ придавилъ ногою кончикъ хвоста къ землѣ. Съ того именно времени, по повѣрью гурійцевъ, кончикъ хвоста у всѣхъ свиней со дня рожденія плоскій, и свинина стала употребляться въ пищу всѣми христіанами.

Вотъ почему на Новый годъ, въ день св. Василия Великаго, гурійцы не обходятся безъ свинины.

Канунъ Новаго года, называемый въ Гуріи „шелодва“, „цхемлисъ чра“, вся семья гурійца, начиная съ часа и даже двухъ до разсвѣта, до самаго вечера, проводитъ въ большихъ хлопотахъ: всѣ куры, которыя съ такимъ стараніемъ откармливались въ теченіе 3—4 недѣль, рѣжутся одна за другой до единой кѣмъ-либо изъ членовъ семьи (мужчинъ), именно тѣмъ, у котораго „болѣе счастливая рука“, а женщины принимаются чистить ихъ, для чего въ громадномъ котлѣ (если куръ много) кипятъ вода.

По очисткѣ куръ, на разсвѣтѣ, плетенка (ᄃᄃᄃᄃ), въ которой откармливались куры, вмѣстѣ съ выметеннымъ въ то утро соромъ, выбрасывается въ рѣку, въ кручу или просто, если таковыхъ нѣтъ по близости, въ лѣсъ и никогда въ домъ обратно не берется и ни на что, даже какъ топливо, не употребляется. По понятію народа, удаленіе его, вмѣстѣ съ соромъ, означаетъ изгнаніе изъ дому всѣхъ невзгодъ и неприятностей отходящаго въ вѣчность года. Когда плетенку выносятъ изъ дому, то приговариваютъ: „да не будетъ въ нашемъ домѣ никакой болѣзни, никакого несчастія до тѣхъ поръ, пока мы тебя не вернемъ въ этотъ домъ“.

На разсвѣтѣ рѣжется свинья (впрочемъ иногда свиной рѣжутъ и днемъ раньше) и шпарится, а затѣмъ,—разрѣзанная на составныя части, варится въ большомъ котлѣ, разомъ или по частямъ. Въ этотъ же день готовятъ сырыя дрова изъ вѣтвей граба для слѣдующаго дня, а такъ какъ въ

этотъ день рубятся, готовятъся грабовныя дрова (грабъ—рцхила, цкемла, рубить, срѣзывать—чра), то его и называютъ „цкемлисъ-чра“ (ცემლის ჭრა).

Женщины, очистивъ куръ отъ перьевъ и отдѣливъ отъ нихъ потроха (голову, ножки и внутренности), варятъ самихъ куръ цѣлыми, „круглыми“, по нѣсколько штукъ вмѣстѣ, а затѣмъ, по вынутіи изъ кипятка, обсыпаютъ ихъ снаружи и внутри толченымъ вмѣстѣ съ солью чаберомъ и прочими приправами. Потроха же отбираются особо на „сакаквани“ (ჰკკვ—гнуть, сгибать,—„сакаквани“ то, что заставляе гнуться, сгибаться); этимъ словомъ называется супъ, приготовленный изъ потроховъ новогодныхъ куръ, составляющій собственность женщинъ: ни лицамъ мужескаго пола, ни дѣвушкамъ ѣсть „сакаквани“ не дозволяется. По понятію народа, лица мужескаго пола не должны ѣсть „сакаквани“ во избѣжаніе неудачи во всякаго рода предпріятіяхъ, и, между прочимъ, въ охотѣ, въ работѣ, въ путешествіи и т. п.; а равно тотъ, кто ѣсть „сакаквани“, не можетъ свободно лезть по деревьямъ: у него ноги будутъ трястись, колѣни будутъ сгибаться противъ воли (отсюда-то и беретъ слово „сакаквани“ свое начало). Дѣвушки же не должны ѣсть „сакаквани“ погому, что по выходѣ замужъ онѣ съ сожалѣніемъ будутъ смотрѣть на домъ родительскій, иначе говоря, будутъ жалѣть о томъ, что оставили родительскій домъ, и, стало-быть, будутъ на всю жизнь несчастными, недовольными своею жизнью, своимъ положеніемъ.

Печется къ „сакаквани“ и особый пирогъ, начиняемый сыромъ и называемый „сакакванисъ пури“, т. е. хлѣбъ для „сакаквани.“

Обѣдъ этого дня бываетъ обыкновенный, хотя и не возбраняется съѣсть за обѣдомъ кусокъ-другой отъ новогодней свиньи.

Въ этотъ день, большею частью, готовится и „чичлагъ“, или, чичинатали („ჩიჩლაგი, ჩიჩინათალი)—это изобра-

женіе сѣдой бороды св. Василія Великаго. Безъ „чичилаги“ на Новый годъ, нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ, не обходилось ни одно гурійское семейство, въ какому бы званію или состоянію оно ни принадлежало; въ настоящее же время употребленіе „чичилаги“ не всѣми соблюдается, хотя такихъ семействъ въ Гуріи наберется самое незначительное число; нѣкоторые же, тоже очень немногіе, „чичилаги“ за-мѣняютъ образомъ св. Василія Великаго.

„Чичилаги“ готовится слѣдующимъ образомъ: отсѣкаютъ обыкновенно въ лѣсу молодой, гладкій побѣгъ мелкаго орѣшника (употребляется и побѣгъ смоковницы), толщиной отъ $\frac{1}{2}$ до $\frac{3}{4}$ вершка въ діаметрѣ, срѣзаютъ его у корня и отрѣзаютъ верхушку; получается ровная и гладкая, безъ вѣтокъ и сучьевъ, палка, длиною обыкновенно въ сажень и больше; палку эту приносятъ домой, подогрѣваютъ на кострѣ, чтобы она приобрѣла большую упругость, и начинаютъ обтесывать ее вдоль со всѣхъ сторонъ острымъ ножомъ во всю длину, отъ одного конца до другого, снимая съ нея тонкими и узкими слоями вьющіяся стружки. Снимая стружку съ одного конца палки, стараются довести ее непрерывно почти до другого конца, гдѣ стружку не отрываютъ, а отгибаютъ въ сторону отъ палки и затѣмъ свѣшиваютъ внизъ. Такихъ стружекъ снимается множество, и всѣ онѣ висятъ на одной точкѣ палки, или, вѣрнѣе, у округности поперечнаго сѣченія палки. Если палецъ дать горизонтальное положеніе, то стружки, принимая положеніе вертикальное, получаютъ въ сложности форму висящаго у своей вершины конуса, основаніе котораго представляетъ иногда кругъ, а иногда и поверхность шарового сегмента; высота этого конуса бываетъ въ 2—3 аршина и болѣе. Затѣмъ обтесанную, оструганную часть палки отрѣзаютъ на разстояніи 2—3 вершковъ отъ того мѣста, гдѣ висятъ стружки, и этотъ конецъ раскалываютъ по двумъ перпендикуляр-

нимъ другъ къ другу діаметрамъ, изъ коихъ одинъ долженъ имѣть направленіе, параллельное висячимъ стружкамъ, т. е. отвѣсное; а другой будетъ имѣть, конечно, горизонтальное направленіе. Въ эти расщепы вставляются двѣ оструганные, остроконечныя палочки, длиною каждая въ 4—6 вершковъ, соединенныя посрединѣ крестообразно. Когда все это сдѣлано, „чичилаги“ готовы. Чѣмъ длиннѣе, мельче и курчавѣе стружки и чѣмъ онѣ пышнѣе стоятъ, тѣмъ „чичилаги“ читается лучшимъ. Въ Гуріи каждый умѣетъ приготовить „чичилаги“, но почти въ каждой деревнѣ есть специалисты, отличающіеся артистическимъ приготовленіемъ „чичилаги“. Многіе, плохіе знатоки этого искусства, или просто изъ желанія избѣгнуть возни, сопряженной съ приготовленіемъ „чичилаги“, покупаютъ готовые, которые десятками продаются въ мѣстечкахъ, за 30—60 коп. и дороже штука.

Приготовленный вышеуказаннымъ способомъ „чичилаги“ украшается слѣдующимъ образомъ: прежде всего свиваютъ обручъ, въ 4—6 вершковъ въ діаметрѣ, изъ виноградной лозы; этотъ обручъ укрѣпляется на главномъ деревѣ „чичилаги“ въ горизонтальномъ положеніи такъ, чтобы мѣсто прикрѣпленія стружекъ въ деревку приходилось посрединѣ плоскости обруча; обручъ украшается свѣжими листьями и зелеными плодами плюща (სუკო), вѣтками терновника съ ягодами (კვინტალი), которыя, поспѣвая, бывають съ горошину величиною, краснаго цвѣта, и вѣтками мелкаго дикаго орѣшника (კვინკვილი), на которыхъ въ то время бывають цвѣты, совершенно похожіе на цвѣты грецкаго орѣшника въ уменьшенномъ видѣ; послѣ этого на дерево „чичилаги“ надѣвають круглый пирогъ, въ 4—6 вершковъ въ діаметрѣ, приготовляемый спеціально для этой цѣли, съ отверстіемъ въ центрѣ, въ которое могло бы пролѣзть деревко „чичилаги“; пирогъ этотъ начинается обыкновенно, какъ и всѣ пироги, приготовляемые гурійцами, сыромъ и вареными яйцами и называется „бокели“

булочки); этотъ пирогъ, будучи надѣтъ на древяно „чичилаги“, которое скрѣпляется горизонтально, принимаетъ отвѣсное положеніе, перпендикулярное плоскости укрѣпленнаго раньше обруча изъ виноградной лозы. Выѣстъ съ „бокели“ пекутся еще 4 большихъ пирога, называемые „сабасилобо“, и поѣдаются всеми членами семьи на Новый годъ. Затѣмъ на концы двухъ крестообразныхъ палочекъ, о которыхъ было сказано выше, надѣваются два шарика, съ яблоко средней величины, испеченные почти всегда изъ того же тѣста, изъ котораго печется „бокели“, а на остальные два кончика палочекъ надѣваются гранаты или яблоко и прочіе фрукты.

Къ „чичилаги“ весьма часто привѣшываются разныя драгоценности: золотыя и серебряныя вещи, у кого таковыя имѣются, а также дровѣ—трофей охоты, очищенный отъ перьевъ, но съ хвостомъ, составляющимъ какъ бы украшеніе и единственное прикрытіе его голаго тѣла. Когда украшеніе „чичилаги“ закончено, онъ готовъ; но въ домъ онъ не вносится до утра Нового года, а оставляется на балконѣ или подъ навѣсомъ.

Что „чичилаги“ есть не что иное, какъ изображеніе сѣдой бороды св. Василія Великаго, котораго народъ представляетъ маститымъ старцемъ и, слѣдовательно, съ сѣдой, бѣлой и длинной бородою, какъ у пастыря, въ этомъ, конечно, не можетъ быть никакого сомнѣнія: дѣти „чичилаги“ обыкновенно называютъ „бабуа“ (бабу), т. е. дѣдушкой; что же касается до предметовъ, составляющихъ украшеніе „чичилаги“, то общій смыслъ ихъ таковъ: украшая бороду чествумяго святаго разными полезными предметами и внося все это въ домъ на Новый годъ, тѣмъ самымъ гуріецъ выражаетъ желаніе, чтобы св. Василій Великій послалъ въ грядущемъ году всего этого вдоволь; всѣ предметы, составляющіе украшеніе „чичилаги“, нужны и дороги для простаго народа: „бокели“ и „квинчила“—хлѣбъ, необходимъ для существо-

вагiя; обручъ изъ виноградной лозы изображаетъ виноградъ, вино, недостатокъ въ которыхъ для гурiйца составляетъ несчастье, почти равносильное голоду; гранатъ, груши, яблоки и орѣхи—тоже важные предметы для жителей южныхъ странъ; ягоды терновника составляютъ зимою весьма полезную пищу для свиней и птицъ, а плющъ не только во времена отдаленныя, но даже и теперь во многихъ случаяхъ въ домашнемъ сельскомъ быту употребляется вмѣсто веревки, и, кромѣ того, его ягодами зимою питаются птицы (черные и сѣрые дрозды). Такъ именно гурiйцы и понимаютъ смыслъ украшенiй „чичилаги.“ Но я не могъ добыть точныхъ свѣдѣнiй о томъ, почему хлѣбы для „чичилаги“ пекутъ разныхъ видовъ: въ видѣ круга и въ видѣ шариковъ.

Весьма возможно, что какъ „бокелi“, такъ и „звинчила“ изображаютъ остатокъ какого-нибудь языческаго обычая, примѣшаннаго къ чисто христiанскому; такъ, напр., „бокелi“ можетъ изображать собою солнце, а „звинчила“ звѣзды. Какъ бы то ни было, въ настоящее время народъ не понимаетъ истиннаго значенiя трехъ хлѣбовъ и притомъ оригинальныхъ формъ, а употребляетъ ихъ потому, что „такъ дѣлали отцы и дѣды“.

Кромѣ приготовленiя и украшенiя „чичилаги“, у гурiйца наканунѣ Новаго года много дѣлъ: ему необходимо привести въ надлежащiй видъ свое оружье, а главнымъ образомъ ружье, изъ котораго нѣсколько разъ стрѣляетъ въ этотъ день въ дѣль пулю, чтобы провѣрить мѣткость боя своей винтовки, если онъ въ таковой не увѣренъ.

Если у него находятся какiя-либо чужiя вещи, взятыя имъ на время, то онъ возвращаетъ ихъ по принадлежности; если же у другого находятся его вещи, то проситъ ихъ возвратить; если онъ долженъ кому-нибудь, то старается расплатиться,—словомъ, гурiецъ употребляетъ все свое усилiе, чтобы къ Новому году у него все было въ порядкѣ, дабы съ

Новаго года начать новую, болѣе порядочную, правильную жизнь, и притомъ желаетъ, чтобы на Новый годъ никто не имѣлъ предлога прійти къ нему. Женщины тоже заняты разными хозяйственными хлопотами, а затѣмъ, подъ вечеръ, и собственнымъ туалетомъ.

Вечеромъ, къ часамъ 8—9, приступаютъ къ совершенію молитвъ. Для этого все приготовленное добро: отваренныя куры, свиньи, отваренная въ водѣ безъ соли и уложенная на большомъ деревянномъ лоткѣ или, въ большинствѣ случаевъ, въ большую корзину и прикрытая зеленью, большую частью вѣтками вѣчнозеленаго рододендрона (薔薇), гоми, кувшинъ вина—ставятся вмѣстѣ посрединѣ комнаты или дома, если онъ состоитъ изъ одной комнаты; около этихъ предметовъ ставится и черепокъ съ горящими угольями для воскуренія ладана; на всѣхъ стѣнахъ въ этой комнатѣ прикрѣпляются зажженныя восковыя свѣчи.

Когда все это приготовлено, приступаютъ къ совершенію молитвъ. Первымъ молится отецъ семейства, а за нимъ уже остальные члены семьи, мужескаго пола, по порядку, сообразуясь съ возрастомъ. Когда лица мужескаго, пола кончаютъ молиться, начинается молиться мать семейства, а за нею и остальные лица женскаго пола въ томъ же порядкѣ. Всѣ молятся вслухъ.

Въ этихъ молитвахъ всѣ молящіеся просятъ Бога и св. Василія Великаго, чтобы наступающій годъ принесъ всей семьѣ счастье и благополучіе.

По окончаніи молитвъ начинается приготовленіе къ ужину: ставятся столы (если семья небольшая, —одинъ), за которыми и усаживаются всѣ члены семьи, за исключеніемъ одного-двухъ распорядителей, которые подаютъ кушанья. Каждому лицу кладется на столъ по цѣлой курицѣ, отваренной по указанному выше способу; сверхъ того, подается супъ изъ курицы, индюка или гуся, свинина, „хачапури“ и прочее

добро, — столъ бываетъ обыкновенно переполненъ яствами; цѣльно отваренныхъ вуръ рѣдко кто трогаетъ въ эту ночь и онѣ послѣ ужина прачутся въ корзину для послѣдующихъ дней. Распорядители, подавъ все нужное на столъ, тоже усаживаются.

Такъ дѣлается въ тѣхъ районахъ Гуріи, въ коихъ древніе обычаи, привычки и новѣрья сохранились во всей ихъ чистотѣ; въ другихъ же мѣстахъ, „болѣе цивилизованныхъ“, изъ этихъ обычаевъ въ послѣднее время соблюдаются лишь очень немногіе.

Ужинъ проходитъ обыкновенно очень весело, во взаимныхъ пожеланіяхъ другъ-другу счастливаго года и съ должнымъ возліаніемъ Бахусу, но особенно не затягивается. Для этого случая гуріецъ открываетъ кувшинъ съ лучшими виномъ.

Проведши надлежащимъ образомъ отходящій въ вѣчность годъ, всѣ ложатся спать, чтобы еще лучше, съ болшею торжественностью, встрѣтить наступающій годъ, отъ котораго каждый ждетъ всевозможныхъ благъ.

Прежде чѣмъ улечься спать, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Гуріи ставятъ въ комнатѣ кувшинъ, наполненный до краевъ виномъ; если онъ и утромъ слѣдующаго дня, т. е. Нового года, будетъ полонъ, то наступающій годъ, по новѣрью жителей, будетъ изобиловать всѣмъ; въ противномъ же случаѣ, годъ будетъ голодный и съ разными недостатками.

На Новый годъ просыпаются всѣ очень рано, часа за два и раньше до разсвѣта. Проснувшись, каждый старается съѣсть „самджобинари“ (სამჯობინარი) — кусочекъ хлѣба или чего-нибудь другого, но непременно соленаго; можно довольствоваться даже кусочкомъ соли, которая и воѣдается.

Если до приѣма „самджобинари“ кто-нибудь услышитъ выстрѣлъ, т. е. „если выстрѣлъ одолѣетъ его“ (აქლებს, დასა-

ᄃᄃᄃᄃ), по мѣстному выраженію, то это нехорошо, ибо у него цѣлый годъ шаравары на сидѣніи будутъ съ дырою. Приѣмъ „самджебинари“ продолжается, начиная съ Новагс года, до весны, до прилета птицъ: кукушекъ и другихъ.

По понятію гурійцевъ, каждая птичка, каждое животное можетъ „одолѣть“ человѣка, и потому они стараются, чтобы ихъ не „одолѣли“ та или другая птичка, то или другое животное, такъ какъ каждому изъ нихъ приписывается какое-нибудь вредное значеніе, имѣющее силу на цѣлый годъ. При этомъ нужно замѣтить, что опасаются „одолѣнія“ даже со стороны телятъ, козлятъ, цыплятъ и прочихъ домашнихъ животныхъ и птицъ, а равно и дѣтей, рожденныхъ съ 1-го января включительно.

Гурійцы, какъ народъ земледѣльческій, особенно опасаются „одолѣнія“ со стороны кукушки, такъ какъ въ такомъ случаѣ, по повѣрью народа, сколько бы человѣкъ ни трудился, какъ бы онъ ни старался, не будетъ отъ его трудовъ никакихъ положительныхъ результатовъ. Подобное повѣрье, нужно полагать, беретъ начало изъ того факта, что кукушка бездомна, не вьетъ гнѣзда и свои яички кладетъ въ чужія гнѣзда.

Если кого-нибудь „одолѣетъ“ самая маленькая изъ мѣстныхъ птичекъ, орѣховка (ᄃᄃᄃᄃᄃᄃ), то опять-таки онъ ни въ какомъ дѣлѣ не будетъ имѣть успѣха: результаты его трудовъ будутъ столь же ничтожны, сколь ничтожна эта птичка по своей величинѣ. Если „одолѣетъ“ козленокъ, то подвергшійся этой участи цѣлый годъ будетъ много говорить, тараторить, но безъ пользы.

Если кого-нибудь „одолѣетъ“ иволга, издающая звуки: „ᄃᄃᄃᄃ ᄃᄃᄃᄃ“ (сынъ Гогія), приближительно, то у него въ этомъ году умретъ сынъ, если таковой есть, и т. д.,—словомъ, каждому предмету приписывается какое-нибудь особое значеніе.

Принявъ „самджебинари“, умываются и одѣваются по праздничному.

Когда всё одѣты, то принадлежности Нового года: свинья и прочее добро, ставятся опять посреди комнаты, все въ томъ же порядкѣ, какъ наканунѣ, и зажигаются восковыя свѣчи. Лица мужескаго пола удаляются на дворъ, а другая половина начинаетъ молиться Богу и св. Василию о томъ, чтобы наступившій годъ принесъ всей семьѣ полное счастье и благополучіе. Мужчины въ это время, въ ожиданіи окончанія молитвъ лицами женскаго пола, надѣваютъ на себя свое оружіе, золотыя и серебряныя украшенія, у кого таковыя есть, и приводятъ въ порядокъ „чичилаги“.

По окончаніи молитвы кто-либо изъ женщинъ, обыкновенно мать семейства, пріотворяетъ дверь, давая тѣмъ знать, что мужчины могутъ войти. Тогда мужчины, впереди глава семейства съ „чичилаги“ въ рукѣ, а за нимъ и остальные, слѣдуя одинъ за другимъ соответственно ихъ возрасту, при чемъ одинъ кто-либо изъ нихъ несетъ глиняный горшокъ, наполненный зернами гоми (видъ проса), съ сырмъ яйцомъ, погруженнымъ въ немъ до половины, подходятъ къ двери, которая наглухо затворена; глава семейства произноситъ: „отворите дверь“ (კარი გაგვადგო), а мать семейства, стоя у дверей съ внутренней стороны, спрашиваетъ: „что несешь?“ (რა მოგაქვს?); первый отвѣчаетъ: „жалуетъ св. Василий, несетъ людямъ здоровье, денегъ и всякаго добра несмѣтное количество“ (წმინდა ბასილი მოხმანდებს, მოაქვს კაცთა მშველდა, ჟურნი და საქონელი მრავალი), но дверь не отворяется; тогда онъ опять произноситъ: „отворите дверь“ и т. д.; ему трижды предлагается тотъ же вопросъ (что несешь?); онъ повторяетъ слово въ слово то же, что и раньше сказалъ, и лишь послѣ третьяго раза отворяется дверь, и мужчины входятъ въ домъ, освѣщенный восковыми свѣчами, прикрѣпленными къ стѣнамъ, краямъ корзинъ или лотка, гдѣ уложена новогодняя свинья, а равно и кувшинъ вина; голова свиньи, съ кувши-

номъ вина вносятся вмѣстѣ съ „чичилаги“, при чемъ голова помѣщается обменовенно на лоткѣ.

Голова свиньи и вино ставятся около остального добра, гдѣ раньше молились женщины и гдѣ будутъ молиться мужчины.

Этотъ моментъ—самый торжественный во всемъ празднованіи. Всѣ лица мужскаго пола, не исключая и дѣтей, слѣдуютъ шагъ за шагомъ за главою семейства, держащимъ „чичилаги“, и мѣрными шагами три раза обходятъ кругомъ комнаты справа налево. Лицо, несущее горшокъ съ зернами гоми, идя по комнатѣ, беретъ эти зерна и разбрасываетъ по землѣ, выражая этимъ желаніе, чтобы въ семьѣ умножилось все доброе, хорошее. Женщины въ это время стоятъ врозь, первую мать семейства, а за нею и остальные, тоже по возрасту. Мужчины каждый разъ проходятъ мимо нихъ; при этомъ каждое лицо женскаго пола обѣими руками дотрогивается до каждаго изъ проходящихъ около нея мужчинъ, выражая тѣмъ желаніе, чтобы онѣ всегда имѣли возможность видѣть своихъ дорогихъ отца, братьевъ, мужа и т. д. Послѣ третьяго тура, „чичилаги“ привѣшивается въ комнатѣ гдѣ-нибудь на видномъ и почетномъ мѣстѣ, къ стѣнѣ, а горшокъ съ гоми и яйцомъ ставится около новогодней свиньи и прочаго добра. Шить и прать въ комнатѣ, гдѣ находится „чичилаги“, строго воспрещается народнымъ обычаемъ.

Послѣ сего мужчины начинаютъ молиться, первый глава семейства, а затѣмъ и остальные по порядку, по возрасту, при чемъ глава семейства молится дольше, прося св. Василія архіепископа (წმინდა ბასილი, მღვდელთა მთავარი!...), чтобы наступившій годъ былъ для него и его семьи счастливый, чтобы онъ принесъ всѣмъ здоровье, всякое благополучіе, во всѣхъ предпріятіяхъ успѣхъ и богатство. При этомъ онъ отливаетъ на землю нѣсколько капель вина изъ стоящаго тутъ же ручного виннаго кувшина, воскуряетъ ладанъ на

горащихъ на черепкѣ угольяхъ и поворачиваетъ справа направо горшокъ съ гоми и лотокъ или коряину. Такъ же молятся и то же просятъ и остальные лица мужскаго пола, не исключая дѣтей, молитва которыхъ заключается въ произношеніи словъ: „Боже, возрасти меня, дай мнѣ разумъ и счастье,“ и въ воскреніи ладана.

По окончаніи молитвы начинается самый интересный и любимый для гурийца отдѣлъ праздника—стрѣльба изъ ружья и пистолетовъ, сначала холостыми зарядами, а затѣмъ и пулями въ цѣль. Чѣмъ больше зарядовъ выпускается въ это время какою-либо семьею, тѣмъ для нея это пріятнѣе: значитъ, она очень торжественно встрѣтила Новый годъ.

Стрѣльба въ цѣль производится обыкновенно до полнаго разсвѣта, когда еще темно; поэтому, мишенью всегда служитъ зажженная восковая свѣча, въ которую стрѣляютъ на разстояніи 10—15 саж., рѣдко дальше. Если стрѣловъ потушить пулею свѣчу, то онъ, значитъ, молодецъ и можетъ гордиться мѣткостью своей винтовки, вѣрностью своихъ глазъ и твердостью рукъ; это же обстоятельство служитъ предвѣстникомъ удачи во всемъ въ теченіе наступившаго года.

По окончаніи стрѣльбы начинаются поздравленія огня съ Новымъ годомъ; для этого каждый членъ семейства беретъ кусокъ сырыхъ грабовыхъ дровъ, большею частью крупнаго хвороста, и, кладя его на костеръ или въ каминъ, проноситъ: „огонь! дай Богъ тебѣ вмѣстѣ съ твоимъ хозяиномъ (вѣрнѣе—баринкомъ) множество разъ во здравіи встрѣтить Новый годъ.“ (კვებლო, ღმერთმა მრაველი კალანდა შეგდობის გუგითენს შენი ბატონიანა). Когда эти сырые грабовыя дрова настолько разгорятся, что получаютъ головни, тогда начинается поздравленіе домашнихъ животныхъ и птицъ. Для этого одинъ изъ членовъ семьи, обыкновенно тотъ, кто почитается съ болѣе „счастливыми ногами“ (ვებედნიერი), командуется въ конюшню, въ хлѣвъ и въ птичникъ; онъ беретъ съ

собою головню и, кладя ее у выхода изъ помѣщенія такъ, чтобы животное переступило черезъ нее, произноситъ: „лошадь, корова“ и т. д.: „дай тебѣ Богъ, вмѣстѣ съ твоимъ хозяиномъ встрѣтить Новый годъ множество развѣ“, и уходитъ („ცხენო, ძროხავ“ და სხვა: „ღმერთმა მრავალი კალენდა შეიღობოთ გავითყნოს შენი ბატონიანა“).

Этимъ обыкновенно и заканчивается встрѣча Нового года, называемая въ Гуріи „галоцва“.

По окончаніи „галоцва“ начинаются приготовленія къ отправленію въ церковь, къ обѣднѣ. Въ этотъ день, какъ и въ остальные дни, за исключеніемъ развѣ Рождества, взрослые члены гурійской семьи ничего не позволяютъ себѣ ѣсть до отелушанія обѣдни (кромѣ, конечно, „самджобинари“, когда оно полагается); впрочемъ, выпить предъ отправленіемъ къ обѣднѣ рюмку водки и закусить яблокомъ, грушею, чурчехлою и т. п., для подкрѣпленія силъ, гуріецъ никогда не прочь.

Въ церковь отправляется каждый въ лучшемъ своемъ нарядѣ, а мужчины и при оружіи. До окончанія обѣдни другъ друга не поздравляютъ; по окончаніи же обѣдни начинается поздравленіе, сопровождаемое лобызаніемъ и обмѣномъ разныхъ сладостей: конфетъ, апельсиновъ, грушъ, яблокъ и даже кусковъ сахара. Въ это же время, по окончаніи обѣдни, начинается общая стрѣльба холостыми зарядами изъ пистолетовъ, револьверовъ и ружій, въ настоящее время большею частью дѣтми, вообще молодежью, которая для этого выстраивается въ шеренгу и стрѣляетъ безпорядочнымъ, неправильнымъ залпомъ, или вразбивку.

По окончаніи этой стрѣльбы, не имѣющей состязательнаго характера, начинается стрѣльба серьезная, состязательная, въ которой принимаютъ участіе опытные стрѣлки.

Для этого обыкновенно заранѣе, во время обѣдни, а то еще раньше, на верхушкѣ ближайшаго дерева навальвается лѣсное яблочко, діаметръ котораго, большею частью,

не превышает полувершка. Стрѣляютъ на разстояніи 10—15 саж. изъ азіатскихъ винтововъ-малозерекъ, а въ настоящее время и изъ скорострѣльныхъ ружій, у кого таковыя имѣются.

Тотъ, кто первый разобьетъ яблочко, считается побѣдителемъ, лучшимъ стрѣлкомъ въ цѣломъ приходѣ.

Мнѣ пришлось быть очевидцемъ, какъ одинъ молодой гуріецъ, пріѣхавшій къ Новому году на родину, изъ собственной гладкоствольной охотничьей централки пулею разбилъ такое яблочко на мелкіе кусочки; это обстоятельство удивило всѣхъ присутствующихъ, тѣмъ болѣе что мѣткій выстрѣлъ былъ произведенъ изъ европейскаго ружья, которому гурійцы не очень-то довѣряютъ.

По окончаніи стрѣльбы народъ расходится по домамъ, большею частью, группами, такъ какъ въ Гуріи приходы разбросаны на большія пространства вслѣдствіе того, что населеніе располагается не скученно, а хуторами; почти всѣ, имѣющіе общую дорогу, идутъ вмѣстѣ, съ лѣсками, при чемъ не жалѣютъ своихъ зарядовъ.

Но группа постепенно уменьшается, такъ какъ многіе, живущіе поближе къ церкви, отстаютъ, направляясь къ себѣ домой.

При этомъ каждый глава семейства приглашаетъ кого-нибудь изъ особенно имъ любимыхъ и почитаемыхъ родственниковъ или близкихъ знакомыхъ, а именно такого, который, по его понятію, обладаетъ „счастливыми ногами“, зайти къ нему въ качествѣ „мперхави“, или „мвлевели“.

Тотъ, кого приглашаютъ, конечно, не можетъ отказаться, такъ какъ на Новый годъ отказывать кому бы то ни было и въ чемъ бы то ни было, по понятію гурійцевъ, не слѣдуетъ, тѣмъ болѣе что приглашеніе въ качествѣ „мперхави“ свидѣтельствуетъ лишь объ особенномъ расположеніи и довѣріи приглашающаго къ приглашаемо-

му и увѣренность перваго въ „счастливой ногѣ“ послѣдняго. Поэтому, приглашенное лицо съ удовольствіемъ принимаетъ приглашеніе и входитъ въ домъ пригласившаго. Войдя въ домъ, онъ произноситъ обычную въ Гуріи фразу: „Миръ дому сему“ (ზოგადობა აქა), и, если тутъ окажутся лица, съ которыми онъ еще не видѣлся по отслуженіи обѣдни, поздравляетъ ихъ съ Новымъ годомъ. Хозяинъ сейчасъ начинаетъ угощать его: рюмка воды, которая закусывается сотовымъ медомъ, фруктами или кускомъ пирога (ბჭაჭრა), затѣмъ вино и курица—составляютъ угощеніе, если гость не желаетъ остаться пообѣдать въ такой торжественный день, день судебъ, въ чужой семьѣ, оставивъ свою, которая ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть довольна подобнымъ поступкомъ; поэтому-то въ рѣдкихъ только случаяхъ „мперхави“ остается обѣдать.

Быть „мперхави“—дѣло отвѣтственное: постигнуть кого-нибудь несчастье въ теченіе года, виновать въ томъ „мперхави“—его нога. Разъ „мперхави“ былъ, хозяинъ дома уже болѣе не опасается, чтобы кто-нибудь „съ дурными, несчастливыми ногами“ не пришелъ къ нему: приходъ другихъ лицъ не имѣетъ уже никакой силы.

Если наступившій годъ пройдетъ благополучно, то, значить, „мперхави“ дѣйствительно со „счастливыми ногами“, а потому онъ въ одинъ и тотъ же домъ можетъ быть приглашаемъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, именно до тѣхъ поръ, пока домъ не постигнетъ какое-либо горе; затѣмъ „мперхави“ мѣняется.

По уходѣ „мперхави“ подается обѣдъ: между кушаньями особеннаго вниманія заслуживаетъ „каплунъ Васильева дня“ (საპასილობის უკრულო) и того же названія 4 пирога (ბჭაჭრა), которые пекутся накануне. Каплунъ, откормленный вышеуказаннымъ способомъ, сначала жарится цѣликомъ на вертелѣ, а затѣмъ, разрѣзанный на составныя части, кладется въ густой супъ, приправленный толчеными грецкими орѣхами

и разными пряностями; супъ отъ жирныхъ куръ, приготовлен-
ный такимъ способомъ, получается весьма вкусный и аро-
матичный.

Обѣдъ въ этотъ день отличается особенною задушевно-
стью: всякія непріязненныя отношенія, если таковыя суще-
ствовали между членами семьи, забываются; каждый стара-
ется угодить всѣмъ, предупредить чужое желаніе. Во время
обѣда глава семейства или кто-нибудь другой, съ его разрѣ-
шенія, провозглашаетъ тосты за здоровье каждаго изъ при-
сутствующихъ въ отдѣльности, а равно и за отсутствующихъ
членовъ семьи и близкихъ родственниковъ.

Если присутствующіе могутъ составить хоръ хотя въ три
человѣка, то тосты обыкновенно сопровождаются любимымъ
гурійцами „мравалжаміерь“ и другими застольными пѣснями.

Благодаря такой задушевности и, вмѣстѣ съ тѣмъ, тор-
жественности обѣда, онъ затягивается на нѣсколько часовъ.

По окончаніи обѣда гуріецъ беретъ мотыгу, сѣмена ку-
курузы или гоми и, выйдя во дворъ, копаетъ, а затѣмъ „бро-
саетъ зерно“.

Этотъ обычай, наглядно доказывая, что для гурійца,
какъ и для всѣхъ остальныхъ народностей картвельскаго пле-
мени главное занятіе есть хлѣбопашество, выражаетъ его же-
ланіе, чтобы онъ имѣлъ возможность въ этомъ году, какъ и въ
прошлые годы, заняться съ успѣхомъ тѣмъ, что составляетъ
главный источникъ его благосостоянія.

Не забываетъ въ этотъ день гуріецъ выразить желаніе
и о томъ, чтобы у него былъ хорошій урожай другого источ-
ника благосостоянія—винограда.

Послѣ того какъ гуріецъ „бросаетъ зерно“, онъ беретъ от-
варенную голову свиньи или уже очищенную отъ мяса, т. е.
голый черепъ, или съ мясомъ на немъ, идетъ по виноград-
нику (маглари) и, ударя о голову свиньи чѣмъ-нибудь, кри-
читъ во все горло:

„აგუნა, აგუნა, ჩამოიარე; ბახუას კარი

„Агуна, Агуна, обходи; около дверей „Бахуа“ *)
ჩამოიარე! ჩვენს მამულს

проходи! въ нашемъ имѣніи (виноградникѣ)

ამოტეხა (აიყვანენ ხელში უმაწვილოს) მტყუნები,

такія (беруть въ руки ребенка) кисти,
სხვის მამულს ჩხერგი და შურცღლები.“

а въ чужомъ имѣніи—хворость и листья“.

Во второй разъ къ этимъ словамъ прибавляютъ: „у нашихъ женщинъ шелкъ, а у чужихъ одни веретена съ „квирстави“.

Въ третій разъ все это сполна повторяется. При выкрикиваніи этихъ словъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ бьютъ камнемъ о деревянные давилъни.

„Агуна“—названіе святого, или просто лица, созданнаго народною фантазією и считающагося покровителемъ винодѣлія, а, быть-можетъ, и исковерканное слово „гвино“—вино; народъ этотъ обычай выполняетъ, и то не вездѣ, чисто по привычкѣ, безъ особеннаго уваженія къ „Агунѣ“ **).

Для Новаго года въ каждомъ дворѣ устраиваются качели, но безъ особенныхъ затѣй, самымъ примитивнымъ способомъ: привязываютъ къ вершинамъ, или немного ниже, двухъ недалеко другъ отъ друга стоящихъ деревьевъ толстую веревку или просто длинную виноградную лозу, замѣняющую въ данномъ случаѣ веревку, такъ, чтобы она не касалась земли, а была отъ нея на разстояніи 1½ аршина или немного вы-

*) Бахуа—Вакхъ древнихъ грековъ. Какъ видно изъ сохранившагося въ памяти народа названія бога вина и веселья, и гурійцы почитали этого бога, что неудивительно, такъ какъ вся западная часть теперешняго Кавказскаго края, а слѣдовательно, и Гурія, долгое время находились подъ сильнымъ вліяніемъ грековъ.

**) Подъ этимъ названіемъ упоминается въ разсказахъ горскихъ татаръ какой-то волшебный боченокъ съ напиткомъ нартовъ (Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа, Выпускъ I. 1881 г.) Л. 1.

ше—и качель готова. Посрединѣ ея, на равномъ разстояніи отъ деревьевъ, обыкновенно садится кто-нибудь, держась обѣими руками за веревку или лозу, а другой его раскачиваетъ. Раскачиваться на качели на Новый годъ считаетъ своею обязанностью каждый членъ семьи, кромѣ дряхлыхъ стариковъ и грудныхъ дѣтей, но этому удовольствію, какъ и вездѣ, предаются особенно дѣти.

Какъ и всѣ остальные обычаи—наслѣдіе сѣдой старины—качель въ понятіи гурійцевъ имѣетъ свой особенный смыслъ: она выражаетъ желаніе качающихся, чтобы они цѣлый годъ чувствовали себя такъ легко, какъ легко чувствуютъ себя въ то время, когда качаются.

На Новый годъ послѣ обѣда, если погода хорошая и не лежитъ снѣгъ (въ Гуріи зачастую въ декабрѣ и январѣ стоитъ чисто майская погода), молодежь собирается гдѣ-нибудь на лужайкѣ и устраиваетъ разныя игры, пляски, пѣніе, продолжающіяся до вечера, а затѣмъ расходится по домамъ.

Перваго и втораго января звать кого-нибудь громко съ дальняго разстоянія или подходить къ оградѣ чужого двора и вызывать кого-либо изъ дому—въ Гуріи считается поступкомъ неприличнымъ и для хозяина дома неприятнымъ.

По народному повѣрью, если до обѣдни на Новый годъ предъ кѣмъ-нибудь изъ мужчинъ пройдетъ дитя, то этому мужчинѣ въ теченіе цѣлаго года во время полоекъ вино не будетъ итти въ прокъ: его будетъ рвать; поэтому, мужчины строго воспрещаютъ дѣтямъ проходить утромъ на Новый годъ мимо нихъ.

Ужиномъ, который, конечно, не можетъ отлчаться такою торжественностью, какъ обѣдъ этого дня, вслѣдствіе отсутствія аппетита у всѣхъ членовъ семьи какъ къ ѣдѣ, такъ и къ питью, завершается у гурійца этотъ праздникъ и онъ засыпаетъ сномъ мирнымъ и безмятежнымъ, въ

ожиданіи слѣдующаго дня, 2 января, который для него тоже праздникъ немаловажный, ибо этотъ день въ отношеніи „мперхави“, отъ котораго зависитъ счастье или несчастье цѣлой семьи въ теченіе года, имѣетъ болѣе значенія, чѣмъ самый Новый годъ „Каланда“.

ДЕНЬ ПОСВѢЩЕНІЯ КУРЪ.

(ᠵᠢᠮᠡᠷᠬᠠᠮᠢᠰᠢᠨᠭᠢᠷᠬᠠᠮᠢᠰᠢᠨ).

Второе января въ Гуріи называется „катмись-перхва“, т. е. днемъ посвѣщенія куръ, ибо въ этотъ день „мперхави“ посвѣщаетъ куръ, т. е. идетъ въ курятникъ, хотя не всегда.

„Мперхави“ этого дня приглашается обыкновенно заранѣе, для каждаго дома отдѣльно; но иногда одно лицо приглашается для двухъ, много для трехъ семействъ. Въ качествѣ „мперхави“ является или то самое лицо, которое исполняло эту обязанность на Новый годъ, или новое,—это зависитъ отъ усмотрѣнія приглашающаго. Отъ личныхъ качествъ „мперхави“ этого дня зависитъ въ теченіе цѣлаго года судьба не только куръ и вообще домашнихъ птицъ, но и цѣлаго семейства, которое его приглашаетъ: онъ будетъ считаться виновникомъ всѣхъ бѣдъ или всякаго благополучія, которыя ожидаютъ это семейство въ наступившемъ году. Поэтому „мперхави“, принимая приглашеніе, беретъ на себя большую отвѣтственность. Кромѣ своихъ внутреннихъ достоинствъ (главнымъ образомъ полное доброжелательство съ его стороны пригласившему семейству), „мперхави“ долженъ удовлетворить слѣдующимъ, чисто внѣшнимъ, физическимъ требованіямъ: 1) никакихъ физическихъ недостатковъ у него не должно быть; 2) роста онъ не долженъ быть маленькаго; 3) его одежда должна быть ни особенно длинная, ни особенно короткая (если онъ одѣтъ въ длинную черкеску, то фалды послѣдней приподнимаетъ, засовывая края ихъ за поясъ); 4) войдя въ домъ,

онъ не долженъ снимать головного покрывала (башлыка, папахи) и 5) бурку, если на немъ есть таковая, „мперхави“ долженъ оставить у воротъ или, по крайней мѣрѣ, снять и оставить внѣ дома.

Всѣмъ этимъ требованіямъ, по понятіямъ гурійцевъ, „мперхави“ долженъ удовлетворять вотъ почему: если „мперхави“ обладаетъ какимъ-нибудь физическимъ недостаткомъ, то всѣ цыплята, выводки того года, будутъ съ тѣми же самыми недостатками; если „мперхави“ маленькаго роста, то и куры будутъ малорослыя, мелкія и наоборотъ; если „мперхави“ придетъ въ коротенькомъ платьѣ, то куры будутъ голыя, недостаточно покрытыя перьями; если же онъ придетъ въ очень длинномъ платьѣ или въ буркѣ, то у всѣхъ куръ крылья будутъ постоянно опущены, — говоря иначе, всѣ онѣ будутъ хвоя; если „мперхави“, входя или уже вошедши въ домъ, сниметъ головное покрывало, то всѣ куры будутъ безъ перьевъ на головѣ, плѣшивыя и т. д. „Мперхави“ приходитъ обыкновенно въ часовъ 8—9, а иногда и позже. Переступая порогъ, „мперхави“ произноситъ прежде всего: „Миръ дому сему“ и еще нѣсколько фразъ, выражающихъ самыя искреннія пожеланія, чтобы его нога была дѣйствительно счастлива для этого дома, стараясь выразиться сколь возможно краснорѣчивѣе. Хозяйка, конечно, любезна съ нимъ до приторности; его угощаютъ водкою и какою-нибудь сладостью или кускомъ пирога.

Затѣмъ приступаютъ къ исполненію долга по отношенію къ курамъ и вообще къ домашнимъ птицамъ, т. е. къ поздравленію ихъ, которое заключается въ слѣдующемъ: „мперхави“ даютъ въ руки глиняный горшокъ, наполненный зернами гоми и грецкими орѣхами; орѣхи для сего стараются отобрать полныя, вполне доброкачественныя; „мперхави“ съ горшкомъ идетъ впереди, изображая собою квочку, а за нимъ, какъ цыплята, идутъ всѣ дѣти, сколько ихъ есть въ семьѣ, за исключеніемъ самыхъ маленькихъ (необходимо, чтобы дѣ-

ти были шустренькія, иначе всѣ цыпята въ теченіе года будутъ вялые, больные). Процессія направляется въ курятникъ и, войдя въ него, обходить кругомъ 3 раза справа налево, а затѣмъ горшокъ съ гоми ударяется объ полъ и, конечно, разбивается въ черепки; орѣхи подбираются дѣтьми, которыя затѣмъ выходятъ вмѣстѣ съ квочкой—„мперхави“, а гоми оставляется курамъ и поѣдается ими. Если всѣ орѣхи, находившіеся въ горшкѣ, окажутся полными, то, значитъ, и яйца будутъ въ теченіе года хороши, а если окажутся пустыми, то это плохой признакъ: яйца будутъ плохія.

Нужно замѣтить, что въ настоящее время рѣдко „мперхави“ идетъ въ курятникъ въ качествѣ „квочки“; ее въ громадномъ большинствѣ случаевъ изображаетъ мать семейства, совершая описанное поздравленіе даже до прихода „мперхави“.

Вскорѣ засимъ подается обѣдъ, къ которому приглашается „мперхави“. Особенность обѣда этого дня составляетъ то, что супъ для членовъ семьи мужескаго пола и женщинъ незамужнихъ варится отдѣльно отъ супа для замужнихъ.

Когда окончено поздравленіе куръ, мужчины удаляются на дворъ, а женщины, запершись, молятся, освящаютъ „сакакави“; супъ для послѣднихъ готовится изъ потроховъ откормленныхъ куръ, зарѣзанныхъ наканунѣ Нового года; эти потроха а равно и супъ изъ нихъ въ Гуріи называются „сакакави“, которое не дозволяется ѣсть ни лицамъ мужескаго пола, ни дѣвушкамъ, по причинамъ, изложеннымъ мною въ описаніи Нового года.

Къ „сакакави“ печется также и особый пирогъ; въ него кладется одно несваренное яйцо и задняя ляжка свиньи, всегда согнутая, а потому изображающая наглядно смыслъ „сакакави“; эти предметы тоже не дозволяется ѣсть никому, кромѣ замужнихъ женщинъ.

Если „мперхави“ остался на обѣдъ, то онъ по оконча-

ни послѣдняго, поблагодаривъ хозяевъ за гостепрѣимство, уходитъ; при уходѣ ему обыкновенно вручается хозяйкой дома какой-нибудь подарочекъ, въ родѣ пары шерстяныхъ носковъ, или пары таковыхъ же перчатокъ, или кнѣста для табаку, если „мперхава“ изъ вуряцкихъ, а иногда даже—очвуря, вязаннаго изъ шелеа.

Шумѣть въ этотъ день строго воспрещается народнымъ обычаемъ, чтобы куры въ теченіе года не кричали постоянно и тѣмъ не беспокоили всѣхъ; равно въ этотъ день строгойше воспрещается причесываніе головы, такъ какъ если ктонибудь изъ членовъ семьи причешется, то куры въ теченіе года всю соломенную или камышовую крышу на строеніяхъ непремѣнно разгребутъ своими лапами и ее разорвать, причинивъ тѣмъ большіе убытки. Въ этотъ день въ нѣкоторыхъ мѣстахъ не ѣдятъ свинины, такъ какъ, по народному повѣрью, если ѣсть свинину, то въ теченіе года свиньи будутъ пожирать цыплятъ и куръ, что зачастую дѣйствительно случается.

Начиная съ 3-го января, можно зайти къ гурійцу въ домъ безъ опасенія быть случайнымъ „мперхава“, или „мелевели“, такъ какъ если не перваго, то втораго января навѣрно былъ у него выбранный и приглашенный „мперхава“. Поэтому-то съ 3-го января восстанавливается между гурійцами прерванное съ 31-го декабря обыкновенное общеніе.

Начиная съ этого времени, въ теченіе первой, второй и третьей недѣли наступившаго года, кто бы ни пришелъ къ гурійцу, послѣдній не отпуститъ его, не давши выпить и закусить.

Это время вообще составляетъ въ Гуріи сезонъ покоевъ и кутежей, особенно въ тѣ годы, когда урожай винограда былъ удовлетворительный, и вина у каждаго гурійца имѣется вдоволь.

Затѣмъ 3 и 4 января не считаются праздниками и ничѣмъ не отличаются отъ обыкновенныхъ будничныхъ дней.

5-го января держится всѣми строгій постъ.

КРЕЩЕНИЕ.

Наканунѣ Крещенія каждое гурійское семейство посылаетъ замужней дочери, если таковая имѣется, „аршиви“ (порцію) отъ Нового года, состоящую изъ зарѣзанной курицы и нѣсколькихъ изрядныхъ кусковъ отъ новогодней свиньи. „Аршиви“ обыкновенно относятъ или отвозитъ кто-либо изъ членовъ семьи, который гоститъ у зятя, никакъ не позже наступленія послѣобѣденнаго времени Крещенія.

Въ этотъ день религиозное торжество гурійцевъ ничѣмъ особеннымъ не отличается отъ религиознаго торжества всего православнаго міра, кромѣ развѣ того, что право вынуть крестъ, опущенный во время водосвятія, пріобрѣтается тѣмъ, кто предложитъ большую плату, и что „чичилаги“, висѣвшій на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ былъ привѣшенъ утромъ Нового года, снимается и выносится. Выносъ „чичилаги“ совершается такъ: утромъ рано, 6-го января, глава семейства, вставши, одѣвшись, умывшись и помолившись Богу, снимаетъ „чичилаги“, а съ него всѣ находившіяся на немъ украшенія: „бокела“, „квинчила“, фрукты и драгоценности, если послѣднія есть на немъ; три раза обноситъ по дому справа налево, затѣмъ выноситъ изъ дому и относитъ на „марани“ — мѣсто, гдѣ зарыты въ землѣ большіе винные кувшины и которое обсажено кругомъ большими деревьями, большею частью грабами, и вѣшаетъ его на одномъ изъ этихъ деревьевъ, гдѣ онъ и остается обыкновенно нѣсколько лѣтъ, такъ какъ ни на какія надобности онъ употребленъ быть не можетъ и даже дѣтямъ строго воспрещается его трогать.

Право же вынуть крестъ изъ воды пріобрѣтается слѣдующимъ образомъ: съ наступленіемъ момента служенія, когда крестъ надлежитъ вынуть изъ воды, священникъ вызываетъ желающихъ: тотъ, кто изъявитъ желаніе достать крестъ, обязанъ публично, громко заявить, сколько онъ намѣренъ заплатить за эту почетную обязанность; тогда начинается над-

бавка, и право вынуть крестъ остается за тѣмъ изъ охотниковъ, кто больше заплатитъ (этотъ обычай не есть наслѣдіе отдаленнаго прошлаго, а установился сравнительно недавно). Счастливый побѣдитель торжественно подходитъ къ мѣсту, достаетъ изъ воды крестъ и передаетъ его священнику, который поднявъ крестъ, впускаетъ каплями стекающую съ него воду въ ротъ вынувшему, послѣ чего крестъ вновь опускается въ воду и вновь вынимается, что производится три раза. При этомъ рѣдко обходится безъ того, чтобы достающій крестъ не измокъ, если не по поясъ, то, по крайней мѣрѣ, по колѣна, такъ какъ водосвятіе совершается обыкновенно на рѣкѣ, гдѣ таковая есть, и крестъ часто погружается на значительную глубину.

Въ моментъ окончанія водосвятія бываетъ стрельба изъ ружій и пистолетовъ, но не такая торжественная, какъ на Новый годъ. Весь приходъ во время водосвятія стоитъ съ возженными свѣчами. Остатки этихъ свѣчей тщательно хранятся, особенно женщинами: ихъ зажигаютъ когда появляется на шелковичныхъ червяхъ какая-нибудь болѣзнь.

Верховые вѣзжаютъ въ рѣку и даютъ испить святой воды лошадямъ, чтобы послѣднія были здоровы.

Приложившись къ кресту, испивъ святой воды и набравъ послѣдней въ принесенные съ собою сосуды, прихожане расходятся по домамъ. Принесенной святой воды даютъ испить всѣмъ членамъ семьи, не бывшимъ на водосвятіи, а остальную часть сохраняютъ въ чистыхъ сосудахъ въ теченіе цѣлаго года для употребленія въ нужныхъ случаяхъ, какъ цѣлебнаго противъ равныхъ недуговъ средства, особенно противъ „ужмури“.

Такъ правдуется Крещеніе въ Гуріи.

МОИСАРОВА (Моисарова).

Суббота третьей недѣли до масленой въ Гуріи навь-

вается „Моисароба“, т. е. днем Моисара. Моисаръ, по понятію народа, какъ видно изъ соблюдаемаго въ этотъ день обычая, считается покровителемъ зрѣнія. Работать въ этотъ день не воспрещается народнымъ обычаемъ. Празднованіе же заключается въ томъ, что мать семейства приготовляетъ немного простого кукурузнаго тѣста, отрываетъ отъ него два маленькихъ комочка, по одному въ каждую руку, подбываетъ кого-нибудь изъ членовъ семьи и, вода этими комочками вокругъ обоихъ глазъ, молится Моисару и Богу о здравіи и благополучіи сихъ глазъ; окончивъ эту процедуру съ однимъ членомъ семьи, она бросаетъ эти комочки тѣста въ стаканъ съ чистою водою и, отрывая каждый разъ по новой парѣ комочковъ, повторяетъ то же самое съ каждымъ членомъ семейства отдѣльно. Затѣмъ, когда мать семейства кончаетъ молиться, она беретъ стаканъ съ водою и комочками тѣста и выливаетъ куда-нибудь въ чистую воду.

Этимъ и кончается празднованіе этого дня.

духовъ день для живыхъ (სულო ცოცხლისა). духовъ день для покойниковъ (სულო მკვდრისი).

Суббота мясной недѣли въ Гуріи называется духовымъ днемъ для живыхъ; праздникомъ день этотъ не считается, хотя нѣкоторые и празднуютъ.

Суббота же сыроѣда называется Духовымъ днемъ для покойниковъ. Подъ вечеръ этого дня готовятъ поминки (საკრებნი) для усопшихъ и посылаютъ въ церковь, гдѣ ихъ священникъ, послѣ вечерни, освящаетъ и благословляетъ принесенное отъ каждаго отдѣльно на могилахъ тѣхъ, для кого оно предназначено, или же поминки ото всѣхъ—въ одномъ мѣстѣ, разомъ; половину поминокъ каждаго беретъ себѣ, а другая половина поѣдается тѣми, которые ихъ принесли, и присутствующими посторонними лицами. Поминки обыкновенно состоятъ изъ жареной или вареной небольшой курицы, кувшина вина, сыра,

яиць, приготовленнаго гоми, пирога (ბჭვბჭ) и прочих пред-метовъ. При этомъ, если поминки предназначаются для особенно любимаго и недавно умершаго покойника, то онѣ составляются изъ тѣхъ кушаній, которыя особенно любилъ покойникъ; въ послѣднемъ случаѣ темный людъ руководствуется тѣмъ, что, будто, эта пища духовно вкушается покойникомъ. Если поминки предназначаются для нѣсколькихъ покойниковъ, то приготовляющая поминки женщина владетъ въ пищу нѣсколько кусочковъ соли, каждый отдѣльно, и упоминаетъ имя важдаго покойника особо при опусканіи кусочка соли.

Въ послѣднее время по поводу этихъ поминокъ въ Гуріи поднялась цѣлая буря: молодые священники, окончившіе курсъ въ духовной семинаріи, стали отрицать значеніе этого укоренившагося стараго обычая; народъ взбудоражился вначалѣ, сталъ упрекать молодыхъ образованныхъ священниковъ въ нарушеніи отцовскихъ обычаевъ, старыхъ порядковъ, но, несмотря на то, нельзя не замѣтить нѣкотораго охлажденія народа къ этимъ поминкамъ. Взамѣнъ практикующихся до сихъ поръ поминокъ молодые священники совѣтуютъ прихожанамъ вносить извѣстную плату за помяновеніе покойниковъ на литургіи.

Б О С Л О В А (ბოსლობა).

„Бослоба“ *) — праздникъ подвижной: онъ празднуется всегда въ субботу предпоследней недѣли до масленой. Въ этотъ день работать не воспрещается народнымъ обычаемъ, и онъ посвящается домашнимъ животнымъ. Особенность этого дня составляетъ пирогъ большихъ размѣровъ, на всю семью, который печется изъ кукурузной муки и начинается исключительно кусками соленаго свиного сала, спрятаннаго для этого случая отъ новогодней свиньи; этотъ пирогъ приго-

*) Это названіе можно произвести отъ грузинскаго слова „босели“— хлѣвъ (сообщено М. Г. Джанашвили).

говоряется вечеромъ и подается на ужинъ. Когда пирогъ испеченъ, предъ ужиномъ совершается обрядъ, въ которомъ упоминается имя какого-то святого „Босле благороднаго“ (ბოსლე ჰეტოსანი), повровителя домашнихъ животныхъ.

Обрядъ этотъ заключается въ слѣдующемъ: пирогъ кладется на лотокъ, который вмѣстѣ съ зажженною восковою свѣчою и грецкими орѣхами въ какой-нибудь посудѣ, берется въ руки вѣмъ-либо изъ женщинъ, обыкновенно матерью семейства (въ нѣкоторыхъ мѣстахъ отцомъ семейства); она беретъ съ собою мальчика съ полнымъ кувшиномъ воды и тоже съ зажженною свѣчою; въ такомъ видѣ они отправляются въ хлѣвъ; вошедши въ него, мальчикъ становится между коровами и быками, а лицо, держащее лотокъ съ пирогомъ, прямо противъ него за яслями.

Расположившись такимъ образомъ и держа въ рукахъ упомянутый лотокъ съ пирогомъ, женщина спрашиваетъ: „Босле, ты дома?“ (ბოსლე, შენ ხარ?), а мальчикъ отвѣчаетъ: „дома, сударыня“ (შენ ვარ, ბატონო); женщина спрашиваетъ: „корову мнѣ дашь? быка мнѣ дашь? лошадь мнѣ дашь, здоровье людямъ дашь? птицъ мнѣ дашь?“ (კროხას მომცემ; ხარს მომცემ? ცხენს მომცემ? ვატა მშვიდობას მომცემ? ფრინველებს მომცემ?). На каждый изъ этихъ вопросовъ мальчикъ отвѣчаетъ: „много всего дамъ, сударыня“ (ბევრს, ბატონო!). Эта процедура повторяется три раза, послѣ чего орѣхи разбрасываются въ ясляхъ, а женщина съ мальчикомъ возвращаются въ домъ. Полный водой кувшинъ означаетъ собою желаніе хозяевъ, чтобы коровы давали много молока; орѣхи выражаютъ желаніе, чтобы скотина размножилась, а пирогъ, начиненный саломъ—чтобы свотина была всегда жирная.

По совершеніи описаннаго обряда, семья усаживается ужинать; за первымъ стаканомъ вина каждое лицо просить „благороднаго Босле“ о томъ же, о чемъ просила мать (или отецъ) семейства.

Больше никакой молитвы не совершается, ладанъ въ этотъ день не воскурается, и число свѣчей ограничивается тою парю, которую держали женщина и мальчикъ, когда они ходили въ хлѣвъ.

КВАВИЛОБА (قصابلوبا)—день оспы.

Понедѣльникъ сырной недѣли въ Гуріи именуется „Квавилоба“, т. е. днемъ оспы.

Оспу народъ представляетъ себѣ въ образѣ цѣлаго сонма ангеловъ (между которыми различаются добрые и злые), летающихъ ночью на чудесныхъ крылатыхъ коняхъ—„ражи“, (راجو). Сознывая полное свое безсиліе и беспомощность предъ этою страшною болѣзнью, народъ старается умиловить ее полною своею покорностью и преклоненіемъ предъ нею, какъ предъ Богомъ или его ангелами, называетъ оспу не настоящимъ ея именемъ — قصابلوبا (квалили), а „بگربگه“, что значитъ „господа“. Употребленіе этого слова во множественномъ, а не въ единственномъ числѣ объясняется тѣмъ, какъ я сказалъ выше, что этихъ оспенныхъ „ангеловъ“ народъ представляетъ себѣ всегда во множествѣ. Если болѣзнь проявляется въ легкой формѣ и завершается благополучнымъ исходомъ, то „батонеби“ называются народомъ добрыми, „легкими“, а въ противномъ случаѣ—злыми, „тяжелыми“. Оспенныхъ „ангеловъ“ народъ считаетъ сторонниками и почитателями Магомета и самую болѣзнь называетъ „татарскою“; поѣтому, по народному повѣрью, и нельзя давать больному оспою свинины и вина, такъ какъ это предметы, изъятыя Магометомъ изъ употребленія, и, слѣдовательно, нетерпимые „батонеби“.

Когда кто-либо заболѣваетъ оспою, въ домѣ, гдѣ онъ помѣщается, соблюдается образцовая чистота, опрятность во всемъ, и полнѣйшая тишина; послѣдняя не для того, чтобы не беспокоить больного, а главнымъ образомъ для того, что-

бы не рассердить „батонеби“, не любящих шума. Если, например, заходит собака, то ее не выгоняют, по обыкновению, а просят, чтобы она изволила выйти. Чтобы умиловить „батонеби“ и темъ облегчить тяжелое положеніе больного, его близкіе молятся „батонеби“, становясь на колѣни предъ больнымъ и прося въ этихъ молитвахъ, чтобы они („батонеби“) дали облегченіе больному—„подарили“ его, т. е. оставили въ живыхъ. Если больной захочетъ чего-нибудь, то говорятъ, что не онъ хочетъ, а „батонеби“ хотятъ; въ углу кладутъ пучекъ соломы для „ражи“, на которыхъ разъѣзжаютъ „батонеби“.

Разъ болѣзнь эта вполне обнаруживается на комъ-либо, всѣ уходятъ изъ дому; остаются для присмотра за больнымъ лишь тѣ, у которыхъ уже была натуральная оспа. Какъ остающіеся при больномъ, такъ и отсутствующіе его близкіе постоянно молятся „батонеби“. Очень многіе родственники и знакомые больного, у которыхъ была оспа, часто посѣщаютъ послѣдняго и каждый разъ, войдя къ больному, прежде всего просятъ въ молитвѣ „батонеби“ облегчить болѣзнь.

Сказать что-либо оскорбительное по адресу „батонеби“, по понятію гурійцевъ, равносильно богохульству. Разъ у народа сложились подобныя понятія объ оспѣ, то не удивительно, что онъ посвящаетъ въ году одинъ день ея воспоминанію.

Въ этотъ день всѣмъ, у кого не было натуральной оспы, строго воспрещается умываться, печь чуреки (вообще хлѣбъ) и читать или писать. Вѣря, что „батонеби“ путешествуютъ по ночамъ, сосѣди того дома, гдѣ имѣется больной оспоку, зажигаютъ свѣтъ такъ, чтобы онъ не былъ виденъ со стороны того дома, гдѣ оспа; если есть занавѣси, то ихъ опускаютъ и по ночамъ не выходятъ на дворъ; въ селѣ, гдѣ есть оспенный больной, строго воспрещается стрѣлять, чтобы не рассердить „батонеби“. По понятію народа, кто не соблюдаетъ этого

тотъ, въ случаѣ если онъ заболѣетъ оспою, будетъ изуродованъ послѣднею, которая оставитъ на его лицѣ глубокіе слѣды на всю жизнь. Никакой молитвы или обряда въ этотъ день въ честь „батонеби“ не совершается и работать не воспрещается.

ВЕЧЕРЬ ПОСЛѢДНЯГО ДНЯ МАСЛЕННОЙ.

Послѣ ужина на послѣдній день сырной недѣли въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Гуріи берутъ яичную скорлупку, кладутъ въ нее кусочки, остатки отъ всѣхъ имѣвшихся за ужиномъ кушаній и, приговаривая: „это мухамъ, это комару, это блохамъ“ и т. д., перечисляютъ всѣ имъ извѣстные виды насѣкомыхъ, безпокоющихъ людей. Затѣмъ обращаются къ перечисленнымъ насѣкомымъ и предлагаютъ имъ оставить людей и ихъ добро въ покоѣ и довольствоваться „этою“ порціею.

„ТЕДОРОВА“ (თედორობა).

Суббота первой недѣли Великаго поста въ Гуріи называется „Тедороба“, т. е. днемъ св. Θεодора. Этотъ день считается праздникомъ одиѣхъ только лошадей и вотъ почему.

По повѣрью народа, было время, когда лошадей не было на сушѣ: онѣ жили въ моряхъ; впервые будто вывелъ лошадь на сушу св. Θεодоръ, обѣщавъ ей, что она никогда не будетъ ходить по землѣ неподкованной и съ разрываннымъ ухомъ. Прорѣзать коню ухо и теперь считается въ Гуріи грѣхомъ. Такимъ образомъ, св. Θεодоръ считается покровителемъ лошадей, а потому и праздникъ его посвящается имъ.

Празднованіе этого дня заключается въ томъ, что возжениемъ свѣчей, куреніемъ ладана и молитвами просить св. Θεодора о дарованіи лошадямъ здоровья и о размноженіи ихъ.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ дѣлали да и теперь дѣлаютъ въ этотъ день слѣдующее: изъ пшеничнаго тѣста лѣпятъ кругъ въ родѣ лепешки, достаточныхъ размѣровъ, изображающій поле; на немъ ставятся модели (изъ того же тѣста) лошадей, ватеровъ съ сѣдлами и прочими принадлежностями, числомъ столько, сколько этихъ животныхъ имѣется въ домѣ; все это печется, а затѣмъ ставится въ корыто и заливается виномъ такъ, чтобы оно закрыло модели; затѣмъ мальчики со связанными назадъ руками подходятъ поочередно въ корыто, нагибаются, берутъ ртомъ модель и съѣдаютъ, при чемъ бьютъ ногами объ стѣну и ржутъ, изображая этимъ лошадь или катера.

„Б У К О В А“ (ბუკობა).

Двадцать четвертый день Великаго поста, т. е. середина поста, въ Гуріи называется „букоба“. „Буки“ по-гурійски то же, что „ска“ по-грузински, т. е. улей, точнѣе—колода для пчель. Этотъ день считается днемъ пчель. Работать не воспрещается, и въ пчеловодныхъ районахъ Гуріи въ этотъ день готовятъ новыя колоды для прироста, т. е. новыхъ роевъ пчель.

Въ этотъ день пекутъ кукурузный хлѣбъ изъ тѣста, въ которое примѣшивается изрядное количество меда.

П А С Х А (პასხა)

Св. Пасха, какъ „праздниковъ праздникъ“, и въ Гуріи встрѣчается и проводится съ подобающею торжественностью.

Какъ на особенность этого праздника въ Гуріи, я укажу на то, что во время крестнаго хода вокругъ церкви на заутренѣ, по окончаніи послѣдняго обхода, каждый присутствующій беретъ камешекъ и, бросая его, произноситъ: „Горе еврею“! (გან უნობს!).

Это есть сохранившійся древній обычай, въ коемъ хри-

стіане наглядно выражали свое негодованіе на сыновъ Израіля, не признавшихъ въ Христѣ Спасителя ожидаемаго Мессію и замучившихъ его поворною смертью. Впрочемъ, этотъ древній обычай начинаетъ выводиться: въ большинствѣ приходоѵ онъ уже оставленъ совершенно.

Кромѣ того, заутреня на Пасху въ Гуріи начинается, въ громадномъ большинствѣ приходоѵ, на разсвѣтѣ или немногимъ раньше, благодаря чему обѣдня отходитъ обыкновенно днемъ, спустя значительное время послѣ восхода солнца. Такое позднее начатіе церковной службы объясняется исключительно тѣмъ обстоятельствомъ, что въ Гуріи каждый приходъ разбросанъ на большое пространство: зачастую прихожанинъ живетъ отъ своей церкви въ 4—5 верстахъ; если въ этому прибавить и то, что, вслѣдствіе разбросанности населенія, чуть ли не каждый домъ имѣетъ свою особую тропу, которая не можетъ похвалиться своей удобопроходимостью, въ особенности въ нагорныхъ частяхъ Гуріи, то станетъ ясно, что начатіе церковной службы въ 12 часовъ ночи, какъ то бываетъ въ городахъ, представило бы большое неудобство для прихожанъ и лишило бы значительное большинство ихъ возможности слышать слово Божье въ такой торжественный день, какъ св. Пасха.

У кого имѣется какой-нибудь близкій, похороненный въ церковной оградѣ (всѣ покойники безъ изытія и по настоящее время въ деревняхъ Гуріи погребаются въ церковной оградѣ), тотъ во время церковной службы на Пасху, обыкновенно возжигаетъ на могилѣ восковую свѣчу и кладетъ ейцо, какъ бы дѣлая и покойника участникомъ въ торжественномъ богослуженіи дня воскресенія Спасителя, съ вѣрою въ свое будущее воскресеніе и въ жизнь вѣчную.

По окончаніи божественной литургіи, что обыкновенно бываетъ, какъ я уже сказалъ, далеко послѣ восхода солнца, начинаются принятія въ этотъ день поздравленія другъ-друга,

съ лобызаніями и обязательнымъ обмѣномъ крашеныхъ яицъ— этихъ символовъ воскресенія Спасителя; яицъ не принимаютъ и не держатъ въ рукѣ при христосованіи лишь тѣ, которые состоятъ въ глубокомъ траурѣ.

По окончаніи христосованія начинается оживленное состязаніе въ испытаніи крѣпости крашеныхъ яицъ: бьются яйцами, при чемъ разбитое яйцо составляетъ трофей побѣдителя. Если при этомъ разобьютъ яйцо, принадлежащее кому-либо изъ женщинъ, то для послѣдней это служитъ плохимъ предзнаменованіемъ: она увѣрена, что въ томъ году потерпитъ неудачу въ шелководствѣ.

Паски (бабки) въ Гуріи стали употребляться лишь недавно, раньше же о нихъ и понятія не имѣли, да и теперь не у всякаго бываетъ паска; о настоящихъ же паскахъ (сырныхъ) и въ данное время не имѣютъ понятія.

Имѣющіе похороненными въ церковной оградѣ близкихъ родственниковъ подходятъ къ могиламъ послѣднихъ и, поздравивъ покойника со свѣтлымъ праздникомъ, перекатываютъ на могиламъ красное яйцо, которое и оставляется тамъ для того, чтобы его взяли или нищіе, или какія-нибудь постороннія дѣтишки.

По отходѣ обѣдни народъ недолго остается въ оградѣ церкви, такъ какъ каждый торопится домой разговѣться послѣ 48-дневнаго поста, который гурійцами соблюдается очень строго.

Столъ гурійца на Пасху не отличается такимъ обиліемъ и разнообразіемъ блюдъ, какъ на Новый годъ, но бываетъ у всякаго всего вдоволь.

Барашекъ также не составляетъ неизмѣнной принадлежности пасхальнаго стола, хотя каждая гурійская семья могла бы имѣть его въ этотъ день.

Отобѣдавъ, съ должнымъ возліаніемъ Бахусу, молодежь, даже и старики, отправляются въ „*сатамашо*“ —

игрище), мѣсто, куда собирается весь приходъ, а иногда и нѣсколько приходовъ, для препровожденія времени *).

Эти сборища для народа замѣняютъ и оживленные, шумные балы средняго и высшаго круга городскихъ жителей, и кровавые кулачные бои, практикующіеся въ городахъ Карталиніи и Кахетіи и приносящіе лишь одинъ вредъ здоровью тѣхъ, кто въ этихъ бояхъ принимаетъ участіе.

Мѣсто для собранія выбирается обыкновенно по положенію центральное, ровное, открытое или лишь частью открытое большими деревьями.

Препровожденію времени на игрищѣ для разныхъ возрастовъ заключается въ разныхъ удовольствіяхъ: одни, образовавъ кружокъ, танцуютъ подъ звуки гармоніи, даиры (бубенъ), чангури и пѣсенъ, другіе играютъ въ мячъ, третьи— въ „маіа„ (მაია)—въ городки, плѣнъ и т. д.

Игра въ мячъ въ Гуріи практикуется нѣсколькихъ видовъ, изъ коихъ я остановлюсь на трехъ: „чакуноба“ (ჭაკუნობა) „гагдеба“ (გაგდება) и „гатана“ (გატანა).

„Чакуноба“ происходитъ отъ слова „чакуни“, что означаетъ на мѣстномъ діалектѣ палку съ загнутымъ концомъ. Въ эту игру играютъ обыкновенно дѣти 8—15 лѣтняго возраста.

Игра состоитъ въ томъ, что всѣ дѣти, находящіеся налицо и желающія принять участіе въ игрѣ, раздѣляются на два враждебныхъ лагеря. Каждый участвующій въ игрѣ, вооруженъ „чакуни“, палкою въ аршинъ, рѣдко длиннѣе; у которой одинъ конецъ долженъ оканчиваться дугообразнымъ загибомъ или загибомъ подъ угломъ, наклонъ котораго бываетъ различный, отъ 90° до 130°, рѣдко болѣе; „чакуни“ готовится для этого случая каждымъ любителемъ игры заранее, еще Великимъ постомъ, а иногда хранится на нѣсколько лѣтъ.

*) Въ Подольской губерніи и Галичинѣ народъ для игръ собирается въ церковной оградѣ; подобныя игры называются „гагилки“. Л. Л.

Когда участвующіе въ игрѣ раздѣлены на двѣ партіи, тогда намѣчаются два пункта въ саженьяхъ 20—40 и болѣе другъ отъ друга; пункты эти, или границы, называются „лело“ (ἄλλο). Когда все это сдѣлано, тогда мячикъ, величиною въ крупное яблоко или меньше, скомканннй изъ конскихъ или коровихъ волосъ и потому достаточно упругій, подбрасывается кѣмъ-либо изъ первостепенныхъ участниковъ игры на равномъ разстояніи отъ назначенныхъ пунктовъ — „лело“, и затѣмъ до него дотрогиваться непосредственно рукою никому не дозволяется правилами игры, а пускается въ ходъ „чакуни“. Каждая партія напрягаетъ всѣ свои силы увлечь мячъ ударами „чакуни“ въ свою сторону, къ своей границѣ — „лело“.

Та партія, которая пересилитъ другую и доброситъ мячъ до своей границы, считается одержавшей побѣду; она выражаетъ свою радость громкимъ „лело“ и „ура“.

Игра возобновляется столько разъ, сколько угодно играющимъ.

Эта игра, служа превосходнымъ гимнастическимъ упражненіемъ, представляетъ одно неудобство для играющихъ: удары „чакуни“ нерѣдко случайно приходятся кому-нибудь по ногѣ, при томъ скопленіи играющихъ, которое при этой игрѣ неизбежно, и причиняютъ сильную боль, отъ чего по окончаніи игры въ каждой партіи бываетъ всегда нѣсколько человекъ прихрамывающихъ, пострадавшихъ на полѣ „брани“.

Тотъ видъ игры въ мячъ, который называется „гагдебба“ (ἄγῆδῆ), что значитъ „бросать“, заключается въ слѣдующемъ: всѣ участвующіе въ игрѣ дѣлятся тоже на два противныхъ лагеря, по равному числу лицъ въ обоихъ; каждое лицо первой партіи старается перебросить мячъ своему товарищу, а другая партія старается перехватить мячъ. Обладатели мяча должны быть очень осторожны, ловки и сообразительны: въ противномъ случаѣ они скоро потеряютъ мячъ,

и потомъ придется самимъ „голодать“, по мѣткому мѣстному выраженію, глядя, какъ играетъ противная партія, и, чтобы вновь получить мячъ, нужно будетъ потратить массу энергии. Игра эта довольно занимательна и полезна.

Третій видъ игры въ мячъ—это „гатана“ (ḡḡḡḡ), что значитъ „вынести“ или „донести“. Эта игра устраивается и происходитъ обыкновенно слѣдующимъ образомъ: всѣ участвующіе дѣлятся на два враждебныхъ другъ другу лагеря или по мѣсту жительства, по районамъ, или же на женатыхъ и холостыхъ, если только число тѣхъ и другихъ не представляетъ большой разницы, и, такимъ образомъ, силы приблизительно равны; въ этой игрѣ въ большіе праздники принимаетъ участіе нерѣдко нѣсколько смежныхъ приходо́въ, и тогда игра принимаетъ серьезный характеръ.

Когда играющіе раздѣлены на партіи, намѣчаютъ пункты, или „дело“ какъ и въ игрѣ „чауноба“; разстояніе между „дело“ при большомъ стеченіи играющихъ бываетъ нерѣдко до $\frac{1}{2}$ версты. Одинъ изъ пунктовъ присваивается одною партіею, другой—другою. Послѣ этого всѣ играющіе собираются въ мѣсто, находящееся на равномъ разстояніи отъ обоихъ „дело“, и обшитый кожною мячъ, величиною, въ большинствѣ случаевъ, въ человѣческую голову, высоко подбрасывается кѣмъ-нибудь—и игра начата; овладѣвшая мячомъ партія старается не уступить его противной сторонѣ, а увлечь въ сторону своего „дело“, а противная партія напрягаетъ всѣ свои силы отбить мячъ и увлечь его въ свою сторону. Каждый участвующій въ игрѣ старается, чтобы мячъ находился, если не у него лично, то, по крайней мѣрѣ, у кого-нибудь изъ его сторонниковъ; поэтому всѣ играющіе стремятся къ одной и той же точкѣ—къ мѣсту нахождения мяча.

Нерѣдко играющіе, отдавшись желанію завладѣть мячомъ, такъ увлекаются, что наваливаются другъ на друга,

образовавъ нѣсколько ярусовъ, изъ которыхъ въ самомъ низу стоитъ или лежитъ счастливый и вмѣстѣ съ тѣмъ несчастный обладатель „сокровища“, задыхающійся подъ тяжестью навалившейся на него массы народа, изъ которыхъ одни стараются высвободить его вмѣстѣ съ мячомъ или спасти только мячъ отъ посягательства на него членовъ противной партіи, а другіе, препятствуя осуществленію этого желанія, сами хотятъ овладѣть мячомъ. Если обладателю мяча не удастся высвободиться изъ этого ада, вмѣстѣ съ мячомъ, то онъ старается вручить послѣдній кому-нибудь изъ „своихъ“, этотъ передаетъ слѣдующему и т. д., пока мячъ не попадаетъ въ руки такого лица, которое имѣетъ возможность бѣжать вмѣстѣ съ мячомъ въ сторону своей границы— „лело“; если бѣгущій обладаетъ быстротою ногъ Ахиллеса, то побѣда на его сторонѣ: онъ добѣжитъ до „лело“; въ противномъ же случаѣ его догоняютъ, и вновь произойдетъ свалка, если онъ не успѣетъ перебросить мячъ кому-нибудь изъ „своихъ“; но съ его стороны и то большая заслуга, если онъ успѣетъ приблизить мячъ на нѣсколько саженой къ „лело“.

Подобное движеніе иногда нѣсколькихъ сотъ человѣкъ съ шумомъ и гамомъ совершенно тождественно движенію роя пчель; мячъ можетъ быть уподобленъ „королевѣ“, или „маткѣ“, за которою движется обыкновенно весь рой.

Движеніе массы играющихъ продолжается до тѣхъ поръ, пока которая-либо изъ двухъ партій не пересилитъ противную и не доброситъ мяча до своей границы— „лело“.

Игра тогда заканчивается сильнымъ шумомъ и гамомъ побѣдителей и насмѣшкой ихъ надъ побѣжденными.

Если разстояніе между „лело“ значительно, и силы партій приблизительно равны, то игра иногда, начавшись за нѣсколько часовъ до заката солнца, тянется до самаго вечера.

При этой игрѣ весьма часто пускаются на разныя хитрости; такъ, напримѣръ: если только сможетъ какая-нибудь

партія скрыть мячъ, поручаетъ его кому-либо изъ своихъ членовъ, которому дастъ возможность улизнуть тайкомъ, и, если ему удастся донести мячъ до своего „дело“, партія эта считается побѣдившею; иногда же, если игра происходитъ на берегу рѣки, то та партія, „дело“ которой лежитъ ниже по теченію рѣки, нарочно бросаетъ мячъ въ воду, чтобы она отнесла его на нѣкоторое разстояніе; но другая партія бросается въ рѣку за мячомъ, не щадя живота; туда же бросается и другая партія; въ рѣкѣ происходитъ свалка изъ-за обладанія мячомъ, оканчивающаяся иногда печальной развязкой.

Въ эту игру играютъ какъ взрослые, такъ и дѣти, но отнюдь не вмѣстѣ, такъ какъ дѣти легко могутъ пострадать въ описанной выше свалкѣ, безъ которой эта игра не обходится.

Описанная игра, если только она ведется правильно, въ высшей степени полезна, такъ какъ играющимъ приходится выказать не только физическую силу, ловкость и быстроту ногъ, но отчасти и сообразительность.

Игра въ „маіа“ тоже интересна и полезна въ отношеніи развитія въ играющихъ быстроты ногъ, ловкости и сообразительности. Она заключается въ слѣдующемъ.

Всѣ желающіе принять непосредственное участіе въ игрѣ дѣлятся на двѣ равныя по числу лицъ враждебныя другъ другу партіи. Дѣленіе на партіи производится слѣдующимъ образомъ: всѣ играющіе собираются вмѣстѣ; двое изъ нихъ, считающіеся главами партій, производятъ дѣлежъ такъ: одинъ изъ нихъ произноситъ: „*ᠮᠠᠢᠨᠠᠨᠢ* э“, т. е. выборъ мой; другой отвѣчаетъ: „*ᠮᠠᠢᠨᠠᠨᠢ* э“, т. е. „я молчу“ или „я жду“; первый произноситъ: „такой-то мнѣ“ и, беря такого-то за руку, ставитъ его въ свою сторону; тогда второй говоритъ: „*ᠮᠠᠢᠨᠠᠨᠢ*“, т. е. „выборъ мой“, а первый отвѣчаетъ: „*ᠮᠠᠢᠨᠠᠨᠢ* э“, т. е. „я молчу“ или „я жду“; второй говоритъ: „такой-то мнѣ“ и, беря его за руку, ставитъ въ свою сторону.

Такимъ образомъ продолжаютъ до тѣхъ поръ, пока всѣ играющіе не будутъ раздѣлены на двѣ партіи. Глава каждой партіи, конечно, старается, чтобы всѣ лучшіе игроки попали въ его группу, а потому вначалѣ обыкновенно разбираются лучшіе игроки, т. е. хорошіе бѣгуны и ловчаки, а затѣмъ и остальные.

Такъ какъ за одинъ разъ главѣ партіи можно взять въ свою партію лишь одно лицо и притомъ каждый изъ руководителей старается взять раньше лучшихъ игроковъ, то при такомъ дѣлежѣ силы партій бывають обыкновенно почти равныя.

По окончаніи дѣлежа партіи отдѣляются другъ отъ друга, и выбирается мѣсто для игры, которое должно быть ровное и открытое, безъ деревьевъ.

На выбранномъ мѣстѣ въ двухъ пунктахъ, на разстояніи 10—15 саж. другъ отъ друга, проводятся на землѣ двѣ бороздки, параллельно другъ къ другу; по одной изъ этихъ бороздокъ выстраивается одна партія, по другой—другая; партіи обращены лицомъ къ лицу; отъ каждой изъ указанныхъ бороздокъ, на разстояніи прыжка или немного болѣе, проводятся по второй (бороздкѣ), параллельно первымъ.

Мѣсто между двумя параллельными бороздками, находящимися другъ отъ друга на разстояніи прыжка или немного болѣе, и называется собственно „маіа“.

Проведеніемъ указанныхъ бороздокъ и водвореніемъ на нихъ враждебныхъ партій и заканчивается приготовленіе къ описываемой игрѣ, и затѣмъ начинается самая игра.

Игра въ „маіа“ начинается и производится слѣдующимъ образомъ: одинъ, положимъ изъ первой партіи, отдѣлившись отъ своихъ, подходитъ къ враждебному лагерю и становится на передней бороздѣ (по задней выстроены въ линію его противники) и готовится бѣжать въ сторону своего лаге-

ря; кто-либо изъ противнаго лагеря тоже готовится бѣжать въ догонку ему; первый, пронесши, обращаясь къ преслѣдователю: „тѣфу твоей маіѣ“ (ἄλλο τῆς ἀνάγκης) и дѣйствительно сплунувши, пускается бѣжать изо всей силы, а второй преслѣдуетъ его, стараясь догнать; но бѣгущіе не успѣваютъ пробѣжать и половины разстоянія между мѣстами стоянши противниковъ, какъ изъ первой партіи отдѣляется кто-нибудь и бѣжитъ навстрѣчу бѣгущимъ, выручить „своего“; если преслѣдующій не успѣетъ догнать преслѣдуемаго и дотронуться до него или не замѣтитъ отдѣлившася отъ первой, враждебной ему, партіи бѣгущаго ему навстрѣчу и не повернетъ въ сторону своего лагеря, то быть ему въ плѣну: бѣгущій ему навстрѣчу непремѣнно догонитъ его, поймаетъ и уведетъ въ плѣнъ; но и вторая партія играющихъ не зѣваетъ: замѣтивъ, что противники преслѣдуютъ ея сторонника, который можетъ попасть въ плѣнъ, она высылаетъ на выручку „своего“ новыхъ бѣгуновъ, которые, давъ возможность преслѣдуемому ускользнуть отъ посягательства „враговъ“, сами преслѣдуютъ этихъ „враговъ“, улепетывающихъ, въ свою очередь, отъ преслѣдователей. При этомъ вышедшій позже имѣетъ право поймать вышедшаго раньше его, но, наоборотъ, никогда.

Такимъ образомъ, игра, сопровождаемая постояннымъ крикомъ и шумомъ играющихъ, становится въ высшей степени оживленною и занимательною не только для игроковъ, но и для постороннихъ зрителей.

Играющій въ „маіа“ долженъ быть хорошій бѣгунъ, ловокъ, сообразителенъ и расчетливъ; кто плохо обладаетъ хотя однимъ изъ этихъ качествъ, тотъ скоро попадетъ въ плѣнъ, т. е. будетъ настигнутъ, захваченъ врасплохъ вѣтъ-либо изъ противнаго лагеря. Умѣлые и ловкіе игроки въ „маіа“ иногда обманомъ увлекаютъ далеко преслѣдователя и тѣмъ даютъ возможность своимъ захватить его въ плѣнъ. Чтобы

захватить въ плѣнъ противника, достаточно дотронуться до него даже однимъ пальцемъ.

Плѣнные ставятся между лагерями въ сторонѣ того лагера, который захватилъ ихъ въ плѣнъ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него; тронуться плѣннымъ съ мѣста до тѣхъ поръ, пока они не будутъ высвобождены, строго воспрещается правилами игры.

Когда плѣнные поставлены на мѣстахъ, игра возобновляется и становится еще болѣе оживленною, такъ какъ товарищи плѣнныхъ употребляютъ все усилія на освобожденіе послѣднихъ. Плѣнный считается освобожденнымъ лишь въ томъ случаѣ, когда кому-нибудь изъ товарищей удастся, не попавшись въ плѣнъ, добѣжать до него и коснуться его рукою; коль скоро же ему удалось дотронуться до плѣннаго товарища, то послѣ этого, если кто-нибудь изъ противнаго лагеря и дотронется до него, то это уже не считается.

Плѣнные бываютъ обыкновенно съ обѣихъ сторонъ и весьма часто одновременно; въ противномъ случаѣ силы партій были бы далеко не одинаковы; но обмѣнъ плѣнныхъ не полагается: каждая партія должна выручить своихъ плѣнныхъ.

Почти никогда не случается, чтобы одна партія забрала въ плѣнъ всю враждебную партію, а потому игра продолжается обыкновенно долго, до тѣхъ поръ, пока у играющихъ есть желаніе продолжать игру.

Побѣдившею считается та партія, отъ которой меньше было захвачено въ плѣнъ.

Въ эту игру играютъ обыкновенно мальчики съ 8-лѣтняго возраста и молодые люди до дватцати лѣтъ, рѣдко и старшіе.

Эти послѣобѣденныя собранія въ „сатамапо“ для провожденія времени въ описанныхъ и нѣкоторыхъ другихъ играхъ, начинаясь на Пасху, бываютъ въ Гуріи на второй

и третій день Пасхи и затѣмъ въ продолженіе всей весны во всѣ воскресные и праздничные дни, когда только благопріятствуетъ погода.

Слѣды описанныхъ и многихъ другихъ, имъ подобныхъ характерныхъ игръ, искони практикующихся въ Гуріи, не трудно видѣть на обитателяхъ этой страны: гуріецъ легокъ, шустръ, храбръ, сообразителенъ, понятливъ; въ выработкѣ въ цѣлой народности этихъ качествъ, кромѣ природы страны и племенныхъ врожденныхъ качествъ народа, безъ сомнѣнія, служатъ не послѣднимъ факторомъ и любимыя гурійцами игры.

ПЕРВЫЙ ПОНЕДѢЛЬНИКЪ МАЯ МѢСЯЦА.

Въ первый понедѣльникъ мая мѣсяца каждую семью въ Гуріи (главнымъ образомъ въ горной ея части) готовится небольшой пирогъ изъ кукурузнаго тѣста и дается одному изъ членовъ семьи, который, отправляясь куда-нибудь, прячетъ его по дорогѣ на чужой землѣ, а на обратномъ пути съѣдаетъ его. Этотъ пирогъ называется „птичьей порціей“.

Поѣдая „птичью порцію“ на чужой землѣ, этимъ выражаютъ желаніе, чтобы птицы въ томъ году не трогали ихъ посѣвовъ, а ѣли бы чужіе. Этотъ обычай, какъ и много другихъ, есть вполне естественный результатъ народной жизни. Птицы одни изъ сильныхъ враговъ земледѣія, такъ какъ онѣ уничтожаютъ иногда весь посѣвъ бѣднаго крестьянина, а потому не удивительно, что изготовленіемъ „птичьей порціи“ народъ хочетъ угодить своему врагу, съ которымъ всякая борьба бессильна.

„Э Л И О В А“ (ἑλιόβλα).

День св. пророка Ильи, 20 іюля, гурійцы считаютъ за праздникъ, но отъ работы въ этотъ день не всѣ воздерживаются.

Гурійцы пророка **Ильи** называютъ „*ἑλιόβλα*“ , что значить „**предвѣститель облаковъ**“. По понятію народа, ни

одна капля дождя не может упасть на землю безъ вѣдома и желанія пророка Ильи. Молнію народъ представляетъ огненный колесницей, на которой, будто бы, развѣзжаетъ пророкъ Ильи, а раскаты грома,—это шумъ, производимый колесами этой огненной колесницы. Въ день Ильи гуріецъ непременно водружаетъ деревянные кресты на своихъ посѣвахъ, на своемъ дворѣ, на домѣ, амбарѣ, кукурузникѣ и проч.

Кресты эти иногда ставятся и раньше, но „эли“ втыкается непременно въ день Ильи.

Кресты, водружаемые на дворѣ и на посѣвахъ, приготовляются обыкновенно изъ молодой ольхи, а водружаемые на домахъ, амбарахъ и прочихъ строеніяхъ, изъ побѣговъ, въ палецъ толщиною, кустарника „лукумпа“ (ꞑꞑꞑꞑꞑꞑꞑ) или черешни; вмѣстѣ съ крестомъ непременно укрѣпляется обрѣзокъ отъ куста азалеи, которая въ Гуріи встрѣчается вездѣ и названіе которой „эли“ (ꞑꞑꞑ) совпадаетъ съ именемъ чествуемаго въ этотъ день пророка. Къ крестамъ, водружаемымъ на дворахъ и посѣвахъ, очень часто привѣшивается изрядныхъ размѣровъ камень. Кресты обыкновенно ставятся для того, чтобы нечистая сила или дурной глазъ (главнымъ образомъ—последній) не повредили тѣмъ предметамъ, которые охраняются этими крестами.

Если же къ кресту привѣситъ камень, то, по мнѣнію народа, крестъ будетъ имѣть болѣе дѣйствительную силу, такъ какъ дурной глазъ не можетъ устоять противъ твердости камня. Часто на крестъ надѣвается также и кругъ изъ терновника, тоже съ тѣмъ, чтобы шипы терна кололи дурной глазъ.

Въ этотъ день, предъ ужиномъ, совершается молитва съ возженіемъ свѣчей и куреніемъ ладана. Въ молитвѣ просятъ Бога и св. Илью—„предводителя облаковъ“, чтобы не было засухи или продолжительныхъ дождей, вредящихъ посѣвамъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Гуріи молитву совершаютъ на

ближайшей нивѣ, куда приносятъ пирогъ (ხაჭაპური), вино и восковые свѣчи.

ПРЕОБРАЖЕНІЕ (ფრინცვლობა).

Особенность празднованія этого дня въ Гуріи составляетъ слѣдующій народный обычай.

Приготавливается изъ свѣжихъ грецкихъ орѣховъ чистое, безъ всякой примѣси (ურწყვილი— „бевводное“ по мѣстному выраженію) масло въ такомъ количествѣ, чтобы оно могло, по крайней мѣрѣ, покрыть дно тарелки. Масло это получается слѣдующимъ образомъ: очищаютъ свѣжіе грецкіе орѣхи (ранній сортъ, который къ этому времени послѣвуетъ), высушиваютъ и толкутъ ихъ до тѣхъ поръ, пока не получится мягкая масса; затѣмъ, скомкавъ эту массу, начинаютъ катать ее и растирать на днѣ деревянной чашки; чрезъ нѣскольکو минутъ изъ массы начинаетъ выдѣляться чистое масло, которое и сливаютъ на другую чашу или тарелку.

Возвратившись съ обѣда, каждый членъ семьи смотритъ въ это масло и, конечно, видитъ въ немъ, какъ въ зеркалѣ, отраженіе собственной фивіономіи.

Этимъ народъ образно представляетъ себя Преображеніе Іисуса Христа.

Болѣе ничѣмъ особеннымъ правднованіе этого дня не отличается, кромѣ развѣ того, что въ этотъ день въ Гуріи уничтожается громадное количество рыбы во всевозможныхъ видахъ, въ особенности же горной форели, въ изобиліи ловащейся въ мѣстныхъ горныхъ рѣкахъ.

До Преображенія не ѣдятъ фруктовъ, а въ особенности грецкихъ орѣховъ; если же ѣсть послѣдніе раньше праздника, то, по повѣрью народа, голова будетъ болѣть.

ПРАЗДНИКЪ МЫШЕЙ (თაგვ-მარობა) „ВАСИЛОВА“ (მასიგობა) и „КВАВЪ-МАРІОВА“, или „ЧЯТЬ-МАРІОВА“ (ყვავ-მარობა) ანუ ჩატი-მარობა).

Таеъ какъ 15 августа православный міръ, въ томъ

числѣ и всѣ народности картвельскаго племени, искони православныя, празднуютъ Успеніе Дѣвы Маріи, то этотъ день у грузинъ, а въ особенности у гурійцевъ, именуется „Маріобисъ-твѣ“, т. е. мѣсяцемъ, когда бываетъ „Маріоба“, или Успеніе; точно также декабрь у грузинъ называется „Кристе-шобисъ-твѣ“, т. е. мѣсяцъ, когда празднуется Рождество Христа Спасителя; іюнь называется „Иванобисъ-твѣ“—мѣсяцъ, когда празднуется день Ивана; іюль—„Квири-кобисъ-твѣ“—мѣсяцъ, когда празднуется день св. Квирике; сентябрь—„Энкенисъ-твѣ“—мѣсяцъ, когда празднуется „Энкеноба“.

У гурійцевъ, кромѣ настоящей „Маріоба“ (Успеніе), бываетъ еще двѣ: 17-го августа „Тагвъ-Маріоба“ (т. е. „Маріоба“ для мышей, а 18-го „Квавъ-Маріоба“, или „Читъ-Маріоба“ (ჩიჭი კვახი—значить ворона). „Тагвъ-Маріоба“ и Квавъ-Маріоба“ хотя и считаются праздниками мышей и птицъ, но эти дни ничѣмъ особеннымъ не отличаются отъ обыкновенныхъ будничныхъ, за исключеніемъ лишь того, что въ „Тагвъ-Маріоба“ пекутъ два небольшихъ хлѣбца, одинъ изъ кукурузнаго тѣста, а другой изъ зола, —это порція для мышей.

Эти хлѣбы кто-либо изъ членовъ семьи беретъ съ собой, уходитъ изъ дому, хлѣбецъ изъ зола владеть гдѣ-нибудь на пнѣ, а другой—настоящій, съѣдаетъ и возвращается домой.

Такимъ вниманіемъ, оказываемымъ мышамъ, народъ хочетъ умилостивить послѣднихъ, чтобы онѣ не поѣдали его посѣвовъ, хлѣба въ амбарахъ и прочаго добра.

Въ „Читъ-Маріоба“ ничего не дѣлается въ угоду птицамъ, такъ какъ имъ должное вниманіе оказывается въ первый по-недѣльникъ мая мѣсяца.

16-ое августа въ Гуріи называется „Басилоба“, т. е. днемъ Басила, или Василя; но день этотъ не празднуется; извѣстенъ же онъ тѣмъ, что въ этотъ день гурійцы-пчеловоды начинали брать „взятку“ у пчелъ, сколько послѣднія мог-

ли дать, что соблюдается некоторыми пчеловодами и в наше время.

„ДАДЕГИ“ (დადეგი).

Слово „дадеги“ на грузинскомъ языкѣ значитъ „начало, поступленіе“. Такъ называется вѣ Гуріи первое сентября, которое вѣ прежнее время служило началомъ года, какъ первое января вѣ настоящее время.

День этотъ, какъ начало года, давно уже утратилъ прежнее свое значеніе, но вѣ памяти народа онъ сохранилъ не только названіе свое, но и всѣ свои характерныя особенности.

Въ день „Дадеги“ всякая работа, кромѣ рубки строительнаго лѣснаго матеріала, строго воспрещается народнымъ обычаемъ; но дерево, срубленное вѣ этотъ день, по народному повѣрью, отличается особенною прочностью и доброкачествомъ, почему жители горной Гуріи и занимаются вѣ этотъ день исключительно рубкой каштановъ и прочихъ деревьевъ, идущихъ на дома и разныя строенія.

„Дадеги“ вѣ Гуріи считается днемъ судьбы, какъ и Новый годъ, а ночь подъ первое сентября—ночью колдуновъ.

По понятію гурійцевъ, вѣ этотъ день у каждаго человека мѣняется звѣзда: гурійцы вѣрять, что каждый человекъ рождается подъ известной звѣздой, отъ которой вполне зависитъ,—быть ли ему счастливымъ вѣ жизни или несчастнымъ; кромѣ того, они вѣрять вѣ существованіе колдуновъ, вѣдьмъ, „джадо“ и „Рокапи“—этой повелительницы всѣхъ колдуновъ.

По повѣрью гурійцевъ, „Рокапи“ живетъ вѣ неприступныхъ скалахъ, вѣ странѣ, называемой „Чачвети“ (ჭაჭვეთი); но гдѣ находится эта страна, народъ не знаетъ; известно только, что она находится близъ моря. Рокапи очень строгая и суровая, сердится не часто, но очень зло. Колдуны и колдуньи навѣщаютъ ее очень часто, и она ведетъ имъ и ихъ

подвигамъ счетъ. Неудовольствіе свое Рокали выражаетъ раскрытіемъ пасти, изъ которой у нея виднѣются страшные, длинные и черные зубы; носъ у нея предлинный и уродливый. Когда колдунъ или колдунья приходитъ къ Рокани, то ударяетъ ее камнемъ въ зубы: если ударъ сильный, то она радуется.

Этотъ ударъ замѣняетъ между Рокани, съ одной стороны, и колдуномъ или колдуньей, съ другой, обыкновенное привѣтствіе.

Каждый колдунъ или колдунья обязаны явиться къ Рокани въ ночь подъ первое сентября и принести какой-нибудь подарокъ: животныхъ, сердца людей или что-нибудь другое.

Если подарокъ хорошъ, то Рокани радуется и эту радость выражаетъ опять таки раскрытіемъ пасти и какимъ-то дикимъ смѣхомъ, или вѣрнѣе, мычаньемъ.

Насколько укоренилась въ гурійцахъ вѣра въ существованіе колдуновъ и Рокани, видно изъ слѣдующихъ, вполне достоверныхъ фактовъ, повѣствуемыхъ стариками-очевидцами.

Еще въ первое время водворенія въ Гуріи русскаго правленія, въ началѣ текущаго столѣтія, лица, обвиняемыя въ совершеніи колдовства, подвергались публичному суду, или вѣрнѣе, испытанію. Весь народъ, начиная съ помѣщиковъ и кончая ихъ послѣдними холопами, сходился и сѣзжался въ такое мѣсто на берегу рѣки, гдѣ вода была особенно глубока, а теченіе медленно. Народъ въ восточной Гуріи собирался у глубокаго мѣста на рѣкѣ Супсѣ, находящемся почти у основанія старинной крѣпости „Букись-цихе“ и называемомъ „Гурись-тба“—что значитъ Гурійское озеро, въ Эркетскомъ обществѣ, между селами Яноули и Цихе, въ 4—й верстахъ отъ мѣстечка Чохатаури. Сюда же приводили и „подсудимаго“ (или „подсудимую“). Несчастнаго раздѣвали до-нага и, связавъ руки и ноги (чтобы онъ не могъ плавать), опускали на веревкѣ (чтобы не утонуть) въ воду; если испытуемый опускался на

дно рѣки, то онъ оправдывался, т. е. это доказывало, что онъ не колдунъ и взведенное на него обвиненіе невѣрно; если же онъ не погружался въ воду, т. е. не опускался на дно, или, по мѣстному выраженію, если „вода не принимала“ его, то это доказывало, что обвиняемый былъ дѣйствительно колдунъ. Въ послѣднемъ случаѣ несчастнаго обвиненнаго ожидала варварская мука: его клеймили. Для этого брали кусокъ желѣза—
 3500 (пластинку, въ вершка 1½—2 шириною и нѣсколько вершковъ длиною), раскаляли добѣла и прикладывали ему ко лбу. Это дѣйствіе называлось „*ᠳᠠᠳᠠᠭᠪᠠ*“ („дадагва“), „даги“— тавро, клеймо, мѣтѣа, выжигаемое на тѣлахъ животныхъ, главнымъ образомъ лошадей. Совершивъ этотъ варварскій поступокъ надъ несчастною жертвою народнаго суевѣрія, отпускали колдуна на свободу. Клеймо оставалось, конечно, на всю жизнь.

По понятію народа, заклеянный колдунъ уже болѣе не могъ заниматься своимъ ремесломъ, а потому онъ становился безвреднымъ членомъ общества.

Колдунъ въ Гуріи называется „кудіани“, что значитъ „хвостатый“ („куди“—хвостъ), такъ какъ, по повѣрью гурійцевъ, колдунъ или колдунья непременно имѣютъ хвостъ.

Мнѣ рассказывали старики, что не задолго предъ водвореніемъ въ Гуріи русскихъ войскъ надъ однимъ субъектомъ, обвиненнымъ въ колдовствѣ, была учинена суевѣрною толпою описанная выше расправа; сколько несчастный ни увѣрялъ толпу въ своей невинности, сколько ни клялся Богомъ и всѣми святыми, ничто не помогло: его заклеяли; но послѣдній не замедлилъ явиться со своимъ клеймомъ къ представителю русской власти, прося правосудія.

Нечего говорить, что главнѣйшіе виновники звѣрскаго поступка получили заслуженное ими возмездіе, благодаря чему случай этотъ былъ послѣдній въ цѣломъ рядѣ ему подобныхъ.

Хотя въ наше время въ Гуріи и немислимы подобныя поступки, благодаря съ одной стороны значительному умственному развитію народа, а съ другой—дѣйствующимъ законамъ, но суевѣрія, такъ глубоко пустившія корни въ понятіяхъ народа, не скоро искореняются, и нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что темный народъ и въ настоящее время вѣритъ въ существованіе Рокани, колдуновъ и имъ подобныхъ; вѣрованіе эти еще не скоро исчезнутъ изъ памяти народа, если не будетъ обращено на эту сторону жизни особеннаго вниманія церковнослужителями и сельскими учителями, которые, находясь въ постоянномъ общеніи съ народомъ, могутъ оказать краю большую услугу; но для этого, прежде всего, необходимо, чтобы какъ тѣ, такъ и другіе соотвѣтствовали сврему высокому назначенію.

Насколько вѣра въ колдуновъ еще сильна въ нѣкоторыхъ районахъ Гуріи, можно заключить изъ того, что если дѣла одного изъ жителей, благодаря, конечно, его трудолюбію и смышленности, идутъ хорошо, а другого, его сосѣда, вслѣдствіе нерадѣнія послѣдняго,—плохо, то второй всѣ свои неудачи и успѣхи перваго приписываетъ колдовству самаго удачника или кого-либо изъ членовъ его семьи, большею частью старухъ. Послѣднія будто бы „высасываютъ сердца“ у тѣхъ, кого онѣ избираютъ въ жертву, отъ чего будто бы у этихъ жертвъ отпадаетъ охота ко всему, они погружаются въ полную апатію, постепенно чахнутъ и наконецъ умираютъ.

Какъ я сказалъ выше, ночь подъ первое сентября въ Гуріи почему-то считается днемъ колдуновъ; по понятію народа, въ эту ночь колдуны то и дѣло сплываютъ во всѣ стороны по воздуху, а потому, чтобы колдуны или колдунья не могли причинить вреда людямъ, домашнему скоту и посѣвамъ, необходимо все это „запечатать“ (запечатать) и, сверхъ того, отоднать колдуновъ. „Запечатываніе“ производится слѣдующимъ образомъ: подъ вечеръ наканунѣ „Дадеги“ берется ку-

сочекъ воска и прилѣпляется къ волосамъ каждаго члена семьи, каждой лошади, коровы, а равно къ одному какому-нибудь стеблю кукурузы или гоми, или другого растенія, посаженнаго на полѣ, какъ бы велико оно ни было; этимъ какъ люди и животныя, такъ и весь посѣвъ гарантированы отъ посягательства колдуновъ. Отгоняются еще отъ посѣвовъ и отъ двора колдуны слѣдующимъ образомъ: кто-нибудь изъ членовъ семьи, обыкновенно изъ лицъ мужскаго пола, становится посреди посѣва и кричитъ протяжно, во всю глотку:

„გვარო აქ, გვარო აქ!
крестъ здѣсь, крестъ здѣсь!
შენი სგი და შენი ჭაბუ;
твое пей и твое ѣшь;
ჩვენსას გვარო დაგვიწერე!
наше благослові!
ჲჲჲ, ჲღაბნებო!
Эй, колдуны!

Смысль же такой: эй, колдуны, здѣсь съ нами крестная сила и, стало-быть, вамъ тутъ не мѣсто; все, что намъ принадлежитъ, оставьте въ покоѣ и довольствуйтесь тѣмъ, что у васъ есть.

Въ этотъ же вечеръ стрѣляютъ изъ ружій, съ цѣлью отогнать колдуновъ. Ужинъ въ этотъ день, 31 августа, готовится праздничный, и предъ ужиномъ всѣ члены семьи молятся Богу съ возженіемъ восковыхъ свѣчей и куреніемъ ладана. Въ этихъ молитвахъ просятъ Бога, чтобы онъ далъ каждому изъ членовъ семьи счастливую звѣзду на этотъ годъ.

Народъ вѣритъ, что въ эту ночь составляется Богомъ и Его ангелами списокъ всѣмъ тѣмъ, которые должны умереть въ теченіе цѣлаго наступающаго года.

„ნალიას ღოცვა“ (ნალიას ღოცვა).

Словомъ „ნალია“ въ Гуріи называется амбаръ для кукурузы или кукурузникъ, а для только что собранной и еще

непросушенной гоми называется „гомись наліа“, т. е. „наліа“ для гоми.

Кукурузникъ представляет досчатый четырехугольный срубъ, въ $1\frac{1}{2}$ —2, рѣдко болѣе, аршина въ высоту и сажени въ 2—3, рѣдко болѣе, въ длину и столько же обыкновенно въ ширину; этотъ ящикъ устанавливается обыкновенно на 4 толстыхъ столбахъ, въ сажень и болѣе высоту; на эти столбы кладутся двѣ продольныя перекладины, настиляется полъ изъ досокъ, и на немъ строится самый ящикъ, который покрывается крышею изъ драни, камыша или просто соломы; ящикъ замѣняется иногда и чистою плетенкою тѣхъ же размѣровъ. Въ это помѣщеніе и насыпаются початки кукурузы, послѣ того какъ они отдѣлены отъ стеблей и очищены отъ вишняго своего покрова.

Кукурузникъ строится на возвышенныхъ и открытыхъ мѣстахъ, чтобы вѣтеръ имѣлъ къ нему свободный доступъ; въ противномъ случаѣ кукураза можетъ задрѣть и даже совершенно сгнить.

„Гомись-наліа“ же строится на землѣ и въ большинствѣ случаевъ представляет плетенку или досчатое четырехугольное строеніе; въ немъ на высотѣ одной сажени, рѣдко выше, настиляется потолокъ изъ сырыхъ жердей значительной толщины, а сверху этого потолка, между послѣднимъ и крышею строенія, на чердакѣ насыпается весь урожай гоми того года; затѣмъ на землѣ, во всю длину строенія, разводится громадный костеръ, отъ котораго сушится гоми, насыпанный на чердакѣ слоемъ, иногда въ аршинъ и болѣе толщиной; костеръ горитъ подъ наблюдениемъ опытнаго лица до тѣхъ поръ, пока вся гоми не просушится достаточно, что достигается чрезъ цѣлыя сутки, иногда и болѣе. Дѣйствіе это въ Гуріи называется *ᠭᠣᠮᠢᠰᠢ ᠨᠠᠯᠢᠶ᠋᠎ᠠ*—сушкою гоми.

Когда гоми просушена, ей даютъ остыть и затѣмъ пере-

носятъ въ амбаръ (ბეჯულო, ზულა), гдѣ она и остается до тѣхъ поръ, пока вся не будетъ употреблена въ дѣло.

Во время сушки гоми легко можетъ случиться пожаръ, могущій уничтожить весь сборъ до послѣдняго колоса въ теченіе нѣсколькихъ минутъ, если со стороны наблюдающаго за костромъ будетъ допущена хоть малѣйшая оплошность. Послѣ уборки урожая и благополучной просушки гоми, гуріецъ считаетъ своимъ долгомъ отблагодарить Бога; поэтому осенью, по уборкѣ урожая, въ каждой гурійской семьѣ бываетъ освященіе „наліа“, или „наліасъ лоцва“.

День для этого не опредѣленъ народнымъ обычаемъ; каждый домъ совершаетъ установленный обрядъ, когда ему вздумается послѣ просушки гоми, чѣмъ обыкновенно и заканчивается уборка урожая.

Въ избранный день обыкновенно рѣжется пѣтухъ, служившій въ теченіе года или болѣе для завода (სახლის მამალი), и совершается всѣми членами семьи молитва, съ возженіемъ восковыхъ свѣчей и куреніемъ ладана, въ которой выражается благодареніе Богу за урожай этого года и испрашивается, чтобы весь урожай былъ употребленъ на пиры-крестины и свадьбы, т. е. испрашивается, чтобы всѣ члены семьи были здоровы, веселы и счастливы. Голова зарѣзаннаго пѣтуха принадлежитъ тому лицу, которое было во время сбора кукурузы и гоми „мехвава“ (მეხვავე); этимъ именемъ называется тотъ изъ рабочихъ, который таскаетъ на спинѣ большую корзину („годори“) и собранную кукурузу или гоми относить въ назначенное мѣсто.

„ВАРВАЛОБА“ (ვარვალობა).

Четвертое декабря въ Гуріи называется „Барбалоба“, т. е. праздникомъ св. Варвары.

По народному преданію, Богъ повелѣлъ св. Варварѣ, чтобы она помогала при лѣченіи больныхъ оспой. Св. Варвара,

по повѣрью гурійцевъ, сама лѣчила всѣхъ больныхъ съ большимъ успѣхомъ, а потому къ ней часто обращаются въ затруднительныхъ случаяхъ при лѣченіи больныхъ доморощенные женщины-врачи, или, сказать точнѣе, знахарки, которыя, считая св. Варвару своей покровительницей, однѣ празднуютъ день этой святой.

Моленія знахарокъ въ этотъ день состоятъ главнымъ образомъ въ томъ, что онѣ просятъ св. Варвару, чтобы ихъ лѣкарства имѣли хорошее дѣйствіе на пациентовъ и пациентовъ—вылѣчивали бы ихъ.

Откармливаніе птицъ и свиней для Новаго года обыкновенно начинается съ этого дня.

КАНУНЪ РОЖДЕСТВА, РОЖДЕСТВЕНСКІЙ СОЧЕЛЬНИКЪ.

Рождественскій сочельникъ въ Гуріи называется „Мравалцоба“ (მრავალწობა).

Слово это состоитъ изъ двухъ составныхъ частей: „мраваль“, что значитъ *много*, и „цоба“ (წობა, წობა, დაწობა), — *лечь, ложиться*, и выражаетъ: *много ложится, много падаетъ, много убивается*. Нужно полагать, что день этотъ называется такъ потому, что тогда по всей Имеретіи рѣжутся свиньи такъ же, какъ наканунѣ Новаго года въ Гуріи.

Прежде, по всей вѣроятности, и въ Гуріи въ этотъ день рѣзали свиней, а потому день этотъ и называется въ Гуріи „Мравалцоба“.

Въ „Мравалцоба“ въ Гуріи идутъ тоже большія приготовленія къ Рождеству, заключающіяся въ печеніи особой формы пироговъ, называемыхъ „гведзели“ (გვეძელი). Пирогъ эти имѣютъ видъ полукруга или скорѣе сегмента, близко подходящаго къ полукругу. Они пекутся изъ пшеничной муки и начинаются сыромъ и сушеными копчеными яйцами. Яйца вярятся вкрутую, очищаются отъ скорлупы, посыпаются солью и толченымъ чаберомъ и кладутся на плетенку, которая вѣшается

надъ огнемъ на значительной высотѣ и остается въ такомъ положеніи нѣсколько дней. Потомъ они кладутся въ пироги или цѣлыми, или разрѣзанными пополамъ. Этихъ пироговъ печется обыкновенно столько, сколько душъ въ семьѣ, для взрослыхъ побольше, для дѣтей поменьше, сообразно возрасту. Въ пурняхъ они пекутся иногда, по заказу, значительной длины до 2-хъ аршинъ.

Наканунѣ Рождества, вечеромъ, обыкновенно посылаются „дзгвени“ (دزغبه) отъ замужней дочери и зятя родителямъ первой, отъ родителей ребенка—восприемнику послѣдняго и т. д.; то же дѣлается обыкновенно наканунѣ Пасхи, хотя не всегда.

„Дзгвени“—это приношеніе, состоящее, смотря по средствамъ и общественному положенію какъ посылающаго, такъ и того, кому посылается,—изъ быка или коровы, барана, индюковъ, куръ, вина, иногда цѣлаго выюка гоми, печеныхъ хлѣбовъ, въ томъ числѣ нѣсколькихъ „чахапури“, „гведзели“ (если „дзгвени“ посылается подь Рождество) и прочаго добра.

Кожа зарѣзанныхъ животныхъ принадлежитъ тому изъ слугъ, кто отнесетъ „дзгвени“.

Ни елки, ни принятыхъ въ другихъ мѣстностяхъ развлеченій для дѣтей или для взрослыхъ на Рождество въ Гуріи не бываетъ.

Какъ только подь Рождество ночью запоютъ пѣтухи, постъ считается окончившимся, и дѣтямъ разрѣшается ѣсть свои „гведзели“, что послѣдними послѣ продолжительнаго рождественскаго поста, который они держали надлежащимъ образомъ, дѣлается съ особеннымъ удовольствіемъ—дѣти разговляются чуть ли не въ постели.

На Рождество, предъ отправленіемъ къ обѣднѣ, и взрослымъ членамъ семьи не возбраняется разговѣться; это единственный день въ году, когда гуріецъ, отправляясь въ церковь къ божественной литургіи, позволяетъ себѣ основательно закусить.

Остается сказать нѣсколько словъ о славленіи Христа. Христа славятъ ночью подъ Рождество пѣсною „Алило“, которая поется на 3 голоса и по своему содержанію изображаетъ явленіе вилеемскимъ пастухамъ ангеловъ, возвѣстившихъ имъ о рожденіи Спасителя. Пѣвцы, возвѣщая о Рождествѣ Спасителя, поздравляютъ хозяевъ дома, гдѣ они поютъ, съ этимъ радостнымъ событіемъ и выражаютъ желаніе, чтобы всѣ ихъ слушатели много разъ встрѣчали этотъ праздникъ.

Подлинныя слова этой пѣсни слѣдующія:

„აღიღო, აღიღო!“

Алило, алило!

ოცდა ხუთსა ქრისტეშობისთვის ქრისტე დაბადებულაო;

25-го декабря Христось родился;

შობის მახარებელი ვართ,

мы—вѣстники Рождества.

ღმერთმა ბევრჯელ გავითუნოსო“.

Дай Богъ вамъ много разъ встрѣтить (Рождество“).

Слова эти, за исключеніемъ перваго, часто мѣняють, а иногда къ нимъ прибавляютъ другія слова.

Славителей Христа въ каждомъ приходѣ бываетъ обыкновенно нѣсколько группъ, которыя совершаютъ свои похождения всегда повднею ночью, послѣ того какъ вся деревня уляжется спать. Пѣвцы тщательно скрываютъ свою самоличность, стараются, чтобы ихъ нигдѣ не узнали, для чего обыкновенно закутываются въ бурки и башлыки.

Число пѣвцовъ въ каждой группѣ рѣдко бываетъ болѣе трехъ; ихъ всегда сопровождаетъ четвертое лицо—носильщикъ, который носитъ на себѣ все, что пѣвцамъ удастся собрать за ночь въ видѣ подарковъ и что по окончаніи славленія, утромъ, дѣлится поровну между всѣми четырьмя лицами.

Славленіе Христа производится такъ: пѣвцы, пришедши во дворъ какого-нибудь семейства, становятся предъ домомъ и начинаютъ пѣть „Алило“, которое повторяется ими обык-

новенно три раза, а иногда и болѣе до тѣхъ поръ, пока они не получаютъ отъ хозяина дома какой-нибудь платы. Глава семьи или кто-нибудь другой изъ членовъ послѣдней, услышавъ пѣніе, выходитъ къ пѣвцамъ и выноситъ подарокъ деньгами или натурою—яйца, зерна гоми въ нѣсколько фунтовъ, „гвелзели“ или же все это вмѣстѣ, если пѣвцы поютъ очень хорошо; подарокъ принимается носильщикомъ, послѣ чего пѣвцы удаляются, направляясь въ другой дворъ, гдѣ повторяется то же самое.

Случается, что въ теченіе ночи приходятъ двѣ, три и болѣе партій пѣвцовъ разновременно, и каждая группа получаетъ подарокъ.

Разныя группы пѣвцовъ считаются врагами другъ друга, и при встрѣчѣ ихъ другъ съ другомъ обязательно происходитъ грабежъ слабѣйшей партіи сильнѣйшею, при чемъ послѣдняя отбираетъ у первой все, что она собрала за всю ночь. Побѣжденная партія никогда не говоритъ никому о своемъ пораженіи, такъ какъ ходить славить Христа и собирать подаяніе—считается занятіемъ постыднымъ.

Приходу славящихъ Христа гурійцы всегда рады, но между ними встрѣчаются и такіе, которые не прочь зло посмѣяться надъ пѣвцами; такіе господа, вмѣсто подарка, ожидаемаго пѣвцами, выносятъ цѣлый кувшинъ или чаше тазъ холодной воды и обливаютъ ею, въ морозную зимнюю ночь, несчастныхъ пѣвцовъ, которые удаляются со двора, проклиная негостеприимнаго хозяина.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Повѣрья, не приуроченныя къ праздникамъ.

ОПЛАКИВАНІЕ И ПОХОРОНЫ ПОКОЙНИКОВЪ (Зобогонно).

Гурійцы хоронятъ своихъ покойниковъ съ соблюденіемъ не только всѣхъ предписываемыхъ религіей обрядовъ, но и многихъ народныхъ обычаевъ, изъ коихъ нѣкоторые вредно отзываются на экономическомъ положеніи этого народа.

Въ случаѣ смерти кого-нибудь, прежде чѣмъ тѣло успѣетъ остыть, всѣ домашніе безъ исключенія, и старъ и младъ, поднимаютъ страшный, раздирающій душу, вопль, въ особенности женщины. Этимъ крикомъ и воемъ, сопровождаемымъ обыкновенно и тревожнымъ лаемъ собакъ, домашніе умершаго выражаютъ свое страшное горе и извѣщаютъ объ этомъ сосѣдей. Последніе, услышавъ этотъ всѣмъ *известный* крикъ и вопль, знаютъ, въ чемъ дѣло, и считаютъ своимъ долгомъ явиться въ домъ, гдѣ находится покойникъ, поплакать надъ послѣднимъ и утѣшить оставшихся послѣ него близкихъ, — разумѣется, въ томъ случаѣ, если смерть послѣдовала не отъ заразной болѣзни.

Эти посѣтители и посѣтительницы, вошедши во дворъ, начинаютъ громко плакать и причитывать; подходя къ дому, мужчины обнажаютъ голову, большею частью складываютъ руки на грудь въ знакъ сильнаго горя и только иногда правой рукой ударяютъ себя по лбу и въ такомъ видѣ входятъ въ комнату, гдѣ лежитъ покойникъ; женщины же, если покойный близокъ имъ по крови или по духовному родству, сильно бьютъ себя въ грудь, рвутъ на себѣ волосы, царапаютъ себѣ щеки и глаза и сильно кричатъ. Какъ мужчины, такъ и женщины, вошедши къ покойнику, подходятъ къ послѣднему и, ставъ на колѣни, плачутъ и перечисляютъ вслухъ всѣ лучшія качества усопшаго или усопшей и высказываютъ сожалѣніе о той утратѣ, которую они несутъ со смертію

своего благодѣтеля, наставника и т. п., а затѣмъ, вставши, подходятъ къ роднымъ умершаго, которые стоятъ тутъ же и тоже рыдаютъ въ это время, утѣшаютъ ихъ и высказываютъ желаніе, чтобы душа усопшагошла въ вѣчное упокоеніе.

Вскорѣ является и приходскій священникъ, который тоже плачетъ надъ покойникомъ и утѣшаетъ родственниковъ послѣдняго, а затѣмъ кропитъ весь домъ святой водой.

Собираются сосѣди и родственники, живущіе по близости, и обсуждается вопросъ о томъ, когда устроить оплакиваніе и похороны покойника. Если ничто не препятствуетъ, то оплакиваніе и похороны назначаются на 3-й или 4-й день, и начинаются приготовленія; въ случаѣ же, если окажутся какія-либо обстоятельства, мѣшающія устройству оплакиванія, покойникъ предается землѣ, а оплакиваніе откладывается на довольно значительное время, иногда на мѣсяць и даже два.

Приготовленія къ оплакиванію и похоронамъ, если таковыя назначаются на одинъ и тотъ же день, заключаются въ слѣдующемъ: священникъ или кто-нибудь другой, умѣющій писать, составляетъ, подъ руководствомъ главы семейства, списокъ всѣмъ тѣмъ, близкимъ и дальнимъ родственникамъ и хорошимъ знакомымъ, которые имѣютъ быть приглашенными на оплакиваніе; а затѣмъ по числу записей заготавливаются коротенькія письма, или, вѣрнѣе, оповѣщенія по известному шаблону, обыкновенно слѣдующаго содержания: „Такой-то или такая-то (глава семьи), увѣдомля васъ, что безжалостная смерть похитила у него дорогого или дорогую такую-то, проситъ васъ оплакать ихъ (т. е. оставшихся въ живыхъ) и утѣшить. Оплакиваніе тогда-то“. Письма эти или вкладываются въ конверты, или просто складываются въ четырехугольники или треугольники, и надписывается адресъ; тѣхъ писемъ, смотря по общественному положенію умершаго и его родни, иногда бываетъ цѣлыя сотни; письма эти вру-

чаются по нѣсколько десятковъ гонцамъ, которые и рассылаются по мѣстожительству приглашаемыхъ. Изъ жителей же того прихода, которому принадлежитъ семья умершаго, письменное приглашеніе посылается только близкимъ родственникамъ по крови или по духовному родству, а всѣ остальные оповѣщаются о предстоящемъ оплакиваніи церковнымъ старостой, который, обходя приходъ за 2—3 дня до похоронъ, увѣдомляетъ всѣхъ прихожанъ, что тогда-то умеръ такой-то, и что оплакиваніе назначено на такой-то день. Заказывается гробъ кому-нибудь изъ мѣстныхъ плотниковъ, прибрѣтается и шьется на всю семью глубокий трауръ, заказывается въ одной изъ хлѣбопекаренъ ближайшаго мѣстечка или села нужное количество пудовъ печенаго хлѣба, заготавливается нужное количество вина, гоми, сыру, рыбы, постной провизіи или убойнаго скота, смотря по тому, въ постъ или мясоѣдъ назначено оплакиваніе. Со дня смерти до похоронъ покойника въ домѣ послѣдняго толпится много народа—сосѣдей, занятыхъ приготовленіемъ ко дню оплакиванія всего необходимаго.

Во всѣ эти дни въ семьѣ, которой принадлежитъ умершій, ни обѣда, ни ужина не готовится; доставляютъ же таковыя въ готовомъ видѣ не только на всю семью умершаго, но и на всѣхъ гостей ближайшіе сосѣди по очереди. Во все это время близкіе родственники умершаго ничего мясного не ѣдятъ; какъ народъ объясняетъ, „сердце не принимаетъ“: противно ѣсть мясное въ то время, когда умираетъ близкій человѣкъ.

Приготовленія дѣлаются ко дню оплакиванія и у близкихъ родственниковъ умершаго, получившихъ приглашеніе: шьютъ трауръ, приглашаютъ „моваре“ (пѣвцовъ), поющихъ похоронную пѣснь „зари“, состоящую изъ нѣсколькихъ куплетовъ, въ которыхъ повторяется все одно и то же междометіе „вай“ (горе), выражающее сожалѣніе. „Зари“ поется громко на три голоса.

Отправляющійся на оплакиваніе приглашаетъ обыкновенно и священника своего прихода и, сверхъ „мозаре“, двухъ мужчинъ, обязанность которыхъ заключается въ томъ, что они держать—одинъ съ одной, другой съ другой стороны, его за руку во время оплакиванія покойника; кромѣ того, приглашается обыкновенно еще нѣсколько лицъ какъ женскаго, такъ и мужскаго пола, которые составляютъ какъ бы свиту отправляющагося на оплакиваніе; число всѣхъ приглашенныхъ бываетъ отъ 8 до 40 и болѣе: тѣмъ лицо, отправляющееся на оплакиваніе своего родственника, выше и виднѣе по своему общественному положенію, тѣмъ съ большею свитою оно отправляется, дабы показать этимъ народу всю свою важность и въ то же время оказать большую честь дому, оплакивающему своего покойника.

Покойникъ, почти до самаго вечера того дня, въ который происходитъ оплакиваніе, оставляется дома. На второй день по смерти, покойника обмываютъ, положивъ его на одну или двѣ доски, которыя послѣ сего ни на что обыкновенно не употребляются, какъ только на кладки чрезъ ручки, а затѣмъ обворачиваютъ холстомъ или коленкоромъ *), укладываютъ въ гробъ, закрываютъ крышею и прикрываютъ сверху парчою. Раньше, десятковъ-другой лѣтъ тому назадъ, въ одномъ и томъ же гробу хоронили всѣхъ покойниковъ прихода до тѣхъ поръ, пока гробъ не развалится, а затѣмъ заводили новый; гробъ этотъ хранился при церкви, и, когда кто-нибудь умиралъ, брали и укладывали въ него покойника; по выносѣ покойника на кладбище, т. е. въ церковную ограду, его вынимали изъ гроба и опускали въ могилу, а гробъ опять прятали до тѣхъ поръ, пока въ немъ вновь не являлась надобность; но въ послѣднее время для каждаго покойника

*) Предпочитается жѣсткаго тканья грубое полотно изъ льна: по понятію народа, для души умершаго эта ткань полезнѣе остальныхъ.

дѣлается новый гробъ, въ которомъ онъ и погребается. Народъ, хороня своихъ покойниковъ безъ гроба, былъ того мнѣнія, что хоронить въ гробахъ будто бы грѣшно, такъ какъ тѣло въ гробу не такъ скоро разлагается.

Въ комнатѣ, гдѣ лежитъ покойникъ, со дня смерти до похоронъ, псаломщикъ, а иногда и два, конечно, за известное вознагражденіе, день и ночь читаютъ, за упокой души усопшаго, положенные на этотъ случай церковнымъ уставомъ псалмы Давида.

Въ день оплакиванія дворъ покойника наполняется народомъ чуть ли не съ ранняго утра: но особенно много народа собирается по окончаніи обѣдни въ мѣстной церкви, гдѣ въ этотъ день служится заупокойная литургія мѣстнымъ священникомъ совместно съ другими священниками, приглашенными на похороны. Если умершій принадлежитъ къ состоятельной семьѣ, то на похороны приглашается епископъ, а съ нимъ архимандритъ и много священниковъ, менѣе же состоятельные довольствуются архимандритомъ и священниками, или одними послѣдними. Гурійцы часто приглашали епископа, когда резиденціей послѣдняго служили Озургеты и Джумати (монастырь), но съ того времени, какъ гурійское епископство соединено съ мингрельскимъ, и резиденціей гурійско-мингрельскаго епископа сдѣланъ г. Поти, гурійцы лишены возможности, за дальностью разстоянія, приглашать епископа, попрежнему, столь же часто.

Къ приходу духовенства изъ церкви обѣдь обыкновенно бываетъ уже готовъ.

Священники освящаютъ „поминки“ и предлагаютъ близкимъ родственникамъ умершаго вкусить мяса, на что послѣдніе большею частью не соглашаются, въ особенности женщины: жена, дочь, сестра и т. д., и зачастую священнику силою приходится вложить имъ въ ротъ кусочекъ мяса. Обычай этотъ въ Гуріи, да и во всей Грузіи, назы-

вается „сулись ахсна“ *ᲔᲗᲗᲗᲗ ᲔᲗᲗᲗ*, что значит „развязать, освободить душу“, выражая этимъ то, что если родственники умершаго не вкусятъ мяса, то душа умершаго будетъ какъ бы связана, обезпокоена чѣмъ-нибудь.

По окончаніи этого обряда всѣ присутствующіе, кромѣ распорядителей и прислуживающихъ, усаживаются обѣдать, — духовенство и чистая публика особо, а народъ особо. „Сулись-ахсна“ совершается обыкновенно чрезъ недѣлю по смерти покойника, хотя иногда бываетъ и въ день оплакиванія. Если оно совершается чрезъ недѣлю, то въ этотъ день священникъ служитъ заупокойную литургію (за особое денежное вознагражденіе), а потомъ приходитъ въ домъ умершаго, гдѣ обязательно закалывается баранъ или овца, благословляетъ закалываемое животное и заставляетъ всѣхъ домашнихъ умершаго вкусить мяса. Мужъ или жена умершаго не ѣсть мяса до 40-го дня по смерти покойника. Въ этотъ же день священникъ беретъ себѣ лучшую изъ одежды, а остальное раздается бѣднымъ. Отъ барана онъ получаетъ шкуру, голову, ножки и, сверхъ того, свою порцію (филейную часть и особый цѣлый „хачапури“).

По окончаніи обѣда, который особенно не затягивается, хотя рѣдко обходится безъ должнаго возліанія „за упокой души усопшаго“ (произнося эту фразу, каждый изъ присутствующихъ, прежде чѣмъ выпить, отливаетъ нѣсколько капель вина на хлѣбъ), приходскій священникъ (если приглашенъ епископъ или архимандритъ, то и они) въ полномъ облаченіи входитъ въ комнату, гдѣ стоитъ гробъ, становится недалеко отъ послѣдняго, и начинается настоящее оплакиваніе.

На дворѣ, на нѣсколько саженой отъ зданія, въ которомъ находится гробъ, становятся всѣ домашніе умершаго, а предъ ними „моваре“, которые и начинаютъ пѣть; подходятъ два постороннихъ лица, непременно мужчины; изъ числа до-

машникъ умершаго выступаетъ самое близкое къ нему лицо, впереди его становятся „мозаре“, а по сторонамъ двое мужчинъ, которые и берутъ его за руки; если это лицо женщины, то она, предшествуемая поющими „зари“ и поддерживаемая съ обѣихъ сторонъ, идетъ медленнымъ, мѣрнымъ шагомъ въ комнату, гдѣ помѣщается гробъ; она плачетъ вслухъ, причитываетъ и съ приближеніемъ къ гробу прогрессивно возвышаетъ голосъ, который переходитъ наконецъ въ пронзительный визгъ; при этомъ женщины, входя въ экстазъ, часто забываются и стараются ударить головою о косякъ двери, вырываются изъ рукъ сдерживающихъ ихъ, рвутъ на себѣ волосы, которые въ это время, до конца оплакиванія, т. е. до вечера, бываютъ совершенно распущены, царапаютъ себѣ лицо и какъ будто выцарапываютъ глаза, бьютъ себя въ грудь, — словомъ, отъ сильнаго горя готовы будто бы сами лечь въ гробъ; въ такомъ видѣ плачущая подводится къ гробу, предъ которымъ она становится на колѣни и, продолжая кричать и причитывать, зоветъ покойника, обнимаетъ гробъ руками, ударяетъ его, желая какъ бы разбудить лежащаго въ немъ; „мозаре“ все это время продолжаютъ пѣть; когда плачущая выльетъ свое горе — наплачется, ее поднимаютъ провожатые и отводятъ въ сторону, гдѣ она и усаживается на полу, поодаль отъ гроба, продолжая плавать. „Мозаре“ прерываютъ пѣніе и выходятъ; выходятъ и тѣ двое, которые ввели первую плачущую. Совершенно такимъ же образомъ вводится и второе, третье и четвертое лицо, — словомъ, всѣ взрослые члены семьи умершаго. Поплакавъ надъ гробомъ, всѣ лица женскаго пола усаживаются вмѣстѣ, а мужчины стоятъ.

Вся эта печальная, плачущая группа въ глубокомъ траурѣ — женщины съ расцарапанными щеками и грудью, которую онѣ отъ сильнаго горя не стыдятся открывать, мужчины босые — для посторонняго зрителя, не причастнаго къ горю плачущихъ и не видѣвшаго подобныхъ сценъ, предста-

вляеть траги-комическую картину. Когда всѣ домашніе умершаго кончают оплакиваніе, тогда начинаютъ входить родственники, близкіе знакомые умершаго и другія лица.

Каждый оплакивающій и оплакиваемая вводится непременно съ „моваре“ и провожатыми. Каждый изъ нихъ плачетъ вслухъ, причитываетъ и, поплакавъ надъ гробомъ, подходитъ къ домашнимъ покойника, утѣшаетъ ихъ и выражаетъ желаніе, чтобы душа умершаго почилъ въ раю. При этомъ приходится слышать часто, какъ плачущій или плачущая даетъ душѣ умершаго разныя порученія къ своему ближнему, то же покойнику, и это неудивительно, такъ какъ народъ вѣритъ, что душа покойника все видитъ и слышитъ и, слѣдовательно, легко можетъ передать разныя порученія обрѣтающейся на томъ свѣтѣ душѣ своего знакомаго, умершаго раньше.

Хорошимъ плакальщикомъ (или плакальщицей) считается тотъ, кто съ большимъ краснорѣчіемъ можетъ обрисовать всѣ положительныя стороны умершаго и кто вообще лучше умѣетъ своимъ плачемъ растрогать всѣхъ присутствующихъ. Хорошимъ же оплакиваніемъ считается то, гдѣ угощеніе публички бываетъ лучше и гдѣ больше проливается слезъ.

Если оплакиваніе многолюдно, то, чтобы всѣ желающіе могли форменно, подъ „зари“, оплакать умершаго, „моваре“ бываетъ нѣсколько партій, которыя чередуются, и плачущіе входятъ непрерывно, одинъ за другимъ; въ „моваре“ же въ рѣдкихъ случаяхъ чувствуется недостатокъ, такъ какъ въ каждомъ приходѣ ихъ достаточно, ибо выучить „зари“ не представляетъ особенной трудности для тѣхъ, у кого есть слухъ, а таковыми въ Гуріи могутъ считаться почти всѣ жители. Спустя нѣкоторое время послѣ обѣда, начинаютъ пріѣзжать родственники умершаго, живущіе въ другихъ приходахъ, а иногда и за нѣсколько десятковъ и даже сотню верстъ. Пріѣзжающій обыкновенно начинаетъ плакать и причитывать вслухъ за вер-

сту и богѣ отъ двора, гдѣ происходитъ оплакиваніе, съ приближеніемъ же къ нему все богѣ и богѣ возвышаетъ голосъ (въ это время поютъ и сопровождающіе его „моваре“) и, слѣзши съ лошади и входя въ домъ, беретъ наивысшую ногу, какую только онъ способенъ внять, воветъ, вызывая покойника по имени.

Пока первое лицо изъ пріѣзжихъ, самое близкое къ умершему, оплакиваетъ, остальные стоятъ во дворѣ и плачутъ, ожидая своей очереди. Свита пріѣзжихъ, „моваре“ и священникъ выходятъ и вводятъ второе лицо, за нимъ остальныхъ по очереди, если таковыхъ нѣсколько.

Когда одна партія пріѣзжихъ кончаетъ оплакиваніе, то ее приглашаютъ къ столу и угощаютъ. Закусивши, пріѣзжіе уѣзжаютъ, если имъ не далеко ѣхать и не придется ночевать въ дорогѣ; въ противномъ же случаѣ, остаются ночевать въ домѣ умершаго. Такихъ партій пріѣзжаетъ тѣмъ больше, чѣмъ больше родственниковъ имѣетъ семья покойника.

Представитель каждаго дыма, одного прихода съ покойникомъ или съ его пріѣзжими родственниками, оплакавъ покойника, подходитъ къ кассиру, принимающему пожертвованія на похороны, или погребеніе. Въ Гуріи—да и въ Имеретіи существуетъ искони установившійся обычай оказывать матеріальную помощь семьямъ, которая лишается какого-нибудь взрослого члена.

Одноприхожане еще лѣтъ 20—25 тому назадъ оказывали помощь натурой: въ день похоронъ каждый дымъ доставлялъ нѣкоторое количество томи или муки, кувшинъ вина, сыръ или лобію (фасоль) и т. д., вообще продукты, необходимые для угощенія во время оплакиванія; но въ послѣднее время этотъ видъ помощи, въ силу его непрактичности, совершенно вышелъ изъ употребленія и замѣненъ денежною помощью; каждый дымъ, придя на оплакиваніе, приноситъ не менѣе 10 р., близкіе же родственники, смотря по средствамъ,

отъ рубля до 10 руб. и болѣе. Всѣмъ этимъ приношеніямъ составляется списокъ, по которому впослѣдствіи, когда жертвователей постигнетъ подобное же горе, эти пожертвованія возвращаются по принадлежности.

Пожертвованія эти (денежныя) въ Гуріи называются „ᠮᠠᠰᠠᠪᠤᠷᠠᠮᠠ“ („пасабурави“), что значитъ „покрытіе“, или „прикрытіе“, выражающее тотъ смыслъ, что они жертвуются на то, чтобы прикрыть, предать землѣ умершаго; практиковавшееся же раньше приношеніе натурой называлось „ᠮᠠᠰᠠᠶᠢᠷᠠᠮᠠ“ („песацieri“), что значитъ „помощь“.

Отпѣваніе (ᠮᠠᠰᠠᠶᠢᠷᠠᠮᠠ) покойника бываетъ обыкновенно или предъ обѣдомъ, или по окончаніи оплакиванія, предъ выносомъ тѣла. Оплакиваніе заканчивается обыкновенно, какъ бы много ни было оплакивающихъ, къ такому времени, чтобы покойника можно было доставить въ церковную ограду и предать землѣ засвѣтло.

Народъ начинаетъ расходиться еще до окончанія оплакиванія, расходятся обыкновенно и духовныя лица, кромѣ причта церкви мѣстнаго прихода.

Всѣ священники получаютъ „ᠮᠠᠰᠠᠶᠢᠷᠠᠮᠠ“ („сацiрави“): благочинный отъ 3 до 5 р., рѣдко больше, а простые священники отъ 1 до 3 р.; денежная выдача производится и всѣмъ присутствующимъ діавонамъ, причетникамъ, псаломщикамъ, монахинямъ и нищимъ.

Нужно замѣтить, что за погребеніе стариковъ, старухъ и вообще лицъ пожившихъ, священники всегда получаютъ больше, нежели за погребеніе молодыхъ.

Когда рѣшенъ вопросъ о размѣрѣ вознагражденія священнику, приступаютъ къ выносу покойника. Изъ дома выносятся покойникъ его домашними и близкими, а затѣмъ несется отборными, сильными и здоровыми мужчинами, число которыхъ бываетъ 8 и больше, для смѣны. Если церковь далеко, и дорога неровная и узкая, то обыкновенно гробъ привязыв-

вается въ четыремъ (двѣ поперекъ, двѣ вдоль) достаточной толщины и прочности жердямъ и подымается носильщиками посредствомъ этихъ жердей на плечи, при чемъ гробъ не виситъ, а стоитъ на жердяхъ, и несется въ такомъ видѣ, предшествуемый священникомъ со свѣчою, иконою и хоругвями и сопровождаемый близкими родственниками умершаго; въ такомъ видѣ гробъ вносится въ церковную ограду при похоронномъ звонѣ и три раза обносится вокругъ церкви справа налево, а затѣмъ ставится у могилы. Могила въ большинствѣ случаевъ вырывается по доставкѣ покойника въ церковную ограду.

Священникъ благословляетъ мѣсто, гдѣ должна быть вырыта могила, и первый самъ снимаетъ кусочекъ земли мотыгой или заступомъ, а затѣмъ уже приступаютъ къ работѣ другіе. Покойникъ опускается въ могилу и засыпается землей при священникѣ.

Предъ выносомъ тѣла посылается кто-нибудь, которому вручается *სულის საგზალი* („сулись сагзали“), т. е. довольствіе для души на дорогу, состоящее обыкновенно изъ бутылки вина и небольшого хлѣба; несущему „сулись сагзали“ народнымъ обычаемъ строго воспрещается на всемъ пути отъ дома до церкви оборачиваться назадъ: если онъ не соблюдетъ этого правила, то, по повѣрью народа, въ той семьѣ, откуда вынесли покойника, непременно умретъ кто-нибудь въ непродолжительномъ времени. „Сулись сагзали“ поѣдается и вышивается въ церковной оградѣ присутствующими или дается монахинѣ, живущей при церкви.

Послѣ того какъ выносятъ гробъ за двери дома, кто-нибудь изъ близкихъ покойника разбиваетъ сырое яйцо на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ гробъ, и разливаетъ стаканъ холодной воды; затѣмъ, черезъ крышу дома перебрасывается камень, привязанный къ веревкѣ, а также разбиваютъ стекло въ окнѣ или ломаютъ заборъ или плетень. Вы-

полная эти обычаи, народъ желаетъ очистить домъ отъ смерти (последніе два обычая въ настоящее время не вездѣ соблюдаются).

При выносѣ гроба изъ дома на дворъ бываютъ очень осторожны, чтобы онъ не коснулся косяка дверей: если коснется случайно, то, по повѣрью народа, это нужно считать за предзнаменованіе того, что въ непродолжительномъ будущемъ еще кто-нибудь умретъ въ томъ же домѣ.

Когда сопровождавшіе покойника возвращаются домой, ихъ встрѣчаютъ у воротъ и обливаютъ имъ руки уксусомъ, при чемъ рука не должна прикасаться къ рукѣ, пока уксусъ не высохнетъ. Нужно полагать, что этотъ обычай, исполняемый народомъ въ настоящее время безъ пониманія смысла и его значенія, въ силу лишь преданія старины, имѣлъ значеніе дезинфекціи: уксусомъ, какъ дезинфекционнымъ и освѣжающимъ средствомъ, обливали руки тѣмъ, которымъ приходилось нести покойниковъ или опускать ихъ въ могилу и вообще вдыхать неприятный запахъ, издаваемый въ большинствѣ случаевъ покойниками, въ особенности, когда смерть послѣдовала отъ заразной болѣзни.

Со дня погребенія покойника до 40-го дня смерти въ домѣ покойника, за обѣдомъ и ужиномъ всегда ставится на столъ особая порція, которая или отдается нищимъ, если таковыя случайно придутъ, или случайному гостю—путешественнику, или прислугѣ, если таковая имѣется въ домѣ. Это дѣлается въ виду того, что, по повѣрью народа, душа покойника до 40-го дня все еще живетъ въ домѣ.

Все это время какъ за обѣдомъ, такъ и за ужиномъ, всѣ домашніе покойника поминаютъ его первымъ стаканомъ вина, произнося: „Господи, упокой душу такого-то!“ (называя покойника по имени) и отливаютъ нѣсколько капель вина. Въ теченіе этого времени мать и мужъ или жена умершаго или умершей ежедневно рыдаютъ; иногда цѣлые часы

подъ рядъ оплакивають своего покойника и причитываютъ, высказывая свое горе. Рыданія эти, если происходятъ отъ истиннаго горя, производять удручающее впечатлѣніе даже на посторонняго зрителя.

До 40-го дня никто изъ взрослыхъ членовъ семьи не сѣщаетъ той церкви, въ оградѣ которой похороненъ покойникъ, не ходять въ это время даже въ обѣднѣ; а мужъ или жена покойника не ходить въ церковь даже въ теченіе цѣлаго года, за исключеніемъ дня послѣдняго оплакиванія, а ходять слушать обѣдню въ другую церковь, если таковая имѣется по близости. Поступаютъ такъ для того, чтобы, видя могилу дорогого человѣка, не сокрушаться постоянно.

На 39-й или 41-й день смерти, но не въ 40-й *), бываетъ обыкновенно вторичное и послѣднее оплакиваніе покойника, называемое *գնորակում* („гамотирили“), что значитъ выплакиваніе, или послѣднее оплакиваніе.

Въ этотъ день служится мѣстнымъ священникомъ заупокойная литургія, за особое вознагражденіе, послѣ чего онъ идетъ въ домъ умершаго, куда собираются и всѣ близкіе родственники. Послѣ обѣда всѣ домашніе и гости отправляются со священникомъ во главѣ на могилу, т. е. въ церковную ограду; могила покрывается ковромъ и всѣ присутствующіе по очереди начинаютъ плакать надъ могилой подъ звуки „зари“, стоя на колѣняхъ; священникъ обыкновенно стоитъ тутъ же въ полномъ облаченіи. Окончивъ оплакиваніе, всѣ расходятся по домамъ.

Съ этого же дня иногда мѣняется нѣкоторыми болѣе состоятельными лицами и траурное облаченіе. Послѣднее, болѣею частью, бываетъ трехъ видовъ: самымъ глубокимъ трауромъ считается слѣдующій: берутъ обыкновенный колен-

*) Если устроить послѣднее оплакиваніе въ 40-ой день по смерти, то, по повѣрью народа, еще кто-нибудь умретъ въ той же семьѣ въ непродолжительномъ будущемъ.

корь и кладутъ его въ настой кори отъ корня грецкаго орѣшника (зубъ); чрезъ нѣкоторое время вынимаютъ матерію и сушатъ; она бываетъ окрашена въ свѣтло-коричневый цвѣтъ. Изъ такой матеріи шьютъ себѣ траурное платье мужъ, если умираетъ жена; или послѣдняя, въ случаѣ смерти перваго. Остальные же близкіе родственники умершаго облачаются въ черный, продающійся готовымъ специально для сего случая, коленкоръ; а дальние родственники органичиваются просто одѣяніемъ чернаго цвѣта.

Затѣмъ мужъ или жена, носящіе трауръ по случаю смерти своей половины, по прошествіи 40 дней, если имъ позволяютъ средства, замѣняютъ трауръ перваго вида таковымъ же втораго вида, или же продолжаютъ носить первый. Къ этому нужно прибавить, что мужъ, который носитъ трауръ по женѣ, не позволяетъ себѣ носить никакихъ украшеній, и все блестящее, серебряный поясъ, газиря и проч., покрывается чѣмъ-нибудь чернымъ; обувается онъ въ поршни (вожаные лапти) изъ коровьей или бычачьей кожи, съ которой не снимаетъ шерсти, и въ черные шерстяные носки; отращиваетъ бороду и волосы, которые не срѣзываются во все время траура.

Глубокій трауръ носится мужемъ по женѣ или послѣдней по мужѣ годъ, два и больше.

Описанный выше способъ оплакиванія и похоронъ, не лишенный нѣкоторыхъ симпатичныхъ сторонъ, въ экономическомъ отношеніи безусловно разорителенъ для народа. Похороны даже члена бѣднѣйшей крестьянской семьи въ Гуріи никогда не обходятся менѣе 100 руб. Эти оплакиванія и похороны разорительны не только для той семьи, въ которой кто-либо умираетъ, но и для всѣхъ родственниковъ и даже сосѣдей, изъ коихъ первымъ приходится нести большіе и притомъ весьма часто совершенно непредвидѣнные расходы, въ видѣ *ᠮᠣᠮᠣᠨᠠ* и угощенія лицъ, приглашаемыхъ въ каче-

ствѣ „мозаре“ или провожатыхъ, вознаграждаемыхъ зачастую или деньгами, или трудомъ за свое участіе въ психоронахъ.

При поверхностномъ взглядѣ на практикующіяся въ Гуріи оплакиванія покажется, что семья, оплакивающая своего покойника, ничего не теряетъ въ матеріальномъ отношеніи, такъ какъ въ день оплакиванія почти всегда поступаетъ сумма, въ видѣ пожертвованій, могущая покрыть всѣ расходы этого дня; но, вникнувъ въ дѣло, не трудно понять, что всѣ эти пожертвованія составляютъ долгъ и такой долгъ, который долженъ быть погашенъ, хотя и по частямъ, но въ неопредѣленное для должника время: онъ не знаетъ ни времени, когда онъ долженъ произвести уплату, ни размѣра послѣдней, которая можетъ колебаться между 10 коп. и 10 руб. и болѣе.

Весь вредъ и разореніе, причиняемое этимъ обычаемъ благосостоянію народа, послѣдній давно созналъ и желаетъ отрѣшиться отъ него, но у него не хватаетъ мужества поступить такъ и онъ продолжаетъ подчиняться издавна установившемуся обычаю. Хотя и дѣлаются попытки нѣкоторыми лицами хоронить своихъ покойниковъ безъ особенныхъ расходовъ, но отказаться отъ принятія пожертвованій никому нѣтъ ни охоты, ни расчета, такъ какъ каждый представляетъ изъ себя кредитора, имѣющаго немало должниковъ.

Если смерть послѣдовала отъ заразной болѣзни (оспы, тифа, чохотки и даже отъ кроваваго поноса, считающагося въ Гуріи заразительнымъ), то тѣло умершаго передается землѣ на второй же день, а оплакиваніе откладывается обыкновенно на нѣсколько недѣль и даже мѣсяцевъ; то же самое дѣлается въ томъ случаѣ, если смерть послѣдовала и не отъ заразной болѣзни, но какія-либо обстоятельства мѣшаютъ устроить оплакиваніе на 3-й или 4-й день по смерти. Въ послѣднихъ случаяхъ оплакиваніе устраивается по платью, оружію или портрету покойника, если таковой имѣется.

Платье или вѣшаютъ на стѣнѣ въ той комнатѣ, гдѣ должно происходить оплакиваніе, или начинаютъ соломой или сѣномъ, а лицо прикрываютъ платкомъ. Чучело это укладывается на тахту, къ которой и подходятъ плачущіе.

Итакъ, предъ чучеломъ оплакиваніе происходитъ какъ будто предъ дѣйствительнымъ покойникомъ. По окончаніи оплакиванія всѣ родные и родственники умершаго отправляются со священникомъ и „моваре“ въ церковную ограду и плачутъ вновь по порядку на могилѣ.

О РОДИЛЬНИЦАХЪ.

Говоря о родильницахъ, я прежде всего долженъ сказать, что во всей Гуріи не было раньше акушеровъ съ надлежащимъ специальнымъ образованіемъ. Обыкновенно принимаютъ доморощенные бабки, большею частью старушки, имѣющія по своей специальности только самыя элементарныя свѣдѣнія, сообщенныя имъ ихъ предшественницами, такими же бабками, да нѣкоторый навыкъ къ своей профессіи, приобретенный путемъ практики. Несмотря, однако, на это, нельзя сказать, чтобы въ Гуріи неблагополучный исходъ родовъ былъ частый, что можетъ быть объяснено, конечно, только физическимъ развитіемъ и вообще здоровымъ сложеніемъ роженницъ. Когда приближается время разрѣшиться беременной женщинѣ, то или она лично, или ея близкіе предупреждаютъ бабуку, которую хотятъ пригласить, чтобы она во всякое время была наготовѣ и въ случаѣ увѣдомленія явилась немедленно.

Въ каждомъ приходѣ бабокъ обыкновенно нѣсколько, такъ какъ съ нихъ не требуется никакого образовательнаго ценза, а между тѣмъ званіе бабки все-таки почетное и не бездоходное.

Какъ только беременная почувствуетъ первые признаки приближенія родовъ, тотчасъ посылаютъ за бабушкой, которая,

не взирая ни на погоду, ни на темноту ночи и зачастую на отвратительную дорогу, отправляется вмѣстѣ съ гонцомъ въ родильницѣ. Последнюю, какъ только боли начинаютъ усиливаться, укладываютъ обыкновенно на подстилку изъ сухой соломы гоми на землѣ или земляномъ полу.

По существовавшему у гурійцевъ понятію, женщина могла разрѣшиться отъ бремени не иначе какъ на землѣ, съ посланной предварительно соломой, но въ настоящее время стали измѣнять этому обыкновенію: народъ убѣдился, что женщина и на досчатомъ полу можетъ разрѣшиться, лишь бы подстлали солому.

Необходимость постлать солому въ этомъ случаѣ народъ объясняетъ тѣмъ, что новорожденный Иисусъ Христосъ былъ положенъ въ ясли, гдѣ находилась солома; а потому Богородица благословила употребленіе соломы при родахъ.

Когда подстилка для родильницы приготовлена, тогда перебрасываютъ чрезъ перекладину веревку, достаточной толщины, какъ разъ надъ грудью лежащей родильницы и завязываютъ узелъ на такой высотѣ, чтобы родильница, во время усиленія потугъ, могла въ полусидячемъ положеніи держаться обѣими руками за веревку выше узла.

Мужчины и малолѣтніе удаляются изъ комнаты, гдѣ помѣщается роженица; остаются лишь однѣ женщины.

Если роды продолжительны и затруднительны, то прибѣгаютъ къ разнымъ средствамъ: молятся Богу, Богородицѣ, и мѣстному святому, обѣщаютъ зарѣзать барана. Если таковой имѣется налицо, то его приводятъ и, три раза обнося его справа налѣво надъ головой страдальцы, просятъ Бога, чтобы онъ принялъ эту жертву, взаменъ родильницы, какъ принялъ Онъ отъ Авраама барана взаменъ Исаака; если же барана или овцы нѣтъ налицо, то берутъ какую-нибудь цѣнную вещь и продѣлываютъ съ нею то же, что они сдѣлали бы съ бараномъ или овцою; вещь эта съ того времени называ-

ется *ḥafḥadān* („садиндари“), что значитъ залогъ: она не можетъ быть употреблена ни на что до тѣхъ поръ, пока, въ случаѣ благополучнаго исхода родовъ, не будетъ исполненъ обѣтъ, т. е. принесенъ въ жертву Богу баранъ или овца.

Иногда приготавливаютъ восковую длинную свѣчу и вмѣстѣ съ деньгами (достаточно и 20 коп.) ставятъ предъ образомъ святаго того прихода, которому родильница принадлежитъ по происхожденію. Иногда же просятъ священника обмыть образъ мѣстнаго святаго водою, и эту воду даютъ испить родильницѣ; если же случается день воскресный или праздничный, когда совершается божественная литургія, то священникъ, получивъ уведомленіе отъ близкихъ родильницы, что послѣдняя находится въ тяжеломъ положеніи, по окончаніи службы беретъ образъ мѣстнаго святаго и, обращаясь къ присутствующимъ, говоритъ, что такая-то находится въ опасномъ положеніи, и предлагаетъ всѣмъ пожелать больной благополучія и выздоровленія; всѣ присутствующіе въ одинъ голосъ, вслухъ, просятъ Бога, чтобы Онъ помогъ больной. Этотъ въ высшей степени симпатичный, вполне христіанскій обычай въ Гуріи называется *ḥafḥadān* („хатись-дэвра“), что значитъ „сдвинуть съ мѣста, потревожить образъ“, и совершается не только при затруднительныхъ родахъ, но и при всѣхъ случаяхъ, когда кто-нибудь изъ прихожанъ опасно боленъ. И, наконецъ, „тревожатъ домъ“ (*ḥafḥadān* *ḥafḥadān*), гдѣ лежатъ родильница; дѣлается это такъ: кто-нибудь, обыкновенно глава семьи, къ которой принадлежитъ родильница, беретъ топоръ и ударяетъ его остриемъ во всѣ четыре стѣны дома съ внутренней стороны.

Всѣ эти мѣры, по народному повѣрью, облегчаютъ мученія родильницы и ведутъ къ благополучному исходу родовъ.

Когда родильница разрѣшается, мужчины входятъ къ ней и поздравляютъ. Если новорожденный мужескаго пола, то бываетъ большая радость, которая выражается мужчинами

въ стрѣльбѣ изъ ружій и пистолетовъ; въ противномъ же случаѣ стрѣльбы не полагается.

Родильница въ Гуріи называется *мелогине* („мелогине“), что значитъ „лежащая въ постели“. Ее по окончаніи родовъ бережно поднимаютъ съ подстилки и укладываютъ въ настоящую постель, на тахту или кровать. Какъ только родильницу уложить въ постель, то подъ подушку ей кладутъ кинжалъ, подъ тахту—железный гребень, употребляемый для очистки шерсти, а надъ постелью развѣшиваютъ „накидку“ или какую-нибудь другую сѣть. Дѣлается это съ тою цѣлю, чтобы нечистая сила не могла налетѣть, не имѣла доступа къ родильницѣ и къ новорожденному, до которыхъ, какъ до существъ въ это время слабыхъ и безпомощныхъ, она большая охотница. Сѣть, кинжалъ и гребень употребляются въ данномъ случаѣ, какъ предметы, которыхъ, по понятію народа, боится нечистая сила: въ сѣть она можетъ запутаться; зубья железнаго гребня остры, и, слѣдовательно, она можетъ наколотся, а кинжалъ—орудіе обоюдоострое и потому единственное вѣрное оружіе противъ нечистыхъ силъ.

Пока родильница совершенно не оправится отъ болѣзни, ея никогда, ни днемъ ни ночью, не оставляютъ одну, чтобы она чего-нибудь не испугалась.

Баба остается у родильницы иногда цѣлую недѣлю, купаетъ ребенка и ухаживаетъ за матерью. Съ родильницами въ Гуріи вообще обращаются очень хорошо: даютъ имъ полный покой, легкую, удобоваримую пищу и лучшее (обыкновенно красное) вино, какое только имѣется въ домѣ, а иногда и нарочно припасается для этого случая; родственники и хорошіе знакомые часто навѣщаютъ и развлекаютъ „мелогине“, чтобы она не скучала; иногда же цѣлыя ночи напролетъ не спать, если больной не спится; и, чтобы ее развлечь или убавовать, поютъ ей тихимъ голосомъ стройныя и пріятныя пѣсни; родильница встаетъ съ постели, когда ей угодно, а

не по принужденію. Подобное обращеніе съ родильницами въ Гуріи вполне естественно и совершенно гармонируетъ съ положеніемъ женщины въ этомъ краѣ, гдѣ женщина совершенно свободна отъ тяжелыхъ трудовъ и черной работы.

Гуріецъ съ двойнымъ усидіемъ будетъ работать, лишь бы не заставить свою, большую часть, красавицу-жену работать въ полѣ, какъ то дѣлается почти у всѣхъ народовъ картвельскаго племени, кромѣ этой горсти-гурійцевъ; по понятію гурійца, женское дѣло—хозяйство и забота о томъ, чтобы въ домѣ было достаточно домашней птицы и прочаго добра, чтобы обѣдъ и ужинъ были приготовлены во-время, вкусно и чисто, чтобы дѣтишки были чисты и одѣты, чтобы жена ему соткала сукно на чоху и прочую одежду, выстирала бы послѣднюю, —а не черная, полевая работа.

Въ первое время послѣ родовъ рѣдная мать не страдаетъ болѣзнию грудей, называемой почему-то „*ἄσθμα*“, что значитъ „вѣтеръ черепахи“, или „черепашій вѣтеръ“, черепашья болѣзнь.

Способовъ лѣченія этой болѣзни практикуется мѣстными знахарками нѣсколько, но ни одного изъ нихъ нельзя считать вполне удовлетворительнымъ и заслуживающимъ вниманія; больше другихъ распространено и извѣстно лѣченіе посредствомъ подкуриванія дымомъ отъ тлѣющаго щита черепахи: берутъ кости, щитъ черепахи и зажигаютъ; подымается дымъ, надъ которымъ больная держитъ свои груди; гурійцы вполне увѣрены, что этотъ способъ лѣченія въ нѣкоторыхъ случаяхъ помогаетъ. Получила ли эта болѣзнь свое названіе отъ описаннаго способа лѣченія, или же, наоборотъ, лѣченіе примѣняютъ потому, что болѣзнь навывается „черепашьею болѣзнию“ по нѣкоторому сходству затвердѣнія грудей съ черепашьимъ щитомъ, сказать трудно, да и разъясненіе этого вопроса не представляетъ особенной важности.

По разрѣшеніи родильницы приглашаютъ священника,

который кропитъ домъ святой водой. Засимъ въ тотъ же день или на второй и послѣдующіе приходятъ съ поздравленіями близкіе сосѣди, родственники, родственницы и знакомые.

При этомъ близкіе родственники разрѣшившейся, напр., родители приходятъ или прѣзжаютъ, особенно при первомъ ребенкѣ дочери, съ особеннымъ шумомъ и трескомъ, подъ какой-нибудь праздникъ или подъ воскресенье, приславъ предвзвительно или принося съ собой „*სანახავი*“ („санахави“); „нахва“—видѣть, навѣстить, а „санахави“—то, что приносится или привозится при навѣщеніи.

„Санахави“, смотря по средствамъ и общественному положенію навѣщающихъ, состоитъ обыкновенно, какъ и „догвени“, изъ разныхъ съѣдобныхъ продуктовъ, а равно и изъ подарковъ родильницѣ.

„Санахави“ присылаютъ и близкіе сосѣди, друзья дома, гдѣ произошло приращеніе семьи.

На восьмой день послѣ родовъ совершается обрядъ, заслуживающій, по своей оригинальности, нѣкотораго вниманія; это „*ლოგინისაღება, ანუ მიწის გაჯერება*“ („могинись агеба ану ницись гаджереба“), что значитъ „поднятіе (уборка) постели“, или „насыщеніе земли“.

Обрядъ этотъ заключается въ томъ, что, какъ я выше сказала, на восьмой день по разрѣшеніи женщины отъ бремени, приглашаются въ домъ роженицы всѣ лица, присутствовавшія при родахъ. Въ этотъ день готовится хорошій обѣдъ или ужинъ и два небольшихъ шаровидныхъ пирожка, начиненныхъ сыромъ; пирожки эти называются „*მუხლის კვერია*“ („мухлись квери“), что въ переводѣ на русскій языкъ значитъ „колѣнной хлѣбецъ“. „Колѣнныхъ хлѣбцовъ“ готовится два, по числу колѣнъ новорожденного, и съѣдается однимъ изъ дѣтей того же дома, которому принадлежитъ новорожденный, или же, если въ этомъ домѣ нѣтъ дѣтей, то ребенкомъ изъ другого дома.

При этомъ ребенокъ, съѣдающій „колѣнные хлѣбцы“, долженъ быть въ состояннн хорошо бѣгать, такъ какъ обычай требуетъ, чтобы онъ съѣлъ ихъ бѣгая. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ эти хлѣбцы составляютъ собственность, какъ бы вознагражденн за трудъ того лица, которое перекинуло чрезъ перекладину веревку для родильницы, но и это лицо обязано съѣсть хлѣбцы не иначе, какъ бѣгая.

Этотъ обычай выражаетъ желанн родителей и близкихъ новорожденнаго, чтобы послѣднн возможно скорѣе окрѣпъ физически, укрѣпились бы его колѣна, и онъ сталъ бы бѣгать такъ же шустро и бойко, какъ тотъ, кто съѣдаетъ его „мухлись квери“.

Когда всѣ званые гости, въ томъ числѣ, конечно, и бабка, безъ которой обрядъ „насыщенн земли“ не можетъ быть совершенъ, соберутся, то приступаютъ къ совершенн самого обряда, заключающагося въ слѣдующемъ: въ томъ мѣстѣ на землѣ, гдѣ родильница разрѣшилась, бабка дѣлаетъ кончикомъ ножа нѣсколько небольшихъ углубленн; затѣмъ она беретъ кусочекъ хлѣбной мякоти, мѣситъ его съ воскомъ и кусочками ладана, отрываетъ отъ этой смѣси по маленькому кусочку, кладетъ послѣднн въ углубленн въ землѣ, заливаетъ супомъ изъ курицы и виномъ, при чемъ она обращается къ землѣ, какъ къ одушевленному предмету, и произноситъ нѣчто въ родѣ молитвы, говоря, что она (бабка) насытила ее хлѣбомъ, виномъ, масломъ (послѣднн содержитсѣ въ супѣ, приправленномъ толчеными грецкими орѣхами, изобилующими масломъ), воскомъ и ладаномъ,—вообще всѣмъ, чѣмъ могла, а потому проситъ землю даровать вновь разрѣшившейся женщинѣ здоровье и счастье.

Все время, пока бабка продѣлываетъ эту процедуру, всѣ присутствующн, кромѣ той, за которую молятся, т. е. роженицы, стоятъ съ возженными восковыми свѣчами въ рукахъ.

По окончаніи молитвы бабка три раза обносит зажженную восковую свѣчу справа налево вокругъ талии роженицы и трижды поворачиваетъ ее справа налево; то же дѣлаетъ она и съ новорожденнымъ, желая имъ обоемъ скорого и полного выздоровленія.

Послѣ бабки подходятъ къ родильницѣ всѣ присутствующіе по очереди, обносятъ вокругъ ея талии зажженную свѣчу три раза и поворачиваютъ ее справа налево, а также и ребенка съ тѣми же поздравленіями и пожеланіями, послѣ чего усаживаются за столъ, и начинается обычное угощеніе.

Смысль, выражаемый описаннымъ здѣсь обрядомъ, заключается въ томъ, что въ прежнее время родильницы въ Гуріи вставали на 8-й день послѣ родовъ (въ настоящее время онѣ встаютъ иногда и позже, но это не мѣшаетъ совершенію „насыщенія земли“ на 8-й день послѣ родовъ, такъ какъ родильницы лежатъ не на томъ мѣстѣ, гдѣ разрѣшаются), и въ этотъ же день, конечно, убиралась и постель, на которой лежала родильница.

Народъ, празднуя день, когда родильница послѣ благополучнаго исхода родовъ встала съ постели, благодаритъ и благодаритъ землю, на которой разрѣшилась беременная.

Въ этомъ случаѣ гурійцы представляютъ себѣ землю какимъ-то существомъ, которое требуетъ дани, вознагражденія за то, что на ней лежала и разрѣшилась беременная, и, если не удовлетворить этому требованію, не вознаградить землю за оказанную ея услугу, то она, оставшись недовольною, можетъ повредить разрѣшившейся и новорожденному ребенку.

ЧОРТЬ, ДІАВОЛЪ (ᠵᠡᠳᠦᠵᠦ).

Гурійцы вѣрятъ въ повсемѣтное существованіе злыхъ духовъ, чертей; но, по ихъ понятію, черти обитаютъ главнымъ образомъ въ глухихъ, темныхъ балкахъ, поросшихъ дѣ-

сомъ. Затѣмъ, будто бы дѣволъ сидитъ на лѣвомъ плечѣ каждаго человѣка и постоянно старается соблазнить послѣдняго, направить его на дурныя мысли и противозаконныя поступки; но ангелъ-хранитель, сидящій постоянно на правомъ плечѣ человѣка, предохраняетъ послѣдняго отъ дурныхъ мыслей и противозаконныхъ поступковъ, но только при томъ условіи, если человѣкъ постоянно молится Богу и ведетъ христіанскій образъ жизни; въ противномъ случаѣ, ангелъ-хранитель отступается отъ него, и человѣкъ остается въ полномъ распоряженіи дѣвола, которому и служить орудіемъ для совершенія разныхъ злодѣяній.

Поэтому гуріецъ, сознавъ противозаконность и безправственность своего поступка, чистосердечно и съ полною увѣренностью говоритъ, что „чортъ его соблазнилъ“. Какъ ангелъ, такъ и дѣволъ постоянно записываютъ—первый хорошіе, а второй дурныя поступки человѣка и, когда человѣкъ умираетъ, то взвѣшиваютъ его поступки; если перетянетъ добро, то онъ идетъ въ рай, въ противномъ случаѣ—въ адъ.

„ч и н к а“ (ჭიკა).

„Чинка“, по понятію гурійцевъ, есть нечистая сила; она ростомъ съ двухлѣтнаго ребенка; очертаніе ея лица совершенно человѣческое, но все тѣло ея покрыто шерстью. „Чинка“ бываетъ и мужскаго и женскаго пола.

„Чинка“ женскаго пола отличается замѣчательною бѣлизною лица, красотой и длинными и красивыми волосами на головѣ; тѣло же все покрыто шерстью, какъ выше сказано.

„Чинка“ мужскаго пола представляетъ собою двухлѣтнаго мальчика съ соответствующимъ очертаніемъ лица. „Чинки“ обоихъ половъ народъ представляетъ оборотнями: они являются людямъ, смотря по надобности, то взрослыми, то дѣтьми.

Представляя „чинку“ подобными человѣку, гурійцы не

лишили ихъ и человѣческихъ страстей: допускають любовную связь „чинки“ съ людьми, сбившимися съ истиннаго пути въ жизни.

Слышалъ я такой расказъ: „чинка“ женскаго пола влюбилась въ одного женатаго мужчину и успѣла соблазнить его; послѣдній послѣ этого всегда ложился спать на чердакѣ амбара, отдѣльно отъ жены; туда же являлась каждую ночь и влюбленная „чинка“. Жена, замѣтивъ охлажденіе къ себѣ мужа, долго терпѣла, но наконецъ, потерявъ всякое терпѣніе, стала караулить мужа по ночамъ; въ одну ночь она замѣтила, какъ къ ея мужу пришла „чинка“ въ образѣ женщины. Когда „чинка“ улеглась рядомъ со своимъ любовникомъ и уснула, то ея длинныя косы свѣсались до земли съ чердака амбара; тогда караулившая жена подрѣзала эти косы и взяла къ себѣ. Когда „чинка“ увидѣла, что у нея косы подрѣзаны, то она до тѣхъ поръ не давала покоя своему любовнику, пока тотъ не выпросилъ у жены этихъ обрѣзковъ кося и не возвратилъ ихъ по принадлежности.

По понятію гурійцевъ, „чинку“ можно поймать.

Однажды дворянинъ А-ни ѣхалъ верхомъ ночью; къ нему подеѣлъ свади „чинка“ мужскаго пола, котораго тотъ, не теряя присутствія духа, совершенно хладнокровно припоясалъ къ себѣ, привезъ домой, бросилъ въ пустой винный кувшинъ, зарытый въ землѣ, и закрылъ; держалъ онъ своего плѣнника въ кувшинѣ долго, до тѣхъ поръ, пока „чинка“ не стала умолять его, чтобы онъ его отпустилъ; при этомъ „чинка“ далъ клятву, что онъ никогда и никого изъ его домашнихъ не тронетъ и вообще не причинить его дому никакого вреда, но упоминая обо всемъ, что только принадлежало этому дворянину, онъ пропустилъ огонь, про который совершенно забылъ обладатель „чинки“.

Когда же, послѣ даннаго имъ обѣщанія, „чинка“ былъ освобожденъ, то онъ, отошедши на нѣкоторое разстояніе, за-

кричалъ, обращаясь къ плѣнившему его: „*შეშა კვლავდის ცა-
ცხლო გიქრებოდეს!*“ (пусть тухнетъ у тебя огонь на каждый Но-
вый годъ). И, дѣйствительно, съ того времени въ домѣ это-
го дворянина и его потомства на Новый годъ утромъ дрова
плохо горятъ, и вообще огонь плохо разводится.

„Чинка“, по понятію гурійцевъ, живетъ въ темныхъ лѣ-
сахъ, глубокихъ, непроходимыхъ балкахъ и болотахъ—вообще
въ мѣстахъ, излюбленныхъ нечистыми силами.

„Чинка“ обыкновенно намѣчаетъ кого-нибудь въ жерт-
ву себѣ и начинаетъ съ тѣхъ поръ увлекать его въ свою
сторону; наконецъ, она доводитъ человѣка до того, что по-
слѣдній бросаетъ свой кровъ, родной очагъ и семью, уходитъ
въ лѣсъ или какую-нибудь тущубу. Его трудно бываетъ
вернуть домой; нѣкоторые изъ нихъ совершенно лишаются
разсудка: злой духъ вселяется въ нихъ, по представленію гу-
рійцевъ.

Такие больные рѣдко вылѣчиваются; помочь можетъ толь-
ко чтеніе священникомъ надъ больнымъ нѣкоторыхъ молитвъ.

Если „чинка“ мужескаго пола соблазнить какую-нибудь
женщину или дѣвушку, то послѣднія непременно сойдутъ съ
ума и убѣгутъ изъ дома.

„К х а д ж и“ (ქადჯი).

„Кхаджи“, по понятію гурійцевъ, есть нечистая сила
женскаго пола, съ длинными—до земли волосами на головѣ,
отличающаяся красотой, физическою силою и порывистыми
движеніями (поэтому дѣвушекъ и женщинъ съ вышесказан-
ными качествами въ Гуріи и называютъ, „кхаджами“); она
обладаетъ способностью издавать, въ случаѣ надобности, про-
зителный крикъ, который можно слышать за нѣсколько
верстъ. Мѣстопребываніемъ ей служатъ болшею частью лѣса,
берега рѣкъ и темныя балки.

„Кхаджи“, по понятію народа, стараются войти въ

любовную связь съ мужчинами и не упускаютъ случая соблазнить ихъ.

Единственнымъ оружіемъ противъ „кхаджи“, какъ и противъ остальныхъ видовъ нечистой силы, въ Гуріи признается кинжалъ—орудіе обоюдоострое; шапка же и остальное оружіе, имѣющее обухъ, признаются недействительными: если такимъ оружіемъ замахнуться на „кхаджи“ или на чорта, то послѣдніе садятся на то же оружіе со стороны обуха, гдѣ нѣтъ острія.

Въ народѣ существуетъ очень много разсказовъ о продѣлкахъ „кхаджи“. Приведу изъ нихъ слѣдующій: дворянинъ Д—ши ѣхалъ ночью на превосходномъ жеребцѣ черезъ лѣсъ; накрапывалъ дождикъ, а потому онъ накинулъ на себя бурку; вдругъ къ нему свади садится на лошади „кхаджи“ и хочетъ обнять его за талію поверхъ бурки: лошади становится тяжело, и она едва передвигаетъ ноги. Видя, что дѣло плохо, Д—ши вынимаетъ осторожно, такъ чтобы „кхаджи“ не узнала, кинжалъ изъ ноженъ, просовываетъ его правой рукой подъ буркой, и свади сильнымъ ударомъ наноситъ „кхаджи“ рану въ правую ляжку; послѣдняя отъ сильной и неожиданной боли съ крикомъ сваливается съ лошади. На крикъ раненой „кхаджи“ отвѣчаетъ гдѣ-то далеко другая „кхаджи“ совершенно такимъ же крикомъ. Лошадь, почувствовавъ себя свободною отъ „кхаджи“, мчится стрѣлою далѣе и привозитъ домой сѣдока съ обнаженнымъ кинжаломъ въ рукѣ, совершенно ооченѣвшаго, потерявшаго способность говорить и не могущаго слѣзть съ лошади. Домашніе его догадываются, въ чемъ дѣло, вынимаютъ его съ лошади, укладываютъ въ постель и призываютъ священника для чтенія надъ больнымъ молитвъ.

Благодаря этимъ молитвамъ, больной чрезъ нѣсколько дней начинаетъ понемногу поправляться; у него „развязывается языкъ“ и онъ сообщаетъ домашнимъ о бывшемъ съ нимъ случаѣ.

Описанный случай есть одинъ изъ цѣлой серіи ему подобныхъ, въ которыхъ разсказывается, какъ люди послѣ встрѣчи съ „кнаджи“ теряли способность говорить и заболѣвали.

„УЖМУРИ“ (ᠤᠵᠢᠮᠤᠷᠢ)

Подъ залежалыми валежниками, въ дуплахъ деревьевъ, въ трупобахъ и вообще въ мѣстахъ сырыхъ существуетъ, по понятію гурійцевъ, болѣзнь, называемая „ужмури“.

Этою болѣзнию, большею частью, заболѣваютъ дѣти, хотя бывають случаи заболѣванія ею и со взрослыми.

Когда кто-нибудь заболѣваетъ „ужмури“, то говорятъ, что онъ встрѣтился съ ней (ᠤᠵᠢᠮᠤᠷᠢ ᠰᠢᠵᠢᠳᠤ). По понятію народа, заболѣть „ужмури“ можно только, или понавъ случайно на мѣсто ея нахождения, или наткнувшись на нее, когда она вынесена какою-нибудь постороннею причиною изъ своего гнѣзда. Выносить же ее оттуда всегда вода: отъ сильнаго дождя или таянія снѣга образуются потоки и ручьи, которые промываютъ ложбины и трупобы, а, стало-быть, и обиталище „ужмури“, и она вмѣстѣ съ землей и прочими предметами увлекается водою, выносится на открытое мѣсто и оставляется гдѣ-нибудь; тутъ-то и человѣкъ случайно натывается на нее, но бываетъ и такъ, что „ужмури“ уносится водою въ такія рѣки, гдѣ какъ разъ въ это время, производится ловля рыбы; вотъ гдѣ рыболовъ легче всего можетъ „встрѣтить“ „ужмури“ и заболѣть.

Заболѣвають „ужмури“ не только въ лѣсу, полѣ и въ водѣ, но и на дворѣ, около дома, если только кто-нибудь усядется или уляжется на мокрую землю послѣ дождя.

Какъ только эта болѣзнь входитъ въ организмъ человѣка, то заболѣвшаго бросаетъ въ жаръ, у него сильно болитъ голова, онъ бредитъ; нерѣдко совершенно теряетъ разумъ и убѣгаетъ изъ дому. Послѣ такого сильнаго пароксизма наступаетъ общее расслабленіе всего организма; боль-

ной теряетъ цвѣтъ лица и худѣетъ, аппетитъ пропадаетъ и онъ начинаетъ медленно, незамѣтно угасать; иногда болѣзнь продолжается цѣлыми годами и, наконецъ, завершается смертью, если своевременно не приняты надлежащія мѣры. Вылѣчить одержимаго этою болѣзнию дѣло не легкое и не всегда удается. Лѣчатъ ихъ большею частью опытные старушки слѣдующимъ образомъ: берутъ зерна всевозможныхъ злаковъ, растущихъ въ данной мѣстности, и даютъ въ руки больному; затѣмъ берутъ эти зерна, вкладуѣ со всевозможными травами въ глиняный горшокъ и, заливъ водою, варятъ. Больного усаживаютъ на стулъ, предъ нимъ ставятъ лотокъ, на дно котораго вбиваютъ иглу съ надѣтой на нее *კვრის თავი* (квирис-тави), которою обыкновенно служитъ каменное полушаріе, со сквознымъ отверстіемъ въ центрѣ; послѣ этого на лотокъ выливаютъ все содержимое горшка, при чемъ и горшокъ остается опрокинутымъ на лотокъ. Больного съ лоткомъ покрываютъ одѣяломъ, и въ такомъ видѣ онъ подвергается дѣйствию пара. Въ это время старушка ходитъ вокругъ больного съ крапивою въ рукѣ и ударяетъ ею больного (поверхъ одѣяла), чтобы этимъ вышибить изъ него болѣзнь, при чемъ читаетъ помѣщенныя ниже молитвы.

Такимъ путемъ иногда и удается вылѣчить больного; въ противномъ случаѣ говорятъ, что повидно взялись за лѣченіе.

МОЛИТВЫ ПРОТИВЪ „УЖМУРИ“.

I.

შენ, იგანე ანგელოზო, მომავლო ღამით და მუარველო სუ-
თი, იოანე ანგელ, იდუიწი ნოწიუ ი პოკროვიტელი დუ-
ღისაო, ჭეპარსა ვაწერდი ცხროთა
ში, ნაკლადივალე ი ნა სებე კრესთნოე ზნამენიე დევათიე
ფეგარითა, ცხროთა ანგელოზებითა, სოლომონის ბეჭდითა, თანე
კრესთამი, დევათი ანგელამი, ერესთნემე სოლომონა, ჩეთირ-
სანარებითა.
მე ევანგელიამი.

წმინდაო გიორგი, შენ მათხოვე შენი და შენი სარტყელი,
Святой Георгій, ты одолжи (мнѣ) твой и твой поясъ,
არსაჲ და სმალლი, ოქროს ჯაჭვი, ზღვაში ჯეშაპის გამბეთქელი,
щитъ и мечъ, золотую цѣпь, въ морѣ дракона побѣдитель
გველუშაპის გამტკველველო, შენ დაიცავი და
(распоротель), ვშეა (брылатаго) сокрушитель, ты защити и
დაიფარე, სამას სამოცდა სამო წმინდაო გიორგი თვალ-
прикрой, триста шестьдесятъ три *) святыхъ Георгія, отъ
უზნარი უეშურსაგან.
невидимаго „ужмури“.

II.

სამი ძმანი სამეხანი, სამეხისა ძალისანი; ერთსა
Три брата Троицы, обладающіе силою Троицы, одного
ფრქვა კარასტო, მეორეს კერესტო, მესამეს კურესტო, გა-
звали Карасто, другого Кересто, третьяго Куресто, под-
ვიდით გორსა გორ-მალაღს, დოუდგით ბადე
нялись (мы) на гору-гору высокую, поставили сѣть (тенета),
დაუჭირეთ ალი ეშმაკი დაესჭერით ალითა მალითა,
поймали „ужмури“ — черта, разрѣвали пламенемъ скорымъ,
შავი პირპოლოტიკითა **) ჩავდებ ქვასა
чернымъ оружіемъ съ развоеннымъ остриемъ, положу въ ко-
რგალისასა, გავიტან გორსა-გორ მალაღსა,
тель изъ сплава мѣди и олова, отнесу на гору-гору высокую,
გაქროლებს მამა, ძე და სული წმინდა თვა-
და разсѣтъ (уничтожить) Отецъ, Сынъ и Духъ Святой во
ლისა წამისასა.
мгновеніе ока.

III.

იკირკალი კარგია, ***) ბადე თავსასტუმალსა, საჩეხელი
„Икиркали“ хорошъ, сѣтъ у мѣрловья, гребень (для

*) См. ниже „Повѣрья о числѣ 5“.

**) См. примѣчаніе на стр. 105.

***) იკირკალი (კირკალი) — икиркали — означает согнутый въ дугу том-

გვერდსა სამი მძაი თავდგირიძე კვალს უალოვდენ
 шерсти) подъ божомъ, три брата Тавдгириძე выслѣживали
 აღსა უმურს), მიეწია მთასა, ხელი სტაცა მკლავსა; ვაი, რა
 „უჯური“, დიგნალъ въ горахъ, схватилъ за руку; о горе
 ეშველება: ხვალ-ვი სჭრიან თავსა.
 ему (უჯური): завтра снимають съ него голову.

IV.

სახელი სახელითა ღვთითა, მამითა, ძითა, სულითა წმი-
 Имя именемъ Божиимъ, Отцомъ, Сыномъ, Духомъ Свя-
 ნლითა! მონახეთენო დედიანო, მონახეთენო
 თუმъ! Пришедшій (ворвавшійся), имѣющій мать, пришедшій,
 მამიანო, მონახეთენო შვილიანო, წყლის ხარ?
 имѣющій отца, пришедшій, имѣющій сына, водяной ли ты?
 ხმელეთის ხარ? წყლიდამ ამონაყოლი ხარ? რა ხარ? რა
 სქ სუში ли ты? въ водѣ ли ты присталь? что ты такой? что
 სულიელი ხარ? ხიდამ ჩამოსული ხარ? ხმელეთზე გაჩენილი
 ты за существо? Съ дерева ли ты сошелъ? на землѣ-ли
 ხარ? რა ხარ? რა სულიერი ხარ?
 ты рожденъ? что ты такой? что ты за существо?
 ჩაგაგდებ სანწალავში, ჩაგაგდებ სასარჩავში,
 Брошу я тебя въ кипятокъ, брошу тебя въ котель,
 მოგცემ ცეცხლსა რვალისასა, გაგაქარებ თვალსა წამისასა:
 дамъ тебѣ огонь рвальскій *), уничтожу во мгновение ока:
 ადუღდები ქოთანსავით, ჩაცვინდები ქონდარსთავით, ხიდამ
 закипишь, какъ горшокъ, опадешь, какъ чаберъ. Съ дерева-ли
 ჩამოვარდნილი ხარ? ფურცლებთან ანყოლი ხარ?
 ты упаль? ვმბტბ სქ листомъ-ли ты поднятъ (სქ земли)?

стий пруть, надѣваемый свотинѣ на шею для привязыванія ея въ яслямъ
 въ ხრვს (зимю). Фраза „იკირკალი კარგია“ выражаетъ въ данномъ слу-
 чаѣ надобность въ „იკირკალი“ для привязыванія нечистой силы, которую
 хотятъ словить.

*) Слово „რვალი“ означаетъ сплавъ изъ мѣди и олова, а „რვალსკი
 огонь“—сильный огонь, сильный жаръ, въ которомъ можетъ расплавиться
 „რვალი“.

გარე ვახვალზე ხნაყოლი ხარ? რა ხარ?
во время-ли выхода на дворъ (больного) присталъ? что ты
რა მუანი ხარ? ჩაგაგლებ. ცეცხლსა რეალოსასა,
такой? на что ты похожъ? Брошу тебя въ огонь „рвальскій“,
გაგაქარეებ თვალსა წამისასა. დაგჭერი ალითა მხლი-
уничтожу во мгновение ока. Изрѣжу тебя пламенемъ ско-
თა; შეგ-ტარიანი დანითა, ჩაგაგლებ ცეცხლსა
рымъ; ножомъ съ чернымъ черенкомъ, брошу тебя въ огонь
რეალოსასა, გაგაქარეებ თვალსა წამისასა! გამიშვი და გაგო-
„рвальскій“, уничтожу во мгновение ока! Отпусти—и отпу-
შეებ! გამიშვი და გაგიშვებ; წმინდაო გოორგი შეხსნათა,
щю! Отпусти—и отпусти! Святой Георгій Шубанскій (приходь),
წმინდაო გიორგი ხვეისათა...

Святой Георгій Хевскій (при этомъ наговаривающая упоми-
ნаетъ и другихъ св. Георгіевъ, которыхъ она знаетъ). Благо-
წერი ლმერთა, ჯვარი, აგრე ლოცვა ჩემი *).
слова, Господи, — да будетъ такъ молитва моя.

Кромѣ описаннаго способа лѣченія, иногда, если боль-
ной лишается разсудка, употребляется желчь ворона; желчь
эту въ небольшой дозѣ растираютъ въ водѣ и даютъ выпить
больному, при чемъ послѣдній непременно долженъ сказать:
„это—лѣкарство противъ падучей болѣзни“ (წამალი ხვეისათა),
иначе лѣкарство не подѣйствуетъ.

*) Какъ эти, такъ и всѣ остальные молитвы записаны безъ всякаго
измѣненія, въ томъ видѣ, какъ онѣ читаются жителями; равно и переводъ
сдѣланъ подстрочный, слово въ слово, но безъ измѣненія смысла. Сдѣлано это
съ цѣлью показать, что нѣкоторые изъ приведенныхъ мною молитвъ пред-
ставляютъ лишь одинъ наборъ словъ, часто неподходящихъ другъ къ другу
и употребляемыхъ народомъ бессознательно, безъ пониманія смысла. Здѣсь-
же считаю нужнымъ сказать, что въ этихъ молитвахъ встрѣчается много
такихъ словъ (რეალი, პირმოლოტიკი და სხვა), которыхъ народъ въ наше
время не употребляетъ и даже не знаетъ, что они означаютъ. Изъ этого
слѣдуетъ заключить, что молитвы эти составлены давно, когда эти слова
употреблялись народомъ въ обыкновенной рѣчи.

Тяжко-больнымъ этою болѣзнию иногда даютъ и слабительное, и народъ вѣритъ, что будто отъ нѣкоторыхъ больныхъ рождаются „ужмури“. По понятію народа, рождающійся „ужмури“ по виду своему напоминаетъ лягушку и представляетъ собою слизистую массу, не имѣющую произвольнаго движенія.

Это слабительное, желтоватаго цвѣта, извѣстно подъ названіемъ „ужмурисъ цамали“ (უჭურის წამალი); оно продается евреями-коробейниками.

Практикуется еще и такой способъ лѣченія больныхъ „ужмури“: берутъ листья нѣкоторыхъ травъ (უჭურა, მგლის-ტოტი, სახეშუკნეური), примѣшиваютъ къ нимъ листья шишкового дерева, все это толкутъ, смѣшиваютъ съ водою, процеживаютъ и даютъ пить больному вмѣсто воды.

Если же болѣзнь захвачена въ самомъ началѣ, то, по понятію народа, справиться съ нею—дѣло пустое: для этого нужно лишь обчертить по землѣ гвоздемъ или ножомъ вокругъ того мѣста, гдѣ извѣстное лицо заболѣло, и гвоздь или ножъ воткнуть въ землю у изголовья больного, взять оттуда кончикомъ ножа кусочекъ земли и бросить въ огонь: по повѣрью народа, „ужмури“ сгоритъ, а больной немедленно поправится.

„БРАЛИ“ (ბრალი).

Къ „ужмури“ нерѣдко приобщается, по понятію народа, „брали“ (кара), а иногда первая бываетъ только началомъ болѣзни, а главная-то болѣзнь заключается въ „брали“.

Послѣдняя заключается въ томъ, что или самъ заболѣвшій, или кто-нибудь изъ его предковъ проклятъ кѣмъ-нибудь и когда-нибудь предъ образомъ того или другого святого, или же они сами дали подъ присягой ложное показаніе. Святой, предъ образомъ котораго произнесено проклятіе и ложная присяга, подъ видомъ болѣзни, требуетъ съ больного расчета.

Проклинанія именемъ того или другого святого практи-

вуются гурійцами даже и въ настоящее время, но не такъ часто, какъ это было раньше, до введенія мировыхъ учрежденій. Прибѣгаютъ къ этому способу проклятія въ тѣхъ случаяхъ, когда кому-нибудь нанесенъ матеріальный ущербъ, но виновника никакъ нельзя открыть.

Въ этихъ случаяхъ потерпѣвшій беретъ образъ главнаго мѣстнаго святого, или святого другого прихода (большую часть берутъ для сего образъ св. Георгія; между послѣдними особенною силою во всей Гуріи извѣстенъ образъ св. Георгія „Ломискарели“, находящійся въ деревнѣ того же имени въ Сурескомъ обществѣ), держать его въ обѣихъ рукахъ, обращается лицомъ къ востоку, становится на колѣни и проситъ, чтобы этотъ святой наказалъ того, кто причинилъ ему такой-то вредъ, и при этомъ, опуская образъ ницъ, произноситъ: „св. Георгій, такъ опрокинь, разруши все его состояніе“ (წმინდა გიორგი, ასე დააქცეე მისი სახლი!).

Къ присягѣ прибѣгали въ Гуріи для рѣшенія тяжбы, какъ напримѣръ, въ вопросахъ о владѣніи спорнымъ участкомъ земли и т. п. Если вопроса нельзя было разрѣшить путемъ свидѣтельскихъ показаній или полюбовно, то одна изъ спорящихъ сторонъ изъявляла согласіе доказать свои права на участокъ земли или вообще на предметъ спора путемъ присяги. Противная же сторона приносила образъ какого-нибудь святого, конечно, самаго сильнаго и могущественнаго, по ихъ понятію, и въ назначенный день тяжущіеся сходились на спорномъ участкѣ земли; изъ присягающей стороны выбиралось нѣсколько человекъ, непременно мужчинъ, по соглашенію съ противной стороной; и выборные брали образъ, обходили съ нимъ участокъ земли и клялись именемъ этого святого, что земля, заключающаяся въ этихъ предѣлахъ, всегда принадлежала имъ и ихъ предкамъ. Послѣ этого спорная земля становилась полною собственностью присягнувшихъ и ихъ потомства.

На присягу не соглашался, не согласится и теперь мужъ, котораго жена находится въ интересномъ положеніи, даже въ томъ случаѣ, если онъ считаетъ свое дѣло совершенно правымъ.

Какъ при присягѣ, такъ и при проклинаніи обязаны тѣ, кто беретъ образъ въ себѣ, уплатить извѣстную сумму въ пользу церкви.

Проклятые, присягнувшіе ложно, рано или поздно, или сами, или ихъ потомки получаютъ, по народному понятію, должную мзду, въ видѣ болѣзни и умопомѣшательства (при чемъ помѣшанный въ большинствѣ случаевъ произноситъ имя того святого, предъ которымъ дана ложная присяга, или именемъ котораго проклятъ онъ или его предка), которая и составляетъ собственно „брали“ (бара), или даже въ видѣ смерти, если не будутъ приняты караемымъ надлежащія мѣры, заключающіяся въ слѣдующемъ: близкіе больному даютъ святому обѣтъ, что если онъ поможетъ больному, освободить его отъ лежащаго на немъ проклятія за ложную присягу, данную кѣмъ-либо изъ его предковъ или имъ самимъ, то принесутъ ему кровную жертву, состоящую изъ ягненка, козленка или быча. Если больному становится легче, то, дѣйствительно, заставляютъ священника служить литургію за больного и рѣжутъ обѣщанное животное, три раза обнесши его справа надѣво надъ головой больного или просто на мѣстѣ поворачивая животное справа надѣво, и прося святого, чтобы онъ причаялъ эту жертву, а больному даровалъ полное здоровье и благополучіе; засимъ животное готовится къ обѣду, къ которому является, по отслуженіи обѣдни, и священникъ, который читаетъ нѣкоторыя молитвы и благословляетъ приготовленнаго барана, послѣ чего всѣ усаживаются обѣдать. Священникъ, какъ первое лицо, получаетъ за обѣдомъ лучшіе куски отъ всего и, сверхъ того, особую изрядную порцію, которую и посылаютъ ему на домъ.

Иногда обѣщанное животное рѣжется тотчасъ же по обѣщаніи. Если караетъ святой не мѣстнаго, а другого прихода, то обѣщанное животное, въ большинствѣ случаевъ бычокъ, отправляется въ ту церковь, гдѣ находится образъ карающаго святого и составляетъ собственность церкви, а вырученныя за него деньги вносятся въ ея кассу.

Есть еще одно и, притомъ, самое вѣрное средство спасенія человѣка, которому угрожаетъ кара за ложную присягу: если ему разстегнетъ воротникъ рубахи кто-нибудь изъ лицъ мужескаго пола, принадлежащихъ къ тому роду, которому ложной присягой нанесенъ вредъ, то по повѣрью гурійцевъ, ложная присяга теряетъ всю свою силу: никакой кары со стороны святого послѣ этого не послѣдуетъ. Но такъ какъ взрослые по доброй волѣ рѣдко соглашаются разстегнуть воротникъ ложноприсягнувшаго, то нерѣдко послѣдній пускается на хитрости: завлекаетъ какъ-нибудь къ себѣ ребенка изъ пострадавшаго рода—непремѣнно мальчугана и заставляетъ ничего не подозревающее дитя разстегивать себѣ воротникъ.

ДУРНОЙ ГЛАЗЪ (გოჭალა).

Гурійцы глубоко вѣрятъ, что есть люди съ дурнымъ глазомъ; въ этой категоріи относятся колдуны и колдуньи и всѣ лица завистливыя, жадныя. По понятію гурійцевъ, взглядъ этихъ лицъ можетъ повредить не только людямъ, домашнимъ животнымъ, птицамъ, пчеламъ, шелковичнымъ червямъ и т. п. одушевленнымъ предметамъ, но даже и неодушевленнымъ, какъ на примѣръ: посѣвамъ, огороду, неводу, ружью, капкану и вообще всѣмъ предметамъ, употребляемымъ въ видѣ орудія или снаряда.

Вслѣдствіе такого повѣрья каждый гуріецъ, увидя что-нибудь хорошее у другого, обыкновенно произноситъ: „გოჭალი გოჭალი ჩემი თვალისაგან“, т. е. „да будетъ благословенно (без-

вредно) отъ моихъ глазъ“, — говорить это онъ для того, чтобы его не заподоврили въ желаніи сглазить данный предметъ.

Взглядъ, по повѣрью гурійцевъ, можетъ имѣть вліяніе не только на все хорошее, но и на дурное; такъ, напримѣръ, если раненый кому-нибудь покажетъ свою рану, то увидѣвшій долженъ при первомъ взглядѣ на рану произнести: „გზარე გიწერია“ и т. д., выражая тѣмъ свое желаніе, чтобы заживаніе раны шло успѣшнѣе.

По понятію гурійцевъ, особенно опаснымъ взглядомъ, дурнымъ глазомъ обладаютъ рыжіе; странно, почему въ народѣ этомъ сложилось такое повѣріе, когда почти добрая его половина блондины и рыжіе.

Если заболѣетъ какое-нибудь домашнее животное, или начинаютъ погибать шелковичные черви, или ружье перестаетъ бить мѣтво, или неводъ не ловить рыбы, или въ капканѣ не попадается звѣрь, и причину этихъ явленій можно предположить въ дурномъ глазѣ кого нибудь, то надъ этими предметами читаютъ слѣдующую молитву (читаетъ обыкновенно женщина):

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ МОЛИТВЫ.

მე ვილოცვებ თვალს უერისასა,

Я буду молиться противъ глазъ, противъ ушей, противъ
 ავი თვალისასა, ავი უერისასა შინიერისასა, გა-
 ვლახვს ვაღვს, პრთივს ვლახვს უღვს დომაშნაგო, ჭუ-
 დღღმისასა, ქღღისასა, კღღისასა, დღღისასა, ჰღღისასა, თღღორ-ღღუგ-
 ჯოგო, ჯენჯინა, მუჯინა, ვღღოსღღო, მღღაღღო, ბღღონდი-
 როგონისასა, შღღაღღ-ღღროგონისასა, ყოღღვეღღი სღღელი დღღაღღღღღღღღღისასა.
 ნა, ბღღუნეტა, ვსღღაღღი დღღუღღი ი როღღვენნაგო.
 მე მღღლოცვეღღი ვარ, ქღღრისტე მღღკურნღღლო. დღღმერთო, აღღრე: ღღო-
 ცღღა ზღღემი ჰღღანღღა შღღენი.

литва моя, велѣніе Твое.

ВТОРАЯ ЧАСТЬ МОЛИТВЫ.

იგდა დედა მარიამ კარსა სამოთხისასა,
 Сидѣла мать Марія (Богородица) у дверей рая,
 ქაოგდა ქსელოსა ქეწურისასა. მოვიდა ქალი იგი საშინე-
 ტვალა ტვანь коралловую. Пришла женщина та страш-
 ლი და კაცი იგი საშინელი, ამიშალა ქსელი ჩემი,
 ნაი ი и мужчина тотъ страшный, запуталъ твანь мою,
 წამბდინა შხარი ჩემი. იმასა ტურის იმასა
 повредилъ плечо мое. О томъ плачетъ (Марія), на то
 ჩივის, იმასა ურის ცრემლსა მარგალიტისასა, იმასა
 ჯაღუეტსა, о томъ проливаетъ слезы бриллиантовья, за то
 იგლეჯს იმასა გიშრისასა, იმასა იგლეჯს
 რვეტъ волосы гишеровья, за то рвეტъ (царапаетъ)
 ლოყასა ღაღლისასა. მოვიდა ქრისტე, კეთილსა: „რას
 შეკუ იхонтовую. Пришелъ Христось, спросилъ: „что
 სტირი, დედაო მარიამ? გაილე რვალი, დასწვი, დასდა-
 ძაქუ, მარია? ვოვმი „რვალსა“, სოჯგი совер-
 ბა თვალი და ურა, ავი თვალისას თვალი
 шенно, сожги глазъ и ухо, имѣющаго злой глазъ
 დაუფსუ.“
 ослѣпи.“

ТРЕТЬЯ ЧАСТЬ МОЛИТВЫ.

მევიდოდა შავი წყალი, მას მოქქონდა შავი
 Текла черная вода (рѣка), она несла черную
 გველი; ჩაყუბ შავი ყუარდენი ამოვიღე შავი
 ვიწუ; опустилъ я черный костыль, досталъ (я) черную
 გველი, დავდე ქვასა რვალისასა, დავასმე
 ვიწუ, положилъ я на камень изъ „რვალსა“, заставилъ
 შამი-სისხლი იგი ავსა სულისასა, იგი ავსა გული-
 ნაი ი ядъ-кровь ея дурной души, ея дурного серд-
 სასა. თვალითა ნაცარი, გულითა ღახუარი, წმინდა გიორგის
 ძა. Глазамъ ея зола, сердцу конь, святого Георгия

სარბობალი, იქ გავიდა მთასა, თავი დაჭრა
 лувъ-стрѣла. Ушла (змѣя) на гору, голову ударила
 ქება, მუცელი სამართებელსა, თვალი გველისა ფხასა;
 о камень, животь о бритву, глазь о ребро (кость)
 ვასედა რვალი, წაგარდა თვალთ-
 змѣй; лопнулъ „рвали,“ вывочилъ глазь (у змѣи).

ЧЕТВЕРТАЯ ЧАСТЬ МОЛИТВЫ.

ელესამედს უნა მქონდა, უნაშიდა ღოგო
 Въ Иерусалимѣ у меня была нива, въ нисѣ лежалъ
 იღვა, ღოგისა შიგა დევი იწვა, ცალ
 камень (большой), въ камнѣ лежалъ деви, у него
 თვალში ცეცხლი ენთო, ცალ თვალშიდა წებლი
 въ одномъ глазу порѣлъ огонь, въ другомъ глазу вода
 ეღვა. წაიქცა წვალი, დევისო ცეცხლი, დავისო
 стояла. Омрокинулася вода, потухъ огонь, ослѣпъ
 სამხერი თვალი ავი თვალისასა, ავი უერისასა, ავი
 врачій глазь у имѣющаго злой глазь и злое ухо, у
 გულისასა, ავი სულისასა.
 имѣющаго злое сердце, злую душу.

Молитва эта народомъ признается самымъ дѣйствитель-
 нымъ средствомъ противъ дурного глаза и потому очень рас-
 пространена между женщинами, которыя и знаютъ ее на па-
 мять; она переходитъ изъ поколѣнiя въ поколѣнiе.

ВОРОЖБИ И СПОСОБЪ ВОРОЖБЫ.

Заболѣтъ ли у гурiйца кто-нибудь въ семьѣ, пропадетъ
 ли у него лошадь, скотина или какой-нибудь другой предметъ—
 за отвѣтомъ на всѣ тревожащiе его вопросы онъ бѣжитъ къ
 ворожеѣ, которыхъ въ Гурiи немало.

Гаданiе гурiйскими ворожеями производится посредствомъ
 зеренъ лобii (фасоль), картъ и т. п. предметовъ; иногда
 гадаютъ и посредствомъ соли, но этотъ способъ гаданiя не
 составляетъ специальности однѣхъ гадальщицъ; онъ употре-

блается въ томъ случаѣ, когда въ семьѣ кто-нибудь опасно боленъ. Для этого берутъ горячіе уголья на черепокъ, ставятъ его за порогъ дома, въ которомъ лежитъ больной и бросаютъ на уголья вусочки соли; послѣдняя отъ жара трещитъ и разбивается осколками; при этомъ, если осколки соли упадутъ въ домъ, то, значить, больной останется дома, т. е. не умретъ, а если осколки упадутъ за порогъ, на дворъ, то это служить признакомъ того, что больной оставитъ домъ — умереть.

Нѣкоторыя изъ ворожей, если онѣ дома не имѣютъ порядочнаго заработка, отправляются по деревнямъ, заходятъ почти въ каждый домъ, гадаютъ по просьбѣ хозяекъ и, получивъ приличныя гондрары деньгами или натурою въ свое гланье, отправляются далѣе.

Народъ смотритъ на гадальщицъ, какъ на сообщницъ дьявола, отъ котораго онѣ будто и узнаютъ будущность каждаго человѣка, а на ворожбу — какъ на дѣло, противное, негодное Богу; тѣмъ не менѣе, онѣ въ затруднительныхъ случаяхъ всегда обращаются къ нимъ.

УДАРЪ МОЛНІИ (Эбѣ).

Гурійцы, вѣря въ существованіе чорта и ему подобныхъ нечистыхъ силъ, которыми будто бы наполнены и горы и долины, вѣрятъ и въ то, что чортъ, какъ врагъ всякаго добра, постоянно преслѣдуется свитымъ Георгіемъ, поражающимъ его своимъ копьемъ, которое гурійцы называютъ *ἔλαβρα* („лахва-вари“), или *ἔβρα* („мехи“); „мехи“ въ прямомъ значеніи слова значить ударъ молній. Гурійцы вѣрятъ, что при каждомъ ударѣ молніи обязательно убивается одинъ изъ чертей; по ихъ понятію, куда молнія ударила (въ землю или въ дерево), тамъ непременно находился въ моментъ удара чортъ, который этимъ ударомъ и уничтоженъ. Случается будто и такъ, что чортъ старается ударить отъ преслѣдующаго его „мехи“, но

послѣдній гонится за нимъ по землѣ, отъ чего на послѣдней и остается выжженная полоса.

Приписывая такое значеніе удару молніи, гурійцы во время раскатовъ грома постоянно крестятся и говорятъ: *ἁγίου Γεωργίου ἐπιβοήθει* (святой Георгій, защити!), этимъ они хотятъ отстранить отъ себя чорта, который, ища убѣжища въ это страшное для него время, можетъ приютиться около человѣка, и, слѣдовательно, преслѣдующимъ его ударомъ можетъ быть убитъ вмѣстѣ съ чортомъ и человѣкъ, что по повѣрью народа, и случается иногда.

На того чорта, который постоянно сидитъ у каждого человѣка на лѣвомъ плечѣ, нужно полагать, преслѣдованіе святымъ Георгіемъ и его „мехи“ не распространяется.

ПОВѢРЬЯ, КАСАЮЩІЯСЯ НЕВЕСНЫХЪ ТѢЛЪ.

Гурійцы, какъ и почти всѣ восточные народы, больше „астрономы“. Если является кайма вокругъ луны, чтѣ обыкновенно бываетъ отъ извѣстной степени густоты находящихся надъ землею водяныхъ паровъ, или бываетъ затменіе луны или солнца, или землетрясеніе, то, по повѣрью гурійцевъ, каждое изъ этихъ явленій предвѣщаетъ что-нибудь особенное, необыкновенное.

Во время новолунія, по понятію гурійцевъ, никакого дѣла не слѣдуетъ начинать, а нужно начать во время полнолунія; равнымъ образомъ хорошо, когда ребенокъ рождается во время полнолунія.

Относительно числа звѣздъ народъ того мнѣнія, что ихъ столько же, сколько людей на землѣ; со смертію каждого человѣка непременно падаетъ его звѣзда: смертію людей у нихъ и объясняется вообще паденіе звѣздъ.

Появленіе же кометы всегда служитъ причиной различныхъ толковъ; измышляются разныя предсказанія: кто предсказываетъ войну съ Турціей, кто—холеру, кто—чуму, кто—

неурожай или урожай, кто—рожденіе какого-то кесаря, который покорить весь свѣтъ, кто—смерть какого-нибудь „великаго человѣка“, въ видѣ какого-нибудь отставнаго полковника изъ мѣстныхъ князей,—словомъ, всевозможнымъ толкамъ въ это время нѣтъ конца.

ОТВЕРСТІЕ НЕБА (Ḡḏḏ ḡḡḡḡḡ).

Въ Гуріи существуетъ повѣрье, что небо иногда раскрывается, но это продолжается не болѣе одной секунды.

Если кому-нибудь это явленіе удастся замѣтить, то онъ долженъ въ этотъ моментъ пожелать себѣ чего-нибудь, и желаніе это непременно сбудется.

РАДУГА (Ḡḏḏ ḡḡḡḡḡḡḡ).

По повѣрью гурійцевъ, если радуга видна на востокѣ, то она предсказываетъ хорошую погоду, а если на западѣ, то продолжительные дожди; если же на востокѣ одновременно появляется нѣсколько радугъ, то это, по понятію народа, предсказываетъ продолжительную засуху.

Если радуга однимъ своимъ концомъ упирается во дворъ кого-нибудь изъ жителей, или перекинется черезъ домъ, то это, по повѣрью народа, служить для того дома предвѣстникомъ какого-нибудь особеннаго несчастія.

СОЛНЦЕ ПОКОЙНИКА (ḡḡḡḡḡḡḡ ḡḡḡ).

Когда солнце при заходѣ скрывается за горизонтъ, то оно нѣкоторое время еще освѣщаетъ склоны и вершины горъ и вообще высокія мѣстности. Свѣтъ отъ солнца въ это время бываетъ слабый, съ красноватымъ отливомъ.

Этотъ свѣтъ солнца въ Гуріи почему-то называютъ „солнцемъ покойника“.

ЗМѢИНЫЙ АЛМАЗЪ (Зарзавъ Замбелъ).

Въ Гуріи есть повѣрье, что будто существуютъ змѣи—обладательницы алмаза; эти змѣи около головы имѣютъ особенную выпуклость въ видѣ жабрь, въ которыя онѣ и прячутъ алмазъ; по этой выпуклости можно узнать змѣю-обладательницу алмаза.

Когда змѣи собираются мадсой, то обладательница алмаза изрыгаетъ послѣдній, которымъ онѣ играютъ, какъ мячомъ, перебрасывая его одна другой. Въ это время и можно отбить у змѣй алмазъ. Если кому-нибудь удастся замѣтить, какъ змѣи играютъ алмазомъ, то онъ долженъ бросить шапку, башлыкъ или платье змѣямъ. Когда послѣднія бросятся на этотъ предметъ, то человѣкъ въ это время можетъ овладѣть алмазомъ и бѣжать; змѣи погонятся за нимъ. Если онѣ даже и потеряютъ его изъ виду, то все-таки будутъ гнаться за нимъ, узнавая по чутью, куда онъ бѣжалъ; но если дохитившій алмазъ успеетъ перейти чрезъ воду, то змѣи теряютъ слѣды и отбавиваются. Алмазъ можно добить также и другимъ путемъ: змѣя-обладательница алмаза, входя въ воду, алмазъ оставляетъ на берегу, и въ это время кому удастся его найти, тотъ и дѣлается его обладателемъ.

Змѣя очень дорожитъ алмазомъ, а повому сильно убивается, когда его теряетъ.

Слышалъ я разсказъ, въ которомъ повѣствуется о томъ, какъ змѣя, оставившая алмазъ на берегу и по возвращеніи не нашедшая его, ударилась головой объ камень и лишилась жизни, не желая пережить такой утраты.

Змѣинный алмазъ, по понятію народа, величиной въ небольшой грецкій орѣхъ, существо живое, но расти не можетъ.

Коль скоро человѣку удастся овладѣть змѣиннымъ алмазомъ, онъ долженъ держать его взаперти, въ полной чистотѣ

и тайнъ: если хоть одинъ человекъ, кромѣ обладателя, узнаетъ о существованіи алмаза, то послѣдній тотчасъ умираетъ.

Змѣинный алмазъ, по понятію народа, обладаетъ способностью производить серебряныя деньги: если ему подложить гривенникъ, то чрезъ нѣсколько минутъ онъ принесетъ такой же гривенникъ; если подложить двугривенникъ—принесетъ двугривенникъ, и т. д.; но бумажныхъ денегъ не несетъ; если же подложить золотую монету, то онъ не можетъ разрѣшиться и умираетъ отъ родовъ, если можно такъ выразиться.

Змѣинный алмазомъ можно вылѣчиться отъ послѣдствій ужаленія (укуса) змѣи: ужаленный змѣей долженъ бѣжать въ тотъ домъ, гдѣ находится алмазъ и, прибѣжавши, бросить палку, не говоря ни слова. Домашніе догадываются, въ чемъ дѣло, берутъ алмазъ, растираютъ въ водѣ и эту воду даютъ пить ужаленному.

По повѣрью народа, иногда куры несутъ маленькія яйца, величиною въ небольшой грецкій орѣхъ; случается, что алмазъ бываетъ и въ этихъ яйцахъ; но высидѣть ихъ и затѣмъ поймать алмазъ по выходѣ изъ яйца очень трудно, хотя и возможно.

По повѣрью народа, будто бы бывали случаи, когда люди очень богатѣли отъ алмаза.

СУДЕЙМАНИ (سۇدەيمانى).

„Судеймани“, по представленію турійцевъ, есть драгоценный камень, краснаго цвѣта, употребляемый для колець. Онъ, по народному повѣрью, въ началѣ бываетъ живой и цѣнится очень дорого: 1000—2000 руб.

Свойство „судеймани“ заключается въ томъ, что если кто принесетъ его съ собою въ чей-нибудь домъ, то въ послѣднемъ все оплодотворенное умираетъ—постоянно происходить выкидышъ.

Обладатель „судеймани“ можетъ вступить въ связь съ

женщиной безъ всякаго опасенія, что совершится оплодотвореніе. Его живого можно одолжить другому лицу, и камень не умреть.

Отъ чего умираетъ „сулейманъ“, народъ не знаетъ.

ДЖВАРИСЪ ДЗАЛИ“ (ჯვარის ძალი)—СИЛА КРЕСТА.

„Джварисъ-дзали“ гурійцы представляютъ себѣ въ видѣ яркаго огненнаго пламени, имѣющаго форму конуса, высотой приблизительно въ 1½ аршина.

Въ ясные вечера этотъ конусъ спускается съ неба и садится на какое-нибудь чистое, красивое дерево (особенно любимымъ „джварисъ-дзали“ считается красное дерево, или тисъ, негаой), послѣ чего это дерево считается неприкосновеннымъ. Отдохнувъ на томъ деревѣ, этотъ огненный конусъ поднимается и улетаетъ на небо. Случается, что это путешествіе „джварисъ-дзали“ повторяется не разъ. Если онъ избираетъ дерево близъ чьего-нибудь дома, то это, на народному повѣрью, считается для послѣдняго дурнымъ предзнаменованіемъ.

Такъ какъ „джварисъ-дзали“ народъ представляетъ яркимъ, блестящимъ, красивымъ, то потому мужчину-красавца называютъ въ Гуріи „джварисъ-дзали“, по аналогіи съ послѣднимъ; такъ, напримѣръ, желая выразить, что такой-то мужчина, по своей красотѣ представляетъ совершенство, говорятъ, что онъ настоящій „джварисъ-дзали“.

ПОВѢРЬЯ, КАСАЮЩІЯСЯ РЫБОЛОВСТВА.

Гуріецъ, отправляясь на рыбную ловлю, никогда не призываетъ на помощь Бога, а св. „Зебеде“ (Зеведеа). Равно, если кто-нибудь встрѣтитъ его идущимъ на рыбную ловлю или ловящимъ рыбу и скажетъ ему обычное во всѣхъ другихъ случаяхъ „гамарджоба“, что значитъ „побѣда, одолѣніе, успѣхъ“,—то это будетъ рыболову очень и очень

непріятно; ему можно сказать: добрый день, добрый вечеръ или доброе утро, но никакъ не „гамарджоба“.

Такимъ образомъ успѣхъ въ рыбной ловлѣ, по понятію гурійцевъ, вполне зависитъ отъ Зеведея, котораго и можно назвать покровителемъ рыболовства. Повѣрье это, конечно, имѣетъ подкладку, ваятую изъ того мѣста новаго завіта, гдѣ говорится о призваніи Спасителемъ рыболововъ, братьевъ Зеведеевыхъ.

Считаю умѣстнымъ упомянуть здѣсь о слѣдующемъ повѣрѣ гурійцевъ: у нѣкоторыхъ рыбъ, напримѣръ, у форели, между головными костями есть одна (носовая), имѣющая крестообразную форму. Народъ воображаетъ, что эта кость появилась у рыбъ съ того времени, какъ ихъ благословилъ, перекрестилъ рукой Иисусъ Христосъ, а раньше этой кости будто бы вовсе не существовало, или же она не имѣла такой формы.

Если гуріецъ, отправляясь на какой-нибудь промыселъ или по какому-либо дѣлу, встрѣтитъ змѣю, то онъ это считаетъ предзнаменованіемъ успѣха, ибо змѣя считается „счастливою“; но если онъ встрѣтитъ тритона, держащагося въ водѣ или въ сырыхъ мѣстахъ, то ему лучше вовсе отказать отъ своего предиріятія: тритонъ всегда предсказываетъ несчастіе или неудачу. Въ этомъ случаѣ разрѣзаютъ ножомъ несчастную гадину (тритона) надвое и проходятъ черезъ него; по повѣрью народа, этимъ совершенно уничтожается сила дурного предзнаменованія.

ПОВѢРЬЯ, КАСАЮЩІЯСЯ ПТИЦЪ.

Нѣкоторыя птицы, какъ то: улодь, воронъ, филинъ и др., считаются вѣстниками чего-нибудь дурного; „сквинча“ же (видъ воробья), по повѣрью гурійцевъ, можетъ предсказывать какъ хорошее, такъ и дурное.

Если „сквинча“ чиркаетъ рѣзко, тревожно и притомъ

сидеть съ лѣвой стороны того, кто ее слышитъ, то, по повѣрью гурійцевъ, онъ долженъ ожидать чего-нибудь неприятнаго; если же она чиркаетъ обоимъ и притомъ сидитъ съ правой стороны чловѣка, то она кончаетъ для послѣдняго вѣстницею чего-нибудь прятнаго.

Если прилетитъ уадеъ, сядетъ во дворѣ на дерево или на землю; или даже на заборъ, то это signifies непремѣннымъ предназначениемъ какого-нибудь несчастья.

Если порозъ перелетитъ случайно чрезъ крышу чьего-нибудь дома; то опять таки быть бѣдѣ.

Если филинъ, сова или сова ночью случайно подлетитъ близко къ дому, сядетъ и начнетъ кричать, то это, по повѣрью гурійцевъ, предвѣщаетъ чью-нибудь смерть или какое-нибудь другое несчастье.

МЫЧАНІЕ КОРОВЫ ИЛИ БЫКА (ძროხის ანუ ხარის შელაპარაკება).

Если въ мартѣ ивслѣдъ корова, встрѣтившись съ кѣмъ-нибудь на дорогѣ или въ полѣ, замычитъ въ упоръ; то, по понятію гурійцевъ, для встрѣчнаго это считается дурнымъ предназначениемъ, а чтобы уничтожить силу этого предназначения, чловѣкъ долженъ поймать корову, вырвать у нея шерстинку и перебросить чрезъ свою голову спереди назадъ, говоря: „შენა უახი ავალე“ (твою цѣну я выалъ).

Если же корова замычитъ кому-нибудь въ упоръ не въ мартѣ, то это обстоятельство ничего особенно дурного не предвѣщаетъ, хотя и хорошаго тоже.

Если же быкъ или бычокъ, въ какое бы то ни было время, замычитъ кому-нибудь въ упоръ, то это по понятію гурійцевъ, считается предназначениемъ чего-нибудь хорошаго, и потому народъ въ этомъ случаѣ благодаритъ быка поклономъ.

ЧХАНІЕ (ცხვირის დაკვირება).

Если во время разговора кто-нибудь ивъ присутствующимъ

щихъ чхнетъ, то это, по понятію гурійцевъ, служить подтвержденіемъ того, что было сказано; при этомъ всѣ присутствующіе желаютъ чхнувшему здоровья, долгой жизни.

Если же чхнетъ кто-нибудь изъ присутствующихъ во время разговора объ умершемъ, то этимъ, по понятію народа, умершій призываетъ къ себѣ чхнувшаго, а потому присутствующіе и говорятъ предъидущему: „будь здоровъ до его (умершаго) возвращенія“ (იძის მოსვლამდე არა გავიხან-რა).

ИКОТЪ И ЕЯ ЗНАЧЕНІЕ.

Если кому-нибудь икается, то, по повѣрью гурійцевъ, гдѣ-нибудь идетъ о немъ рѣчь, кто-нибудь вспоминаетъ объ икающемъ; послѣдній, чтобы узнать, кто о немъ говоритъ, загадываетъ имена своихъ знакомыхъ и, согнувъ большой палецъ правой руки въ суставѣ, сгибомъ водить по брови отъ середины къ концу; если при этомъ волосъ отъ брови выпадетъ и пристанетъ къ пальцу, то, значить, вспоминаетъ о немъ тотъ, о комъ было загадано; если же волосъ не выпадаетъ, то загадываетъ про другое лицо и продѣлываетъ то же самое.

Если икается пріятно, то, значить, говорятъ въ пользу икающаго; если же икается съ непріятнымъ ощущеніемъ, то разговоръ идетъ не въ его пользу.

ЗНАЧЕНІЕ РАЗГОВОРА О ЗМѢ.

Если въ обществѣ двухъ или болѣе лицъ какъ-нибудь случайно зайдетъ рѣчь о змѣѣ, то, по понятію гурійцевъ, это слушать признакомъ того, что гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ идетъ разговоръ объ одномъ изъ присутствующихъ или обо всѣхъ, и не въ пользу, а во вредъ: хулятъ и ругаютъ ихъ.

Змѣю въ Гуріи рѣдко называютъ ея именемъ, а большею частью, „проклятою“ (такъ какъ Богъ проклялъ дьявола, принявшаго образъ змѣи и соблазвившаго Еву) или „უხსენებელი“

(то, чего нельзя, не слѣдуетъ называть), или же „მკურა“ (пользущая).

О Ж И Д А Н И Е (ბოსასწავლი).

Когда у гурійца чешется въ носу, то онъ говоритъ: „кто-то спѣшитъ“, или: „пойдетъ дождь, снѣгъ“.

ПОСЛѢДСТВИЯ СІДѢНІЯ НА КАМЕНЬ (ქვაზე ჯდობა).

Если кто-нибудь—безразлично мужчина или женщина, дѣвушка или холостой молодой человекъ—сядетъ на камень, то, по повѣрью гурійцевъ, у него „остынетъ“, умретъ теща или свекровь; поэтому въ Гуріи всякій избѣгаетъ садиться на камень, а особенно зятя, которые въ Гуріи очень любятъ своихъ тещъ, какъ и послѣднія первыхъ.

О Т С У Т С Т В І Е П О ВѢРЬЯ О Т Н О С И Т Е Л Ь Н О Ч И С Л А 13 И П О ВѢРЬЕ О Т Н О С И Т Е Л Ь Н О Ч И С Л А 5.

Замѣчательно, что гурійцы, народъ, придерживающійся массы суевѣрій, понятія не имѣютъ о суевѣріи, касающемся числа 13, или „чортовой дюжины“, такъ распространенномъ между многими сосѣдними народами, въ особенности же между татарами. Зато у нихъ существуетъ повѣрье относительно числа 5.

Въ молитвахъ народъ избѣгаетъ употребленія числительнаго „*ხუთი*“ (пять); напр., по понятію гурійцевъ, нельзя сказать: *სამს სამოც და ხუთ წმინდაო გოგრი, შერწყალო* (365 св. Георгія, помилуйте меня *)); нельзя также сказать: *ხუთ*

*) Не только гурійцы, но и всѣ народности картвельскаго племени считаютъ 365 св. Георгіевъ, именно столько, сколько дней содержитъ обыкновенный годъ, хотя они и знаютъ, что св. Георгій одинъ. Подобное представленіе о св. Георгіѣ можно объяснить тѣмъ, что народъ большое значеніе придаетъ иконамъ св. Георгія, считая одинъ изъ нихъ сильнѣе, другія слабѣе. При этомъ главнымъ мѣриломъ для оцѣнки силы и могущества иконы въ понятіи народа служитъ оправа и выразительность лика святого.

Авт.

წმინდა გიორგი უმარტულთ (5 св. Георгія, помилуйте меня).
Причина этого заключается въ томъ, что со словомъ „სუთი“
соединяется значеніе слова „სუთა“ (сокрушать), и когда че-
ловѣкъ говоритъ: „სუთი“, то діаволь-соблазнитель будто тот-
часъ же прибавляетъ: „ჩემგან იყოფა დასუთული“ (мною да будетъ
сокрушенъ).

Въ остальныхъ же случаяхъ, по понятію народа, число
5 не имѣетъ никакого особеннаго значенія.

Инспекторъ Горійскаго
городскаго училища *Т. Мамаладзе.*

ПОВѢРЬЯ ГРУЗИНЪ ТЕЛАВСКАГО УѢЗДА *)

Число населенныхъ міровъ. Начало и конецъ существованія міра.

Кромѣ нашего видимаго міра, существуютъ еще два населенныхъ людьми міра: одинъ находится выше насъ, а другой—ниже насъ. Такимъ образомъ, мы живемъ въ среднемъ мірѣ, и потому поясомъ обтягиваемся по срединѣ своего туловища, между тѣмъ какъ обитатели нижняго міра подпоясываются на бедрахъ, а обитатели верхняго—выше поясницы, т. е. на груди или на шеѣ.

Нашъ міръ существуетъ очень давно и будетъ существовать еще болѣе того, чѣмъ прошло отъ его сотворенія.

II.

Сотворенія міра; вмѣшательство при этомъ діавола и образованіе горъ, долинъ, ущелій и др.

Богъ создалъ видимый міръ слѣдующимъ образомъ. Онъ прежде всего сотворилъ землю, придавъ ей видъ совершенно

*) Эта статья записана главнымъ образомъ со словъ жителя сел. Калаури С. К., крестьянина, глубоко проникнутаго суевѣріями, но за честность пользующагося въ кругу односельцевъ такимъ уваженіемъ, что стоитъ даже старшиною села. Этотъ С. К. свои взгляды и вѣрованія повѣствуетъ съ такою убѣжденностью, полнотою и систематичностью и такъ пѣльно выражаетъ міровоззрѣнія современнаго невѣжественнаго грузина, у котораго сливаются языческія вѣрованія съ христіанскимъ культомъ, что я могъ остановиться на его сообщеніяхъ, провѣряя таковыя лишь разспросами другихъ крестьянъ, которые, насколько знали сами, тоже подтверждали ихъ.

Асм.

горизонтальной площади, а затѣмъ принялся за устройство для нея крыши, т. е. неба. Небо, сообразно съ величиною созданной земной плоскости, должно было быть огромнѣйшихъ размѣровъ, чтобы могло вполне прикрывать землю, и устройство такого неба стало затруднять Бога. Въ это время на сцену появляется дьяволъ, который, желая воспользоваться затруднительнымъ положеніемъ Творца, рѣшился принять участіе въ сотвореніи міра, дабы и самому властвовать наравнѣ съ Богомъ; но Богъ не хотѣлъ уступать дьяволу, и между ними завязалась борьба. Предвидя, что Богу будетъ не подъ силу создать небо такихъ размѣровъ, какихъ требовала величина земли, дьяволъ сталъ вязать изъ ничего сѣтку, которую думалъ предложить Богу для дополненія недостающей части неба. Богъ, замѣчая камбренія дьявола, соизволилъ мышей, которыя подползали къ связываемой дьяволомъ сѣткѣ и стали ее разгрызать и портить, такъ что она оказалась совершенно непригодной для присоединенія къ небесному своду. Тогда дьяволъ далъ Богу совѣтъ уменьшить размѣры самой земли, а для этого обхватить всю ея площадь своими мощными руками и стянуть ее съ краевъ къ серединѣ, пока она не умѣстится вполне подъ готовымъ небомъ, которое такимъ образомъ должно опираться на края земли и начало морей. Богъ послушался дьявола и взялся стягивать земную плоскость. Вотъ при этомъ стягиваніи и образовались всякія шероховатости въ поверхности земли, какъ-то: горы, ущелья, долины, котловины, пещеры, пропасти и т. д.

III.

Мѣстопробываніе нечистыхъ силъ. Признаки существованія жизни на небѣ.

Изъ сказаннаго видно, что, благодаря вмешательству дьявола, дѣло уладилось, и небо прицпано ко всей поверхности земли; но такъ какъ при этомъ образовались неровности зем-

мною поверхности, которыя вовсе не были желательны Богу, то послѣдній не былъ доволенъ достигнутымъ успѣхомъ; поэтому Онъ проклялъ діавола, какъ виновника образованія такихъ неровностей, и, въ наказаніе, назначилъ ему мѣстомъ постоянного пребыванія всѣ образовавшіяся шероховатости, т. е. ущелья, пещеры, рывины, балки, пропасти, берега рѣкъ и озеръ и т. п., гдѣ грузинъ и встрѣчаетъ обыкновенно всѣхъ нечистыхъ духовъ, проходя по таковымъ мѣстамъ повдно вечеромъ.—Создавши міръ и опредѣливъ въ немъ сказанные уголки для жизни нечистыхъ силъ, въ то же время Богъ мѣстомъ жизни для себя съ ангелами и прочими святыми избралъ небо. Жизнь на небѣ замѣчается и нынѣ, а именно: очень многимъ приходится иногда по ночамъ слышать глухой, отдаленный звонъ колокола,—этотъ звонъ доносится съ неба. Кромѣ того, ночью же многимъ случается видѣть, какъ на мгновеніе раскрывается небо, откуда показываются въ свѣтлыхъ священническихъ ризахъ святые, благоговѣнно поюшіе разныя священныя пѣснопѣнія. При этомъ счастливецъ, удостоившійся видѣть эту картину, обязательно получаетъ все то, чего въ этотъ моментъ пожелаетъ испросить у Бога.

IV.

Разстояніе неба отъ земли.

Первоначально небо долгое время имѣло слишкомъ небольшую высоту. Оно отстояло отъ земли настолько близко, что многія деревья не имѣли возможности расти такъ высоко, какъ нынѣ, и крестьяне, погоняя своихъ воловъ, часто концомъ своего кнута задѣвали за небо, а многіе изъ высокихъ людей такъ прямо рукою могли достать до него. Въ это время люди имѣли полную возможность общенія съ Богомъ и могли непосредственно переговариваться съ Нимъ о своихъ нуждахъ, при чемъ Богъ исполнѣ могъ ихъ слышать съ неба; иногда

же люди подымались къ Нему и прямо на самое небо.— На ту же большую высоту, которую небо имѣетъ теперь, оно впоследствии поднялось по слѣдующей причинѣ. Однажды какая-то женщина пекла лаваша (плоскіе, какъ тряпки, хлѣбы), а возлѣ нея рѣзались ея ребяташки. Вдругъ маленькій ребенокъ испачкался. Мать, не имѣя подѣ рукою тряпокъ, сняла съ торни одинъ лавашъ и этимъ лавашемъ обчистила ребенка. Подобнымъ поступкомъ женщины, осквернившей хлѣбъ—главную пищу человѣка, Богъ былъ разгнѣванъ такъ сильно, что съ того момента впервые послалъ громъ и при его страшныхъ раскатахъ поднялъ небо на настоящую его высоту.

V.

Созданіе человѣка. Устройство для него сельскаго хозяйства: выборъ рабочей силы изъ міра животныхъ, засѣваніе пшеницы и чеснока, устройство мельницы.

Послѣ неба и земли Богъ создалъ и человѣка съ животными, которыхъ поселилъ на землѣ, а затѣмъ приступилъ къ устройству правильнаго хозяйства для человѣка. Прежде всего, озабочиваясь выбрать болѣе полезное животное, какъ рабочую силу для человѣка, Богъ призвалъ къ себѣ оленя и быка и, для испытанія ихъ, приказалъ, чтобы они пробѣжали по небу, съ предупрежденіемъ, что преимущество будетъ дано тому, кто скорѣе пробѣжитъ по всему небу отъ начала до конца. Олень, задумавъ опередить быка, чтобы получить Божье одобреніе, запрыгалъ и понесся съ такою быстротою, что скоро далеко оставилъ за собою быка; но зато отъ чрезмѣрнаго напряженія онъ скоро околялъ, не добѣжавъ до конца неба и только оставивъ явные слѣды своихъ большихъ прыжковъ, т. е. *отрывистые полосы млечнаго пути* („ирмисъ навали“). Быкъ, сознавая, что „тише ѣдешь—дальше будешь“, медленно потащился впередъ, вяло жуя свою жвачку; поэтому онъ вполнѣ благополучно, хотя и поздно, добрелъ до конца неба, по всему протяженію котораго оста-

ются цѣльныя слѣды, т. е. *непрерывныя полосы млечнаго пути* („харисъ навали“). Послѣ такого испытанія Богъ далъ предпочтеніе быкамъ и благословилъ ихъ какъ рабочую для человѣка силу, а оленямъ повелѣлъ скитаться дичью по лѣсамъ, гдѣ охотникъ можетъ убивать ихъ безнаказанно.— Затѣмъ, при дальнѣйшихъ заботахъ Бога о благѣ человѣка, опять выступилъ на сцену злой духъ, который силился вредить интересамъ человѣка. Богъ, желая приучить человѣка къ земледѣлію и опредѣлить, какіе плоды будутъ для него необходимы, самъ засѣялъ поле пшеницею и спросилъ діавола о томъ, что бы онъ хотѣлъ получить отъ урожая этой пшеницы. Алчный, но недальновидный діаволъ, вида, что зерна при посѣвѣ засыпаны въ землю, попросилъ Бога удѣлить ему корешки. Тогда Богъ, выростивъ засѣянный хлѣбъ, далъ этому хлѣбу плоды (колосья) вверху, взялъ ихъ себѣ, а діаволу передалъ испрошенные имъ корешки. Затѣмъ, Богъ посѣялъ чеснокъ и опять спросилъ діавола, что бы ему удѣлить изъ него. Діаволъ, обманутый предыдущимъ опытомъ, теперь себѣ пожелалъ взять верхушки растенія. Но и тутъ Всемогушій Богъ пересилилъ діавола. Онъ вырастилъ богатый чеснокъ, плоды завязалъ въ мясистыя луковицы въ землѣ же, эти плоды взялъ себѣ, а бесполезныя надземныя стебельки отдалъ на питаніе діаволу.— Далѣе, для обращенія хлѣбныхъ зеренъ въ муку, Богъ принялся за устройство мельницы, но такъ какъ по сложности послѣдней, Онъ сталъ затрудняться и не могъ обойтись одними своими собственными силами, то и въ данномъ случаѣ предложилъ свои услуги діаволъ. Этотъ нечистый духъ вызвался докончить начатую Богомъ постройку мельницы такъ, чтобы человѣку оставалось только засыпать въ ковши зерна и получать готовую муку, что онъ, съ позволенія Бога, и исполнилъ съ успѣхомъ; но тутъ, при расчетѣ по уплатѣ вознагражденія за понесенный трудъ, между діаволомъ и Богомъ произошло недоразумѣніе: діаволъ

сталъ требовать, чтобы за устройство мельницы Богъ далъ ему во власть души всѣхъ тѣхъ людей, которые будутъ пользоваться мельницею, а Богъ на это не соглашался, говоря: „Такъ какъ въ мельницѣ будетъ нуждаться каждый человекъ, то отдавъ тебѣ во власть души всѣхъ людей, настоящимъ владыкой міра будешь ты, а не я“! Наконецъ споръ свой они порѣшили на томъ, что Богъ отдалъ во власть діавола души лишь тѣхъ изъ людей, кои позволяютъ себѣ какою-либо фальшь съ хлѣбомъ на мельницѣ. Вотъ именно послѣ этого у грузинъ и считается великимъ грѣхомъ воровать изъ принесеннаго на мельницу хлѣба, обчитывать хозяина или замѣнять хорошій хлѣбъ худшимъ.

VI.

Улучшеніе быта человека: уходъ за родильницею, лучшее устройство пуга, стрижка овецъ и надзоръ за ними. Волкъ, какъ похититель овецъ и какъ причина образованія у человека кожной чашечки. Олень замѣняетъ старые рога новыми.

Такъ какъ, въ виду близости неба къ землѣ, Богъ долгое время поддерживалъ общеніе съ людьми, то Онъ долго же продолжалъ и заботу свою объ улучшеніи жизни человека, который, по мѣрѣ своихъ нуждъ, прямо направлялся за помощью къ Богу. Вотъ, напримѣръ, случай обращенія къ Богу.

Однажды какая-го женщина испытывала страшныя мученія отъ родовъ. Такъ какъ уже прошло три дня, а родильница все не могла разрѣшиться, то ея родные послали слугу къ матери солнца *) съ мольбою дать какое-нибудь средство для благополучнаго разрѣшенія несчастной отъ бремени.

Посланный слуга отправился въ путь и сталъ искать мѣсто, откуда бы подняться на небо. По пути онъ встрѣчаетъ пахаря, съ величайшимъ трудомъ распахивавшаго поле.

*) У грузинъ Телавскаго уѣзда, по сообщенію автора, мать солнца отождествляется съ Высшимъ существомъ.

У пахаря было вполне достаточное число самого лучшаго скота, которымъ бы только и любоваться, а между тѣмъ онъ успѣвалъ вспахивать ежедневно самую ничтожную полосу земли, ибо его скотина, при всей своей тучности, съ трудомъ могла тащить плугъ, который со всѣми своими принадлежностями былъ сдѣланъ исключительно изъ желѣза. Пахарь, заговоривъ съ путникомъ и узнавъ изъ распросовъ, что онъ идетъ на небо, упросилъ его передать матери солнца и его просьбу о томъ, чтобы научить средству пахать поле возможно легче, и совѣтъ ея передать ему на обратномъ пути. Путникъ обѣщалъ и пошелъ дальше. Вскорѣ онъ встрѣчаетъ новаго страдальца, а именно овцу, которая своею длинною шерстью такъ сильно запуталась, зацѣпившись за колючіе кусты, что не могла двигаться съ мѣста и оставалась безъ пищи. Бѣдная овца взмолилась къ путнику, чтобы онъ облегчилъ ея горе, но тотъ никакой помощи не могъ оказать овцѣ. Тогда послѣдняя, распросивъ его о томъ, куда онъ идетъ, и узнавъ, что онъ идетъ на небо, попросила его передать матери солнца и объ ея страданіяхъ и совѣтъ ея о томъ, какъ бы ей избавиться отъ шерсти, передать на обратномъ пути. Путникъ обѣщалъ и пошелъ дальше. Вскорѣ онъ встрѣтился съ новымъ жалобщикомъ, а именно пастухомъ. Пастухъ, вступивъ съ нимъ въ бесѣду и узнавъ, что онъ идетъ на небо, поспѣшилъ поручить ему передать матери солнца и его просьбу: онъ жаловался, что, несмотря на то что онъ зорько слѣдилъ за своимъ стадомъ, у него почему-то постоянно разбѣгаются овцы, и онъ не можетъ собрать ихъ вмѣстѣ. Путникъ и пастуху обѣщалъ исполнить порученіе и пошелъ дальше. Онъ вскорѣ встрѣтился съ волкомъ, который тоже вступилъ съ нимъ въ разговоръ и тоже поручилъ ему передать матери солнца и его мольбу. Волкъ жаловался, что едва только онъ, мучимый голодомъ, заберется въ овчарню, чтобы утащить хотя бы одного ягненка, то пастухи, которые на бѣ-

ду его умѣютъ бѣгать удивительно быстро, всегда нагоняютъ его и дубинами колотятъ какъ сильно, что отъ побоевъ вся шкура у него стала неповоротлива. Путникъ и волку далъ слово передать матери солнца объ его нуждѣ, а на возвратномъ пути сообщить ему ея совѣтъ, и пошелъ дальше. Наконецъ, онъ подошелъ къ оленю. Этотъ послѣдній тоже имѣлъ свое горе, а именно: онъ имѣлъ такіе большіе рога, что упирался ими въ самое небо и изнемогалъ безъ пищи и питья, ибо стоялъ какъ пригвожденный къ землѣ и не могъ двигаться. Путникъ, замѣчая, что этотъ олень со своими рогами представляетъ весьма удобную дорогу на небо, попросилъ у него позволенія влѣзть туда по его спинѣ и рогамъ. Олень отвѣтилъ, что онъ охотно соглашается дать ему дорогу на небо, если только этотъ путникъ обѣщаетъ передать матери солнца и объ его нуждѣ, а иначе этотъ олень угрожалъ погубить его, если не рогами, которыми онъ не могъ дѣйствовать, то, по крайней мѣрѣ, ногами, которыми ему ничего не стоило затоптать врага. Просьба оленя заключалась въ томъ, чтобы избавить его отъ длинныхъ и тяжелыхъ роговъ, которые, достигая до небесъ, не даютъ ему возможности двигаться по землѣ свободно. Путникъ обѣщалъ передать матери солнца и эту послѣднюю просьбу, вскочилъ оленю на спину, со спины на вѣтвистые рога, а по рогамъ взобрался на небо и предсталъ предъ матерью солнца. Въ это время солнца не было дома, при матери: оно было въ обычномъ своемъ путешествіи по небесному своду. Мать солнца, увидѣвъ предъ собою человѣка, съ земли взобравшагося на небо, была крайне встревожена, ибо солнце всегда губило своими лучами такихъ непрошенныхъ посѣтителей, если только заставало кого-либо изъ нихъ у себя въ домѣ; поэтому она, наскоро переговоривъ съ этимъ пришельцемъ о цѣли посѣщенія и предупредивъ его о томъ, какой у солнца нравъ, обѣщала самой поговорить обо всѣхъ его просьбахъ со всевидцемъ-солнцемъ, какъ только оно вернется изъ путеше-

ствія, а, по уходѣ его въ новое путешествіе, онъ все узнаеть; но для того чтобы онъ могъ пребыть на небѣ незамѣчен-нымъ, пока солнце въ урочный часъ опять отправится въ путь, она должна временно превратить его въ иголку. Какъ она сказала, такъ и сдѣлала: посѣтителя превратила въ иголку, вонзила ее въ стѣну и стала ожидать солнца. Наконецъ, появляется и солнце. Съ самаго вступленія въ домъ солнце почуяло присутствіе человѣка и потому обратилось къ матери: „Матушка! я слышу человѣческій духъ: нѣтъ ли здѣсь кого?“— „Нѣтъ, дитя мое, кто же изъ людей дерзнетъ войти въ твой домъ! Ты чуешь запахъ людской, вѣроятно, потому, что на землѣ кто-нибудь выбросилъ соръ изъ избы послѣ твоего захода!“ *). Солнце успокоилось словами матери. Скоро мать, вступивъ съ солнцемъ въ бесѣду, стала ловко вывѣдывать отъ него все нужное для своего гостя. Она начала такъ: „Дитя мое! вотъ ты каждый день такъ аккуратно обходишь землю; скажи мнѣ, пожалуйста, что на землѣ происходитъ такого интереснаго?“— „Эхъ, матушка, на землѣ чудесъ очень много, и вотъ, напр., я давно замѣчаю, какъ тамъ многіе страдаютъ по своей неопытности, и хотя такъ легко помочь ихъ горю, но вѣдь некому же передать имъ тѣ средства, которыя могутъ спасти ихъ отъ страданій!“— „Правда, дитя, отсюда на землю никто ничего не можетъ сообщить; но все же мнѣ самой весьма интересно услышать о дѣлахъ земныхъ и прошу тебя рассказать мнѣ о томъ, какихъ ты тамъ видишь страждущихъ и какъ бы имъ можно было помочь“. Солнце, послѣ нѣкотораго колебанія, начало повѣствовать: „Вотъ уже третій день я замѣчаю, что какая-то несчастная родильница страшно мучается и не можетъ разрѣшиться, а слѣдовало бы посовѣтовать оружающимъ, чтобы они ее положили на посланное сѣно, кругомъ этой подстилки обвели толстой верев-

*) По повѣрью грузинъ, крайне опасно для благополучія дома выметать и выбрасывать соръ послѣ заката солнца. *Авт.*

кой, скрученной изъ козлиной шерсти („сабели“), у изголовья положили желѣзныя вещи (косы, топоры, кинжалы и т. п.) и приискали лицо, которому когда-нибудь удалось освободить лягушку изъ змѣиной пасти, для приговариванія надъ родильницей выраженія: „Разъединитесь, мать и дитя, какъ я разъединялъ лягушку и змѣю!“—и родильница была бы мигомъ спасена отъ мученій. Далѣе, матушка, какой-то пахарь, обладая громаднымъ числомъ прекраснѣйшихъ воловъ, уже давно силится вспахать поле, но вслѣдствіе необыкновенной тяжести своего плуга это ему не удается, ибо онъ никакъ не догадается, что въ плугѣ только рѣзецъ и стержень („сахниси“ и „саквети“) должно дѣлать изъ желѣза, а все остальное слѣдуетъ устроить изъ дерева, и тогда чрезвычайно облегчится плугъ, и дѣло пахаря пойдетъ успѣшно. Затѣмъ, родимая, такъ какъ люди никогда не стригутъ овецъ, то вотъ уже давно одна овца своею отросшею шерстью зачуталась въ колючихъ кустахъ, отъ которыхъ никакъ не можетъ освободиться, а между тѣмъ стоитъ только подсказать хозяину, чтобы онъ каждый годъ два раза стригъ своихъ овецъ, и тогда онъ и овцамъ доставитъ облегченіе и ея шерсть употребитъ себѣ въ прокъ. Потомъ еще, какой-то пастухъ въ отчаяніи гонится за своими разбѣгающимися овцами и никакъ не сможетъ ихъ собрать вмѣстѣ, а между тѣмъ стоитъ ему только зарѣзать одну изъ овецъ, съ совершенно черною, безъ всякихъ пятенъ, шерстью („унишно“) и ея кровью окропить свое стадо,—и овцы съ баранами не будутъ рассыпаться. Далѣе еще, ужасно положеніе и какого-то волка, который забирается въ стадо во всякое время и которому отъ пастуховъ достается такъ жестоко, что онъ не можетъ повернуть своей избитой шеи; между тѣмъ, этому волку слѣдовало бы подсказать, что онъ долженъ пробраться въ овчарню въ пасмурную, дождливую погоду и утащить ягненка, а когда за нимъ погонится быстроногій пастухъ, смѣло приоста-

новиться и сильно лагнуть задними лапами; въ это время грязь отъ волчьихъ лапъ попадетъ въ ноги пастуху и лишитъ послѣдняго его способности бѣгать быстро и обгонять волка, который послѣ того можетъ спокойно убѣжать со своею добычею. Наконецъ, есть на землѣ несчастный олень, который отрастил себѣ такіе длинныя рога, что они упираются въ самое небо и не даютъ ему возможности двигаться, а, между тѣмъ, стоитъ этого несчастнаго оленя надоумить, что ему нужно въ три года разъ пообтереться этими рогами о что-нибудь и тогда онъ освободится отъ своихъ тяжелыхъ роговъ и, взамѣнъ ихъ, у него вырастутъ новыя, маленькія. Да, матушка, есть легкія средства исцѣлить страждущихъ обитателей земли, да только некому передать объ этомъ на землю!“ Этимъ солнце закончило свой рассказъ.

Утромъ, какъ только солнце вышло въ свой обычный путь, мать тотчасъ превратила припрятанную иголку опять въ живого человѣка, поспѣшила передать этому тайному гостю съ точностью все слышанное отъ солнца и предложила ему поскорѣе отправиться на землю тѣмъ же путемъ, какимъ и поднялся на небо. При этомъ она посоветовала ему, чтобы онъ оленю сообщилъ касающееся сего послѣдняго не иначе, какъ спустившись по его рогамъ до земли, такъ какъ, въ противномъ случаѣ, онъ могъ бы рисковать быть оставленнымъ на небѣ и къ вечеру быть застигнутымъ солнцемъ. Этотъ человѣкъ, разумѣется, во всемъ послушался матери солнца и, съ благодарностью простившись съ нею, направился по рогамъ оленя на землю и къ себѣ домой. Онъ скоро благополучно сошелъ на землю, тутъ же передалъ оленю совѣтъ солнца объ его рогахъ, послѣ чего дѣйствительно оленю въ три года разъ замѣняютъ свой старые рога молодыми. Путникъ пошелъ дальше и скоро встрѣтилъ ожидавшаго волка, которому передалъ все, касавшееся его горя. Волкъ тоже съ успѣхомъ примѣнилъ совѣтъ солнца и, дѣйствительно, утащивъ

изъ овчарни ягненка въ пасмурный день и обдавъ грязью своихъ заднихъ ногъ догонявшаго его пастуха, онъ лишилъ послѣдняго возможности бѣгать попрежнему быстро, ибо грязь съ волчьихъ лапъ, прилипнувъ къ колѣнамъ пастуха, превратилась въ *котынную чашечку*, сильно уменьшившую гибкость ногъ. Потомъ, нашъ путникъ встрѣтилъ также ожидавшаго пастуха, которому тоже сообщилъ совѣтъ солнца, оказавшійся точно также дѣйствительнымъ, и съ того времени грузины считаютъ особенно полезнымъ держать въ своемъ хозяйствѣ изъ птицъ и другихъ животныхъ экземпляры совершенно черные (например, мясо черной курицы считается важнымъ средствомъ для излѣченія дезинтеритъ и т. д.). Далѣе, путникъ подошелъ къ зацѣпленной за колючи овцѣ, сообщилъ и ей средство, какъ отдѣлаться отъ шерсти и съ того времени люди стали въ годъ два раза стричь своихъ овецъ. Затѣмъ, путникъ встрѣтился съ пахаремъ, сообщилъ ему мнѣнiе солнца о причинѣ его затрудненiй, и послѣ того люди научились искусству дѣлать болѣе практичныя плуги, начавъ употреблять въ дѣло, кромѣ желѣза, и дерево. Наконецъ, нашъ путникъ подошелъ къ той самой страдающей родильницѣ, отъ которой онъ былъ посланъ на небо. Здѣсь тоже онъ обстоятельно разсказалъ все слышанное отъ матери солнца, и съ того времени грузины научились ухаживанiю за родильницами, т. е. ихъ кладутъ на сѣно, подстилку обтягиваютъ веревкой, у изголовья кладутъ желѣзныя вещи и приводятъ къ нимъ лицо, которому когда-нибудь приходилось освобождать лягушку изъ змѣиной пасти, для того чтобы сказать спасительныя слова: „равъединитесь“, и т. далѣе.

VII.

Породненiе Бога съ человекомъ: богатырь Амбрiй и герой Амиравъ, крестненiе Бога. Осужденiе Амирава на заточенiе въ скалистой пещерѣ. Ослобленiе Амирава противъ женщинъ и кузнецовъ.

Поддерживая съ людьми близкiя сношенiя, Богъ даже

породнился съ ними, какъ это видно изъ Его отношеній къ Амбрію и Амирану. Амбрій былъ извѣстный богатырь, котораго рѣшительно никто на свѣтѣ не могъ одолѣть. Амиранъ же былъ крестникомъ Бога и тоже отличался громадною силою и ловкостью, такъ что поборолъ очень многихъ героевъ и сталъ вызываться на борьбу съ самимъ Амбріемъ. Узнавъ объ этомъ намѣреніи крестника, Богъ встревожился, будучи увѣренъ, что Амбрій поборетъ Амираана; поэтому, не желая довести своего крестника до позора, послалъ на Амбрія смерть прежде, нежели они могли сойтись и вступить въ единоборство. Когда Амиранъ подходилъ къ мѣсту жительства Амбрія, то послѣдняго уже везли на громадныхъ саняхъ („мархили“) для погребенія. Амиранъ былъ крайне удивленъ и въ недоумѣніи приостановился. Въ это время мать мертваго богатыря, замѣтивъ, что рука у побойнаго свалилась съ груди и стала волочиться по землѣ, попросила Амираана подойти и приподнять эту спущенную руку на грудь мертвеца. Амиранъ послушался, подошелъ къ санямъ и схватился за руку Амбрія; но увы! эта рука оказалась настолько тяжелою, что Амиранъ, при всемъ своемъ усиліи, не могъ ее приподнять. Тогда мать Амбрія, видя бессиліе Амираана, обратилась въ послѣднемъ съ такою насмѣшкою: „И ты ли, несчастный, направлялся къ моему сыну на борьбу, когда не можешь приподнять даже одну его мертвую руку!“ Гордый Амиранъ устыдился своей неудачи и направился къ своему крестному отцу, т. е. Богу: ему досадно было, что онъ оказывается все не такимъ всесильнымъ, какимъ онъ себя воображалъ; мать же Амбрія, съ помощью всѣхъ своихъ слугъ, поправила положеніе руки сына, отвезла трупъ, куда слѣдовало, и предала землѣ. Прийдя къ Богу, Амиранъ сказалъ слѣдующее: „Какъ же это, Крестный, ты увѣрялъ, что меня никто не сможетъ одолѣть, а вотъ, на дѣлѣ, такъ я даже не смогъ приподнять и руки мертваго Амбрія!“ — „Да, сынокъ“,

отвѣтилъ Богъ: „теперь дѣйствительно тебя никто не одолѣетъ; потому я и умертвилъ Амбріа, чтобы онъ не одолѣлъ тебя!“ Амиранъ успокоился и продолжалъ: „Отецъ, давай бороться съ тобою!“ Богъ на это возразилъ: „Вѣдь я избавилъ тебя отъ позора быть побѣжденнымъ Амбріемъ! Этого довольно съ тебя, а если хочешь испытать свою силу, то вотъ тебѣ шнурокъ и коль; вбей коль въ землю, потомъ привяжи шнурокъ однимъ концомъ за коль, а другимъ за свою ногу и потяни; посмотримъ, сможешь ли порвать этотъ тонкій шнурокъ?“ Какъ только Амиранъ исполнилъ это предложеніе, Богъ моментально превратилъ шнурокъ въ крѣпкую желѣзную цѣпь, а коль въ толстый желѣзный столбъ, и такимъ образомъ Амиранъ очутился прикованнымъ крѣпко-накрѣпко. Съ того времени Амиранъ страшно золь, во-первыхъ, на кузнецовъ — производителей цѣпей, а во-вторыхъ, на женщинъ — производительницъ шнурковъ, и если когда-нибудь освободится отъ оковъ, то онъ жестоко отомститъ имъ за свои страданія. Приковавъ Амирана крѣпкими цѣпями къ желѣзному столбу, Богъ окружилъ его особенной обстановкой: Амиранъ заключенъ въ скалистой пещерѣ, имѣющей прочныя двери, которыя, по волѣ Божьей, то отырываются, то запираются. Чтобы не умереть съ голоду, Амиранъ въ одной рукѣ держитъ кусокъ хлѣба, а въ другой кувшинъ съ водою: и то, и другое — неистощимы. Въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ богатыря, именно на такомъ разстояніи, куда онъ не можетъ достать рукою, лежитъ его мечъ, которымъ онъ могъ бы разрубить свои оковы, если бы смогъ его взять въ руки.

Кромѣ того, при Амиранѣ находится собачка, которая неустанно лижетъ своимъ языкомъ цѣпь, отчего она дѣлается все тоньше и тоньше. Но и хлѣбъ съ водою, и мечъ, и собачка — это лишь соблазнительныя надежды, поддерживающія въ осужденномъ Амиранѣ жизнь. Дѣйствительно, къ Великому четвергу, благодаря усердному слизыванію собачки,

толстая цѣпи Амيرانа уменьшаются до тонкости волоска, но къ разсвѣту этого дня кузнецы повсюду нарочно заходятъ въ свои кузницы и натощаютъ ударяютъ нѣсколько разъ молотами о наковальни, вслѣдствіе чего цѣпи Амيرانа опять утолщаются, и работа собачки начинается снова.

Однажды, когда двери пещеры оказались открытыми, къ закованному Амيرانу забрелъ какой-то охотникъ и послѣ прибитія подавъ ему кусокъ своего хлѣба, т. е. такого хлѣба, которымъ на землѣ питаются обыкновенные смертные. Амيرانъ взялъ отъ охотника хлѣбъ и, сжавъ его въ одной рукѣ, выдавилъ изъ него кровь, между тѣмъ какъ онъ изъ своего неистощимаго куска хлѣба другой рукой выдавилъ мочу. Тогда, обратившись къ охотнику, Амيرانъ сказалъ: „Богъ, братецъ, видно вамъ, людямъ, въ жизни приходится питаться хлѣбомъ, добываемымъ кровью!“ — Затѣмъ, Амيرانъ попросилъ своего посѣтителя передать ему его мечъ.

Охотникъ попытался передать Амيرانу просимый мечъ, но не тутъ то было: не съ его силами поднять столь тяжелый мечъ! Тогда Амيرانъ просить его растянуться на полу и сильно ухватиться руками за мечъ, а Амيرانъ, потянувъ его за ноги, притащеть къ себѣ свой дорогой мечъ. Охотникъ послушался и, ухватившись руками за мечъ, ноги протянулъ къ узнику; но какъ только за его ноги взялся Амيرانъ и потянулъ къ себѣ, охотникъ сталъ неистово кричать, ибо чуть у него не оторвались ноги отъ туловища. Амيرانъ вынужденъ былъ приостановиться и послѣ того онъ сталъ просить охотника, чтобы тотъ, по прибытіи домой, взялъ тамъ толстый ремешъ („джамбаръ“), которымъ грузины прирѣпаютъ ярмо передней пары воловъ къ заднему ярму, и притащилъ къ нему въ пещеру, двери которой пока будутъ оставаться открытыми. Если бы охотникъ доставилъ туда просимую джамбару, то однимъ концемъ ея онъ бы привязалъ за мечъ, а другой далъ бы въ руки Амيرانу, и послѣдній тогда сумѣлъ бы

притянуть къ себѣ свой желанный мечъ. Давая охотнику такое порученіе, Амиранъ въ то же время умолялъ его, чтобы онъ, въ случаѣ встрѣчи съ женщиною, которая пристанетъ къ нему съ вопросами о томъ, куда несетъ джамбару, отнюдь не оборачивался къ ней и не открывалъ ей своего намѣренія, такъ какъ, въ противномъ случаѣ, моментально запрутся двери обиталища его, Амирана, которому тогда охотникъ уже не сможетъ передать просимой имъ джамбары. Охотникъ обѣщаль исполнить порученіе въ точности и направился къ себѣ домой. Онъ скоро прибылъ домой, взялъ тамъ джамбару и хотѣлъ отвести ее къ Амирану. Къ несчастью для послѣдняго, охотника зашѣтила какая-то женщина и стала къ нему приставать, чтобы тотъ открылъ ей, куда тащить джамбару.

Какъ ни крѣпился охотникъ, но настойчивая женщина преодолѣла его, и онъ малодушно открылъ ей свои намѣренія, послѣ чего дѣйствительно митомъ закрылся входъ къ несчастному Амирану, куда ужъ онъ напрасно дотащилъ свою ношу. Амиранъ, конечно, узналъ о случившемся и еще болѣе преисполнился чувствомъ ненависти къ женщинамъ, и бѣда женщинамъ, равно какъ и кузнецамъ, если когда-нибудь удастся Амирану освободиться изъ заточенія! Но кузнецы и женщины хорошо это знаютъ, а потому первые изъ нихъ не забываютъ своего долга натошакъ приударять молотомъ о навальни въ Великій четвергъ, а вторыя зорко слѣдятъ, чтобы кто-нибудь не помогъ Амирану.

VIII.

Объясненіе сущности нѣкоторыхъ явленій природы и небесныхъ свѣтилъ: вѣтровъ, грома, млечнаго пути, звѣздъ, солнца, луны, кометы, землетрясенія, росы, облаковъ, дождя, радуги и града.

Такимъ образомъ, едва ли Амирану удастся когда-нибудь вырваться изъ оковъ, а потому онъ только злится въ своей пещерѣ, посылая оттуда на всю землю *вѣтры*. Эти вѣтры на-

чинають дуть изъ скалистой пещеры Амираана во всѣ тѣ моменты, когда двери ея бывають открыты, и утихають, какъ только запрутся онѣ. Вѣтры посылаются на землю озлобленнымъ Амираномъ съ цѣлью все ломать, разрушать и вообще вредить человѣку; но и тутъ, какъ и всегда, въ помощь человѣку является Богъ, который разрушительному вѣтру, ниспосланному Амираномъ, далъ другое назначеніе, а именно: Богъ повелѣлъ, чтобы вѣтеръ, раскачивая въ лѣсахъ деревья, осенью сбивалъ съ дуба и чинара столь необходимые для питанія свиней зрѣлые плоды, а зимою—сцѣплялъ деревья вѣтвями и содѣйствовалъ ихъ оплодотворенію и размноженію.

Кромѣ подобнаго своеобразнаго объясненія *происхожденія вѣтровъ*, а также и вышеуказаннаго объясненія *грома и млечнаго пути*, у грузинъ есть еще многія другія космогоническія повѣрья. По ихъ вѣрованіямъ, къ небесному своду всѣ *звѣзды прилѣплены* неподвижно, какъ ласточкины гнѣзда, такъ что мы должны бы ихъ видѣть и днемъ, а не видимъ лишь вслѣдствіе сильнаго дневного свѣта. *Число звѣздъ* соотвѣтствуетъ числу живущихъ на землѣ людей, а потому и на небѣ тотчасъ прибавляется новая звѣзда, какъ только родится на землѣ человекъ, и съ неба *падаетъ звѣзда*, какъ только кто-нибудь изъ людей умираетъ на землѣ. Въ числѣ небесныхъ свѣтилъ подвижны только *солнце, луна и кометы*. Солнце и луна суть сестра и братъ, о матери которыхъ было упомянуто раньше. Изъ нихъ *солнце*, какъ существо женское (сестра), ходитъ лишь днемъ, и всюду, куда вступаютъ, несетъ съ собою свѣтъ, т. е. начало дня. Солнце имѣетъ привычку въ годъ разъ, а именно рано утромъ въ день Свѣтлаго Воскресенія Христова, рѣзвиться и играть съ ягненкомъ. Эта забава солнца видна бываетъ всѣмъ, которые смотрятъ на него въ моментъ его восхожденія. Итакъ, если только небо не пасмурно, наблюдатель замѣчаетъ, что солнце то краснѣетъ, то синѣетъ, то блѣднѣетъ, то сіяетъ ярко, то весело отпры-

гиваетъ въ стороны,—это значить, оно пляшетъ вмѣстѣ съ агненкомъ; при этомъ оно настолько добро и весело, что глазамъ наблюдателя не причиняетъ никакой боли. Луна, какъ существо мужское (братъ солнца), ходить по небу не только днемъ, но и ночью. Луна въ величинѣ своей никогда не уменьшается; фазы же ея означаютъ постепенное прикрываніе особою вуалью, надвигаемою на нее по волѣ Божьей. Видимые въ дискѣ луны темныя пятна и шероховатости образовались слѣдующимъ образомъ: однажды проголодавшаяся луна, возвратившись изъ своего путешествія, обратилась къ своей матери съ просьбой дать ей хлѣба. Въ домѣ не оказалось печенаго хлѣба, почему въ это время мать и мѣсила тѣсто, чтобы испечь хлѣбъ; но такъ какъ луна назойливо продолжала требовать куска хлѣба, то мать, чтобы ее унять, размахнулась испачканною въ тѣстѣ рукою и ударила нетерпѣливаго сына-луну по щекѣ, послѣ чего на лунѣ и остались авныя слѣды тѣста.

Лунныя, какъ и солнечныя *затменія*, не предвѣщая ничего страшнаго въ будущемъ, тѣмъ не менѣе сами по себѣ составляютъ для человѣка бѣдствіе, ибо при такихъ явленіяхъ страдаютъ существа, дающія свѣтъ. Затменія причиняетъ чудовищный драконъ, который вѣчно преслѣдуетъ солнце и луну и, когда настигаетъ ихъ, то хватаетъ своею пастью ту или другую часть ихъ (иногда хватаетъ даже цѣлое свѣтило), отчего и затемняется захваченная часть. Вотъ почему суевѣрный грузинъ считаетъ своимъ священнымъ долгомъ въ моменты затменій стрѣлять изъ ружій, дабы напугать дракона и заставить его выпустить изъ своей пасти захваченное свѣтило. Солнцу и лунѣ Богомъ дано постоянное движеніе съ востока на западъ, но *комета* показывается на небѣ наоборотъ, т. е. на западѣ и направляется на востокъ, а такъ какъ она имѣетъ, подобно нечистой силѣ, хвостъ и показывается лишь изрѣдка, то она составляетъ явленіе, такъ-ска-

вать, нежелательное, недоброе и всегда предзнаменуетъ какое-либо несчастье для людей, какъ то: войну, неурожай, затменіе солнца или луны и т. д.

Земля покоится на спинѣ чудовищной рыбы, которая лежитъ въ подземномъ морѣ, окружающемъ землю со всѣхъ сторонъ. Эта чудовищная рыба обыкновенно находится въ положеніи согнутомъ, держа во рту свой хвостъ, а такъ какъ этотъ скользкій хвостъ иногда выскакиваетъ изъ рта, то въ это время и самая рыба приходитъ въ движеніе, а съ тѣмъ вмѣстѣ приходитъ въ колебаніе и опирающаяся на ея спинѣ земля, т. е. происходитъ *землетрясеніе*.—Солнце, восходя изъ-за краевъ земли, т. е. выплывая на небо съ окружающаго землю моря, несетъ съ собою и сырость, которую распространяетъ по землѣ въ видѣ *росы*; поэтому-то, до появленія солнца, и даже ночью, росы не бываетъ (какъ увѣряетъ суевѣрный грузинъ),—слѣдовательно, если бы солнце не восходило съ моря, то не существовало бы и росы.

Съ моря несется на землю не только роса, но и дождь съ радугою, и вотъ какимъ образомъ. *Облака*, которыя суть не что иное, какъ губки (облако по-грузински—губка), отправляясь на моря, спускаются въ нихъ и напиться обильною влагой, а затѣмъ, проносясь по атмосферѣ, выпускаютъ изъ себя воду, которая и падаетъ на землю въ видѣ *дожда*. *Радуга* опоясываетъ все небо, начиная съ края земли, т. е. съ моря. Имѣющіяся въ радугѣ полосы разныхъ цвѣтовъ соотвѣтствуютъ отдѣльнымъ отраслямъ сельскаго хозяйства и, смотря по тому, какая полоса будетъ являться полнѣе, и соотвѣтствующій урожай въ томъ году будетъ обильнѣе, а именно: красный цвѣтъ въ радугѣ означаетъ винный урожай желтый—кукурузный, зеленый—проса и т. д.

Градъ посылается на землю, какъ кара Божья. Обыкновенно, если только Богъ не разгнѣванъ на людей, градовымъ тучамъ опредѣлено двигаться только по горамъ, куда

ихъ всегда и ведетъ Элія (Илія)—постоянный руководитель градобитія. Но этотъ Элія—слѣпъ и не всегда придерживается опредѣленнаго ему пути—по высокимъ горамъ, а тутъ еще вмѣшивается въ дѣло злой духъ, который, во зло людямъ, всегда навязывается Эліи указывать дорогу и ведетъ его, вмѣсто горъ, прямо къ поселенію людей, тдѣ и начинается итти градъ, вопреки опредѣленію Бога. Но люди, зная это опредѣленіе Бога и понимая заблужденіе слѣпого Эліи, должны, для предотвращенія отъ себя гибельнаго градобитія, дать Эліи знать о себѣ какими-нибудь знаками. Вотъ подобнымъ повѣрьемъ и объясняется то заурядное въ Кахетіи явленіе, что съ начатіемъ града всюду суетвѣрные грузины спѣшатъ звонить въ колокола, дабы этимъ звономъ дать Эліи понять, что онъ обманутъ діаволомъ, увлекшимъ его далеко отъ горъ, и что съ градовыми тучами онъ долженъ отойти въ сторону.

Учитель Телавскаго

городскаго училища *Г. Степановъ.*

КАРТВЕЛЬСКІЯ ПОВѢРЬЯ.

I.

Сотвореніе міра.

По вѣрованіямъ свановъ, вначалѣ Богъ сотворилъ небо и велѣлъ итти дождю въ продолженіе шести дней. Сколько въ это время упало капель съ неба, столько появилось и ангеловъ. Богъ ихъ помѣстилъ на небѣ. Послѣ неба и ангеловъ, Богъ сотворилъ землю и наконецъ Адама и Еву. Первыхъ людей Богъ посадилъ въ ковчегъ. Приказавъ имъ до своего прихода никого не слушаться и поставивъ волка ихъ караулить, Онъ самъ поднялся на небо. Сотворенные Богомъ ангелы не подчинились Ему, отчего Богъ въ гнѣвѣ и низвергъ ихъ на землю и превратилъ въ демоновъ. Одинъ изъ этихъ демоновъ вошелъ во внутренность змѣи и соблазнилъ Адама и Еву. Если бы Ева и Адамъ не соблазнились, то, по благословенію Божію, пищу и питье люди получали бы съ неба безъ всякаго труда; у женщины выходили бы младенцы изъ-за пазухи и это происходило бы такъ легко, что мать о рожденіи дитяти узнала бы только на другой день, когда оно попросило бы груди. Впрочемъ, Адама и Еву Богъ простилъ бы, если бы они и второй разъ не разгнѣвали Его. Итакъ, когда Ева забеременѣла и настало время родовъ, то она, чувствуя страшныя боли, начинала стонать и плакать. Страданіе жены обезпокоило Адама и онъ высказалъ слѣдующее желаніе: „Если бы кто облегчилъ женѣ эти боли, то что бы онъ ни попросилъ, я далъ бы“. Самалъ *)

*) Самалъ у свановъ и у другихъ картвельскихъ племенъ самый могущественный изъ демоновъ. Сваны объясняютъ его происхожденіе

явился и сказалъ Адаму: „Я готовъ помочь, но подъ слѣдующимъ условіемъ: до тѣхъ поръ пока нерожденный (убадебелі) не родится и безсмертный (укудау) не умретъ (одутуа до ѡнтѣненс и удгара до адгѣнс), пусть твое потомство будетъ въ моей власти“. Адамъ согласился. Такимъ образомъ, потомство Адама и Евы перешло въ распоряженіе Самала. Это извѣстіе дошло до Бога и разгнѣвало Его. Тогда онъ совалъ своихъ ангеловъ на совѣтъ, на которомъ рѣшено было родиться Христу, какъ „нерожденному“ и „безсмертному“. Родился Христосъ и господство Самала пало. Христосъ, по вѣрованіямъ свановъ, жилъ на землѣ только двѣнадцать лѣтъ *).

II.

Небо и земля.

По преданію грузинъ-ингилойцевъ **), въ древнее время небо и земля были тѣсно связаны другъ съ другомъ. Тогда небо находилось такъ близко отъ земли, что человѣкъ рукою касался небеснаго свода и глазъ его—звѣздъ. Богъ, живя на такомъ близкомъ разстояніи отъ людей, былъ въ постоянномъ общеніи съ ними. Тогда было блаженное время и человѣкъ жилъ счастливо. Но мало-по-малу родъ человѣческой сталъ сбиваться съ пути истины. Но больше всего Бога оскорбила одна женщина ***). Однажды она пекла хлѣбъ въ торнѣ (грузинская пекарня). Сынишка ея какъ разъ въ это время испачкался. Мать впопыхахъ прибѣжала къ сынишкѣ и обтерла его

слѣдующимъ образомъ: Богъ, путешествуя съ архангелами Михаиломъ и Гаврииломъ по землѣ, бывшей еще въ жидкомъ состояніи, на лыжахъ, наткнулся на камень, а когда онъ его раскололъ, то оттуда высочилъ Самаль.

*) Сообщено В. Нижерадзе.

**) Ингилойцы—картвельское племя, живущее въ Закатальскомъ округѣ; изъ принявшихъ магометанство, во время господства елисейскихъ султановъ, одна половина возвратилась къ христіанству въ 1850 г. Всѣхъ ингилойцевъ, по официальнымъ свѣдѣніямъ, считается до 13,000 душъ. Разговорнымъ языкомъ у нихъ служить грузинскій. *Асм.*

***) Ср. Повѣрья грузинъ Телавскаго уѣзда, стр. 127.

лавашомъ (лаваши—длинный и тоненькій хлѣбъ-ленешка). Богъ, увидѣвъ такое оскверненіе величайшаго своего дара, даннаго смертнымъ, не захотѣлъ долѣе оставаться на столь близкомъ разстояніи отъ земли, и, поднимаясь медленно все выше и выше, поднялъ съ собою и небо. Люди умоляли Бога не оставлять ихъ, но все было напрасно. Богъ поднялся на такую высоту, что люди уже не могли его видѣть. Съ тѣхъ поръ небо и земля живутъ раздѣльно; земля называется *ᲔᲗᲗᲗ* (мать-земля), а небо *ᲔᲗᲗᲗ* (выше).

Послѣ того люди уразумѣли святость хлѣба и стали почитать его. Всякій грузинъ, найдя кусокъ хлѣба на дорогѣ, беретъ его, цѣлуетъ и кладетъ въ такое мѣсто, гдѣ его осквернить ничто не можетъ.

III.

Происхожденіе Кавказскихъ горъ.

По повѣрью грузинъ, дьяволъ, находясь во враждѣ съ человѣкомъ, постоянно приходилъ и мучилъ одного любимаго Богомъ человѣка-отшельника, жившаго на вершинѣ самой высокой горы. Въ ту пору Кавказъ представлялъ рядъ горъ, весьма плодоносныхъ и покрытыхъ зеленью. Отшельникъ испросилъ у Бога позволенія расправиться самому съ сатаной. Богъ разрѣшилъ ему это, не спрашивая даже о средствахъ, какія будутъ имъ приняты для достиженія этой цѣли. Отшельникъ раскалилъ щипцы, и когда дьяволъ, по своему обыкновенію, просунулъ голову въ дверь, святой человѣкъ, призвавъ имя Божье, схватилъ его за носъ раскаленными щипцами. Сатана почувствовалъ такую боль, что совершенно растерялся и началъ прыгать и барахтаться на горѣ, ударяя своимъ хвостомъ по Кавказу отъ Анапы до Баку. Сколько разъ сатана ударилъ хвостомъ, столько и образовалось долинъ, ущелій, овраговъ, холмовъ и горъ. Но съ тѣхъ поръ отшельникъ уже не подвергался болѣе искушенію.

IV.

Затменіе луны и солнца.

По повѣрью грузинъ, луна и солнце имѣють враговъ. Страшнымъ врагомъ этихъ свѣтилъ служитъ змѣй, у свановъ гвѣларшацъ. Змѣй нападаетъ на луны или солнце и старается ихъ проглотить. Если бы это удалось змѣй, то весь міръ погибъ бы. Чтобы этого не случилось, люди приходятъ на помощь своимъ благодѣтелямъ: какъ только они замѣтятъ, что змѣй захватилъ то или другое свѣтило, то поднимають крикъ и начинаютъ стрѣлять изъ ружей; тогда змѣй пугается и оставляетъ жертву*). Луна потому и краснѣетъ при затменіи, что змѣй царапаетъ ее и кусаетъ.

По сванскому повѣрью, у гвѣларшаца одинъ бокъ не настоящій, но состоитъ изъ плетени, и когда змѣй глотаетъ солнце, то послѣднее моментально сожигаетъ деревянный бокъ гвѣларшаца и выходитъ вонъ, чтобы освѣщать міръ.

V.

Градъ.

Сваны представляютъ себѣ градъ слѣпымъ существомъ, имѣющимъ мѣстопробываніе на небѣ. Путеводителемъ его служитъ дьяволъ. По временамъ у града появляется желаніе прогуляться по землѣ. Когда онъ объявляетъ своему вожатому о своемъ желаніи пройтись по горамъ и ущельямъ, гдѣ ему больше всего нравится, то дьяволъ съ вѣчныхъ снѣговъ и ледниковъ подымаетъ на небо огромныя глыбы льда. Предъ выступленіемъ въ путь, градъ проситъ дьявола не водить его по селеніямъ и нивамъ, такъ какъ онъ не желаетъ причинить людямъ никакого вреда; но сатана обманываетъ его: вначалѣ онъ его водитъ по горамъ и дикимъ ущельямъ, а потомъ уже какъ разъ по богатымъ нивамъ и зеленымъ садамъ,

*) Стрѣльба при затменіи луны происходитъ почти во всѣхъ грузинскихъ селеніяхъ.

увѣряя, что они продолжаютъ ходить по прежнимъ мѣстамъ, гдѣ они людямъ не могутъ причинить никакого вреда.

Во время града въ нѣкоторыхъ селеніяхъ, для отвращенія его, такъ молятся:

კვარკველი ბედნიერო ღვლე ღვლე იარყო კონის წინამ-

Кваревалъ счастливый по ущельямъ ходи, града пред-
 ძლომელი გვიშველო დამადებულო გვიშველო, გვიშველო შენს
 водитель помощи (намъ); Творецъ, помощи, помощи твоею
 მადლისათვის მთავარ-ანგელოზო გვიშველო და სხ...
 благодатью; архангелъ, помощи (намъ)!

VI.

Г р о м ъ.

Въ Сванетіи существуютъ два повѣрья о громѣ. По одному повѣрью, громъ производятъ борющіеся между собою девы (деві). Во время битвы девы такъ сильно сталеваются другъ съ другомъ, что отъ ихъ столкновенія идетъ гулъ по всему небу. Ударъ молніи это ружейный выстрѣлъ девовъ. По другому повѣрью, громъ бываетъ тогда, когда на небѣ дьяволы ватаютъ мѣдные котлы.

По повѣрью грузинъ, громъ происходитъ вотъ отъ чего.

Пророкъ Эліа (Илья), который находится на небѣ, сидя на своей колесницѣ (ტრახტრეანი), запряженной золотыми (другіе говорятъ—огненными) конями, скачетъ во всю мочь по небесному своду, верхняя сторона котораго плоска и состоитъ изъ крѣпкаго слоя льда. Отъ стука колесъ гремитъ громъ и чѣмъ шибче ѣдетъ колесница, тѣмъ сильнѣе раздается громъ и ярче сверкаетъ молнія, прорѣзывающая воздухъ по всѣмъ направленіямъ.

Къ этому преданію грузины-ингилойцы добавляютъ, что Эліа иногда скачетъ не на трахтревани, а на молотильныхъ доскахъ (кеври), а такъ какъ въ нижнюю часть этихъ досокъ вбиты мелкіе и острые камни, то ѣзда на нихъ по своду ледяного неба производитъ громъ.

VII.

Д о ж д ь.

По сванскому повѣрью, дождь раждается изъ имѣющих-ся на небѣ озеръ.

Грузинское повѣрье происхожденіе дождя приписываетъ тому же пророку Ильѣ.

Во время засухи грузины прибѣгаютъ къ слѣдующему средству для вызыванія дождя: замужня женщины и дѣвцы дѣлають большую куклу и потомъ обносятъ ее по деревнѣ изъ одного двора въ другой, и при этомъ поютъ слѣдующую пѣсню:

Лазарь пришелъ къ дверамъ нашимъ:
Посмотрѣлъ туда-сюда,
Сѣлъ на *ობლი* *) и уподобился лунѣ.
Ой, святой Ильѣ, чего задумался?
Нашу корову тучную тебѣ жертвуемъ!
Движутся тучи, торопится дождь.
Господи, дай намъ *ცოდნა* **):
Не хотимъ болѣе *გობნა* ***).
Если ты поплешь дождь,
Мы зарѣжемъ тебѣ козла.

По окончаніи пѣсни, поселянки поднимаются на крыши своихъ домовъ, куклу и „лазаристое“ ****) обливають водою изъ кувшиновъ и дарятъ имъ масло, яйца, свѣчи, и пр.

Если же и это средство не вызоветъ дождя, то женщины впрягаются въ плугъ и проводятъ имъ борозду по засохшей канавѣ, по которой потому, молъ, не идетъ вода, что она засорилась, а по очищеніи ея польются потоки шумные.

Для прекращенія же продолжительныхъ дождей, вредно

*) Таро—полка для посуды.

***) Талахи—грязь.

****) Горахи—комья высохшей грязи.

*****) Женщины, поющія „лазара“.

дѣйствующихъ на посѣвы, прибѣгаютъ въ тому же средству, какъ при засухѣ, только „лазаристки“ теперь при пѣни испрашиваютъ не талахи (грязь), а горахи.

VIII.

Радуга.

О причинѣ появленія радуги не сохранилось у грузинъ повѣрья, но семь цвѣтовъ ея они объясняютъ такъ: красный цвѣтъ знаменуетъ собою кровь, фіолетовый—вино, желтый—урожаи пшеницы, зеленый—обиліе растительности, синій—ведро, голубой—миръ, багровый—войну. Такимъ образомъ, по цвѣтамъ радуги можно заранѣе узнать, каковъ будетъ урожай, будетъ ли война и пр. По преданію, концы радуги упираются о кладь; если человѣкъ достигнетъ того мѣста, гдѣ спускается конецъ радуги и разроетъ землю, то онъ навѣрно найдетъ кладъ.

IX.

Сонъ всеенной.

По повѣрью грузинъ-ингилойцевъ, ежегодно бываетъ такой моментъ, когда на всякую тварь нападаетъ сонъ. Въ это время спитъ все: и вода, и земля, и огонь, и воздухъ, и всякое дыханіе, и всякое растеніе, и всякая планета, и ангелы, —однимъ словомъ, спитъ вся вселенная, и ничего тогда не движется: текучая вода останавливается (съ водопадовъ низвергающаяся каскадомъ вода и то столбомъ стоитъ), вѣтры перестаютъ дуть, огонь перестаетъ жечь, земля перестаетъ произрастать растенія. Въ это время открываются двери неба (ცაბაჯან) и показывается лучезарный Богъ. Кто изъ людей увидитъ все это, т. е. сонъ всеенной и, глядя на цискари, помолится Богу, то онъ получитъ все, что бы ни пожелалъ отъ Бога: просишь богатства, получишь богатство; просишь мудрости—мудрость; просишь славы—славу;

просишь силы—силу; просишь долготѣтней жизни—долготѣтїе и пр.

Ингилойцы, рассказывая это преданіе, даже называютъ людей, которые будто бы удостоились видѣть сонъ вселенной и лицерѣтъ лучезарнаго Бога, смотрящаго на вселенную изъ своихъ вратъ-циссаріи.

Это повѣрье служитъ основаніемъ слѣдующей грузинской поговорки:

მინუტი სონი და წყალსა დასხმის *).

Минутный сонъ и на воду нападаетъ.

X.

М і р о в о й я з ы к ъ .

Въ первое время, говорятъ ингилойское преданіе, былъ одинъ картули **), и на немъ говорило все и вся: и люди, и земля, и вода, и огонь, и воздухъ, и растенія, и звѣри, и всякія другія твари. Но, по прошествіи многихъ вѣковъ, картули развѣтвился, и каждая тварь стала говорить на своемъ картули. Прежде всѣ понимали другъ друга, а теперь уже перестали понимать. Люди стали говорить только на своемъ картули, вода—на своемъ, огонь, земля, воздухъ, растенія, птицы, звѣри—каждый на своемъ. Прошло еще много вѣковъ, и люди перестали понимать другъ друга: они стали говорить на разныхъ нарѣчіяхъ. Впрочемъ, изъ всѣхъ тварей осталась одна змѣя, которая знаетъ всѣ картули—древніе и новыя, одушевленныхъ тварей и неодушевленныхъ.

Вотъ какъ узнали, что змѣя говоритъ на всѣхъ языкахъ ***).

Шелъ нѣкій человѣкъ. Идетъ онъ и видитъ, что четыре черныхъ змѣи дерутся съ одной бѣлой змѣей и хотятъ ее

*) Эрти—одинъ, пири—сторона; эрти—пири—буки. односторонній.

**) Картули (ქართული) букв. значить картвельскій (грузинскій). Это слово у грузинъ употребляется и въ смыслѣ народа и языка. *Авт.*

***) Сравни „Овн-Пиримъ“, VII выпускъ Сборн. матер. для опис. нѣст. и плем. Кав. *Ред.*

убить. Человѣкъ, сжалившись надъ нею, ударилъ камнемъ по чернымъ змѣямъ и угодилъ одной изъ нихъ въ хвостъ, который отъ удара отпалъ; черныя змѣи испугались и разбѣжались. Отбитая же бѣлая змѣя сказала своему спасителю, чтобы онъ послѣдовалъ за нею къ змѣиному царю: она была дочь этого царя.

Человѣкъ тотъ послѣдовалъ за нею. По дорогѣ бѣлая змѣя сказала ему: „Мой повелитель и отецъ за мое спасеніе пожелаетъ тебя щедро вознаградить, но ты никакого дара не принимай, а только попроси, чтобы онъ плюнулъ тебѣ въ ротъ“. Скоро они достигли до змѣиного дворца, оберегаемаго грозною змѣиною стражею. При видѣ царевны всѣ разступились и свободно пропустили человѣка и царевну въ покой царя. Царь, выслушавъ отъ своей дочери всѣ подробности случившагося, разгнѣвался, призвалъ своихъ вельможъ и приказалъ имъ разыскать дерзкую черную змѣю. Вельможи созвали всѣхъ змѣй царства и между ними нашли безхвостую черную змѣю и ея трехъ сотоварищей и представили царю. Царь приказалъ ихъ растерзать, что и было въ точности исполнено. Затѣмъ царь спросилъ человѣка, что онъ желаетъ получить за спасеніе его дочери. Человѣкъ попросилъ, чтобы змѣиный царь плюнулъ ему въ ротъ. Царь сказалъ: „Я исполню твою просьбу, но ты погибнешь, если кому-нибудь откроешь свою тайну“. Когда просьба этого человѣка была удовлетворена, то онъ откланялся царю и вышелъ изъ дворца. Какъ только онъ вышелъ изъ царскихъ чертоговъ, то услышалъ разноязычный говоръ: говорила земля, говорила вода, говорилъ огонь, говорилъ воздухъ, говорили травы, камни, насекомыя, птицы, звѣри, небесныя свѣтила, деревья и пр. И говоръ каждой изъ тварей ему былъ понятенъ.

Вернулся онъ домой.

Послѣ этого прошло много времени. Однажды этотъ чело-

вѣкъ везъ на жеребной кобылицѣ свою жену къ ея роднѣ. Вмѣстѣ съ матерью ѣхало на той же кобылицѣ двое дѣтшекъ: одного мать держала на рукахъ, а другой сидѣлъ позади ея. У этой кобылицы былъ годовалый жеребенокъ, который бѣжалъ позади. Когда они проѣзжали по зеленому лугу, жеребенокъ остановился и сталъ щипать сочную траву, благодаря чему отсталъ на большое разстояніе. Сильнымъ и пронзительнымъ ржаніемъ онъ подавъ вѣсть матери. Кобыла отвѣтила тѣмъ же. Слышавшій это человекъ громко расхохотался. Жена, въ недоумѣніи, спросила мужа о причинѣ его смѣха. Мужъ отвѣтилъ:

— „Жена, тебѣ нѣтъ дѣла до моего смѣха“.

— „Прощу тебя сказать мнѣ“, умоляла жена.

— „Нѣтъ, не скажу“, возразилъ мужъ.

— „Умоляю“.

— „Напрасно ты меня просишь!“

— „Если не скажешь, то я вернусь домой“.

— „Милая, не могу тебѣ сказать, потому что мнѣ приказано не говорить объ этомъ никому“.

Когда вернулись домой, то жена опять пристала къ мужу.

— „Еще разъ умоляю тебя, открой мнѣ причину твоего смѣха“.

— „Хорошо, я тебѣ открою, но знай, что какъ только я открою тебѣ тайну, такъ тотчасъ же меня не станетъ“.

Разказалъ мужъ женѣ о причинѣ своего смѣха.

— „Ржаніе жеребенка и его матери“ разказывалъ онъ: „это былъ разговоръ между ними. Они на своемъ языкѣ переговаривались другъ съ другомъ. Жеребенокъ, оставшійся позади, говорилъ далеко ушедшей матери: „Мама, какъ ты быстро бѣжишь, я не могу тебя догнать!“ На это мать отвѣтила: „Почему ты не прибавишь шагу? Трехъ я ношу на своей спинѣ, одного имѣю въ животѣ и, хотя я самъ-пятъ, все

же двигаюсь вперед; какъ же ты одного себя не можешь высказать? ..

Сказавъ это, несчастный человѣкъ тотчасъ же испустилъ духъ.

XI.

Человѣкъ первой и второй эпохи.

По преданію ингалойцевъ, въ первую эпоху: (эпоха — замана). люди были чрезвычайно рослы, по крайней мѣрѣ въ 4 — 5 разъ выше людей второй эпохи. (теперь мы находимся во второй эпохѣ). Въ то время все было соответствующихъ размѣровъ: велика была и скотина, и арба, и оружіе, и дома и пр. Впрочемъ, хотя человѣкъ первой эпохи былъ росль, но умъ его былъ коротокъ, какъ гласитъ и пословица:

ᠮᠤᠮᠤᠨᠢ ᠮᠤᠮᠤᠨᠢ ᠮᠤᠮᠤᠨᠢ.

Самъ былъ великанъ,

ᠮᠤᠮᠤᠨᠢ ᠮᠤᠮᠤᠨᠢ ᠮᠤᠮᠤᠨᠢ.

Умъ имѣлъ короткохвостый *).

Напримѣръ, у нихъ не хватало настолько ума, чтобы давать кормъ своимъ высокорослымъ лошадямъ въ ясляхъ, поставленныхъ на землю: они воображали, что лошадь не сумѣетъ нагнуться и, потому, ясли ставили на крыши своихъ домовъ. Таковъ у нихъ былъ умъ.

По истеченіи многихъ вѣковъ, этихъ великановъ смѣнили маленькіе люди-карлики (ᠮᠤᠮᠤᠨᠢ ᠮᠤᠮᠤᠨᠢ), т. е. люди эпохи современнаго человѣка.

Однажды, при смѣнѣ старой эпохи новою, великаны пахали въ полѣ гигантскими своими буйводами, запряженными въ таковыя же гигантскіе плуги. Въ то время одинъ изъ карликовъ былъ по близости, въ кустахъ. Онъ прицѣлился изъ имѣющагося у него лука и угодилъ стрѣлою въ бедро одному изъ гигантовъ. Хотя стрѣла вонзилась очень глубоко, но великану рана причинила такую же боль, какую

*) Сравни съ русской поговоркой: „усъ долговъ, а умъ коротокъ“. Аст.

чувствуемъ мы, люди второй эпохи, отъ укушенія пчелы. Великанъ, съ реду не видѣвшій стрѣлы, вынулъ ее, разсмотрѣлъ хорошенько, съ удивленіемъ, и сказалъ: „Боже мой, что это за вещь!“ откуда она выдѣлась?“ и, отглянувшись, въ устахъ увидаль бѣгущаго карлика. Великанъ потнался за нимъ и, сдѣлавъ два-три гигантскихъ шага, успѣлъ поймавъ карлика. Вида неминуемую гибель, карликъ сталъ упрашивать великана пощадить его. Великанъ исполнилъ его просьбу и, засунувъ карлика въ голенище своего сапога, вернулся въ своему плугу и сталъ работать. По окончаніи работы онъ погналъ буйволовъ домой. Придя домой, онъ сказалъ матери:

— „Матушка, я принесъ одного удивительнаго человѣка. У него все по-нашему: и усы, и лицо, и ротъ, и руки, и голова, и ноги; но ростомъ онъ съ мизинецъ“.

— „Гдѣ же онъ, сыночекъ“, спросила мать.

— „А вотъ, матушка“. При этихъ словахъ великанъ вынулъ изъ голенища карлика и поставилъ предъ матерью.

— „Да вѣдь, это человѣкъ второго поколѣнія!“ воскликнула она: „послѣ насъ подобные люди будутъ господствовать надъ міромъ и пользоваться его благами“.

— „Развѣ это возможно“, возразилъ сынъ матери: „чтобы подобные люди могли господствовать надъ міромъ. Куда же они годятся! Развѣ они могутъ трудомъ добывать себѣ кусокъ хлѣба“?

— „Сынъ мой“, продолжала мать: „они будутъ умнѣе насъ“.

— „Ну, какъ же они будутъ ухаживать, примѣрно, за такими высокими лопадми, каковы у насъ; они даже не въ состояніи накормить ихъ ячменемъ“.

— „Силою своего ума и своего знанія. Ну-ка, дай ему мѣшокъ съ ячменемъ и тогда узнаешь, сумѣетъ ли онъ накормить нашу лопадъ“.

Великанъ далъ карлику мѣшокъ съ ячменемъ. Карлигъ взялъ мѣшокъ, подошелъ къ лошади и показалъ ей ячмень. Увидѣвъ излюбленную свою пищу, лошадь заржала и опустила шею, чтобы поѣсть ячменю. Въ это время карлигъ накинулъ узлы мѣшка на шею лошади, и она подняла его съ ячменемъ вверхъ и начала ѣсть.

Видя это, великанъ удивился, и мать сказала ему:

— „Вотъ, видишь, сколько ума у этого карлика; умъ этотъ онъ приложитъ ко всему, и во всемъ ему будетъ успѣхъ“!

И пословица говорить:

დიდი თავი, ჭკუა მოკლე.

Большая голова, умъ короткій;

პატარა თავი, ჭკუა დიდი

Маленькая голова, умъ великій:

პატარა, და მაღნაზია

Малъ есть, да миль есть *).

XII.

Загробная жизнь.

По представленію ингилойцевъ, въ загробной жизни души умершихъ продолжаютъ жить такъ же, какъ и на этомъ свѣтѣ: они нуждаются въ одеждѣ, въ пищѣ, въ веселомъ препровожденіи времени и пр. Только тамъ не бываетъ супружеской жизни; человѣкъ тамъ свободенъ отъ обязанностей по отношенію къ семейству и отъ всѣхъ прочихъ житейскихъ заботъ. Все, въ чемъ онъ можетъ нуждаться въ загробной жизни, должны доставлять ему его живые родственники: и пищу, и питье, и платье. Колонія умершихъ тамъ раздѣлена на участки, а участки на роды. Каждый родъ представляетъ изъ себя одну семью, одинъ очагъ, который управляется старшимъ въ родѣ. Поэтому грузинъ-ингилоецъ считаетъ великимъ несчастьемъ, если кто-нибудь умретъ на чужбинѣ, и его похоронятъ

*) Сравни: Маленькій, да удаленькій.

тамъ же, ибо таковой навсегда лишается возможности попасть въ родной „Гори“ (такъ называется мѣсто загробной жизни), и приходится ему влачить жалкую жизнь. Въ „Гори“ находится громадная равнина, гдѣ имѣются роскошные сады, виноградники, нивы и роскошные луга съ пасущимися на нихъ стадами овецъ. Предъ каждымъ родомъ стоитъ особый столъ, на которомъ стоитъ только то, что освящено въ честь умершихъ ихъ живыми родственниками. Радуются только тѣ изъ умершихъ, которыхъ не забываютъ ихъ родственники и обильно освящаютъ въ честь ихъ разнообразную пищу, питье и пр. Печально сидятъ за столомъ тѣ, которые забыты живыми родственниками. Такіе бѣдняки ничѣмъ не могутъ пользоваться, такъ какъ въ „Гори“ не принято одолжаться чѣмъ-нибудь другъ другу. Таковой умершій сидитъ угрюмо и плачетъ, свѣсивъ голову и жалуясь на свою горькую судьбину: „голодаю“, говоритъ онъ ближнимъ: „родственники мои мнѣ ничего не прислали, ничѣмъ не помянули“. Хотя у умершихъ за столомъ много яствъ, но они не ѣдятъ ничего, а только довольствуются однимъ видомъ купаній и запахомъ ихъ.

Вѣра ингилойцевъ въ загробную жизнь доходитъ до того, что они даже называютъ людей, которые яеобы удостоились счастья при жизни побывать на томъ свѣтѣ. Рассказываютъ, напр., что нѣкто Ц. К. былъ опасно боленъ. Находясь въ послѣдней агоніи, онъ на нѣкоторое время умеръ (вѣроятно заснулъ летаргическимъ сномъ). Но потомъ, когда пришелъ въ себя, и родственники спросили его, что было съ нимъ, тогда онъ рассказавъ слѣдующее: „Я былъ въ „Гори“. Тамъ на краю „Гори“ было смоляное озеро. Умершіе мнѣ сказали, чтобы я перепрыгнулъ черезъ него; моя бабушка, бывшая тамъ же, посоветована мнѣ перепрыгнуть такъ, чтобы не воспутъся смолы ногою: такъ я и сдѣлалъ и, перепрыгнувъ, вошелъ въ „Гори“. Вижу я, разостлана большая скатерть, за которой

сидят умершіе и пируютъ. И наши родные были между ними. За столомъ было такое множество яствъ, что человекъ и не можетъ перечесть. Пирующие пѣли, играли на нагаразуривъ *) и плясали“.

Вотъ разсказъ одной ингилойки о томъ же: „Когда я болѣла тифомъ, то на одинъ моментъ попала въ „Гори“. Тамъ всѣ умершіе мило бесѣдовали другъ съ другомъ. Тамъ я увидѣла своего дѣда, бабушку, дѣтей, братьевъ, родственниковъ и пр.; маленькаго моего брата дѣдъ держалъ въ своихъ объятіяхъ и убаюкивалъ его. Вдругъ заиграла веселая музыка и стали возглашать, что ведутъ молодицу. Всѣ пошли навстрѣчу ей. Пошла и я и увидѣла, что ведутъ молодицу Ціркуевыхъ (во время болѣзни разсказчицы упомянутая молодая женщина дѣйствительно свончалась). Тогда моя бабушка сказала мнѣ: „Зачѣмъ пришла ты сюда? еще не время быть тебѣ здѣсь: выйди вонъ отсюда“. При этомъ она толкнула меня и выгнала. Въ „Гори“ много большихъ и разукрашенныхъ домовъ. Загробный міръ вѣчно освященъ лучами солнца“.

Ингилойцы утверждаютъ, что при входѣ въ „Гори“ имѣется большое смоляное озеро, чрезъ которое переброшенъ узкій мостъ, обмазанный липкимъ веществомъ **). По этому мосту праведники очень легко переходятъ въ рай, а грѣшники, дойдя до середины моста, падаютъ въ озеро, гдѣ и мучаются въ кипучей смолѣ. На самой границѣ того свѣта стоитъ *ᠰᠡᠮᠣᠯᠠᠨᠠ ᠶ᠋ᠢᠨᠠᠭᠤᠨᠠ* (опредѣлитель жизни), который на вѣсахъ взвѣшиваетъ добродѣтели и злодѣянія представшаго-

*) Название туземнаго музыкальнаго инструмента.

***) Такимъ веществомъ нѣкоторые считаютъ масло и при этомъ разсказываютъ, что другъ и доброжелатель людей—собака, желая облегчить людямъ переходъ въ рай, своимъ языкомъ облизываетъ поверхность моста, но вѣчный врагъ людей—кошка, какъ только замѣтитъ, что поверхность моста уже обсохла, своимъ хвостомъ опять мажетъ смолою по мосту и безъ того трудный переходъ дѣлаетъ еще болѣе затруднительнымъ.

ся—добродѣтели на правой чашкѣ вѣсовъ, а злодѣянія на лѣвой. Если опустилась правая чашка, то умершій идетъ въ рай, а если лѣвая—въ адъ.

Такое повѣрье обязываетъ ингилойца нести громадныя расходы на поминавленіе усопшихъ. Такъ какъ умершіе требуютъ отъ своихъ живыхъ родственниковъ слишкомъ многого, то эти послѣдніе, особенно бѣдные, въ заботѣ объ нихъ, окончательно разоряются.

Съ того момента, когда „прилетѣвшая бабочка уноситъ душу умершаго“, начинаются заботы о наилучшемъ обстоявленіи въ „Гори“ скончавшагося.

Какъ только больной испустилъ духъ, старшій членъ семьи кладетъ неостывшее еще тѣло лицомъ вверхъ, выпрямляетъ его ноги, закрываетъ вѣки и у изголовья кладетъ чашку вина, чашку воды, чашку пшеничныхъ зеренъ и лучшую одежду; на чашку же съ зернами ставитъ три зажженныхъ свѣчи. Все это имѣетъ, конечно, свое предназначеніе: вино предназначено для питья умершаго, пшеница для засыванія его загробныхъ нивъ, вода для поливки ихъ, одежда для ношенія умершимъ на томъ свѣтѣ, свѣчи—для освѣщенія его шествія въ „Гори“. Умершей женщинѣ, вмѣсто пшена, даютъ въ руки мотокъ нитокъ, такъ какъ въ загробной жизни, какъ и въ этой, ей придется имѣть дѣло съ ниткой и иглой: шить и чинить платье для домочадцевъ и для себя. Послѣ этого, особый посыльный даетъ знать сельчанамъ о постигшемъ семью горѣ и они спѣшатъ въ домъ умершаго для оплакиванія его. Предъ похоронами тѣло усопшаго обмываютъ водою и надѣваютъ на него новую одежду. Затѣмъ куски холста, посыпанные ладаномъ, кладутъ на лицо и на грудь его, въ переносыя всовываютъ по кусочку ладана, въ лѣвую его руку кладутъ гривенникъ *), въ правую надвое

*) Этотъ гривенникъ умершій долженъ подарить привратнику „Гори“, чтобы онъ отворилъ ему двери рая. *Азм.*

сложенную свѣчу, которую зажигаютъ и потомъ сейчасъ же тушатъ. Послѣ этого, тѣло его завертываютъ въ бѣлый саванъ и кладутъ на носилки, сдѣланныя изъ ивоваго дерева. Сверху кладутъ кусокъ шелковой тафты, кусокъ ситца, кусокъ черной бязи и всѣмъ этимъ обвязываютъ носилки. При выносѣ тѣла одинъ изъ мальчиковъ беретъ камешекъ и, бросая въ сторону несущихъ гробъ, возглашаетъ: „Изъ твоей доли здѣсь ничего болѣе не остается; ты, что тебѣ слѣдовало, все уже получилъ; теперь оставь насъ въ покоѣ!“ . Но на самомъ дѣлѣ этимъ не ограничиваются заботы по умершемъ. Во-первыхъ, его хоронятъ вмѣстѣ съ его одеждой, постелью, оружіемъ (а женщинъ съ ихъ украшениями), и у изголовья могилы садятъ какое-нибудь фруктовое дерево, чтобы умершій въ „Гори“ не оставался безъ фруктовъ, и, во-вторыхъ, въ продолженіе цѣлаго года, а иногда и семи лѣтъ (это зависитъ отъ великихъ или малыхъ заслугъ умершаго) въ честь его рѣжутъ животныхъ и освящаютъ пищу. Въ день похоронъ закалывается откормленный теленокъ или баранъ (это зависитъ отъ достатка живыхъ его родственниковъ), приготовляются разнообразныя кушанья и угощается большая толпа посѣтителей. Предъ питьемъ вина каждый изъ гостей сначала отливаетъ на хлѣбъ капельку вина и потомъ, говоря: „Да спасетъ тебя Богъ“, осушаетъ чарку. Оплакиваніе усопшаго со дня похоронъ продолжается вѣлочительно до сорокового дня. На второй день похоронъ оплакиваютъ только однѣ женщины, а на третій день уже всѣ — какъ мужчины, такъ и женщины. Это оплакиваніе называется „таблоба“, то же, что тризна. На татлобу мясной пищи не полагается, а только — хлѣбъ, пловъ, яйца, фрукты, молочная каша, вино и пр.; посѣтители также приходятъ не съ пустыми руками, но приносятъ съ собою кушанья и напитки. Затѣмъ всѣ эти яства укладываютъ посреди дома на скатерти, а хозяйка на винныхъ кувшинахъ зажигаетъ пять свѣчей и всѣ яства окуриваетъ ладаномъ, при

чемъ кадилъницей служить шумовка; когда же хозяйка въ нее вкладеть кусочки ладана, то произноситъ: „Да спасетъ его Богъ, да введетъ въ рай“. То же самое дѣлаютъ и говорить всѣ присутствующія женщины. Послѣ этого, усаживаются всѣ и угощаются, при чемъ каждый гость получаетъ по три хлѣбца, отвѣдываетъ прочихъ яствъ и пьетъ вино. Когда гости расходятся, то берутъ съ собою домой кое-что изъ пищи и питья.

Седьмой день назначенъ для сниманія траура по усопшемъ. Въ этотъ день расходы хозяйна бывають такіе же, какъ и въ предыдущіе дни. Сниманіе траура состоитъ въ томъ, что родственники и сосѣди мужескаго пола, вмѣстѣ съ мужчинами въ домѣ умершаго, брѣютъ свои головы и бороды. Женщины же никогда не носятъ траура; наоборотъ, онѣ всѣ со дня смерти усопшаго наряжаются въ лучшія одежды и такъ оплакивають покойника.

Самый крупный расходъ бываетъ въ день великой трины. Въ этотъ день заказываются или три головы крупнаго скота, или три барана, или два барана и одинъ пѣтухъ, или одинъ откормленный теленокъ и два барана. Изъ нихъ для души освящается только баранъ или пѣтухъ. Предъ рѣзаніемъ животныхъ имъ даютъ отвѣдывать соли и обжигаютъ свѣчою шерсть на головѣ (а у пѣтуха—перья). Послѣ этого, готовятъ яства въ изобиліи и угощаютъ сованныхъ въ большомъ числѣ гостей, предварительно окуривъ пищу ладаномъ, какъ это было сдѣлано въ день похоронъ. Оплакиваніе умершаго бываетъ и дома и на самой могилѣ. Когда гости расходятся, то также получаютъ пищу въ изобиліи.

Со дня смерти до окончанія сорокового дня въ честь умершаго ежедневно ставится въ домѣ особая пища и окуривается ладаномъ. По вѣрованіямъ ингилойцевъ, во все это время усопшій невидимо присутствуетъ въ родномъ до-

мѣ и питается запахомъ и самимъ видомъ освящаемой въ его память пищи.

Общіе поминки по усопшихъ бывають ежегодно два раза: въ пятницу Страстной недѣли и въ день Успенія Богоматери. Въ эти дни изъ каждаго дома всѣ домочадцы на арбахъ и на лошадахъ везутъ громадное количество яствъ на кладбище и, оплакавъ усопшихъ, садятся тамъ же, угощаются сами и угощаютъ всѣхъ пришедшихъ сюда постороннихъ посѣтителей.

Ингилойцы вѣрятъ, что если усопшихъ оставить безъ освященія пищи, то они въ загробной жизни будутъ голодать и печалиться. И въ доказательство этого они рассказываютъ, что умершіе лезгины, для которыхъ ничего не освящается и которые хоронятся голыми, въ „Гори“ ходятъ наги и вѣчно голодаютъ. Они бѣдные выпрашиваютъ милостыню, но такъ какъ тамъ не принято дарить что-либо другому, то имъ и никто ничего не даетъ. Но магометане стараются у христіанъ красть пищу, и, если христіане замѣтятъ покражу, то они ихъ гонять отъ себя прочь.

Злодѣи часто не принимаютъ землю и они, возвращаясь къ жизни, дѣлаются волко-человѣками (აგვლ ჰბე).
 (А) пошелъ и увидѣлъ

Такъ заботится ингилоецъ о своихъ усопшихъ. Его вѣрованіе освобождаетъ его отъ всякихъ заботъ только по душамъ умершихъ дѣтей. Для таковыхъ въ „Гори“ имѣется молочное озеро, на берегу котораго растетъ широколиственное дерево. На этомъ деревѣ сидятъ дѣти, веселыя и сытныя, ибо когда они захотятъ ѣсть, упомянутое дерево нагибается до поверхности молочнаго озера, и дѣти въ это время насыщаются молокомъ; затѣмъ дерево опять выпрямляется и подымаетъ вверхъ „святыхъ“ души.

Грузины представляютъ себѣ загробную жизнь слѣдующимъ образомъ:

აგვლ ჰბე

(Я) пошелъ и увидѣлъ

სამოთხის

სახე

Райскій (рая) видъ (образъ);

ელემსა გარე შემოუარე:

Эдема вокругъ (я) обошелъ:

ოთხი წყარო დის

Четыре рѣки текутъ (тамъ),

ოთხოს მხრით მოდის;

(Съ) каждой стороны идутъ;

მითი მოიწყვის ყოველი არე

Ими орошается всякая сторона.

სიზმრათა ვხანე ელემი

Во снѣ (мнѣ) спился эдемъ

აღმოსავლეთის თავში:

Востока на вершинѣ (краю):

არის შზე არის მთვარე

(Тамъ) есть солнце, есть луна,

მრავალ ვარსკვლავი ცაში

Множество звѣздъ (на) небѣ.

მკვიდრ სანუკვარდა წმინდა ელემის ბალში.

Иду насладиться въ святой эдемскій садъ.

მკვლ და ხეხილთ გადავხედე:

Пришелъ и на фруктовья деревья взглянуть:

ჩარიგებულა რიგში

Они насажены въ порядкѣ,

ზოგი მწიფს, . ზოგი ყვავილობს

Одни поспѣваютъ, одни цвѣтутъ,

ზოგსა მკუნენი ასხია

На однихъ неспѣлые (плоды) висятъ.

ერთი რამ კუპრის ტბა არის

Одно какое-то смоляное озеро есть;

აქედგან მისავალშია

Отсюда идемъ (туда):

ზედ წვრილი ბეწვის ხიდი ქვეს

Надъ (нимъ) тоненькій (въ) волосогъ мостъ лежитъ;

ვინ გადაზომავს თვალშია!

Кто измѣритъ (его) глазомъ!

მართალნი მარდად გადიან

Праведники смѣло переходятъ (черезъ него),

დაპეკიდრდებიან ბალშია;

Поселяются въ саду;

ცოდვილნი ძირსა ცვივიან

Грѣшники внизъ падаютъ,

ღუჴებებიან ტბაშია.

Погибаютъ въ оверѣ.

XIII.

Л ѣ ш и й.

Лѣшій (აღლი) похожъ на человѣка. На его голомъ тѣлѣ, вмѣсто волосъ, растутъ колючки. Лѣшіе, какъ и люди, принадлежатъ къ мужескому и женскому поламъ. Какъ принадлежащіе въ первому, среди людей, сильнѣе послѣднихъ, такъ и лѣшій-мужчина сильнѣе лѣшаго-женщины. По временамъ они являются людямъ то въ видѣ дитяти, то взрослога мужчины, то старика или старухи.

Лѣшій-мужчина обыкновенно самъ нападаетъ на человѣка, а лѣшій-женщина, представъ предъ человѣкомъ въ видѣ необыкновенной красавицы, соблазняетъ его и губить.

Про лѣшихъ мужчинъ разсказывается въ Кахетіи слѣдующее.

Нѣкій человѣкъ, потерявши лошадь, пошелъ искать ее въ вечернюю пору. Долго онъ искалъ свою потерю, но безуспѣшно: лошади и слѣдъ простылъ. Тѣмъ временемъ совсѣмъ стемнѣло, и, опечаленный своей неудачей, онъ пошелъ назадъ. По дорогѣ, проходя по ущелью, онъ впереди себя увидѣлъ чрезвычайно высокаго человѣка и издали же громкимъ голосомъ привѣтствовалъ его обычнымъ „гамарджоба“ (здравствуй). Но отвѣта не послѣдовало. Первый опять повторилъ „гамарджоба“. Но и на этотъ разъ не получилось никакого отвѣта:

онъ увѣрился тогда, что встрѣтился съ лѣшимъ, и былъ радъ, что первымъ онъ, а не лѣшій, произнесъ это привѣтствіе, что и сулило ему побѣду въ предстоящей борьбѣ съ нечистой силой *). Лѣшій, недолго думая, напалъ на противника, но, по истеченіи нѣсколькихъ часовъ единоборства, былъ побѣжденъ. Тогда побѣжденный лѣшій взмолился о пощадѣ, которую и получилъ. Высвободившись изъ рукъ побѣдителя, онъ исчезъ во тьмѣ ночной, а человѣкъ благополучно добрелъ до своей деревни и рассказалъ о случившемся своему семейству.

Вотъ другой случай встрѣчи человѣка съ лѣшимъ, рассказываемый одинаково повсюду въ Грузіи.

Въ сумеркахъ одинъ жнецъ шелъ себѣ спокойно домой. Проходя по оврагу, онъ замѣтилъ позади себя, на нѣкоторомъ разстояніи, дитя. Онъ сталъ звать его къ себѣ, но дитя упорно молчало. Тогда человѣкъ, думая, что дитя заблудилось, самъ направился къ нему, чтобы взять его въ деревню. Но тутъ случилось нѣчто необыкновенное: по мѣрѣ его приближенія къ дитяти, оно удалялось все болѣе и болѣе. „Ну, Богъ съ тобою“, наконецъ произнесъ человѣкъ, повернулся и пошелъ назадъ. Но вотъ бѣда: оглянувшись, онъ увидѣлъ, что дитя теперь слѣдуетъ за нимъ. Тутъ только онъ догадался, что дѣло имѣетъ съ лѣшимъ. И точно: дитя вдругъ выросло въ двойной человѣческой ростъ и бросилось на озадаченнаго крестьянина. Началась борьба. Послѣ долгой борьбы, крестьянинъ, собравъ всѣ свои силы, крѣпко схватилъ противника за висти рукъ, взбросилъ его къ себѣ на спину и быстрыми шагами пошелъ въ деревню. Лѣшій сколько ни барахтался, но ничего не могъ подѣлать съ сильнымъ крестьяниномъ. Вотъ крестьянинъ уже въ деревнѣ и даже у калитки воротъ своего дома. Крестьянинъ пролѣвъ въ калитку,

*) При встрѣчѣ съ нечистымъ духомъ побѣдителемъ остается тотъ, кто успѣетъ первымъ произнести привѣтственное слово. *Авт.*

таща свою ношу, но лѣшій уперся ногами объ веретешки воротъ, такъ что нельзя его было протащить во дворъ. Послѣ продолжительныхъ усилій, наконецъ, крестьянину удалось не только втащить его во дворъ, но и въ свою хату. У очага стали онъ звать своихъ домочадцевъ, но всѣ, по напущенію нечистой силы, спали непробуднымъ сномъ, и сколько ни кричалъ крестьянинъ, они не могли проснуться. Выбившись изъ силъ, крестьянинъ освободилъ свою правую руку, чтобы положить дрова и развести огонь. Въ это время лѣшій, рванувшись изъ всѣхъ силъ, высвободился и выбѣжалъ на дворъ. Крестьянинъ погнался за нимъ и сталъ кричать и звать соседей. Но уже было поздно: лѣшій исчезъ.

Вотъ еще одно сказаніе о лѣшихъ *).

Житель сел. Шропи, кн. Абашидзе, чрезъ нарочнаго, по имени Хосико Нинивашвили, отправилъ письмо къ своей матери въ г. Кутаисъ. Хосико былъ вооруженъ съ ногъ до головы. Въ полночь ему пришлось проходить чрезъ густой аджаметскій лѣсъ. Онъ былъ уже въ самой чащѣ, какъ послышался чей-то голосъ, зовущій его: „Хосико Нинивашвили, Хосико!“ Хосико остановился, и подумавъ, что кто-то идетъ въ догонку за нимъ, отделинулся. Незнакомый отвѣтилъ: „Подожди меня“. Хосико нашелъ сухое дерево, высѣкъ огонекъ и развелъ костеръ. Погодя нѣкоторое время, онъ увидѣлъ, что идетъ къ нему какой-то великанъ. Хосико въ немъ узналъ лѣшаго. Послѣдній произнесъ: „Гамарджоба“. Хосико ничего не отвѣтилъ. Лѣшій попросилъ у него вина. Хосико обрадовался **) и далъ вина. Лѣшій выпилъ много, опьянѣлъ и тутъ же заснулъ. Этому и желалъ Хосико: рукояткою внизъ и остриемъ вверхъ онъ воткнулъ въ землю своей

*) Напечатанное въ газ. „Иверія“ 1888 г. (№ 177)).

**) Такъ какъ знали, что лѣшіе весьма любятъ вино и пьянѣютъ скоро.

кинжалъ и сверху навинулъ свою бурку, а самъ спрятался въ дуплѣ ближайшаго дерева, прицѣлившись ружьемъ и зорко слѣдя за лѣшимъ. Послѣдній, проснувшись, оглянулся кругомъ и, видя предъ собою бурку Хосика, оцѣнившись своими иглами, поднялся высоко-высоко и сверху набросился на бурку, желая смять Хосика, котораго предполагалъ подъ ней. Но вмѣсто Хосика, онъ накололся на кинжалъ, который пронзилъ его насквозь. Въ это время раздался и выстрѣлъ: пуля угодила ему въ бокъ. Лѣшій привскочилъ, заревѣлъ и, говоря: „однакожь этотъ негодный убилъ меня“, скрылся. Тогда Хосико вышелъ изъ дупла, притащилъ чурбанъ и, укрывъ его своей буркой, самъ опять спрятался въ дуплѣ, предварительно зарядивъ ружье двумя пулями. Черезъ нѣкоторое время онъ увидѣлъ, что идетъ какой-то хромой человѣкъ, съ топорищемъ на плечѣ. Пришелъ, замахнулся топоромъ и сильнымъ ударомъ надвое разсѣкъ бурку Хосика, сказавши: „Ты убійца моего брата: такъ тебѣ и слѣдуетъ!“ Въ это время раздался выстрѣлъ. „Двухъ братьевъ ты убилъ!“, сказалъ раненый лѣшій и исчезъ.

Послѣ этого Хосико пошелъ своей дорогой и прибылъ въ Кутаисъ. Княгиня Абашидзе приняла отъ него письмо и стала спрашивать о новостяхъ. Но Хосико молчалъ: оказалось, онъ онѣмѣлъ отъ страха. Она тотчасъ же пригласила священниковъ, по молитвамъ которыхъ Хосико исцѣлился и разсказалъ все случившееся. Для провѣрки словъ Хосика, вмѣстѣ съ нимъ, княгиня отправила 12 вооруженныхъ всадниковъ, которые, прибывъ въ Аджаметы, видѣли лужу крови, слѣды огня и, идя дальше по слѣдамъ крови, услышали душу раздирающіе крики изъ глубины пещеры; это лѣшіе оплакивали кто брата, кто дядю, кто отца и пр. Всадники вернулись въ Кутаисъ и обо всемъ видѣнномъ и слышанномъ сообщили своей госпожѣ.

XIV.

Водяной.

Время отъ 15 октября до 7 ноября считается мѣсяцемъ водяного (ჭიჭია, ალი); онъ маленькаго роста, съ длинными волосами и живетъ въ рѣкахъ, озерахъ и, вообще, во влажныхъ мѣстахъ. Лицомъ онъ очень красивъ и похожъ болѣе на дѣвущку. Часто онъ сидитъ на обрывистомъ рѣчномъ берегу и золотымъ гребнемъ расчесываетъ свои длинные и серебристо-каштановые волосы. Этотъ духъ, котораго мы дальше будемъ называть его грузинскими именами „чинка или али“, такъ силенъ, что можетъ приподнять большой домъ.

Въ Имеретіи увѣрены*), что въ дни прибытія „али“ (15 октября) или его ухода (7 ноября) непременно должны быть дожди. Если 15 октября случится дождь, то крестьяне говорятъ: „Али съ дождемъ пришелъ“, а чтобы онъ ко дню своего прибытія не причинилъ зла, принимаютъ слѣдующія мѣры: берутъ камешки или куски глины, дѣлаютъ на нихъ изображеніе креста и забрасываютъ ихъ въ ковшуши, въ хлѣва, перебрасываютъ черезъ кувшины (винные), или кладутъ на платье и пр., говоря при этомъ: „Печать св. Георгія!“ По повѣрью народа, гдѣ будутъ такіе камешки съ крестиками, тамъ „али“ не въ силахъ причинить какое бы то ни было зло.

Кромѣ того, когда кто родится въ одинъ изъ дней отъ 15 октября по 7 ноября, его необходимо наречь Георгіемъ или Марією; въ противномъ случаѣ, поворотившійся будетъ жертвою али: въ промежуткѣ означеннаго времени али будетъ приходитъ и неотвѣзчиво звать его по имени, и, какъ только выйдетъ онъ на дворъ, али схватитъ его и утащатъ къ себѣ. Рассказываютъ о слѣдующемъ случаѣ.

*) См. „Иверія“ 1886, № 227.

Недавно *) умерла одна дѣвушка Соломія. Она родилась въ мѣсяцѣ чинкобія. Ей покою не давалъ чинка. Онъ постоянно приходилъ и звалъ ее: „Соломія, выходи сюда, я тебѣ что-то покажу **)“. Соломія знала все и не выходила. Но однажды во снѣ донесся тотъ же зовъ. Она вскочила и моментально вышла изъ дому. Тутъ она наткнулась на чинку, который ей приказалъ: „Сядь на мою спину или я сяду на твою“. Чинка, недолго думая, взбросилъ ее въ себѣ на спину, понесся вихремъ и завелъ въ скалистую расщелину. Тутъ чинки пировали и, увидѣвъ Соломію, закричали въ одинъ голосъ: „Ага, наша Соломія пришла!“ Затѣмъ стали пѣть и завели хороводъ, что заставляли дѣлать и Соломію, но ранѣе предупредивъ ее ничего дурного не говорить, т. е. не произносить имени св. Георгія или Маріи. Чинки пропѣли пѣсню поочередно. Когда же очередь дошла до Соломіи, то она пропѣла свою пѣсню, закончивъ ее словами: „Святой Георгій, прокляни слѣдъ этихъ чинекъ“. При этихъ словахъ злые духи моментально исчезли, и Соломія вернулась домой.

Въ мѣсяцѣ чинкобія во всемъ, что ни дѣлаетъ человѣкъ, и чинки имѣютъ свою долю. Кто себѣ вяжетъ чулки, долженъ связать малюсенькій чулокъ и для чинки; кто ткеть сукно, долженъ выткать и долю для нечистой силы и проч. Поэтому-то, предъ вязаніемъ чулокъ, крестьянки сначала вяжутъ малюсенькій чулокъ, вмѣстимостью въ мизинецъ, и кладутъ на балконъ: онѣ увѣрены, что ночью, придетъ чинка, надѣнетъ его и уйдетъ по-добру, по-здорову; если же этого не сдѣлать, то придетъ чинка и будетъ требовать: „Чулокъ дай, чулочекъ, а то изжарю тебя“.

Чинка любитъ скакать на лошади. Но онъ скачетъ, си-

*) Ibidem.

**) Зовъ можетъ быть услышанъ только тѣмъ, кого призываетъ чинка.

дя лицомъ къ хвосту лошади; притомъ, онъ чрезвычайно любить мять и узлить гриву и хвостъ лошади.

Свои волосы онъ бережно хранить и укрываетъ, опасаясь, что если даже одинъ волосокъ попадетъ въ руки человѣка, то онъ погибнетъ. По поводу этого существуетъ слѣдующій рассказъ.

Въ мѣсяцѣ чинкобіа ѣхалъ на лошади священникъ въ какое-то селеніе. Вдругъ откуда ни возьмись, подсѣлъ къ нему кто-то. Священникъ догадался, что это былъ чинка. Ментально досталъ онъ орарій, обвязалъ чинку и сказалъ: „Не смѣй шевельнуться, сатана, это печать св. Георгія“. Чинка одеревенѣлъ. Затѣмъ онъ сталъ умолять священника и упрашивать отпустить его, но священникъ не отпустилъ и привезъ домой; затѣмъ остригъ чинку и волосы его спряталъ подъ большимъ камнемъ. Чинка сталъ послушнымъ слугою: таскалъ священнику дрова, воду и пр. Однажды священникъ съ семействомъ пошелъ въ церковь. Дома остались только дѣти священника и чинка. Онъ развелъ огонь и поставилъ на немъ котель, чтобы сварить свинину. Дѣти сидѣли тутъ же. Чинка обратился къ нимъ съ мольбой: „укажите гдѣ мои волосы и вы будете осчастливлены мною“. Дѣти указали. Чинка досталъ свои волосы, затѣмъ обоихъ дѣтей бросилъ въ вѣпятокъ и самъ исчезъ.

XV.

Домовой.

Домовой (домовикъ) тоже похожъ на человѣка. Онъ обыкновенно живетъ по близости жилыхъ помѣщеній.

Человѣкъ во время сна всегда долженъ лежать на правомъ или лѣвомъ боку, но никакъ не на спинѣ—лицомъ вверхъ; въ послѣднемъ случаѣ, является домовой и ложится на спящаго такъ, что всѣ части его тѣла приходятся на соотвѣтствующія части тѣла человѣческаго. При этомъ духъ такъ

нажимаетъ всѣмъ своимъ тѣломъ, что спящій, если не проснется во-время и не произнесетъ имени или Христа, или св. Георгія, непремѣнно задохнется.

XVI.

Демоны и колдуны.

О демонахъ и вообще объ ихъ происхожденіи разсказывается слѣдующая легенда *).

Шли три путника: Соломонъ мудрый, его жена и служитель. Ихъ застигла ночь, и они расположились на берегу какой-то рѣки для ночлега. Прежде чѣмъ ложиться спать, они закинули сѣть и поймали три рыбки. Развели огонь, рыбу положили въ котелъ и начали ихъ варить. Рыба сварилась и котелъ сняли съ огня. Тогда Соломонъ сказалъ:

— „Меня всѣ называютъ мудрымъ, но я недоумѣваю, когда вспомню сонъ, который я видѣлъ прошлую ночь. Снилось мнѣ, что на моемъ ложѣ спитъ неизвѣстный человѣкъ; въ головахъ его росла яблоня съ плодами, въ ногахъ тоже яблоня, но съ такимъ количествомъ яблокъ, что дерево гнулось подъ ихъ тяжестью. Если это правда, то пусть оживетъ одна изъ пойманныхъ нами рыбъ, въ подтвержденіе моего видѣнья“.

Вода въ котлѣ зашумѣла, выскочила одна рыба и исчезла въ рѣкѣ.

Служитель сталъ затѣмъ разсказывать Соломону, что какой-то вѣщій голосъ твердилъ ему объ убійствѣ Соломона.

— „Если мое предчувствіе справедливо“, сказалъ служитель, стоя на колѣнахъ предъ своимъ повелителемъ: „то одна изъ двухъ сваренныхъ рыбъ пусть возвратится къ жизни и послѣдуетъ за своей подругой, ожившей по слову твоему!“

Рыба ожила и погрузилась въ свою стихію; въ котлѣ

*) Сравни Истор. войны и влад. рус. на Кавк., т. I, стр. 158.

осталась только одна рыба. Царица сдѣлалось душно; она упала въ обморокъ, около нея васуетились, начали тереть ей грудь розовою водою. Очнувшись, царица призналась Соломону, что она замышляла убить его.

— „Двѣнадцать лѣтъ“, говорила она: „какъ я люблю Кундзулеи^{*)}“, царя острововъ; справедливость этого подтвердить даже рыба безгласная“.

Последняя рыба выпрыгнула вонъ и котель опустѣлъ. Соломонъ потребовалъ къ себѣ Кундзулеи, царя острововъ и правителя бѣсовъ. Онъ явился.

— „У меня есть мѣдный кувшинъ“, сказалъ Соломонъ: „если возьмешься наполнить его своими подданными, то выиграешь царицу“.

Кундзулеи принялъ предложеніе. Три дня и три ночи пелъ въ кувшинъ потокъ подвластныхъ ему демоновъ, но онъ все-таки не могъ наполниться до горлышка.

— „Полѣзай уже и ты“ сказалъ Соломонъ Кундзулеи: „а за тобою встаетъ послѣдуетъ и выигранная тобою царица—твоя любовница“.

Онъ влѣвъ, крышку захлопнули, и Соломонъ приложилъ къ ней свою печать. Оковавъ крестообразно кувшинъ, онъ велѣлъ его бросить въ самую глубь моря. Съ тѣхъ поръ не стало нечистой силы. Прошло послѣ того 15 вѣковъ, о злыхъ дѣлахъ и помину не было. Грузины жили спокойно. Но однажды рыболовы вытащили этотъ кувшинъ и, думая найти кладъ, разбили его. Темной тучей разсыпались демоны изъ кувшина. Тѣ, которые попали въ воду, сдѣлались обладателями этой стихіи; инымъ удалось достигнуть лѣса и водвориться въ немъ; другіе устремились въ ущелья, въ горы, пещеры, пропасти и пр.

Такъ, злые духи завладѣли всею землею. Съ ними вошли

*) კუნძული—островъ, კუნძულელი—островитянинъ.

Авт.

въ сношеніе люди и преимущественно старухи, почему онѣ и называются კუდიანები—колдуньями, вѣдьями.

Одинъ разъ въ годъ, въ Страстной четвергъ, всѣ вѣдмы собираются отовсюду на гору ალბუზი (Эльбрусъ) на шабашъ. Тамъ обитаетъ сатана (ტარტაროზი), имѣющій большіе глаза и страшные клыки. Изъ рта его исходитъ дымъ чадающій; глаза его огненные. Каждая вѣдма, представляясь „тартарозу“, бросаетъ ему въ ротъ камешки, выражающіе жертву и, чѣмъ больше камешковъ, чѣмъ жертва важнѣе. Самою цѣнною жертвою считается человѣкъ, и тогда сатана, проглотивъ его и оставшись очень доволенъ столь лакомымъ приношеніемъ, даетъ еще большій даръ чудесничества.

Путешествіе свое на гору Эльбрусъ вѣдмы совершаютъ при помощи зелья—კეიტლია. Ночью, когда всѣ спятъ, вѣдмы встаютъ, намазываютъ этимъ зельемъ первый попавшійся имъ подъ руку предметъ: будетъ ли то метла, кувшинъ, камень или животное—все равно; сѣвъ на него верхомъ и вылѣтѣвъ въ трубу, онѣ въ одно мгновеніе достигаютъ Эльбруса. Больше же всего онѣ любятъ путешествовать на кошвахъ.

Чтобы предостеречь себя отъ посященій вѣдмъ, въ Страстной четвергъ зажигаютъ на дворѣ каждого дома костры изъ соломы (ჭა-კოკონა) и потомъ начинаютъ перепрыгивать черезъ костеръ раза три и при этомъ заклинаютъ злыхъ духовъ словами:

არა	ურელი,	ურელი,	ურელი,	კუდიანები!
Есть	черти,	черти,	черти	хвостастые!

Во многихъ мѣстахъ, вмѣсто этого, заслоняютъ крестообразными вѣтвями шиповника окна, двери и отверстія трубы въ домѣ.

Учитель грузинскаго языка въ Тифлисскомъ
реальномъ училищѣ М. Джанашивили.

ИЗЪ ПОВѢРІЙ, ПРЕДРАЗСУДКОВЪ И НАРОДНЫХЪ ПРИМѢТЪ АРМЯНЪ ЭЧМІАДЗИНСКАГО УѢЗДА.

I.

Сверхъестественныя существа: пери, человѣкъ-волкъ, шводъ и вообще нечистая сила.

1. Въ оврагахъ, развалинахъ, пещерахъ и лѣсныхъ дѣбряхъ живутъ женщины-пери; онѣ часто влюбляются въ людей. Мужчина, въ котораго влюбилась „пери“, научается ея языку; она его увлекаетъ своей красотой и входитъ съ нимъ въ связь. Любовникъ „пери“ съ этого времени характеромъ сильно измѣняется: если онѣ неженатъ, то отказывается вступить въ бракъ, а если женатъ, то бьетъ, колотитъ жену и дѣтей; очень часто онѣ отлучается изъ дому и страшно худѣетъ; домо чадцы его просто не узнаютъ. Замѣчая въ немъ такую перемѣну, родители обращаются къ муллѣ; мулла узнаетъ, въ чемъ дѣло, и колдовствомъ заставляетъ любовника произнести имя той „пери“, которая увлекла его. Въ это время нѣсколько пери невидимо стоятъ около него и, то угрозами, то мольбою, просятъ не выдать имени любовницы.

Но мулла добивается своего и узнаетъ имя красавицы. Армянскіе священники тоже занимаются этимъ дѣломъ, но очень рѣдко. Лицо пери чернѣетъ отъ стыда, что люди узнали ея продѣлки, и она уходитъ, съ намѣреніемъ отомстить когда-нибудь измѣннику. Она со своими подругами отыскиваетъ бывшаго любовника и когда находитъ, то душитъ его, а трупъ бросаютъ на поле. Отъ сожительства съ человѣкомъ у пери раждаются дѣти, которыя тоже бываютъ невидимыми духа-

ми, какъ и ихъ мать. Часто случается и такъ, что муллѣ не удастся узнать имени пери и прогнать ее. Увлеченный любовью мужчина, отъ долгаго сожителства съ нею, начинаетъ хирѣть и перестаетъ нравиться ей; тогда она заводитъ его на ближайшую гору и бросаетъ съ высоты; такимъ образомъ, тайна остается не раскрытой. Мнѣ рассказывали, какъ одна пери влюбилась въ агзумскаго юношу, родители котораго чрезъ муллу пристыдили ее; но чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ трупъ сына нашли на полѣ.

2. У армянъ есть повѣрье, что Богъ, за тяжкіе грѣхи, женщинъ превращаетъ въ волчицъ (мардагелъ); это случается въ темную ночь, при слѣдующихъ обстоятельствахъ: когда женщина, уложивши своего ребенка спать, выходитъ на дворъ, то въ это время на нее падаетъ съ неба волчья шкура; тогда женщина, превратившись въ волчицу, возвращается домой, сначала поѣдаетъ своихъ дѣтей, отъ мала до велика, а потомъ забирается къ родственникамъ, сосѣдямъ и, наконецъ, безъ всякаго разбора—куда попало. Вскорѣ въ окрестностяхъ учащаются потери дѣтей изъ самихъ люлекъ. Говорятъ, предъ „мардагеломъ“ отворяются запертыя двери; она ловко перескакиваетъ чрезъ самыя высокіе заборы, незамѣтно подкрадывается къ ребенку и, какъ бывшая мать, замѣчательно ловко распеленываетъ ребенка и уноситъ. Никакое оружіе не можетъ причинить „мардагелу“ смерти или оставить слѣдъ на ея тѣлѣ. Женщина бываетъ обречена быть „мардегеломъ“ въ теченіе только семи лѣтъ, по истеченіи которыхъ волчья шкура улетучивается и она дѣлается прежней женщиной. „Мардагелъ“ въ волчьей шкурѣ только ночью, а днемъ она прячетъ свою шкуру и является въ образѣ обыкновенной женщины. Если найти эту шкуру и сжечь, хоть на слѣдующій день послѣ ея паденія съ неба, то женщина освобождается отъ такого страшнаго наказанія; но дѣло въ томъ, что онѣ этого не хотятъ и, обыкновенно, шкуру на день прячутъ далеко отъ людскаго взора.

3. По представленію армянъ, есть нечистые духи, которые дѣйствуютъ только въ началѣ марта и называются шводъ (շվոճ). Они, какъ и остальные духи, могутъ принимать всевозможные виды. Шводъ, чтобы забраться въ жилища помѣщенія, принимаетъ видъ кошки, беспрепятственно заходить въ дома и вносить съ собой морозъ. Особенно любимый день для швода первое марта; поэтому крестьяне въ этотъ день съ утра растворяютъ настежь двери, бьютъ бараньими шкурками и вѣниками по всѣмъ угламъ и стѣнамъ дома, приговаривая: шводъ вонъ, человекъ зайди (շվոճ գաիրս, յարդ, Նիրս). Послѣ этого по угламъ и кругомъ столбовъ проводятъ линіи, а у дверей кладутъ пластинку желѣза, чтобы шводъ не могъ зайти въ комнату. Такимъ образомъ шводъ, не допускаемый въ жилища, бродитъ по полямъ. Обыкновенно, шводу бываетъ извѣстно, въ какомъ домѣ и кто изъ членовъ семьи отсутствуетъ; ночью онъ принимаетъ образъ отсутствующаго члена семьи и его голосомъ жалобно проситъ отворить двери; того, кто отворитъ ему двери, онъ обманомъ заставляетъ безъ цѣли бродить съ собой по полямъ до самаго разсвѣта. Поэтому 1-го марта всѣ члены семьи должны во-время собраться домой, чтобы шводъ никого не могъ обмануть.—Армяне морозъ и февраль мѣсяць также называютъ шводомъ.

4. Развалины домовъ и мельницъ служатъ жилищемъ чертей, которые въ нихъ справляютъ свою свадьбу. Одинъ крестьянинъ рассказывалъ, что онъ, когда проходилъ мимо старой мельницы, былъ приглашенъ какими-то карликами на свадьбу.

Черти ночью похищаютъ изъ сундуковъ женщинъ ихъ дорогія украшенія и въ нихъ справляютъ свои свадьбы, а на разсвѣтѣ кладутъ опять на мѣсто. Въ этомъ убѣдились слѣдующимъ образомъ: ночью какіе-то прохожіе были приглашены чертями на свадьбу въ старую мельницу. Они замѣтили

поразительное сходство между платьями своихъ женъ съ вѣнчальнымъ платьемъ чертей; чтобы удостовѣриться въ этомъ, каждый изъ нихъ тихонько отрѣзалъ часть помы отъ платья, похожаго на жениное. Къ своему удивленію, они потомъ замѣтили, что на платьяхъ ихъ женъ отрѣзаны тѣ же части.

Слѣдуетъ всегда при себѣ имѣть стальную иголку или булавку, чтобы, при встрѣчѣ съ чортомъ, вонзить въ его тѣло. Послѣ этого чортъ не въ состояніи вредить человѣку: онъ прикидывается несчастнымъ и начинаетъ умолять, чтобы вынули изъ него сталь; но нельзя этого сдѣлать, пока не будетъ взято съ него обѣщаніе, что нечистая сила не станетъ трогать семью человѣка, поймавшаго чорта, до седьмого поколѣнія. Коль скоро чортъ попался въ руки, то его можно заставить служить себѣ сколько угодно времени.

Въ домъ, въ которомъ есть черная собака, чортъ никогда не заходитъ.

Ночью въ зеркало не слѣдуетъ смотрѣть: черти могутъ испугать.

Дьяволы особенно любятъ жить подъ орѣховыми деревьями, а потому опасно спать подъ ними, въ особенности въ вѣтреную погоду.

На лѣвомъ плечѣ человѣка сидитъ ангелъ и его охраняетъ, а на правомъ—дьяволъ; поэтому слѣдуетъ всегда спать на правомъ боку, въ противномъ случаѣ съ человекомъ можетъ случиться кошмаръ.

Когда долго лежитъ платье въ сундукѣ, то оно желтѣетъ; это отъ того, что черти по ночамъ его воруютъ и подкладываютъ подъ своихъ дѣтей.

II.

Вызываніе дождя. Явленія природы.

1. Во время засухи, чтобы вызвать дождь, маленькія дѣвочки берутъ вѣвниъ, одѣваютъ его, какъ куклу, а лицо

поврываютъ миткалю. Эту куклу носятъ двѣ дѣвочки, а третья идетъ сзади съ какой-нибудь посудой въ рукахъ; онѣ толпой обходятъ дома и поютъ слѣдующую пѣсню:

Нуринь, нуринь пришель,
 миткалевую рубашку надѣль,
 красный поясъ надѣль,
 сверху росы просить,
 изъ земли плодовъ просить.

Дѣвочкамъ непремѣнно слѣдуетъ дать чего-нибудь: рису, муки, масла, яицъ, кусочекъ желѣза или даже камешекъ, — словомъ, лишь бы не отпустить ихъ съ пустыми руками, а то Богъ прогнѣвается, и дождя совсѣмъ не будетъ. Дѣвочки изъ собранныхъ съѣстныхъ припасовъ готовятъ кушанья и устраиваютъ общій пикникъ гдѣ-нибудь на полѣ.

Для вызыванія дождя существуетъ еще и другой обычай. Женщины надѣваютъ себѣ на голову мужскія папахи, впрягаются въ соху сами вмѣсто быковъ, при чемъ жена священника погоняетъ ихъ, и, направившись къ рѣкѣ, пахутъ рѣчное дно. Дѣти же въ это время должны тайкомъ украсть у жены священника ея „рафату“ (чѣмъ пекутъ лаваша) и бросить въ воду; послѣ этого будетъ дождь. Въ Баяндурахъ два раза прибѣгали къ описанному средству, но дождя все же не было; причину неудачи объясняли тѣмъ, что жена священника не принимала участія въ обрядности: въ то время она была въ ссорѣ со всѣми женщинами села.

Во время засухи, если четыре женщины вмѣстѣ пойдутъ на татарское кладбище, оттуда достанутъ черепъ и, привязавши его къ сѣну, поташутъ въ рѣку, то немедленно пойдетъ дождь.

2. Земля стоитъ на рогахъ быка (нѣкоторые говорятъ на рогахъ барана); когда этотъ быкъ трясеть головой, происходитъ землетрясеніе.

Затменіе солнца и луны происходитъ отъ того, что чертъ садится на нихъ.

По убѣжденію армянъ, существуютъ двухъ родовъ кометы: однѣ съ бороною, другія съ хвостомъ; комета съ бороною предвѣщаетъ эпидемическую болѣзнь, а съ хвостомъ— войну.

Во время грозы, съ неба падаетъ сталь и глубоко врывается въ землю; поэтому предъ молніей нужно семь войлочныхъ ковровъ промочить водою и постлать гдѣ-нибудь. Если молнія ударитъ прямо въ ковры, то выпавшая сталь пробьетъ ковры, потеряетъ свою силу и останется на поверхности земли. Изъ этой стали можно сдѣлать кинжалы и пашки, раны отъ которыхъ никогда не заживутъ.

При первомъ весеннемъ громѣ спиною трутся объ стѣну, а по зубамъ бьютъ камень, чтобы онѣ окрѣпли и не болѣли.

Чтобы прекратить градъ, первенецъ отца долженъ нѣсколько штукъ изъ градинъ нарѣзать крестообразно, или же что-нибудь долженъ поперечное желѣзо (*hahqhrwrh*) канфорки выбросить на дворъ.

Цагикъ-каръ (оспенный камень) падаетъ съ неба вмѣстѣ съ градомъ; это круглый камешекъ, величиною съ голубиное яйцо; оспеннымъ его называютъ по его чудодѣйственной силѣ: если во время появленія оспы на овцахъ, его повѣсить на шею одному изъ барановъ, то оспа оставляетъ стадо.

Предъ разсвѣтомъ вдругъ сильно темнѣетъ на нѣсколько минутъ, а потомъ уже начинается свѣтать; это время называется адамовой темнотою (*amwaw; dn(2)*), потому что именно въ это время Адамъ былъ соблазненъ Евою.

Въ ночь Вознесенія и Новаго года, въ продолженіе одной секунды, во всѣхъ рѣкахъ вода останавливается; кто успѣетъ въ это время зачерпнуть воды, то эта вода въ его кувшинѣ превратится въ золото. Одинъ суевѣрный баяндурецъ въ ночь на Новый годъ отправится на Арпачай съ этой цѣлью, но съ нимъ случилось что-то необыкновенное: черти его завели далеко за село; черезъ нѣсколько дней послѣ случившагося онъ умеръ.

III.

Чума. Болѣзни. Забота о здоровьѣ.

1. Арияне, ударовъ грома, такъ и вообще на эпидемическія болѣзни смотрятъ, какъ на Божию кару за людскіе грѣхи. Чума, по ихъ убѣжденіямъ, имѣетъ образъ женщины, которую сопровождаютъ двое мужчинъ—одинъ въ красной одеждѣ, съ красною плетью въ рукѣ, другой въ черной одеждѣ, съ черною плетью. Если кого-нибудь коснется своей плетью человѣкъ въ красной одеждѣ, онъ не умретъ, а если человѣкъ въ черной одеждѣ, то ему не избѣжать смерти. Эта женщина, сопровождаемая двумя мужчинами, бродитъ по полямъ и вокругъ сель, но безъ помощи людей не можетъ войти въ село; приблизившись къ селенію, она ждетъ какого-нибудь прохожаго. Лишь только она его замѣтитъ, то заставляетъ его вести себя въ домъ, на который укажетъ. Такимъ образомъ она забирается въ села и убиваетъ людей. Между крестьянами рассказываютъ, что чума, однажды, встрѣтила крестьянина и потребовала, чтобы онъ повелъ ее въ домъ своего ближайшаго родственника. Крестьянинъ принужденъ былъ исполнить ея требованіе. Со своими невидимыми для другихъ спутниками, онъ, грустный, зашелъ къ своему сосѣду и, не сдѣлавъ обычныхъ привѣтствій, сталъ въ уголъ. Домохозяева обрадовались гостю, постлали скатерть и подали кушанья, къ которымъ никто еще не успѣлъ прикоснуться, какъ невидимые гости

уже исчезли. Оказалось, что они воспользовались гостеприимством домохозяевъ и, довольные этимъ, ушли изъ того села, никому не причинивъ вреда.

По убѣжденію крестьянъ, при появленіи эпидемическихъ болѣзней, слѣдуетъ ходить съ зурною по селу, на всѣхъ улицахъ останавливаться, бараньей шкурой бить по землѣ, приговаривая: уходи, уходи, довольно гостила у насъ! Отъ этого, будто бы, болѣзнь уничтожается. Повѣрье это такъ сильно вкоренилось между крестьянами, что во время послѣдней холеры жители Большого Шурагела хотѣли этимъ средствомъ удалить незванную гостью; но какого было ихъ удивленіе, когда зурначи, который обходилъ улицы, на другое утро умеръ, а болѣзнь усилилась.

Армяне Карсской области представляютъ себѣ чуму и холеру въ образѣ старухи съ двумя палками въ рукахъ—синею и черною; если старуха прикоснется къ человѣку синею палкой, то онъ спасется, а если черною, то умретъ.

2. Для того, чтобы вылѣчить ячмень на глазу, нужно сдѣлать куклу и бросить въ огонь.

Если ребенокъ малокровенъ, то его берутъ на кладбище и купаютъ на могилѣ, которая, по ихъ убѣжденіямъ, отличается чудодѣйственной силой. Потомъ три раза обносятъ ребенка вокругъ кладбища; въ это время другая женщина несетъ за ребенкомъ въ поломанной посудѣ ладанъ на зажженныхъ угольяхъ. По окончаніи троекратнаго обхожденія вокругъ кладбища, разбиваютъ эту посуду на одной изъ могилъ и возвращаются домой, въ полной увѣренности, что ребенокъ поправится.

Черезъ человѣка, который лежитъ, нельзя переступить, не то онъ умретъ.

Кошмаръ, по представленію армянъ, происходитъ отъ того, что чортъ, пользуясь грѣховностью человѣка, ночью са-

дится къ нему на животъ и душитъ его. Чтобы не случилось кошмара, прежде всего слѣдуетъ обратиться къ знахарю, чтобы онъ написалъ бумагу и запретилъ чорту подходить близко къ людямъ, а по вечерамъ три раза читать „Святый Боже“, осѣнить себя крестнымъ знаменіемъ, и предъ тѣмъ, какъ заснуть, прочесть молитву Господню.

Падучая болѣзнь происходитъ отъ того, что чертъ забирается въ тѣло человѣка и мучаетъ его. Въ это время человѣкъ впадаетъ въ безчувственное состояніе, ротъ покрывается пѣной и онъ бьется въ нервномъ припадкѣ. Вокругъ больного слѣдуетъ втыкать въ землю кинжалы, чтобы чертъ боялся стали и оставилъ больного въ покоѣ.

Если въ домѣ лежитъ больной, то тамъ нельзя бѣлье мыломъ стирать, потому что больной умретъ или же болѣзнь его надолго затянется.

IV.

Даръ пророчества. Счастье, удача, угрожай. Загадываніе будущаго.
Предстоящая судьба.

1. Дѣти, которыя родятся наканунѣ Воскресенія Христова, обладаютъ даромъ пророчества. Чтобы современемъ воспользоваться этими дарами, слѣдуетъ съ тѣла животнаго, приносимаго на Пасху въ жертву, взять лопатку и впоследствии отдать ребенку, когда онъ вырастетъ. Ребенокъ, смотря на эту кость, можетъ предсказывать будущее и видѣть то, чего не видятъ другіе. Если же кость почему-либо не могли сохранить, то родившійся въ ночь на Воскресеніе Христово можетъ то же самое знать, глядя на ноготь своего большого пальца. Обладающій даромъ пророчества долженъ въ теченіе всей своей жизни ѣсть мясо только тѣхъ животныхъ, которыхъ приносятъ въ жертву, а то онъ не будетъ въ состояніи предсказывать будущаго и узнавать о происшествіи, котораго не видѣлъ. По всей вѣроятности, пользуясь этимъ повѣрьемъ

армянъ, татарскіе цыганы и цыганки ходятъ съ бараньими лопатками въ рукахъ и гадаютъ.

2. Счастье человѣка, по представленію армянъ, наматывается, подобно ниткамъ, на клубокъ, а при несчастіи разматывается, а потому, если съ кѣмъ-нибудь случается подъ рядъ нѣсколько несчастій, то говорятъ, что у него клубокъ счастья разматывается.

Послѣ захода солнца никому и ничего нельзя давать, а то все счастье домашнихъ уйдетъ; поэтому и ночью сора не выбрасываютъ, чтобы счастье домохозяевъ вмѣстѣ съ соромъ не выбросить.

Въ первый день, при видѣ молодой луны, слѣдуетъ показать ей деньги, чтобы въ продолженіе мѣсяца не нуждаться въ деньгахъ.

Собака своимъ воемъ жалуется за что-нибудь Богу на своего хозяина и проситъ, чтобы на него обрушились несчастья. Вой собаки предвѣщаетъ также смерть близкаго родственника хозяина, а потому не слѣдуетъ позволять собакамъ выть.

Карканье вороны предвѣщаетъ несчастье; поэтому если кто-нибудь въ дорогѣ встрѣтитъ каркающую ворону, долженъ вернуться домой. Кто несчастье пророчитъ, того называютъ вороной.

Если вечеромъ въ курятникѣ начнетъ кудахтать курица или запоетъ пѣтухъ, въ домѣ будетъ несчастье; а если ихъ тутъ же зарѣзать, то этого не будетъ.

Въ день Срѣтенія Господня (*Srēb' mhu* т. е. Господа узри!) на крышахъ зажигаютъ сѣно; въ какую сторону дымъ занесется, на той сторонѣ и будетъ хорошій урожай; а если новобрачные три раза обойдутъ вокругъ огня и перепрыгнутъ черезъ него, то ихъ жизнь будетъ счастлива до гробовой доски.

Если аистъ въ первый разъ прилетитъ съ колосьями пшеницы въ клювѣ, то въ томъ году будетъ хорошій урожай,

а если съ кускомъ войлова—голодь, если же съ кускомъ холста—эпидемическая болѣзнь.

При поѣздѣ куда-нибудь, если встрѣтишь водоноса съ пустыми кувшинами, значить—будеть неудача, а если съ полными—благополучіе и удача.

3. Если дѣвушка не съѣстъ поданной ей порціи, женихъ ея некрасивый будетъ.

Ногтей въ чужомъ домѣ нельзя обрѣзывать—нехорошо. Отрѣзанныя ногти нужно собрать и спрятать, потому что на томъ свѣтѣ за ногти строго взыскиваютъ.

Когда на ногтяхъ появляются бѣлыя пятна, значить—будеть обновка или подарокъ.

Если ноги чешутся, значить—плакать придется.

Если подбородокъ чешется, мужчина въ гости придетъ.

Если брови чешутся, кланяться придется.

Если правая часть головы „играетъ“ *) (подергивается), ненавидящій тебя полюбитъ, если же лѣвая, отъ несчастья избавишься.

Если лобъ подергивается, получишь повышение и достигнешь большихъ почестей.

Если правый високъ подергивается, надѣнешь трауръ по родственникѣ, а если лѣвый—или большое счастье будетъ или подерешься съ кѣмъ-нибудь.

Если правая бровь чешется, потерянное найдешь, а если лѣвая—заболѣешь.

Если правый глазъ подергивается, несчастье случится, а если лѣвый—радость и повышение.

*) Подъ словомъ „играетъ“ нужно понимать слѣдующее: иногда подъ вліяніемъ раздраженія нервовъ, усталости или холода, та или другая часть тѣла, главнымъ образомъ, кожа какъ бы трясется, дрожить, подергивается; этому явленію армяне придаютъ различное значеніе; подергиваніе не то же самое, что чесаніе известной части тѣла.

Если носъ подергивается, то большую прибыль получишь.

Если правая часть лица подергивается, деньги найдешь, а если лѣвая, несчастье будетъ и опечалишься.

Если правое ухо подергивается, значить—услышишь вѣсть отъ дальнихъ родственниковъ и обрадуешься, а если лѣвое, дальніе родственники прїѣдутъ.

Если нижняя мякоть праваго уха подергивается, значить—тебя осуждаютъ люди, а если лѣвая—хвалятъ.

Если языкъ подергивается, очень плохой признакъ: сильно поругаешься и подерешься, и много несчастья будетъ.

Если правая щека подвергается, нужно готовиться противъ врага, а если лѣвая—обрадуешься.

Если правая часть груди подергивается—это признакъ здоровья, а если лѣвая—обрадуешься.

Если шея подергивается, большое несчастье случится или убьютъ тебя.

Если правая часть спины подергивается, несчастье будетъ, а если лѣвая—незаслуженно будешь награжденъ.

Если правый локоть подергивается, влюбишься, а если лѣвый, будешь раненъ.

Если правая ладонь подергивается, подерешься и неприятности будутъ, а если лѣвая—деньги получишь.

Если правое плечо чешется, новую одежду надѣнешь, а если лѣвое—возвысишься.

Если грудь чешется, милаго обнимешь.

Если правый или лѣвый бокъ подергивается, то въ обоихъ случаяхъ счастье будетъ.

Если правая нога чешется, удалишься отъ родныхъ и въ горѣ умрешь, а если лѣвая—удалишься отъ родныхъ, но счастливо вернешься.

Если дѣвица или паренъ хотять видѣть своихъ суженыхъ, то должны въ пятницу, во время поста св. Саркиса,

спечь себѣ очень соленый калачь, безъ закваски, вечеромъ съѣсть его и не пить воды: въ ту ночь суженый или суженая во снѣ дастъ жаждущему воды.

Если мышь заберется въ чью-нибудь постель, то это означаетъ, что жена ему измѣнитъ.

4. При печеніи хлѣба, говорить, нельзя звонить, ибо это предвѣщаетъ голодъ или смерть; женщина, услышавшая звонъ, должна сообща съ другими молиться, говоря: „Добро пусть будетъ, Божье добро! дороговизна смерти, дешевизна хлѣба“ (μωρη πλεηρ, μωρη, ὤσσησασθ, ἰσοζήν [πρωτογενεθῆν, ζωογῆν ἕσση-ἕσσηθῆν).

Если разбить на порогѣ дверей чашку или кувшинъ, то человекъ, вышедшій передъ этимъ, болѣе не вернется въ тотъ домъ и въ скорости умретъ.

Хозяину нельзя сажать орѣховаго дерева, а то онъ, не дождавшись плодовъ, умретъ; поэтому обыкновенно приглашаютъ посторонняго человека, который не думаетъ о плодахъ сажаемаго имъ дерева.

Въ день Воскресенія Христова кладутъ на крышу ломоть хлѣба съ какимъ-нибудь кушаньемъ; если птица понесетъ хлѣбъ на кладбище, то положившій его умретъ до слѣдующей Пасхи, а если понесетъ въ другое мѣсто, то онъ въ томъ году не умретъ.

Молодой человекъ въ день Пасхи кладетъ на крышу кусокъ хлѣба; если птица понесетъ хлѣбъ на крышу его возлюбленной, значитъ — онъ женится на ней, если на кладбище, умретъ, не дождавшись свадьбы, а если въ другое мѣсто, то онъ останется живъ, но свадьба не состоится.

Если на чьей-нибудь крышѣ или въ саду поселится сова, то это значитъ, что хозяйева того дома умрутъ, а ихъ домъ превратится въ развалину; чтобы этого не случилось, нужно убить сову.

V.

О кладахъ и змѣяхъ, стерегущихъ ихъ. Змѣя приноситъ домашнее счастье или удачу. Отношеніе къ животнымъ вообще.

1. У армянъ есть повѣрье, что деньги и вообще другія цѣнныя вещи, зарытыя въ землю, по смерти ихъ хозяевъ дѣлаются достояніемъ чорта, если онъ ихъ замѣтитъ, если же ихъ найдетъ змѣя, то кладъ становится собственностью змѣи. Кладомъ, принадлежащимъ чорту, человекъ никогда не можетъ завладѣть: онъ выкопаетъ отверстіе, но когда протянетъ руку, чтобы достать, то кладъ съ шумомъ проваливается. Кладомъ же, найденнымъ змѣей, очень легко завладѣть. Змѣя обвивается вокругъ найденнаго клада и стережетъ его; если умилостивить ее жертвоприношеніемъ или колдовствомъ, то змѣя позволить взять кладъ; иначе она всѣхъ подходящихъ къ кладу ужалитъ. Не всякій умѣетъ заколдовать змѣю, но жертвоприношеніемъ умилостивить ее легко; для этого нужно предъ ней зарѣзать молодого быка или хорошаго коня; тогда змѣя отойдетъ отъ клада и человекъ можетъ завладѣть имъ. Мнѣ рассказывалъ одинъ баяндурецъ, что онъ нашель кладъ, который принадлежалъ дьяволу, но достать его не могъ.

2. Въ Эчмиадзинскомъ уѣздѣ есть повѣрье, будто въ каждомъ домѣ живетъ змѣя, которая сторожитъ счастье дома; если змѣю убить или она сама оставитъ домъ, то съ ней исчезаетъ и счастье семейства; съ этого времени такой домъ постигаютъ несчастья за несчастьями; поэтому домохозяева должны узнать свою змѣю (*տանտեր օձ*) и ласковымъ обращеніемъ умилостивить ее, чтобы она не оставила ихъ.

Если у какой-нибудь женщины умираютъ дѣти, значить—она заколдована, а бумага (*Թղթոճ*), въ которой записаны молитвы, заколдовавшія ее, или превращена въ рыбу и содержится во рту лягушки, или превращена въ лягушку и содержится во рту змѣи. Если удастся поймать лягушку или змѣю

и изъ ея рта достать эту бумагу, высушить и пришить къ одеждѣ женщины, то ея дѣти перестанутъ умирать.

На свѣтѣ есть рогатыя змѣи; если человѣкъ, встрѣтившійся съ такой змѣей, разорветъ свою рубашку спереди и сзади и бросить ее на рогатую змѣю, то она превратится въ золото.

Въ то время, когда змѣя собирается проглотить лягушку, если удастся кому-нибудь освободить лягушку и пройти между нею и змѣей, то онъ получитъ чудодѣйственную силу и всѣ его желанія исполнятся.

Змѣи, какъ и люди, раздѣляются на партіи, воюють между собою и имѣютъ своего царя, который на головѣ носитъ вѣнецъ изъ драгоценныхъ камней. Змѣиный царь не самъ ползетъ, а его несутъ на себѣ четыре другія змѣи. При встрѣчѣ съ человѣкомъ змѣиный царь не вредитъ ему, а на нѣсколько минутъ останавливается неподвижно. Если въ это время человѣкъ сниметъ съ себя шаровары и броситъ въ змѣинаго царя, то тотъ оставитъ ему свою корону.

3. Весною, при первомъ выгонѣ скота на подножный кормъ, на полѣ является дикій быкъ и въ теченіе часа стоитъ, какъ вкопанный; на головѣ у него надѣта шапка, которую всякій безъ опасенія можетъ снять. Если снявшій шапку успѣетъ добѣжать съ ней до дому, то онъ, надѣвая ее, становится невидимкой, а если быву удастся отнять у него шапку, то у такого человѣка, въ какую бы одежду онъ ни одѣвался, она изорвется и спадетъ съ него.

Аистъ своимъ прилетомъ предвѣщаетъ хорошій урожай и здоровье; поэтому для аиста крестьяне строятъ гнѣзда и стараются не беспокоить его. Если въ какое-нибудь селеніе не прилетитъ аистъ, то тамошніе крестьяне считаютъ себя несчастными.

Если кому-нибудь перебѣжитъ дорогу черная кошка, то онъ поссорится съ кѣмъ-нибудь.

VI.

Религиозныя взгляды. Отношеніе къ людямъ.

1. Если въ первый день Великаго поста кого-нибудь не будетъ въ церкви, то того ангелы не запишутъ въ число благочестивыхъ христіанъ.

2. Если кто-нибудь весной отрубить хвостъ первому попавшему ему пресмыкающемуся, высушить, а потомъ зажжетъ его въ какомъ-нибудь общественномъ мѣстѣ, то присутствующіе въ немъ представятъ его глазамъ совершенно голыми.

Если на пути своемъ армянинъ встрѣтитъ священника, то дѣло, за которымъ онъ идетъ, не выгоритъ. Особенно непріятно встрѣчаться со священникомъ утромъ; чтобы отвратить несчастье, нужно булавку сломать. Такое же значеніе имѣетъ встрѣча и съ покойникомъ; въ этомъ случаѣ обыкновенно отеладываютъ дѣло, за которымъ шли, до другого дня.

Есть люди съ легкой рукой и тяжелой рукой. Если въ понелѣльникъ утромъ у кого-нибудь совершить покупку человѣкъ съ легкой рукой, то продавецъ въ продолженіе недѣли будетъ торговать хорошо, а если купить человѣкъ съ тяжелой рукой, то у продавца въ продолженіе недѣли будетъ плохая торговля.

Если спотынешься, гость будетъ.

Если лѣвое ухо горитъ, значитъ хвалить тебя, а если правое—хулять.

Когда въ ухахъ звенить, вспоминаютъ о тебѣ; звонъ этотъ прекратится, если угадаешь человѣка, который вспоминаетъ о тебѣ.

Если локтемъ ударишься о что-нибудь, навѣрное вспоминаютъ о тебѣ.

Если лицо горитъ или тебя беспокоитъ икота, то значитъ—хулять и ругаютъ тебя.

Если гость, уходя, что-нибудь оставить, значитъ—опять гости придутъ.

VII.

Беременная. Роженица. Новорожденный. Воспитаніе. Бракъ.

1. Беременная женщина не должна переходить рѣку въ бродъ, потому что, если во время ея переправы проплыветъ между ея ногами рыба или какое-нибудь другое водное животное, она родитъ рыбу или какую-нибудь другую тварь.

2. Есть женщины, которыя называется „тыбзы“ (*Тыбзы*); если онѣ будутъ присутствовать во время родовъ, то новорожденный умретъ. Поэтому ихъ въ такое время не пускаютъ въ дома.

Если подъ голову роженицы не положить евангелія или какой-нибудь другой св. книги, то злые духи разорветъ ея сердце и она умретъ.

Пока не исполнится сорока дней, роженица не должна ходить въ чужой домъ, потому что она принесетъ несчастье, и если въ томъ домѣ дѣти—они умрутъ.

Если семейный человекъ, жена котораго въ интересномъ положеніи, найдетъ булавку, то у него родится сынъ.

3. Летучая мышь по ночамъ летаетъ и ищетъ грудныхъ дѣтей; если ихъ находить, то садится имъ на горло и своими когтями душитъ. Поэтому, у кого есть грудныя дѣти, должны на ночь двери крѣпко запираеть, чтобы ночная мышь не могла забраться къ нимъ въ домъ.

4. Если ребенокъ очень плаксивый, то его шею обвязываютъ веревкой, приготовленною изъ сѣна, и три раза обводятъ кругомъ церкви; послѣ этого онъ измѣнитъ свой капризный нравъ.

5. Если въ селѣ свадьба и въ это время кто-нибудь умретъ, значитъ—вступающіе въ бракъ очень грѣшные люди.

Если въ то время, когда жениха и невѣсту ведутъ подъ вѣнецъ, будетъ дождь, то говорятъ: невѣста лизала дно вострюли („*Հարսը սղիբն ձի տակէ լիզէ*“).

VIII.

Д о м а ш н е е х о з я й с т в о .

Подъ насѣдью яйца должна власть женщина, чтобы изъ нихъ выходили куры, а если положить мужчина, то выйдутъ пѣтухи.

Лукъ, чеснокъ, перецъ, рѣпу, редиску и рѣдьку долженъ сѣять сердитый человекъ, чтобы они были горьки, а если ихъ посѣетъ добрый, то будутъ сладки.

Въ ночь на Вознесеніе старухи надѣваютъ свои одежды, начиная съ шальваръ и кончая верхнимъ платьемъ, на изнанку, тайкомъ забираются въ стадо и перепрыгиваютъ чрезъ своихъ дойныхъ коровъ, чтобы у нихъ прибавилось молока и масла было бы больше.

Во время доенія въ полѣ овецъ, не позволяютъ сосѣдямъ проходить съ пустыми кувшинами чрезъ стадо, потому что отъ этого овцы перестаютъ давать молоко, и у хозяина могутъ быть и другія неприятели.

Передъ разсвѣтомъ, въ ночь на Вознесеніе, если раньше всѣхъ пойти на выгонъ и сѣсть верхомъ на чужую корову, то у собственной коровы прибавится молока.

При печеніи хлѣба, нельзя кушать первыхъ по счету семь хлѣбовъ, а то умретъ жена: нужно подождать, покуда доставить изъ „торни“ восьмой хлѣбъ.

Когда пекутъ хлѣбъ, нельзя давать изъ „торни“ другимъ огня, а то съ домохозяиномъ будетъ несчастье.

Когда доятъ корову, нельзя посторонняго человека подпускать близко, потому что молоко у коровы истощится или въ кровь превратится.

На беременныхъ овецъ сажаютъ дѣвочекъ, чтобы овцы рожали самокъ.

IX.

П о к о й н и к и .

Если кто-нибудь испугается покойника, то его берутъ на могилу послѣдняго и тамъ моютъ ему ноги.

Жвачки *) нельзя жевать ночью: мертвые беспокоятся, и черти обратят ее во рту въ мясо близкаго тебѣ покойника.

Если надъ покойникомъ много плакать, то на томъ свѣтѣ его душа будетъ въ грязи, а если мало—въ травѣ.

Когда по покойникѣ много плачуть, то онѣ сильно беспокоится и все время ворочается въ могилѣ; вотъ почему могилы, по наблюденію нѣкоторыхъ, иногда поднимаются.

При выносѣ тѣла умершаго изъ дому, всѣ должны выйти за нимъ на дворъ, такъ какъ тѣ, которые останутся дома, подвергнутся той же участи.

Покойники послѣ вечернихъ сумерекъ встаютъ изъ своихъ могилъ и въ саванахъ, въ которыхъ ихъ похоронили, гуляютъ по кладбищу и пируютъ. Поэтому, армянинъ никогда ночью не согласится пройти мимо кладбища: онѣ увѣренъ, что покойники станутъ бросать въ него камнями, а если поймаютъ, то и задушатъ. Въ Эчмиадзинѣ одинъ человекъ держалъ пари, что ночью отправится на кладбище за оставленною тамъ днемъ вещью. Товарищи его заранѣе пошли на кладбище и при приходѣ державшаго пари стали бросать въ него камнями; тотъ сильно испугался, и утромъ нашли его въ безчувственномъ состояніи. Послѣ этого онѣ четыре года страдалъ падучею болѣзнью и потомъ умеръ.

Сообщилъ смотритель Баянуровскаго двухкласснаго
земскаго училища, священникъ Г. Бунатовъ.

*) Жвачка—кеви или савкызъ, отвердѣвшій сокъ какого-то дерева, доставляется изъ Персіи; почти всѣ туземки цѣлый день жуютъ эту жвачку.
Аст.

ИЗЪ ПОВѢРІЙ, ПРЕДРАЗСУДКОВЪ И НАРОДНЫХЪ ПРИМѢТЪ АРМЯНЪ ЗАНГЕЗУРСКАГО УѢЗДА.

I.

Нечистая сила.

Держи ружье подальше, а то черти зарядятъ.

носи талисманъ на груди, чтобъ нечистый духъ боялся тебя.

Если кто-нибудь съ открытой головой пьетъ воду, то другой въ это время долженъ положить руку на его голову, чтобы отвратить ударъ, который можетъ нанести нечистый.

Не бей другого, а то чортъ твои удары усилитъ, и тотъ умретъ.

Когда ночью выводишь ребенка на дворъ, дай ему въ руку уголь, потому что чорты боятся угля.

По средамъ ребенка не купаютъ, потому что въ этотъ день черти странствуютъ и могутъ наткнуться на ребенка.

Не мой ночью головы, чтобъ не знаться съ чортомъ.

Послѣ ужина нужно скорѣе убрать скатерть, чтобы чортъ не сѣлъ на нее.

Ночью не ходи по берегу рѣки, а то нечистый тебя увлечетъ въ нее.

II.

Земля, солнце и луна. Явленія природы.

1. Земля поддерживается на рогахъ огромнаго быка. Когда мухи его беспокоятъ, онъ трясетъ головою, и отъ этого происходитъ землетрясеніе.

Богъ имѣеть двухъ дѣтей: сына—луну и дочь—солнце. По приказанію Отца, они должны были поочереды, днемъ и ночью, караулить вселенную. Дѣти бинули жребій, кому караулить ночью. Жребій палъ на дочь; но она не согласилась, и произошелъ между ними споръ. На ихъ шумъ приобѣжалъ Отець; узнавъ въ чемъ дѣло, онъ сталъ упрекать сына и сказалъ, что ему, какъ мужчинѣ, слѣдуетъ караулить по ночамъ. Онъ приказалъ ему всю ночь стоять на ногахъ и слѣдить за движеніемъ cadaго существа; выходя на караулъ, онъ долженъ сначала показать голову, потомъ шею, грудь, животъ и наконецъ ноги; точно такимъ же образомъ онъ долженъ совершать и обратный путь. Сынъ обѣщался исполнить все въ точности. Затѣмъ Отець обратился къ дочери и сказалъ: „А ты, дочь моя, должна караулить днемъ!“ Она стала отказываться, говоря, что ей стыдно показаться на глаза людямъ. „Въ такомъ случаѣ“, сказалъ Отець: „возьми въ обѣ руки по пучку острыхъ иглъ и каждому, кто дерзнетъ посмотрѣть на тебя, коли глаза!“

Затменіе луны или солнца происходитъ отъ того, что черти окружаютъ ихъ, начинаютъ подшучивать надъ ними, бить и увѣрять ихъ, что на землѣ нѣтъ никакихъ существъ, что они властвуютъ надъ вселенной и что всѣхъ людей уже задушили; при этомъ люди, чтобы обнаружить обманъ чертей и напугать ихъ, стрѣляютъ изъ ружей, звонятъ въ колокола, поднимаютъ шумъ и гамъ.

2. Если чешется ухо у священника, выпадетъ снѣгъ.

Если женщина пройдетъ подъ радугою, сдѣлается мужчиной и наоборотъ.

Если поцѣлуешь свой локоть, изъ-подъ твоихъ ногъ пробьется родникъ.

Громъ происходитъ отъ стука колесницы пророка Іліи, или отъ скатыванія камней какою-то старухой.

Градъ—это ледяные шарики, дѣлаемые самимъ Богомъ, при чемъ въ этой работѣ принимаютъ участіе и ангелы.

Если увидишь комету, то чего ты ни попросишь, она тебѣ дастъ.

III.

З а б о т а о з д о р о в ь ѣ .

Горячаго чаю не пей, а то растопишь жиръ своего тѣла.

Чтобы не страдать куриной слѣпотой, не работай ночью по пятницамъ.

Въ воскресенье не рѣжутъ ногтей, а то выростутъ двойные ногти.

Вынутый зубъ нужно беречь: если его бросить, то заболѣть и остальные.

Если въ воскресенье мать вымоетъ руки грудному ребенку, то его тѣло всю жизнь будетъ дрожать, особенно же будутъ дрожать его руки.

IV.

Загадываніе будущаго. Предстоящая судьба. Сновидѣнія.

1. Если чешется ладонь, получишь деньги.

Если чешется носъ, пріѣдетъ гость или получится письмо.

Если зальешь огонь водою, то онъ проявитъ тебя, и ты умрешь.

Если надѣнешь нѣсколько шапокъ одну на другую, то столько же разъ придется тебѣ жениться.

Не чини одного сапога: жена умретъ.

2. Постарайся съѣсть поданное тебѣ въ тарелкѣ кушанье дочиста, чтобы будущая твоя жена была красивая.

Если отрѣжешь языкъ птицѣ, дѣти твои онѣмѣютъ.

Если охотникъ перебьетъ много дичи, то не бывать счастью въ его домѣ.

Ночью не выметають сора, чтобы не вымести изъ дому счастья; если же необходимо нужно подмести, то слѣдуетъ подержать вѣнникъ надъ свѣчкой, чтобы прогнать бѣдность, которая весьма боится огня.

3. Если ты отъ сновидѣнія проснулся и желаешь вторично видѣть тотъ же самый сонъ, то ложись такъ, чтобы тамъ, гдѣ была голова, были ноги. Если же перевернуть подушку, то тотъ, котораго ты увидѣлъ во снѣ, увидитъ и тебя во снѣ.

V.

Змѣя. Отношеніе къ животнымъ вообще.

1. Если провести рукой нѣсколько разъ по спинѣ живой змѣи, руки никогда не вспотѣютъ.

Если убить маленькую змѣю, то мать непременно будетъ мстить за убійство, потому постарайся и ее убить.

Каждый домъ имѣетъ змѣю-покровительницу; если ее убить, счастье навсегда удалится отъ этого дома.

Убитая змѣя остается живою до появленія звѣздъ.

Царь змѣй сильнѣе всѣхъ царей земныхъ.

2. Въ желудкѣ ласочки скрыто десять червонцевъ.

Кошекъ никогда не нужно убивать по слѣдующей причинѣ: однажды Иисусъ Христосъ увидѣлъ въ какой-то деревнѣ массу крысъ, которыя причиняли большой ущербъ. Жители стали просить Христа избавить ихъ отъ этой кары. Христосъ сложилъ свой платокъ въ комокъ и бросилъ его въ крысъ; тотчасъ изъ платка образовалась кошка и передушила крысъ. Слѣдовательно, кошка—платокъ Христа, а потому ее грѣшно убивать.

Прилетъ сороки предвѣщаетъ прїѣздъ гостя. Если тѣнь пролетающей птицы упадетъ на внутреннюю стѣну жилища, тоже прїѣдетъ гость.

Если каркнетъ ворона, будетъ несчастье, а если въ это время стоитъ зима, то пойдетъ снѣгъ.

Вой шакала близъ селенія предвѣщаетъ смерть; встрѣча съ лисой — благополучный путь, а съ зайцемъ — встрѣчу съ воромъ.

VI.

Религіозные взгляды. Отношеніе къ людямъ. Дурной глазъ.

1. На послѣдней недѣлѣ предъ Рождествомъ не работаютъ по ночамъ, чтобы не гнѣвить Христа.

Не ставь треножника вверхъ ногами: этимъ ты обидишь Бога.

Не перевертывай убитую лягушку или ящерицу на спину: этимъ ты дѣлаешь возраженіе Богу.

Не рѣжь хлѣба — Богу неприятно.

Не работай въ воскресенье, а то отрѣжешь себѣ пальцы.

Часто не зѣвай: этимъ ропщешь на Бога.

Кто при жизни ругается, убиваетъ людей, не помогаетъ бѣднымъ, принимаетъ ложную присягу, — однимъ словомъ, на каждомъ шагѣ творитъ грѣхъ, того на томъ свѣтѣ погружаютъ въ кипящую кровь, бьютъ дубинами, вливаютъ ему въ горло расплавленный свинецъ, дергаютъ клещами за волосы, а затѣмъ душу отправляютъ въ адъ, тѣло же бросаютъ въ ровъ, наполненный змѣями и скорпіонами; при этомъ праведные, сверху рва, смотрятъ на грѣшника и смѣются.

2. Если татаринъ коснется чего-нибудь рукою, то онъ оскверняетъ этотъ предметъ.

Если звенить въ ухахъ, то начинаютъ считать имена всѣхъ дальнихъ родственниковъ: на чемъ имени прекратится звонъ, тотъ, значить, и вспоминаетъ его въ тотъ моментъ.

Если, при снятіи сапоговъ, одинъ сапогъ упадетъ на другой и останется въ томъ положеніи, гость пріѣдетъ верхомъ.

Если кого-нибудь подозрѣваютъ въ воровствѣ, то при немъ бросаютъ въ огонь сухую волчью лапу (таковыми запя-

саются многіе): если пальцы на лапѣ стягиваются, то онъ и есть воръ, а если растягиваются, то подозрѣваемый невиненъ.

Если кто-нибудь собирается въ дорогу, и при этомъ одинъ изъ присутствующихъ чихнетъ, или же въ это время придетъ священникъ, то путникъ отъѣзжаетъ свою поѣздку до слѣдующаго дня. Послѣ его отъѣзда не подметають и не выбрасываютъ сора, не затворяють дверей, но поливають порожекъ немного водой, чтобы за ѣдущимъ образовалась глубокая рѣка, въ которой утонули бы преслѣдующіе его враги.

3. По мѣнью крестьянъ, нѣкоторые люди имѣють дурной глазъ. При встрѣчѣ съ такимъ человекомъ, обыкновенно, незамѣтно для него, поворачиваютъ ногой или рукой три камня; этимъ они какъ бы раздавливають подъ камнями его злые глаза, предвѣщающіе непременно что-нибудь недоброе.

Если кого-нибудь сглазило нѣсколько человекъ, то дѣлають изъ тѣста, по числу сглазившихъ, шарики и кладутъ ихъ на горящій уголь; чей шарикъ лопнетъ, тотъ, значитъ, и сглазилъ; съ такимъ человекомъ обыкновенно избѣгаютъ встрѣчи.

VII.

Роженица. Новорожденный. Бракъ.

1. До истеченія 40 дней послѣ родовъ, всякій посѣщающій родильницу, долженъ руку опустить въ кувшинъ съ солью, чтобы злой духъ не приблизился къ младенцу.

Если родильница прольетъ воду на раскаленный камень, умретъ новорожденный.

Если женщина трудно разрѣшается отъ бремени, то стрѣляютъ въ дымовую трубу, чтобы прогнать злыхъ духовъ, намѣреющихся задушить младенца. Когда и это не помогаетъ, роженицѣ даютъ пить воды изъ полы одежды такого человека, которому посчастливилось когда-нибудь освободить лягушку отъ змѣи.

2. Если грудной ребенок посмотреть на солнце, то онъ ослѣпнетъ.

Если ребенокъ не перестаетъ плакать въ колибели, владуть въ головахъ зачьи уши, верблужью шерсть или вѣяную шкуру.

Послѣ крестинъ, ребенка сажаютъ на воднось и владуть на его колѣни хлѣбъ, чтобы годъ былъ урожайный и мальчикъ счастливый.

Иногда представляется возможнымъ опредѣлить полъ находящагося еще въ утробѣ матери младенца. Для этого бросаютъ въ огонь немного квасцовъ. Когда поднимутся пузырьки, то въ одномъ изъ нихъ замѣчаютъ изображение мальчика съ усами; это значить, что родится мальчикъ. А если изображение бываетъ безъ усовъ, родится дѣвочка. Такое явленіе доступно только деревенскимъ знахаркамъ; мужчины въ пузыряхъ ничего не видятъ, потому что они грѣшныя.

3. На колѣни новобрачной сажаютъ мальчика, чтобы у нея первенцомъ былъ мальчикъ.

Послѣ свадьбы въ теченіе года невестѣ не позволено ходить въ церковь, такъ какъ она еще не очищена.

VIII.

Домашнее хозяйство.

Если сжарить пшеницу, она позоветъ на помощь того, кто ее сѣялъ (значить—грѣшно жарить пшеницу).

Предназначенную на посѣвъ пшеницу не слѣдуетъ жарить, во избѣжаніе будущаго неурожая, но приготовленная изъ этой же пшеницы каша обѣщаетъ обильный урожай.

По тѣмъ, что смодотой соли нужно провести возомъ въ крестъ, чтобы соль не оседернилась.

Если кислымъ молокомъ залить огонь, уничтожится домашній скотъ.

Въ воскресенье не слѣдуетъ сбивать масла, а то маслобойня сломается.

Если маслобойня не даетъ масла, обращаются къ мулѣ. Онъ пишетъ какую-то молитву на клочкѣ бумаги, которая завертывается въ лисью шеуру и привязывается къ маслбойнѣ; отъ этого въ послѣдней бываетъ много масла.

Если утромъ рано подать хлѣбъ кому бы то ни было, будетъ въ домѣ недостатокъ.

Не клади на голову хлѣба—наступить неурожай.

Если перешагнуть черезъ ружье, то изъ него нельзя будетъ вѣрно попадать въ цѣль.

Скрывай убитую дичь, чтобы другіе не могли сглазить.

Ночью не давай сита другому, чтобы не было у тебя недостатка въ хлѣбѣ.

Если рѣзать хлѣбъ ножомъ, настанетъ дороговизна.

Не клади огня вовлѣ коровы, а то она не дастъ молока.

IX.

Похороны. Покойникъ.

1. Послѣ похоронъ священникъ не долженъ оборачиваться назадъ, а то случится новая смерть.

Въ день похоронъ не мой головы, а то умрешь.

Убитаго нужно похоронить цѣликомъ: если останется часть отъ его тѣла—хоть ноготь, случится въ ихъ домѣ новая смерть.

2. Кто въ субботу моетъ бѣлье, его покойникъ лишается воды, такъ какъ покойники пьютъ воду по субботамъ.

Если вѣдуешь кого-нибудь пригласить въ гости и потомъ не сдѣлаешь этого, то твой близкій умершій обидится.

Чтобы покойнику на томъ свѣтѣ было хорошо и свободно, сдѣлай ему гробъ попросторнѣе.

Кто ночью жуетъ жвачку, тотъ жуетъ ухо покойника и чертей дразнить.

Не проходи ночью по кладбищу, а то мертвецы встанутъ изъ могилы и унесутъ тебя къ себѣ.

Не дѣлай гроба, самъ умрешь.

Если завоетъ собака, или курица запоетъ по-пѣтушьиному, умреть хозяинъ дома или кто-нибудь другой изъ его семейства.

Первый печеный хлѣбъ не слѣдуетъ ѣсть, а то умреть жена.

Если съѣшь куриную или рыбу голову, то своего отца сведешь въ моилу.

Если отрѣзать кусокъ отъ платья покойника и сохранить въ домѣ, то не случится другой смерти.

Пока вашъ покойникъ въ церкви, не работай, а то онъ лишится рая.

Сообщилъ смотритель Арцеваньскаго нормальнаго
училища *Е. Мелик-Шагмазаровъ.*

ИЗЪ КОСМОГОНИЧЕСКИХЪ ПОВѢРІЙ ТАЛЫШИН- ЦЕВЪ ЛЕНКОРАНСКАГО УѢЗДА.

Во время затменія луны мусульмане бьютъ, стучать въ мѣдную посуду и стрѣляютъ изъ ружей, желая освободить луну, путемъ напугиванія и шума, изъ рукъ тѣхъ чертей, которыми она будто бы задержана. По словамъ мусульманъ, дьяволы ловятъ луну и погружаютъ ее въ большое, глубокое озеро, находящееся на „третьемъ небѣ“; они держатъ ее подъ водою; но когда слышатъ шумъ и выстрѣлы людей, то, испугавшись, отпускаютъ ее на волю. Мусульмане вполнѣ увѣрены, что черти сильно боятся звука металлическихъ предметовъ, а потому каждый мусульманинъ, если только ему приходится идти въ лѣсъ или отправляться куда-нибудь ночью, непременно беретъ съ собою въ дорогу ножъ или какую-нибудь мѣдную вещь для того, чтобы избавиться отъ чертей, которые преслѣдуютъ каждого человека съ цѣлю извести его. Что же касается „интеллигентныхъ“ мусульманъ, т. е. муллъ и ахундовъ, то они затменіе луны и солнца приписываютъ карѣ Аллаха, который, по ихъ мнѣнію, прогнѣвавшись на правовѣрныхъ за ихъ грѣхи и гнусныя дѣла, посылаетъ въ несмѣтномъ количествѣ своихъ небесныхъ ангеловъ; они, по привязанію Аллаха, заслоняютъ своими крыльями луну и солнце отъ глазъ грѣшниковъ, чтобы этимъ заставить ихъ вернуться на путь истины и оставить свои порочныя дѣла. Послѣ затменія, муллы и ахунды приглашаютъ нѣсколькихъ благочестивыхъ и почтенныхъ гаджіевъ

въ мечеть и вмѣстѣ съ ними совершаютъ намазъ, чтобы Аллахъ, услышавъ ихъ горячія молитвы, простилъ грѣшниковъ и ниспослалъ на нихъ свою благодать. По выходѣ изъ мечети они бѣднымъ раздаютъ милостыню.

Относительно луны и солнца существуетъ слѣдующая повѣрье, весьма распространенное между мусульманами Ленкоранскаго уѣзда: луна и солнце суть живныя, подобно ангеламъ, красивѣйшія существа, которыя сотворены Аллахомъ для того, чтобы они своею блестящею и свѣтлою красотою освѣщали правовѣрныхъ, живущихъ на землѣ. Солнце, по ихъ мнѣнію, представляетъ собою женщину съ ослѣпительной красотой, а луна — красиваго мужчину. Нѣкогда они были связаны узами Гименея, но, поссорившись между собою, разошлись и донынѣ находятся въ разлуцѣ. Соора, какъ гласитъ легенда, произошла при слѣдующихъ обстоятельствахъ: солнце, будучи женою мѣсяца, исполняло всѣ домашнія работы, какъ-то: стирало пинцу, стирало бѣлье и т. п. Разъ оно, предварительно замѣсивъ тѣсто, пекло въ „тендирѣ“, т. е. пурнѣ чуреки; въ это время подошла къ нему луна и, на правахъ мужа, стала заигрывать съ нимъ. Но солнце, найдя оскорбительнымъ и крайне неприличнымъ любезничаніе мужа во время печенія чурекъ, бросило ему въ лицо тѣстомъ, а само убѣжало, оставивъ мужа у „тендира“; луна сильно разсердилась на жену и пустилась за нимъ въ погоню, чтобы поймать и строго наказать за дерзость. Она и до сихъ поръ гоняется за солнцемъ, но никакъ не можетъ догнать. По словамъ мусульманъ, въ концѣ каждаго мѣсяца луна снова рождается, находясь два дня въ утробѣ матери; поэтому каждый мѣсяцъ она ростомъ уменьшается и снова растеть. Это дѣлается для того, чтобы ей съ молодою силою и новой энергіею продолжать погоню за солнцемъ, но солнце, находясь отъ луны на далекомъ разстояніи, идетъ себѣ умѣреннымъ шагомъ, не вуждаясь въ новой силѣ и энергіи, не увеличиваясь и не

уменьшаясь. Пятна, находящіяся на лунѣ, по словамъ мусульманъ, есть высохшее тѣсто, которымъ солнце бросило въ лицо лунѣ. Хотя луна молодится и моетъ свое лицо всѣми возможными снадобьями, но никакъ не можетъ смыть этихъ пятенъ. Луна, по мнѣнію мусульманъ, раньше была краше солнца, но послѣ этой печальной исторіи она лишилась своей прежней красоты.

По словамъ ахундовъ и муллъ, падающія звѣзды или аэролиты суть дьяволы, именуемые по-арабски „иблисами“. Они—эти „иблисы“ прежде находились въ раю, усердно служа Аллаху и проводя жизнь въ молитвахъ; впоследствии они были изгнаны изъ рая, потому что Богъ приказалъ имъ поклониться праотцу нашему Адаму, когда тотъ былъ выдѣпленъ изъ глины, а они наотрѣвъ отказались исполнить это приказаніе, сказавъ: „Мы созданы изъ огня, изъ самаго чистаго вещества, а Адамъ сотворенъ изъ глины; мы не можемъ поклониться человѣку, сдѣланному изъ грязи: это для насъ унижительно!“. За эту гордость Богъ выгналъ ихъ изъ рая. Но когда „иблисы“, вопреки волѣ Аллаха, стараются силою занять свое прежнее мѣсто въ раю, то ангелы, по приказанію Аллаха, выгоняютъ ихъ изъ предѣловъ рая, и они, выходя оттуда, обращаются въ бѣгство, оставляя позади себя огненные искры, служащія для нихъ защитой отъ враговъ—ангеловъ.

Учитель Ленкоранскаго двухкласснаго
начальнаго училища *Т. Байрамъ-Алибековъ*.

ИЗЪ ПОВѢРІЙ ТАТАРЪ ШЕМАХИНСКАГО УѢЗДА.

I.

Небо. Солнце и луна. Паденіе звѣздъ. Райское дерево. Радуга. Затменіе солнца и луны. Громъ и дождь.

Татары Шемахинскаго уѣзда имѣютъ слѣдующаго рода представленіе о небѣ: каждое изъ существующихъ семи небесъ, сводомъ расположенныхъ другъ надъ другомъ, состоитъ изъ какаго-нибудь драгоцѣннаго камня или металла: серебра, золота, яхонта, алмаза и пр. Предѣлы земли и неба составляютъ горизонтъ, за которымъ на западѣ начинается вода, за водою — гора „Гафъ“, а за „Гафомъ“ — уже темнота, гдѣ живетъ баснословная птица „симургъ“. Когда солнце заходитъ, то скрывается за горою „Гафъ“ и, обойдя ее кругомъ, къ утру вновь появляется на востокѣ; то же самое говорятъ и о лунѣ.

Относительно расстоянія между небомъ и землею у жителей названнаго уѣзда почти нѣтъ никакого представленія, хотя одна распространенная среди нихъ загадка даетъ кое-какое понятіе объ этомъ. Загадка эта слѣдующая: мін минара, дібі кара, јуз мін чиче, бір афраг (тысяча минаретовъ, дно ихъ черное, сто тысячъ цвѣтковъ, одинъ листь). Разгадка: „тысяча минаретовъ“ означаетъ небо и показываетъ, какъ далеко находится небо отъ земли; „дно ихъ черное“ — землю, „сто тысячъ цвѣтовъ“ — звѣзды; „одинъ листь“ — луну.

Предъ дождемъ или предъ снѣгомъ небо раскрывается, а по прекращенію вновь закрывается привратникомъ-ангеломъ, специально назначеннымъ для этой цѣли.

Солнце и луна предметы одушевленные: луна—мужчина, а солнце—женщина. У народа существует преданіе, что однажды луна и солнце заспорили о томъ, кому изъ нихъ выйти днемъ, кому ночью. Луна сказала солнцу: „Такъ какъ ты женщина, то тебѣ стыдно показаться днемъ, ибо тебя мужчины увидятъ“. На это солнце отѣтило: „Никто не въ состояніи будетъ смотрѣть на меня, такъ какъ я имѣю при себѣ иголки: кто посмотритъ, тому глаза выколю“. Съ тѣхъ норъ солнце выходитъ днемъ, и на него смотрѣть трудно. Существованіе пятна на лунѣ объясняется слѣдующимъ образомъ: какъ-то мать луны мѣсила тѣсто; въ это время луна, несмотря на замѣчанія матери, баловалась и мѣшала ей; разгнѣванная мать швырнула ей въ лицо кусокъ тѣста, котораго и до сихъ поръ луна не можетъ смыть съ лица.

Относительно паденія звѣздъ у народа существуетъ слѣдующее повѣрье: когда ангелы замѣчаютъ, что черти, поднявшись одинъ къ другому на плечи, приближаются къ небу и хотятъ подслушать ихъ, то раздраженные этимъ, берутъ первую попавшуюся имъ подъ руки звѣзду и бросаютъ въ чертей, которые разбѣгаются во всѣ стороны; при этомъ погибаетъ масса чертей. По другому повѣрью, у каждого человѣка есть на небѣ такъ называемая звѣзда жизни; когда человѣкъ умираетъ, то умираетъ и его звѣзда и падаетъ на землю.

Помимо этого, рассказываютъ, что въ раю есть дерево, каждый листъ котораго принадлежитъ одному какому-нибудь человѣку; когда кто-нибудь умираетъ, то его листъ отпадаетъ съ райскаго дерева; при этомъ падающій листъ иногда садѣваетъ и чужіе листья, хояева которыхъ на землѣ въ это время чувствуютъ въ ушахъ звонъ; въ этомъ случаѣ они должны произносить извѣстныя молитвы.

Радуга есть предзнаменованіе хорошаго урожая: въ какомъ году часто показывается радуга, въ томъ году, значить, будетъ хорошій урожай. На основаніи сходства цвѣтовъ ра-

дуги съ узорами джеджима, при появленіи радуги, народъ говоритъ: гарі нанă іші узаці, т. е. старая бабушка растянула свое тканье.

Такъ какъ млечный путь тянется съ сѣвера на югъ, то онъ у народа называется путемъ въ Мекку, ибо богомольцы отсюда ѣдутъ въ Мекку по направленію съ сѣвера на югъ.

Затменіе солнца и луны и появленіе разныхъ кометъ суть признаки приближающагося несчастія, такъ какъ они предвѣщаютъ войну между двумя державами; при этомъ говорятъ, что люди на землѣ, вѣроятно, натворили много грѣшныхъ дѣлъ и прогнѣвали Бога. Какъ только начинается затменіе, жители вабираются на крыши своихъ домовъ и стрѣляютъ изъ ружей, бьютъ палкой въ мѣдные тазы и, вообще, поднимаютъ шумъ и гвалтъ. По окончаніи затменія, молятся Богу, читая молитвы, предназначенныя для такихъ случаевъ.

Громъ происходитъ отъ того, что ангелъ Гавріиль скачетъ по небу на своемъ конѣ „Рафъ-рафъ“, а молнія есть искра, происходящая отъ удара его кнута.

Дождевая вода при первой грозѣ считается цѣлебною. Во время грозы раковины открываютъ свои пасти, и капли дождевой воды, попавшія въ нихъ, впоследствии обращаются въ жемчужины.

О происхожденіи дождя существуетъ слѣдующее повѣрье: облака спускаются съ неба на море, всасываютъ, какъ губка, въ себя воду, поднимаются опять на небо и разряжаются на землю дождемъ.

Вообще всё явленія природы народъ объясняетъ, главнымъ образомъ, могуществомъ Бога.

II.

Лѣшій. Водяной. Разсказъ о встрѣчахъ съ домовыми. Чортъ.

Лѣшій, по народному вѣрованію, высокаго роста, и все его тѣло покрыто длинными волосами. Всѣ лѣшіе очень лю-

бять верховую ѳзду: они тайкомъ садятся на лошадей, пасущихся на поляхъ, и скачутъ до тѣхъ поръ, пока несчастныя лошади не придутъ въ изнеможеніе. Хозяева лошадей, чтобы поймать лѣшаго и наказать его, мажутъ спины лошадей смолою и пускаютъ ихъ въ поле. Когда лѣшій, ничего не подозревая, садится на лошадь, то его волосы прилипаютъ въ лошадиной спинѣ, и какъ онъ ни старается, то уже не можетъ освободиться. Такимъ образомъ хозяинъ лошади ловитъ лѣшаго и наказываетъ его: бьетъ, деретъ за уши и т. д.

Страшнымъ наказаніемъ считается для лѣшаго, если воткнуть въ его тѣло иголку, которую лѣшій почему-то самъ не можетъ вынуть изъ своего тѣла. Лѣшій дѣлается покорнымъ рабомъ того, кто воткнетъ въ его тѣло иголку. Чтобы избавиться отъ рабства, лѣшій тайкомъ отъ своего хозяина проситъ какого-нибудь мальчика или дѣвочку вынуть изъ тѣла иголку, обѣщавъ дать за это яблоко; но какъ только иголка вынута, онъ моментально исчезаетъ.

Кромѣ лѣшихъ, существуютъ еще такъ называемые водяные. Какъ тѣ, такъ и другіе имѣютъ женъ и дѣтей; водяные выше пояса ходятъ на человѣка, а ниже—на рыбу.

По субботамъ и средамъ, въ позднюю ночь, не слѣдуетъ купаться, такъ какъ въ это время водяные могутъ испугать.

Домовые водятся почти во всѣхъ дворахъ; но въ большемъ количествѣ они водятся, вообще, въ развалинахъ старыхъ домовъ, мечетей, мельницъ и т. п.

Поздно вечеромъ не слѣдуетъ выливать на дворъ горячую воду, такъ какъ нечаянно можно облить дѣтей домовыхъ, которые за это станутъ мстить.

У жителей названнаго уѣзда существуетъ масса разсказовъ, иллюстрирующихъ это суевѣріе; приведу нѣкоторые изъ нихъ.

Одинъ сельчанинъ, нынѣ проживающій въ гор. Шемахѣ, рассказывалъ, что онъ, однажды, въ позднюю ночь вы-

шелъ изъ своего села и отправился въ Шемаху. На половинѣ дороги была старая мельница. Такъ какъ ночь была очень темная, и онъ боялся заблудиться, то поэтому рѣшилъ провести остатокъ ночи въ этой мельницѣ. Едва успѣлъ онъ расположиться въ мельницѣ, какъ зашли туда другъ за другомъ нѣсколько десятковъ незнакомыхъ ему лицъ, стали играть на зурнѣ, танцовать, веселиться до упаду и ѣсть разные фрукты. Не обидѣли они и нашего рассказчика: его угостили фруктами. Спустя немного времени, въ мельницу зашла, по словамъ рассказчика, его собственная кошка, которая, принявъ человѣческій образъ, стала мастерски танцовать вмѣстѣ съ другими. Къ утру всѣ они, незамѣтно для него, исчезли. Пораженный ночною сценой, рассказчикъ оставилъ свое намѣреніе идти въ Шемаху и рѣшилъ вернуться къ себѣ въ деревню. Когда онъ пришелъ къ себѣ домой, то сѣлъ обѣдать; въ это время его кошка, по обыкновенію, сѣла около него. Увидя кошку, онъ воскликнулъ: „Ахъ, ты, провлятая кошка! что ты дѣлала въ старой мельницѣ?“ При этомъ его восклицаніи кошка моментально исчезла и больше уже не вернулась къ нему.

Другой подобный случай былъ съ однимъ шемахинцемъ. Однажды, онъ замѣшкался на охотѣ; на возвратномъ пути его засталъ сильный дождь, и онъ не зналъ, куда дѣться. Въ это время онъ проходилъ мимо шемахинскаго кладбища; вдругъ онъ услышалъ звуки зурны, которые шли изъ какого-то гюнбаза *). Онъ хотѣлъ пройти мимо, но къ нему навстрѣчу вышли знакомые ему люди и даже нѣкоторые изъ его товарищей и стали просить его зайти къ нимъ въ гюнбазъ. По ихъ просьбѣ рассказчикъ нашъ вошелъ въ гюнбазъ, и былъ пораженъ отерывшеюся предъ нимъ сценой.— „Почему вы въ такую ночную пору собрались сюда?“ спросилъ онъ своихъ

*) Гюнбазъ—надгробная башня.

мнимыхъ товарищей; тѣ отвѣтили, что пришли днемъ съ зурною въ садъ веселиться, но пошелъ сильный дождь, и они вынуждены были спрятаться въ гюнбазѣ. Чтобы развеселить гостя, одинъ изъ нихъ отправился въ городъ пригласить известнаго въ то время пѣвца Гадыма. Черезъ нѣкоторое время, вмѣсто ашига Гадыма, вошла въ гюнбазъ черная кошка, принадлежавшая рассказчику; она поднялась на заднія лапки, моментально превратилась въ ашига Гадыма и стала пѣть. Тутъ рассказчикъ понялъ, что возлѣ него творится что-то сверхъестественное. Къ утру всѣ они, незамѣтно для рассказчика, исчезли. Вернувшись домой, онъ увидѣлъ свою черную кошку и сказалъ ей: „Ай, кошка, какъ ты ночью въ гюнбазѣ роль ашига Гадыма играла!“. Не успѣлъ рассказчикъ докончить эту фразу, какъ кошка исчезла и больше уже къ нему не возвращалась.

Подобные рассказы среди народа встрѣчаются весьма часто.

О сотвореніи міра, происхожденіи людей и разныхъ народовъ, о томъ, на какомъ языкѣ говорили первые люди между собою и т. п. у народа существуютъ взгляды, основанные исключительно на религіи.

Сатана, или чортъ есть злой духъ, непримиримый врагъ человѣчества: онъ вездѣ и всюду преслѣдуетъ человѣка, старается вредить ему и совращаетъ его съ пути истины. Черти размножаются отъ простого тренія одного колѣна о другое: каждый разъ они мгновенно вырастаютъ, какъ бы изъ земли. Черти живутъ вездѣ и являются всюду; когда кто-нибудь намѣревается совершить доброе дѣло, то чортъ тотчасъ же является къ нему и всѣми силами старается отклонить его отъ этого.

III.

Колдовство и гаданіе. Дурной глазъ. Знахарство. Кое-что изъ народной медицины.

Въ описываемой мѣстности колдовствомъ и гаданіемъ зани-

маются, главнымъ образомъ, женщины, которыя эту способность приобрѣтаютъ не по наслѣдству, а получаютъ ее впоследствии, какъ даръ Божій; онѣ занимаются, главнымъ образомъ, предсказываніемъ будущности человѣка.

Колдовствомъ и гаданіемъ, за рѣдкими исключеніями, занимаются цыганки, изрѣдка и муллы.

Существуетъ много способовъ гаданія, но самый распространенный—гаданіе посредствомъ зеренъ фасоли (его знаютъ почти всѣ женщины); специалистки же гадательницы предсказываютъ будущее посредствомъ овечьей лопатки, маленькаго зеркальца или посредствомъ воды въ какой-либо посудѣ. Кромѣ этихъ видовъ гаданія, существуетъ еще гаданіе по книгамъ.

Желающій узнать свою судьбу долженъ предварительно дать гадательницѣ нѣсколько копеекъ, безъ коихъ, будто бы, предсказаніе будетъ неправильное. Получивъ деньги и доставъ изъ своего кармана овечью лопатку или зеркальце, гадательница прежде всего спрашиваетъ посѣтителя, какъ зовутъ его самого и его родителей, безъ чего, будто бы, гаданіе невозможно. Послѣ этого она приступаетъ къ предсказыванію, пристально всматриваясь въ глаза посѣтителя, а потомъ и въ зеркальце. Онѣ замѣчательно ловко приравниваются какъ къ возрасту, такъ и къ полу посѣтителя: если желающіе узнать свою будущность молодые люди, то онѣ начинаютъ рисовать имъ ихъ будущее въ розовыхъ краскахъ и говорятъ, главнымъ образомъ, о любви, а если это пожилые люди, то предсказываютъ имъ матеріальныя блага и т. п.

Однимъ изъ проявленій колдовства считается порча отъ „дурного глаза“. Народъ увѣренъ, что есть цѣлыя семейства, у которыхъ „дурной глазъ“ переходитъ по наслѣдству отъ родителей къ дѣтямъ. Въ предохраненіе отъ вреднаго дѣйствія дурного глаза, почти всѣ носятъ на себѣ, въ видѣ амулетовъ, какія-то записки, зашитыя въ тряпки; ихъ надѣваютъ на шею также домашнимъ животнымъ.

По понятію народа, сглазить можно не только людей, но даже и предметы неодушевленные. Болѣзнь и порча какой-нибудь вещи происходитъ отъ похвалы челоуѣка, обладающаго дурнымъ глазомъ. Такою вредною способностью могутъ обладать какъ мужчины, такъ и женщины, хотя степень ея у различныхъ людей бываетъ различна: есть глаза, взглядъ которыхъ производитъ порчу мгновенно; есть и такіе, которые дѣйствуютъ медленно. Когда лицо, обладающее дурнымъ глазомъ, посѣщаетъ по надобности чей-либо домъ, то домохозяинъ, чтобы избавить своихъ дѣтей отъ его дурного глаза, беретъ немного земли изъ-подъ его башмака, разводитъ ее въ водѣ и мажетъ ею нѣкоторыя части тѣла своихъ дѣтей.

Чтобы не сглазили хорошенькаго ребенка, родители отрѣзываютъ отъ одежды каждаго изъ членовъ семьи по кусочку, обводятъ кусочками этими, вмѣстѣ съ горстью соли, вокругъ головы ребенка и потомъ бросаютъ ихъ въ огонь.

Знахари и знахарки отъ колдуновъ и гадательницъ отличаются тѣмъ, что первые пользуются гораздо большимъ довѣріемъ простого народа, чѣмъ вторые. Напримѣръ, если какая-нибудь женщина не родитъ или кто-нибудь страдаетъ падучей болѣзью или бессонницей, или кого-нибудь сглазили, то непременно обращаются къ знахарю, который лѣчитъ ихъ какъ различными растительными лѣкарствами, такъ и молитвами. Послѣднія записываются ими на лоскуткахъ бумаги и передаются больнымъ, которые пришиваютъ ихъ къ своему платью, смотря по указанію знахаря.

Лѣтомъ 1891 года изъ какого-то окрестнаго селенія пріѣхала въ Шемаху извѣстная знахарка. Женщины, которыя по разнымъ причинамъ не имѣли дѣтей, стали обращаться къ ней за помощью, и пріѣзжая знахарка каждой изъ нихъ давала соотвѣтствующіе совѣты. Посѣтительницы давали ей прежде всего пятикопеечную монету, безъ которой духи ничего не сообщаютъ самой знахаркѣ. Положивъ полученную монету подъ

подушку, знахарка ложилась спать, и, по ея словамъ, во снѣ ей передавали о томъ, исполнится ли желаніе просительницы, или нѣтъ.

Знахарки нерѣдко требуютъ отъ обращающихся къ нимъ больныхъ черную курицу, чтобы необходимую молитву написать ея кровью на ея же костяхъ, а если больной человекъ богатый, то требуютъ и овечью лопатку, но такую, до которой еще не коснулся ножъ мясника,—другими словами, должны ей привести цѣлаго барана, чтобы на лопаткѣ его она записала молитвы.

Къ знахарямъ обращаются даже при серьезныхъ болѣзняхъ. Противъ зубной боли знахарки совѣтуютъ слѣдующее: въ дуло больного зуба вложить опиумъ или соответствующую часть лица смазать смѣсью изъ опиума, шафрана и масла черной курицы, хотя нерѣдко они эту болѣзнь лѣчатъ посредствомъ молитвъ, которыя записываютъ какими-то іероглифами на яйцѣ черной курицы.

Но, несмотря на все это, народная медицина сосредоточена главнымъ образомъ въ рукахъ доморощенныхъ хирурговъ и костоправовъ, которые изумительно удачно излѣчиваютъ всевозможныя раны, вывихи и переломы костей.

При внутреннихъ болѣзняхъ почти всегда пускаютъ кровь изъ вены на лѣвомъ локтѣ. Когда болятъ зубы, то пускаютъ кровь изъ губъ, изъ шеи или изъ-подъ языка. Ревматизмы, всевозможныя опухоли и накожныя болѣзни лѣчатъ посредствомъ пивокъ.

Глазныя болѣзни лѣчатъ или молокомъ женщины, которая кормитъ ребенка женскаго пола, или яичнымъ желткомъ, при чемъ ежедневно промываютъ больному глазу молокомъ и прикладываютъ немного ваты, намоченной въ томъ же молокѣ.

IV.

Народныя увеселенія: пѣтушья бои и драка собакъ.

Опишу нѣкоторыя національныя увеселенія жителей се-

ленія Лагичъ, Геовчайскаго уѣзда Бакинскои губерніи, а также празднованіе ими „Рамазанъ-Байрама“.

Національнымъ увеселеніемъ лагичцевъ служатъ бой пѣтуховъ и собакъ. Почти во всякомъ зажиточномъ домѣ можно видѣть привязаннаго на веревочкѣ пѣтуха изъ породы, такъ называемой „лары“. Эти пѣтухи обладаютъ большою силою, и за нихъ платятъ весьма большія деньги; ихъ воспитываютъ крайне тщательно: даютъ ѣсть только пшеницу, курдючное сало и орѣхи, но никакъ не ячмень, ибо, по мнѣнію знатоковъ, отъ ячменя портится грудь пѣтуха.

Бой пѣтуховъ устраивается обыкновенно по пятницамъ, когда всѣ жители свободны отъ занятій. Съ этою цѣлью изъ cadaго участка приносятся пѣтуха, пользующагося репутаціей искуснаго бойца; обыкновенно дерутся два такихъ пѣтуха, которые ни разу еще не были побѣждены. Бой этотъ представляетъ весьма интересное и, вмѣстѣ съ тѣмъ, ужасное зрѣлище, на которое собирается огромная толпа любопытныхъ.

Когда зрители въ сборѣ, то хозяева пѣтуховъ выпускаютъ борцовъ на арену. Пѣтухи съ остервененіемъ кидаются другъ на друга; часто одинъ изъ нихъ пожираетъ гребень или языкъ своего соперника; борьба иногда продолжается болѣе часа; за ударомъ слѣдуетъ другой, третій, до тѣхъ поръ, пока одинъ изъ сражающихся не отступитъ. Тогда побѣдителя привѣтствуютъ громкими криками одобренія. Но часто случается и такъ: ослѣпленные кровью соперники приходятъ въ такую ярость, что не думаютъ объ обступленіи; тогда оба падаютъ мертвыми.

Бой пѣтуховъ не обходится и безъ тотализаторовъ; ставка доходитъ иногда до 10 руб.

Но еще болѣе ужасное зрѣлище представляетъ драка собакъ. У cadaго изъ зажиточныхъ лагичцевъ можно встрѣтить также одну, двѣ, а иногда и три цѣнныхъ собаки, ко-

торыхъ кормятъ весьма хорошо. Собакъ этихъ держать собственно для обереганія дома, но по временамъ ихъ хозяева любятъ смотрѣть, какъ онѣ грызутъ другъ друга.

Чтобы драка собакъ продолжалась по возможности дольше, ихъ привязываютъ на одной веревкѣ; въ такомъ случаѣ побѣжденная, даже при желаніи удрать, не можетъ прекратить драки.

V.

Рамазанъ и байрамъ.

По законамъ магометанской религіи различаются три рода постовъ: постъ рамазанъ, постъ вслѣдствіе какаго-либо обѣта и постъ геза, т. е. возмѣнъ того, который въ свое время не былъ соблюденъ; на примѣръ, если, по какомъ-либо причинамъ постъ нарушенъ въ мѣсяцъ рамазанъ, то надо его соблюсти послѣ, что и называется постомъ геза.

Постъ рамазанъ, который приходится на девятый мѣсяцъ года, когда Аллахомъ былъ ниспосланъ Магомету коранъ, соблюдается особенно строго. Весь рамазанъ мѣсяцъ назначенъ кораномъ для поста, который обязателенъ для всѣхъ магометанъ, кромѣ дѣтей до пятнадцатилѣтняго возраста, больныхъ, умалишенныхъ и путешественниковъ; впрочемъ, послѣдніе не постятся только въ случаѣ невозможности, но зато они должны соблюсти его по возвращеніи изъ путешествія. Постъ истиннаго мусульманина состоитъ въ томъ, что онъ обязанъ не пить, не ѣсть, не курить и не облизываться съ женщинами; ложь, хула, брань, клевета и зависть также нарушаютъ значеніе поста.

По поводу этого поста Магометъ говоритъ народу слѣдующее:

„Вы, мусульмане, радуйтесь! наступилъ мѣсяцъ изобилія, состраданія и пощадъ; каждый день, каждая ночь и каждый часъ этого мѣсяца священны и превосходятъ обык-

новенные дни. Молитесь искренно, съ вѣрою, и испросите у Бога отпущеніе вашихъ грѣховъ. Въ эти дни тотъ изъ васъ является самымъ несчастнымъ человѣкомъ изъ несчастныхъ, кто лишень божескаго милосердія; лишаясь въ этомъ мѣсяцѣ ѣды и питья, вы должны вспоминать день страшнаго суда и входить въ положеніе бѣдныхъ, изъ коихъ нѣкоторые, не находя пропитанія, голодаютъ по цѣлымъ днямъ. Будьте сострадательны и милосерды ко всѣмъ, въ особенности къ сиротамъ, ибо долгъ всякаго человѣка благодѣтельствовать своему ближнему. Удерживайте свой языкъ отъ произношенія тѣхъ словъ, которыхъ произносить не слѣдуетъ. Закрывайте свои глаза (т. е. не смотрите) отъ тѣхъ незаконныхъ и скверныхъ поступковъ и предметовъ, смотрѣть на которые воспрещено вамъ. Не слушайте тѣхъ развратныхъ словъ, которыя унижаютъ васъ, какъ на этомъ, такъ и на томъ свѣтѣ. Кто изъ васъ дастъ возможность разговѣться хотя одному бѣдному, тотъ получитъ отъ Бога такое же вознагражденіе, какое получитъ лицо, давшее свободу невольнику. Кто изъ васъ будетъ снисходителенъ къ своей прислугѣ, то участь его въ день воскресенія мертвыхъ облегчится; кто изъ васъ удержитъ себя отъ негодованія и мести, того ожидаетъ на томъ свѣтѣ достойное вознагражденіе со стороны Бога; кто въ этомъ священномъ мѣсяцѣ будетъ сострадательнымъ къ сиротамъ и улучшить ихъ жизнь, тотъ будетъ въ числѣ хравимыхъ Богомъ и близкихъ къ Нему“.

Въ рамазанѣ мѣсяцѣ каждый день, какъ и въ другое время, назначенъ для совершенія молитвъ: утромъ до восхода солнца, въ полдень, вечеромъ при заходженія солнца, при наступленіи ночи и, наконецъ, въ полночь. Но болѣе религіозные люди всю ночь не спятъ и проводятъ время въ молитвѣ; предъ совершеніемъ молитвы каждому мусульманину необходимо омовеніе нѣкоторыхъ членовъ тѣла, безъ чего совершеніе молитвы будетъ неправильно. Въ рамазанѣ мѣсяцѣ, какъ и въ про-

чіе дни, каждый мусульманинъ, вставши съ постели, идетъ на свои обычныя работы: въ полдень, услышавъ голосъ муэззина, который приглашаетъ правовѣрныхъ на молитву, всѣ, оставляя даже самыя нужныя дѣла, отправляются въ мечети, гдѣ послѣ молитвы одинъ изъ муллъ, называемый имамомъ, читаетъ какое-либо изреченіе изъ корана и разъясняетъ его. Наконѣцъ, день склоняется къ вечеру; солнце близко къ заходу; мусульмане стараются поскорѣе докончить свои дѣла и спѣшать домой. Но ни одинъ правовѣрный не позволитъ себѣ разговѣться до тѣхъ поръ, пока муэззинъ не провозгласитъ вечерней молитвы. Вотъ, наступила и ожидаемая минута: со всѣхъ минаретовъ раздалось пѣніе муэззиновъ, и правовѣрные, совершивъ омовеніе, спѣшаютъ въ мечети. По окончаніи молитвы, всѣ мусульмане стремятся домой разговѣться. Такимъ образомъ проводятъ всѣ дни рамазана, отъ начала до конца.

Въ рамазанѣ мѣсяцѣ духовная подать считается обязательною для каждого мусульманина; она состоитъ изъ „фитре“ и „закъата“; хотя послѣдній выдается въ разное время года, но въ большинствѣ мѣстностей онъ раздается именно въ этомъ мѣсяцѣ, такъ какъ онъ священнѣе другихъ мѣсяцевъ. Въ послѣдній день рамазана, вечеромъ, дается дань, называемая „фитре“; она обязательна для каждого мусульманина и взимается съ каждой души обоюго пола, не исключая и прислуги. „Фитре“ полагается съ каждого чело-вѣка по 7 ф. пшеницы или стоимость ея деньгами; она дается обыкновенно бѣднымъ духовнымъ лицамъ. „Закъат“ есть дань, установленная кораномъ и обязательная для всѣхъ мусульманъ; она предназначена: для раздачи бѣднымъ, нищимъ и людямъ обремененнымъ долгами, если долги эти сдѣланы для надобностей, непротивныхъ религіи; для выкупа угнетеннаго невольника; на устройство мостовъ и мечетей и, наконецъ, на содержаніе иностранцевъ, которые, прибывъ въ

магометанскую землю, не имѣють средствъкъ жизни. Лицо, дающее „зѣкѣтъ“, должно быть совершеннолѣтнимъ, въ полномъ разумѣ, свободнаго состоянія и въ правѣ располагать своимъ имуществомъ. При дачѣ „зѣкѣта“ мусульманинъ долженъ мысленно имѣть въ виду, что даетъ известную часть своего имущества именно для „зѣкѣта“, которая должна составлять $2\frac{1}{2}\%$ со всего его имущества.

Вотъ, наконецъ, прошелъ и тридцатый день сего священнаго мѣсяца, и наступилъ первый день шеввала, день торжества, день „рамазанъ-байрама“, т. е. трехдневнаго праздника разговѣнія послѣ поста рамазана. Въ эти три дня въ городахъ запираются лавки, мастерскія и жители проводятъ время въ веселіи. Въ первый день наступленія сего праздника все населеніе городовъ, мѣстечекъ и деревень приходитъ въ движеніе; въ этотъ день мусульмане встають рано утромъ, надѣвають свое лучшее платье, разговяются предъ байрамнымъ моленьемъ и идутъ въ мечети. По выходѣ оттуда, они прежде всего возвращаются къ себѣ въ домъ, чтобы поздравить свое семейство, а затѣмъ уже группами или поодиночкѣ, посѣщаютъ родственниковъ и знакомыхъ. Тѣмъ временемъ, въ разныхъ мѣстахъ толпами собирается молодежь въ разнообразныхъ праздничныхъ костюмахъ и веселится. Голоса модельщиковъ, непрерывные веселые крики дѣтей, говоръ снующей по разнымъ улицамъ толпы,—все сливается въ одинъ общій праздничный гулъ.

Учитель Бакинской городской II-й русско-татарской школы *М. Эфендиевъ*.

НѢКОТОРЫЯ СВѢДѢНІЯ О СЕКТѢ „АЛИ-АЛЛАХИ“.

Какъ извѣстно, Али былъ зятемъ Магомета и четвертымъ халифомъ по смерти послѣдняго. Приверженцы Али считали дѣйствія первыхъ халифовъ незаконными, порицали ихъ за захватъ власти и называли ихъ лжехалифами, а Али возносили до небесъ. По ихъ мнѣнію, наиболѣе достойнымъ халифатства лицомъ былъ Али, который былъ прямымъ наслѣдникомъ Магомета, такъ какъ былъ женатъ на единственной дочери послѣдняго Фатимѣ.—Одно изъ племенъ Гиджаза до того увлеклось приписываемыми Али качествами, что стало обоготворять его. Оно отправило отъ себя депутацію подъ предводительствомъ своего вождя Усейна ибнѣ-Намиръ къ Али въ Кюфя, гдѣ въ то время находилась резиденція халифа, и объявило ему, что признаетъ его богомъ, воплощеннымъ въ образъ человѣческой. Али не принялъ божескихъ почестей и прогналъ своихъ поклонниковъ. Вскорѣ послѣ этого, во время богослуженія, Али былъ убитъ нѣкимъ арабомъ Абдурахманомъ ибнѣ-Мульджамъ. Этотъ случай совершенно оттолкнулъ названное племя и ихъ единомышленниковъ отъ магометанства: когда слухъ о смерти Али дошелъ до этихъ сектантовъ, то ихъ шейхъ созвалъ все племя и объявилъ имъ, что Али вовсе не убитъ, а вознесся на небо и витаетъ въ облакахъ, убитъ же въ мечети совершенно другой арабъ.

Послѣдователи Али, вѣрующіе въ него какъ въ Бога, называются „Али-Аллахи“. Въ настоящее время секта Али-Аллахи довольно распространенная и отличается многочисленностью послѣдователей, которые живутъ среди магоме-

тань какъ въ Турціи, Персіи, Индіи, такъ и у насъ въ Закавказскомъ краѣ—въ губерніяхъ: Эриванской, Елисаветпольской и Бакинской и въ Карсской области. Они ничѣмъ внѣшнимъ не отличаются отъ магометанъ и выдаютъ себя за шиитовъ, скрывая свою настоящую религію, а тѣ изъ нихъ, которые живутъ въ Карсской области, называютъ себя туркменами, хотя въ племенномъ отношеніи съ ними имѣютъ мало общаго.

Въ Джебраилъскомъ уѣздѣ Елисаветпольской губерніи сектанты Али-Аллахи живутъ въ девяти селахъ, изъ которыхъ главными являются: Дашкесанъ и Горавлу. Они признаютъ божественное начало за халифомъ Али, котораго считаютъ воплотившимся въ образъ человѣческой, и ожидаютъ второго его пришествія: когда добро побѣдитъ зло, свѣтъ—тьмѣ, тогда весь міръ убѣдится въ божественномъ началѣ Али, всѣ увѣруютъ въ Али-бога и будутъ почитать только его одного. Мѣстонахожденіемъ Али они считаютъ пространство между облаками, громъ называютъ его голосомъ, а молнію его бичомъ. Духовенства, въ обыкновенномъ смыслѣ этого слова, у нихъ нѣтъ.

Къ сектантамъ ежегодно пріѣзжаютъ изъ Персіи ихъ духовники-шейхи, отправляемые сюда главнымъ шейхомъ, резиденція котораго находится въ Ардабильскомъ вилайетѣ, въ Персіи. Эти шейхи со своими помощниками (хальфа) —народъ безграмотный и невѣжественный. Они избѣгаютъ встрѣчи съ русскими властями и мусульманскимъ духовенствомъ, и разѣзжаются не только по всѣмъ селамъ и деревнямъ, но обходятъ и всѣ дворы сектантовъ. Каждый глава семейства принимаетъ шейха и его помощника радушно, оказываетъ имъ достойную ихъ сану почесть и задаетъ пиръ, на которомъ присутствуютъ и всѣ почетные старики села. По окончаніи пира и совершеніи шейхомъ благодарственнаго молитвословія приступаютъ къ приведенію въ извѣстность имущества домохозяина, извѣстная

доля котораго переводится на наличныя деньги, которыя и получаетъ шейхъ. Если же хозяинъ дома не имѣеть наличныхъ денегъ, чтобы выкупить причитающуюся шейху долю имущества, то эта сумма вносится обществомъ, которому впоследствии онъ возвращаетъ ее, какъ долгъ. Такимъ образомъ, шейхъ обходитъ всѣ дома, провѣряетъ имущество хозяевъ, опредѣляетъ сумму, какую каждый простодушный поселянинъ долженъ внести за религіозныя требы и, получивъ ее, отправляется въ слѣдующее село. Когда шейхъ обойдетъ всѣ села и деревни и соберетъ съ поселянъ дань, то отправляется обратно въ Персію съ туго набитыми карманами. Отъѣзду шейха предшествуетъ праздникъ жертвоприношенія, которое совершается съ большимъ торжествомъ. Разрѣшается каждому домохозяину привести къ шейху одного барана, а нѣсколькимъ вмѣстѣ (не болѣе 7 домохозяевамъ) одного быка или корову. Всѣ эти животныя закалываются, и мясо распредѣляется самимъ шейхомъ собственноручно между семействами, при чемъ принимается во вниманіе число членовъ каждаго семейства. Предъ раздачей, часть мяса отдѣляется и варится въ огромномъ котлѣ. Вареное мясо также шейхомъ собственноручно распредѣляется на „пай“, которые заворачиваются въ лаваша и раздаются. Это мясо считается священнымъ.

Сектанты, изъ стремленія скрыть исповѣдываемую секту, живутъ совершенно замкнуто и при всякомъ удобномъ случаѣ стараются доказать, что исповѣдываютъ магометанскую религію шіитскаго толка, хотя вовсе не соблюдаютъ постовъ, не совершаютъ намаза, не придерживаются обрѣзанія, не платятъ ни „закътъ“, ни „фітре“, не имѣютъ мечетей, погребеніе совершаютъ секретно, ночью, при звукахъ „мей“ и „сазъ“ (дудочка въ родѣ свирѣли и струнный инструментъ въ родѣ балалайки) и предаются разнымъ увеселеніямъ, которыя строго запрещены шаріатомъ, словомъ, — игнорируютъ всѣ обряды магометанской религіи. Какъ обрядность, у этихъ сек-

тантовъ праяивуется повальный грѣхъ, совершаемый 9 марта, въ праздникъ новруза (день восшествія Али на халифатскій престолъ). Вино и спиртные напитки не запрещены и употребляются на праздникахъ въ изобиліи. Женщины не прячутся, какъ остальные магометанки. Хотя вся домашняя работа лежитъ на женщинахъ, но тѣмъ не менѣе онѣ не представляютъ изъ себя такого порабощеннаго элемента, какъ прочія мусульманки.

Магометане-шіиты и въ особенности сунниты чуждаются этихъ сектантовъ, избѣгаютъ ихъ общества, никогда не роднятся съ ними и не ѣдятъ у нихъ пищи, считая ее оскверненной. Сектанты же, несмотря на то что называютъ себя магометанами-шіитами, въ свою очередь, избѣгаютъ вообще магометанскаго духовенства и не входятъ съ ними ни въ какія пренія или сношенія.

Бывшій учитель Нахичеванскаго
городскаго училища *Ф. Султановъ.*

ОТДѢЛЪ Ш.

КУМЫКСКИЕ ТЕКСТЫ.

Шікестелер.

(Шікесте—тѣсня калѣки, т. е. влюбленнаго).

1. Мен саѣа јалѣанмедым!
Я тебѣ солгалъ ли я!
Халва айтмаган јалѣанни
людямъ не говорили јани
саѣа айтма калѣанмедым?
тебѣ говорить осталось ли мнѣ?
2. Јузукке таш салган—
Въ кольцо камень положилъ—
алмас бунап перезе;
алмазъ съ бирюзой;
јуреке болѣанмикен,
въ сердцѣ было ли,
доска карші терезе?
(что) возлюбленной насупротивъ окошко?
3. Кијин болмаі, тинч болмас
Трудной не бывши, легкой не будетъ
хынжалдан тїген јара:
отъ кинжала коснувшаяся рана:
Аллахдан геіген іште
отъ Бога приведшему дѣлу
јоктур етеме чара.
нѣтъ для дѣланія средства.

1. Развѣ я тебя обманулъ? Я никого не обманывалъ, а тѣмъ болѣе тебя. 2. Я вправилъ въ кольцо алмазъ и бирюзу; думалъ ли я когда-нибудь, что окно моей возлюбленной будетъ противъ моего? 3. Даже небольшая рана, нанесенная кинжаломъ, не легко излѣчивается; но отъ наказанія, присланнаго Богомъ, уже никакими средствами не освободишься!

4. Кара-ағачны ічіңне
Чернаго-лѣса внутри
караганім, гуігенім:
почернѣль я, сгорѣль я:
олеген olet болсун,
убивающій карбункуль чтобы былъ (тебѣ),
шунча мені суігеным!
столь моя возлюбленная!
5. Біілерде казағ-едым:
У князей слугою былъ я:
уісмз, ешіісмз-едым;
безъ дома, безъ дверей былъ я;
сені горуп, ачылдым:
тебя увидѣвъ, раскрылся я:
јамманук куісмз-едым.
очень мрачный былъ я.
6. Усталар гірер мечге
Мастера зайдуть въ кузницу
бічак етме, біз етме;
ножикъ сдѣлать, шило сдѣлать;
бір бусурман јок-мувен,
одного мусульманина нѣтъ ли,
арабизны туз етме?
отношеніе наше прямымъ сдѣлать?

4. Одинокій, какъ въ черномъ лѣсѣ, я измучился отъ тоски: пусть тебя карбункуль убьетъ, моя ненаглядная! 5. Я былъ у князей беспомощнымъ, безпріютнымъ, несчастнымъ слугою; а когда тебя увидѣлъ, то почувствовалъ себя счастливѣйшимъ человѣкомъ. 6. Чтобы сдѣлать какой-нибудь ножикъ или шило, найдутся и кузнецы и кузня; неужели не найти ни одного добраго человѣка, чтобы помирить меня съ тобой?

7. Сала-тауну еніші (еніште)

Сала-горы на сьлонѣ

сарка бішер јеміші;

медленно поспѣють фруеты;

сен каралып, мен гујуп,

ты почернѣвши, я сгорѣвши,

олемен сені сујуп.

умираю я, тебя полюбивши.

8. Алма-терейні какып,

Яблонное дерево постукивая (потрусивъ),

курусун отка јакып;

засохшее въ огнѣ зажегши;

нече бір гун турајим,

сколько одинъ день буду ждать я,

сені бетінге бакып?

тебѣ въ лицо смотрѣвши?

9. Тауушга чыккан ата,

На крикъ выходящей лошади,

таууштан алыңган егерде;

(не) изъ крика взятой гончей собаки;

онбешінде сен чыксан,

пятнадцать ты выйдешь если,

тіјерсен ьар-негерде.

будешь стоять, сколько угодно.

7. Какъ на сьлонѣ горы Сала медленно поспѣвають фруеты, такъ и наше счастье настанетъ не скоро: я совсѣмъ измучился отъ любви къ тебѣ. 8. Какъ вѣтки яблони отъ времени высыхаютъ и быстро сгораютъ въ огнѣ, такъ и я, любуясь твоимъ лицомъ, сгораю отъ нетерпѣнія въ ожиданіи счастья. 9. Не какъ старая гончая собака, лишившаяся славы, а какъ прославленная молодая лошадь ты будешь неоцѣнима, когда тебѣ настанетъ пятнадцать лѣтъ.

10. Шавухал біім ат берген
Шамхаль князь мой лошадь подарилъ
гумбетлі таулусуна;
гумбетлинскому горцу;
gümellicin нокта етіп,
шелковое покрывало недоуздомъ сдѣлавъ,
мінме жахшы савурусуна.
сидеться хорошо на крупѣ ея.
11. Бармазымны бичаъ гесген,
Палець мой ножикъ обрѣзалъ,
акаган каны бунап;
потекла кровь изъ;
менде айтајим — „аламан-деп!“
я и скажу — „возьму!“
Не бітер авы бунап?
Что вырастетъ того изъ?
12. Сарын oilai, соз oilai,
Пѣсню думая, слово думая,
болгамман цаннан јарты;
сдѣлался я изъ души половинной;
сен болмасаң—бір дабы:
ты не будешь если—одна другая:
сенмусан дујинаны арты?
ты ли еси свѣта послѣдняя?

10. Князь Шамхаль подарилъ лошадь гумбетлинскому горцу: хорошо было бы на ней ускакать съ моей возлюбленной, сдѣлавъ недоуздомъ изъ ея шелковаго покрывала. 11. Ножикъ обрѣзалъ немного мой палець, и потекла кровь, а сколько потечетъ крови, когда узнаютъ, что я женюсь на тебѣ. 12. Слагая пѣсни для тебя и говоря тебѣ слова любви, въ безнадѣжномъ ожиданіи, душа моя совсѣмъ измучилась; если ты не желаешь быть моей возлюбленной, то найдется другая красавица: ты не одна на свѣтѣ.

13. Комузум јашыл перделі;
Гармоника моя съ зелеными ладами;
гучум, тілім јетішсе,
силы моей, азына моего хватить если,
коімаседім шо јерде.
не оставилъ бы на этомъ мѣстѣ.
14. Абзарда кују каздым;
На дворѣ колодець вырылъ я;
аурувум јок, смркавум;
болѣзни у меня нѣтъ, неадоровья у меня (нѣтъ);
сені сујуп, аздым.
тебя полюбивши, похудѣлъ я.
15. Којан отарда, кыјакта;
Заяцъ на пастбищѣ, на осокѣ;
сеннен аруу цан болмас
тебя красивѣе душа не будетъ
Дағыстан топракта.
Въ Дагестанской землѣ.
16. Бузулсун Кызлар-кала!
Разрушится пусть Кызларь-красивость!
Бузулсун, јіламасын!
Разрушится пусть, не оплакиваетъ пусть!
Сауда гоңгум алмаган,
Когда живой былъ, сердце мое не брала,
олгеңге јіламасын.
умершему пусть не плачетъ.

13. Гармоника моя красива, и если бы сила моихъ хватало, и я умѣлъ пѣть, то я не переставалъ бы играть для тебя. 14. Я вырылъ на дворѣ колодець, чтобы броситься въ него, потому что я, влюбившись въ тебя, совсѣмъ измучился, хотя у меня и не было никакихъ болѣзней. 15. Какъ нѣтъ животнаго на пастбищѣ красивѣе зайца, такъ нѣтъ во всемъ Дагестанѣ дѣвушки красивѣе тебя. 16. Пусть разрушится городъ Кызларь! Къ чему ей плакать: когда я былъ живъ, она меня не любила, а теперь не нужны мнѣ ея слезы—я умираю!

17. Бір аітым, екі аітым,
Разъ сказаць я, два сказаць я,
баштан гетмес ішны аітым;
изъ головы неуходящее дѣло сказаць я;
болмаіман ебін табуц.
не могу я средство найди.
18. Сахтіжан чарык гііп,
Сафьянный чувакъ надѣвши,
олемен сені сујуп;
умираю я тебя полюбивши;
мені гімікъ халк суісе,
миѣ подобно люди полюбятъ если,
оліредін гоз тііп.
умерла бы ты, (на) глазъ попавши.
19. Јар јаґада ујугуз,
Скалы на краю домъ вашъ,
чаґаі тавукъ буумасын:
шакаль курицу не душитъ пусть:
мен сеннен айрылсам,
я отъ тебя отдѣлюсь если,
јарык јулдуз туумасын.
свѣтъ (свѣтлая) звѣзда не родится пусть.

17. Много разъ я говорилъ ей о любви; она не выходитъ у меня изъ головы, но не могу найти средства жениться на ней. 18. Желая понравиться тебѣ, я надѣлъ сафьянные чувяки: я изнываю отъ любви къ тебѣ; что же будетъ, когда всѣ люди станутъ любить тебя такъ, какъ я люблю: тебя сглазятъ! 19. Вашъ домъ на краю скалы: боюсь, тебя такъ погубятъ, какъ шакаль—курицу; если я лишусь тебя, то пусть померкнутъ звѣзды неба.

20. Ертенде гел, ахшамда,
 И утрошь приди, и вечеромъ,
 тушта гелсен, табулман;
 во снѣ (во время сна) придешь если, найдусь я;
 бујур кулдук! Баш-усте:
 прикажи службу! Головы на верху:
 сен айтванга кабулман.
 тобой (съ) сказаннымъ согласенъ я.

21. Будаины буртук алсын—
 Пшеницу зерно возьмешь пусть—
 екіден тугу, учтен:
 изъ двухъ нѣтъ, изъ трехъ:
 Аллах бермеген затны
 Богомъ не данную вещь
 алма болурмы гучтен?
 взять можно ли насилу?

22. Таулардан тау біжік;
 Изъ горъ гора высокая;
 смзѣрсам, чыкар гіжік;
 засвищу если, выйдетъ лань;
 анаң сенден сујунсун,
 мать твоя отъ тебя обрадуется пусть,
 гунну шауласі гімік.
 солнца лучу подобно.

20. Въ какое бы время дня и ночи ты ни пришла, я буду наготовѣ; все, что ни прикажешь, исполню: твое желаніе—для меня законъ! 21. Въ видѣ калыма за тебя, я готовъ отдать изъ урожая пшеницы треть, а не половину: Богъ не далъ больше—насилу не возьмешь. 22. Ты красивѣе всѣхъ дѣвушекъ, какъ высокая гора выше мелкихъ горъ; на мой зовъ ты выбѣгаешь подобно лани; пусть мать твоя любитъ тебя, какъ солнце—своимъ свѣтомъ.

23. Ак коіларны бичавлап,
Бѣлыхъ барановъ зарѣзавъ,
кара коіну паралап,
чернаго барана растерзавъ,
јауу јурегін јагајім,
жирное сердце твое раскрою я,
јаңғыз уіде аралап.
одинокую (тебя) въ комнатѣ поймавъ.
24. Касапчыдан ет алма,
Отъ мясника мяса не бери,
ет алсан, бауур алма;
мясо возьмешь если, печенку не бери;
мен айткан созлерні
мною сказанныя слова
гоңғуңге ауур алма.
въ чувство свое тяжело не бери.
25. Алма-терек алаша,
Яблонное дерево низкое,
мен қагајім, сен аша;
я потрушу, ты кушай;
мамук тошек, куw јастук:
ватный тюфякъ, пуховая подушка:
gel јагаіе јанаша.
приди ляжемъ вмѣстѣ.

23. Зарѣжу бѣлыхъ и черныхъ барановъ, устрою пиръ и сыграю свадьбу; когда останемся съ тобой одни въ комнатѣ, то заставлю тебя раскрыть предо мною твое недоступное сердце. 24. У мясника мяса не покупай, а если купишь, то печенку не бери; со мной не шути, а если будешь шутить, то моими словами не обижайся! 25. Я стану трусить яблоню, а ты собирай яблоки и ѣшь; потомъ постелемъ подъ деревомъ мягкую постель и ляжемъ рядомъ.

26. Аллах жаратган коину
Богомъ созданнаго (у) барана
екі болур буйрегі;
двѣ бываетъ почки;
сокур бунап аўсакны
слѣпой (у слѣпого) съ хромныъ
уллу болур јурегі.
большое бываетъ сердце.
27. Таргуланы уілері
Таргинцевъ домовъ
алдында кабурлары;
впереди могилы;
сен болмаган, дунјаны
ты не была, свѣта
аілансын тамурлары.
закружатся пусть жилы.
28. Карасам — карамаісан,
Посмотрю если, не помотришь,
аврусам — сорамаісан,
заболѣю если, не спросишь,
хатырымны білмеісен:
уваженіе мое не знаешь ты:
цаныма јарамаісен.
душѣ моей не годишься.

26. Какъ двѣ почки бываютъ у одного барана, такъ и слѣпого съ безногимъ соединяетъ общее горе. 27. Если тебя не станетъ, то пусть весь свѣтъ разрушится и покроется развалинами, какъ аулы даргинцевъ. 28. Когда на тебя смотрю, ты отварачиваешься отъ меня; когда бываю боленъ, ты обо мнѣ не спрашиваешь: меня не любишь, и я тебя не буду любить.

29. Жілкыдан ат гелтіріп,
Изъ табуна лошадь приведши,
жер салдым алапага;
сѣдло положилъ я на лошадь;
атылып атка міндім,
вспрыгнувъ, на лошадь сѣлъ я,
сен караисан тамашага.
ты смотришь на зрѣлице.
30. Тау арасы тар жерде,
Горъ между—узкомъ мѣстѣ,
тартмадын булегімнен;
не тянула ты съ руки моей;
тамурланган терек-деі,
уворенившемуся дереву подобно,
таімаісан жүрегімнен.
не отходишь изъ сердца моего.
31. Ал дараі гоілеѣ гїііп,
Алаго шелка рубашку (ты) надѣвши,
олемен сені сујуп;
умираю тебя полюбивши;
мені гімік сен суісен,
мнѣ подобно ты полюбишь если,
оліреднн гоз тіііп.
умерла бы ты (на) глазъ попавши.

29. Я уже изъ табуна привелъ лошадь, осѣдлалъ ее и вскочилъ на нее, а ты смотришь равнодушно на мой отбѣздъ. 30. Хотя въ несчастѣ ты не послѣдовала за мной, но все-таки твой образъ, подобно дереву, вворенился въ моемъ сердцѣ. 31. Ты прекрасна въ рубашкѣ изъ алаго шелка: я умираю отъ любви въ тебѣ,—если бы и ты такъ же любила меня, то люди тебя сглазили бы, и ты давно умерла бы.

32. Тулкудан амалчнсен,
Лисицы хитрѣ ты,
озун жалданчнсен;
ты сама обманщица ты;
сујемендеп, айтаман,
люблю я, говорю,
не етсем, инанысан?
что сдѣлать мнѣ, чтобы ты повѣрила?
33. Сурат даісан јазылган,
Картинѣ подобна ты написанной,
бетде кабур каздырган;
на склонѣ могилу заставляющая выкопать;
сені бетін тугулу
(это) твое лицо не ли
мені шулаі аздырган?
меня такъ заставившее худѣть?
34. Інарал Ібраһім ханда
У генералъ Ибрагимъ хана
тузу атлыдыр бѣим;
вѣрно верховымъ, книжня моя;
сен болмаган јерлерде
ты не бывающихъ (въ) мѣстахъ
гелмесдыр мені бујум.
не придетъ мое веселье.

32. Ты сама хитрѣ лисицы и обманщица! Увѣрю тебя
въ моей любви; что же мнѣ дѣлать, чтобы ты повѣрила? 33.
Ты писанная красавица; но красота твоя доводитъ юношей
до могилы: не твое ли лицо заставило меня такъ похудѣть?
34. Хотя я служу верховымъ у генерала Ибрагимъ-хана, но
мнѣ, свѣтъ мой, тамъ скучно, потому что тебя нѣтъ со
мною.

35. Жеміш татли жер **Нажіда.**
Фрукты сладкіи на землі Мекки.
Бузулсун **Кызлар-кала!**
Разрушится пусть Кызларь-крѣпость!
Мен жазыкли **болмасын**
я несчастнымъ, какъ не будетъ пусть
бусурманни баласі.
мусульманнина дитя.
36. Падчаны **тепсісінда**
Царя за столомъ
селдерлер болур ашта;
намѣстники будутъ на обѣдѣ;
булаі гоңгун баривен,
такая дума твоя была если,
неге айтмаједын башта?
почему не сказала вначалѣ?
37. Харс-калада дауу болган,
(Въ) Карсь-городѣ война была,
алма тура каланы;
взять (чуть) оставалось городъ;
бузмага суімеједім
испортить не хотѣлъ я
сені бунан араны.
тобой съ отношеніе.

35. Не для меня сладкіе финики, растущіе на землѣ Мекки! Пусть разрушится городъ Кызларь! Ни одному мусульманину не пожелаю бы быть такимъ несчастнымъ, какъ я. 36. За царскій столъ садятся обѣдать сановники; если у тебя было желаніе быть въ высокомъ обществѣ, то почему ты раньше не сказала мнѣ объ этомъ? 37. Какъ во время осады Карса наступилъ моментъ, когда оставалось взять городъ, такъ и въ нашихъ отношеніяхъ все зависѣло отъ одной минуты; но я не захотѣлъ доводить дѣла до крайности.

38. **Х**арс-калада дауу болган,
(Въ) Карсъ-городъ война была,
онауу гирген арага;
десятеро вошли между;
ја инандыр, ја јандыр,
или заставъ вѣрять или сожги,
тајандыр бір карага.
заставъ облокотиться на одномъ черномъ.
39. **А**т аркаладым бавуга;
Лошадь привязалъ на веревкѣ въ саду;
арканы учу кавуга;
веревки конецъ въ болотѣ;
јиламагин олгенде,
не плачь во время смерти (моей),
гоңгуңга алмадын савуга.
въ чувство свое не взяла, когда живой (я былъ).
40. **К**исемде кісмин тарак,
Въ карманѣ моемъ карманный гребешокъ,
алтыннан саткылым;
изъ золота кресиво мое;
ат арба тартмас гимиѣ
лошадь арбу (если) не повезетъ подобно,
саға калган хатырым.
(къ) тебѣ осталось уваженіа у меня.

38. Судьба Карса наконецъ рѣшилась: десятеро ворвалось
внутрь стѣнъ; такъ и ты, или дай слово, что будешь любить
меня, или отвергни мою любовь—скажи рѣшительное слово.
39. Лошадь привязалъ я въ саду, но не досмотрѣлъ: ее уве-
ли, а конецъ веревки очутился въ болотѣ; такъ и ты не
любила меня при жизни: когда меня не станетъ, поздно ту-
жить! 40. Я завидный женихъ: я щеголь и богатъ; отъ
избытка чувствъ къ тебѣ я такъ изнываю, какъ лошадь отъ
перегруженной арбы.

41. Ат біжік - деп—мінмедім,
Лошадь высокая, говоря, не съѣз я,
суу терен - деп—гірмедім;
вода глубокая, говоря, не вошелъ я;
шунча суйгеллігім
столько любовь мою
гішіге білдірмедім.
человѣку не давалъ знать.
42. Ананай Али-Арслан,
Та-та-та Али - Арсланъ,
куреге ашар бий Арслан;
курагу съѣсть князь Арсланъ;
кысмы беліңнен алсам,
сжавъ за талию твою возьму если,
кісеме сярсан.
въ карманъ моемъ помѣстишься.
43. Татавулдан суу алдым,
Изъ канавы воду бралъ,
курухъ салса, боіламай;
длинную палку поставитъ если, не доставитъ (для канавы);
туштум сені артыңнан,
сталъ ходитъ тебя сзади,
ахратымны оіламай.
загробную жизнь мою не думалъ (не вспоминалъ).

41. Я былъ остороженъ: на высокую лошадь не садился, въ глубокую воду не входилъ и о любви своей никому не говорилъ. 42. Вотъ потѣха! князь Али-Арсланъ въ дуракахъ останется, а я тебя увезу: ты такая маленькая, что помѣстишься даже въ моемъ карманѣ. 43. Бралъ воду изъ колодца, не думая о томъ, что онъ глубокъ; сталъ я за тобой ухаживать, не подумавъ о томъ, что это можетъ меня довести до могилы.

44. Олгенге кабур казар,
Умершему могилу выкопають,
курей ташлар топрак;
лопата будеть бросать землю;
сени гими́ тынч болсун
тебѣ подобно легко будеть нусть
ашама аш, ги́ме опрак.
для ѣды обѣдъ, для надѣванія платье.
45. Сарар атка кумук минип,
На желтоватую лошадь кумык сѣлъ,
басыш куірукун тујун;
сдавивъ хвостъ " подвязавъ;
язар-мукен гунаџга,
напишетъ ли (Богъ) въ грѣхъ,
јуруіман сени сујун.
хожу я тебя любя.
46. Ананаі, ага, ага!
Ай-ай-ай, баринъ, баринъ!
аџач Герзели јаџа;
лѣсъ Герзели край;
јар курсаџым, ая цаным,
разруби животь мой, возьми душу мою,
нечиѣ етејим саџа?
какъ дѣлалъ тебѣ?

44. Когда умру, для меня выкопають могилу и засыплют ее землею; ты же, какъ ни въ чемъ не бывало, ѣшь на здоровье и наряжайся щеголихой! 45. Я подвязалъ хвостъ своей лошади золотистой масти и сѣлъ на нее, чтобы уѣхать къ тебѣ; неужели Богъ сочтетъ за грѣхъ, что я люблю тебя и ѣзжу къ тебѣ? 46. Баринъ, баринъ! Хоть на краю Герзелинскаго лѣса убей меня и возьми мою душу; что же дурного я сдѣлалъ тебѣ?

47. Сизін уіну таміна,
Вашего дома стѣнѣ (подобно),
бізім уіну тапіна;
нашего дома камню;
быртыш салдым кармакни
неудачно попалъ я крючкомъ
калбани кыз јашина.
потаскухи дочь въ молодую.
48. Орде карагаі такта,
На верху сосновая доска,
јерге тушсе, снмакта;
на землю упадетъ если, готова сломаться;
gelip сізге тушасап,
пріѣхавши (хорошо бы) у васъ остановиться,
ухлап ујаңган чакта.
(а) заснувши проснутъся во-время.
49. Ухлап ујандым
Заснувши проснулась я
ала гозну сесінден;
пестраго-глаза отъ голоса;
һаива салып, нар алдым
айву положивъ, гранать взяла
досумну кісесінден.
милаго моего изъ кармана.

47. Какъ трудно сдвинуть камень со стѣны вашего или нашего дома, такъ трудно соблазнить молодую дочь потаскухи. 48. Нары изъ сосновыхъ досокъ легко могутъ сломаться. Тѣмъ не менѣе, хочется пріѣхать еъ вамъ и остановиться на ночь; но лишь бы проснутъся во-время, а то можетъ случиться что-нибудь непріятное. 49. Голосъ моего милаго разбудилъ меня, и я съ нимъ помѣнялась подарками.

50. Хынжалым ені кадау,
Кынжалъ мой (имѣеть) двѣ пугови,
біріні салсаң, уч болур;
одну (еще) если положишь, три будетъ;
бір јаным аwurf тартып
одинъ бокъ мой тяжело потанувъ,
бір јаннма гуч болур.
одному (другому) боку моему трудно будетъ.
51. Јазда ораp аршани,
Весной будутъ жать ячмень,
артындан будаіланы;
за нимъ пшеницу;
бетерінден саклаңгн,
отъ худшаго сохраните,
гормедім шулаіланы.
не видѣлъ я такихъ.
52. Казак каладан отіп,
(Черезъ) казачью станицу проѣхавъ,
Герзелиде гун ашап;
въ Герзели день съѣвъ;
аітсам, октем боласан,
скажу если, церемонная чтобы сдѣлалась,
болмаіман сенсіз јашап.
не могу я безъ тебя живя.

50. Если къ двумъ пуговкамъ моего кинжала прибавить еще одну, то будутъ три; если на мое одно плечо повѣситъ тяжесть, то и другому плечу будетъ трудно. 51. Послѣ уборки ячменя обыкновенно жнутъ пшеницу; отъ грядущихъ бѣдствій меня избавьте, съ меня и настоящихъ довольно. 52. Я проѣхалъ казачью станицу и только на одинъ день остановился въ Герзели; торопился къ тебѣ: не могу жить безъ тебя, хотя ты и капризная.

53. Ак тује, кара тује;
Бѣлый верблюдь, черный верблюдь;
караіман тал гује;
смотрю я верба горить;
не аламят, білмеімен,
что за чудо, не знаю,
цанним сені коп сује.
душа моя тебя много любить.
54. Ат тујабын тајі басар;
Лошади (на) коньто жеребенюхъ наступитъ;
гунун горер олмеген;
день твой увидитъ не умирающій;
бір сені јаманцгнан
одинъ (кромя) твоего злого поступка твоего,
не кадды мен гормеген?
что осталось мной невидѣнное?
55. Качан бір гун турарбиз
Когда одинъ день стоять будемъ мы,
чалыдан карап кустуна;
чрезъ плетень смотрѣвъ вздыхалъ;
атыда олгенікен,
и лошадь (твоя) издохла, оказывается:
анаң jilei устуна.
твоя мать плачетъ наверху (ея).

53. Я видалъ и черныхъ и бѣлыхъ верблюдовъ, видалъ какъ горить зеленая верба, но такую, какъ ты, я никогда не видалъ: очень люблю тебя! 54. Твой молодой любовникъ не опасенъ для меня, какъ жеребенюхъ, наступившій на ногу лошади; если онъ не умретъ, то увидитъ твой конецъ: я ничего (хорошаго) не видѣлъ отъ тебя, кромя твоихъ дурныхъ поступковъ. 55. Сколько же времени мы будемъ вздыхая смотрѣть другъ на друга чрезъ плетень? И увезти меня ты не можешь: издохла лошадь—твоя мать надъ ней плачетъ.

56. Ајағымда ал чарык,
 На ногѣ твоей алый чувякъ,
 озум тартып гїједым;
 я самъ натянувъ надѣль;
 анча матаһ тугуҗсен:
 столько привлекательна не еси ты:
 куімурлубуң суједым.
 симпатичность твою любилъ я.
57. Ајағымда ал чарык,
 На ногѣ моеѣ алый чувякъ,
 бутларымда ішімім јок;
 на голенахъ моихъ ноговицы моеѣ нѣтъ;
 тар тѣырык, тар сопмак—
 узкая улица, узкая тропинка—
 тартмадың булегімнен.
 не тянула ты за руку мою.
58. Тегін самаілар тугуҗ:
 Напрасно локоновъ нѣтъ:
 чабыштыр екевуне.
 заставъ скакать обоихъ.
59. Дум тугуҗ, халча тугуҗ,
 Паласъ не есть, коверъ не есть,
 ыңјін заја халчага:
 трудъ напрасный для ковра:
 јаш омуруң заја етме
 молодую жизнь свою напрасно не дѣлай
 етмеге кара халчага.
 для дѣланія чернаго ковра.

56. Я надѣль на твои ноги красные чувяки: люблю тебя за твою миловидность, хотя ты и не красива. 57. На моихъ ногахъ красные чувяки, но ноговицы у меня нѣтъ—я бѣденъ; ты не послѣдовала за мной, когда меня постигло несчастье. 58. Не даромъ у тебя роскошные локоны: кокетничай съ двумя. 59. У тебя нѣтъ ни ковра, ни паласа; къ чему губить молодую жизнь, работая по дѣлымъ днямъ надъ проклятымъ ковромъ?

60. Сідіруу туенер,
Рядомъ лавки,
сырлаңган бағанаси:
выкрашенный столбъ:
неммі горуп айрылдиң,
что мое увидѣвъ разсталась,
не болду бағанаси?
что было причиной?
61. Отбашка шере бере,
Камину глину дасть (мажетъ),
кесеулерні тебере;
головешки толкасть;
сен шулаі тугуледің:
ты такою не была:
саға біреу тіл бере.
тебѣ кто-то языкъ дасть (съ толку сбиваетъ).
62. Гамуш јектім арбага
Буйвола запрегъ я въ арбу
кансоралга бармага:
въ канцелярію (чтобы) поѣхать:
цанним гірген цанниңга,
душа моя вошла въ душу твою,
болмаіман чыңармага.
не могу вынуть.

60. Я богатъ—у меня рядъ лавокъ съ разукрашенными столбами: чѣмъ же ты была недовольна, что разлучилась со мной? 61. Видно, кто-то поджигаетъ тебя и наговариваетъ на меня: ты прежде не была такою! 62. Я запрегъ буйволовъ въ арбу, чтобы ѣхать въ канцелярію хлопотать о нашей свадьбѣ: не могу я жить безъ тебя!

63. Терк жаҗасі тезекъ,
Терека на берегу кизякъ,
бузулсун Темтеузеъ;
разрушится пусть Темтеузеъ (ауль);
кім јас етер, кім јілар,
кто оплакиваніе сдѣлаеть, кто будетъ плакать,
шулаілык-бунан олсеъ?
такимъ образомъ умреть если?
64. Сені алсин бараҗанлм,
Тебя ну-ка возьметъ барагунецъ,
сені алмак маҗа калдм;
тебя взять мнѣ осталось;
сені алажак уланни
тебя берущаго (у) юноши
бармукен есі цани?
есть ли двѣ души?
65. Ананайім каманча,
Та-та-та скрипка,
гече јурур наманча;
ночью будетъ ходить скрипка;
аірылмадмн досудгнан
не разлучайся ты отъ друга своего,
кыјамат гун болгунча.
свѣтопреставленіи день нока будетъ.

63. Ауль Темтеузеъ пусть разрушится, и берегъ Терека покроется кизякомъ; кто о насъ будетъ плакать, кто будетъ насъ вспоминать, если и мы такимъ образомъ погибнемъ? 64. Я женюсь на тебѣ: юноша барагунецъ лишится жизни, если посмѣетъ свататься за тебя. 65. По ночамъ играйте на скрипкѣ, веселитесь, но съ друзьями своими до конца жизни не разлучайтесь!

66. Къямат гун болгунча
Свѣтопреставленія день пока будетъ,
ешекке мінер тажал;
на осла сядеть тавлинецъ;
гелмесең — саға талау,
если не выйдешь — тебѣ язва,
алмасам — маға ажал.
если не возьму — мнѣ смерть.
67. Чум аҗачтан чіп етіп,
Кизиловаго изъ дерева вилку сдѣлавъ,
елмеден кашык етіп;
изъ липы ложку сдѣлавъ;
ала говуңгну оінатіп,
пестрый глазъ свой заставивъ играть,
олтірдің, ашың етіп.
убила ты, влюбленнымъ сдѣлавъ.
68. Аруу боі, іспәжі соі (боі):
Красивый ростъ, пріятный ростъ:
сеннен артык боі неге?
теба лишній (больше) ростъ почему (на что)?
ана каздаі чаікалып,
мать гусей переваливаясь,
сен болмаган јерлерде.
ты не бывающихъ (въ мѣстахъ (тѣхъ тебѣ нѣтъ)).

66. Не за тавлинца, — за меня выходи замужъ: онъ до конца своей жизни будетъ ѣздить на ешакѣ; если за меня не выйдешь, то чтобы язва убила тебя, а если я не женюсь, то пусть меня возьметъ смерть! 67. Какъ мастеръ искусно дѣлавъ изъ кизиловаго дерева вилку и изъ липы ложку, такъ и твои красивые глаза меня очаровали, и я влюбился въ тебя. 68. Ты высоваго роста и граціозна; видишь тебѣ нѣтъ никого: женщины другихъ мѣстностей, въ сравненіи съ тобой, похожи на старыхъ гусей.

69. Тау арасы, тар сопмак—

Горь между, узкая тропинка—

тартмадың бүлегімнен,

не потянула за руку мою,

айтма сарын білмедім

сказать пѣсно не сумѣлъ я,

сујундурген јүрегін сенін.

радующую сердце твое.

70. Гече демеі, гун демеі,

Ночь не говорил, день не говорил (не обращалъ вниманія),

гертме демеі, чум демеі;

дикая груша не говорил, кизиль не говорил;

мен јуруімен сені учун,

я хожу тебя ради,

сен турасан іннемеі.

(а) ты остаешься равнодушной.

71. Тас болсун

сені затиң,

Пропасть чтобы сдѣлалась (чтобы пропала) твоя вещь,

табулмасиң герегиң,

чтобы не находилось нужное твое,

хурма-біта босада,

(а) фини́къ-растущее (дающее) если будетъ,

вуруп калсиң терегиң.

высохнувъ чтобы осталось дерево твое.

69. Ты не последовала за мной въ тяжелое время, и я не захотѣлъ пѣть пѣсно, радующую твое сердце. 70. Изъ-за тебя я ходилъ и днемъ и ночью, пытался лѣсной грушей и кизиломъ, а ты ко мнѣ относишься равнодушно! 71. Чтобы пропала твоя вещь и пропажа твоя не нашлась! Если у тебя есть финиковое дерево, приносящее плоды, то чтобы оно засохло!

72. Ковде јетѣ јулдуз
На небѣ семь звѣздъ
тербенмес темыр-казык;
не пошевельнется сѣверъ;
екі бізде бір болсак,
двое мы одно если будемъ,
сені етменем јазык.
тебя не сдѣлаю бѣдной.
73. Арегі тауны еніші,
Далекой горы склоны,
берігі тауны јеміші;
сюда (близкой) горы фрукты;
сен саргајп, мен гујуп—
ты пожелѣвши, я сгорѣвши—
шулаі-му дунјаны іші?
такое ли свѣта дѣло?
74. Дунја малы дунјага:
Свѣта имущества на свѣтъ:
дунјага карамаіман;
на свѣтъ (міръ) не смотрю я;
сенсіз гетген омурну
безъ тебя прошедшую жизнь
гунлеге санамаіман.
за дни не считаю я.

72. На небѣ соединилось семь звѣздъ, и не пошатнется небесная твердь; если мы съ тобой соединимся, то не побоимся бѣдности. 73. Мы съ тобой живемъ отдѣльно, какъ двѣ горы; твоя красота блекнетъ, я горю отъ страсти—того ли мы ждали отъ жизни? 74. Меня привлекаютъ въ этомъ мірѣ не деньги и не богатство; все это суета; жизнь безъ тебя для меня не существуетъ!

75. Чабушган гун шатлык етмес,
Рѣзни въ день радости не сдѣлаеть,
тал боилар, мнх санлар!
въ вербу ростъ, (какъ) гвоздь тѣл!
чабушган гун чул бермес,
рѣзни въ день попоу не дастъ,
„мен! мен!“ деген арсланлар!
„я! я!“ говоращѣ льви!
Нечесі биілер, ханлар,
Сколько князей, хановъ,
нечесі турлу цанлар;
сколько разныхъ людей;
шулаі аламат ішні
такое удивительное дѣло
горген-мукен інсанлар?
видѣли ли люди?
Инсансан—elli јаша,
Человѣкъ ты—50 (лѣтъ) живи,
elli, јуз, алтмыш јаша,
50, 100, 60 (лѣтъ) живи,
шулаі аламат ішні
такое удивительное дѣло
горген босан тамаша.
видѣлъ если ты интересное.

75. Въ день рѣзни не вутятъ; эй вы, молодцы, высокаго роста и съ желѣзнымъ тѣлосложеніемъ! Въ день рѣзни спины врагу не показываютъ; эй вы, которые хвастаетесь львиной храбростью! Тамъ было много князей, хановъ и разныхъ людей; видѣлъ ли кто-нибудь такое удивительное дѣло? Если будешь жить 50, 60 и даже 100 лѣтъ, то все-таки не увидишь такого удивительнаго происшествія!

Күіганы куіма алтын,
Отливка литая (изъ) золота,
жер капі гумуш јана,
сѣдла лукъ (какъ) серебро горить,
тізгінлері тасмадан,
ноговицы изъ кожи (сыромятн. козиной),
аузулузу болаттан.
удила изъ стали.
Јолдан отіп бараган,
Черезъ дорогу проѣхавъ ѣдущій,
бір ат болган базана
одна лошадь бывшая причиною,
ермелі Гебекъ пристоп,
армянинъ Гебекъ приставъ,
јахшы ат деп, мактаі болган.
„хорошая лошадь“ говоря, хвалилъ бывший.
Отіп бараган бір ат
Проѣхавъ ѣдущій, (на) одной лошади
гозлері шонна болган;
глаза тамъ бывшіе;
гереклі, цанарлы,
нужный, не трусливый:
тартмаі тіреп урган.
не тануль, воткнувъ ударившій.

Наборъ сѣдла у Айболата былъ весь изъ золота, а лукъ изъ серебра; ноговицы изъ козиной кожи, а удило изъ стали. По дорогѣ ѣхалъ приставъ армянинъ Гебекъ; когда онъ увидѣлъ лошадь съ богатымъ сѣдломъ, то сталъ очень ее хвалить. Проѣхалъ нашъ всадникъ, но Гебекъ не отводилъ отъ лошади его своихъ глазъ и, долго не разсуждая, ударилъ его вилжаломъ. Всадникъ, правда, былъ мужественный и храбрый, но онъ не устоялъ въ неравной борьбѣ.

Булар булаі болган,
Эти такой бывшій,
тахталы уі каннан толган,
деревянный полъ комнаты кровью полный,
бір колу Айболатта,
одна рука у Айболата,
бір колу кара одта;
одна рука въ черноѣ огнѣ;
алтыш јара тiiген соң,
шестьдесятъ ранъ касанiя (полученiя) послѣ,
не калыр гуч-куват.
что остается сила-мощь?
Бузулсун кансорал!
Разрушится пусть канцелярiя!
ешiкleri карагаі,
двери сосновыя,
терезелери шiша;
окошки стеклянныя;
карлагач алган кырвы даі
ласточку берущему ястребу подобно
цин тартып уруша.
чортъ потянувъ въ драку.

Перенесли раненаго въ канцелярiю: деревянный полъ комнаты забрызганъ кровью. Одна рука у Айболата была отрублена, а другая — изранена, съ запекшейся на ней кровью. Онъ ослабѣлъ и потерялъ свои силы, такъ какъ на его тѣлѣ было 60 ранъ. Да разрушится канцелярiя съ ея сосновыми дверьми и стеклянными окнами! Чортъ толкнулъ его въ драку, какъ бросаетъ онъ ласточку ястребу въ когти.

76. Черкес бунаб абазехъ
Черкесъ съ абазехомъ
ѡапкун атлар батаган.
украденныхъ лошадей потопившіе.

— Ассаламу-алеікум!

— Здравствуй!

Јок-му тана сатаган?
Нѣтъ ли бычка продажнаго?

— Туплістен гелір чана:

— Изъ Тифлиса идуть сани:

алдына чыкып, сана;
впередъ выходи (встрѣчал), считай;

алмага сује босаң,
купить желаешь если ты,

менде бар јахши тана.
у меня есть хорошій бычокъ.

Тавлуланы чітасі,
Тавлинцевъ морковь,

аччі болур кагасі.
горькіе будутъ сушеные фрукты.

— Аіландирмаі, айт, конак:

— Не крути, скажи, гость:

недир шону баъаси?
что есть этому цѣна?

76. Черкесъ съ абазехомъ скрывали украденныхъ лошадей; чтобы скрыть отъ другихъ то, что они знаютъ другъ друга, они вступили въ слѣдующій разговоръ.— „Здравствуй!“ говоритъ одинъ, обращаясь къ другому: „нѣтъ ли у тебя продажнаго бычка?“ Другой отвѣчаетъ: „Изъ Тифлиса идуть сани—выйди навстрѣчу и сосчитай; у меня есть хорошій бычокъ; у тавлинцевъ и морковь и сушеные фрукты бывають горькіе“.— „Не хитри со мной, гость! Скажи прямо: какая цѣна твоему бычку?“

— Е'пмегиде, е'тиде,

И хлѣбъ его, и мясо его,

артык битсін кагасі;

лишніе выростуть пусть сушеные фрукты;

аїландирмаїман сені:

не кручу я тебя:

тобуз манат баъасы.

девять рублей цѣна.

— Ценнет пердесі ачылсын

— Рая занавѣсь раскроется пусть

сені тапкан анаңга!

тебя нашедшей матери!

тобуз манат бере-му

девять рублей дастъ ли (кто-нибудь)

дѳрт-манатлык танага?

(за) четырехрублевого бычка?

— Мен саға бермес учун

— Я тебѣ не дастъ для

ташларедым бір колга;

бросилъ бы въ одно ущелье;

тобуз манат бермесең,

девять рублей не дамъ если,

бар, улан, јахша јолга.

ступай, юноша, хорошей дорогой.

— „Чтобы у тебя было въ обилии и хлѣба, и мяса, и сушеныхъ фруктовъ! Я не хитрю съ тобой—цѣна бычку девять рублей“. — „Да раскроются двери рая предъ твоей матерью! Кто дастъ тебѣ девять рублей за четырехрублевого бычка?“ — „Я готовъ скорѣе бросить его съ кручи, чѣмъ продать дешевле; если не даешь девяти рублей, то ступай своей дорогой!

Екі улан јабышса,
Двое юношей поборатса если,
бір біріснн јіхснн;
одинъ одного повалить пусть;
тогуз манат бермесең,
девять рублей не дашь если,
еіувашиңга чыкснн.
на поминки твои выйдетъ пусть.

Если двое юношей поборатся другъ съ другомъ, то одинъ изъ нихъ побѣдитъ; если откажешься отдать девять рублей, то пусть эти деньги пойдутъ на твои поминки!

Записаны въ аулѣ Аксаѣ учителемъ Цаллаговымъ.

Замѣтка.

Какъ у другихъ народовъ тюркскаго племени, такъ и у кумыковъ, пѣсни эротическаго содержанія поются на свадьбахъ, на пирахъ, при ухаживаніи за невѣстой и при другихъ случайностяхъ. Эти пѣсни составляютъ собственно несложные отрывки, большею частію, четверостишія, но иногда попадаются трехстишія (въ настоящемъ выпускѣ №№ 1, 13, 14, 15, 17) и даже двухстишія (№ 58). Обыкновенно они состоятъ изъ двухъ частей, въ которыхъ выражается сравненіе двухъ явленій, при чемъ основная мысль, касающаяся отношенія къ любимой дѣвушкѣ, поясняется аналогіей, взятой изъ внѣшняго, окружающаго влюбленныхъ, міра. Въ нѣкоторыхъ, впрочемъ, весьма немногихъ пѣсняхъ связь между обѣими частями только искусственная, скорѣе основанная на рифмѣ или только на простомъ созвучіи и даже совпаденіи заключительныхъ словъ строки, чѣмъ на дѣйствительной аналогіи.

Въ значительной части сообщенныхъ здѣсь четверостишій заключается обращеніе влюбленнаго (калѣки) къ любимой имъ дѣвушкѣ; во двухъ, однако, замѣтны слѣды антифоническаго,

попеременнаго пѣнія; это, такъ-сказать, отвѣтъ влюбленной дѣвушки на заискиванія юноши (№№ 49, 55). Одна пѣсня, во второй своей половинѣ, заключаетъ въ себѣ нравоученіе (№ 3), а въ нѣсколькихъ другихъ затронуты различныя стороны человѣческихъ отношеній, сопоставляемыхъ съ подмѣченными пѣвцомъ явленіями природы и наблюденіями, взятыми изъ обыденной жизни (№№ 26, 46, 48, 50, 51, 65). Есть и такія пѣсни, въ которыхъ юноша, оскорбленный невниманіемъ дѣвушки въ его ухаживанію или ея измѣной, ищетъ исхода своимъ чувствамъ въ ѣдкой насмѣлкѣ надъ ея слабостями, въ упрекахъ въ безсердечіи и даже въ проклятіяхъ, не имѣющихъ, впрочемъ, рѣзкаго тона непримиримой ненависти (№№ 36, 44, 47, 54, 57, 58, 60, 61, 66, 69, 70, 71). Двѣ послѣднія пѣсни (№№ 75, 76) стоятъ собственно внѣ связи съ предыдущими: первая изъ нихъ передаетъ какой-то загадочный случай, кончившійся трагически для участника въ попойкѣ, а вторая—носитъ шутливый характеръ; ихъ можно было бы легко разбить на отдѣльныя четверостишія, связанные только по своему внутреннему содержанію, и потому-то я рѣшился ихъ отнести къ такъ называемымъ шивестелер.

Переводъ этихъ пѣсенъ былъ первоначально составленъ учителемъ-помощникомъ Костековскаго училища Курманали Канцевировымъ, но такъ какъ смыслъ нѣкоторыхъ мѣстъ остался невыясненнымъ, то я долженъ былъ прибѣгнуть къ помощи живущихъ въ Тифлисѣ кумызовъ, которыми не только провѣренъ текстъ, но и измѣненъ, гдѣ это оказалось необходимымъ, и подстроичный переводъ.

Л. Л.

Кумыкскія пѣсни.

I.

Размысленія кумыка.

Јаңгур јаумаі—јаз болмас;
Дождь не пойдеть—весны не будеть;

јазда гелген буз болмас;
весной пришедшаго льда не будеть;

јазбаш бітып—јаі гетип;
конецъ весны насталь—лѣто прошло;

гуз алмаі—кып болмас;
осень не возьметъ (своего)—зима не будеть;

алтын бунан гумуш деі*),
золоту съ серебромъ подобно,

антка јалзан соз болмас.
въ присягѣ ложнаго слова не будеть.

Ант бузмаган асілнн:
(У) присягу не нарушающаго благороднаго:

аігар созу јуз болмас.
сказанныхъ словъ ста не будеть.

1. Пока дожди не пойдуть, весна не настанеть; весною льда не бываетъ; насталь конецъ весны, до конца лѣта недалеко; пока осень не возьметъ своего, зима не настанеть. Какъ въ чистомъ золотѣ и серебрѣ не бываетъ примѣси, такъ и въ присягѣ—ложнаго слова; благородный человекъ, не нарушающій присяги, не измѣнитъ своему слову.

*) Деі переводится подобно, говоритъ, говорятъ; но собст. это сокращенная форма герундива (дејип) деп. Не происходитъ ли русс. частица *де*, въ сущности не объясненная правильно русскою грамматикою, отъ тюркскаго *деі*, которое имѣеть совершенно такое же употребленіе?

Тілеген бір тілегі түрлемей;
Просимое (еще) разъ просилъ не измѣнять;

тутар аны дертлері бірден;
схватать его горести сразу;

Хуланганни кара дерті аз болмас;
(у) обиженнаго чернаго горя мало не бываетъ;

дергим сызгыш—таймаі, оі, таймаі!
горе мое въ сборѣ—не проходитъ, ой, не проходитъ!

Хыяллары хнылы саға—туз болмас.
Мыслей много (у) тебя—правильно не будетъ.

II.

Наблюденія кумыка.

Кабулардан каты буран-жел емсе,
Съ востока жестокой буранъ-вѣтеръ подуетъ если *),

кажалага чу'ак отерме?
до защищеннаго отъ вѣтра яра непогода дойдетъ ли?

Лачыллани оңг канаты чорт сынса,
Совола правое крыло прямо переломится если,

кувалалан бунан кууга жетерме?
догоняющей съ лебеда, догонитъ ли?

Кырды кайр кушлар сызгырса,
Ястребъ, ретивыя птицы, засвилятся если,

алдыннан каз, какылап, отерме?
предъ нимъ гусь, гогоча, пролетитъ ли?

Проситель обыкновенно настаиваетъ на своей просьбѣ! Бѣда сразу обрушивается на человѣка. У несчастнаго недостатка въ горѣ не бываетъ; много у меня горя и нѣтъ надежды избавиться отъ него. Если у тебя въ головѣ слишкомъ много предположеній, то тогда не будетъ.

2. Если мѣстность хорошо защищена горами, то буранъ туда не доходитъ; когда крыло сокола переломится, то онъ не поймаетъ лебеда; если хищный ястребъ не дремлетъ, то гусь, гогоча безопасно, мимо не пролетитъ.

*) Вопросит. оборотъ въ данномъ случаѣ имѣетъ утвердительное значеніе.

Коклер бунап жерлер ачууланса,
Небеса съ землями рассердятся если,
жерлеге гокшу! отлер бітерме?
на землѣ синеподобныя травы вырастеть ли?
Опкелі бавур біріксе,
Легкія (сы) печенкой тѣсно соединятся если,
алага тушман клыч отерме?
тѣхъ вражья сабля срѣжетъ ли?

III.

Участь бобыля.

Какак етп, ер-казакым кахырмай,
Кашель сдѣлавъ (получивъ), слуга (если) будетъ харкать
кахырганна канлы гобук тукурмай,
(и) во время харканія кровавую пѣну будетъ выплевывать,
казакыма, тегін јатгаңга, мал бармы?
слугѣ моему, даромъ, при лежаніи, имущество есть ли?
Казакым чыккан мукен мал ізлеі? *)
Слуга вѣхалъ развѣ имущество искать?
Елпілені-еллені чіктыр артындан казаимни,
Стремительно какъ вѣтеръ, вышелъ сзади слуги моего,
бу казакны цан ізлеі.
этого слуги душу искать.
Азре'іл, алма мені цанымни,
Ангель смерти, не бери мою душу,
ботекеге јаума мені канымни!
на ковыль-травѣ не проливай мою кровь!

Если Богъ пошлетъ непогоду, то не вырастеть зеленая трава. Если люди будутъ жить между собой въ дружбѣ, то имъ нечего бояться вражьей сабли.

3. Если бобыль будетъ болѣть и лежать въ постели, то у него не будетъ заработка. Вотъ бобыль поѣхалъ искать заработка, а за нимъ по пятамъ ангель смерти, чтобы взять его душу. Ангель смерти! не бери мою душу, не проливай моей крови на зеленой травѣ!

*) ізлеі=ізілемеѣ, какъ етме=етмеѣ.

Azre'il! алма—сага цаным жоє,
 Ангель смерти! не бери—(для) тебя душа моя не есть,
 ботекеге јаіма—мені *) каным жоє.
 на ковыль-травѣ не проливай—моя кровь моя не есть.
 Мен олгенеп, жіламаға олжам жоє;
 Я когда умру, для оплакиванія (моего) жена моя не есть;
 олжам еді—олтурмага отау жоє;
 жена моя пришла—для сидѣнія брачная комната не есть;
 јамучум отау болуп, олтурсун;
 бурка моя брачной комнатою сдѣлавшись, пусть садится (поселится);
 камчум олжам болуп, тўјунсун;
 плеть моя женой моею сдѣлавшись, убивается пусть;
 јаш кызланы ціјіц, шонна јас етсин;
 молодыхъ дѣвушекъ собравъ, тамъ оплакиваніе сдѣлаетъ пусть;
 теңгілерім гелсин шонна јас берсин.
 ровесники мои придутъ, пусть тамъ оплакиваніе даетъ (дадутъ) пусть.
 Кокурегім толган мені коп дертым:
 Грудь моя полна моего многого горя моего:
 мен аланы кімне айтајем, кім білсин?
 я ихъ кому скажу, кто чтобъ узналъ?
 Мен олген соңг тахта тупте чірісин!
 Я умершій послѣ доски внизу сгниетъ пусть!

Ангель смерти! еще рано брать мою душу и проливать мою кровь на зеленой травѣ. У меня нѣтъ жены—если я умру, то некому плакать надъ моимъ тѣломъ. У меня нѣтъ ни кола, ни двора—если я женюсь, то женѣ негдѣ будетъ жить, развѣ изъ бурки моей сдѣлаю для нея брачную комнату. Моя жена—это плеть моя; пусть она, убиваясь по мнѣ, соберетъ молодыхъ дѣвушекъ и вмѣстѣ съ ними оплакиваетъ меня; товарищи же мои пусть соберутся и устроятъ поминки по мнѣ. Много горя въ моемъ сердцѣ, а мнѣ не съ кѣмъ имъ подѣлиться. Послѣ моей смерти мое тѣло сгниетъ подъ гробовой доской.

*) мені равняется азерб. мѣнім.

IV.

Жизненные правила кумыка.

Тартса болат, чорт сынмаиі, маірілмас.
Тянувь сталь, прямо сломається, не расколется.

Тартышмаі намарт јуреі сынашмас.
До вражды неблагородное сердце узвається не.

Аманлыкта сјууп, тутган теңг кардаш.
Благоволучіе любя, держаль согласнаго друга.

Кыјін гуңна анадаштаі гімік олмас:
Въ трудный день сестръ подобныхъ будетъ не:

анадаш ала гозну нуру дур;
сестра кестраго глаза сіяніе есть;

анадаш анадаштан айрса,
сестра сестры отъ отдѣлится если,

гертлеі кыјаматны гуну дур.
вѣрно свѣтопреставленія день есть.

V.

Хвастливость кумыкского джигита.

Аіланы аккан ана Терік јаџасында міна
Кружась протекающаго матушки Терека берегу на домъ
тігіп, олтурдум.
построивъ, поселился я.

4. Сколько бы усилій ты ни употребилъ, стальнаго прутка не расколешь, но сломаешь. Неблагородный человекъ обнаружитъ себя только во время ссоры; если хочешь имѣть сповойствіе, то выбирай друзей, живущихъ между собой въ согласіи. Въ несчастіи сестра самый вѣрный другъ: сестра лучше всякой красавицы; но если сестры станутъ между собой враждовать, то, значить, насталь день свѣтопреставленія!

5. На берегу Терека-батюшки, извивающагося между берегами, я построилъ себѣ домъ и поселился въ немъ.

Тогус-херлы тубеимны толтурдум;

Девятигранное ружье мое зарядилъ я;

тогус-херлы тубеимны колга алып,

девятигранное ружье мое руки въ взявъ,

гонлерен гесіп, јол салып.

предгорья перерѣзавъ, дорогу проложивъ.

Гонлерен арјактајав таулу дајав.

Предгорные (съ) зарѣчными горами поссорились.

Јав болсада, каршы геліп, уруштум.

Ссора будетъ хотя, лицомъ къ лицу придя, ругалъ я (ихъ).

Худајім мага болушту:

Богъ мой мнѣ помогъ:

сауотлусун мен аданы олтірдим,

вооруженныхъ я ихъ убилъ я,

чачлары, јесіп етнп, гелтірдим;

волоса (женщины), плѣнницами сдѣлавъ, пригнавъ;

Карабулак каты јавдан харц алдым;

Съ Карабулака за крѣпкую ссору дань взявъ;

гонлерен арјак гесіп, јол салдым.

предгорья на ту сторону перерѣзавъ, дорогу проложилъ я.

Зарядивъ девятигранное ружье свое, я проложилъ себѣ дорогу черезъ предгорья и пошелъ въ горы. Предгорные жители дрались съ горами: я подошелъ къ нимъ близко и сталъ ругать ихъ. Хотя они всѣ были вооружены, но Богъ мнѣ помогъ, и я убилъ ихъ всѣхъ, а женъ взялъ въ плѣнъ: большую дань получилъ я отъ карабулагцевъ за то, что они враждовали между собою. Я прошелъ черезъ предгорья и вернулся съ добычей домой.

VI.

Поиски за славой.

Јер кидырган су табар,
По землѣ ходящій воду найдеть,

су кидырган сал табар.
по водѣ ходящій плоть (добычу, приносимую водою) найдеть.

Аталардан осал тууган уланлар
Отцовъ отъ плохими родившіеся сыновья,

тујелеге мініп чыхса, іт хапар;
на верблюда сѣвши, выѣдетъ если, собака укуситъ (ихъ);

аталардан батыр тууган уланлар
отъ отцовъ богатырями родившіеся сыновья,

јабулага мініп чыхса, мал тапар;
клячу на сѣвши, выѣдетъ если, имущество найдеть;

мал табмаса—мал баҕасы бет табар;
имущества найдеть не если, имущества цѣну — лицо найдеть;

бет табмаса—јер харманып, хум хапар.
лица найдеть не если, землю схватить, песокъ укуситъ (умреть).

VII.

Влады кумыка на благородство происхожденія.

Кара тајины терісі кајіш боса, гон болмас.
Чернаго жеребенка шкура ремень будетъ если, кожи будетъ не.

6. Если тотъ, кто имѣетъ жажду, поищетъ хорошо, то воду найдеть; кто хочетъ заработать, тотъ съ берега подберетъ то, что вода приноситъ. Трусовъ искусаютъ собаки, если они даже будутъ сидѣть на верблюдахъ; богатыри же, если они выѣдутъ даже на клячахъ, непременно найдутъ себѣ добычу; если же не найдутъ добычи, то по крайней мѣрѣ приобрѣтутъ славу, которая дороже денегъ; а если и славы не приобрѣтутъ, то живыми домой не возвратятся!

7. Изъ шкуры молодого жеребенка, если и возможно сдѣлать ремень, но настоящей кожи не выдѣлаешь;

Кара коіни терісі сапуллап цувган бунан, ак
Черной овцы шуру мыломъ вымоеть съ, бѣлою
болмас.
будеть не.

Јети атасын таныса едиге асіі, ачу-
Семь отцовъ своихъ узнаеть если черкесь благородный, разсер-
уланмас.
дится не (не станетъ чваниться).

VIII.

Влады кумына на выборъ товарища.

Тауланн дѣрт тајадын бегітім;
Гори четыре стороны укрьпиль я;
талаланн іш гочурген буѣаси;
на полянѣ работу перенесь бугай его;
чал-сакаллы карт атаі,
сѣдородный старикъ отецъ,
чапкын десе, шошкелерін чарлатыр;
грабежъ скажетъ если, шапки наточить;
досларымнан ічкілерін ічген гун,
друзьями мои съ напитки выпивши день,
чіңгалдын учну беріп, жібатыр.
прежде всего три давши, повеселится.

шерсть черной овцы, если ее даже вымоешь мыломъ, бѣлою не станетъ. Такъ и гордый дворянинъ-черкесь, если узнаеть продѣлки своихъ предковъ, перестанеть чваниться своимъ происхожденіемъ.

8. Когда укрьпить хорошо всѣ четыре стороны склона горы, то быкамъ не трудно будетъ его вспахать! Когда объявленъ будетъ набѣгъ, то старикъ отецъ наточить наши шапки. Наканунѣ выѣзда будемъ съ друзьями три дня пить и веселиться.

Жареукені жаудаі тілі алдатыр,
Льстываго, какъ масло, языкъ обманеть,

жареукені сўртген тілі пусдурур;
льстываго мазанный языкъ обезоружить;

жареукені сўртген тілі клычдыр,
льстываго смазанный языкъ мечъ есть,

баілань бал ајагын хорлаідыр;
богатыхъ меда стаканъ (ихъ) портить;

жахшічі уланлар бунаи дос босун,
хорошими юношами съ другомъ пусть будетъ,

тамыруму тау'а тапга орнатыр,
корни (свои) въ горъ въ камень укрѣпляютъ,

баілань бал ајагын хорлаідырмес;
богатыхъ меда стаканъ испортить не;

баідан, бііден балаъ гуч тушсе,
богача отъ, князя отъ бѣда сильная упадетъ если,

башыңга уллу намус іш тушсе,
на голову большая обязательная работа упадетъ если,

жілаіген абајимны жіратыр.
плачущую магуину мою заставитъ пѣть.

Льстивыхъ товарищей не возьмемъ съ собою, такъ какъ ихъ ласковая рѣчь всегда обманчива и коварна: они пьютъ у богатыхъ медъ, а за глаза клеветаютъ. Нужно водить дружбу съ хорошими юношами: въ горахъ они крѣпки и устойчивы; они не станутъ клеветать на васъ, если имъ придется быть въ гостяхъ у знатныхъ лицъ; въ случаѣ же, если знатныя лица или князья дадутъ имъ какое-нибудь опасное и трудное порученіе, то они не заставятъ краснѣть нашихъ матерей, а, наоборотъ, еще обрадуютъ ихъ.

IX.

Плачь умирающей кумыка,

Мен оілаіман—оіларымны тубу карангы,
 Я думаю—думъ моихъ дво темно,
 мен оілаган учун етер паіда јок;
 я думашій для сдѣлать пользы нѣтъ;
 менне болган бір талаісныз каіда јок;
 мнѣ бывшаго одного несчастнаго нигдѣ нѣтъ;
 атам оідм—јаш калдым,
 отецъ мой умеръ—мальчикомъ остался я,
 дѣрт тамда бош калдым;
 въ четырехъ стѣнахъ аусто (одинъ) остался я;
 анам гетді мені ер ізлеі,
 мать моя ушла мой мужа искать,
 доскардашым мені туура еі гезеі;
 родня моя ближайшая (по) аулу шлается;
 тубеклер тііді мені саныма,
 ружья воепали мое тѣло мое въ,
 кыјін болду мені јашлаі цаныма;
 трудно сдѣлалось моеі молодой душѣ моеі;
 кардашларым гелмеі мені јаныма,
 друзья мои приходятъ не моему боку моему,
 сорап-сама білмеі мені ъалымны;
 вѣстей знаютъ не моего состоянія моего;

9. Много думъ роится у меня въ головѣ, но думами своими я не приношу себѣ облегченія; нигдѣ не найдется таково несчастнаго, какъ я: отецъ мой умеръ, и я остался въ четырехъ стѣнахъ одинокимъ сиротой: моя мать ушла искать себѣ мужа, а ближайшіе мои родственники не обращаютъ на меня вниманія. Въ меня попали вражьи пули, и я, больной, лежу одинокимъ въ своемъ домѣ, а мои родственники и друзья не навѣщаютъ меня, не спрашиваютъ о моемъ здоровьѣ.

ірахлар бунан бағана, жанғыз уіде
балки со столбомъ, одиңъ дома
сызге карап, соілеімен,
вась на смотря, разговариваю я,
сызде мені тілім білмеісиз,
вы же моего языка знаете не вы,
„Харіп, язык, гертм айтасан!“ демеісиз;
„Бідний, несчастный, правду говорять!“ не говорите вы;
жатып, тіідм жаңг кабургам, соғуду,
ложась, ударилса правый бокъ мой, распоролса,
кырмајім баршы алдыма тоғуды;
съ кишокъ моихъ сало противъ—впереди меня вышлось;
меннен язык кім болур?
меня несчастіе кто будетъ?
Шу дунјада кііім жоь,
Этомъ міръ въ никого у меня нѣтъ,
бір анадан тууган сама-інім жоь.
одной матери отъ родившагоса младшаго брата у меня нѣтъ.
Талкылага салып чарык тізнеме,
Въ мялку положивъ лапотъ мнѣ не,
шу еллерде жарачілар ізлеме;
этихъ селеніяхъ въ хирурговъ ищи не;
жараларым балды мені жарылмаі,
раны мон остались мон не вскрытыми (не залѣченными),
ічимнеі гок гуллесі алыммаі;
изнутри меня синяя пуля вынута не;

Единственные свидѣтели моихъ страданій—это балки и подпорки моей комнаты, но они безмолвны и не могутъ выразить мнѣ своего сочувствія. Раны мои раскрылись и внутренности мои вышли наружу; нѣтъ никого несчастіе меня! Нѣтъ у меня родного брата, а исвать хирурга въ нашихъ селеніяхъ, все равно, что толочь воду въ ступѣ; а, между тѣмъ, мои раны остались не излѣченными и вражьи пули еще не вынуты изъ моего тѣла.

айтган буван кызардашым мені жоь,
говорящей съ сестры моя не есть,
„А малым!“ деп, мені јатып опмеге;
„О сокровище мое!“ говоря, меня, ложась, чтобъ поцѣловать;
айтган буван јарачилар маџа жоь
сказать хотя лѣварей мнѣ нѣтъ
јарама ак дарманлар сепмеге,
на рану мою бѣлое лѣкарства присыпка для,
сепинчи — „тез олген“, деп, гетмеге.
присыпающей—„скоро умерь“, говоря, для отправления.
Худаіма! бір тілегім мені бар:
Боже мой! одна просьба моя есть:
шу саџатда мені џаным алсми деп,
въ этомъ часѣ мою душу возьметъ пусть, говоря,
азрегіл џаным алып, гетсми деп.
ангелъ смерти душу мою возьмъ, уйдеть пусть, говоря.

X.

Вѣрный слуга-товарищъ.

Кабартыны каты атлысы Казамбі,
Кабарды крѣпкій џадокъ Казамбі,
араныннан тартып атын, јерлеген,
конюшни изъ выведши коня, осѣдлалъ;

Нѣтъ у меня и сестры родной, которая своими нѣжны-ми ласками облегчила бы мои страданія. Не находится для меня даже лѣваря, который, по крайней мѣрѣ, присыпалъ бы мои раны какимъ-нибудь порошкомъ и сказалъ бы уходя: „умреть онъ!“ Боже мой! исполни мою послѣднюю просьбу: сейчасъ пришли ангела смерти, чтобы онъ взялъ мою душу!

10. Лучшій џадокъ Кабарды Казамбі вывелъ изъ конюшни своего коня, осѣдлалъ его,

чуілерден бар савотун сермеген,
гвоздей съ все оружіе охватилъ,

абатланип, ову атка мингенне,
вставиъ ногу въ стремя, самъ онъ на коня сѣлъ;

янынна бір јууѳун гормеген.
около себя ни одного пріятеля увидѣлъ не.

Каітып, тушкен Казамбіім атыннан,
Возвратясь, слѣзъ Казамбій мой коня своего съ,

карасза елтып, атын байлаган;
столбу къ отведши, лошадей свою привязалъ;

јурт ічінне бар јууѳукун, сайлаган,
въ селеніи, (сколько) есть пріятелей, избралъ,

атланапши, бар јууѳуку гелді деі;
сѣлъ на лошадей, (сколько) есть, пріятеля пріѣхали; говорятъ;

Казамбіім аслам ічкі берды деі.
Казамбій мой очень много нажитковъ отдалъ, говорятъ.

Ашаѳыз да ічгіз:
Кушайте и пейте:

сызін учун етілген ціібар;
васъ для сдѣлало сборище;

балајакта Казамбііге дос болуп,
кутежъ въ Казамбію пріятелемъ бывши,

каѳгалы гун арт берсегіз!
въ тревожный день задъ дадите если!

надѣлъ все свое оружіе, сѣлъ верхомъ и выѣхалъ; но, не видя кругомъ себя ни одного пріятеля, возвратился и, слѣзши съ коня, привязалъ его къ столбу во дворѣ, а самъ пошелъ искать себѣ товарищей по ауламъ. Всѣ пріятеля, какіе были въ аулахъ, сѣли на лошадей и пріѣхали къ нему. Казамбій устроилъ пиръ и щедро угощалъ ихъ нажитками. Товарищи, Казамбій для васъ устроилъ это угощеніе: пейте и веселитесь, но въ трудный день не убѣгайте и не оставляйте его одного! Если по всѣмъ селеніямъ искать днемъ и ночью,

аілар гунлер булан кыјин-бар айланса
за время луны и за время солнца старательно обойдет если
еллерден,
по ауламъ,

батыр ерлер сайланса!

богатыри-мужи разсортированы если будутъ!

ел ічівне батыр атлы сизедиз!

селенія внутри богатыри верховне вы были!

Атын ајак гумуш сап
Золотой подставкой, серебряной ручкой

бал ічиген піјаламны колгалып,
меда для питья кубокъ мой въ руки взявъ,

кеп болганна, айтар созум мен айтсам:
весельемъ когда буду, сказанное слово мое я скажу если:

біз чыгајым аштарханлар јолуну,
мы выѣхали на астраханскія дорогу,

гун ашајым Кубан біілер колунна;
день съѣли у кубанскихъ князей въ рукахъ;

Аштарханна јіушап јатган коп јілкы;
(около) Астрахани спокійно лежало много косяковъ;

тубеѣ уруп, јілкылары љајдадык,
изъ ружья выстрѣливъ, косяки погнали ихъ,

арканин јолда ташладым,
тощихъ дорогъ на побросали,

семізігі ерлер сала башладым;
(на) жарникъ сѣдла класть начали;

не найдется такихъ наѣздниковъ, какими вы разѣзжали по улицамъ! Когда же я буду навеселѣ, возьму въ руку кубокъ съ золотой подставкой и серебряной ручкой и расскажу все случившееся: мы поѣхали по астраханской дорогѣ; одинъ день пробыли въ гостяхъ у кубанскихъ князей; около Астрахани спокійно паслось много косяковъ; выстрѣлами изъ ружья мы погнали ихъ; тощихъ и плохихъ лошадей мы побросали на дорогъ, а лучшихъ поймали и осѣдали.

геліп туштук куддаузлу коллага;
пріѣхавъ, сѣзли куддаузлинской балкѣ вѣ;
јолдашлар гетті карай јоллага,
товарищи поѣхали осмотрѣть дороги,
јол карай; гетген ерлер гелгінче,
дорогу осмотрѣть; уѣхавшіе мужичины вернулись пока,
тереѣдеі карауулар горгунче,
на деревѣ караульчики увидѣли пока,
аркаланы басип айланып,
курганъ сдавивъ - окруживъ,
јетып, гелген аштарханни куууну,
догнавъ, пріѣхала астраханская погоня,
кызбаиланы бошاپ дууун-дуууну.
у тусовъ ослабѣвши всѣ члены тѣла.
Тарчігіз бугун атка мінејіѣ,
Тащите — сегодня на лошадей сядемъ,
балајакта мактанаган уланлар!
во время выпивки хваставшіея молодцы!
муна җали гуну гелды, горејіѣ.
вотъ теперь день пришелъ, посмотримъ.
Тартып атка Казамбіјим мінні деі,
Стащивъ коня Казамбіи мой сѣль, говорятъ,
Казамбіины бар јолдашы качты деі,
Казамбія всѣ товарищи убѣжали, говорятъ,
Казамбіи анна јаңгыз калды деі;
Казамбіи тамъ одивъ остался, говорятъ;

Наконецъ, пріѣхали и остановились на ночлегъ вѣ куддаузлинской балкѣ; нѣкоторые изъ нашихъ товарищей поѣхали осмотрѣть дороги, а караульчики влѣзли на деревья, чтобы посмотреть, нѣтъ ли погони; но не успѣли еще вернуться уѣхавшіе товарищи, а караульчики — осмотрѣться кругомъ, какъ насъ окружила астраханская погоня: у тусовъ подкосились ноги; хребцы, хваставшіея во время выпивки, показали себя: они всѣ сѣли на своихъ лошадей и ускакали, оставивъ Казамбію одного.

Казамбіны бір казады барыкен,
у Казамбіа одинъ слуга былъ,
шо жерлерде айттып казакъ вычирды:
въ тѣхъ мѣстахъ, сказавъ, слуга закричалъ:
„аталардан озун жаңгыз улансен,
„отъ отцовъ своихъ самъ ты единственный сынъ ты еси,
аналардан жаңгыз озун туугансен:
матерей своихъ отъ единственный самъ ты родившійся ты еси:
сені којуп, кайда качып, гетейім?
теба оставивъ, куда убывавъ, уйду я?
Жагалардан куулар, тебип, салаган,
Изъ воздуха лебедей, ногой придавивъ, положимъ,
мен шулага тарлан болајім;
я для нихъ соколomъ буду я;
сен авара, Казамбіи, болмагі:
ты безпкойный, Казамбіа, будь не:
шуланы озум, елпип, алајем“.
ихъ самъ я, ударивъ, вомъму я“.

XI.

Пісня неудачника.

Еммегіме екі Ендреі болуным,
На заботу мнѣ два Андреа (зула) раздѣлялись,
кабарыма Казаналип атланны;
на зло мнѣ Казаналипъ сѣлъ верхомъ;

Но у Казамбіа былъ одинъ слуга, который остался ему вѣренъ; ободряя своего господина, онъ сказалъ: „Казамбіа, ты единственный сынъ у твоихъ родителей—оставивъ тебя, мнѣ негдѣ было бы дѣться; нападу на нихъ, какъ соколъ на лебедей; не безпкойся—я одинъ ихъ всѣхъ перебыю!“

11. Одна неудача за другой: между обоими Андреевскими зулами вышелъ разладъ; Казаналипъ, чтобы досадить мнѣ, обвинилъ меня;

ціїныма черкеі копур бузуди;
на сборище мое черкеевскій мостъ разрушился;
ціїнымым гуну карши гелгенне,
сборища моего день лицомъ къ лицу когда стать,
Чинаі, уллу геліп, маға баш болду.
Чинай, большимъ пришедши, мнѣ главой сдѣлался.
Шу еллерден мен чикажак болганна
Этихъ селеній изъ я выйдеть сдѣлается когда,
мені бугун карајалым тас болду.
мой сегодня черногривый гибель сдѣлался (пропаль).

Шу буршауга карагіз!
Это несчастіе на посмотрите!

јағалага јетип, гелген коп аскер:
края на настигнувъ, пришло много войска:
іціңниге чінлы афісерін таныгіз;
между ними чиновнаго офицера узнавайте;
хынжаллам белбевутлага јаныјік,
кинжалы пояса обѣ наточимъ,
шошкелени оңг коллага алајік,
шашки правыя руки въ возьмемъ,
тубекелени чаталага салајік,
ружья подпорки на положимъ,
шо јерлерде, бір оілашип, карајік;
этихъ мѣстакъ въ, разъ посовѣтовавшись, посмотримъ;

когда я созвалъ сходку, черкеевскій мостъ разрушился; въ день сходки Чинай былъ избранъ вождемъ и сдѣлался моимъ начальникомъ. Въ досадѣ я хотѣлъ совсѣмъ уѣхать изъ нашихъ селеній, но сегодня пропаль мой черногривый конь!

Посмотрите, какое еще несчастіе случилось со мной! Войска пришли и окружили насъ; я дѣлаю свои распоряженія: „офицеровъ берите на цѣль; наточимъ наши кинжалы о пояса, возьмемъ въ правыя руки шашки и поставимъ ружья на подпорки“. Всѣ мѣры были мною приняты, но что же вышло?

шо јерлерде оі тапмаган ерлені
этяхъ мѣстахъ въ думу нашедшихъ не храбрцовъ

башін гесіп, канджыгага тагајіѣ.
голову отрѣзавъ, лукъ сѣдла къ привѣсимъ.

Аста бардык арзумақлар тала деп;
Медленно поѣхали аргамаки не устали, говора (чтобъ);

Еібрустан біз атланнык кырк улан;
съ Эльбруса мы сѣли лошадей на сорокъ человекъ;

шуланы воп јілгысі чула деп;
у нихъ много косяковъ безъ присмотра, говора;

заідаганык ат јілвынм анасм,
погнали мы лошадиного косяка мать,

камалганык герзелінім таласм.
спратались мы на, герзелінскую поляну.

Сені гімік азап-салым болмасмн аталаны баласм!
Тебѣ подобнаго мученика не было чтобъ у отца дита!

XII.

Плачь невѣсты по погибшемъ женихѣ.

Ендреі салаланы уланы,
Андреевскаго дворянина сынъ,

ерпелі Тонаі бііні казады
эрпелійскаго Тоная князя казакъ

Люди растерялись; остается только трусамъ отрубить головы
и привязать къ сѣдламъ!

Отъ Эльбруса насъ выѣхало сорокъ человекъ; мы ѣхали
медленно, чтобы лошади наши не устали: тамъ, говорятъ,
много косяковъ безъ присмотра. Что же вышло? Намъ удалось
угнать только кобылицу, а, между тѣмъ, пришлось прятаться
на герзелінской полянѣ! Да, много было со мной неудачъ:
никому не пожелаю испытать подобную участь!

12. Эй, ты, сынъ андреевскаго дворянина, казакъ *) эрпе-
лійскаго князя Тоная,

*) Слово казакъ, отъ котораго произошло русс. казакъ, означаетъ въ ку-
мыкскомъ не только *слуга* или *нукеръ*, но и *товарищъ* (въ кабардинскомъ *бусе*),
дружинникъ.

еллерден ціїп алган сабу учун,
изъ селъ собравъ взялъ подати для,

казагым, саға гелген не кѣїн?
казакъ мой, къ тебѣ пришедшій что (за) несчастье?

Ерпеліны жау кайткан мал учун
Эрпелина драка возвращенное имущество для

саға гелген не кѣїн?
къ тебѣ пришедшій что (за) несчастье?

Саға, казагъ, шулаі оѣм парзмеді?
тебѣ, казакъ, такая смерть обязательна ли?

Сені алдынна Тонаі олгеп азмеді?
тебя впереди Тонай умирающій мало ли?

Саға, казагъ, шу жораум бармеді?
тебѣ, казакъ, это предположеніе мое есть ли?

Саға, казагъ, жорауларым азмеді?
тебѣ, казакъ, предположенія мои мало ли?

Таудаічі назберішге тајанып,
горѣ подобной подушкѣ на облокотясь,

турарман, деп, туредім;
встану я, гсворя, встала бы;

танажардаі мені чачыма
роскошнымъ моимъ волосамъ къ

болатсыз каічы не'учун тіїдірдің?
стали безъ ножницами что для заставилъ дотронуться?

какое несчастье случилось съ тобой при сборѣ податей съ селеній! Какое несчастье случилось съ тобой изъ-за спорнаго эрпелійскаго имущества? Казакъ мой, развѣ тебѣ нельзя было избѣгнуть такой смерти? Развѣ смерть Тоная не послужила для тебя примѣромъ? Развѣ ты, казакъ мой, самъ искалъ такой смерти? Развѣ недостаточно было для тебя моихъ предупрежденій? На пуховой подушкѣ я лежала въ ожиданіи тебя. Зачѣмъ ты своей смертью заставилъ меня остричь мои роскошные волосы?

Тажабаптаі мені чархыма
 прекрасное мое тѣло на
 кыл паласлар гідірдің?
 власные ковры надѣтъ заставилъ?

XIII.

Плачь кумыка о потерю свободы.

Елібіс — бізінкі гімік, еі болмас;
 Селеніе наше—нашему подобно, селенія будетъ не;
 ерібіс — біз гімік, ер болмас.
 люди наши—намъ подобно, человека будетъ не.

Ендреі ерлер тіген еліде
 Андреевскими жителями построеномъ въ селеніи

Аллаңчі бізі урма суігенне,
 Богъ насъ наказаты захотѣлъ когда,

ічібізден гелеңілер јурутту,
 среди насъ изъ пословъ заставилъ ходить (послалъ),

оруслар біз јанка гелсін деп,
 русские нашъ край въ пришли чтобъ, говоря,

аулаклага земземілер јазсын деп,
 лугахъ ва землемѣры записали чтобъ, говоря,

олчип, бізден пуланларі алын деп,
 измѣривъ, насъ отъ планы взялъ чтобъ, говоря,

тау тупеге ак калалар салсын деп;
 горъ на подошвахъ бѣлыя крѣпости поставили чтобъ, говоря;

Зачѣмъ ты заставилъ меня надѣтъ власяницу на мое прекрасное тѣло?

13. Нигдѣ не найти селенія, подобнаго нашему, и людей, подобныхъ намъ! Желая наказаты насъ и наше селеніе, Богъ послалъ изъ нашей же среды измѣнниковъ, чтобы русскихъ привести въ нашъ край; чтобы землемѣры, снявъ планы, описали наши земли; чтобы они построили въ нашихъ горахъ бѣлыя крѣпости.

тау түпеге калалар салынни,
горь подовахъ на крѣпости поставлены,
олчип, бизден пуланлари алди енни,
измѣривъ, насъ отъ планы взялъ теперь,
тереѣлены баші болду гүлдуреі;
деревьевъ вершина сдѣлалась почва;
бузулсун енны Јахсаі бунап Ендреі!
разорится пусть теперь Аксай съ Андреевкой!

XIV.

Плачь по погибшихъ герояхъ.

Тараулар тарау гун!
Несчастные несчастный день!
тармаклы тар озекеер аккан гун!
узкія мѣста, узкія воды текущій день!
каймаклы кара суулар каткан гун!
сливочныя черныя воды замерзающій день!
ереѣenni лап-деп аты јаткан гун!
храбрецовъ вдругъ лошады лежащій день!
туман-даі тутун басган гун!
мглы какъ дымъ давящій день!
бурчак-даі гүлле јауган гун!
градъ какъ пуля идущій день!

Теперь уже въ нашихъ горахъ построены бѣлыя крѣпости, измѣрены наши земли и планы сняты. Новая весна застанеть насъ уже въ неволе. Пусть разрушатся Аксай съ Андреевкой!

14. Наступили самые несчастные дни! Вода въ ущельѣ останавливается и отъ множества тѣлъ затягивается кровью, какъ льдомъ; лошади падаютъ подъ храбрыми наѣздниками; свѣтъ солнца меркнетъ отъ порохового дыма; пули сыплются, какъ градъ!

туман-даі басган аскер тајшым,
мгла какъ давящее войско отойда,

бурчак-даі жауган гulle докташми.
градъ какъ идущая пуля прекратившись.

Ереленн барлап, жоклап карасак;
Молодцы есть кто, нѣтъ кого посмотримъ если;

біреулеге капитал туптен ок тїіген,
однимъ бешмета снизу стрѣла попала,

біреулеге тогуз гозден топ тїіген,
однимъ девяти-глазая пушка попала,

бу батырланы кабургаси согулген,
этихъ богатырей божь его разорвался,

бу харишлер кан тукуруп жатван гун;
этихъ несчастныхъ кровь выплевывая лежащій день;

бір анадан туура ачаси босада, карамаі,
одной матери отъ прямой братъ будетъ если, посмотреть не,

бетин буруп гетген гун;
лицо свое отвернувъ уходящій день;

ајіпланы, казаф, сен кимге салма турасан?
стыдъ, казакъ, ты кого на свалить ждешь?

Ажалым каршы алдыма јетген гун!
Смерть моя лицомъ къ лицу предо мною дошедшій день!

Удалились войска, окружавшія насъ, какъ мгла, и прекратились выстрѣлы. Тогда мы пошли искать нашихъ героевъ; что же мы увидѣли? Одни лежатъ со стрѣлами въ груди, другіе убиты девятиглазой пушкой; тамъ лежатъ богатыри съ прорванными боками, а тамъ несчастные выплевываютъ кровь. Настали дни, когда даже родной братъ отворачивается отъ брата. Герои, на кого вы намѣрены свалить этотъ позоръ? Да, насталъ день, когда стоишь лицомъ къ лицу со смертью!

Записаны завѣдующимъ Костековскимъ училищемъ М. Азавасеминъ.

Замѣтка.

Въ кумыкскихъ пѣсняхъ, распѣваемыхъ при всякомъ удобномъ случаѣ: на свадьбахъ, въ дружеской бесѣдѣ, во время поѣздокъ въ сосѣдніе аулы, кумыкъ является прежде всего человѣкомъ мыслящимъ: онъ размышляетъ о правильности въ чередованіи временъ года, вѣрности данному слову и высказываетъ свои сужденія о зависимости судьбы человѣка отъ причинъ, внѣ его лежащихъ (пѣсня I). Тотъ же кумыкъ-философъ дѣлаетъ свои наблюденія надъ нѣкоторыми явленіями природы, жизнью животныхъ и отношеніями людей между собою (п. II). Жизненные правила онъ любитъ излагать въ стихотворной формѣ, отдавая предпочтеніе краткимъ изреченіямъ-сентенціямъ, связаннымъ между собою общимъ содержаніемъ, при чемъ въ началѣ стихотворенія, въ сравненіяхъ болѣе или менѣе удачныхъ, изложена основная его мысль (п. IV). Кумыкъ настроенъ вообще идеально: о славѣ онъ имѣетъ возвышенное понятіе (п. VI), а благородство происхожденія онъ ставитъ въ зависимость отъ заслугъ предковъ (п. VII). Въ выборѣ товарищей онъ строгъ: онъ требуетъ отъ нихъ честныхъ убѣжденій, устойчиваго характера и точнаго исполненія своего долга (п. VIII). Кумыкъ имѣетъ чувствительную душу: онъ скорбитъ о судьбѣ брошеннаго своимъ господиномъ и безпріютнаго слуги, который только въ смерти видитъ облегченіе своему горю (п. III); онъ оплакиваетъ участь сироты, тяжело раненаго въ схваткѣ и повинутаго всѣми (п. IX). Тихая грусть проглядываетъ въ каждой строкѣ, пропѣтой невѣстой объ участи казака-жениха, который погибъ, вмѣстѣ со своимъ господиномъ, во время какихъ-то безпорядковъ при собираніи податей (п. XII). Чувства кумыка не ограничиваются только отношеніями къ товарищу, односельцу; они поднимаются до интересовъ, болѣе возвышенныхъ: кумыкъ оплакиваетъ погибшихъ въ борьбѣ за родину героевъ (п. XIV) и потерю свободы (п.

XIII). Но иногда кумыкъ оставляет элегическій тонъ и переходитъ въ шуточный и даже сатирический. Народный юморъ овладѣлъ благодарной темой: воиномъ, хвастающимъ своими подвигами (п. V). Вообще, кумыкъ не прочь посмѣяться надъ недостатками другихъ: злему осмѣянію подвергается неудачникъ, которому кажется, что на его голову сыплются всѣ удары судьбы (п. XI). Наконецъ, въ одной пѣснѣ, отличающейся въ нѣкоторыхъ мѣстахъ эпической картинностью разсказа, гнѣвное негодованіе на поведеніе трусливыхъ товарищей переходитъ въ восторженный отзывъ о слугѣ, который остался вѣрнымъ своему господину, побитому на полѣ битвы всѣми товарищами (п. X).

Въ кумыкской пѣснѣ отражается, какъ въ зеркалѣ, нравственный обликъ кумыка—разсудительнаго и наблюдательнаго, со строгими понятіями о чести и вѣрности данному слову, отзывчиваго къ чужому горю, любящаго свой край, но умѣющаго порой пошутить и повеселиться съ товарищами. Конечно, на ряду съ этими симпатичными чертами характера попадаются и черты противоположнаго свойства, но пѣсня, упоминая объ нихъ какъ бы вскользь, относится къ нимъ неодобрительно, изъ чего видно, что нравственный элементъ является въ ней преобладающимъ.

Л. Л.

Начало гуэнской пѣсни.

Абдуль-Меджидъ Казаналиповъ, кумысскій князь, владѣлецъ селеній Чонтъ-аула и Султанъ-янгю-юрта (на правомъ берегу Сулака, ниже Чирь-юрта), сообщилъ мнѣ въ 1890 г. начало гуэнской пѣсни, т. е. пѣсни на кумысскомъ языкѣ, но распѣваемой гуэнами.

Кабурѣасы жар геміѣ,
Ребро его съела какъ,

карын маји кар геміѣ,
брюха сало съѣтъ какъ,

софумлар берсеѣ, маѣа кабан бер,
вяленое мясо дадимъ если, мнѣ кабана дай,

асеанда аwurf казан толурдаі,
при подвѣшеніи большого котла наполняйте,

улешкенде дост кардашга болурдаі.
при раздачѣ друзьямъ (и) родственникамъ хватило бы.

Мы зарѣзали барана съ грудиной наподобіе обрыва, съ брюшнымъ саломъ наподобіе сѣтѣа. Если мы дадимъ тебѣ вяленаго мяса, то взамѣнъ ты дай намъ кабана, мясо котораго наполнило бы большой котелъ, подвѣшенный на очагѣ, чтобы при раздачѣ хватило всѣмъ друзьямъ и родственникамъ!

Абдуль-Меджидъ заключаетъ изъ содержанія этой пѣсни, что гуэны были когда-то христіанами, такъ какъ употребляли въ пищу свинину. Заключение это подтверждается, по его словамъ, также и мѣстнымъ преданіемъ. Мнѣ же кажется, что ихъ съ такимъ же правомъ можно считать и язычниками, такъ какъ свинина не есть исключительно христіанская пища.

Гуэны живутъ еще и теперь въ сел. Эндери на р. Агташѣ (Андреевскій аулъ), образуя особый кварталъ, но сохра-

нили только особое названіе, наружностью же, языкомъ, вѣрою и обычаями не отличаются отъ кумыковъ. Прежде гуэнское племя было многочисленно. По преданію, Казаналипъ и Айдемиръ, сыновья Султанъ-Мута, послѣ смерти отца, раздѣлились между собою такъ, что первому достались во власть тюмены, а второму гуэны.

Тюмены живутъ также въ сел. Эндери, образуя особый кварталъ, называемый Тюмень-ауль. Часть ихъ перешла отсюда въ селеніе Султанъ-янгю-юртъ на Сулакѣ, гдѣ также водворились отдѣльнымъ кварталомъ—Тюмень-ауль. Тюмены считаются по происхожденію ногайцами.

Упомянутый выше Султанъ-Муть былъ сыномъ Андія-Шамхала. По народнымъ сказаніямъ, въ концѣ 16 или началѣ 17 столѣтія Султанъ-Муть отдѣлился отъ своего отца и основалъ владѣніе Кумыкское. Отъ его сыновей Казаналипа и Айдемира происходятъ кумыкскіе князья Казаналиповы и Айдемировы.

Е. Г. Вейденбаумъ.

Бое-что о кумыкахъ и объ ихъ языкѣ.

Кумыки живутъ въ Дагестанской области, къ сѣверу отъ Дербента, вдоль берега Каспійскаго моря, и въ Хасавъ-Юртовскомъ округѣ и Кизлярскомъ отдѣлѣ Терской области, между рѣками Терекомъ и Сулакомъ. Ихъ насчитывается до 80000, въ томъ числѣ немного больше половины въ Дагестанѣ.

Кумыки принадлежатъ къ широко распространенному тюркскому племени, а именно къ понтійской его вѣтви и находятся въ самомъ близкомъ племенномъ родствѣ съ ногайцами. О переселеніи ихъ на предгорья Кавказа въ исторіи не сообщается никакихъ положительныхъ данныхъ. Клапротъ видитъ въ нихъ потомковъ хазаръ *), а Вамбери **) допускаетъ, что они поселились въ занимаемыхъ ими теперь мѣстахъ еще во время процвѣтанія хазарскаго царства, т. е. въ VIII вѣкѣ. Какъ бы то ни было, они нѣсколько уже столѣтій живутъ по сосѣдству съ чеченцами и различными племенами дагестанскихъ горцевъ, занимая равнины и предгорья сѣверо-восточнаго Кавказа и такъ называемую Кумыкскую плоскость.

Какъ народъ болѣе культурный, кумыки всегда пользовались большимъ вліяніемъ на сосѣднихъ горцевъ-аборигеновъ, для которыхъ ихъ языкъ, весьма близко стоящій къ другимъ тюркскимъ нарѣчіямъ сѣвернаго Кавказа (ногайскому, карачаевскому и горско-татарскому ***), служитъ языкомъ международныхъ сношеній, хотя въ послѣднее время русскій языкъ начинаетъ его замѣщать въ этой роли, проникая все дальше и дальше въ горныя ущелья Кавказа.

*) Klapproth, „Reise in den Kaukasus“, II. 1812.

**) Vámbéry, „Das Türkenvolk“, Leipzig 1865.

***) Не принимаю въ расчетъ ставропольскихъ *трузменъ*, принадлежащихъ къ средне-азіатской вѣтви тюркскаго племени, такъ какъ языкъ ихъ отстоитъ дальше отъ кумыкскаго, чѣмъ поименованныхъ выше народовъ.

Какъ сказано было раньше, кумыкскій языкъ составляетъ собственно нарѣчіе тюркского языка. Такъ какъ фонетика и грамматическій строй тюркскихъ нарѣчій въ наукѣ достаточно извѣстны, то я ограничусь только сравненіемъ въ фонетическомъ отношеніи кумыкского языка съ азербеджанскимъ, занимающимъ въ юго-восточной части Кавказа такое же положеніе среди другихъ языковъ, какъ кумыкскій въ сѣверо-восточной.

Вокализмъ.

1. Изъ среднихъ звуковъ зубо-небнаго ряда а—і, вмѣсто азербеджанскаго ä, въ кумыкскомъ является а или е, напр. урушвät=урушбат, доулät=доулет; въ рѣдкихъ случаяхъ, а именно въ началѣ словъ, является губо-гортанный гласный у, напр. јаваш=јуваш.

2. Изъ среднихъ звуковъ зубо-гортаннаго ряда а—ы въ кумыкскомъ языкѣ существуетъ и азербеджанское ы (=русс. ы) и среднее и (=малорусс., черкесскому и осетинскому и). Первое слышится рѣже второго и обыкновенно въ сопровожденіи безголоснаго язычно-велярнаго к, послѣ голосовыхъ язычно-небнаго г и џ и язычно-зубнаго д, рѣже послѣ носового передне-язычнаго н, носового губо-губнаго м и безгол. спиранта с (въ концѣ слова), часто послѣ безголоснаго же спиранта ш и, наконецъ, всегда въ суффиксахъ лык и лы. Слѣдуетъ замѣтить, что иногда азерб. ы переходитъ въ кумыкскомъ въ у. Примѣры: акырмак, зангыламак, чабыр, алдынна, арнынна, алмыш, хасы, јашыл, аҗачлык, аварлы, гумуш (азерб. гумыш).

3. Губо-небное азерб. ö, произносимое съ узкимъ круглымъ открытіемъ рта, является въ кумыкскомъ очень часто открытымъ же губо-гортаннымъ о, напр. гöл=вол.

Консонантизмъ.

1. Азерб. голосовой губо-губной в имѣетъ въ кумыкскомъ наклонность къ переходу въ голосовой же губо-губной б и.

наоборотъ, хотя и гораздо рѣже, б въ в или w, напр. вар=бар, вермеѣ=бермеѣ; дабан=таван.

2. Адерб. безголосн. губо-губной п имѣеть наклонность въ переходу въ кумык. въ голосовой б, напр. вѣпѣ=гобуѣ.

3. Адерб. безголосн. спирантъ ф является въ кумыкскомъ безголоснымъ же п, напр. харф=харп.

4. Адерб. голос. язычно-зубной д переходитъ въ кумыкскомъ въ безголосный т, напр. дѣшман=тушман.

5. Адерб. аспирированный х соответствуетъ въ кумыкскомъ безголосн. задне-язычному к или голосовому спиранту ъ, напр. ахча=акча, чахыр=чабыр.

6. Адерб. голос. спирантъ ь соответствуетъ въ большинствѣ случаевъ въ кумыкскомъ яз. безголосн. смычному к, напр. таууѣ=тауук, ѣбуѣ=кабук (примѣровъ много); иногда, впрочемъ, замѣчается переходъ въ аспирированный х, что составляетъ противоположное явленіе изложенному въ п. 5, напр. ѣарѣуз=харбус.

7. Адерб. аспирированный язычно-небный ь является въ кумыкскомъ голос. смычнымъ г, напр. ѣанд=гент, ѣиши=гиши.

8. Адерб. голос. язычно-зубной л соответствуетъ въ кумыкскомъ во многихъ случаяхъ среднему l (предъ гл. е и і *всегда* ставится l), хотя въ кумыкскомъ есть и твердое л, напр. алтын=алтын; средній же адерб. і (очень рѣдкій въ этомъ языкѣ) замѣняется въ кумыкскомъ иногда звукомъ р, напр. килит=кѣрит.

9. Адерб. сложный согласный звуѣ ц соответствуетъ въ кумыкскомъ ч, напр. цахт=чакт, борц=борч.

10. Слѣдуетъ еще замѣтить, что аспирированный ь въ азербѣджанскомъ (тотъ же, что и въ грузинскомъ и армянскомъ языкахъ) является въ кумыкскомъ гемированнымъ т; яврѣдка же аспирированное ь переходитъ въ гемированное ц. Примѣры на первый случай встрѣчаются на каждомъ шагу.

11. Нелишне отмѣтить еще отдѣльно стоящее слово

е'пмекъ, въ которомъ послѣ гл. е замѣчается какъ бы перерывъ голоса; не даетъ ли нѣкоторый ключъ къ объясненію этого фонетическаго явленія сравненіе его съ азерб. апекъ, въ которомъ ясно слышится двойное п (въ турец. етмек или емек)?

Вообще же кумыскій языкъ гораздо благозвучнѣе закавказскаго татарскаго или азербеджанскаго. По моему мнѣнію, онъ самый пріятный для слуха изъ нарѣчій тюркскаго языка, по крайней мѣрѣ, тѣхъ, которыя мнѣ приходилось слышать (кромя тюркскаго нарѣчій на Кавказѣ, крымское и казанско-татарское, башкирское и киргизское). Вѣроятно, горскіе языки а въ особенности кабардинскій, осетинскій и чеченскій повліяли на него смягчающимъ образомъ. Сознывая благозвучіе кумыскаго языка, закавказскіе татары называютъ его ловадіды — щегольскимъ.

Л. Л.

РУССКО-КУМЫКСКИЙ СЛОВАРЬ.

А.

Айва — haiva.
 Алмазь — алмас.
 Альий — ал.
 Арбузь — харбус.
 Арестовать — туснакламак, тутмак (держать).
 Арестъ, арестантъ — туснак.
 Армянинъ — ермеі.
 Аршинъ — аршин.
 Аспидная доска — тап такта, перс. کتابه
 Ауль — жүрт.

В.

Бабочка — гумеіей.
 Бабушка (по отцу) — атамны ана-сы.
 Бабушка (по матери) — анамны анасы.
 Бабушка (повитуха) — аначы ка-тын.
 Балка (бревно) — арталык, ірах.
 Балка (углубленіе) — кол (также кисть руки).

Баловать — еркеетмей.
 Бани — намам, араб. حمام
 Баранта — коі.
 Баранъ — вочкар.
 Баринъ — ага, перс. آقا
 Барсь (животное) — сілеусут.
 Барыня — біізе, хакым (адерб.).
 Барышникъ — асламчы, хайрчы.
 Барышь — аслам, хайр, пада процентъ), араб. عبر فائده
 Башмагъ — башмак.
 Башмачникъ — башмакчи.
 Башня — кала, араб. قلعة
 Бездна — түб-смы.
 Бездѣліе — іш-смы.
 Бездѣлица (малость) — чопте тугул.
 Бездѣтный — јаш-смы.
 Безмень — базман.
 Безнравственный — инсап-смы, араб. انصافی
 Безоблачный — булут-суз.
 Безобразіе — кыјусулук.
 Безобразный — кыју-суз.
 Безопасность — корпуу-суз.
 Безоружный — савут-суз.
 Бесплодный — јемши-смы.

- Безпокойство—авара-етмейлык,
кііналмаклык.
- Безпокойть—авара-етмей, кіінал-
мак.
- Безполезный—~~хажир-сиз,~~ ~~пайда-~~
сиз, араб. ~~فائدہ خیر~~
- Безпредѣльный—дазу-сиз.
- Безпредѣльность—дазусулук.
- Безпорядокъ—калмафалык.
- Безпрерывно—тутам.
- Безразсудный—oi-суз.
- Безсмертный—оlум-сиз.
- Безчисленный—санау-суз, һисап-
сиз, араб. ~~حساب~~
- Безсиѣжный—кар-сиз.
- Безсовѣстный—һисап-сиз, араб.
~~انسافی~~
- Безсонница—охуу-суз.
- Безстрашный—коркмаз.
- Безсыдныи—ујалмаз, ујалмыр.
- Безтолковый—аңлау-суз.
- Безумный—закыл-сиз, араб. ~~عقل~~
- Безъ—онсиз, сиз, суз; двѣ по-
слѣднія частацы присоеди-
ются, какъ послѣлоги.
- Берегъ—јава (край каждаго
предмета).
- Бережливыйъ быть—колда мал-
ын сакламак.
- Береза—ак-терей.
- Беременная, беременность—айы.
- Бесѣда—лакыр.
- Бесѣдовать—лакыр-етмей.
- Бешметъ—каптал.
- Бирюза—перезе, перс. ~~فیروز~~
- Битва—уруш.
- Бить—урмак, биться—урушмак.
- Благо—жахшылык.
- Благодарить—саувол-етмей.
- Благодарный—жахшылыкны,
унутмаіған.
- Благодѣтель—жахшылык-етежен.
- Благодѣніе—жахшылык.
- Благопріятствовать—жахшы-ју-
вуклук.
- Благополучіе—аманлык, ар. ~~آمن~~
- Благоразумный—закыллы, араб.
~~عقل~~
- Благородный—асиллы.
- Благородство—снлылык.
- Благословеніе—дувалык, араб. ~~دعا~~
- Благословлять—дува-етмей.
- Благосостояніе—жахшы-мадар.
- Благочестивый—балал-гіші, ар.
~~حلال~~
- Блескъ—жіртйлау.
- Блестѣть—жіртыламак.
- Блестящій—жіртылаіған.
- Близкій—јууѳун.
- Близко, близь—јууук.
- Близнецы—еігіз.
- Близость—јууук-лук.
- Блюка—бүрче.
- Блудить, блудздать—адашмак.
- Блѣдный—авардан.
- Блюдо—кадыра.

Бобыль—боідак
Богатство—байык.
Богатый—баі.
Богъ—Аллах, араб. الله
Бодрый—күйі.
Бодрствовать—јухламаі.
Божій—Аллахны, араб. الله
Бокъ—јаңг, кабурга.
Болотистый—хаулук, чырыклык.
Болото—хау, каву, кол (стоячая вода).
Болтать—аталамак (въ сосудѣ); бош-соілемей.
Боль—авурта.
Больной—ауруі.
Большинство—вошнй, кобусі.
Большой—улуу, залым.
Болше—артык, кобс.
Болѣзнь—авру.
Болѣть—аурумак.
Брода—сакал.
Борона—сабан сібірткі.
Боротся—јабышмак, куреш-мей.
Борьба—јабышуу.
Босой—жалавајак.
Бочка—бочке, черме.
Болезнь—коркуу.
Боятся—коркмак.
Брань—урушмак.
Братъ—кардаш.
Братъ старшій—улуу-аға, улуу-ағасм (другого кого-нибудь)

Братъ младшій—гічі-інім, гічі-інісм (другого кого-нибудь).
Братъ (рукою)—алмак.
Бревно—бағана; аркылык.
Бритва—деллек-бекі.
Бродъ—суалған јер (мѣсто, гдѣ воды мало).
Бродяга—сајак.
Бросать—ташламак.
Брюхо—курсак.
Будить—ујатмак.
Буйволъ—гамуш.
Буква—һарп.
Букетъ—чечеке байлам, пер. چیتک
Булка—булба.
Бумага—кағыз, кағыз (писчая и офіціалъная), араб. کاغذ
Бумажный—кағыздан.
Бунтовщикъ—сбзчі.
Бунтъ—калмағал (соб. шумъ).
Буравить—тешмей.
Буравъ—бурау.
Бурка—јамчі.
Буря—окруп-јел.
Бутылка—шіша, перс. شیشه
Быкъ—огуз.
Быть, бывать—болмак.
Быстрота—чалтлык.
Быстрый—бекі.
Бычачій—огузну.
Бычокъ—тана.
Бѣгать—чапмак.
Бѣглець—качак.

Бѣда—балаъ, араб. بلا
 Бѣдность—жарллык.
 Бѣдный—жарлы.
 Бѣднякъ—пакыр, араб. فقير
 Бѣдственный—харип.
 Бѣдствие—пакырлык, араб. فقير
 Бѣжать—качмак.
 Бѣлый—ак.
 Бѣлье—опрак.
 Бѣсъ—шеитан.
 Бѣшенный—кутербан.

В.

Важность—сыллылык.
 Важный—сыллы.
 Ваза—хума.
 Валъ—вал (въ крѣпости), та-
 шибан (волна).
 Вата—мамук.
 Вашъ—сізынѣ.
 Вверху—орде (высоко), устунне
 (одно на другомъ).
 Вводитъ—гирштирмеъ, гиртмеъ.
 Ввѣрять—инанмак.
 Вдали—жіракта.
 Вдвоємъ—екѣулеб.
 Вдова—тул-катын.
 Вдовецъ—тул.
 Вдоль—узун-уна.
 Вдругъ—бірден, лап-деп.
 Ведро—чекеъ.
 Вездѣ—зар-жерде.

Вести—тартмак (на подводѣ).
 Великанъ—дѳу.
 Великій—улуу, сыллы (почтен-
 ный).
 Великодушіе—еркіллык.
 Великодушный—сыллы улан;
 еркіллы, деген.
 Великолѣпный—воп жахши, жама-
 нок жахши.
 Величіе—узлулук.
 Велѣть—бујурмак.
 Вепрь—кабан.
 Верба—тал-терекъ.
 Верблюдь—тује.
 Веревка (изъ пеньки)—кѣндыр-
 жіп, (изъ шерсти)—кыл-аркан.
 Вертель—чіш (вилка для приго-
 товленія шашлыка).
 Вертѣть—айландырмак.
 Верста—чакрым.
 Вершина—баш.
 Веселость—шатлык, перс. شاد
 Веселый—шат, перс. شاد
 Весло—калак.
 Весна—яз, язбаш (вонецъ вес-
 ны).
 Вести—елтмеъ.
 Весь—барнда.
 Весьма—воп, бей.
 Вечеръ—ахшам.
 Вещь—зат.
 Взаимы—борчха.
 Взамѣнъ—жермне.

Взперти — бейде.
 Взбираться — өрленмек.
 Взглядь — караі.
 Вздорожать — бағалы болмак.
 Вздорь — бош.
 Вдыхать — кустунмек.
 Взимать налоги — пачалык-ціу
 анча алмак.
 Взносъ денегъ — акча салмак.
 Взорь — караі.
 Взъскривать деньги — акча алмак.
 Видно — горүнне.
 Видѣніе, видь — горүнмеклік.
 Видѣть — гормек.
 Вилка — чіш.
 Вилы — сенек.
 Вино — чабыр.
 Виноватый — гунахлы, перс. *کنده*
 Виновиць — гунахлы гіші.
 Виноградъ — јузум.
 Високъ — чеке.
 Висѣть — ілінмек.
 Вихрь — шайтан-јел.
 Вишня — ціе.
 Вратцѣ — кысха.
 Вкусъ — татуу.
 Вкусный — татуулу.
 Вкушать — татууламак, ашмак.
 Владикавказъ — Бурюу-кала.
 Владычество — біілемек.
 Владѣніе — біілеу.
 Владѣтель (т. е. имѣющій недв.
 собст.) — јер јессм.

Владѣть — јелемек.
 Властитель (т. е. господінъ под-
 властныхъ) — гуч-јессм.
 Власть — гуч.
 Вмѣсто — орнунна.
 Вмѣстѣ — бірче.
 Вначалѣ — башта.
 Внезапно — хабарсиз, араб. *عبر*
 Внизу — тупте.
 Вниманіе — тергеу, аңлау.
 Внимательный — аңлаулу.
 Внукъ — уланым уланн (отъ сы-
 на), кызним уланн (отъ до-
 чери).
 Внутренность — ічі.
 Внутри — ічіңне.
 Внучка — уланым кызы (отъ сы-
 на), кызним кызы (отъ дочери).
 Во-время — заманида, араб. *زمان*
 Вода — суу (суу).
 Водка — ыраакы.
 Водопои — суллау, суу ічірегенјер.
 Воевать — дау-етмек.
 Военный — аскер-адам.
 Возбуждать — козумак.
 Возвращать — кайтармак.
 Возвращаться — кайтмак.
 Возвращеніе — кайтмаклык.
 Возвышаться — ұр болмак.
 Возвышеніе — біјік јер (большое
 мѣсто).
 Воздвигать — муљ етмек (домъ
 дѣлать).

Воздухъ—ѡава, араб. هوا
 Возжи—telбау.
 Возить—тартмак, елтмеѣ (на под-
 водѣ).
 Возможный—jараѡан.
 Возмущать—ѡалекъ етмеѣ.
 Вознаграждение—ѡак, араб. مئق
 Возразить—ѡарши айтмак.
 Возрастъ—заманы (время), jeli
 (въ лѣтахъ), боi (ростъ), араб.
 زمان
 Возставать—ѡарши турмак.
 Возстаніе—пiтне, араб. قتلہ
 Вой—улуi.
 Война—дау, дауу, араб. دعوا
 Воинъ—аскер-адам.
 Войско—аскер.
 Войти, входить—гiрмеѣ.
 Вокругъ—аиланц.
 Волкъ—бiрi, гijiѣ.
 Волна—талкун.
 Волосы—чаѡлар.
 Волчица—тiшi бiрi.
 Воль—огуз.
 Воля—ерѡин, iхтjар.
 Вонъ—гет, чiк (выходи!), тас-
 бол (пропади!).
 Вонь—jаман-ijiѣ.
 Вообразать себя—хiнал-етмеѣ
 (представлять себя), араб. تعمال
 Вообще—барыда, коп iерде.
 Во-первыхъ—суал.
 Вопросъ—сору.

Воробей—цымчык.
 Ворона—ѡарѡа.
 Вороной—ѡара.
 Ворота—ѡапу.
 Воротниѡъ—jаѡа.
 Ворчать—хонтурландмак.
 Воръ—уру.
 Воскресенье—ѡаты-гiн.
 Воскъ—балаууз.
 Воспаление—ѡарсѡламак, кыза-
 муѣ.
 Воспитаніе—yренмеклик, сак-
 ламаклик.
 Воспитанникъ—окуjрен jаш.
 Воспитывать—оxутмак (учить),
 сакламак (кормить).
 Востокъ—ѡабу.
 Восходитъ—минмек; (о солнцѣ)
 гунчекмак.
 Вотъ—шу (лежащее), мунна (на-
 ходящееся въ рукахъ).
 Вошь—бiт.
 Впадать—тушмеѣ.
 Впередъ—алды-герiм, алдына.
 Вписывать—jазiп-бiтмеѣ (кон-
 чить писать).
 Вплавъ—jузyп.
 Вполиѣ—саулаi.
 Впослѣдствіи—артында, ахырни-
 да.
 Впрочемъ—масала.
 Въ продолжение—шузаманци
 iчiнне.

Впрягать — жекмек.
Врагъ — тушман, перс. دشمن
Вражда — жау, хорс.
Враждебный — жаулу.
Врать — жалбан-айтмак.
Врачъ — дохтур, ъаким, араб. حکيم
Вредить — зарал-етмей, — зияш-ет-
мей, араб. يضر
Вредный — зараллы, зияшлы, араб.
ضرر
Вредъ — зарал, зияш, араб. ضرر
Временный — заманда, араб. زمان
Время — заман, араб. زمان
Во-время — заманында.
Вряд ли — булурмикен.
Всадникъ — атлы (верховой), ми-
лиця (милиционеръ).
Все — барыда.
Всевозможный — jok болзун-чада.
Всегда — хар заманда, араб. زمان
Всегда — наманда, харзаманда.
Всего только — бары-си.
Вселенная — дуина.
Все равно — барысы-биргемиъ,
башка-тувуул.
Все-таки — нечагы болсада.
Всначъ — чабыш.
Вскорѣ — тезлик булан.
Вскочить на коня — атылын мин-
мей атча.
Вслухъ — кычмыщ, бая (громно).
Вслѣдствіе — шо саялж.
Вспоминать — ескірмек.

Вспотѣть — терлемей.
Вспылатъ — карсаламкы.
Венильчивый — чирш.
Вставать — турмак.
Встрѣча — жолушу.
Встрѣчать — каршысына-бармак
(подойти къ кому), алдында-
чыкмак (мыйти навстрѣчу);
алдында-жолукмак (встрѣчать-
ся).
Вступать — гирмек.
Всякій — хар.
Втихомолку — аста-булан, аста-
раки.
Вторично — жеки-керең (два раза).
Вторникъ — талат-гүн.
Втроемъ — учжу-булаш.
Входить — гирмек.
Вчера — түнөгүн, вчера-утромъ
— түнөгүн-ертем, вчера-вече-
ромъ — түнөгүн-ахшам.
Вчерашній — түнөгүнгү.
Вы — сиз.
Выбирать — сайламак.
Выбросить — кычмын-алмак, чи-
гартып-атмак.
Выводить, вывести — чыгартмак
(изъ дому).
Выгода — паида, араб. فائده
Выгодный — паидаан, араб. فائده
Выгнать, выгонять — нууаламак.
Выдумка, выдумывать — оюндаш
инвартмак.

Выздоровливать — сауболмак.
 Выздоровление — сауболмазлык.
 Выиграть, выигрывать — утмак.
 Выигрышь — утмаклык.
 Выкупить — сатип-алмак (ку-
 пить).
 Выкупъ — сатип-алмак.
 Вымогать — су-болмак, дим-бол-
 мак.
 Вымысль — ојундан чыңартмак.
 Выпивать, выпить — ічмек.
 Выписать — кітабны ічиннен јаз-
 мак (взъ книги).
 Выписывать — јазипгелтирмек (то-
 варь).
 Выплатить — төлемек.
 Выплачивать — төлеі турмак.
 Выражать, выразить — демек.
 Выругать — урушмак, сөгмек.
 Вырывать — узуп-алмак, тартип-
 алмак.
 Вырывать — гесмек.
 Высаживаться — тушмек.
 Высокий — біжік.
 Выстроить — курмак.
 Вытесать — акмак.
 Выть — улумақ.
 Вытянуть — созмак.
 Выучивать — үйренмек.
 Выходить — чышмак.
 Выше — біжік.
 Выхвалять — чыкмак.
 Выюга — боран.

Вёковой — өмүрлүк (живучій).
 Вёкъ — өмүр.
 Вёнецъ — таж, араб. جانت
 Вёнокъ — байлам.
 Вёра — інам (довёрие), Аллаха
 інанмак (въ Бога).
 Вёрить — інанмак.
 Вёрно — туз.
 Вёрный — гертл.
 Вёроятно — болса јараі.
 Вёсить — чекмек.
 Вёсть — хабар, араб. خبر
 Вёсь — аwurfук.
 Вётеръ — јел.
 Вётьвь — бутак.
 Визать — байламак (чулки), сок-
 мак.
 Вязнуть — батылмак.
 Валай — ерінчек.

Г.

Гадать — пал-салмак.
 Гадкий, гадость — јаман, нас.
 Галка — цаға.
 Гасить гаси! — сөндүрмек сөн-
 дүр.
 Гвоздь — имх, перс. چغندر
 Гдѣ — ваіда.
 Гдѣ-нибудь — ваіда-бусада.
 Гешій — һунер.
 Герой — батыр, јејіл.
 Гибель — пана-болмак.

Гибкій—пелмек.
Гладить (бѣлье)—сизнамак, итуу
урмак опракка.
Глазъ—гба.
Глина—саз.
Глиняный—саздав.
Глубина—теренлик.
Глубокій—терен.
Глупость—хајжүлик.
Глухой—хајжөу.
Глухой—саңграу.
Глядѣть, глянуть—карамак.
Спать—куваламак.
Гнить—чиримек.
Говорить—соилемек, ајитмак.
Говядина—туар ет.
Годиться—жарамак.
Годный—жарауду.
Годъ—жй.
Голень—бут.
Голова, глава—баш.
Головешка—весеу.
Голодать—ач туршак.
Голодь—ачлык.
Гололедица—бузак.
Голось—аваз, сөс, перс. آواز
Голубой—гбк.
Голубь—гогурчун.
Голый—жашырач.
Гонимый (кого гонять)—кувалак.
Гончая собака—егер.
Гора—тау.
Горбъ—төнкү.

Гордиться—октем-болмак.
Гордый—октем.
Горе, горестъ—кайгы.
Горестный—кайгылы.
Горець—таули.
Горло—тамагы.
Городъ—шабар.
Горохъ—новут.
Горчица—гарчице.
Горькій—аччи.
Горѣть—жанмак, гүје.
Горчий—исм.
Гость—конак.
Готовить—казыр-етмек, араб. حاضیر
Готовый—казыр, араб. حاضر
Грабитель—урламак, таламак.
Градъ—бурчак.
Гранатъ (фрук.)—нар.
Граница—дазу, падчанж дазусу
(царская, гбсудар.).
Граничить—дазуламак.
Гремѣть—цангірламак.
Гребешокъ—тарак.
Грести—кажик жүздурмек.
Грибъ—иткычу.
Грива—жал.
Гробъ—табут, араб. تابوت
Гроза—жашмин.
Грозить—корнутмак.
Громкій—бөз, кычиркыш, улу та-
ууш.
Громъ—кок-кокуремек.
Грубый—терс-гипи.

Грудь—вогрей, кокурей.
 Грузинъ—гуржы.
 Груша—хармут.
 Груша лѣсная—герте.
 Грушевое дерево—халмурт-те-рей.

Грѣться—ісінек.
 Грязный—палчыкы, нас.
 Грязь—палчык.
 Губа—ерін.
 Губка—булут.
 Гулять—сејрлык, кыдырмак.
 Гусеница—хурт.
 Густой—камын.
 Гусь—каз.

Д.

Да—дур.
 Давать—бермек.
 Давеча—ол-заман, араб. زمان
 Давить—басмак, кысмак.
 Давно—копден, коп-замандан, араб. قديم
 Даже—дагы.
 Дай Богъ—Аллаъ берсин, араб. الله
 Далеко—жірак.
 Дальний—жірак-дегі.
 Далѣе—аннанна, арі.
 Даровать, дарить—багышламак.
 Даровитый—пазмулу.
 Даромъ—тегін, бавајин.

Дверь—ешік.
 Дворъ—абзар.
 Дворянинъ—панка, сала, узден (три степени дворянства).
 Двоюродная сестра—узукар-кышкардаш.
 Двоюродный братъ—узукар-кардаш.
 Деньги—акча.
 День—гун; на-дняхъ—бугун-лер-де.
 Деревенскій—гентмы.
 Дерево—терек, арач.
 Деревня—гент, еі, качмык (соб. хуторъ).

Деревянный—арачтап.
 Дергать—жулмак.
 Держать—тутмак.
 Дерзкій—октем.
 Десна—тіш ет.
 Дешевый—учуз.
 Диванъ—діван, верс. ديوان
 Дикій—кыр-цая (звѣрь).
 Дитя—јаш.
 Длина—узуну.
 Длинный—узун.
 Дичь—цанлы, цанвар.
 Дя—учун.
 Дя того чтобы—анн-учун.
 Днемъ—гуннуал.
 Дно—туб.
 До сихъ поръ—бу-заман-болгунча, заті-болгунча.

Добавлять — кошмак.
 Добродѣтельный — жахшылык ете-
 ген гиши.
 Добродѣтель — жахшылык.
 Добросовѣстный — инсапли гиши,
 араб. ائمان
 Добрый — жахши адам.
 Добывать — тапмак.
 Добыча — тапкалык мал.
 Доводить — жеткиштермек.
 Довольно — таман, араб. تام
 Довольный — ыразы, араб. راضي
 Довольнымъ быть — кабуд бол-
 мак, араб. قول
 Довѣрие — инам.
 Догадываться — аңламак.
 Договоръ — шарт, араб. شرط
 Догонять — артыдан жеткишмек.
 Дождаться — сабур-етмек, араб.
 Дождь — жауун.
 Дождаться — сабур-етмек, араб.
 Дойная — саулаган.
 Дойти — жеткишмек.
 Дойть — саумак.
 Доказывать — исбат-етмек, араб.
 Документъ — раглам.
 Долгий — узаклык.
 Долго — узак.
 Долгъ — борч.
 Должникъ — борчу.

Дождь-быть — болмак, жарау бо-
 сад, жарау сада, жарау.
 Должность — куйлык, араб. وظيفه
 Долина — туз аулак, араб. اودك
 Домъ — туу.
 Доносъ — тилчи.
 Донныѣ — бугунгѣ жерл.
 Доплачивать — калрааты бермек.
 Доплыть — жүзүп-жетмек.
 Допотопный — дуу-жаманчу алгын.
 Дорога — жол.
 Дороговизна — бадалык, перс. باه
 Дорогой — база, перс. باه
 Дорогой (любезн.) — ажайу.
 Дорогою — жол бунак.
 Доска — такта.
 Доставать — тапмак, жеткишмек.
 Доставлять — жеткиштермек.
 Достигать — мурадна жеткишмек,
 араб. اتي
 Достойный — тижши.
 Доходъ — дѣйм, (паид, кажир +
 польза), араб. دخل
 Дочь — кыз.
 Драгоценный — бадалы, перс. باه
 Драка — уруш, токалаш.
 Древний — бурунгу.
 Древность — бурунчулук.
 Дремадь — калдымак.
 Древо — агач.
 Дрожать — картталамак.
 Другой — башга.

Другъ — кардаш, дост, перс. دوست
 Дряжба — кардашлык, достлук.
 Дряхлѣть — карт, болмак.
 Дубъ — емен-терекъ (дерево); емен
 аҗач (материалъ).
 Дуло — тубекнѣ аузу.
 Дума — ой.
 Думять — ойламак.
 Дурной — җаман.
 Дуть — уфурмак.
 Духъ — ijis.
 Душистый — ijisli.
 Душить — буумақ.
 Дымъ — тутун.
 Дыня — пастан.
 Дыра — тепш.
 Дышло — орт аршы.
 Дѣвица, дѣвушка — кыз.
 Дѣдушка (по отцу) — атасыны
 атасы.
 Дѣдушка (по матери) — анасыны
 атасы.
 Дѣйствительно — гертгилеі.
 Дѣйствовать — иш-етмек.
 Дѣлать — етмек.
 Дѣлать — болмак.
 Дѣло — иш.
 Дюжина — дужун.
 Дядя (по матери) — анасыны уҗан
 кардашы.
 Дядя (по отцу) стар — атасыны
 аҗасы, младшій — атасыны ині-
 сы.

Б.

Еврей — цурут (цурут).
 Едва — һарап балаз.
 Единственный — биргине.
 Ежедневный — гунне-сајин, һар-
 гунне.
 Если — боса.
 Еще — даҗда.

Ж.

Жаба — бака.
 Жадный — кызганч.
 Жажда — суусып.
 Жажущій — суусамі.
 Жало — тиге.
 Жалоба — арыз, араб. عرض
 Жалованье — алаһа.
 Жаловаться — арыз-етмек, ар. عرض
 Жалѣть — кызганмак.
 Жара, жаръ — јисмлик.
 Жаркій — issi.
 Жаръ (огонь) — от, цум.
 Жать — ормак.
 Ждать — токтамак, гутмек.
 Жевать — чаинамак.
 Желаніе — муҗреҗени.
 Желать — суимек.
 Желтый — сари.
 Желѣть — саргаймак.
 Желѣзный — темірден.
 Желѣзо — темір.
 Жена — катын.

Женщина — катын-гінци.
 Жеребенокъ — таји.
 Жеребецъ — айыр.
 Жерновъ — тирмен, тап.
 Жертвовать — садага бермей, курманлык бермей, араб.
 Жесткой — трн.
 Жестокій — радмысыз, араб.
 Жестокость — радмысызлык.
 Жестъ — тахта, темир.
 Жезъ — жандырмак.
 Живой — сау, тир.
 Животное — цанлы зат.
 Животъ — курсак.
 Жизнь — өмүр, араб.
 Жилище — жашау еткен жери.
 Жирный — жаву, семиз.
 Житель — журтлу.
 Жить — жашау, өсмөк.
 Жнитва — орак-ормак.
 Жребій — чоп.
 Жузь — конгузак.
 Журчать — окурмей.

3.

За — арыжанында.
 Забава — оін.
 Забавлять — оінатмак (соб. востановить играть).
 Забеременѣть — айы болмак.
 Забирать — аймак.
 Заболѣть, заболѣвать — аурумак.
 Заборъ — бару, перс.

Забора — аймак (впеченіе).
 Заботиться — дзракет-етмей, араб.
 Заблудиться — адашмак.
 Завлуждение — адашмаклык.
 Забывать — унутмак.
 Зависть — гувешчил.
 Заводить — курмак.
 Завоевывать — дау-етин, аймак.
 Завладѣть — биймөк.
 Завтра — танга.
 Завтракать — кушув, ашмак.
 Завтракъ — кушук.
 Завядшій — бечген.
 Загадка — тап, жумак.
 Заговоръ — питир.
 Загораться, загорѣться — жаймак.
 Загрызть — чайнамак.
 Задатокъ — бетлис.
 Задача — есінде, буак.
 Задержать — тутмак.
 Задремать — капур-өсмөк.
 Засизъ — борча аймак.
 Зажигать — жакмак.
 Зайти — тирмөк.
 Заказъ — бујурган іш.
 Заказывать — бујурмак.
 Законъ — закон.
 Закрыть — жапмак.
 Залогъ — жүк.
 Залпъ — бірден, атылды.
 Замарать — поламак.
 Замахиваться — кол сойдемөк.

- Замедлить — музак кошмак.
 Замерзать — буздамак; катмак.
 Замокъ — кіріт, перс. کلید
 Замолчать — сөзүн токтатмак, іш-
 німеі турмак.
 Замужъ — ерје бармак.
 Замучить — кшівамак.
 Замышлять — ойламак.
 Замѣнять — алыштырмак.
 Замѣчать — белгі-етмеі.
 Занавѣсь — шаршау.
 Занимать — борчка алмак.
 Заноза — жаркыч.
 Занятый — аваралы гіші.
 Западъ — гун батыш.
 Запасъ — сонга цыган зат.
 Запахъ — іжіс.
 Запирать — бөсітмеі.
 Записать — јазмак.
 Заплагить — толөмеі.
 Запомнить — есіне гелмеі.
 Запоръ — тоғанак.
 Запретить, запрещать — етме коі-
 мамак.
 Зарабатывать, заработать — ка-
 занмак.
 Заразить — јукмак.
 Заря — там белгі.
 Заряжать ружье — тубек тогтур-
 мак.
 Засада — оусхун.
 Засвѣтло — јарында.
 Заслуга — јурмет, араб. ھمت
- Заслужить — ғразылык алмак.
 Застроить — тіктірмеі.
 Застрѣлить — урмак тубек бу-
 нан, тапанча бунан.
 Засуха — күрґак.
 Засыхать — курумак.
 Засѣвать — чачмак.
 Затрудненіе — кыналмак.
 Заупрямиться — ерішмеі.
 Заходить — гірмеі.
 Захождение солнца — гун батмак.
 Захотѣть — сүймеі.
 Зачѣмъ — нејучун.
 Защита, защищать — комеілмак,
 комеі-етмеі.
 Заяць — жојан.
 Звать — чакырмак.
 Звонить — зангыламак.
 Звучать — тауш бермеі.
 Звѣзда — јулдуз.
 Звѣрь — кыр-қан.
 Зданіе — мулк.
 Здоровый — сау.
 Здоровье — саулык.
 Здравствуй — ассаламу-алеікум,
 араб. السلام علیکم
- Здѣсь — мунда.
 Здѣшній — муннегі.
 Зеленый — јашыл.
 Земледѣлецъ — сабанчі.
 Землемѣръ — земземір (русс.).
 Земля — јер, товрак (пчва).
 Землякъ — біріјақы.

- Земляника—цілімек.
 Зеркало—гузгу.
 Зерно—буртук.
 Зима—кыш.
 Золото—алтын.
 Золотой—алтындак.
 Золотник—тмышал, араб. ^{شمال}
 Зло—ачу.
 Злой—ачууду.
 Злость—ачуу.
 Змѣя—жілан.
 Знакомить—таншидырмак.
 Знакомство—таныштык.
 Знакомый—таныш.
 Знакъ—belgi.
 Знаменитый—танушлу гіші.
 Знаніе—білім.
 Знатный—білімді гіші.
 Знать—білмей, не знать, білме-
 мей.
 Значеніе—алайды.
 Значить—алайда.
 Знобить—сууксидырмак.
 Зной—жісілдік.
 Зрѣлище—карамаклык.
 Зрѣмый—бішпен.
 Зубъ—тыш.
 Зябнуть—кышумек.
 Зять—гіев.
- И.**
- И—де.
 Ибо—аны-учун.
- Иго—зулму.
 Игла—жіне.
 Играть—ойзанамак.
 Игрушка—ойнамада зат.
 Избавить—куткармак.
 Избавиться—куткармак.
 Избирать—ціімак.
 Избушка—yі tole.
 Избѣгать—тајатмак.
 Известь—кіреч.
 Извиненіе—гечметтик.
 Извинять—гечмек.
 Извозчикъ—кіречі.
 Извѣстіе—хабар, араб. ^{خبر}
 Извѣстный—belgin.
 Извѣщать—білдырмак.
 Изгнанный—куваланган гіші.
 Издержки—харак.
 Идальничать—савчетмак.
 Измучить—кынамак.
 Измѣна—намарутик, перс. ^{نامرد}
 Измѣнять—турлемең (соб. пере-
 ставить).
 Измѣрять—олчемең.
 Изрубить—параламак.
 Изучать—уیرهтмек.
 Или—јада, ја.
 Иль—лаі.
 Имущество—mal, араб. ^{مال}
 Имѣніе—мулк, араб. ^{ملك}
 Имѣть—бар-болмак.
 Имя—аты.
 Иначе—башхача.

Индювъ—гургур.	И.
Иней—кырау.	
Иногда—бір-заманда, араб. ذات	Кабанъ—кабан.
Иной—башха.	Кабардинецъ—кабарцылы.
Интересный—тамашалы, перс. تاشا	Каблукъ—табан.
Искать—іздемеъ.	Кавказъ—Кавказ.
Искра—учбун.	Кажется—меъ билеген.
Искренний—ачык-гипи.	Какъ—нечѣк, гѣмѣк.
Искусать—хапмак.	Калѣва—заип, араб. صیبا
Искусство—чеберлік.	Каменный—таштаң.
Искушение—дамаһ.	Камень—таш.
Искъ—ізлеу.	Каминь—отбаш.
Испарение—дус чымак.	Камышь—камучи.
Испачкать—нас-етмеъ.	Канавка—таташул.
Исполнить, исполнять—буџурга- нын-етмеъ.	Канать—аркан.
Испортиться—бузулмакчык.	Кандалы—буџау.
Исправлять—жараштырмак, жа- рантырмага.	Капля—тамчи.
Испугать—коркутмак.	Капуста—капуста (русс.).
Испугаться—коркмак.	Карадашь—варадаш.
Испугъ—коркуу.	Карманъ—кісе, перс. کیسه
Испытывать—сынамак.	Картина—сурат, араб. صورت
Истина—гертмѣі.	Картофель—картуше.
Истинный—гертм.	Касаться—тѣмѣк.
Исторія—таварихъ, араб. تاریخ	Каспійское море—тры денгіз.
Источникъ—булак.	Качество—сіпшат, араб. صفت
Истощаться—куваттан гетмеъ.	Каша—чилaw, перс. چلو
Исчезать—тасболмак.	Кашель—јотел.
И таеъ—алаі.	Квадратъ—дорт хырлы мат.
Итти—бармак, гетмеъ, јаумаі (о дождѣ).	Квакать—какыламак.
	Кизиль—чум.
	Кизякъ—тезей.
	Кинжалъ—хынжал, перс. خنجر
	Кинуться—атылмак.

- Кипѣть — ваінамак.
 Кислый — туршу, перс. ترش
 Кисть (виногр.) — салкын; (руки)
 — бугун.
 Кладбище — кабурлар, зіретлер,
 араб. زیارت قبر
 Класть — салмак.
 Клевать — чеплемек, чокуммак.
 Клевета — чагувул.
 Клопъ — кандала.
 Ключъ (въ замку) — ачъыч; (ис-
 точникъ) — булак.
 Клятва — ант інамлык.
 Кляча — жабу.
 Книга — кітаб, араб. كتاب
 Княжество — біілік.
 Князь — біі.
 Коварный — намарт, перс. نامرد
 Коверъ — халча.
 Когда — качан.
 Кожа — тері, гон.
 Коза — тіші ечки.
 Козель — ечки.
 Колесо — догурчей.
 Колодець — кују.
 Колокольчикъ — конзурау.
 Колось — будайны баші.
 Колоть — тірмек.
 Кольцо — јузүв.
 Кольчуга — губе.
 Колѣно — тіз.
 Комаръ — суіру цібін.
 Конецъ — учу.
 Конечно — озогда.
 Кончать — бітірмек.
 Конь — ат.
 Конюшня — аран.
 Копать — казмак.
 Копить — ціімак.
 Копыто — тујак.
 Кора — кабук.
 Корабль — јекен геме.
 Корень — тамур, перс. دمار
 Корзина — четен.
 Кормъ — јем.
 Коридоръ — пырха.
 Корова — сјір, інег.
 Короткій — кысба.
 Коршунъ — туілген.
 Корысть — ыллачы.
 Корь — кызамук.
 Косарь — чалъычы.
 Кость — сујей.
 Котель — казан, перс. قلزقان
 Который — ваісы.
 Кошелекъ — ахча-салаған-кісе.
 Кошва — мішік.
 Край — кыры-јаба.
 Красивый — аруу.
 Красить — сырламак.
 Красва — сыр.
 Красный — кызыл.
 Краснѣть — кызармак.
 Красть — хапмак.
 Краткій — кысха.
 Кресиво — сатыл.

Кресло — жемішав шанжал.
 Кривой — вынгыр.
 Кривъ — таууш-вычырык.
 Кричать — кычырмак.
 Кровавый — каялы, каллы.
 Кровь — кан.
 Кромъ — ансыз.
 Круглый — догурекъ.
 Крупа бѣлая — дугу; желтая
 (просо) — тарі.
 Крупный — улуу, ірі.
 Крупъ лошади — савури.
 Крыжовникъ — ажу жузум.
 Крыло — канат.
 Крыша — калкы.
 Крышка — капкач.
 Крѣпкій — бек.
 Крѣпость — кала, араб. قلعة
 Брючокъ — кармак.
 Кстати — заманна, араб. زمان
 Кто — кім.
 Кувшинъ — хаба.
 Куда — кайда, нежергѣ.
 Кузнецъ — темір уста, араб. استناد
 темірчы.
 Кузня — меч.
 Кувла — курчак.
 Кукуруза — абжеі.
 Кукушка — ат-жок-куш.
 Кулакъ — јумурук.
 Купать — кіріндіртмеъ.
 Купецъ — соудугер, перс. سوداگر
 Купить — сатып-алмак.

Курага — куреге.
 Курганъ — арка.
 Курдюкъ — куірук.
 Курица — тауук.
 Курокъ — чакма.
 Кусать — хапмак (ср. красть).
 Кусокъ — гесеъ.
 Кусть — болекъ, улку.
 Кухня — ашхана, перс. آشخانه
 Куча — тобе.
 Купать — ашамак.

Л.

Лавка — туѣен, араб. دكان
 Лагерь — лагер (заимств.).
 Ладить — барышлы болмак.
 Ладонь — аја.
 Лазить — орлемеъ, мінмеъ.
 Лай — ылауу.
 Лапа — ітны ажазы.
 Ласковый — іссн гіші.
 Ласточка — карлагач.
 Лаять — ыламак.
 Лебедь — вуу.
 Левъ — арслан.
 Легкій — јенгіл.
 Легкія — опвелер.
 Легко — тнч.
 Ледъ — буз.
 Лежать — јатмак.
 Лезгинъ — лезгіл.
 Лента — чалуу.

Лепешка—сымсыр хінвал.
Лесть—јарсувельк.
Летать, летѣть—учмак.
Лживость—јалѣанлык.
Ли—му.
Лизать—јаламак.
Ливія—ѣіз.
Липа—еіме.
Лиса, лисица—тулву.
Листь—јапрак.
Лить—токмеѣ.
Лихорадка—кыздырма, беззеѣ.
Лицо—бет.
Липать—ајірмак.
Лишний—артык.
Лобъ—маңгалаі.
Ловить—тутмак.
Ловля—тутуу.
Лодка—кајік.
Ложиться—јатмак.
Ложный—јалѣандан.
Ложка—вашык.
Ложь—јалѣан.
Лоза—борла.
Локонъ—самаі.
Локоть—тірсеѣ.
Ломать—сындырмак.
Лопата—куреѣ.
Лошадь—алаша.
Лугъ—бічевіік, аулак.
Лукъ—соѣан.
Лукъ сѣдла—каш.
Луна—аі.

Лучше—колаі.
Лучь—шаула.
Лысина—ајазы.
Лысый—ајазбаш.
Львица—тыші арслан.
Льдина—буз-гесеѣ.
Льстець—јареуке.
Льстить—јареувельк-етмеѣ.
Львый—сол.
Лѣкарство—дарман, перс. درومان
Лѣнливый—ерінчеѣ.
Лѣвиться—ерінмеѣ.
Лѣнь—ерінчеклык.
Лѣсъ—аѣачлык.
Лѣто—јаі.
Лѣчить—саветмак.
Любезный—ајаулу.
Любить—суімеѣ.
Любовь—сују.
Любопытный—бімеге сујеген
гіші.
Любопытство—бімеге суімеѣ.
Люди—адамлар, араб. آدم
Лягушка—бака.

М.

Мазать—сүртмеѣ.
Мазь—сүртгуч.
Магъ—хашхаш, шахшах.
Маленькій, малый—гіччі.
Мало—аз.
Мало-по-малу—аз-аз.

- Малолѣтній—јаш.
 Мальчикъ—јаш.
 Мамка—емчѣй анасы.
 Манить—чақырмак.
 Масло (сливочное)—кама (қјама);
 (постное)—кѣндыр-маі, ағач
 јау; (коровье)—сыр-маі сарі-
 маі.
 Масса—нечеде коп.
 Мастеръ—уста, араб. استاد
 Мать—түс, тус.
 Матеріаль—ішлемеге тарыкы
 затлар.
 Матерія—кумач, перс. قماش
 Матка пчель—бал-дубінны ана-
 сы.
 Мать—ана.
 Медвѣдь—ажуу.
 Медленно—аста-булан, пер. آهسته
 Медлить—аста етмак, пер. آهسته
 Медъ—бал.
 Между—ара.
 Мелкій—ууак.
 Мелководный—саілык.
 Мелочь—ууак.
 Мель—саі.
 Мельникъ—тырменчі.
 Мельница—тырмен.
 Меньшій—гіччісі.
 Менѣе—кем-азы, перс. کم
 Мерзкій—јаман.
 Мерзнуть—бузламак.
 Меринъ—бічілген-ат.
 Местъ—ванамаклык.
 Мертвый—олу.
 Мечъ—клыч.
 Мигомъ—бірден.
 Милліонъ—milion.
 Милосердіе—язык сынни-
 Милый—ажавлу.
 Мимо—јабындан.
 Мимоходомъ—јол уступна.
 Минувшій—геткен-отвен.
 Минута—мунут (заимств.).
 Миръ—јарашуулук.
 Міръ—дунја, араб. دنيا
 Младенець—нарыста, пер. نروسته
 Многіе—кобусу.
 Много—коп.
 Многолѣтній—омуру-узак, араб.
 عمر
 Многочисленный—зисап-сыз, ар.
 حساب
 Множество—хылы, перс. خیلی
 Мнѣніе—оју.
 Могила—кабур, араб. قبر
 Могущественный—гучу.
 Могущество—гуч.
 Можетъ-быть—болса јараі.
 Можно—јараі.
 Мокнуть—суу болмак, дим бол-
 мак.
 Мокрый—суулу, јаш, дим.
 Молитва—дува, араб. دعا
 Молиться—намаз кылмак, перс.
 نماز

Молодой—цаџмї.
Молоко—сут (сүт).
Молотить—індір басмак.
Молотокъ—чогуч.
Молоть—будай тартмак, тїрмен
тартмак.
Молчать—іннемеї турмак.
Море—денгїз.
Морковь—чїта.
Морозъ—бузлау.
Мость—вопур.
Мохъ—терек-тук, аџач-тук.
Мочь—џал.
Мошка—уак-цїбїн.
Мразъ—каранги, каранлык.
Мрачный—кепсиз, каранлы.
Мудрецъ, мудрый—џакылы гїшї.
Мужественный—гучлу гїшї.
Мужчина—еркек, ергїшї.
Мужъ—ер.
Мука—ун.
Мука—азап, араб. عذاب
Муравей—џомуска.
Мусульманинъ—бусурман, араб.
مسلمان
Муха—цїбїн.
Мученикъ—азапдаџы, азап-са-
лым.
Мы—бїз.
Мыло—сапун, араб. صابون
Мысль—ої, хїял, араб. خيال
Мыть—џууммак.
Мычать—мунгуремеџ.

Мышеловка—капкан.
Мышь—чїчхан.
Мѣдный—їезден.
Мѣдь—їез.
Мѣна—алыштырмаклык.
Мѣнять—алыштырмак.
Мѣра—олчеу.
Мѣрять—олчемеџ.
Мѣсто—орну, їер.
Мѣсяць—аї.
Мѣшать—буршау-етмеџ, булґа-
мак.
Мясникъ—касапчы, араб. قصاب
Мясо—ет.
Мятель—боран.

Н.

Набивать—толтурмак.
Наблюденїе—карамак.
Наверху—устунне, орде.
Навлекать—каїғы гетїрмеџ озү-
не.
Навозъ—повлук, чоп.
Навсегда—џарвамандада.
Навѣрно—гергеї, боса їараї.
Навѣщать—бїлмеџ.
Нагайка—памчї.
Нагой—їалангач.
Наготовѣ—џавїрлы, араб. حاضر
Награда—баџыш.
Награждать—баџышламак.
Надежда—умут, перс. امید

Надо—гармк, ģерек.
Надолго—узакка.
Надуматься—oilамак.
Надѣвать—ġimek.
Надѣяться—инамак, умут-ет-
меk, перс. امید
Наединѣ—jaцгыз.
Наемъ—kipe, перс. کرایه
Наживатьъ—казанмак, цiiмак.
Назади—арта.
Назадъ—артна.
Названіе—аты.
Назначать—вахти бермеk, араб.
وقت
Называть—атын айтмак.
Называться—ов атын айтмак.
Наизусть—гонгунден-биlмеk.
Найти—табмак.
Наказаніе—дoмеk, урмак.
Наказывать—дoмеk-етмеk.
Наканунѣ—артаġи гунне.
Наконецъ—ахрында, араб. آخر
Накрывать—jапмак.
Намѣреваться—есине гелмеk.
Намѣреніе—есине тутмак.
Намѣстникъ (прав. край)—сел-
дер, перс. سردار
Нанимать—kipe тутмак, hakka
тутмак, араб. کرایه
Наоборотъ—чуġресинден.
Нападать—устунде чаумаk.
Написать—jазмак.
Напитокъ—ичкi.

Наполненный—толган.
Наполнить—толтурмаk.
Напрасно—habас, тегин, заja.
араб. عبث
Напрасный—habаслы.
Напримѣръ—масала, араб. مثلا
Напротивъ—алдынна.
Нарасхватъ—талап.
Народъ—хале, араб. خلق
Нарочно—масхарадан.
Наружу—кырда.
Нарушать—бузмак.
Нарывъ—вотур.
Наряжать—jaцшы опрак ġиндир-
меk.
Насаждать—орнатмак.
Населеніе—хале, араб. خلق
Насиліе—зучлiк.
Насилу—гучтен.
Наслажденіе—ванмаклык.
Наслѣдникъ—варис jесы, араб.
وارث
Насморкъ—тумау.
Насмѣшка—кyлкyу.
Наставленіе—насыjат, ар. نصیحت
Настежь—hавадан.
Настойчивый—бунерлi.
Настоящій—бугунгу.
Насыпать—тoкмеk.
Насыщать—толтурмаk, тойдур-
маk
Насѣкомое—цiбин.
Наука—ilmу, elму, араб. علم

Находить — тапмак.
 Начало — башы.
 Начальникъ — закѣм, араб. حاکم
 Начать, начинать — башламак.
 Начинать — кууштурмак.
 Нашъ — бізінкі.
 Неаккуратный — ыантау.
 Неблагодарный — кереметсиз, ар.
 کرامت
 Неблагоразумный — ыакысиз, ар.
 عقل
 Небо — ков.
 Небо — таңглау.
 Небольшой — уллу тугул.
 Невнимательный — аңглаусуз.
 Неводъ — аув.
 Невозможный — жарамаган.
 Невольникъ — јесыр, араб. اسير
 Неволя — іхтіарсиз, араб. اختيار
 Невѣжество — інсапсызлык, араб.
 انسان
 Невѣрный — гертысиз.
 Невѣста — ыелешмш.
 Негдѣ — бір јерде.
 Негодай — јарагсиз.
 Недавно — ыалы тез, узаъ тугул,
 коп заман болмаі.
 Недалеко — јерак тугулю.
 Недовѣрие — інамсызлык.
 Не довѣрять — інаммамак.
 Недоступный — батіп болмаі.
 Недоуздокъ — нокта.
 Недѣля — цума.

Нежелание — суімегене.
 Незнакомецъ, незнакомый — та-
 ныш тугул.
 Неизвѣстный — белгісиз-кайдағы,
 belbeli тугул.
 Некогда — заманым јок, араб. زمان
 Нельзя — јарамас.
 Немедленно — һалі бусағат.
 Немилость — сыісиз.
 Немногие — бірлеры.
 Немного — коп тугул.
 Ненавидѣть — гөріп болмаі.
 Не правиться — ушатмамаклык.
 Необходимый — болмасы јарамаі.
 Необыкновенный — барі јімік ту-
 гул.
 Неограниченный — дазусуз.
 Неожиданный — ыапарсиз, араб.
 خبير
 Неопытный — білімсиз.
 Непопородный — јемішсиз.
 Неповинный — гунаысиз, пер. كناه
 Непогода — чуак.
 Непонятный — аглаусиз.
 Неправда — герты-тугул, јалган.
 Непремѣнно — бірде-амал-јок.
 Неприятель — тушман адам, пер.-
 دشمن
 араб.
 Неприятность — јаманлык.
 Нерадѣіе — қаысызлык.
 Неразумный — ыакылы јок, араб.
 عقل
 Неряха — польбус.

Несмотря на то — карамаі аны.
 Несправедливость — тыжішсыз зат.
 Несправедливый — гертіссыз, араб. غیرت
 Неспѣлый — бішмеген.
 Несравненно — артыксыз.
 Нести — елтмеї.
 Несчастіе — нясыпсызлык, бурша, араб. نصیب
 Несчастливый — нясыпсыз.
 Несчастный — талаісыз, жавык, харып, араб. طالع
 Несчетный — ұсапсыз, араб. حساب
 Нетерпѣливый — чідаусуз.
 Нетерпѣвіе — чідаусузлык.
 Неудача, неудачный — тушумсыз, баўіісыз.
 Неудобство — парахатсыз.
 Не удаваться — тушмеї.
 Неужели — гертелеї.
 Неурожай — осал ашык.
 Нехороший — жахшы тууул.
 Нечѣмъ — затым жок.
 Нива — тарлау, сабанлык.
 Нигдѣ — каїда жок, бір-жердеде.
 Ни за что — нечунде.
 Низкій, низко — алаша.
 Ниже — тѳбен.
 Никакой — ѳеч-бір-зата.
 Никогда — бір замандада, ар. زمان
 Никто — біреуде.
 Никуда — бір жердеде.
 Ни одинъ — ѳеч бірїсїде.

Нитка — жіп.
 Ничего — бір зата.
 Нищій — садагач, араб. صدقة
 Новость — жангы хабар, араб. خبر
 Новый — жангы.
 Нога — ажак.
 Ноготь — тырнак.
 Ножницы — каїчы.
 Ножны — ыны.
 Ножъ — бїчак.
 Ножичеъ — бекї.
 Ноздри — танаулар.
 Носить — журұтмеї.
 Носъ — бурну.
 Ночь — гече.
 Ночевать — гече турмак.
 Ночлеги — гечелїк.
 Нравиться — ушатмак.
 Нравъ — ушау.
 Нужда — тарыкылы.
 Нуждаться — тарыкланмак.
 Нужно — гереї, тарык.
 Нѣкоторый — бір бірїсї.
 Нѣмецъ — немеелї.
 Нѣсколько — нечнде.
 Нѣтъ — жок, тугул.
 Нѣчто — бір зат.
 Няичить — воламак.
 Няня — емчек.
 О.
 Оба — екеуде.
 Обварить — бішірмеї.

Обвиненный—бунахлы гіші, пер. کناء	Обсуждать—oi-етмеѣ.
Обвинять—бунахламак.	Обувь—ажак гіісі.
Обида—намыс (намус), араб. ناموس	Обходить—айланмак.
Обижать—намысына тіімеѣ; хуи- лапганмеѣ.	Обширный—ренг.
Обиліе—воплиѣ.	Общество—el.
Облако—булут.	Объѣхать—айланасын-кыдырмак.
Обливать—устыне суу токмеѣ.	Объяснять—айтмак.
Обманщикъ—жалғанчи.	Обыкновенно—барі жіміѣ.
Обманъ—шарт, алдату, жалған.	Обыкновенный—куінде, барі іміѣ.
Обманывать—шартетмеѣ, алдат- мак.	Обѣдать—туш-аш ашмак.
Обморокъ—алжамак.	Обѣднѣть—jarлы болмак.
Обнимать—гучакламак.	Обѣдъ—туш-аш.
Обрабатывать—işlemeѣ.	Обѣщать—етерменден-айтмак.
Образованіе—bilim.	Обязанность—борчу етмеге, парз.
Образованный—bilimli.	Овесъ—суллу.
Образъ—мадар.	Овладѣть—biiley.
Обогащать—токлуклук.	Оводъ—сона.
Обождасть—тохтамак, карамак.	Оврагъ—курукжук-кол.
Обозъ—жуѣ.	Овца—воі.
Обокрасть—урламак.	Огонь—од.
Оборона—бузуклук.	Огородъ—бахча, перс. باغچه
Обращать вниманіе—затны тер- гемеѣ.	Огорчать—кайгыртмак.
Обращаться съ просьбой—тылеу- булан гелмеѣ.	Огорченный—кайгылы гіші.
Обращеніе—біреуге мурадiw айт- мак.	Ограбить—таламак.
Оброкъ—erli желімі.	Ограда—чал.
Обстоятельство—іш.	Огромный—уллу-залім.
	Одаренный—саугатлы.
	Одежда—опрак.
	Одиночество—жанъызлык.
	Одинокій—жанъыз.
	Одинъ—бір.
	Однажды—бір жол.
	Однако—бірден.

Одно и то же—шу-куи́нда зат.
Одолжать—борча́а берме́й.
Одолженіе—іхтіар етме́й.
Одѣяло—жуурѣан.
Оживлять—сауе-тме́й.
Ожидать—карап турмак.
Озеро—kol.
Ознобъ—суууу-сындырмак.
Обазывать—горсетме́й-белдірме́й.
Обаячивать—бітерме́й.
Облеветать—пуршау-етме́й.
Обно—терезе.
Ово (глазъ)—дөз.
Около—жанында.
Окружать—айланасын-алмак, ай-
ланмак.
Окружность—айланасы.
Олень—гійік-кувай, гійік.
Олово—корѣашин.
Омывать—цуума́к.
Опасаться—тартынмак.
Опекунъ—апекун (русс.).
Описание, описывать—ма́лін жаз-
мак.
Оплакивать—іла́мак.
Опоздать—геч колмак.
Оправляться—за́вир-етме́й.
Опустошать—бошатмак.
Опухать—шішме́й.
Опухоль—шіші́й.
Опытность—білімлік.
Опытный—білеулу́.
Опытъ—білім.

Опять—да́да.
Орель—кара-куш.
Орошать—сууѣармак.
Оружіе—сауут.
Орѣхъ круп.—воз; мель.—черт-
леу́к.
Осаждать—цеп цалмак (городъ),
тілеуге-ге́лме́й (просьбой), те́-
бен-етме́й (опустить ниже).
Освобождать—еркин-етме́й.
Освѣжать—жанѣрмак.
Осель—ешек.
Осень—гуз.
Осетинець—асетинлы.
Оскорблять—совушме́й.
Осматривать—карамак.
Основание—баѣанасы.
Основать—башламак.
Особа—гіші.
Особенно—башхалык.
Осока—каѣак.
Осна—чече́й.
Оставаться—калмак.
Оставлять, оставить—воімак.
Остальной—калѣаны.
Останавливаться—токтамак.
Остающийся—воімаклы.
Остерегаться—саѣланмак.
Осторожный—сак.
Остричь—выремак.
Островъ—лаілык.
Острый—уту́о.
Остывать—суума́к.

Ось—бочер агач.
 Осѣдлатъ—жерлемеѣ.
 Отбирать—алмак.
 Отвага—делі.
 Отверстіе—тешіѣ.
 Отвернуть—бурмак.
 Отвести—елтмеѣ.
 Отворачиваться—бурулмак.
 Отворенный—ачылѣан.
 Отворять—ачмак.
 Отвращеніе—сүймеігелік
 Отвѣтъ—цуапс каж, араб. جواب
 Отвѣчать—цуап бермеѣ.
 Отдавать, отдать—бермеѣ.
 Отдаленный—жіраѣдаѣы.
 Отдыхать—жал-алмак.
 Отдыхъ—жал, паракатлык, араб.
 فراغت
 Отдѣльный—башха.
 Отець—атасы.
 Отказъ—атказ (русс.).
 Отказывать—атказ-етмеѣ (русс.-
 тюрк.).
 Отгладывать—гері коімак.
 Отверывать—ачмак.
 Открытый—ачык.
 Откуда—каідан.
 Отличать—ажірмак (одно отъ
 другого), мактаб ажірмак.
 Отлично—коп жахшы.
 Отмѣривать—олчмеѣ.
 Отнести—елтмеѣ.
 Относиться—ѣалашмак.

Отпускать, отправлять—јебер-
 меѣ.
 Отрада—сүйнч.
 Отсрочка—болжал.
 Отсутствовать—жоклук.
 Отсутствіе—жок.
 Отсылать—жібермеѣ-каитармак.
 Отсюда—мундан.
 Оттого—аны учун.
 Оттепель—ісілік.
 Отцѣвѣтывать—чечеѣленмеѣ.
 Отчасти—бір жагындан.
 Отчаяніе—умутсиз, перс. امید
 Отчаянный—коркуусыз.
 Отчего—неуучун.
 Отъ—ден (послѣ слова).
 Отъѣздъ—гетүү.
 Отыскивать—ізілемеѣ.
 Охота—ѣау.
 Охотиться—ѣауга-бармак.
 Охотникъ—ѣаучу.
 Охотно—сүјуд етмеѣ.
 Охромѣть—аксамак.
 Очень—коп.
 Очищать—тазалмак.
 Очки—ѣозелдірік.
 Ошибаться—жангышмак.
 Ошибка—ѣалат, араб. خطا
 II.
 Падать—тушмеѣ.
 Паденіе—тушмеѣлік.

Палась — дум, перс. پلاس
 Палець — бармак.
 Палва — таяк.
 Память — есі.
 Панцырь — губе, темір гоіеѣ.
 Пара — дут, перс. جفت
 Пастбище — отар.
 Пасты — бакмак.
 Пастухъ — туварчы.
 Пасѣва — балцібіны уја тураган
 жер.
 Паукъ — міама.
 Пашня — сабанмык.
 Пахнуть — ііс болмак.
 Первый — бірімчі.
 Перебивать, перебить — четим-
 етмеѣ.
 Переводить — тілмачлык-етмеѣ.
 Переводчикъ — тілмач.
 Переводъ — гочургуч.
 Перегнать — оздумак.
 Передавать — біреуну-совун-біреу-
 ге айтмак.
 Передній — алдынады.
 Передъ — алдынна.
 Пережидать — караіжанын коімак.
 Перелетная птица — учаван жуш.
 Перемяна — турленмеііѣ.
 Переносить — оңге јерге елтмеѣ.
 Перепелъ — подене.
 Переплеть — јузуп-чыкмак.
 Переселиться — гочмеііѣ.
 Перестать — тінмак, токтамак.

Переѣздъ — гочмеііѣ.
 Перо — валам, араб. قلم
 Песокъ — кајір (песчанивъ), хум
 (рѣчной песокъ).
 Пестрый — ала.
 Печальный — каірылы.
 Печенка — баwur.
 Печка — печ.
 Печь азіатская — отбаш; хлѣб-
 ная — корук.
 Пещера — анак.
 Пиръ — тоі.
 Писать — јазмак.
 Письменный — јазуулу.
 Письмо — казыт, перс. کاغذ
 Питаться — ашмак.
 Цить — ічмеѣ.
 Пища — аш.
 Пищать — інгірланмак.
 Плавать — јузмеѣ.
 Плавать — јіламак.
 Пламя — јалын.
 Планъ — пулан (заимств.).
 Плата — тоley.
 Платить — толемѣ.
 Платокъ — јаулуѣ.
 Платъе — опрак.
 Плачь — јілау.
 Плевать — тузурмеѣ.
 Племянникъ — ағасмын улары,
 інісмын улары, кызардашын
 улары.
 Племянница — ағасмын кызы,

інісмны кыз, кызардашыны кыз.	Погасить—сондурмеѣ.
Плетень—чак.	Погаснуть—совмеѣ.
Плечо—імаш.	Погибать—сінмеѣ.
Плодородный—јеміші.	Погода—чак.
Плодь—јеміш.	Погоня—кувун.
Плоскій—тегіш.	Погребѣ—падувал (русс.).
Плотникъ—аѣач уста (см. мас- теръ).	Погруженный—тонбулван, оѣа- тушмеген, терен оіламаган.
Плохо—осал, јаман.	Погрѣться—ісіммак.
Плохой—осал.	Погулять—сејерлік-етмеѣ, ки- дирмак, араб. سير
Площадь—майдан, перс. ميدان	Подавать—бермеѣ.
Плыть—јувмеѣ.	Подарить—баѣышламак.
Плѣнный—јесир, араб. سير	Подарокъ—саубат.
Плѣнь—јесирлык.	Подать—бермеѣ.
Побуждать—јалдатмак.	Подать—сабу.
Побѣгъ—чапкын.	Подвигъ—ѣунер, перс. هنر
Побѣда—дау тутталык.	Подвода—кіре, араб. كرايه
Побѣдитель—дау тутган гіші.	По-двое—екеу.
Побѣжать—чапмак (ср. бѣжать).	Подвизать—туімеѣ.
Повалить—јіхмак.	Подешевѣть—учув болмак.
Повелѣть—бујурмак (см. велѣть).	Подкладва—ішлік.
Поверхность—усту.	Подкова—нал, араб. نعل
Повести—етмеѣ.	Подирѣплять—беѣ-етмеѣ.
Повиноваться—бујурганын-ет- меѣ.	Подблуть—сат-етмеѣ.
Повинный—гунаһы, перс. گناه	Подлецъ—һарамзада, пер. هرامزاده
тахсирлы, араб. تقصير	Подлѣ—јаѣында.
Повозка—козалак.	Поджовнуть—днм болмак.
Повредить—зарал-етмеѣ, ар. زار	Поднимать—готермеѣ.
Повторять—аіландырмак, дувар- етмеѣ.	Подобно—гімік, даічі (ставится пезади).
Повѣрить—інанмак.	Подождать—сабур-етмеѣ, араб. صبر

Подопва—ултан.
Подруга—ажн.
Подражаніе — ушатмаклык.
Подражать—ушатмак.
Подремать—калдымак (см. дре-
мать).
Подробно, подробность—ішні
турасі.
Подруга—дос кызм, дос катуя,
перс. دوست
Подрядъ—бір жадаан.
Подсудимый—гунаһлы, перс. کناه
Подушка—жастук, назберіш, пер.
تاز بارش
Подходить—журук бармак.
Пожалуй—болса жараі.
Пожалуйста—аллајисен.
Пожаръ—от-тушген.
Пожелать—јорамак.
Поживать—јашамак.
Позвать—чакырмак.
Позволеніе—іхтіар алмак, араб.
اختیار
Позволятъ—іхтіар бермеј, араб.
اختیار
Поздній—гечлы.
Поздно—геч.
Познакомиться—таныш болмак.
Поиграть—оінамак.
Поймать—тутмак.
Пойти—бармак.
Пока—залига.
Показывать—горе-етмеј.

Покидать—ташламак.
Поклониться—ікірам-етмеј, ар.
اکرام
Повлонъ—салам, араб. سلام
Повлоняться—баш-урмак.
Повой—парахатлык, араб. فراغت
Повойникъ—олү.
Повойный—олгены (умерш.).
Покорный—јуваш (смирный),
сабыр (терпѣл.), араб. صبر
Покорять—јуваш-етмеј.
Покоряться—јуваш болмак.
Покрывать—устыне јапмак.
Покупать—сатып алмак.
Полдень—гун орта.
Полдюжина—јарым дуцун (за-
имств.).
Поле—аулак.
Полезный—паідалы, араб. فايده
Ползать—сурулмеј.
Полва—хасы, тахта.
Полный—толу, толган.
Половина—јарым, јарты.
Положеніе—іші.
Положить—салмак.
Полотенце—чүі јаулуқ, бет јау-
луқ.
Полотно—кетен, араб. کتان
Полотняный—кетенден.
Получать—алмак.
Поль—чабар.
Поль (половина)—јартысм.
Польза—паіда, араб. فايده

Пользоваться—падалмак.
 Поминки—елуаш.
 Помогать—комеѣ-етмеѣ (помощь
 сдѣлать), болушмак.
 Помощь—комек.
 Помѣстье—жер.
 Помѣщикъ—іер јесж.
 Понедѣльничъ—ітѣн гув.
 Понимать—англамак.
 Поносъ—ічі гетмеѣ.
 Понравиться—ушатмак (см. нра-
 виться).
 Пообѣдать—туш-аш-ашамак.
 Попона—чіл.
 По порядку—бір јаѣдан.
 Поправляться—колаі болмак.
 Попржежнему—алдингылаі.
 Попробовать—татуууна кара-
 мак.
 Попытаться—сынамак.
 Попытка—сынау.
 Порѣ—заман, араб. زمان
 Пораженіе (кинжаломъ)—пара-
 лау.
 Порицать—ајип-етмеѣ, араб. عيب
 Поровну—теңге.
 Порогъ—посаѣа.
 Порокъ—јаманлык, пасыклык.
 Порохъ—тубекъ от.
 Портить—буамак.
 Порука—јуеке.
 Порученіе—аманат, араб. امانت
 Порядокъ—јорузу.

Порядочно—шайм.
 Поселиться—јашаулык.
 Послать—јібермеѣ.
 Пословица—аітуу.
 Послушаться—тынгламак.
 Послушный—тынглаулу.
 Послѣ—соңг.
 Послѣдній—артдегі.
 Послѣдовать—артынан јурумеѣ.
 Послѣдствіе—артчаѣы.
 Посмотрѣть—карамак.
 Пособіе—комекиі.
 Посоль—кудукка јіберген гіші.
 Послѣвать—тез болмак (скорѣе
 быть); (во время)—заманнинда
 гелмеѣ, бішкеѣ (о плодахъ).
 Поспѣшить—ѣарават-етмеѣ (по-
 стараться сдѣлать скорѣе),
 араб. حرکت
 Посреди—ортаснида.
 Поставить—салмак.
 Постель—орун.
 Постоялый дворъ—петер.
 Постоянно—ѣаманда.
 Построить—уі-етмеѣ, мулк-ег-
 меѣ, араб. ملك
 Поступать—етмеѣ (соб. дѣлать).
 Поступокъ—іш, хатар, араб.
 خطر
 Пѣсть—ораза, перс. ارزه
 Посуда—саут.
 Посчастливиться—наспілі бол-
 мак.

Посылать—жібермеҕ.
 Посѣвъ—чачушул.
 По сю сторону—бу јаниндан.
 Потеря—тас-болмаклык.
 Потерять—тас-болмак.
 Потирать—суртмеҕ.
 Потому, потому что—авы учун.
 Потому—соҥг.
 Потъ—тер.
 Потѣть—терлемеҕ.
 По утру—ергерек.
 Похвала—макгам.
 Похвалить—мактамак.
 Похвальный—макталган.
 Походить—ошамак.
 Походъ—јолга чыкмак.
 Похожий—ошаган.
 Похороны—гоммеҕ.
 Поцѣловать—опмеҕ.
 Поцѣлуй—опуш.
 Почему—неге.
 Почернѣть—каралмак.
 Почестъ—сҕи.
 Починять—јараштырмак.
 Почитать—тынгламак.
 Печка (на деревѣ)—булдуреі;
 (часть тѣла)—буірегі.
 Почта—поч (заимств.).
 Пошевелинуть—тербенмеҕ.
 Пощада—гечмеҕлік.
 Пощечина—капас.
 Поѣздка—бармаклык.
 Поэтому—шону учун.

Поясъ—белбау.
 Правда—герти.
 Правдивый—герти адам.
 Праведникъ—супу гіші.
 Правило—жішны ҕақы.
 Правильно—туз.
 Правильный—туздук.
 Правительство—паччалык.
 Править—туз-етмеҕ.
 Правленіе—кансорал (заимств.).
 Право—ахтиар, араб. لختيار
 Правовѣрный, правый—герты-
 лык.
 Правый (сторона)—оҥ јаны.
 Празднество—баирамлык.
 Праздникъ—баирам.
 Праздновать—баирам-етмеҕ.
 Прародители—улуу кардашпа-
 ры, ата-бабасы.
 Превосходить—јараіған.
 Превосходный—јараулу.
 Превышать—артык болмак.
 Предки—улуу кардашлары.
 Предлагать—ет-деп айтмак.
 Предложеніе—етдеп-айтымаклык.
 Предметъ—зат.
 Предоставить, предоставлять—
 јетыштырмеҕ.
 Предполагать—болурдеп-турмак,
 болурдеп-есіне гелмеҕ.
 Предпоследній—артдагы.
 Предпочитать—ушатмак.
 Предпринимать—бірзатни етме-

ге боініна алмак, іш баш-ламак.	Привязывать—байламак.
Представляют—горсетмеѣ (пова-зять).	Привязь—байлау.
Предстоять—алдын турмак.	Приглашать—чақырмак.
Предь—алды.	Приговорить—дуван-етмеѣ.
Преемникъ—вармс јесм, араб. وارث	Приготовлять—назыр-етмеѣ, ар. حاضر
Прежде—алдын, алды-јерлы.	Приданое—гелім.
Прежній—алдынгі.	Признаваться—мукур болмак.
Презирать—зоріп-болмак.	Признательный—іразлы (благо-дарный).
Презрѣніе—зоріп-болмаклык.	Призывъ—чақырмаклык, сал-датѣа чақырмак (русс.-тюрк.).
Преклоняють—бір јаңга аудар-мак.	Приказаніе—бујурук.
Прекрасный, прелестный—коп аруу, коп гозел, коп іспајі.	Приказывать—бујурмак.
Прекратить—товташмак.	Приклеивать—калмакламак, ја-быштырмак.
Препятствие—четім.	Приключеніе—болган ігіл.
Прерывать—узулмеѣ, аірмак.	Прилежаніе—һаракетлик, араб. حرکت
Преслѣдовать—һізарламак.	Прилежный—һаракатчи, араб. حرکت
Преступленіе—хата, араб. خطا	Примѣрь—олчеу.
Преступникъ—хатарлы (араб.-тюрк.).	Принадлежать—біреуге болмак.
Претерпѣвать—чідамак.	Принимать—алмак.
Приближаться—јувук болмак.	Приносить—гелтирмеѣ.
Приблизительно—јувууѣ.	Принуждать—намус салмак, ар. ناموس
Прибытіе—гелмеклик.	Припасы—соңга цііган заты.
Привидѣніе—горімеклик.	Приписывать—јанмна јазмак.
Привлекательный—јараіган.	Природа—дунја, араб. دنيا
Привлекать—озуне кайтармак.	Прислуга—казак, куллуқчи.
Привозить—гелтирмеѣ.	Присматривать—карап-калмак, бакмак.
Привыкать—уіренмеѣ.	
Привыкшія—уіренген.	

Присмотръ—бакмаклк.
 Приставъ—прістоп (русс.).
 Присуждать—дуван-етмеѣ.
 Прислать—жібермеѣ.
 Присяга—ант.
 Притѣснять—кыјін-етмеѣ.
 Приходить, прийти—гелмеѣ; (о
 горѣ)—таймак.
 Причина—себеп, араб. سبب; ба-
 ьана, перс. بهانه.
 Причинять—етмеѣ.
 Приемъ—заман алмага; (гостей)
 —конак алмак.
 Пріѣздъ—гелмеѣлік.
 Пріятель—жолдаш, кардаш, дос,
 перс. دوست.
 Пріятный—іспајі, баъылім.
 Пробовать—синамак, татубла-
 мак.
 Пробуждать—ујатмак.
 Прибыть—гелмеѣ (см. прихо-
 дить).
 Проводить, провожать—јома сал-
 мак, узатмак.
 Прогонять—куваламак.
 Продавать—сатмак.
 Продолжать—узатмак.
 Прожить—јашап бітірмеѣ.
 Произведение—іш.
 Производитъ—ішлемеѣ.
 Происходить—авалдан-саламак.
 Происшествіе—болган іш.
 Пролить—токмеѣ.

Пролѣзть—гіјірмеѣ.
 Промокнуть—суу болмак, јаш
 болмак.
 Промывать—цуумақ.
 Проникать—гірмеѣ.
 Пропадать—тас-болмак.
 Просить—тылемеѣ.
 Прославлять—мактамак.
 Просо—тарі.
 Простой—простоі (русс.), осал.
 Простудиться—суууқ тіімак.
 Простыня—тошеѣ шаршау.
 Просыпаться—ујанмак.
 Протекать—таммак, тамчы там-
 мак.
 Противъ—карші, алдына.
 Просьба—тылеу.
 Прохладный—салкын.
 Процентъ—хајір (польза), аслам,
 араб. خیر.
 Прочитать—охумақ.
 Прочій—оңгісі, башхасі.
 Прошедшій—гелген, былтыр.
 Прошение—арза, араб. عرض.
 Прощать, простить—гечмеѣ.
 Проѣхать—отмеѣ.
 Прыгать, прыгнуть—атылмак.
 Прыць—аѣуу.
 Пыль—чаң.
 Прыжа—байлау.
 Прысть—топмеѣ, жібетмак.
 Прятать—јашірмак.
 Птица—куш.

Пугать — корвутмак.
 Пудъ — пуд (русс.).
 Пуля — пулле.
 Пускать — жібермеҕ.
 Пустой — бош.
 Путь — жол.
 Пухъ — куw.
 Пушка — топ.
 Пчела — бал-җыбин.
 Пшеница — будаі.
 Пшено (сарач.) — дугу.
 Пьяный — есірген.
 Пѣва — гобук.
 Пѣвие — жірламаклык.
 Пѣтухъ — хораз.
 Пѣть — жірламак.
 Пѣсня — жір, сарын.
 Пятисотый — беш јузунчу.
 Пятница — җума-җун, араб.
 Пятый — бешінчм.
 Пять — беш.
 Пятьдесятъ — elli.
 Пятьдесятый — elliимчм.

Р.

Работа — іш.
 Работать — ішлемеҕ.
 Работникъ — јалчм, казак.
 Равнодушный — іннемеі.
 Равный — теңг.
 Радоваться — сујунмеҕ.

Радость — сујунмаклык, шатлык,
 перс. شاد
 Радъ (я) — шатман, сујундым.
 Разбивать, разбить — сындыр-
 мак.
 Разбогатѣть — баі болмак.
 Разбойникъ — качак, разбоінік
 (русс.), абрек.
 Разбудить — ујатмак.
 Развалины — ауган, бузулган.
 Развитие — җакы (умств.), уллудук
 (физич.).
 Развѣ — җертлеі.
 Разговаривать — соілемеҕ.
 Разговоръ — соілешмеҕлык.
 Раздавать — бермеҕ; раздаваться
 (о голосѣ) — таууш-җікмак.
 Раздражать — ачууландырмак.
 Раздѣлять — болмеҕ; раздѣляться
 — айрылмак, болунмеҕ.
 Разлить — токмеҕ.
 Разлучаться — айрылышмак.
 Различный — башҗа, башҗа турлу.
 Размножать — коп-етмеҕ.
 Разница — башҗалык.
 Разный — башҗа.
 Разорванный — жіртылган.
 Разорвать, разрывать — жіртмак.
 Разореніе — бузмаклык.
 Разорять, разрушать — бузмак.
 Разрѣзать — гесмеҕ солмак.
 Разрѣшать — іхтіар-бермеҕ, араб.

- Разсвѣтаеть — таңг-белгі бере, таңгата.
 Разсердиться — ачууланмак.
 Рассказывать — айтмак.
 Разставаться — айрылмак.
 Разстерзывать — бутарламак, параламак.
 Разстояние — мезгіл.
 Разсуждать — айтмак.
 Рассчитать (напр. сколько будет стоить постройка) — санамак, ҳисап-етмеҕ, араб. حساب.
 Разумь — җакыл.
 Разъ — бір.
 Раждасть — козламак.
 Рай — ценнет, араб. جنت.
 Раёз — кыркаҗак.
 Рана — җара.
 Раненый — җаралаңган.
 Ранить — җараламак.
 Ранний — ерте.
 Раво — ерте, тез.
 Раскрываться — ачылмак.
 Раскупать — сатып алмак.
 Распаривать, распороть — соҕмеҕ; распороться — согулмеҕ.
 Распечатать — печетип-бузууп-ачмак (русс.-тюрк.).
 Расписка — борч-кағыз, ваксн (заимств.).
 Расплавлять, расплавить — ыртмеҕ.
 Распускаться — ірімеҕ.
 Распухать — шішмеҕ.
 Растение — җерден осеген зат.
 Растерзывать, растерзать — бутурламак, параламак.
 Расти — осмеҕ, бітмеҕ.
 Растирать — суртмеҕ.
 Растрата — чыгыш.
 Расходиться — кайтмак (ср. возвращаться).
 Расходь — харц, араб. خرج.
 Расчеть — ҳисап, араб. حساب.
 Рвота — кусук.
 Ребенокъ — җичі җаш, бала.
 Ребро — кабурҗа.
 Ревь — акырмаклык.
 Ревѣть — акырмак.
 Ремень — каҗип.
 Ремесленникъ — уста (ср. маст.), араб. استاد.
 Ремесло — усталык (араб.-тюрк.).
 Ржаной хлѣбъ — кара е'пмеҕ.
 Рисовать — сурат-етмеҕ, араб. صورت.
 Ровный — туз.
 Ровъ — кол.
 Рогъ — мужуз.
 Родина — тууган җер, җашаган җер.
 Родители — аталары, аналары.
 Родиться — туумақ.
 Родникъ — булак.
 Родной — бір курсак.

Родственники, родня—кардаш-
лары.

Родство—кардашлык.

Рожать—туумак.

Рожь—кара будаі.

Роза—гүл, перс. گل

Роса—чйк.

Ростъ—боі.

Ротъ—аууз.

Роцца—јаңгы аҗачлык.

Ртуть—гуне суу.

Рубашка—голек (goilek).

Рубить дрова—агач гесмеѣ, яр-
мак.

Рубль—манат (заимств.).

Ругать—согушмеѣ, урушмак.

Ружье—тубеѣ.

Рука—кол, булег.

Рукавь (у одежды)—јеңг.

Русский—орус.

Ручка (у котла, у двери)—ку-
лак, сап; (для пера)—калам
сап, араб. قلم

Рыба—балык, чабак.

Рынокъ (базаръ)—базар, перс.
بازار

Рыть—казмак.

Рычать—акырмак.

Рѣдкій—сіреѣ.

Рѣдкость—јаңгы зат.

Рѣзать—гесмеѣ.

Рѣка—суу.

Рѣпа—турп.

Рѣчь—соз, лакырт.

Рѣшать—дуван-етмеѣ.

Рѣшеніе—дуван.

Рядомъ—сідіруу, јанаша.

С.

Сабля—шошке (собств. шашка).

Садиться—олгурмак; садиться
на лошадь—атланмак, мін-
меѣ.

Садовникъ—бавучу.

Садъ—баву.

Сажать—орнатмак.

Сало—куірук маі, іч маі.

Самъ—озум, озу.

Сани—чана.

Сапогъ—етіѣ.

Саранча—ценгертке.

Сафьянъ—сахтјан.

Сборище—ціјін.

Сбрить—јулумак.

Сбруя—хамутлар.

Свадьба—тоі.

Свататься—геleşмеѣ.

Свернуться—чірмашмак; свер-
нуться (о молокѣ)—сут ују-
мак.

Сверху—устунден, орден.

Свидѣтель—шаґат, араб. شاهد

Свинья—донгуз.

Свистнуть, свистѣть—сиззыр-
мак

- Свобода — паракатлык, араб. فراخت
 Сбирать — ціімак.
 Свободный — паракатлы, араб. فراخت
 Свѣжій — јаңгы.
 Свѣтитъ — жарык бере.
 Свѣтлый — жарыклы.
 Свѣтъ — жарык.
 Связывать — байламак.
 Сгорать — жанмак.
 Сдѣлать (см. дѣлать).
 Сегодня — бугун.
 Сегодняшний — бугунгу.
 Седьмой — јетимчи.
 Сейчас — бу сағат, араб. ساعت
 Село, селеніе — јүрт.
 Семейство — ујағлу.
 Семидесятый — јетмишинчи.
 Семисотый — јетми јузунчу.
 Семь — јетми.
 Семьдесят — јетмиш.
 Сердитый — ачуулу.
 Сердиться — ачууланмак.
 Сердце — јуреј.
 Серебро — гумуш.
 Серпъ — орак.
 Seriously — герткелі.
 Сестра — анадаш, кызардаш.
 Сидѣть — олтурмак.
 Сила — гуч, куват, араб. قوت
 Сильный — гучлу, каты.
 Синій — гок.
 Сирота — јетим, араб. یتیم
 Сито — елек.
 Сказать (см. говорить).
 Сказка — јуммак.
 Скала — јар.
 Скамья — узун санжал.
 Скатерть — шаршау.
 Сколько — нечагы.
 Скоро — тез, чалт, араб. جلد; скоро
 рѣе — тезлик буван.
 Слотъ — зайван, араб. حیوان
 Скромность — јувашлык, сабыр-
 лык, араб. صبر
 Скромный — јуваш, сабыр (араб.).
 Скрывать — јашырмак.
 Скука — јалкуу.
 Скупой — ызганчы.
 Скучать — јалкмак.
 Скучный — јалкуулу.
 Слабость — јемышаклык.
 Слабый — бош.
 Слабѣть — аврудан осал болмак.
 Славиться — мактамак.
 Славный — шайлы.
 Слеза — гов јаш.
 Слива (ягода) — кокан; (дерево) —
 кокан терек.
 Сливки — каімак.
 Слишкомъ — артык.
 Словесный — соз буван.
 Слово — соз.
 Сложить — ціјип салмак.
 Сломанный — сынган.

Сломать—снндырмак.
 Слуга—казак, кулдукчы.
 Служанка—кулдукчы-катын.
 Служба—кулдук.
 Служить—кулдук-етмей.
 Слухъ—хабар (араб. خبر), соз,
 орау.
 Случай—бир іш.
 Случайно—хабарсыз (араб.-
 тюрк.).
 Случаться—болма жарай.
 Слушать, слушаться—тнцгла-
 мак.
 Слышать—ешитмей, тнцгламак.
 Слѣдовательно—алајинан болѣан-
 соңг.
 Слѣдовать—артындан бармак.
 Слѣдствие—ішка бахмак.
 Слѣдъ—џиз.
 Слѣзать—тушмей.
 Слѣпой—сокур.
 Слюна—тукурук.
 Смеркаться—каш каралмак.
 Смерть—ажал (араб.), олѣм.
 Смотрѣть—карамак.
 Смѣхъ—вулеу.
 Смѣяться—вулемей.
 Сначала—баштан.
 Снизу—тубунден.
 Снисходительный—хатырлы.
 Снисхождение—хатыр, араб.
 خاطر
 Сношение—аралык.

Свѣтъ—кар.
 Собака—іт.
 Собрание—цїїн.
 Собственность—оз заты.
 Собственный—озунуку.
 Сова—жабалак.
 Совѣтъ—барыда.
 Совѣтовать—оїлашмак.
 Совѣтъ—ої.
 Согласіе—кабул болмаклык, ар.
 قبول
 Согрѣвать—іссн-етмей.
 Содержаніе—сакламаклык.
 Содержать—сакламак.
 Содѣйствие—комеїлік.
 Содѣйствовать—комеї-етмей.
 Соединеніе, соединять—бірік-
 мей.
 Сожалѣніе—жазык чїзмак.
 Создавать—жаратмак.
 Созрѣвать—бішмек.
 Соколь—лачын, тарлап.
 Соколь—затны суву.
 Солгать—жалѣан айтмак.
 Солнце—гун.
 Солома—салам (ср. русс.).
 Соль—туз.
 Сонъ—туш.
 Сообщить—malim-етмей, араб.
 معلوم
 Сопровождать—жолѣа салмак.
 Сорока—сабусѣан.
 Сороковой—кыркынчы.

Соровоножка — кыркажак.

Сорокъ — кырк.

Сосать — сормак.

Сосна — карагай.

Составлять — етмеѣ.

Состояние — ъал, араб. حال

Сосчитать — санамак.

Сосѣдній — ханшудаі.

Сосѣдъ — ханшу.

Сотый — јузунчу.

Сохнуть — курумак.

Сохранять — сакламак.

Спасать, спасться — куткар-мак.

Спать — ухламак (јухламак).

Сперва — баштап, баштап.

Спокойный — парохат, араб. فراغت, јиушап.

Споръ — ерiшуулык.

Способъ — куі.

Спрашивать — сорамак.

Спрятать — јашірмак.

Спускъ — еніш.

Спустя — соң.

Спутывать — алмаштырмак.

Спѣлый — бiшгѣн.

Спѣшить — албасамак.

Сравнение — олчеу.

Сравнивать — олчемеѣ.

Сражаться — дау-етмеѣ.

Сражение — дау, араб. دعوا

Сразу — бірден.

Срамъ — ајп, араб. عيب

Среда (день недѣли) — арба гун, араб. أربع

Среди, середина — ортасы.

Средство — амал, араб. عمل, чара, перс. چاره, ебі.

Срокъ — болцал.

Срубать — ѣсмеѣ.

Срывать (съ кого-нибудь) — уз-меѣ.

Срыть — казмак.

Срѣзать — ѣсмеѣ.

Ссориться — ерiшуулык-етмеѣ.

Ставить — салмак.

Стадо — сіруу.

Ставань — істакан (русс.).

Стало быть — алаі боса.

Сталь — болат, перс. فولاد

Стараться — каст-етмеѣ, араб. قصد

Старинный, старый — бурувзу, ескі.

Старикъ — карт.

Старость — картлык.

Старуха — карт катын.

Старшина — істаршіна (русс.).

Старѣть — ескі болмак.

Стать — турмак.

Стая — табун.

Стволять дерева — тереѣні чор-хы.

Стебель — бутак.

Стекло — шіша, перс. شیشه

Степь — аулак.

- Стеречь—сакламак.
 Сто—јуз.
 Стоить—тіімеі; (дешево)—учуз олтура.
 Столбъ—баѳана.
 Столкнуться—урунуп гетмеі.
 Столъ—істол (русс.).
 Столько—анча.
 Столяръ—аѳач уста, перс. استاذ
 Стонъ—аѳылау.
 Сторожъ—сторуж (русс.), кул-лукчы.
 Сторона—ѳан.
 Стоять—ере туруп, турмак.
 Страданіе—кыналмаклык.
 Страдать—кыналмак.
 Стража—карауул.
 Странникъ—гелгенчы.
 Страсть—кастылік, араб. قصد
 Страхъ—коржуу.
 Страшный—ерші гіші (собств. неправый человекъ).
 Стремя—озенгі.
 Стреножить—кышеплемеі.
 Стричь—кырмак.
 Строеніе—мулк, араб. ملک
 Строгий—каты.
 Строить—тігмеі.
 Строка—сыдра.
 Стрѣла—оқцаја (лукъ).
 Стрѣляютъ—тубеі атмак (урмак).
 Стуль—шанжал.
 Ступать—бармак (итти), абаталмак.
 Стучать—какмак.
 Стыдь—аѳип.
 Стѣна—там.
 Суббота—сонгу-гуи.
 Судить—дуван-етмеі, араб. دیوان
 Судьба—насып, араб. نصیب; ажал (смерть), араб. اجل
 Судья—сутчу (русс.-тюрк.).
 Сука—канчык.
 Сукно—ісхарла.
 Сума—торба.
 Сумашедшій—шайтанлы.
 Сумка (перем.)—хуржун.
 Сумма—хазна, араб. خزینه
 Сунжа (рѣка)—сујунч.
 Сутки—бір гече бір гуи.
 Сухой—куру.
 Сучокъ—бувун.
 Схватывать, схватить—тутмак.
 Сходить—бармак.
 Сходство—ошау.
 Счастіе—насып, араб. نصیب
 Счастливый—насыплы (араб.-тюрк.).
 Считать—санамак.
 Съ (послѣлогъ)—бунан (да, вмѣстѣ).
 Съѳздить—арба-бунан-бармак (на арбѣ); ат-бунан-бармак (на лошади).
 Съѳздъ—ціілмак.

Сынъ—улары.
 Сыпать—сепмеѣ.
 Сыпь—сіргеленген.
 Сырой—чїі (о мясѣ), дим (о мѣ-
 стѣ).
 Сыръ—бішмак.
 Сытый—семіз (жирный), тоїган.
 Сѣверъ—темыр-казык.
 Сѣдлатъ—жер салмак, жерлемеѣ.
 Сѣдло—жер.
 Сѣдой—агарган, чал (аѣ) сакал.
 Сѣмя—урлук.
 Сѣно—бічен.
 Сѣрый—гок.
 Сѣсть—олтурмак.
 Сѣять—чачмак.
 Сюда—мунда.

Т.

Табакъ—тамаку (заимств.).
 Табунъ—жілғы.
 Тазъ—баѣыр, леген, перс. لگن
 Тайна, тайно, тайкомъ—јашір-
 тын.
 Такимъ образомъ—шулаілык-бу-
 нан.
 Такой—булаі, шулаі.
 Таѣъ—алаі, шулаі.
 Тамъ—анда.
 Танецъ—біју.
 Танцовать—біімеѣ.

Тарелка—бошѣап.
 Таскать—ташімеѣ, тартмак.
 Тачка—самара.
 Тащить—тартмак.
 Таять—ірімеѣ.
 Твердый—каты.
 Теленокъ—бузау.
 Телѣга—казалак.
 Темнота—каранѣылык.
 Темный—каранѣы.
 Темнѣть—каранѣы болмак.
 Теперь—ѣалі, енни.
 Теплый—іссі.
 Терекъ (рѣка)—терік.
 Тереть—суртмеѣ.
 Терпѣніе—чїдау.
 Терпѣть—чїдамак.
 Терять—тас-етмеѣ.
 Тестъ—кајін атасы.
 Тетка (по отцу)—атасыны-кыз-
 кардашы.
 Тетка (по матери)—анасыны-
 кыз-кардашы.
 Течь—таммак, акмак.
 Теца—кајін анасы.
 Тифлисъ—Тупліс.
 Тихій—аста, перс. آهسته
 Твать—сокмак.
 Твачъ—соѣуучу.
 Товарищъ—јолдаш.
 Товаръ—мал.
 Тогда—ол-заман, араб. زمان
 То-есть—масала, араб. مثلا

Толпа—коп *хале*, араб. خلق
 Только—теж.
 Топить—жандірмак.
 Топливо—жабуу.
 Тополь—субаі-тереж.
 Торговать—сатуу-етмеж.
 Торговля—сатуу.
 Торговый—сатуулу.
 Торжъ—торж (русс.).
 Торжествовать—баирам-етмеж.
 Торопить—алжасамак.
 Тоска—жалкуу.
 Тотчасъ—осаџат (араб.).
 Тотъ—ол.
 Точить—білемей, чарлатмак.
 Точность, точный—гертисм.
 Тошій—аржк.
 Трава—от.
 Трапеза—тепсм.
 Требовать—буіруп алмак.
 Тревога—кувун, кувуга.
 Тревожить—інџитмеж.
 Треснуть—чартламак.
 Третій—учумчу.
 Трехсотый—уч жузунчу.
 Три—уч.
 Тридцатый—отузумчу.
 Тридцать—отуз.
 Трогать—тіимей.
 Тропа—сопмак.
 Тростникъ—болеж.
 Трудиться—кџиналмак.
 Трудный—кџинлы.

Трудолюбие—кџинлыкны суимей-
 імж.
 Трудъ—кџин.
 Трусъ—воркунч, кызбаі.
 Туда—анда.
 Туманъ—чарс, туман (мгла).
 Тутъ—мунда.
 Тысяча—мін.
 Тысячный—мінгинч.
 Тѣло—чорх, сая.
 Тѣнистый, тѣнь—голетгі.
 Тѣсно—сыџыш.
 Тѣсто—хамур, араб. خمیر
 Тяжелый—авур.
 Тянуть—тартмак.

У.

Убивать—олтірмеж.
 Убийство—адам олтірмеж, араб.
 قتل
 Убийца—олтірген гіші.
 Убытокъ—зарал, араб. ضرر
 Убѣждать—бетлемей.
 Убѣжище—тураџан жері.
 Уважать—хатыр-етмеж.
 Увести (на арбѣ)—арба-бунан-
 елтмеж; (на лошади)—ат-бу-
 нан-елтмеж.
 Увидѣть—гормеж.
 Увѣдомлять—маһлім-етмеж, араб.
 معلوم

- Увѣрять—інавдырмак.
 Увидать—бічмек, курумак.
 Увидшій—бічеген, курмаклы.
 Угарь—печ тутмаклык (русс.-
 тюрк.).
 Уговорь—соз.
 Угодный—суігены.
 Уголь—мујуш.
 Уголь—комур.
 Угощать—кунаклык-етмек.
 Угрожать—коркутмак.
 Угроза—коркуу.
 Удаваться—оңгу тушмек.
 Удалять—тадырмак.
 Ударь—уруу.
 Удивительный—тамаша, араб.
 تماشا
 Удивленный—тамаша болған.
 Удивляться—тамаша болмак.
 Удила—аузулук.
 Удобный—колайм, бағиім.
 Удовлетворять—закын бермек,
 араб. حق
 Удовольствие—цаңга суігенні-ет-
 мек.
 Уединение—бір калмаклык.
 Ужалить—тізмек.
 Ужинь—ахшам-аш.
 Узда—југен.
 Узель—тујун.
 Узкій—тар.
 Узивать—танымак.
 Указание—горсетуу.
- Укладывать—цімак, јуклемек.
 Украшать—аруу-етмек.
 Урываться—јашірмак.
 Укрѣплять—бег-етмек.
 Улей—балцыбин уја.
 Улетать—учмак.
 Улица—орам, куча, тдырмак,
 перс. كوچه
 Улыбаться—ірпеімак.
 Улыбка—кулемсіреу.
 Умершій—олген.
 Умирать—олмек.
 Умножать—коп-етмек.
 Умный—закылы, араб. عاقل
 Умолчать—інвемеі турмак.
 Умолять—тілемек.
 Умь—закыл, араб. عاقل
 Умываться—цууунмак.
 Умѣть—етип-болмак.
 Уничтожить—бітермек.
 Упадать—јізылмак.
 Упомянуть—есіна гелмек.
 Управление—правленіје (русс.).
 Управлять—јелемек.
 Урокъ—дарс, араб. درس
 Усердіе, усердно—каст, араб. قصد
 Условіе—шарт, араб. شرط
 Услуга—куллук.
 Услышать, см. слышать.
 Усматривать—гормек.
 Успокоить—парахат-етмек; ус-
 поконтся—парахат-болмак,
 араб. فراغت

Успѣть — жетышмак.
Успѣхъ — мурад, араб. مراد.
Уставать — талмак, арымак.
Усталый — талган, арыган.
Устрашать — коркутмак.
Устройство — етмеки̇к̇.
Усы — ми̇клар.
Утверждать — бегитме̇к̇.
Утка — баби̇ш, орде̇к̇.
Утро — ертен.
Ухо — вулак.
Уходить — ја̇јау-гетме̇к̇.
Участвовать — кошулмак.
Участь — јазу.
Ученикъ — о̇ху̇иген-јаш.
Ученый — билеулу-г̇и̇ш.
Учитель — о̇хутаган-г̇и̇ш.
Учить — у̇иретме̇к̇.
Ущелье — анак.
Уѣзжать (на арбѣ) — гетме̇к̇-арба-
бунан; (на лошади) — гетме̇к̇-
ат-бунан.

Ф.

Фаза̇нъ — кырхораз.
Фамилія — паміліја (заимствов.),
атабабасныны аты, атасныны
аты.
Фасоль — бурчак.
Филинъ, сова — јабалак.
Финикъ — хурма, перс. خروما

Форма — порму (заимств.).
Фрукты — јеміш.
Фунтъ — гиренве, гиреуке, gile-
уке.

Х.

Халать — халат, араб. خلعت.
Хвала — махтау.
Хвалить — мактамак.
Хвостъ — куірук.
Хирургъ — јарачи.
Хитрость — обурлук.
Хитрый — обур, амалчы.
Хищный — ет-ашаган цан.
Хлѣбъ — е̇пме̇к̇.
Ходить — јуруме̇к̇.
Хозяинъ — јесся.
Хозяйство — уілук.
Холмъ — тобе.
Холодный — сууук.
Холстъ — ке̇ген, перс. کتان.
Хорошій — ја̇хшм.
Хотѣть — суіме̇к̇.
Хотя — боса.
Храбрость — јгитлик, коччаклык.
Храбрый — јгит, цанарлы.
Храмъ — киліса (съ греч. чрезъ
посредство араб.).
Хромой — а̇рсак.
Худой — арык.
Хуторъ — качмык.

Ц.

- Цапля—џанкут.
- Царапать—тырнамак.
- Царица—паччаны катуну.
- Царствовать—паччалык-етмеѝ.
- Царь—пачча, перс. پادشاه
- Цвѣтъ—тус.
- Цвѣсти—чечеѝ ачмак.
- Цифра—тарх.
- Цѣловать—опмеѝ.
- Цѣлый—сау.
- Цѣль—белгі.
- Цѣна—баџасы.
- Цѣнить—баџаламак.
- Цѣпь—шівцір, перс. زنجیر

Ч.

- Чай—чаі (заимств.).
- Часто, частый—чалт, коп.
- Часть—чаі (ср. русс. пай).
- Чась, часы—саџат (араб.).
- Чохотка—ковреѝ.
- Чашка—сукара, піџала, перс. چای
- Челнок—кажык.
- Чело (лобь)—маңглаі.
- Человѣкъ—адам, араб. آدم, гіші, инсан, араб. انسان
- Человѣческій—адамлы (араб.-тюрк.).
- Червь—хурт.
- Чердакъ—чарлак (ср. русс.).
- Чернила—шакы.

- Черный—кара.
- Черствый—тры, каты.
- Честный—инамлы гіші.
- Честь—сыі.
- Четвергъ—хаміс гун, араб. خمیس
- Четвертый—дертунчу.
- Четыре—дѳрт.
- Четырехсотый—дѳрт јузунчу.
- Чеченець—мыѝгыш.
- Чиликать—чарламак.
- Чинить, починить—јараштірмак.
- Чистить—тазаламак.
- Чистый—таза.
- Читать—охумак.
- Членъ—сан.
- Чортъ—шайтан; нечистая сила—цін, араб. شیطان
- Через—дан (прибавляется къ концу слова).

- Что—не.
- Чувство—јурегмен білмеѝлік.
- Чувствовать—јурегмен білмеѝ
- Чудный—тамашалы, перс. تاشا
- Чудо—аламат (араб.).
- Чужой, чуждый—гішіны.
- Чучело—каранчы.

Ш.

- Шагъ—абат.
- Шалить—талашамак.
- Шаловливый—талашаган.
- Шапка—папах, берк.
- Шаръ—шар (ср. русс.).

Шапка—шошке (ср. кабард. сешхо).
Шевелить—хозбалмак, тербен-
меъ, чаикалмак.

Шелковый—жібектен.
Шельз—жібек; (сырець) чилле.

Шестисотый—алты жүзунчу.

Шестой—алтынчы.

Шесть—алты.

Шестьдесятъ—алтмыш.

Шестьдесятый—алтмышинчы.

Шея—боину.

Шило—біз.

Широкій—геңг.

Шить—тікмеъ.

Школа—школа (заимств.).

Шкура—тері.

Шляпа—зііз папах.

Шовъ—треуу.

Шуба—тон.

Шумъ—кауза.

Шумѣть—каузаламак.

Шуринъ—кајин.

Шутить—масбара-етмеъ (араб.-
тюрк.).

Шутка—масбара, араб. مسخرة

Шутливый—масбаралы (араб.-
тюрк.).

Щ.

Щадить—ажамак.

Щебетать—чарламак.

Щедрый—сахават.

Щека—јајак.

Щетка—шотка (русс.).

Щука—чортаи балык.

Ъ.

Ъзда—јуруш.

Ъсть—ашамак.

Ъхать (на арбѣ)—арба-бунан-
бармак; (на лошади)—ат-бу-
нан-бармак.

Э.

Эта, это, этоть—бу, шу, шо.

Ю.

Югъ, южный—кыбла, кылма,
араб. قبلى

Юноша (мальчикъ)—улан.

Юношество—јашлык.

Я.

Я—мен.

Яблоко—алма.

Яблоня—алма-терекъ.

Являться—геімеъ.

Ягода—јеміш.

Ядовитый—уулу, абулу.

Ядъ — уw, абу.
Языкъ — тні.
Яйцо — јимуртка.
Яма — чонгур.
Ясный — ачнк.

Ястребъ — карчіға, кырзы.
Ямень — арпа.
Ящерица — кесерткі, халка.
Ящикъ — јашик (русс.).
Ящичекъ (вороб.) — кутук.

Имена числительныя, не помѣщенныя въ первомъ листѣ.

Восемь — сегіз.
Восемьдесятъ — сексен.
Восьмидесятый — сексененчи.
Восьмисотый — сегіз јузунчу.
Восьмой — сегізінчи.
Второй — екімчи.
Два — екі.
Двадцатый — јегермамчы.
Двадцать — јегірма.

Двухсотый — екі јузунчу.
Девяносто — тохсан.
Девяностый — токсанунчи.
Девятисотый — тобус јузунчу.
Девятый — тобузунчу.
Девять — тобуз.
Десятый — онумчу.
Десять — ан.

КУМЫКСКО-РУССКИЙ СЛОВАРЬ.

А.

Абат—шагъ.
 Абат-ланмак—вставлять ногу въ
 стремя.
 Абжеі—кукуруза.
 Абзар—дворъ.
 Авара-етмеѣ—безпокойтъ.
 Авара-етмеѣлык—безпокойство.
 Аваз—голосъ.
 Аваралы-гіші—занятый чело-
 вѣкъ.
 Авуз—ротъ.
 Авузлук—удила.
 Амур—тяжелый, тяжело.
 Амурлук—вѣсъ, тяжесть.
 Ага—баринъ; старшій братъ.
 Агарган (агарган)—сѣдой, блѣд-
 ный.
 Агасны кызм—племянница.
 Агасны уланы—племянникъ.
 Агач (агач)—дрова.
 Агач гесмеѣ—рубить дрова.
 Агачлык—лѣсъ.
 Агачтан—деревянный.
 Агач уста—плотникъ, столяръ.
 Агсак (ахсак)—хромой.

Агылау—стонъ.
 Адам—человѣкъ.
 Адамлар—люди.
 Адамлы—человѣческій.
 Адам-олтірмеѣ—убійство.
 Адашмак—блудить, блуждать,
 заблуждаться.
 Адашмаклык—заблужденіе.
 Ажал—судьба, смерть.
 Аз—мало.
 Аз-аз—мало-по-малу.
 Азапдазы, азап-салым—муче-
 ния.
 Азмак—худѣть, похудѣть.
 Азрегил—ангелъ смерти.
 Аі—луна, мѣсяцъ.
 Аіфир—жеребецъ.
 Аіланасы—окружность.
 Аіланасын-алмак—окружать.
 Аіланасын-кыдырмак—обѣхать.
 Аіланасы-суу—окружающая во-
 да.
 Аіландырмак—заставитъ кру-
 житься, увертываться.
 Аіланмак (аіланмак)—кружить-
 ся, окружать, обходить, пере-
 вернуться.

Аіланц — вокруг.
 Аіли (aili) — беременная.
 Аіли-болмак — забеременѣть.
 Аірмак — прерывать.
 Аіруу бөлеу — разлука, раздѣлъ.
 Аірылмак — разставаться, отдѣ-
 ляться.
 Аітмак — говорить, сказать, раз-
 сказать, объяснять.
 Аітуу — пословица, поговорка.
 Аја — ладонь.
 Ајаулу (ајаулу, ајаулу) — милый,
 дорогой, любезный.
 Ајаз — чистый, прозрачный.
 Ајазбаш — лысый.
 Ајазы — лысина.
 Ајак (ајаҗ, ајак) — нога; алтын-
 ајак — золотая подставка.
 Ајамак — щадить.
 Ајил (ајил) — подруга.
 Ајип — срамъ, стыдъ.
 Ајип-етмеѣ — срамить, порицать.
 Ајирмак — отличать, различать,
 отдѣлять.
 Ајитмак — говорить.
 Ајуу — медвѣдь.
 Ак (аҗ) — бѣлый.
 Акмак — вытекать, течь.
 Ак-сакал (аҗ-сакал, чал-сакал) —
 сѣдой.
 Аксамак — хромать.
 Ак-герей — береза.
 Акча (ахча, аҗча) — деньги.

Акча-алмак — взыскивать деньги.
 Акча-салаҗан-кисе — кошелекъ.
 Акча-салмак — взносъ денегъ.
 Акырмак — ревѣть.
 Акырмаклык — ревъ.
 Ал — алый.
 Ал-аі (ала) — пестрый.
 Алаі — такъ, и такъ.
 Алаіда — значить.
 Алаі-јагаі (масала) — впрочемъ.
 Алајінан-болҗансоҗ — слѣдова-
 тельно.
 Аламат — чудо, удивительный.
 Алапа — жалованье.
 Алаша — низкій; лошадь.
 Алҗасамак — спѣшить.
 Алдатмак — обманывать.
 Алдату — обманъ.
 Алды-жерлы (алды-герлім, алды,
 алдына, алды) — прежде, предъ,
 впередъ.
 Алдын-алмак — предварять.
 Алдынгі — прежній.
 Алдынгылаі (алдынгылаі) — по-
 прежнему.
 Алдынна (алдында) — противъ,
 на другой сторонѣ, подъ,
 впереди.
 Алдын-тынгамак — предпочи-
 тать, прежде послушать.
 Алҗамак — обморокъ.
 Аллах — Богъ.
 Аллах берси — дай Богъ.

- Аллахны — божій, божесвій.
 Аллахъ инанмак — вѣра (въ Бога), вѣрованіе.
 Аллаѳисен — пожалуйста.
 Алма — яблоко.
 Алмак — братъ, забирать, получать, принимать.
 Алмамак — не братъ.
 Алмас — алмаз.
 Алма-тереѣ — яблоня.
 Алмаштырмак — спутывать.
 Алтмыш — шестьдесятъ.
 Алыштырмак — мѣнять, замѣнять.
 Алыштырмаклык — мѣна.
 Алтын — золото.
 Алтыннан — золотой.
 Амал — средство.
 Амалчы — хитрый.
 Аманат — порученіе.
 Аманлык — благополучіе.
 Ана — мать.
 Анадаш — сестра.
 Анак — пещера, ущелье.
 Ананай (междометіе) — та-та-та.
 Анасыны-анасы — бабушка (по матери).
 Анасыны-атасы — дѣдушка (по матери).
 Анасыны-кыз - кардашы — тетка (по матери).
 Анасыны-улан-кардашы-дядя (по матери).
- Аначы-катын — бабушка, повитуха.
 Анна (анда) — тамъ, туда.
 Аннанна-арі — далѣе.
 Ансыз (ансыз, ансуз) — безъ, кромѣ.
 Ант — присяга, влятва.
 Ант-инамлык — влятва.
 Анча — столько.
 Аны-учун — потому, потому что, ибо, для того, чтобы, оттого.
 Аңгламак (аңламак) — понимать, догадываться.
 Аңглау (аңлау) — вниманіе.
 Аңглаулу (аңлаулу) — внимательный.
 Аңглаусуз (аңлаусыз, аглаусыз) — невнимательный, безтолковый, непонятный.
 Ара — между, отношеніе; арабыз — отношеніе между нами.
 Араламак — загнать въ средину, поймать.
 Аран — конюшня.
 Арба-бунан-елтмеѣ — увозить на арбѣ.
 Арба-гун — среда (день недѣли).
 Арзумак — аргамакъ.
 Арегі (ѳірак) — далеко.
 Арза — жалоба, прошеніе.
 Арза-бермеѣ — жалобу подавать.
 Арз-етмеѣ — жаловаться.
 Аркалык — балка, бревно.

Арка — бурганъ.
 Аркаламак — привязывать веревкой.
 Аркан — канатъ, веревка.
 Арнына (жерне) — взаи́мънъ.
 Арпа — ячмень.
 Арслан — левъ.
 Артдегі — послѣдній, задній.
 Артдегі-гунне — наканунѣ.
 Артчабы — послѣдствіе.
 Артык — лишнее, лишній.
 Артынан-јурумеъ — послѣдовать.
 Артыңнан (артындан, артынан) — свади.
 Артында — наконецъ, впоследствии, позади.
 Артындан-бармак — слѣдовать.
 Арт (арт) — задъ.
 Арта (артка) — назад, назадъ.
 Арта-воімак — оставить за собою, позади себя.
 Аруу — красивый.
 Аруу-етмеъ — украшать.
 Арыянныда — за.
 Арпк — худой, тощій.
 Арымак — уставать.
 Асетинлы — осетинъ.
 Асиллы — благородный.
 Аскер — войско.
 Аскер-адам — воинъ, военный человекъ.
 Аслам — барышъ, процентъ.
 Асламчы — барышникъ.

Ассаламу-алеікум — здравствуй.
 Аста — тихій, медленный; нар. тихо.
 Аста-булан — втихомолку, медленно.
 Аста-етмак — медлить.
 Астынне — одно на другомъ.
 Атамны-анасы — бабушка (по отцу).
 Атаси (атасы, атасы) — отецъ.
 Атасыны-агасы — дядя (по отцу).
 Атасыны-атасы — дѣдушка (по отцу).
 Атасыны-аты — фамилія, родъ.
 Атасыны-кыз-кардашы — тетя (по отцу).
 Атказ-етмеъ — отказывать.
 Ат — лошадь.
 Ат-бунан-етмеъ — увозить на лошади.
 Ат-јок-куш — кукушка.
 Атланмак — садиться на лошадь.
 Атлы (атлы) — всадникъ, верховой.
 Аты (аты, ат) — имя.
 Атылмак (атылмак) — прыгать, прыгнуть, кинуться.
 Атылып-минмеъ-атра — вскочить на коня.
 Атыи-айтмак — называть, именовать.
 А'ув — неводъ.
 А'улак — степь, поле, лугъ.

А'урта (аурта) — боль.
 А'урдан-осал-болмак — слабѣть.
 А'уруі — больной.
 А'урумақ — болѣть, заболѣть, за-
 болѣвать.
 А'уруу (ауру, авру) — болѣзнь.
 Акрат — загробная жизнь, тотъ
 свѣтъ.
 Ахшам — вечеръ.
 Ахшам-аш — ужинъ.
 Ачънч — ключъ (къ замку).
 Ачлык — голодь.
 Ачмак — открывать, отворять.
 Ач-турмак — голодать.
 Ачу (ачуу) — зло, злость.
 Ачууландырмак — раздражать,
 рассердить.
 Ачууланмак — сердиться.
 Ачуулу — злой, сердитый.
 Аччі — горькій.
 Ачык (ачык) — открытый, яс-
 ный.
 Ачык-гіші — искренній.
 Ачылган — отворенный.
 Ачылмак — раскрываться.
 Аш — пища.
 Ашмак — ѣсть, кушать; гуи-аша-
 мак — съѣсть день, т. е. про-
 вести.
 Аштархан — Астрахань.
 Ашхана (аш-бішірген-уі) — кух-
 ня.
 Ашыу — пѣвецъ, влюбленный.

Б.

Бабиш (ордеѣ) — утка.
 Баву — садъ.
 Бавур — печенка.
 Бавучу — садовникъ.
 Баѣана — столбъ, бревно.
 Баѣанасы — основаніе.
 Баѣиш (баѣиш) — удобный, при-
 ятный.
 Баѣыр — тазъ (посуда).
 Баѣыш — награда.
 Баѣышламак — дарить, даровать,
 награждать.
 Базар — рынокъ, базарь.
 Базман — безмень.
 Баі — богатый.
 Баі-болмак — разбогатѣть.
 Баілам — букетъ, вѣнокъ.
 Баіламак — связывать, привязы-
 вать, завязывать; вязать.
 Баілау — пряжа.
 Баірам — праздникъ.
 Баірам-етмеѣ — праздновать.
 Баірамлык — празднество.
 Бака — жаба, лягушка.
 Бакмак — ухаживать (за боль-
 нымъ), присматривать.
 Бал — медъ.
 Бала — малюта, дитя, ребенокъ.
 Балаууз — воскъ.
 Балау — бѣда.
 Бал-цыбин — пчела.

- Бал-пыбінны-анаси — пчел. мат-ка.
- Балпыбін-уја — улей.
- Балпыбіны-уја-тураган-жер — па-сѣба.
- Бар-болмак (бар-болмак) — имѣть.
- Барі-жіміѣ — обыкновенный, обык-новенно.
- Бар-ѣарыз — расписка.
- Бармаз (бармак) — палець.
- Бармак — итти, пойти, сходить.
- Бармаклык — поѣздка.
- Бару — заборъ.
- Барыда (барыда) — весь, все, со-всѣмъ.
- Бары-си — всего только.
- Барысы-біргеміѣ — все равно.
- Басмак — давить, наступать.
- Батип-болмаі — недоступный.
- Батмак — тонуть; батаган — уто-нувшій, пропавшій.
- Батылмак — вязнуть.
- Батыр — герой.
- Бахча — огородъ.
- Баѣа — дорого.
- Баѣаламак — цѣнить, опѣни-вать.
- Баѣалы — драгоценный.
- Баѣалы-болмак — вздоржать.
- Баѣалык — дороговизна.
- Баѣана — причина, предлогъ.
- Баѣаси — цѣна.
- Баш — голова, глава, вершина.
- Башѣа (башха, башѣа-турлу) — иной, другой, отдѣльный, раз-личный, разный.
- Башѣалык (башхалык) — разница; особенно.
- Башѣа-тувул (башха-тувул) — все равно.
- Башѣача (башхача) — иначе.
- Башламак — основать, начать, на-чинать.
- Башлануы — заглавный, первый.
- Башлап — сперва, сначала.
- Башмакчи — башмачникъ.
- Башта — вначалѣ.
- Баш-урмак — поклоняться.
- Баш-усте — (собст. на верху го-ловы) съ удовольствіемъ, съ готовностью.
- Башхасі — прочій.
- Башы — начало, заглавіе.
- Беззеѣ — лихорадка.
- Бек (бек, бек, бег) — вслухъ, вѣршій, громкій, весьма.
- Бекде — взаперти.
- Бек-етмеѣ (бек-етмеѣ, бекітмеѣ, бекітмеѣ) — укрѣплять, подкрѣ-плять; заирать.
- Бекі — ножикъ, ножъ.
- Бел — поясница, спина, талья.
- Белбау (belbewu) — поясъ.
- Белгі (belgi) — цѣль.
- Белгі-етмеѣ — замѣчать, цѣлить.
- Belgili (belgeli) — извѣстный.

Белгісіз — неизвѣстный.
Белімі-гіші — знатный.
Белімсиз (білімсиз) — неопытный;
ср. білім.
Берк-алмак — поклониться, снять
шапку.
Бермеке — давать, отдавать, пода-
вать, раздавать.
Бермемеке — не давать.
Бет (бет) — лицо.
Бетер — плохой.
Бетлемеке — убѣждать.
Бетлік — задатокъ.
Бет-жаулук — полотенце.
Бечіген — завядшій.
Біз — мы; шило.
Бізіні — нашъ.
Біі — князь.
Біілемеке — завладѣть, владыче-
ство.
Біілеу — владѣніе.
Біілік — княжество.
Біімеке — танцовать.
Біжік — высокий, выше.
Біжік-жер — возвышеніе.
Біжу — танецъ.
Бідирмеке — извѣщать, давать
знать.
Білемеке — точить.
Білеулу-гіші — ученый.
Білім — образованіе, знаніе, опытъ.
Білімлі — образованный (чел.).
Білімлік — опытность.

Білмеге - суімеке — любопытство,
любопытность.
Білмеге-сујеген-гіші — любопыт-
ный, любознательный.
Білмеке — знать, умѣть.
Білмемеке — не знать.
Білулу (білеулу) — опытный.
Бір — разъ, одинъ.
Біраз — немного.
Бір-бірсі — нѣкоторый.
Бір-болмак — объединяться, со-
единяться.
Бір-болмаклық — объединеніе, со-
единеніе.
Бір-гече-бір-гун — сутки.
Біргіне (бір-зау) — единственный.
Бірде-амал-жок — непременно.
Бірден — залпъ; (нарѣч.) вдругъ,
сразу, мигомъ, однако.
Біреу — кто-нибудь.
Біреуге-болмак — принадлежать.
Біреуге-мурадіw-айтмак — обра-
щеніе.
Біреуде — никто.
Біреуну-заттн-бермеке-біреуге —
вещь одного передать другому.
Біреуну-созун-біреуге-айтмак —
слова одного передавать дру-
гому.
Бір-заманда — иногда.
Бір-замандада (зеч-бір-заманда)
— никогда.
Бір-зат — нѣчто.

Бір-зата—ничего.
 Бірімеґ—соединять, соединять-
 ся, соединеніе.
 Бірімчі—первый.
 Бір-іш—случай.
 Бір-јаґадан—подъ рядъ, по-по-
 рядку.
 Бір-јаґындан—отчасти.
 Бірјаґлы—землякъ.
 Бір-јан—одна сторона.
 Бір-јаңга-аудармак — наклонить
 въ одну сторону, преклонять.
 Бір-јерґеде—нигуда.
 Бір-јердеде—нигдѣ.
 Бір-јол—однажды.
 Бір-курсак—родной.
 Бірлеры—немногіе.
 Бірче—вмѣстѣ.
 Біт—вошь.
 Бітермеґ—кончатъ, оканчиватъ,
 уничтожатъ.
 Бітмеґ—расти.
 Бічак—ножъ.
 Бічакламак—зарѣзатъ.
 Бічеген—увядшій.
 Бічен—сѣно.
 Біченліґ—лугъ.
 Бічилген-ат—меринъ.
 Бічмеґ—увядать.
 Бішген—сильный, зрѣлый.
 Бішірмеґ—обварить, сварить.
 Бішмак—сыръ.
 Бішмеген—незрѣлый, неспѣлый.

Бішкеґ—поспѣвать, созрѣвать.
 Бои—возрастъ, ростъ.
 Боиламак—доставать (рукой до
 чего-нибудь).
 Boiley—раздѣль, разлука.
 Боину—шея.
 Болат—сталь.
 Болган—бывшій.
 Болган-іш—происшествіе.
 Болжал (болцал)—срокъ, от-
 срочка.
 Болма-јараі—случаться.
 Болмак (болмак)—быть, бывать;
 мен-барам—я есмь.
 Болмасы-јарамаі—необходимый.
 Болса-јараі (босада-јараі)—мо-
 жетъ-быть, вѣроятно, пожалуй,
 должно-быть.
 Болур—можно, собств. будетъ.
 Болурдеп-турмак (болурдеп-есі-
 не-геімеґ)—предполагать.
 Болушмак—помогать.
 Бoleґ—кусть.
 Бoleґ-чубук—тростникъ.
 Болмаґа-јараі—должно-быть.
 Болмеґ—раздѣлять.
 Болунмеґ—раздѣляться.
 Боран—мятель, вьюга.
 Борла—лоза.
 Борч—долгъ, заемъ.
 Борчґа (борчка, борчха)—взаимы.
 Борчґа-алмак—занимать, брать
 въ долгъ.

Борѣа-бермеѣ—одолжать, давать	Бузлау—морозъ.
взаимы.	Бузмак—портить, разорять, раз-
Борчу—должникъ.	рушать, нарушать.
Борчу-егмеге—обязанность.	Бузмаклык—разрушеніе, разо-
Боса (болса)—если, хотя.	ршеніе.
Босаі—важется.	Бузулмак—разрушиться.
Ботеке—ковыль.	Бузулмаклык—испортиться.
Бош—пустой, слабый, вздоръ.	Буірегі—почва (часть тѣла).
Бошатмак—опустошать.	Буіруп-алмак—требовать.
Бошѣап—тарелка.	Бу-янындан—по сю сторону.
Бош-жер—пустошь, пустопорож-	Бујурмак—повелѣть, приказать,
нее мѣсто.	заказывать, приказывать, ве-
Бору—волеъ.	лѣть.
Бу—этотъ.	Бујурук—приказаніе.
Бувун—сучокъ, вѣтвь, висть	Булаі—такой.
руки.	Булак—включъ, источникъ, ру-
Бугун—сегодня.	чей.
Бугунге-жерлы—донынѣ.	Булдуреі—почва (ср. гүлдуреі).
Бугунгу—настоящій, нынѣшній,	Булурмівен—врядъ ли.
сегодняшній.	Булут—облако, губка.
Бу-гунлерде—на-дняхъ.	Булут-суз—безоблачный.
Бузаі—бугай.	Булег—рука.
Бузак—гололедица.	Бунан—съ, да.
Буѣау—кандалы.	Буран=боран.
Будаі—пшеница.	Бурау—буравъ.
Будаіны-баші—колосъ.	Бурмак—отвернуть.
Будаі-тартмак—молоть.	Бурну—носъ.
Буз—ледъ.	Бүртук (буртук)—зерно.
Бу-заман-болзунча — до	Бурулмак—отворачиваться.
сихъ	Бурунгулык—древность.
поръ.	Бурунѣу—старинный, старый,
Бузау—теленокъ.	древнѣй, стародавнѣй.
Буз-гесеѣ—льдина.	Бурчак—градъ, бобы.
Бузламак—мерзнуть.	

Бурче—блоха.
 Бурша—несчастіе.
 Бусурман—мусульманинъ.
 Бут—голень.
 Бутак—стебель, вѣтвь.
 Бутурламак—растерзать.
 Буумак—душить.

В и W.

Варис-јеси—наслѣдникъ, преемникъ.
 Вахті-бермеѣ — назначать (время).
 Вечімеѣ—завянуть.
 Вал—валь крѣпостной.

Г.

Гамуш—буйволь.
 Гелгенчи—странникъ.
 Гелечі—посоль, посланникъ.
 Гелешмеѣ—свататься.
 Гелім—доходъ.
 Гелмеклік—пріѣздъ, прибытіе.
 Гелтірмеѣ (гелтірмеѣ, гелтырмеѣ)
 —приносить, приводить; арба булан гелтірмеѣ—привозить.
 Геме—судно.
 Гент—деревня.
 Гентлы—деревенскій.
 Геңг (бенг)—широкій, обширный.
 Гереѣ—нужно, надо.

Гері-коимак—отеладывать.
 Гертлеі (боса-јарай)—навѣрно.
 Гертме—дивая груша.
 Гертти (гертти)—вѣрный, истинный; правда, истинно.
 Гертти-адам—правдивый.
 Герттилеі (герттилеі)—истина, дѣйствительно.
 Герттылык—правовѣрный, правый.
 Герттиси—точность, точный.
 Герттисиз (герттисиз)—невѣрный, несправедливый.
 Гертты-тууул—неправда.
 Гесеѣ—кусочъ.
 Гесмеѣ—срубать, срѣзать, вырѣзать, разрѣзывать.
 Гет—вонъ (собст., иди, уходи).
 Гетген-былтыр—пришедшій.
 Гетген-откен—минувшій, прошедшій.
 Гетмеѣ-арба-бунан—уѣзжать на арбѣ.
 Гетмеѣ-ат-бунан—уѣзжать (верхомъ).
 Гетүү—отѣздъ.
 Геч—поздно.
 Гече—ночь.
 Гечелік—ночлеги.
 Гече-турмак—ночевать.
 Геч-колмак—опоздать.
 Гечлы—поздній.
 Гечмеѣ—извинять, прощать.

- Гечмеѣлик (гечмеѣлик) — пощада, извиненіе.
- Гіев — зять.
- Гімеѣ — надѣвать, надѣть.
- Гіжік (гіжік) — олень; у дагестан. кумыковъ — волкъ.
- Гімік (гімік) — казъ, подобно.
- Гіренке — фунтъ.
- Гіріштірмеѣ — вводитъ.
- Гірмеѣ — зайти, заходить, войти, входитъ, проникать.
- Гіччі — малый, маленький.
- Гіччі-інім (гічі-інім) — братъ младшій.
- Гіччі-јаш — ребенокъ.
- Гіччісі — меньшій.
- Гіші — человекъ.
- Гобук — пѣна.
- Гогурчун — голубъ.
- Гоз (гѳз, рѳз) — глазъ, око.
- Гоз-јаш — слеза.
- Гок (гѳк) — свѣрый, голубой, синій.
- Голѣ (гоилѣ) — рубашка.
- Голетгі — тѣнь, тѣнистый.
- Гоммеѣ — похороны.
- Гон — кожа.
- Гонгунден-білмеѣ — наизусть.
- Гонлерен-арјак — по ту сторону рѣки.
- Гонг — чувство, дума.
- Горімеклік — привидѣніе.
- Гормеѣ — видѣть, увидѣть.
- Горсетмеѣ — показывать, показывать, представлять, представлять.
- Горсетмеѣ-белдірмеѣ — оказывать.
- Горсетуу — указаніе.
- Горѳнмеклік — видѣніе.
- Горѳнне — видно.
- Готермеѣ — поднимать.
- Гочмеѣлик — переселяться, переселиться, переѣздить.
- Гочирмеѣ-сѳзлене (гочургуц) — переводъ (словъ съ книги):
- Губе — кольчуга.
- Гуз — осень.
- Гузгу — зеркало.
- Гуімак (гуімеѣ) — горѣть, сгорать (отъ лихорадочнаго жара).
- Гул — роза.
- Гулдуреі — почка.
- Гулемеѣлик — зависть.
- Гулле — пуля.
- Гулlei — ненавидѣть.
- Гулmelli — шелковое покрывало.
- Гумеѣ — бабочка.
- Гумуш — серебро.
- Гун (гуѳ) — солнце, день.
- Гунах (гунаѣ, бунах) — грѣхъ.
- Гунахламак (бунахламак) — обвинять.
- Гунахлы (гунаѣлы, гунахлы-гіші, бунахлы-гіші) — виноватый, виновникъ, подсудимый, обвиняемый.

Тунахсыз (гунаѡсыз)—неповинный.

Гун-батмак—захождение солнца.

Гун-батыш—западъ.

Гун-бет—солнечная сторона.

Гуне-суу—ртуть.

Гуннуз—днемъ.

Гун-орта—полдень.

Гургур—индюкъ.

Гуржы—грузинъ.

Гуч—сила, власть, могущество.

Гучакламак—обнимать.

Гуч-жесси—властитель, владыка, господинъ.

Гучлу (гучлу, бучлу)—сильный, могущественный.

Гучлу-гѣши—мужественный.

Гучлу-жел—буря, сильный вѣтеръ.

Гучтен—насилно, насилу.

Гычырып-атмак—выбросить.

Җ.

Җава—воздухъ.

Җазыр (Җазыр, назыр)—готовый.

Җазыр-етмеҗ (назыр-етмеҗ)—приготовить, готовить, оправлять-ся.

Җазырлы—наготовѣ.

Җайван—скотъ.

Җаида—ступай.

Җаидатмак—погнать, угнать.

Җаким—начальникъ; врачъ.

Җакылы-юе (Җакыл-сыз)—неразумный, безумный.

Җак—вознаграждение.

Җакыл (Җакыл)—умъ, разумъ.

Җакыллы (Җакылы, Җакылы-гѣши)—благоразумный, умный, мудрый, мудрецъ.

Җакылсыз (Җакылсыз)—неблагоразумный, безумный.

Җакын-бермеҗ—удовлетворять.

Җал—состояние (физическ. или душевн.).

Җалашмак—относиться.

Җали—теперь.

Җалига—пока.

Җалеҗ-етмеҗ—возмущать.

Җаманда—постоянно.

Җанкут—цапля.

Җантау—неаккуратный.

Җапламак—лаять.

Җаплау—лай.

Җараҗат-етмеҗ (Җараҗет-етмеҗ)—поспѣшить, постараться, заботиться.

Җаракы—водка.

Җар-жерде—вездѣ.

Җар-негерде—все, что угодно.

Җау—охота.

Җауга-бармак—охотиться.

Җаучу—охотникъ.

Җеч-бир-зата—никакой.

Җеч-бирісіде—ни одинъ.

Җиз—слѣдъ, линия.

Білачи — корысть.

Бісап — счетъ, расчетъ, количество.

Бісапка-салмамак — презирать.

Бісап-етмеъ — рассчитывать, считать.

Бісапсыз — многочисленный, несчетный.

Бурмет — уваженіе, почтеніе, радуніе; заслуга.

Б.

Баідатмак (баідатмак) — гнать, прогонять.

Балат — ошибка.

Балы-тез — недавно.

Белешмиш — невѣста.

Бозелдірік (бозелдерік) — очки.

Бомуска — муравей.

Боріп-болмак — презирать.

Боріп-болмаклык — презрѣніе.

Бочер-агач — ось.

Бучлік (гучлік) — насиліе.

Буртмиш — неудачно.

Бисмеъ (гесмеъ) — срѣзать, отрѣзывать.

Б.

Бабас — напрасно.

Бабаслы — напрасный.

Бавадан — настезъ.

Баива — айва.

Бали-бусафат — немедленно.

Балмурт (хармут) — груша.

Балмурт-терек — грушевое дерево.

Бамам — баня.

Баманда (бар-заманда, барзаманда) — навсегда, всегда.

Бар — всякій.

Баракатчи — прилежный.

Баракетлик — прилежаніе.

Барамзада — подлый, подлець.

Баран-балаъ — едва.

Барп — буква.

Бизарламак — преслѣдовать.

Бісап-сыз — безчисленный.

Бунер (зунер, зунер) — гений, подвигъ.

Бунерлы (зунерлі, зунерлі) — настойчивый, смѣлый, могущественный, способный.

Д.

Дада (дада) — еще, опять.

Дабы — даже.

Дазу — граница, межа.

Дазуламак — граничить.

Дазусулук — безпредѣльность.

Дазу-сыз — безграничный, неограниченный, безпредѣльный.

Дай — гѣмік.

Дайчі — подобно (ставится позади).

Даман — искушеніе.

Дамыз — наказаніе.

Дамыз-етмей — наказывать.
 Дан — чрезъ, изъ, съ, отъ (ставится въ концѣ словъ).
 Дараі — шелковая матерія.
 Дарман — лѣкарство.
 Дарс — урокъ.
 Дау (дауу) — сраженіе, война.
 Дау-етмей — сражаться, воевать.
 Дау-етып-алмак — завоевать.
 Дау-салмак — затѣять драку.
 Дау-тутган (тутган) — гіші — побѣдитель.
 Дау-тутгалык — побѣда.
 Де — и (ставится позади).
 Деі — говорить, де (ставится позади).
 Делі — отвага, отважный.
 Деллек-беки — бритва.
 Демей — сказать, выразить, выразать.
 Ден — отъ (ставится позади).
 Денгіз — море.
 Ден — чтобы; безъ (позади слова).
 Дерт — горе.
 Догуреѣ — круглый.
 Догурчѣѣ — колесо.
 Донгуз — свинья.
 Дос-кардаш — родня.
 Дос-катун (дос-кызы) — подруга.
 Дост (дос) — другъ.
 Достлук — дружба.
 Дѳмей = дамыз.
 Дѳмей-етмей = дамыз-етмей.

Дѳрт (дерт) — четыре.
 Дѳрт-јуз — четыреста.
 Дѳрт-јузунчу — четырехсотый.
 Дѳрт-мѳюнч (дѳрт-хырлы-мат) — квадратъ.
 Дѳрт-тамда — въ четырехъ стѣнахъ.
 Дѳртунчу (дертунчу) — четвертый.
 Дѳу — великанъ.
 Дува-етмей — благословлять.
 Дувалык — благословеніе.
 Дува (дува) — молитва.
 Дуван (дуван) — судъ.
 Дуван-етмей (дуван-етмей) — судить, присуждать, приговорить.
 Дууун — членъ тѣла.
 Дугу — рисъ, сарачинское пшево.
 Дум — палась.
 Дунја (дуина) — мѣръ, вселенная, природа.
 Дунжанъ-су-алгянча — допотопный.
 Дѳр — да.
 Дым (дѳм, дѳм) — сырой, мокрый.
 Дѳм-болмак — вымывать, мочнуть.

Ц.

Цага — галва.
 Цан — душа.
 Цанарлы — нетрусливый, храбрый, герой.

Цанка—дворянинъ (первая степень дворянства).

Цанлы (цанвар)—дичь.

Цаңга-суғенни-етмеъ — удовольствіе.

Цангірламак — гремѣть.

Цаъмі — молодой.

Ценгертге — саранча.

Ценнет — рай, эдемъ.

Цібін — муха, насѣкомое.

Цігінчі — порокъ.

Ціібар (ціјуулу, ціјін) — сборище, собраніе.

Ціімак (ціјіп-салмак) — копить, собирать, укладывать, складывать.

Ціје — вишня.

Ціјелеъ — ягода.

Цін — нечистая сила, чортъ.

Цуап — отвѣтъ.

Цуап-бермеъ — отвѣчать.

Цуумак — мыть.

Цууунмак — умываться.

Цууут — еврей.

Цума — недѣля.

Цума-гун — пятница.

Цут — пара.

Цымчык — воробей.

Е.

Ебін — средство.

Едыге (адмге) — червь.

Егер — гончая собака.

Ебевуде — оба.

Екеу (екеу) — по-двое.

Екѣулеб — вдвоемъ.

Екі (еки) — два.

Екінчелеб-айтмак — повѣрить.

Ел — общество, деревня, селеніе.

Елеъ — сито.

Еллі — пятьдесятъ.

Елліимчи — пятьдесятый.

Елме — липа.

Елму — наука.

Елпмеъ — ударить на птицу (о соколѣ).

Елтмеъ — отвести.

Елѣваш — поминки.

Емен-аъач — дубовыя дрова, дубовый лѣсъ.

Емен-тереъ — дубъ.

Еммеъ — забота, попеченіе.

Емчеъ — няня.

Емчеъ-анасы — мамка, кормилица.

Ендреі — Андреевскій аулъ (близъ Хасавъ-Юрта).

Евш — спускъ, склонъ.

Е'пмеъ — хлѣбъ.

Ере-туруп (турмак) — стоять.

Ерінмеъ — лѣниться.

Ерінчеъ (ерінчек) — валый, лѣнивый.

Ерінчеклык — лѣнь.

Ерішмеъ — заупрямиться.

Ершуулык — ссора.
 Ершуулык-етмеѣ — ссориться.
 Ерје-бармак — замужъ выходить.
 Еркеетмеѣ — баловать(ся).
 Еркѣллы — великодушный.
 Еркѣллык — великодушіе.
 Еркѣн-болмаклык — имѣть волю-
 ность, вольничать.
 Еркини — воля.
 Ерлі-белімі — оброекъ.
 Ермелі — армянинъ.
 Ерте (ертен) — утро; (нарѣч.) ра-
 но.
 Ерші гіші — страшный.
 Есі — память.
 Есінден-суал — задача.
 Есіне-гелмеѣ — запомнить, упо-
 минать, намѣреваться.
 Есіне-тутмак — намѣреніе.
 Есірген — пьяный.
 Ескі — старый, пожилой.
 Ескі-болмак — старѣть (ся), со-
 старѣться.
 Ескірмеѣ — вспоминать.
 Есты-жоксуз — неожиданный.
 Ет-деп-айтмак — предлагать.
 Ет-деп-айтмаклык — предложеніе.
 Етерменден-айтмак — обѣщать.
 Етірмеѣ — доканчивать, доводить,
 достраивать.
 Етмеѣ — дѣлать, причинять, по-
 ступать.
 Етмеѣлік — устройство.

Етме-коймамак — запретить, за-
 прещать.
 Етмеѣ-саубол — проститься.
 Ет (жет) — мясо.
 Ет-ашаган-џан — хищный.
 Етіѣ — сапогъ.
 Етп-болмак — умѣть.
 Ечкі — возель.
 Ешеѣ — осель.
 Ештімеѣ — услышать.

3.

За'ип — калѣба.
 Заја — напрасно.
 Заман — время.
 Заманда — временный.
 Заманінда (заманннда) — во-время.
 Заманна — встать.
 Замани — возрастъ.
 Замани-болмаклык — имѣть сво-
 бодное время.
 Заманим-жок — некогда, нѣтъ вре-
 мени.
 Зангыламак — звонить.
 Зарал — вредъ, убытокъ.
 Зарал-етмеѣ — вредить, повре-
 дить.
 Зараллы — вредный.
 Зат (зат) — вещь, предметъ.
 Затны-сууу — сокъ.
 Затны-тергемеѣ — обращать вни-
 маніе.

Затым-жок—нечѣмъ.
 Земземір—землемѣръ.
 Зіан=зарал.
 Зіретлер—кладбище.
 Зулат—мракъ.
 Зулатлы—мрачный.
 Зулму—иго, бремя.

I.

Ізлемек—искать, рыться въ ве-
 щяхъ.
 Ізлеу—искъ.
 Іјіс (іјјіс)—запахъ, духъ.
 Іјіс-болмак—пахнуть.
 Іјісы—душистый.
 Ікірам-етмек—поклоняться.
 Пінген—висящій, висячій.
 Пінмек—висѣть.
 Пму=елму.
 Імік—подобно (ср. гімік).
 Іммаш—плечо.
 Інам—вѣра, довѣріе.
 Інамлы-гіші—честный.
 Інамлык=ант.
 Інаммамак—не довѣрять.
 Інамсызлык—недовѣріе.
 Інандырмак—увѣрять.
 Інанмак—довѣрять, вѣрять, по-
 вѣрять; надѣяться.
 Інанмаклык=інам.
 Інгірланмак—пищать.
 Індітмек—тревожить, мучить.
 Ініснны-кызы—племянница.

Ініснны-улары—племянникъ.
 Іннемеі (іннімеі)—равнодушный.
 Іннемеі-турмак—молчать, замол-
 чать, умолкать.
 Інсан—человѣкъ.
 Інсапм-гіші—добросовѣстный.
 Інсап-смз—бесовѣстный, без-
 нравственный.
 Інсапсызлык—невѣжество, без-
 совѣстность.
 Іразы—довольный.
 Іразы-етмек—удовлетворять.
 Іразылык-алмак—заслужить.
 Ірах—балка (въ потолокъ).
 Ірцеімак—улыбаться.
 Ірімек—таять, распускаться.
 Ірылламак=акырмак.
 Ірытмек—расплавить, распла-
 влять.
 Ісбат-етмек—доказывать.
 Ісбатлык—доказательство.
 Ісілік—жара, жаръ, зной, отте-
 пель.
 Ісіммак (ісінмек)—грѣться, по-
 грѣться.
 Іспаји—пріятный.
 Іссы (іссі, јісі, ісі)—теплый, го-
 рячій, жаркій.
 Іссы-гіші (ісі-гіші)—ласковый,
 сердечный.
 Іссы-етмек—согрѣвать.
 Істакан—стаканъ.
 Істаршіна—старшина.

Ісхарла — сувно.
Іткычу — грибъ.
Ітны-ајағы — лапа.
Ітны-гун — понедѣльникъ.
Ітүү - урмак - оправка — гладить
(бѣлье).
Іт (it) — собака.
Іт-куірук-воі (it-куірук-воі) —
овца съ курдюкомъ.
Іхтіар (іхтіар, іхтіяр, ахтіар) —
право, воля, полномочіе.
Іхтіар-алмак — позволеніе.
Іхтіар-бермеі — позволять, раз-
рѣшать.
Іхтіар-етмеі — одолженіе.
Іхтіарсиз — неволя, безправный.
Ічі — внутренность, средина.
Ічі-гетмеі — поносъ.
Ічіңне — внутри.
Ічіңне-язмак — вписывать, впи-
сать.
Ічки — напнтокъ.
Іч-маі — сало, жиръ.
Ічмеі — пить, выпить, выпивать.
Іш — дѣло, случай, обстоятель-
ство, работа, поступокъ.
Іш-ачмак — раскрывать дѣло.
Іші — положеніе.
Ішілген — плетеный.
Ішім — ноговица.
Ішва-бахмак — слѣдствіе.
Ішмеге-тарыкы-затлар — мате-
ріаль.

Ішмеі (ішмег) — работать, про-
изводитъ, обрабатывать.
Ішіі (іш) — произведеніе.
Ішіні-турасі — подробность, по-
дробно.
Іш-сиз (ішсизлык) — бездѣйствіе,
бездѣліе.
Іш-сиз-болмак — бездѣйствовать,
бездѣльничать.

Ј.

Ја — или.
Јабалак — сова, филинъ.
Јабу — вляча.
Јабышмак — бороться.
Јабыштырмак — приклеивать.
Јабышуу — борьба.
Јауу — жирный.
Јауун (јаңгур) — дождь.
Јаға (јағ) — бокъ, берегъ, во-
ротникъ.
Јагуу — топливо.
Јағында (јанында) — подлѣ, воз-
лѣ, около.
Јағындан — мимо.
Јада = ја.
Јав — весна.
Јазбаш — конецъ весны.
Јазда — весною.
Јазмак — писать, написать, запи-
сать.
Јазу — участь.

Јазуулу—письменный.
 Јазык—несчастный.
 Јазык-сыншп—милосердіе.
 Јазык-чѣмак—сожалѣніе.
 Јазшп-бѣтмеѣ—дописывать, допи-
 сать.
 Јазшп-гелтѣрмеѣ — выписывать
 (товарь).
 Јаі—лѣто.
 Јајак — щѣва.
 Јајау-гетмеѣ—уходить.
 Јакмак (јаѣмак)—зажигать.
 Јал—грива; отдыхъ, спокойствіе.
 Јал-алмак—отдыхать.
 Јаламак—лизать.
 Јаланајак—босой.
 Јалаңгач (јалангач)—нагой, го-
 лыи.
 Јалѣан—ложь.
 Јалѣан-аітмак (јалѣан-демеѣ, јал-
 банмак)—лгать, солгать.
 Јалѣандан—ложный, ложно.
 Јалѣанлык—лживость, ложность.
 Јалѣанчі—обманщикъ.
 Јалкмак—свучать.
 Јалкуулу—свучный.
 Јалкуу—свука.
 Јалын—пламя.
 Јаман—плохой, гадкій, дурной,
 нехорошій.
 Јаман-іјіс—вонь, дурной за-
 пахъ.
 Јаман-іш—дурное дѣло.

Јаманлык (јаманлык)—порокъ,
 дурной поступокъ, неприят-
 ность.
 Јаманок-јахши—великолѣпный.
 Јаманок (јамманук)—очень, весь-
 ма.
 Јамчі—бурѣа.
 Јан—сторона.
 Јанаша—рядомъ.
 Јанѣыз—одинокій.
 Јанѣызлык—одиночество.
 Јанѣырмак—освѣжать.
 Јандірмак (јандырмак)—жечь,
 зажигать, топить (печку).
 Јанма—во мнѣ.
 Јанмак (јанмак)—горѣть, сто-
 рать, загораться.
 Јанымак—точить (объ поясъ, объ
 ремень).
 Јаңг—бовъ.
 Јаңгы (јангы)—свѣжій, новый.
 Јаңгы-аѣачлык—роща.
 Јаңгышмак (јангышмак)—оши-
 баться.
 Јапмак—накрывать, закрывать.
 Јапрак—листь.
 Јар—скала.
 Јара—рана.
 Јарагсыз—негодяи, негодный.
 Јараі—можно.
 Јараіѣан—превосходить, воз-
 можный.
 Јараламак—ранить.

Жаралаңган—раненый.
 Жарамаіган—невозможный.
 Жарамак—разрубить, раскрыть;
 годиться.
 Жаратмак—создавать.
 Жараулу — годный, превосход-
 ный.
 Жарачм—хирургъ.
 Жараштырмак — починать, ис-
 правлять.
 Жарашуулук — миръ.
 Жареуке — льстець.
 Жареукельк-етмеѣ — льстить.
 Жареукельк (жареукельк) — лесть.
 Жареукені — льстивый.
 Жаркыч — заноза.
 Жарм — бѣдный.
 Жармлык — бѣдность.
 Жарты (жартысы) — половина.
 Жарыеда — засвѣтло.
 Жарык — свѣтъ.
 Жарык-бере — свѣтитъ.
 Жарыкы — свѣтлый.
 Жарым = жарты.
 Жаримак — разрѣзать пополамъ,
 раскрыть (объ огнестрѣльной
 ранѣ); вынуть пулю.
 Жарым-дуцун — полдюжина.
 Жас — оплакиваніе.
 Жастуѣ (жастык) — подушка.
 Жатмак (жатмак) — лежать, ло-
 житься.
 Жзу (jaw) — вражда, ссора; масло.

Жаулу (жаудаі) — враждебный; мас-
 ляннй, какъ масло.
 Жаулуѣ (жаулук) — платокъ.
 Жаумақ — итти (о дождѣ).
 Жахшы-адам — добрый, хорошй
 человекъ.
 Жахшы-жуууклук — благотвори-
 ствовать, благопріятствовать.
 Жахшылык (жахшылык) — благо,
 благодѣяніе, добродѣтель.
 Жахшылык-етеген-гіші — добродѣ-
 тельный.
 Жахшылык-етежен — благодѣтель.
 Жахшылыкны-унутмаіган — бла-
 годарный.
 Жахшы-мадар — благосостояніе.
 Жахшы-тууул — нехорошй.
 Жахшы-хасыятлы — благонаравный.
 Жахшы (жахшы, жакши, жаъшы) —
 хорошй.
 Жахшы-опрак-гіімеѣ — наряжать-
 ся.
 Жахшы - опрак-гіндірмеѣ — наря-
 жать.
 Жаш — мальчикъ, дитя, малолѣт-
 ный.
 Жашаган-жерм — родина.
 Жашамак (жашау-етмеѣ) — пожи-
 вать, провести жизнь, жить.
 Жашал-бітірмеѣ — прожить.
 Жашау-еткен-жерм — жилище.
 Жашаулук — поселиться.
 Жашік — ящикъ.

Жашірмак (жашырмак)—скрывать
(ся), прятать, укрывать (ся).

Жашіртин — тайна; (нарѣч.) тайно, тайкомъ.

Жашлаі = цауы.

Жашлык — юношество.

Жашмин — гроза.

Жаш-сиз — бездѣтный.

Жашыл — зеленый.

Жашырмак — исчезать.

Жгіт (jejid) = цанарлы.

Жгітлык — храбрость.

Жез — мѣдь.

Жезден — мѣдный.

Жекі-керен — вторично, два раза.

Жекмеі — впрягать.

Желі — вѣтеръ.

Желемеі — владѣть, управлять.

Желі — возрастъ.

Желкен-геме — корабль.

Жеміш — плоды, фрукты.

Жемішак-шанжал — кресло.

Жемішлі — плодородный (о землѣ,
о деревьяхъ).

Жемішаклык — слабость.

Жеміш-сиз — бесплодный.

Жеңг — рукавъ.

Жеңгіл (jen'gil) — легкій.

Жер — земля, мѣсто, помѣстье;
сѣдло.

Жерак-туууі — недавно.

Жерден-осеген-зат — растеніе.

Жер-жесси — владѣлецъ, помѣщикъ.

Жер-салмак (жерлемеі, жерлемеі) —
сѣдлатъ, осѣдлатъ.

Жеринне — взаимнѣ.

Жесси — хозяинъ.

Жесыр (jesyr) — плѣнный, плѣн-
никъ, невольникъ.

Жесырлык — плѣнъ.

Жетмак — догнать, настичь.

Жетымеі (жетішмеі, жетымеі)
— доставать, достигать, дой-
ти.

Жетиштермеі (жетырмеі, жетіш-
тырмеі, жетыштырмеі) — дово-
дить, предоставлять, предоста-
вить, доставлять.

Жетмыш — семьдесятъ.

Жетмышінчи — семидесятый.

Жети — семь.

Жети-жуз — семьсотъ.

Жети-жунчу — семисотый.

Жетим — сирота.

Жібатли — веселящій (другихъ).

Жібатмак — веселиться.

Жібеі — шелкъ.

Жібеітен — шелковый.

Жібермеі (жебермеі) — переводъ
(денегъ), отпускать, отпра-
влять, посылать, присылать,
пускать.

Жіл — годъ.

Жіламак (ilämak) — плакать, опла-
кивать.

Жілау — плачь, оплакиваніе.

Јилкы — табунъ.

Јилан — змѣя.

Јиланы-тылі — жало.

Јимуртка — яйцо.

Јип — нитка.

Јир — пѣсня.

Јиракдазы (јирак-дегі) — отдален-
ный, далекій, дальній.

Јирак — далеко.

Јиракта — вдали.

Јирламак — пѣть.

Јирламаклык — пѣніе.

Јирлатирмак — заставляют пѣть.

Јиртмак (јиртмак) — разорвать.

Јиртылаібан — блестящій.

Јиртыламак — блестятъ.

Јиртыллау (јиртыллау) — блескъ.

Јиртылган (јирылган) — разорван-
ный.

Јисилік (јисилік) — ісіліі.

Јиушап — спокойный, спокойно.

Јихмак (јихмак) — повалить.

Јок (јок, јоклук) — нѣтъ, отсут-
ствіе.

Јоктур — не есть, отсутствуетъ.

Јок - болзун - чаза — всевозмож-
ный.

Јол — путь, дорога.

Јола-салмак (јолга-салмак, јолба-
салмак) — проводить, прово-
жать, сопровождать.

Јол-бунап — дорогою.

Јолга-чыкмак — походъ.

Јолдан-чығартмак — искомать,
сбивать съ толку, вывести
съ пути.

Јолдан-чымак — выйти съ пути.

Јолдаш — товарищъ, пріятель.

Јолузуп — встрѣча.

Јол-устунна (јол-устінде) — мимо-
ходомъ.

Јорау — предположеніе, намѣре-
ніе, предсказаніе.

Јорузу — порядоку.

Јотел — камень.

Јууаш — скромный, смиренный, по-
корный.

Јууаш-болмак — быть покорнымъ,
покоряться.

Јууаш-егмеі — покорять, дѣлать
покорнымъ.

Јууашлык — скромность.

Јуузуп — близкій.

Јууук — близко, близъ.

Јууук-бармак — подходит, при-
ближаться.

Јуууклук — близость.

Југен — узда.

Јуз — сто.

Јузмеі — плыть, плавать.

Јузук (јузук) — кольцо.

Јузум — виноградъ.

Јузунчу — сотый.

Јузуп (јузүп) — вплавать.

Јузуп-жетмеі — доплыть.

Јузуп-чымак — переплыть.

Јукке—порука, поручительство.
 Јуклемеѐ—укладывать.
 Јук (јук)—обозъ, залогъ.
 Јукмак—заразить.
 Јулумак—сбрить.
 Јулдуз (јулдуз)—звѣзда.
 Јулмак (јулмак)—дергать.
 Јуммак—сказка.
 Јумурук—кулакъ.
 Јурегмен-білмеѐ—чувствовать.
 Јурегмен-білмеѐлік—чувство, чув-
 ствованіе.
 Јуреѐ (јурег)—сердце.
 Јурт (јүрт)—село, селеніе, аулъ.
 Јуртлу—житель.
 Јурт-тігмеѐ (јүрт-тігмеѐ)—осно-
 вать селеніе; заселять.
 Јурумеѐ—ходить.
 Јуруш—ѣзда.
 Јуурѣац—одѣяло.
 Јухламак—спать.

К.

Кабар=ачуулу.
 Каѣыз (каѣызт)—бумага писчая,
 письмо.
 Каѣыздан—бумажный.
 Казан—котель.
 Каїдазы-белгелі-тугул—неизвѣст-
 ный.
 Каїдан—откуда.
 Каїмак—сливки (отъ молока).

Каїмаклы—сливочный.
 Каїнамак—кипѣть.
 Каїсы—который.
 Каїтармак—возвращать.
 Каїтарып-аїтмак—отвѣчать тѣмъ
 же, сказать въ другой разъ.
 Каїтмак—расходиться, возвра-
 щаться.
 Каїтмаклык—возвращеніе.
 Каїжик—лодка.
 Каїжір—песчаникъ.
 Калак—весло.
 Калам (калам)—перо, ручка для
 пера.
 Калѣаны—остальной.
 Калмак—оставаться.
 Калѣаны-бермеѐ—доплачивать.
 Калѣымак (калѣымак)—дремать,
 подремать.
 Калыгламак—приклеивать.
 Камалганмак—спрятаться.
 Каманча—скринка.
 Камчі—нагайка.
 Кан—кровь.
 Канамаклык—месть.
 Канлы (калы)—кровавый.
 Канмаклык—наслажденіе.
 Кансорал—канцелярія, правле-
 ніе.
 Капас—пощечина.
 Калказ—Кавказъ.
 Капу—ворота.
 Капул-етмеѐ—задремать.

- Каравул (каравулчу) — карауль-
 щикъ, стража, надзоръ.
 Кара - е'пмек — черный хлѣбъ,
 ржаной хлѣбъ.
 Караі — взглядъ, взоръ.
 Кара-куш — орелъ.
 Каранчы — темный.
 Каранчы-болмак — темнѣть.
 Каранчылык — темнота.
 Каранчы — чучело.
 Карас — столбъ для привязыва-
 нія лошадей.
 Карлагач — ласточка.
 Карсаламак — вспылить.
 Карсыламак — воспаленіе.
 Каршы — напротивъ, лицомъ къ
 лицу.
 Каршы-айтмак — возразить.
 Каршылык — возраженіе.
 Каршысына-бармак — встрѣтить,
 встрѣчать.
 Каршы-турмак — возставать.
 Каст (каст) — усердіе.
 Каст-етмек — стараться, усерд-
 ствовать.
 Кастылив — страсть.
 Каты-гүн — воскресенье.
 Кашык — ложка.
 Кем-азы — менѣе.
 Кендыр-јип — веревка (изъ пеньки).
 Кендыр-маі — масло постное.
 Кеп — душевное состояніе, весе-
 ліе.
- Кереметсыз — неблагодарный.
 Кесертки — ящерица.
 Кесу — головешка.
 Кетен (кетен) — полотно, холстъ.
 Кетенден — полотняный.
 Кіиса — храмъ.
 Кім — кто.
 Кіре (кіре) — наемъ, подвода.
 Кіре-тутмак — нанимать.
 Кіреч — известь.
 Кіречи — извощикъ.
 Кіріндіртмек — купать.
 Кіріт — замокъ.
 Кітаб — книга.
 Кітабы-ічіннен-јазмак — выпи-
 сать изъ книги.
 Кішенлемек — стреножить.
 Кобу — болѣе.
 Көдермак — искать (на улицѣ).
 Коз — орѣхъ (грецкій).
 Коі — баранта, овца.
 Коімак — оставлять, оставить.
 Коімакы — остающійся.
 Којан — заяцъ.
 Ков — небо.
 Ков-вокуремек — громъ.
 Ковурек (вогрек) — грудь.
 Кол (кол) — кисть руки, балка.
 Колаі — лучше.
 Колаі-болмак — поправляться.
 Колаіи — удобный.
 Колаісыз — неудобный.
 Коламак — нянчить.

Колга-алмак — брать въ руби.
 Колда-малны-сакламак — береж-
 ливымъ быть.
 Кол-селдемеѣ (кол-селдемеѣ) — за-
 махиваться.
 Комерѣ (комерѣ) — помощь.
 Комерѣ-етмеѣ — содѣйствовать, по-
 могать, защищать.
 Комерлиѣ (комерлиѣ, комерлиѣк) —
 защита, пособіе, содѣйствіе.
 Коп (коп) — очень, много, весьма.
 Коп-аруу (коп-гозел, коп-існаѣ) —
 — прекрасный, прелестный.
 Копден (коп-замандан) — давно.
 Коп-етмеѣ — умножать, размно-
 жать.
 Коп-заман-болмаі — недавно.
 Коп-ѣхшы (коп-ѣхшы) — отлич-
 ный, великолѣпный; (нарѣч.)
 отлично, великолѣпно, очень
 хорошо.
 Коп-лерде (коп-лерде) — вообще.
 Коплиѣ — обиліе.
 Копна-челеѣ (челеѣ) — ведро.
 Коп-тугул — немного.
 Копур — мость.
 Коп-халѣ — толпа.
 Корѣашин — олово.
 Коруку — печь хлѣбная.
 Котур — нарывъ.
 Кочвар — баранъ.
 Куі — способъ; веселіе.
 Куіма — литый.

Куімурлуз — симпатичность.
 Куінде — обыкновенный.
 Куіснз — ненаходчивый, мрач-
 ный.
 Куіуштурмак — начинать.
 Кулемерѣ — смѣяться.
 Кулемсіреу (куленсіреу) — улыбка.
 Кудеу — смѣхъ.
 Кудѣуу — насмѣшка.
 Кумач — матерія.
 Кургак (кургак) — засуха.
 Курмак (курмак) — выстроить,
 заводить.
 Курмаклы — увядшій.
 Курманлык-бермеѣ — жертвовать.
 Курсак (курсаѣ) — брюхо, жи-
 вотъ.
 Куру — сухой.
 Курувлук-кол — оврагъ.
 Курумак (курумак) — увядать,
 сохнуть, засыхать.
 Курчак — кукла.
 Кустунмерѣ — вздыхать.
 Кусук — рвота.
 Куу — лебедь.
 Кушлук — завтракъ.
 Кушлук-ашамак — завтракать.
 Кушулмак — спасать.
 Кыбла — югъ, южный.
 Кызбаі — трусь.
 Кызбаілы — трусливый.
 Кызганмак — жалѣть.
 Кызганчы — скупой.

Кызданч — жадный.
 Кыяматны-гуну — день суда (свѣ-
 топреставленіе).
 Кыјин (кыјин, кыјин, кыјин) — трудъ,
 несчастіе.
 Кыјиналмак (кыјиналмак, кыјинал-
 мак) — страдать, трудиться,
 затрудняться.
 Кыјиналмаклык (кыјиналмаклык)
 — страданіе, затрудненіе.
 Кыјинамак (кыјинамак) — замучить.
 Кыјин-етмеѣ (кыјин-етмеѣ) — при-
 тѣснять.
 Кыјинлы — трудный.
 Кыјинлыкны-суймеѣлиѣ — трудо-
 любіе.
 Кылма = кыбла.
 Кын — ножны.
 Кыркмак (кыркмак) — стричь,
 остричь.
 Кычирмак (кычирмак) — кричать.
 Кычырык — крикъ.
 Кычырып (кычырып) — вслухъ.

К.

Кабан (кабан) — кабанъ, вепрь.
 Кабартылы — кабардинецъ.
 Кабу — востокъ.
 Кабук — вора.
 Кабул-болмак — быть довольнымъ.
 Кабул-болмаклык — согласіе.
 Кабур — могила.

Кабурга (кабурга) — ребро, бокъ.
 Кабурлар (кабурлар) — кладбище.
 Кауу (хау) — болото.
 Кага — сушенныя фрукты.
 Каѣмак — трусить (плоды съ де-
 рева).
 Кадау — пуговка на рукавѣтъ
 кинжала.
 Каз — гусь.
 Казак — работникъ, слуга.
 Казак-катын — служанка.
 Казакмак (казак-болмак) — быть
 слугой.
 Казмак — скрыть, вырыть, вкопать.
 Казыб — столбикъ.
 Каіѣы (каіѣы, каіѣы) — горе, го-
 рестъ.
 Каіѣы-гелтирмеѣ-озуне — навле-
 кать.
 Каіѣылы (каіѣылы) — горестный,
 печальный.
 Каіѣылы-гінші — огорченный.
 Каіѣыртмак — огорчать.
 Каіѣысмылык (каіѣысмылык) — не-
 радѣніе.
 Каіда (каіда) — гдѣ, куда?
 Каіда-жок — нигдѣ.
 Каічы — ножницы.
 Кајин (кајин) — шуринъ.
 Кајин-анасы — теща.
 Кајин-атасы — тестъ.
 Кајип — ремень.
 Какак — кашель.

Какмак — стучать.
Какыламак — квакать.
Кала (kala) — башня, крѣпость, городъ, станица.
Калкы — крыша.
Калмагалык — беспорядокъ.
Калын — густой.
Кама (кјама) — масло (сливочное).
Камуш — камышь.
Канат — крыло.
Кандала — клопъ.
Канчык — сува.
Капкан — мышеловка.
Капкач — крышка.
Каптал — бешметъ.
Кар — снѣгъ.
Кара (кара) — черный.
Кара-будаі (кара-будаі) — рожь.
Карагаі — сосна.
Каралмак — почернѣть.
Карамаі-аны — несмотря на то.
Карамак (карамак) — глядѣть, глянуть, смотрѣть, посмотреть; обождать.
Карамакык (карамакык) — зрѣлице.
Карап-калмак — присматривать.
Карап-турмак — ожидать.
Карџа — ворона.
Кардаш — другъ, пріятель.
Кардашлары — родственники, род-

Кардашлык — дружба; родство.
Кармак — врючокъ.
Кар-сиз — безснѣжный.
Карт — старикъ.
Карт-болмак (карт-болмак) — драхлѣть, старѣть.
Карт-катын — старуха.
Картлык — старость.
Картыланмак — дрожать.
Карчиџа — ястребъ.
Касапчы — мясникъ.
Катмак — замерзать.
Катлык — строгость.
Каты — твердый, строгій.
Катын — жена.
Катын-гіші — женщина.
Кауџа — шумъ.
Кауџаламак — шумѣть.
Кауџалы — шумный.
Кахырмак — харкать.
Кабба — потаскуха.
Качак — бѣглець.
Качан (џачан) — вогда.
Качмак — бѣжать.
Качылык — деревня, хуторъ.
Качылыкы — деревенскій.
Каш — лукъ сѣдла.
Каш-каралмак — смеркаться.
Кіиналмакык — безпокойство.
Кісе — карманъ.
Кісмин — карманный.
Клыч — мечъ, сабля.
Кобусу — многіе.

Козалак (казалак)—возъ, повозка, телѣга.

Козѣмак—возбуждать.

Козламак—раждать, рожать.

Кокан—слива (плодь).

Кокан-тереѣ—сливовое дерево.

Кол (кол, вол)—озеро, ровъ, болото.

Комуз—гармоника.

Комур—уголь.

Конак (вунак, конак, конак)—гость.

Конак-алмак (кунак-алмак)—пріемъ (гостей).

Конаклык-етмеѣ (кунаклык-етмеѣ)—угощать.

Конгузак—жуѣть.

Конѣурау—воловоличьѣ.

Корѣмак (воркмак)—испугать-ся, бояться.

Коркунч (коркунч)—трусъ, опасность.

Коркунч-суз—безопасность.

Коркутмак (воркутмак, коркутмак)—грозить, угрожать, устрашать, испугать.

Коркуу (воркуу, коркуу)—страхъ, боязнь, испугъ, угроза.

Коркуу-суз (коркуу-смз, коркумаз)—безстрашный, отчаянный, безопасный.

Кошмак (вошмак)—добавлять.

Кошулмак (вошулмак)—участвовать.

Куваламак (куваламак, куваламак)—гоненіе, гнать, прогонять, выгонять.

Куу—пухъ.

Кууалаган-гіші (кувалаі)—изгнанныѣ, гонимый.

Кууат—сила, мощь.

Кууун (куууга)—погоня, тревога.

Куірук (куірук)—хвостъ, курдюѣ.

Куірук-маі (куірук-маі)—сало курдючное.

Кују—володець.

Кулак (вулак)—ухо; ручка (у двери, у котла).

Кулук (кылык)—служба, услуга, должность.

Кулукда-болмак—на службѣ бытъ.

Кулук-етмеѣ—служить.

Кулукчи—работникъ, сторожъ, прислуга.

Кулукчи-батын—служанка.

Куреге—курага.

Курей—лопата.

Курух—длинная палеа.

Куткармак (куткармак, куткармак)—избавить, избавиться, спасать, спастись.

Кутук—ящичекъ, коробочка.

Куш—птица.

Кыдырмак (кыдырмак)—гулять; ходить.

Кыз (кыз) — дѣвица, дочь.
 Кызамук (кызамук) — воспаление,
 корь.
 Кызардаш (кызардаш) — сестра.
 Кызардашыны-кызы — племянни-
 ца.
 Кызардашыны - уланы — племян-
 никъ.
 Кызармак — краснѣть.
 Кызыл — красный.
 Кызыны-кызы (кызыны-кызы) —
 внучка (по дочери).
 Кызыны уланы (кызыны-уланы) —
 — внукъ (по дочери).
 Кыжак — осока.
 Кыжу-суз — безобразный.
 Кыжусулук — безобразіе.
 Кыларкан — веревка (изъ шер-
 сти).
 Кыл-палас — волосяный коверъ.
 Кыр-адам — дикій человекъ.
 Кырау — иней.
 Кырбы — карчиѳа.
 Кырда — наружу.
 Кыр-цан — звѣрь.
 Кырк — сорокъ.
 Кыркажак — ракъ; сороконож-
 ка.
 Кыркынчы — сороковой.
 Кырмай — сало вишекъ.
 Кыры — край.
 Кысѳа — короткій.
 Кысмак — давить, сдавить, сжать.

Кысха (кысха) — вератцѣ, брат-
 вѣй.

Кыш — зима.

Л.

Лаі — иль.
 Лаілык — островъ.
 Лакыр (лакырт) — рѣчь, бесѣда.
 Лакыр-етмеѣ — бесѣдовать.
 Лап — это (ставится позади: бар-
 лап — это есть?).
 Лапава — милость.
 Лап-деп — вдругъ.
 Лачын — соколъ.
 Лезгілі — лезгинъ.

М.

Мадар — образъ.
 Маірілмак — расколоть (до конца).
 Мактаб-ајрмак — отличить (по-
 хвалою).
 Макталган — похвальный.
 Мактам (мактау, махтау) — хва-
 ла, похвала.
 Мактамак (мактатмак, мактау-
 етмеѣ) — славить, прославлять,
 хвалить.
 Мактанмак — хвалиться, славить-
 ся.
 Мал (мал) — имущество, товаръ.
 Малхам — мазь, лѣкарство.

Malim-етмеѣ (mahlim-етмеѣ)—увѣ-
домлять, сообщать.
Malin-язмак—описание, описы-
вать (имущество).
Мамук—вата.
Манат—рубль (собст. монета).
Маңглаі (маңгалаі)—чело, лобъ.
Масала—впрочемъ, напрімѣръ.
Масѣара—шутка; въ шутку.
Масѣара-етмеѣ—шутить.
Масѣаралы (масѣарачы)—шут-
ливый, шутникъ.
Матал—привлекательный.
Ме (ма)—не (какъ инфигьсь).
Мен—я.
Меч—вузница.
Міама—пауѣъ.
Міжілар (міжік)—усы.
Міна—постройка, домъ.
Мінмеѣ—восходитъ на гору, ла-
зять; садиться, сѣсть вер-
хомъ,—въ экипажѣ.
Мішік—копейка.
Му—ли (присоединяется какъ
суфф. въ слору).
Мујуз—рогъ.
Мујуш—уголь.
Муѣен—ли, развѣ (ставится по-
зади).
Муѣ (mulk, муѣ)—зданіе, строе-
ніе, имѣніе.
Муѣ-етмеѣ—строить, воздвигать,
построить.

Мунгуремеѣ—мычать.
Мунда—сюда, тутъ, здѣсь.
Мундан—отсюда.
Мунва—вотъ (находящееся въ
рукахъ).
Муннегі—здѣшний.
Мурадина-жетішмеѣ—достигать
цѣли.
Мыскал—золотникъ.
Мнх—гвоздь.
Мычѣыш—чеченецъ.

Н.

Назберіш—подушка (въ родѣ
мутаки), ср. ястивъ.
Нал—подкова.
Намаз-кылмак—молиться.
Намарт—коварный, неблагоород-
ный.
Намартлык—измѣна, коварство,
неблагородство.
Намыс (намыс)—обида.
Намыс-салмак—принуждать.
Намысына-гіімеѣ—обижать.
Нар—гранатъ (фруктъ).
Нарыста—младенецъ.
Нас—гадость, гадкѣй, грязь, гряз-
ный.
Нас-етмеѣ—испачкать.
Нас-сѣз—неприличное слово.
Насыјат—наставленіе.
Насып (насып)—счастье, судьба.

Насыплы (наспылы) — счастливый.
 Насыплы-болмак — посчастливить-ся.
 Насыпсыз — несчастный, несчастливый.
 Насыпсызлык — несчастие.
 Не — что.
 Неучун (нејучун) — для чего, отчего, зачѣмъ.
 Неге — почему.
 Недыр — что есть?
 Нејерге — куда.
 Нечазы (нечагы, нече, нечеси) — сколько.
 Нечазы-болсада — все-таки.
 Нечеде (нечыде) — нѣсколько.
 Нечеде-коп — масса, множество.
 Нечик — какъ.
 Нечунде — ни за что.
 Нокта — недоуздокъ, подуздокъ.
 Нохут (нохут) — горохъ.
 Нур — сіяніе.

О.

Обва — дерзкій.
 Обур — хитрый.
 Обурлук — хитрость.
 Огуз — быкъ.
 Огузну — бычачій.
 Од — огонь.
 Оз-атын-айтмак — называться.
 Озек — течение воды по ущелью.

Озенги — стремя.
 Оз-затм — собственность.
 Озокада — конечно.
 Озум — я самъ.
 Озун — ты самъ.
 Озуне (өзуне)-каитармак — привлекать, привязывать къ себѣ.
 Озунуку — собственный.
 Озм — онъ самъ.
 Оі (оју) — совѣтъ, мнѣніе, мысль, дума.
 Оіџа-тушмеген — погруженный въ мысли, задумчивый.
 Оі-етмеѣ — обсуждать.
 Оіламак (oiläмак) — думать, замышлять.
 Оілашмак — совѣтовать, совѣтоваться.
 Оіп (ојп) — забава.
 Оінамаџа-зат — игрушка.
 Оінамак — поиграть.
 Оінатмак — заставлять играть, забавлять.
 Оі-суз — безразсудный.
 Ојундан - чыңартмак — выдумка, выдумывать, вымыселъ.
 Октөм — гордый, дерзкій, церемонный.
 Октөм-болмак — гордиться.
 Октөмеѣлык — гордость.
 Окурмеѣ — журчать.
 Окпаја (ок) — стрѣла.
 Ол — тотъ.

- Олжа — жена.
 Ол-заман — тогда.
 Олтурмак — садиться, сидѣть.
 Олгены (олген) — покойный, умер-
 шій.
 Олет — карбункулъ.
 Олмеѣ — умирать.
 Олтірген-гіші — убійца.
 Олтірмеѣ — заставитъ умереть,
 убивать.
 Олү — мертвый, покойникъ.
 Олүм — смерть.
 Олүм-снз — безсмертный.
 Олчемеѣ (олчмеѣ) — измѣрять, от-
 мѣривать, сравнивать.
 Олчеу (олчеу) — мѣра, сравненіе,
 примѣръ.
 Омур (омүр) — жизнь, вѣкъ.
 Омурлы (омүрлы) — вѣковой (жи-
 вучій).
 Омүру-узак — многолѣтній.
 Он (ан) — десять.
 Оनावу — десятеро.
 Онумчу — десятый.
 Оңг — правый (сторона).
 Оңге-жерге-елтмеѣ — переносить.
 Оңгісі — прочій.
 Оңг-жаны — правая сторона.
 Оңгү-тушмеѣ — удаваться.
 Опкелер — легкія; опве — одна
 половина легкихъ.
 Опмеѣ (опмеѣ) — цѣловать, поцѣ-
 ловать.
- Опрак (опрак) — одежда, платье.
 Опуш — поцѣлуй.
 Ораза — постъ.
 Орак (орак) — серпъ.
 Орак-ормак — жнитво.
 Орам — улица.
 Орау — слухъ.
 Ор-болмак (үр-болмак) — возвы-
 шаться.
 Орде (орде) — наверху, вверху.
 Орден — сверху.
 Орлемеѣ — лазить.
 Ормак — жать.
 Ормеѣ — возвышеніе.
 Орнатмак — садить, сажать, уе-
 рѣплять.
 Орну — мѣсто.
 Орнунна — вмѣсто.
 Ортасы — середина, среди.
 Ортасында — посреди.
 Орун — постель.
 Орус — русскій.
 Осал — плохо, плохой.
 Осал-ашлык — неврожай.
 Осаѣат — тотчасъ.
 Осмеѣ — расти.
 От — трава.
 Отар — пастбище.
 Отау — брачная комната.
 Отбаш — каминъ, азіатская печка.
 Отмак — пройти, проѣхать, про-
 летѣть, срѣзать.
 От-тушген — пожаръ.

Охуу-суз—бессонница.
 Охумак (о́хумак)—читать, пѣть.
 Охуп-ажагна-чикмак—прочестъ
 до конца.
 Охутмак—учить.
 Охуиген-јаш—учениеъ.
 Охутагага-гиши—учитель.
 Ошагага—похожий.
 Ошамак—походить.
 Ошау—сходство.

П.

Падча (пачча)—царь.
 Падчалак (паччалак)—прави-
 тельство, царство, государство.
 Падчалак (паччалак)-етмеъ—
 царствовать.
 Падчалак-џу-акча-алмак—взи-
 мать налоги.
 Падчани (паччани)-даусы—гра-
 ница государства.
 Падчани (паччани)-катуну—ца-
 рица.
 Паи (пай)—часть, доля.
 Паида—польза, выгода, барышъ.
 Паидалмак—пользоваться.
 Паидалы—выгодный, полезный.
 Паида-сиз—безполезный, не при-
 носящій прибыли.
 Пакрыр—бѣднѣть.
 Пакрырлык—бѣдствие.
 Пал-салмак—гадать.

Палчык—грязь.
 Палчыклы—грязный.
 Пана-болмак—гибель.
 Параламак (параламак)—изру-
 бить, растерзать.
 Паралау—поражение (кинжа-
 ломъ).
 Паракат—смирный, спокойный.
 Паракатлы-гиши (паракатлы)—
 свободный человекъ.
 Паракатлык—свобода, отдыхъ,
 покой, спокойствие.
 Паракатсыз—неудобство, безпо-
 койство.
 Парз—обязанность, подобаетъ
 (парз-миде—обязательно ли).
 Пастан—дыня.
 Пасыклык—порокъ.
 Паџмулу—даровитый.
 Пелмеъ—гибкій.
 Перде—лады въ гармоникѣ, соб.
 занавѣсъ.
 Перезе—бирюза.
 Петер—дворъ постоянный,—заѣз-
 жій.
 Печетин-бузуп-ачмак—распеча-
 тать.
 Печ-гутмаклык—угаръ, чадъ.
 Піјала (пѣјала)—чаша, кубокъ.
 Пітне—возстаніе, заговоръ, воз-
 мущеніе.
 Подене (бодене)—перепелъ (пти-
 ца).

Повлук — навозъ.
Полбус — неряха.
Порму — форма.
Посаѣа — порогъ.
Похламак — замарать.
Поч — почта.
Прістоп — приставъ.
Пулан — планъ.
Пуршау-етмеѣ — оклеветать.
Пус (цус)-чымак — испареніе.
Пусдурмак — заставить молчать,
обезоружить (словами), скон-
фузить.
Пусхун — засада.
Пуч-болмак — погибать (о вещи).
Пуч-етмеѣ — погубить (вещь).
Пырха — коридоръ.

Р.

Раглам — документъ.

С.

Сабанлык — пашня, нива.
Сабан-сібрткі — борона.
Сабанчі — земледѣлецъ, пахарь.
Сабу — подать.
Сабусѣап — сорока.
Сабур (сабур) — скромный, тер-
пѣливый.
Сабур-етмеѣ — дожидаться.
Сабурлык — скромность.

Саветмак — лѣчить, излѣчить.
Савот — оружіе.
Савот-атмак — стрѣлять.
Савотланмак — вооружаться.
Савотлу (савотлы) — вооружен-
ный.
Савот-суз — безоружный.
Савуря (савру) — крупъ лошади.
Савут — посуда.
Садага-бермеѣ — жертвовать.
Садагач — нищій.
Саз — глина.
Саздан — глиняный.
Сай — мель.
Сайлык — мелководный.
Сайламак — выбирать.
Саяк — бродяга.
Сак — осторожный.
Сакал — борода.
Сакламак (савламак, сакламак) —
содержать, воспитывать, со-
хранять, стеречь.
Сакламаклык (савламаклык) —
содержаніе, воспитаніе.
Сакланмак (савланмак) — остере-
гаться, беречься.
Саклык — осторожность.
Сал — добыча (пригоняемая во-
дою).
Сала — дворянинъ (младшая сте-
пень дворянства).
Салам (seljam) — поклонъ, при-
вѣтствіе; солома.

Салдат—солдаты.
 Салдатъа - чакырмак — привывъ,
 наборъ (на воен. службу).
 Салкын — прохладный.
 Салмак — власть, положить, ста-
 вить, поставить, проложить
 (о дорогѣ).
 Самаі — лобонъ.
 Саман — солома (размельченная).
 Самара — тачка.
 Сан — корпусъ тѣла, тѣло, членъ
 (часть тѣла).
 Санамак — считать, сосчитать.
 Санау-суз — безчисленный.
 Саңграу — глухой.
 Сап — ручка.
 Сапун — мыло.
 Сарар — желтоватый.
 Саргаімак — желтъть.
 Сарка — медленно.
 Сарур-етмеѣ — торговать.
 Сарн — желтый.
 Сарын — пѣсня.
 Сатыл — кресиво.
 Сат-етмеѣ — подкупъ.
 Сатмак (сатмак) — продавать,
 продать.
 Сатуу — торговля.
 Сатуу-етмеѣ — торговать.
 Сатуулу — торговый.
 Сатын-алмак (сатип-алмак) — ку-
 пить, покупать, раскупать, вы-
 купить, выкупъ.

Сау — цѣлый, невредимый, жи-
 вой.
 Саубомаклык — выздоровленіе.
 Сау-болмак — выздоровѣть, по-
 правиться, поправляться.
 Саувол-етмеѣ — благодарить.
 Саугатн — одаренный.
 Саугат (саугат) — подарокъ.
 Сау-етмеѣ — оживатьъ.
 Саулаган — дойная.
 Саулаі — исполнѣ.
 Саумак — донть.
 Сахават — щедрый.
 Сахтіжан — сафьянъ.
 Саѣат — часъ, часы.
 Себеп — причина.
 Сежерлік-етмеѣ (сежерлік, сејір-
 лык) — гулять, погулять.
 Селдер — правитель края, намѣст-
 никъ.
 Семіз — жирный, сытый.
 Сенвѣ — вилы.
 Сепмеѣ — сыпать, присыпать.
 Серлемеѣ — схватить, схватывать,
 забирать (все подъ рядъ).
 Сес — голосъ, звукъ.
 Сідруу — рядъ, рядомъ.
 Сізынкі — вашъ.
 Сііпати — качество.
 Сііреѣ — рѣдкій.
 Сілеусѣт — барсъ, тигръ.
 Сінамак — языкъ-чѣмакъ.
 Сінгір — кала.

Сіргеленген—сыпь.
Сіруу—стадо.
Совушмеї (согушмеї)—ругать,
ругаться, бранить, браниться,
оскорблять.
Согмеї (сокмеї)—распаривать,
распороть.
Согулген—развалины, развалив-
шийся.
Согулмеї (сокулмеї)—поротья,
распоротья, прорываться, ра-
зорваться.
Соған — лужь.
Собуучу—теать.
Соз (сөв)—слово; уговоръ; слухъ
(молва).
Соз-буған—словесный.
Созмак—вытянуть.
Созун-токтатмак—замолчать.
Соїлемеї—говорить, разговари-
вать.
Соїлешмеїлык—разговоръ.
Сокмак — теать, вязать (чул-
ки).
Сокур—слѣпой.
Сол—лѣвый.
Сона—оводъ.
Сонгу-гун—суббота.
Сонмеї—погаснуть.
Соңг—послѣ, потомъ.
Соңга (сонга) ціган-зат (заты)—
запасъ, припасы.
Сопмак—тропа.

Сорамак—спрашивать.
Сорап—разспросъ.
Сорау—вопросъ.
Сормак—сосать.
Сѳндурмеї—гасить.
Сѳдугер (саудыгер)—бупецъ.
Суал—во-первыхъ.
Суалған-жер—бродъ.
Субаї-тереї—тополь.
Сууук (сууук)—холодный.
Сууук-сындырмак (сууксіндыр-
мак)—ознобъ, знобить.
Сууук-тіімак—простудиться.
Суїгенн—угодный.
Суїгеным—возлюбленный мой.
Суїмеген—непріятный, против-
ный.
Суїмеғене—нежеланіе.
Суїмеігелік (суїмеігелік)—отвра-
щеніе.
Суїмеї (суїмеї)—любить, желать,
хотѣть.
Суїнч (суїнч)—отрада.
Суїру-цібін—комаръ.
Суїегені—желаніе.
Суїей—жость.
Суїу—любовь.
Суїуд-етмеї (суїуд-етмеї)—охот-
но.
Суїундым—радъ я.
Суїунмаклык—радость.
Суїунмеї—радоваться.
Сукара—чашка.

Суллау—водопой.
 Суллу—овесь.
 Супу-гіші—праведникъ.
 Сурат—картина, портретъ.
 Сурат-етмеъ—рисовать.
 Сурткуч (сүрткуч)—мазь.
 Суртмеъ (сүртмеъ)—мазать, рас-
 тирать, тереть.
 Сурулмеъ—ползать.
 Сут (сүт)—молоко.
 Сут-ујумак—свернуться (о мо-
 ловѣ).
 Сутчу—судья.
 Суу (суу)—рѣка, вода.
 Суубаі—русло рѣки.
 Суу-болмак=дым-болмак.
 Сууџармак—орошать.
 Суу-ічиреген-жер (суу-ічиреген-жер)
 =суллау.
 Суулу—мокрый.
 Сумақ—остыть, остывать.
 Суусап—жажда.
 Суусапі—жаждущій.
 Сызыш—тѣсно, скученно.
 Сыдра—строка.
 Сыз—вы.
 Сыз (сыз, суз)—безъ, не.
 Сызџармак—свистнуть, свистѣть.
 Сын (син)—честь, почестъ, ми-
 лость.
 Сынлы—важный, великій.
 Сынлылык (синлылык)—важ-
 ность, благородство.

Сынлы-улан—великодушный.
 Сынмак (синмак)—помѣстить.
 Сынпамак—гладить.
 Сынсыз—немильность.
 Сынјір—корова.
 Сынсыр—лепешка.
 Сынмак (сынмак)—попробо-
 вать, попытаться, испытать.
 Сынмак-ашамак—питать, кор-
 мить.
 Сыннау—попытка.
 Сыннашмак—распознать.
 Сынган—сломаный.
 Сындырмак (синдырмак, сіндыр-
 мак)—ломать, сломать, раз-
 бить, разбивать.
 Сынмак (сынмак, сінмак)—ло-
 маться, сломаться.
 Сыр—краска.
 Сыркауу—нездоровый.
 Сырламак—красить.

Т.

Табут—гробъ.
 Таван (табан)—каблукъ.
 Таварих—исторія.
 Тавук—курица.
 Таџармак—повѣсиль.
 Таџ (таш)—вѣнецъ.
 Таџабатпаі—прекрасный.
 Таі—вакъ (ставится позади, упо-
 добляется предид. плавн.
 согл.—лаі).

- Таімак—проходить (о горѣ), от-
ходить.
- Тајаб—сторона.
- Таянмак—облакачиваться.
- Таяншмак—избѣгать.
- Талаісмз—несчастнѣй.
- Талалаан—поляна (въ горахъ).
- Талат-гүн—вторниѣ.
- Талкун—волна.
- Талкы—мялка.
- Тал-терек—верба, ива.
- Тамабы—горло.
- Тамам-етмеі—исполнить, испол-
нять, выполнить.
- Таман—довольно.
- Там-белгі—заря.
- Таммак—течь, истекать.
- Тамчі—капля.
- Тамир (тамур)—корень, жила.
- Тамирлаңган—укоренившійся.
- Танаулар—ноздри.
- Танажардаі—роскопнѣй.
- Танушлу-гіші—знаменитѣй.
- Танымак (танымак)—узнавать.
- Таныш—знакомѣй.
- Таныш-болмак (таныш-болмак)—
познакомить.
- Танышдырмак—знакомить.
- Танышлык—знакомство.
- Таныш-тууу!—незнакомѣй, не-
знакомецъ.
- Таңг-белгі-бере (таңгата)—раз-
свѣтять.
- Таңгла—завтра.
- Таңглау—небо.
- Тап-јумак—загадка.
- Тапкылык-мал—добыча.
- Тапмак (табмак)—находить, най-
ти, добывать.
- Тарлау—нива.
- Тармакы—узкое мѣсто.
- Тартмак (тартмак)—тянуть, та-
скать, возить (на подводѣ).
- Тартынмак—опасаться.
- Тартып-алмак—вырывать.
- Тартышмак—враждовать (соб.
тягаться).
- Тармак (тарык, тармак)—надо,
нужно.
- Тарыкканмак—нуждаться.
- Тарыкы (тарыкы)—нужда.
- Тас-бол (тас-бол)—вонь (пропади!).
- Тас-болмак (тас-болмак, тас-ет-
меі)—терять, пропадать, по-
терять.
- Тас-болмаклык—потеря.
- Тасма—сыромятная воловья
кожа.
- Татауул (татау)—канавка.
- Татуууна-кармак—попробовать.
- Татуу—вкусъ.
- Татууламак—вкушать.
- Татуулу (татлу)—вкуснѣй, слад-
кѣй.
- Тау—гора.
- Таулы—горецъ.

Ташимеѣ—таскать.

Тебен-етмеѣ (тѣбен-етмеѣ, теб-меѣ)—осаживать, опускать, ногою придавить, толкать.

Тевен (тѣбен)—ниже.

Тегин (тегин)—даромъ, напрасно.

Тез (тез)—скоро.

Тез-болмак — поспѣвать.

Тезлік - бунан (тезлик-булан) — вскорѣ, скоро, скорѣе.

Телбау — возжи.

Темыр-казык — сѣверъ.

Теныш — дуновение, духъ.

Теңг (теңг) — равный, согласный.

Теңге (теңге) — поровну.

Тербенмеѣ — шевелить, пошевеливаться, трястись.

Тергемеѣ — наблюдение, обращеніе вниманія на ч.-л.

Тергеу — вниманіе.

Терезе — окно.

Терей — дерево, растеніе.

Терей-тук — мохъ.

Терен — глубокий.

Теренік — глубина.

Терен-оіламаган — погруженный.

Терехны-чархы — стволъ дерева.

Тері — шкура, кожа.

Терс-гіші — грубый человекъ, грубіанъ.

Тешік (тешік) — дыра, отверстіе.

Тешмеѣ — буравить.

Тігмеѣ (тігмеѣ, тікмеѣ) — строить (домъ); шить; ужалить.

Тіз — волѣно.

Тіагін — ноговица.

Тізнемеѣ — давить колѣномъ.

Тілеуге-геімеѣ — осаждать (просьбами).

Тірмен-таш — жерновъ.

Тіш-ет — десна.

Тіші (тыші) — самба.

Тіші-арслан — львица.

Тіші-ббру — волчица.

Тіші-ечкі — коза.

Тобе — луча, холмъ.

Тобук — пятка.

Тогулмеѣ — проливаться, выливаться.

Тогус-херлы — девятигранный.

Тоғанак — запоръ.

Тоіган — сытый, откормленный.

Тоідурмак (толтурмак) — насыщать.

Токалаш — драка.

Токмеѣ (токмеѣ, тѣмеѣ) — лить, наливать, насыпать.

Токмеѣ-гоз-јашы — проливать слезы.

Токтамак (токтамак, тохтамак) — ждать, обождать, останавливаться, перестать.

Токлузлук — обогащать.

Толган (толган, толу, толу) — наполненный, полный.

Толтурмак — набивать, напол-
нять.
Tolei-турмак — выплачивать.
Toleme — платить, заплатить,
выплатить.
Toley — плата.
Тонгу — горбъ.
Тошме — прясть.
Тры (тры) — жесткий, черствый.
Тры-денгиз — Каспійское море.
Тубе (тубе) — ружье.
Тубе-от — порохъ.
Тубек - толтурмак — заряжать
ружье.
Тубе-урмак (тубек-атмак) — стрѣ-
лять.
Тувар (туар)-ет — говядина.
Туварчы — пастухъ.
Туз — соль.
Туиген — боршунъ.
Туунмак — убиваться.
Туен — лавка.
Тукурме (тукурме) — плевать.
Тукурук — слюна.
Туку — лиса, лисица.
Тумау — насморекъ.
Тупли — Тифлисъ.
Турабан-жер — убѣжище.
Турмак — стать, вставать, встать,
пребывать, ждаты, оставаться.
Турман — сбруя.
Туршу — вислый.
Тус (түс, тус) — цвѣтъ, масть.

Туснак — арестъ, арестантъ.
Тутам — безпрерывно.
Тутмак (тутмак) — ловить, пой-
мать, держать, задержать,
арестовать, схватить.
Тутуу — ловля.
Туш — сонъ.
Туш-аш — обѣдъ.
Туш-аш-ашмак — обѣдать.
Тушман (тушман) — врагъ.
Тушман-адам — непріятель.
Тушме (тушме) — упасть, па-
дать, впадать, слѣзть съ лоша-
ди, дерева, высадиться съ ар-
бы; остановиться на ночлегъ.
Тушме-ик — паденіе.

Туштум-артигнан — ухаживаю
за тобою.

Тушум — удача.
Тушумсиз — неудача, неудачный.
Тыјшсиз-зат — несправедливость.
Тынч (тынч) — легко.
Тирмен — мельница.
Тирменчи — мельникъ.
Тырнак (тырнак) — ноготь.
Тырнамак (тырнамак) — царапать.
Тыш — зубъ.

Т.

Тавуш (та'уш) — крикъ.
Тавуш-берме (та'уш-берме) —
звучать, кричать.

Тавушга-чикмак — огласиться,
прославиться.

Тавуш-чикмак — раздаваться (о
крикѣ).

Тажал — тавлинецъ.

Таза — чистый.

Таза-азацлык — рожа.

Тазаламак (тазаламак) — очищать,
чистить.

Тажак — пилка.

Тажі — жеребенокъ.

Таламак — ограбить.

Талап (талап) — нарасквять.

Талау — язва.

Талашаган — шаловливый.

Талашамак — шалить, шалѣть.

Талган — усталый.

Талмак — уставать.

Там — стѣна.

Тамаку — табакъ.

Тамаша (тамашалы) — интерес-
ный, удивительный, чудный.

Тамаша-болжан — удивленный.

Тамаша-болмак — удивляться.

Тана — бычокъ.

Тар (тарау) — узкій; несчастный.

Тарак — гребешокъ.

Таріі — просо.

Тарлан — соколъ.

Тарх — цифра.

Тахта (тахта) — доска.

Тяхча — поля.

Таш — камень.

Ташламак (ташламак) — покидать,
бросать.

Таштан — каменный.

Таш-тахта (таш-такта) — аспид.
доска.

Теуу — шовъ.

Тѣурик — улица.

Тегіш — плоскій.

Тезеѣ — визязъ.

Темір (темір) — желѣзо.

Темір (темір)-гоіек — панцирь.

Темірден — желѣзный.

Темір-тахта — жестъ, листовое
желѣзо.

Темір (темір)-уста (темірчи) —
кузнецъ.

Тепси — обѣденный столъ, тра-
пеза.

Тер (тер) — потъ.

Терлемеѣ — потѣть.

Терлемеѣлік — потѣніе, испареніе.

Тіімеѣ (тіімеѣ) — трогать, касать-
ся, попадать, стоять; гоз-тіі-
меѣ — слезить, собст. подверг-
нуться влиянію дурного глаза.

Тіі (тыі) — язвы.

Тііб — смущать.

Тіілемеѣ (тыілемеѣ) — просить, умо-
лять.

Тіілеу (тыілеу) — просьба.

Тіілеу-бунан-геімеѣ (тыілеу-бунан-
геімеѣ) — обращаться съ прось-
бою.

Ті́мач—переводчикъ.
Ті́мачлык-етмеѣ—переводить.
Ті́лчѣк (ті́лчѣк)—доносъ.
Ті́нмак—перестать.
Ті́рмеѣ—волоть.
Тоі—пирь, свадьба.
Токташмак—прежратить.
Тон—шуба.
Топ—пушка.
Топрак—земля, почва.
Торба—сума.
Тошеѣ—тюфякъ.
Тошеѣ-шаршау—простыня.
Туб (туп)—дно, подошва горы, основаніе.
Тубунден (тубунден)—снизу.
Тугул—нѣтъ.
Туз—прямо, правильно, вѣрно.
Туз-аулак—долина.
Туз-етмеѣ—править, дѣлать правильно.
Тузлук—правильный, прямота, правильность.
Туімеѣ—подвязать.
Туѣак (туѣаѣ)—копыто.
Туѣе (ту)—верблюдь.
Тул—вдовець.
Тул-катжн—вдова.
Туман—туманъ, мгла.
Түнѣгүн—вчера.
Түнѣгүн-аѣшам—вчера вечеромъ.
Түнѣгүнгү—вчерашній.
Түнѣгүн-ертен—вчера утромъ.

Тупте—внизу.
Турлемеѣ (турлемеѣ)—измѣнять.
Турлемеѣлік (турленмеѣлік, турлемеѣлік)—перемѣна.
Турп—рѣпа.
Тутун—дымъ.
Тууган-жерж—родина.
Туумак—родиться, рожать, родить.
Туура—прямой, родной, ближайшій.
Туура-аѣасы—старшій братъ.
Тыге—жаланы-тылі.
Тыңгламак (тыңгламак)—услышать, послушать, слушать (ся).
Тыңглаулу (тыңглаулу)—послушный.

У.

Уак-цан—бувашка, насѣемое.
Уаѣ—ядъ.
Уаѣк—мелкій, мелочь.
Уаѣлу—ядовитый.
Уаѣк-туѣул—недавно.
Узак—долго.
Узакка—надолго.
Узак-коімак—замедлять.
Узаклык—долгій.
Узатмак—продолжать.
Узден—дворянинъ.
Узмеѣ—рвать, срывать.
Узукар-кардаш—двоюродный братъ.

- Узукар-кыз-кардаш — двоюродная сестра.
- Узуимей — прерывать.
- Узун — длинный.
- Узун-санжал — скамья.
- Узуну — длина.
- Узуп-алмак (јузуп-алмак) — вырывать.
- Уі — домъ, комната.
- Уі-етмей — строить, построить (домъ).
- Уілук — хозяйство, домашность.
- Уіренген — привыкший.
- Уіренмей (үіренмей) — выучивать, научиться, привывать, привыкнуть.
- Уіретмей — учить, научить.
- Уі-толе — пазбушка, землянка.
- Ујанмак — просыпаться.
- Ујатмак — будить, разбудить, пробуждать.
- Ујаду — семейство, домашніе.
- Улан — сынъ, молодець.
- Уланнин-кызы — внучка.
- Уланнин-улары — внуць.
- Уллу (улу) — великій, большой, крупный.
- Уллу-аја — братъ старшій.
- Уллу-залим — огромный.
- Уллу-кардашлары — предки, пра-родители.
- Уллулук — величіе.
- Уллу-тугул — небольшой.
- Ултан — подошва.
- Улуі — вой.
- Улумақ — выть.
- Улу-тавуш — громкій.
- Умут-етмей — надѣяться.
- Умут-суз — безнадежный.
- Ун — мука.
- Унутмақ — забывать.
- Урламақ — грабить (на дорогѣ).
- Урлук — сѣмя.
- Урмақ — бить, ударять, наказывать, наказаніе.
- Урмақ-тубек-бунап (тубей-урмақ) — застрѣлить, стрѣлять.
- Уру — воръ.
- Урунуп-гетмей — столкнуться.
- Урус (орус) — русскій.
- Уруу — ударъ.
- Уруш — драка, битва.
- Урушмақ — биться, выругать, ругаться, брань.
- Уста — мастеръ, ремесленникъ.
- Устальк — ремесло.
- Усту. (усты) — поверхность.
- Устунден — сверху.
- Устунне — наверху.
- Устуне-јапмақ — пофривать.
- Устуне-суу-токмей — обливать.
- Утмақ — выигрывать, выиграть.
- Утмаклык — выигрышь.
- Утѳо — острый.
- Ухламақ — спать.
- Учаѳан-куш — перелетная птица.

Учун—искра.
 Учју—булан—втроемъ.
 Учмак—летѣть, летать.
 Учү—конецъ.
 Учүз—дешевый.
 Учүз-болмак—подешевѣть.
 Учүз-олтура—стоять (дешево).
 Учун—для, ради.
 Ушатмак—подражать, нравиться.
 Ушатмаклык—подражаніе.
 Ушатмамаклык—не нравиться.
 Ушау—нравъ, привычка.
 Ушумек (юшумек) — забнуть, мерзнуть.

Х.

Хаба—кувшинъ.
 Хадира—блюдо.
 Хавна—сумма, вазна.
 Хаіеу—глухой.
 Хаіјуліі—глупость.
 Хајір—барышъ, процентъ.
 Хајір-сиз—безполезный.
 Хајірчи—барышникъ.
 Халча—коверь.
 Хаміс-гун—четвергъ.
 Хамутлар—турман.
 Ханшу—сосѣдъ.
 Ханшудай—сосѣдній.
 Харц (харж)—расходъ, издерж-
 ка, дань, подать.

Харцламак (варцламак)—рас-
 ходовать, истощать.
 Харманмак—загрѣбать.
 Хата—преступленіе.
 Хатарлы—преступникъ.
 Хашхаш (шахшах)—макъ.
 Хингал—лепешка, галушка.
 Ховзалмак—шевелить.
 Хонтурланмак—ворчать.
 Хораз—пѣтухъ.
 Хурма—финикъ.
 Хынжал—кинжалъ.

Х.

Хабар (хабар, запар)—слухъ,
 вѣсть, извѣстіе.
 Хабарсиз (запарсиз)—внезапно,
 случайно, неожиданно.
 Хале—народъ.
 Хамур—тѣсто.
 Хапмак—красть, воровать, ку-
 сать, искушать.
 Харіп—бѣдственный.
 Ханым—барыня, хозяйка.
 Харбус—арбузъ.
 Хасы—полка.
 Хатыр—снискожденіе.
 Хатыр-етмеъ—уважать, снизоу-
 ждательный.
 Хатырлы—уважительный, снизо-
 скодительный.
 Хау—болото.

Хаулук — болотистый.
Хорс — вражда.
Хуланганмеё — обижать.
Хум — песокъ (рѣчной).
Хума — ваза.
Хуржун — сумка переметная.
Хурт — червь, гусеница.
Хылы — множество.
Хыјал (хыјал) — мысль.
Хыјал-етмеё — воображать себѣ.

Ч.

Чабак — рыба.
Чабар — поль.
Чабкын (чапкын) — побѣгъ, на-
бѣгъ.
Чабмак (чапмак) — сказать, бѣ-
гать, бѣжать, побѣжать.
Чабтырмак — заставить сказать.
Чабыш — вскачь.
Чабыштырмак — устраивать скач-
ку.
Чаванлык — медлить.
Чавансу — медленно.
Чагууул — клевета.
Чагулмак — клеветать.
Чагаі — шакаль.
Чабыр — вино.
Чаивамак (чаикалмак) — шатать-
ся, шевелиться, перевали-
ваться.
Чаинамак — жевать, грызть.

Чак — погода.
Чакма — дуло, курокъ.
Чакрым — верста.
Чакта — во время, тогда.
Чакырмак (чакірмак) — звать, по-
звать, манить, поманить.
Чал — ограда; сѣдой.
Чалгчи — косарь.
Чалт — быстрый; скоро, часто,
быстро.
Чалтлык — быстрота.
Чалуу — лента.
Чалы — плетень.
Чан — цыль.
Чана — сани.
Чанчмак — колоть.
Чара — средство.
Чарлак — чердакъ.
Чарламак — шепетать, чиливать.
Чарлатмак — точить.
Чарс — туманъ.
Чартламак — треснуть.
Чарык — лапоть, чувякъ.
Чаталак — подпорка (ружья).
Чачлар — волосы.
Чачмак — сѣять, засѣвать.
Чачууул — посѣвъ.
Чеберій — искусство.
Чеке — висось.
Чеёмеё — вѣсить.
Чеёмеё (чокуймак) — клеветать.
Чертлеук — орѣхъ мелкій.
Четен — корзина.

Четим (четім)—препятствіе.
Четим-етмеі—перебить, перебивать.
Чечей—оспа (собст. цвѣтокъ).
Чечей-ачмак—цвѣсти.
Чечей-баілам—букець цвѣтовъ.
Чечейленмеі—отцвѣтать.
Чібуу—прыщъ.
Чібыш—растрата; вспыльчивый.
Чідамак—терпѣть, претерпѣвать.
Чідау—терпѣніе.
Чідаусуз—нетерпѣливый.
Чідаусузлук—нетерпѣніе.
Чіі—сырой (о мясѣ).
Чів—вонъ (собст. выходи)!
Чік—роса.
Чіі—попона.
Чііау—вапа.
Чііе—боконтъ.
Чіңгалдын—прежде всего.
Чірімей—гнить.
Чірмашмак—свернуться.
Чіта—морковь.
Чічхан—мышь.
Чіш—вилка (для ѣды).
Чогуч—молотокъ.
Чомарт—щедрый.
Чонбулдан—погруженный.
Чонбулмак—погружаться.
Чоп—жребій; навозъ.
Чопте-тугуі—бездѣлица, малость.
Чорт—прямо.
Чортан-балык—щука.

Чорх (чарх)—тѣло.
Чуак—непогода.
Чуі-јаулук—полотенце, утиральникъ.
Чуіресінден—наоборотъ.
Чула-деп—безъ пристра. пристра.
Чум—квизиль (ягода).
Чум-ағач—квизилое дерево.
Чмғармак—вынимать.
Чмғартып-атмак—выбросить.
Чмемак—выходить, выѣзжать.
Чмн—эполеты.
Чмнлы—чиновный (съ эполетами).
Чмрнклук—болотистый.

III.

Шағат (шаһат)—свидѣтель.
Шаіім—славный.
Шаітан—чортъ, дьяволъ.
Шаітанлы—сумасшедшій.
Шакы—чернила.
Шанжал—стулъ.
Шарт—обманъ, договоръ, условіе.
Шарт-етмеі—обманывать.
Шаршау—занавѣсъ, скатерть.
Шат—веселый.
Шатлык—веселость, веселіе.
Шатман—радъ я.
Шаула—лучъ, сильный свѣтъ.
Шағар—городъ.

Шей — сомнініе.

Шейсмз — несомнінно, непре-
мѣнно.

Шере — черная грязь (глина).

Шинпрі — цѣпь.

Шіш — вертель.

Шіша — стекло, бутылка.

Шішік — опухоль.

Шішмеі — опухать, распухать.

Шо (шу) — этотъ, вотъ.

Шонна — тамъ.

Шону-учун — поэтому.

Шо-сајалн — вслѣдствіе.

Шошве — шашва.

Шу-кунда-зат — одно и то же.

Шулаі — такъ, таковой.

Шулаілык-бунан — такимъ обра-
зомъ.

ЗАМѢТКА И ПОПРАВКА.

Къ отдѣлу II, стр. 59. Празднованіе въ Гуріи „Элюбы“ и названіе Ильи-пророка „Эли“ дало влючь въ объясненію восклицанія „еле!“, упомянутого въ кабардинскомъ сказаніи „Пшибадиново“ и оставшагося не объясненнымъ (Сборникъ мат. для опис. мѣст. и плем. Кавк., вып. XII, стр. 30 и 37 Кабардинскихъ текстовъ). Обстоятельства, при которыхъ было произнесено кабардинскими стариками это восклицаніе, заключаются въ слѣдующемъ: когда нартъ Химисъ (у осетинъ Хамисъ) окончилъ свою богатырскую пляску, то онъ съ такою силою соскочилъ на полъ, что сидящіе на дворѣ старики вообразили, что это ударила молнія, и стали пѣть „еле!“. Современные кабардинцы, по словамъ вн. К. Атажукина, не понимаютъ уже значенія этого восклицанія, которое, можетъ-быть, входило въ составъ христіанской молитвы, обращенной, какъ и у гурійцевъ, къ св. Ильѣ, „предводителю облаковъ“.

Къ отдѣлу III, стр. 34, въ примѣчаніи, вм. герунди-ва, читай: герундія.

Л. Л.